

О П

ПАНТЕОНЪ

ЖУРНАЛЪ

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

Одобрено Комит.

ИЗДАТЕЛЬ НОВОТРЕТЪ

Въ Санктпетербургѣ въ типографіи В. Смольскаго, на Невскомъ проспектѣ, въ домѣ № 12, 1852.

ТОМЪ IV.

ІЮЛЬ — КНИЖКА СЕДЬМАЯ.

1852.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ САНКТПЕТЕРБУРГСКАЯ

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѣ
ВЪ ТИПОГРАФІИ
ВЛАДИМИРА А. В. ДУМАЧАРСКАГО

4904.

ПАМЯТКА

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,
съ тѣмъ чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Ко-
митетъ узаконенное число экземпляровъ. Юля 28-го 1852.

Ценсоръ *Н. Нейкеръ.*

ТИПОГРАФІЯ ЭДУАРДА ВЕЙМАРА.

Оглавление четвертого тома.

Книжка седьмая, июль.

I. Изящная словесность.

Утренний визит. Провинциальные сцены Н. Крестовского. (С. 3-24).

Легкомыслие молодого человека. Деревенские сцены В. Р. Зотова. (С. 1-24).

Фаустина. Повесть Шарля Ребо. (С. 1-76).

II. История и теория искусства.

Французская живопись во время Людовика XVI, республики и империи. Статья Арсена Гуссе. (С. 1-28).

Письмо о музыке к. А. Д. Улыбышеву, по случаю толков о Моцарте и Бетховене. (Письмо второе). А. Серова. (С. 29-52).

III. Провинциальные театры в России.

Театр в Воронеже. Его история и современное состояние. Валентина Средина. (С. 1-23).

Театр в Херсоне. В. Нежвецкого. (С. 24-28).

IV. Обзорение иностранных театров.

Письмо из Парижа от 1-го июля.

Тропическая жара. – Собаки и водобоязнь. – Смерть скульптора Прадье. – Ориенталист Бюрнуф. – Вступление Альфреда Мюссе во Французскую Академию. – Замужество Фанни Эльслер. – Госпожа Рашель. – Г-жа Дешан, актриса для московской сцены. – Замужество г-жи Саки. – Пантера Ипплрома. – Г. Понсар и его новая классическая трагедия. – Договор с Англией о литературной собственности. Ап. Бонавантуры. (С. 1-8).

Письмо из Лондона 23/11 июня.

Иоанна Вагнер. – Несколько слов о лондонских театрах. – Театр Королевы, Балет, Гей-Маркетский театр. Принцес-Театр Lucem. – Концерты. – Русский певец Федор. – Вести из Америки. – Женни Линд. – Гольдемит. (С. 9-12).

V. Смесь.

Быт современного Востока. Китайская гражданственность. Статья И. Македонского. (С. 1-19).

Дуэль. Из записок английского офицера. (С. 20-27).

Свадебные обряды у персов. (С. 28-36).

Эрнест Раупах. (С. 36-37).

Обида и месть. Сцены из военной жизни Марко де-Сент-Илера. (С. 38-72).

Разные разности.

Фотография, стереоскопия и живопись. (С. 73-74).

Виктор Гюго. (С. 74).

Мехиканские ходячие монеты. (С. 74).

VI. Петербургский вестник.

Влияние лета на литературу и журналистику. – Отдых Вестника и путешествие. – Фельетоны коммерческие, литературные, общественные. – Фельетоны провинциальные. – Г. А. З. и его фельетоны. – Описание провинциального бала. – Проза и стихи в провинции. – Июньская и июльская книги Отечественных записок. – Конец проселочным дорогам. – Справедливо ли мнение о том, что летом читают меньше, чем зимой? – «Поэт», г. Михайлова и «Лола Монтез» г. Бабушкина. – История испанской литературы, написанная не по-русски. – Разборы книг. – Филарет Шаль. – Статья господина Кттррр, о Лондонской выставке, не последняя, хотя и седьмая, и статья о шхерах, пятая, за то последняя. – Разбор «Куликовской битвы» г. Дамке. – Каролинги в Италии. – Небрежность и изысканность слова. – Критика. – Описание театрального увеселения в царствование Елизаветы Петровны. – Несколько слов кстати. (С. 1-13).

Общественная жизнь. (С. 14-16).

Моды. (С. 27-28).

VI. Репетруар русской сцены. № 7.

Комедия в окне и на балконе. В одном действии, сочинение Арсена Гуссе; перевод В. Р. Зотова. (С. 1-48).

Никогда не должно говорить – Никогда! Пословица в одном действии А. Н. Николаева. (С. 1-20).

Содержание III тома.

ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

I.

УТРЕННІЙ ВИЗИТЪ,

(ПРОВИНЦІАЛЬНЫЯ СЦЕНЫ.)

Гостинная, убранная очень просто, хотя изящно; мебель сдвинута уютно, безъ симметріи; множество цвѣтовъ на окнахъ и въ жардиньеркахъ; на стѣнахъ нѣсколько прекрасныхъ картинъ. На столѣ, предъ маленькимъ диваномъ, въ глубинѣ комнаты, женская работа, — корзинка съ шерстями, узоръ, и прочее. На другомъ столѣ, у окна, рисованье ВѢры.

ВѢРА, (дѣвушка лѣтъ двадцати пяти, одѣта просто, но со вкусомъ; она рисуетъ, не поднимая головы и задумавшись).

I.

АННА АЛЕКСѢВНА (*мать ея, входитъ*). Что-жъ, Вѣрочка, ты не одѣнешься?

ВѢРА. Нѣтъ, мамѣ.

АННА АЛЕКСѢВНА. Но кто-нибудь можетъ заѣхать.

ВѢРА (*весело*). Развѣ ты находишь, что я не довольно хороша и такъ?

АННА АЛЕКСѢВНА. Ты всегда хороша, мое дитя, но зачѣмъ-же,

помилуй, одѣваться такой старухой? Темное платье, закутана. Прилично-ли молодой дѣвушкѣ....

ВѢРА. Ты забыла, что я не молодая дѣвушка.

АННА АЛЕКСѢВНА. Такъ тѣмъ больше. Развѣ можно понравиться кому-нибудь, когда такъ, съ разу, даже своимъ нарядомъ, ты показываешь, что не хочешь нравиться? Этимъ можно оттолкнуть только. *(Садится за свою работу).*

ВѢРА *(помолчавъ, встаетъ и подходитъ къ ней).* Знаешь, мамâ....

АННА АЛЕКСѢВНА *(немного недовольна).* Что?

ВѢРА. Пожалуйста, не думай, что это капризъ; я это обдумала. Ты сейчасъ говоришь, что я отталкиваю моимъ обращеніемъ....

АННА АЛЕКСѢВНА. Конечно, я это говорю. Ты или молчишь, или разговариваешь серьезно, ни шутки, ни игривости.... да я даже не умѣю объяснить! Пожалуйста, не сердись, Вѣрочка, но я тебѣ скажу откровенно, что будь я молодой человѣкъ, мнѣ съ тобой было-бы скучно.... Пожалуйста, не сердись.

ВѢРА. Сердиться!...

АННА АЛЕКСѢВНА. Положимъ, ты всегда была не большая охотница до выѣздовъ, до удовольствій, но теперь я ужъ и не знаю, что съ тобой сдѣлалось, или — что ты съ собой дѣлаешь. Цѣлый день ты за своей работой, или за своимъ рисованьемъ.... Положимъ, ты въ-самомъ-дѣлѣ рисуешь прекрасно, у тебя талантъ,—но вѣдь на все мѣра; вѣдь можно когда-нибудь и оторваться отъ своего рисунка. А то нѣтъ. Молодые люди пріѣдутъ, — не отцу-же, или мнѣ ихъ занимать; ты не встаешь съ своего мѣста, не обращаешь вниманія.... Видятъ, что ты хороша, знаютъ, что ты умна и любезна, отъ тебя ждутъ любезности, тебя хотятъ слушать, — и все это кончается односложнымъ, пустымъ какимъ-нибудь разговоромъ! Помилуй, такъ ты никогда не понравишься.

ВѢРА. О милая мамâ, значить я не могу нравиться!

АННА АЛЕКСѢВНА. Вотъ идея! сдѣлать вообразить, конечно, такъ и будетъ, такъ и есть....

ВѢРА. И всегда такъ было. Ты сама говоришь, что прежде я была мила и любезна,—и вѣроятно, я была лучше нежели теперь...

АННА АЛЕКСѢВНА. Полно, сдѣлай милость, посмотри на себя! Вся закутана въ черное....

ВѢРА *(улыбаясь).* Ты не хочешь замѣтить моего кокетства: ко мнѣ идетъ черное.

АННА АЛЕКСѢВНА *(съ досадою).* Очень!

ВѢРА. Что-жъ дѣлать, я не могу выгнать изъ головы мысль, что я буду смѣшна въ розовомъ.

АННА АЛЕКСѢВНА. Смѣшна? Кому? Я думаю, если замѣчаютъ твой нарядъ, то скорѣе смѣются надъ этимъ.

ВѢРА. Я боюсь, что мнѣ самой будетъ смѣшно.

АННА АЛЕКСѢВНА. Вотъ этого я никакъ не понимаю!

ВѢРА. Я очень хорошо помню свои лѣта. Я не имѣю глупости тосковать о томъ, что Богъ далъ мнѣ пожить на свѣтѣ, но очень чувствую, что идетъ къ моимъ годамъ, что нѣтъ.

АННА АЛЕКСѢВНА. Сколько старше тебя Сашенька Короновская? Она была у насъ вчера вся въ розовыхъ лентахъ.

ВѢРА. *Vieille fille fait jeune femme*; Сашенька вышла за-мужъ на прошлой недѣлѣ.

АННА АЛЕКСѢВНА. А почему-же ты не за-мужемъ?

ВѢРА (*помолчавъ*). Не знаю.

АННА АЛЕКСѢВНА. Вовсе не потому, что у тебя нѣтъ состоянія, а потому-что ты не умѣешь нравиться.... или, пожалуй, не хочешь,— а это еще хуже. Это доказываетъ холодность, гордость сердца, которая угадывается съ-разу, и спроси кого хочешь, если не вѣришь мнѣ, — только въ романахъ добиваются любви неприступныхъ красавицъ, а на-самомъ-дѣлѣ ихъ оставляютъ въ покоѣ съ ихъ гордостью. То-же случится и съ тобою.... Ты согласна? Не сердись, пожалуйста.

ВѢРА (*рисуя*). Нисколько, увѣряю тебя. Можетъ быть, ты и права.

АННА АЛЕКСѢВНА. Можетъ быть! Никогда не скажетъ прямо — да.

ВѢРА. Мудрено сказать это, мамѣ. Если это такъ въ-самомъ-дѣлѣ, то, стало быть, я родилась такъ. Можетъ быть, я скучна тѣмъ, что не игрива и не кокетлива, но мнѣ самой еще скучнѣе. Не знаю, чего-бы я не дала, чтобы заниматься тѣмъ, что занимаетъ другихъ, но не могу. Когда я была моложе, меня еще веселили наряды, танцы; теперь, право, я счастлива только тогда, когда, вотъ такъ, могу сидѣть покойно и дѣлать свое дѣло. Посторонній, что называется, модный разговоръ — мнѣ въ тягость.

АННА АЛЕКСѢВНА. Хорошо; но вѣдь это должно-же чѣмъ-нибудь кончиться.

ВѢРА. Да это кончилось. Мы останемся вѣчно такъ, — ты за своей работой, я за своей. Съ тобой мнѣ легко и весело.

АННА АЛЕКСѢВНА. Пріятная перспектива!

ВѢРА (*взглядываетъ на нее, и продолжаетъ, будто не слышавъ ея словъ*). Я не въ состояннн, какъ другія, до послѣдней возможности держаться за свою молодость, надѣяться до послѣдней край-

ности, стараться до послѣднихъ силъ.... Я не могу дѣлать того, что нахожу смѣшнымъ въ другихъ... Обвиняй себя, мамѣ; ты сама дала мнѣ это прямое понятіе.

АННА АЛЕКСѢВНА. Извини, мнѣ никогда въ голову не входили подобныя нелѣпости.

ВѢРА. Наконецъ, — неправда-ли, ты хочешь, чтобъ я была счастлива? Я выбрала себѣ положеніе и счастлива въ немъ; для чего же мнѣ хлопотать, чтобъ перемѣнить его? И хлопотать напрасно, потому-что много лѣтъ выѣздовъ, нарядовъ, ни къ чему не послужили. Теперь ужъ поздно!... *(Нѣсколько минутъ молчанія. ВѢра встаетъ и ходитъ по комнатѣ, потомъ съ нѣжностью обращается къ матери).* Я пожила на свѣтѣ, мамѣ,—довольно! Благодарю тебя, что ты меня веселила и утѣшалась мною. Теперь мнѣ не нужно ничего больше, и всякая забота будетъ напрасна: на меня не взглянетъ никто, а если бы и взглянулъ... не знаю, мнѣ кажется, я сама-бы отвернулась!...

II.

АЛЕКСАНДРЪ СЕРГѢИЧЪ *(отецъ ВѢры, красивый старикъ, съ благороднымъ и добрымъ лицомъ. Войдя, онъ цѣлуетъ жену, ВѢра подходитъ къ нему).* Здравствуйте. Я думалъ, что васъ нѣтъ дома, погода хороша.

АННА АЛЕКСѢВНА. Что ты сегодня такъ рано воротился изъ должности?

АЛЕКСАНДРЪ СЕРГѢИЧЪ. Дѣлать нечего.... Да! къ вамъ будетъ гость.... Покажи, что ты тутъ дѣлаешь, ВѢра. *(Беретъ ея рисунокъ).* О, славно.... постой, постой.... нѣтъ, такъ; я думалъ что такое, а это тѣнь, — славно.... Къ вамъ гость будетъ; да знаете ли кто?... Не дѣлай слишкомъ ярко, ВѢра.... Газеты есть съ почты?

ВѢРА. Вотъ онѣ.

АЛЕКСАНДРЪ СЕРГѢИЧЪ. Что хорошаго?

ВѢРА. Я не смотрѣла

АЛЕКСАНДРЪ СЕРГѢИЧЪ. Э, душа моя, какъ-же такъ? *(Беретъ газету и садится на ея мѣсто).* Ты охладѣваешь къ общественнымъ интересамъ.... А вотъ видишь, вотъ есть и любопытное.... и очень! *(Весь погружается въ свою газету. ВѢра тихонько беретъ свой рисунокъ, и садится на другой сторонѣ стола, передвигая краски и прочее).*

АННА АЛЕКСОВНА. Полно тебѣ съ твоей политикой; скажи лучше что-нибудь. Кто хотѣлъ у насъ быть?

АЛЕКСАНДРЪ СЕРГѢИЧЪ (*читая*). Что?

АННА АЛЕКСОВНА. Какой гость къ намъ будетъ?

АЛЕКСАНДРЪ СЕРГѢИЧЪ. Никакъ не угадаешь, — Зуратовъ. (*Въра оглядывается*).

АННА АЛЕКСОВНА. Петръ Иванычъ?

АЛЕКСАНДРЪ СЕРГѢИЧЪ. Да, изъ Петербурга. Сейчасъ его встрѣтилъ; хлопочеть въ Приказѣ. Ничего не постарѣлъ; молодцомъ; подчерненъ, какъ прежде. Увидѣлъ меня, — «Mon Dieu!» французить по-прежнему.... (*Заглядываетъ въ газету*). Однако, въ Лионѣ опять что-то... прочти, Вѣра.

АННА АЛЕКСОВНА. Какъ вы съ нимъ встрѣтились?

АЛЕКСАНДРЪ СЕРГѢИЧЪ (*разспянно*). Помилуй, что-же? мы никогда не были ни друзьями, ни врагами, а просто, сосѣди по деревнямъ. Ему повезло; я продалъ послѣднюю, а онъ накупилъ другихъ и мою въ томъ числѣ... Успѣлъ ужъ мнѣ рассказать, что насадилъ аллею отъ нашей бывшей усадьбы до своей, — знаешь, чрезъ весь выгонъ; башни разныя строить... У него теперь тысяча душъ, если не лжетъ.

АННА АЛЕКСОВНА. Что вы «лжетъ».

АЛЕКСАНДРЪ СЕРГѢИЧЪ. Кажется, онъ этой привычки не оставилъ. (*Беретъ газету*).

АННА АЛЕКСОВНА. Однако, теперь у него славное состояніе.

АЛЕКСАНДРЪ СЕРГѢИЧЪ. Семья велика, человекъ десять.

АННА АЛЕКСОВНА. Но, все-же... Вспомнилъ онъ насъ?

АЛЕКСАНДРЪ СЕРГѢИЧЪ. Какъ-же. Compliments такіе... «Что ваша супруга, помнитъ-ли, какъ мы съ ней разводили гераніи...» Онъ думаетъ, что скоро здѣсь отдѣляется, мѣняетъ билетъ какой-то и хочетъ кончить все сегодня; я ему сказалъ, что придется пожить денька три. Много важничаетъ. Я ему сказалъ...

АННА АЛЕКСОВНА. Что ты, помилуй!

АЛЕКСАНДРЪ СЕРГѢИЧЪ. А что-же мнѣ? Я сказалъ, что всякому время дорого, что кромѣ его дѣла, есть и другія; успѣютъ кончить въ присутствіе—хорошо, а нѣтъ—для него не въ очередь не станутъ работать... право!

АННА АЛЕКСОВНА (*качаетъ головою; послѣ минутнаго молчанія*). Есть съ нимъ кто-нибудь изъ дѣтей?

АЛЕКСАНДРЪ СЕРГѢИЧЪ. Не знаю, не спросилъ. Да кому-же быть? Одни учатся, другіе, я думаю, ужъ на службѣ.

АННА АЛЕКСОВНА. Я думала, старшій сынъ.

АЛЕКСАНДРЪ СЕРГѢИЧЪ. Старшій давно служить (*читаетъ*).

АННА АЛЕКСѢВНА. Какой онъ милый былъ, этотъ Ванюшка. Помнишь его, Вѣра?

ВѢРА (*рисуя*). Помню.

АННА АЛЕКСѢВНА. Въ немъ было что-то такое кроткое, задумчивое. На мать онъ похожъ.

АЛЕКСАНДРЪ СЕРГѢИЧЪ (*разсмѣявшись, оставляетъ газету*). Ахъ, душа моя, вотъ похвалила! Мать прекрасная, а молодой Зуратовъ тѣмъ и хорошъ, что нисколько не похожъ ни на отца, ни на мать; дѣльный малый, откровенный и благородный, если не свернулся. Вѣдь онъ цѣ-
 лья десять лѣтъ, какъ ужъ на своей дорогѣ.

АННА АЛЕКСѢВНА. Десять! что ты? Онъ послѣдній разъ прїѣзжалъ въ Сотино на вакацію, былъ тогда на выпускѣ, стихи Вѣрочкѣ писалъ...

АЛЕКСАНДРЪ СЕРГѢИЧЪ. Такъ что-же? сколько-же лѣтъ Вѣрѣ?

ВѢРА (*рисуя*). Двадцать шесть.

АННА АЛЕКСѢВНА. Все равно; мы-же его видѣли потомъ. Да не дальше, какъ два года назадъ, когда я съ Вѣрочкой жила зиму въ Москвѣ, онъ всякій день бывалъ у насъ. Я думаю, Вѣрочка это очень помнить. (*Молчаніе. Александръ Сергѣичъ прочитываетъ оба ну-
 мера газеты*).

АЛЕКСАНДРЪ СЕРГѢИЧЪ. Ничего нѣтъ больше?

ВѢРА. Ничего.

АЛЕКСАНДРЪ СЕРГѢИЧЪ. Ни журналовъ, ни писемъ?

ВѢРА. Ни журналовъ, ни писемъ.

АЛЕКСАНДРЪ СЕРГѢИЧЪ. Жаль... А впрочемъ, прекрасно; можно ничего не дѣлать. Вотъ такъ... (*обходитъ окна и жардиньерки*). А розы собираются еще цвѣсть... Когда-бы я имѣлъ возможность вотъ такъ прогуливаться по необозримымъ цвѣтникамъ, чтобъ кругомъ меня шумѣли фонтаны, соловьи пѣли, ласточки кружились, виноградъ висѣлъ прямо надъ головой... тогда-бы я и газетъ не сталъ открывать, подписку даю! Тамъ спорять, въ другомъ мѣстѣ дерутся,—не шутя, все сердце измучаютъ... И ничего-бы не дѣлалъ, и не заглянулъ-бы въ свою Палату!... Такъ-ли, Вѣрочка? (*обнимаетъ ее и наклоняется къ ея работѣ*). Что ты задумалась?... Славная вещь выходитъ у тебя эта картинка; руки тебѣ далъ Богъ золотыя.

АННА АЛЕКСѢВНА. Да, Зуратовъ былъ милый, прекрасный молодой человѣкъ; теперъ, можетъ быть, ужъ и женился.

АЛЕКСАНДРЪ СЕРГѢИЧЪ. Вотъ этотъ отблескъ, Вѣра, чуть-чуть по-
 розовѣе... такъ.

АННА АЛЕКСѢВНА. Что, дочь Зуратова, я думаю, ужь большая дѣвушка?

АЛЕКСАНДРЪ СЕРГѢИЧЪ. Конечно.

АННА АЛЕКСѢВНА. Хорошенькая она была, я помню, ловкая. Какъ она танцевала!

АЛЕКСАНДРЪ СЕРГѢИЧЪ. У тебя добрейшее сердце, другъ мой.

АННА АЛЕКСѢВНА. Знаешь, это наконецъ досадно; по тебѣ нѣтъ ничего хорошаго. Катенькой Зуратовой здѣсь все любовались.

АЛЕКСАНДРЪ СЕРГѢИЧЪ. Кто-жъ это «все»? Вы, барыни, любуетесь, когда дѣвочку едва не отъ пеленокъ заставляють ломаться, плясать качучу, а всякій благоразумный человекъ только смѣется. Нѣжнѣйшіе родители умиляются; Марья Григорьевна сидитъ, руки на груди, въ головѣ у ней колыхаются семь перьевъ цвѣтовъ радуги; Петръ Ивановичъ бѣгаетъ и всемъ рекомендуетъ посмотрѣть на его дочь...

АННА АЛЕКСѢВНА. Ты, кажется, хочешь осмѣять и чувство отца и матери.

АЛЕКСАНДРЪ СЕРГѢИЧЪ. Да помилуй, другъ мой, что-же это за чувство? Развѣ я самъ не отецъ? Чѣмъ и когда наша Вѣра была хуже Зуратовой, по я-бы никогда себѣ не позволилъ такъ глупо выставить ее на показъ.

АННА АЛЕКСѢВНА. Вѣра!.. Я всегда была безпристрастна и къ своему и къ чужому... Зуратова прелесть, какъ хороша.

АЛЕКСАНДРЪ СЕРГѢИЧЪ (*немного обиженъ*). Ну, у тебя свой вкусъ и свои понятія о вещахъ. (*Молчаніе*). Ты спроси, что выиграла Зуратова тѣмъ, что отецъ и мать ее наряжали, выказывали и толковали о ней, какъ о чудѣ?

АННА АЛЕКСѢВНА. Я не знаю, что выиграла Вѣра, прячась въ свой уголъ.

АЛЕКСАНДРЪ СЕРГѢИЧЪ. Очень много: надъ ней не смѣются.

АННА АЛЕКСѢВНА. Найдутъ чему, если захотять.

АЛЕКСАНДРЪ СЕРГѢИЧЪ. Да найти все можно; пожалуй, но дѣло въ томъ, кто найдетъ? Стоитъ-ли дорожить такимъ мнѣніемъ?..

АННА АЛЕКСѢВНА. Такъ, по-твоему, цѣлый свѣтъ ничего не понимаетъ, потому-что все были въ восхищеніи отъ Катеньки Зуратовой. И посмотри, она теперь выѣзжаетъ, составитъ прекрасную партію...

АЛЕКСАНДРЪ СЕРГѢИЧЪ. У этихъ барынь, съ чего ни начни, все кончатъ замужествомъ! Ну, она составитъ партію, дай Богъ ей, она, можетъ быть, въ душѣ добрая дѣвушка, но что-же изъ этого? Развѣ не-премѣнно выходятъ за-мужъ хорошія, а остаются не за-мужемъ дурныя?

АННА АЛЕКСѢВНА. Не знаю, но увѣрена, что Перть Иванычъ ее устроитъ.

АЛЕКСАНДРЪ СЕРГѢИЧЪ. Очень возможно, у него есть состояніе; или обманетъ кого-нибудь, наобѣщаетъ золотыя горы... Вѣдь это не всякій можетъ сдѣлать. (*Молчаніе*).

АННА АЛЕКСѢВНА. Какъ, я думаю, имъ весело теперь въ Петербургѣ; семья большая.

АЛЕКСАНДРЪ СЕРГѢИЧЪ (*прохаживается около цвѣтовъ и часто заглядываетъ въ работы Впры*). Конечно, въ Петербургѣ весело тому, кто можетъ всемъ пользоваться, а если нѣтъ, то, не знаю какъ другимъ,—а мнѣ было-бы скучнѣе. «Не видишь, не бредишь», поговорка справедлива.

АННА АЛЕКСѢВНА. Но все-же,

АЛЕКСАНДРЪ СЕРГѢИЧЪ. Здѣсь, на-примѣръ, я не имѣю возможности слушать оперу, но и тотъ, и другой то-же не имѣютъ возможности, потому-что оперы здѣсь нѣтъ, и все, волей-неволей, сидятъ дома. А тамъ, помилуй, изсохнешь отъ зависти... Такъ ли, Вѣра?

ВѢРА (*смѣясь*). Вы шутите, папа; развѣ вамъ легче, когда и у вашего ближняго нѣтъ того, чего у васъ нѣтъ?

АЛЕКСАНДРЪ СЕРГѢИЧЪ. А что ты думаешь, — легче. Такова ужъ человѣческая натура. Не видишь у другаго, самъ не желаешь и покоенъ, или, по-крайней-мѣрѣ, нѣтъ этихъ порывовъ. А у меня вѣдь глухой характеръ. Вотъ, ты теперь рисуешь пейзажъ; ты думаешь, куда у меня уходитъ мысль? Я воображаю, какъ тебѣ тяжело, что ты никогда не видѣла и не увидишь ни природы, ни мѣстности лучше нашей, какъ ты стремишься, терзаешься... Я хорошо тебя знаю, твои понятія и склонности: ты-бы сейчасъ полетѣла... Ну, а мнѣ тяжело; я не могу тебѣ этого доставить.

ВѢРА (*слушала его не работая, но потупивъ глаза въ рисунокъ; она оборачивается къ отцу и отвѣчаетъ весело*). Будьте покойны, папа, я, право, ничего не хочу.

АННА АЛЕКСѢВНА. Да и было-бы очень странно желать и терзаться, какъ ты говоришь... Что за романическія выходки? Если-бы она, въ ея лѣта и зная свое положеніе, вздумала мечтать о вояжахъ, помилуй, да это, просто, была-бы бѣда. Что за прихоть.

АЛЕКСАНДРЪ СЕРГѢИЧЪ. Развѣ я о прихотяхъ говорю?

ВѢРА. Я знаю, о чемъ вы говорите, папа. Та-же прихоть, только прихоть души... Но во мнѣ нѣтъ и ея; я покойна и довольна тѣмъ, что кругомъ меня.

АЛЕКСАНДРЪ СЕРГѢИЧЪ. Хорошо, если такъ. Ты благоразумна, или

такъ создана, что нѣтъ въ тебѣ этихъ стремленій; но спроси другихъ. Не то чтобы, какъ ваши модныя барыни, закапризничаютъ, и тотчасъ нужна переменна воздуха, а просто, томить сердце, душа тоскуетъ, глаза хотятъ изящнаго. Присмотрится наше житье-бытье, прислушаются наши шлетни; особенно, когда у кого, какъ у тебя, голова не набита балами...

(Вѣра наклонилась надъ рисункомъ, но не работаетъ; она задумалась такъ, что слушаетъ, не слыша. Анна Алексѣвна спокойно вышиваетъ и смѣется).

АННА АЛЕКСѢВНА. Мечтанія, другъ мой!

АЛЕКСАНДРЪ СЕРГѢИЧЪ. А что-же развиваетъ эти мечтанія? Вотъ такія книги! (показываетъ на книгу, лежащую на столѣ передъ Вѣрой). Я уже вовсе не мечтатель, старикъ, а прочелъ — и всю ночь спилась Альямбра! Это самыя опасныя книги, путешествія; я-бы ихъ строжайше запретилъ; онѣ хуже вашихъ романовъ.

АННА АЛЕКСѢВНА (смѣется). Ну, ужъ позволъ не согласиться!

АЛЕКСАНДРЪ СЕРГѢИЧЪ. Подумай, такъ согласишься. Вы боитесь, что дѣвушка прочтетъ романъ и кончено, — воображеніе у нея возмутилось, сердце разстроено. Пройдетъ! все вылетитъ изъ головы, а *это* — такого рода впечатлѣніе, которое остается на вѣкъ. Тамъ, она знаетъ, что читаетъ выдумки, и не встрѣтитъ въ жизни ничего подобнаго; а тутъ — все истина, всѣ эти наслажденія существуютъ, достаются другимъ... Вотъ и мученіе.

АННА АЛЕКСѢВНА. Но вѣдь надо родиться съ такой восторженной головой.

АЛЕКСАНДРЪ СЕРГѢИЧЪ. Не однѣ восторженныя, самыя положительныя — и тѣ увлекаются. Потому я и говорю, что эти книги опасны; вотъ гдѣ зло: указываютъ человѣку, къ чему должно стремиться — танталово мученіе! На что мнѣ это знать? Я счастливъ, когда ничего не знаю, не волнуй меня...

ВѢРА (взглядываетъ на него улыбаясь). Такъ вся бѣда отъ книгъ папа?

АЛЕКСАНДРЪ СЕРГѢИЧЪ. Да, отъ книгъ, отъ вашихъ хорошихъ книгъ. Что мнѣ въ томъ, что онѣ развиваютъ мои понятія, гдѣ благо отъ этого? Или я замечтаюсь, захочу Богъ знаетъ чего, стану завидовать ближнему; или онѣ представляютъ мнѣ такую истинную картину человѣческихъ страданій, что измучатъ меня, изтерзаютъ... Страдалицевъ заставятъ глубже понять свое положеніе; пнымъ даже растолкуютъ то, чего-бы они, можетъ быть, въ вѣкъ не поняли, — а средствъ для счастья не укажутъ... Что-же тутъ хорошаго?

ВЪРА. Что-же хорошаго не понимать и не знать? И развѣ это возможно? Книги только называютъ положеніе, а люди видятъ его и безъ книгъ.

АЛЕКСАНДРЪ СЕРГѢИЧЪ. Тѣмъ лучше, значить, онѣ ни къ чему! Если я самъ знаю, для чего-же мнѣ растолковывать! Дайте мнѣ лучше забыться. И такъ жизнь тяжела, а еще разбирать ее каждую минуту, даже въ выдумкахъ не находить утѣшенія!... Я старъ и сѣдъ, а мнѣ стануть каждую минуту показывать зеркало, весело-ли это? Я плачу, терзаюсь, взялъ книгу,—и тамъ тѣ-же слезы и страданія! Это меня заставитъ или роптать на судьбу, или ненавидѣть людей, которые ничего не хотятъ сдѣлать для счастья подобнаго имъ человѣка...

ВЪРА. Не хотятъ или не могутъ...

АЛЕКСАНДРЪ СЕРГѢИЧЪ. Все равно! А не могутъ, такъ тѣмъ хуже, почему не могутъ?..

АННА АЛЕКСѢВНА. Полно вамъ философствовать; пріѣхалъ кто-то.

АЛЕКСАНДРЪ СЕРГѢИЧЪ (*взглянувъ въ окно*). Зуратовъ! (*идетъ встрѣчать его*).

III.

ПЕТРЪ ИВАНЫЧЪ ЗУРАТОВЪ, (старикъ съ подчеркнутыми волосами, немного худъ, держится «молодцомъ», говоритъ громко, развязно и съ жестами; одѣтъ небрежно, какъ люди, которые не высоко считаютъ общество, въ которомъ являются, но съ прикрасами, какъ человѣкъ, чувствующій свое достоинство: въ петлицѣ сюртука крестикъ, на рукѣ толстый перстень съ печатью, у часовъ огромная цѣпочка и брелоки.)

АЛЕКСАНДРЪ СЕРГѢИЧЪ. Милости просимъ, Петръ Иванычъ, узнаете-ли? Жена, дочь...

АННА АЛЕКСѢВНА. Вы-ли это, мой добрый Петръ Иванычъ? сколько лѣтъ...

ЗУРАТОВЪ. Анна Алексѣвна! Боже мой! (*цѣлуетъ ея руку*). Да какъ-же вы перемѣнились!

АННА АЛЕКСѢВНА. Я думаю!

ЗУРАТОВЪ. Не узналъ-бы, право, не узналъ. Каково это! Notre bon vieux temps... А это... (*съ недоумльнiемъ взглядываетъ на Вѣру*).

АННА АЛЕКСѢВНА. Вы не узнали Вѣрочки?

ЗУРАТОВЪ. Mademoiselle Verette! Боже мой!.. Но, вѣдь это не удивительно, вѣдь я видѣлъ ихъ еще вотъ такими, малюткой, il y a dix ans. И притомъ, я не ждалъ встрѣтить: намъ сказали, что M-lle Verette за-мужемъ ... не помню, кто говорилъ...

АННА АЛЕКСѢВНА. И, нѣтъ еще...

ЗУРАТОВЪ. Да, я вижу ... Впрочемъ, съ такой красотой ... on ne manque pas d'adorateurs. .

АЛЕКСАНДРЪ СЕРГѢИЧЪ. Присядьте, Петръ Иванычъ; расскажите, что, какъ ...

ЗУРАТОВЪ (*садится*). Да что, mon cher, ваши присутственные мѣста меня замучили; я послѣ того, какъ съ тобой встрѣтился, цѣлый часъ тамъ толковалъ.

АЛЕКСАНДРЪ СЕРГѢИЧЪ. Я вамъ говорилъ...

АННА АЛЕКСѢВНА. Что ваша Марья Григорьевна, какъ ея здоровье?

ЗУРАТОВЪ. Она и не знаетъ, что я здѣсь; я здѣсь совершенно неожиданно: ѣхалъ въ деревню, (*въ вашу!*), а тутъ дѣла ... Благодарю васъ, она здорова — только ужъ знаете, свѣтъ, выѣзды, — нѣтъ, не то, что молодость!

АННА АЛЕКСѢВНА. А помните, какъ мы танцевали, — балы у Рельковского?

ЗУРАТОВЪ. Оригинальные!... да, умеръ онъ, старикъ; пора ... Нѣтъ, моя Марья Григорьевна утомляется. Помилуйте, до четырехъ, до пяти часовъ на балахъ съ Catherine, визиты, свои вечера, и такъ всякій день. Я имъ говорю только: не безпокойте меня, дѣлайте, какъ хотите ... Устанешь, mon cher, работа, занятія то-же до поздней ночи, дѣятельная жизнь!

АЛЕКСАНДРЪ СЕРГѢИЧЪ. Не то, какъ бывало въ Сотинѣ, ужинаемъ за-свѣтло подъ липами.

ЗУРАТОВЪ. Э, qu'est ce que c'est!... Я еще сплю утромъ, а ужъ меня ждуть люди, агенты мои, — работаешь съ ними; тамъ ѣдешь, рыскаешь по дѣламъ ... подряды ... Des sommes immenses, mon cher! это все чрезъ руки проходить. Ну, и свои заботы, домъ; чтобъ это было все порядочно, мебель, люди. Вѣдь у меня приѣздъ большой, нельзя же! дочь невѣста, это замѣчаютъ, и въ особенности, такая замѣчательная дѣвушка!.. Elle est charmante, mais chà-argante! Въ собраніи — это кружки ... талія превосходна! des bras ... портретъ Madame de Stael! Одѣта въ совершенствѣ ... Это ужъ я забочусь. Нѣтъ, говорю, Марья Григорьевна, вы хоть и нѣжная мать, но, вы хозяйка; и вы мать, значитъ, баловница сыновей; дайте-же мнѣ баловать дочку.

АННА АЛЕКСѢВНА. Ахъ, Петръ Иванычъ!!..

ЗУРАТОВЪ. Mais comment donc, конечно! И притомъ, женщины никогда не изучать всего, что можетъ нравиться; онѣ должны поручать украшать себя тѣмъ, кому желаютъ нравиться... Vous convenez, Mlle Verette?... Хотя, конечно, la beauté n'a pas besoin d'agremens, но въ Петербургѣ нельзя какой-нибудь простенькій туалетъ... да и намъ-то, мужчинамъ нельзя, mon cher! Идешь по Невскому, встрѣчаешь... ну, такъ просто!.. задѣнешь иногда, а тутъ твое неуклюжее пальто какое-нибудь... Это компрометируетъ: знаютъ, кто ты, и вдругъ... А услышать объ этомъ твои знакомые, — можно всего лишиться, и связей, и всего! А у меня, mon cher, развѣ я одинъ? Необходимо удержаться au niveau съ высшимъ-то полетомъ: объ одномъ похлопочешь, за другаго просишь...

АЛЕКСАНДРЪ СЕРГѢИЧЪ. Конечно, человекъ обязанъ всеми средствами сохранить свое вліяніе, если этимъ можетъ быть полезенъ для своихъ ближнихъ.

ЗУРАТОВЪ. А у меня, mon cher, посуди самъ, — семь ихъ! Я ужъ не считаю Жана, этотъ самъ по себѣ, старшій...

АННА АЛЕКСѢВНА. Да, да, вѣдь у васъ ихъ восемь красавцевъ!

ЗУРАТОВЪ. Нѣтъ-съ, не всѣ красавцы; я безпристрастенъ, право... Вотъ Теодоръ, пятый, весь въ меня, дурнашка такая... (*Анна Алексѣвна одобрительно смѣется*). Но есть и хорошенькіе — Валентинъ третій, un grand jeune homme, 22 года, статскій, вышущенъ въ прошломъ году, поэтъ... и знаетъ, злодѣй, что онъ хорошъ! Задумывается, говоритъ увлекаясь, восторженная рѣчь... Mais je regrette, ... не зналъ я, что буду у васъ, я-бы вамъ привезъ; онъ издалъ книжку своихъ стихотвореній, — un succès fou!

АННА АЛЕКСѢВНА. Ахъ, какъ-же вы не подумали, какъ жаль!.. Вѣра! (*дѣлаетъ ей знакъ*). Слышишь, Петръ Иванычъ забылъ...

ВѢРА (*оставляя на минуту свой рисунокъ*). Да, вы доставили-бы намъ намъ большое удовольствіе.

ЗУРАТОВЪ. Je n'en doute pas ... это такой талантъ! Журналы наши, вѣдь это самая черная зависть, il n'y a pas à parler!.. Но въ салонахъ, я вамъ говорю, (*исключительно обращается къ Вѣрѣ*) les dames, всѣ его на рукахъ носили. La petite princesse Башлыковъ, вы знаете, поэтисса, она ему букетъ и посланіе...

АЛЕКСАНДРЪ СЕРГѢИЧЪ (*смѣясь*). А онъ что-же?

ЗУРАТОВЪ. Что онъ? Я говорю: вы, туманныя головы, не понимаете житейскихъ интересовъ... Написалъ къ Діанѣ, къ Гекатѣ что-то такое.... Ледь!... Впрочемъ, вѣдь это привилегированныя натуры,

поэты; не шутя. Ихъ постичь трудно; ils en veulent plus que nous ne pouvons ... Но что мило, это его споры съ братомъ, съ Леономъ, съ четвертымъ; этотъ годомъ моложе, гвардеецъ, ловокъ и ужь дамскій угодникъ; весь въ балахъ ... Это моя бабочка, я его называю ...

АННА АЛЕКСѢВНА. Какъ, я думаю, Марья Григорьевна счастлива!

ЗУРАТОВЪ. И не говорите мнѣ! Сыновья, это ея баловни; тутъ я и власть и силу теряю...

АННА АЛЕКСѢВНА. Малютки вотъ, я думаю, душки; я помню ихъ, когда мы еще жили въ деревнѣ...

ЗУРАТОВЪ. Да кто-же теперь малютки? Дома одинъ баловень, самый меньшей, восьмой, — Эсперь, мученіе мое; не знаю, какъ его отнять у Марьи Григорьевны. Впрочемъ, не знаю, какъ самъ съ нимъ разстанусь. Это такой ребенокъ, такія способности, такое соображеніе ... нѣтъ вещи, которой-бы онъ не понялъ и не обсудилъ.

АЛЕКСАНДРЪ СЕРГѢИЧЪ. Вотъ это счастье, въ мальчикѣ.

ЗУРАТОВЪ. Да ты думаешь, къ чему способность ... ко всему, это я ужь и не говорю, но особенная — къ механикѣ! Если онъ не найдетъ вѣчное движеніе, такъ вспомни мои слова! Геніальный ребенокъ! Отъ него, просто, прячутъ часы, запираютъ: найдетъ, разберетъ, развинтитъ, и кончено. И посуды, ему только одиннадцать лѣтъ ... Въдь этакъ, mon cher, онъ до паровыхъ машинъ доберется; чего-добраго, изобрѣтетъ!

ВѢРА. Но такъ какъ онъ уже изобрѣтены ... (*Мать взглядываетъ на нее строго*).

ЗУРАТОВЪ (*Вѣрь*). C'est cela-même! Вы не спорьте противъ предопредѣленія: за нѣсколько часовъ до рожденія Эспера, у меня въ деревнѣ, такъ все часы въ домѣ перепортились, что все стали; я даже не знаю, въ которомъ часу онъ родился, — alors, voyez-vous!

АННА АЛЕКСѢВНА. Конечно, это странно, это что-нибудь значить.

ЗУРАТОВЪ. Mais, я убѣжденъ!!.. Да и нельзя съ такой семьей не быть фаталистомъ, помилуйте! Вотъ, я знаю, что мой Теодоръ будетъ морякъ, это я знаю. Задумалъ онъ просить, — отдай я его въ агрономическое училище; но я сказалъ — нѣтъ ... Помилуйте, взгляните на него: весь складъ, вся походка — юнга съ американскаго парохода. Я и сказалъ: нѣтъ, братъ, говорю, гдѣ тебѣ пахать и сѣять, ступай, открывай Америку!

АННА АЛЕКСѢВНА. Ахъ, Петръ Ивановичъ, такой-же весельчакъ, какъ и былъ! (*Общій смѣхъ, хотя съ совершенно различными выраженіемъ. Александръ Сергѣичъ подходитъ къ Вѣрь и смѣется,*

глядя на нее. Анна Алексѣвна протягиваетъ руку Зуратову; тотъ пожимаетъ ее весело и безцеремонно).

ЗУРАТОВЪ. Помилуйте, что мнѣ не быть веселымъ! Я могу быть озабоченъ; правда, — выше головы озабоченъ, — вы этого понять не можете съ вашимъ состояніемъ. Эти счеты, учеты... Богъ съ ними!

АЛЕКСАНДРЪ СЕРГѢИЧЪ. Ну, своя ноша не тянетъ.

ЗУРАТОВЪ (*встаетъ и подходитъ къ нему и Вѣра*). Да ты подумай, mon cher... (*Взглядывается на рисунокъ*). Quel talent!.. Это вы... vous sachiez?

ВѢРА. Нѣтъ.

ЗУРАТОВЪ. У моей Catherine огромный талантъ; (*обращается къ Александру Сергѣичу*) ей профессора Академіи говорили: «бросьте все и рисуйте, только рисуйте, ничего больше, какъ рисуйте...» Она вѣдь страстна pour le dessin; она въ Академіи каждый день...

ВѢРА. Вотъ счастливица! И она много занимается?

ЗУРАТОВЪ. И-нѣтъ, когда-же? Вѣдь это надо посвятить себя, сидѣть дома; *ça gâte la taille*, сидѣть нагнувшись... *et puis, ces artistes*, такой народъ... Я рѣшительно возсталъ, и потомъ (*обращается къ Аннѣ Алексѣвнѣ*) какъ вы думаете, кто мнѣ помогъ?

АННА АЛЕКСѢВНА. Кто?

ЗУРАТОВЪ. Францъ Листъ! Онъ у насъ былъ на этотъ споръ... Онъ всякое утро приходилъ, просто, играть съ Катенькой... Онъ говорить: «если вы оставите рояль для этой... *bousillage*... пачкотни, и я бросаю музыку; говорите, хотите-ли вы этого? говорите!..» А она... что ужъ и говорить!.. *J'y ai mis bon ordre*, однако, этимъ артистическимъ восторгамъ; сказалъ Марья Григорьевнѣ: вывозите ее, развлеките ее свѣтомъ... Въ свѣтѣ все забывается!

АННА АЛЕКСѢВНА. Да, конечно...

АЛЕКСАНДРЪ СЕРГѢИЧЪ. А ваша дочь хорошая музыкантша?

ЗУРАТОВЪ. Sublime, mon cher! Я не знаю, что впрочемъ лучше, она играетъ или поетъ; многіе не могутъ выносить ея голоса. Но какъ она граціозна! Это духъ, дуновение одно, а не дѣвушка! Когда танцуетъ, я, просто, боюсь, — улетишь ты у меня, или тебя умчитъ кто-нибудь, и кончено. И ловка, какъ свѣтская женщина... Откуда, спрашиваю я васъ, у дѣвушекъ берется эта игривость, эти манеры, шикъ тотъ? На воспитаніе, конечно, для нея ничего не щадили, но все же сама природа-то много сдѣлала!.. *Que d'esprit!*.. На примѣръ, вотъ недавно, на одномъ вечерѣ... у графини Бредилевичевой. Я смотрю, посланникъ сидитъ, чуть не дремлетъ... ну, некому занять его!

это понятно!.. Увидѣлъ Catherine, ожилъ; подходитъ къ ней и — оторваться не могъ! Благодарить меня: — «я, говорить, до этой минуты, не слышалъ ни родныхъ звуковъ, ни роднаго языка на нашемъ сѣверѣ; это — флорентинка!..» Что-жъ мнѣ? Много чести, говорю; спрашиваю только, чѣмъ-же могла занять васъ эта дѣвочка, васъ, человекъ государственнаго? «Не спрашивайте, говорить, прелестное существо, все умѣетъ облечь въ прелестную форму, даже нашу сѣхую, черствую политику!» Нашлась!!.. Да я говорю, что это бѣда: на гуляньяхъ, на балахъ, это, вотъ, по пятамъ за ней все!!.. Если рассказывать когда, и какъ, и кто ... такъ можно сказать, что я лгу просто!

АННА АЛЕКСѢВНА (*немного затруднена*). Нѣтъ, конечно ...

ЗУРАТОВЪ. Для этого-то вѣдь и не выѣдешь изъ Петербурга. Вѣдь, что-жъ, mon cher, чего-жъ здѣсь и ждать, dans ce trou; гдѣ вы живете, вѣдь c'est un trou! Я вѣхалъ — испугался. Гдѣ домъ, говорю, укажите мнѣ, гдѣ здѣсь люди!!.. Une horreur! семь часовъ утра, ужъ всѣ вскочили ... А какія шляпки я видѣлъ на вашихъ улицахъ, ну, ужъ je vous demande pardon. Э — это прелесть!..

АЛЕКСАНДРЪ СЕРГѢИЧЪ. Э, батюшка, что такъ немилосердо! Давно-ли вы сами здѣсь жили-поживали, да и еще не въ губернскомъ городѣ, а въ деревнѣ, верстъ за сто. Вспомните, наши супруги сами щеголяли въ прошлогоднихъ шляпкахъ.

ЗУРАТОВЪ. Когда-же это?

АЛЕКСАНДРЪ СЕРГѢИЧЪ. Какъ, когда? Въ деревнѣ, попросту, безъ затѣй. Вы тогда пріѣхали съ вашей Марьей Григорьевной, получили наследство послѣ вашего батюшки; домъ-то былъ на боку, все было запущено, и хозяйство, и все; надо было строиться ... Еще лѣсъ вамъ поставлялъ, своего не было, купецъ Поташовъ, славный старикъ, царство ему небесное ...

ЗУРАТОВЪ. Поташовъ ... право не помню.

АЛЕКСАНДРЪ СЕРГѢИЧЪ. Какъ-же, умный былъ, честный старикъ, и презабавный, бывало, помните, морить насъ со смѣху, — у меня соберется ..

ЗУРАТОВЪ. Не помню, вовсе не помню!

АЛЕКСАНДРЪ СЕРГѢИЧЪ. Да еще лѣсъ онъ вамъ въ долгъ ставилъ, выручалъ васъ, никакъ года два, — больше ждалъ. Извернуться-то трудно было; хорошо еще, что семья была не велика у васъ, двое только ..

ЗУРАТОВЪ. Да, Жанъ и Грегуаръ ...

АННА АЛЕКСѢВНА (*обрадовавшись возможности переменить раз-*

9904.

говоръ). Ахъ, что-же вы о нихъ ничего намъ не сказали!

АЛЕКСАНДРЪ СЕРГѢИЧЪ (*прерываетъ жену и останавливаетъ Зуратова, который уже готовъ говорить*). Я что хочу сказать, — что жили мы въ глуши, были мы небогаты, но весело жилось. Право, мы были не медвѣди, и читали, и занимались. Общество наше, право, было недурное общество; прехорошенькія были дѣвушки...

ЗУРАТОВЪ. О, о, entendez-vous? Слышите, M-lle Verette, какъ вашъ папà увлекается воспоминаніями? Continuez, mon cher, мы знаемъ, что ты всегда былъ дамскій угодникъ и что Анна Алексѣвна драла тебя за уши ... Voilà! (*Хохочетъ; Анна Алексѣвна вторитъ ему, дѣлая знаки мужу*).

АЛЕКСАНДРЪ СЕРГѢИЧЪ. И все вздоръ! жены наши были милыя женщины...

ЗУРАТОВЪ. Un compliment à vous, madame!

АЛЕКСАНДРЪ СЕРГѢИЧЪ. Лучше нежели теперь, потому-что онѣ изважничались и стали чопорными барынями, а тогда держали себя мило и просто, не мечтали о высшемъ кругѣ; какіе Богъ имъ далъ таланты...

ЗУРАТОВЪ. Я помню только, была тамъ ... какъ ее? барышня эта, съ гитарой ...

АННА АЛЕКСѢВНА (*въ восторгъ, что можетъ прервать*). Любовь Аюнасьевна!

ЗУРАТОВЪ. Я помню, какъ Любовь Аюнасьевна пѣвала: «Ударилъ часъ...» Vous connaissez la romance, M-lle Verette? спросите у своего папаша ... Охъ, папаша! Это, mon cher, было когда-то хорошо...

АННА АЛЕКСѢВНА. Да вѣдь теперь совсѣмъ другое время.

ЗУРАТОВЪ. Vous avez parfaitement raison, ра-арfaitement! Другой вѣкъ, другія требованія. Теперь и не заглянешь въ деревню, а заглянешь — бѣжишь, сломя голову...

АЛЕКСАНДРЪ СЕРГѢИЧЪ. Для чего-же вы затѣяли такія постройки въ Сотинѣ?

ЗУРАТОВЪ. Да вѣдь il faut donc avoir un pied-à-terre, приѣдешь, не въ избѣ-же жить. Домъ, вы помните, гадость была; а ужъ твой — я и не знаю что. Распорядился поправить это. Да еще мужикамъ надобно.

АЛЕКСАНДРЪ СЕРГѢИЧЪ. У меня они были славно обстроены.

ЗУРАТОВЪ. То-то, mon cher, знаемъ мы; они были богаче тебя.

Я ихъ переселяю. А твой домъ — это клѣтка, заросъ весь въ рощѣ, зги не видно; только и годится что на *ravillon de chasse*. Леонъ помѣститъ тамъ своихъ собакъ, когда прїѣдетъ въ отпускъ. Я велѣлъ запустить все, и садъ твой бывшій; пусть дичаетъ.

АННА АЛЕКСѢВНА. Фруктовый?.. тамъ были отличныя яблони...

ЗУРАТОВЪ. *Parlez m'en!* Старья! Я самъ въ деревнѣ не живу, такъ мнѣ ихъ беречь развѣ для дохода, *ça ne vaut pas la peine*.

АННА АЛЕКСѢВНА. Какія-же онѣ старья...

АЛЕКСАНДРЪ СЕРГѢИЧЪ. Душа моя, Петръ Иванычъ знаетъ лучше, онъ хозяинъ.

ЗУРАТОВЪ. Конечно, *c'est moi*, вѣдь, *qui suis le propriétaire*. Къ тому-же, вся эта деревня, всѣ эти затѣи для Грегуара.

АЛЕКСАНДРЪ СЕРГѢИЧЪ. Для вашего втораго сына?

ЗУРАТОВЪ. Да. Онъ и Жанъ, старшій, это у меня философы. Они, вѣдь, очень ушли годами отъ другихъ братьевъ, ну, и *très liés* между собою, и заслужились такъ, что страхъ. Жану это ничего, а Грегуаръ слабаго здоровья; я хочу его вытащить, скажу: оставь-ко свою книжную и бюрократическую премудрость, да отдохни въ лонѣ природы. И увезу его въ деревню, проживетъ лѣто.

АЛЕКСАНДРЪ СЕРГѢИЧЪ. И больше можно; поучится, займется, похозяйничаетъ.

ЗУРАТОВЪ. О, нѣтъ, нѣтъ. Ему того-то и хочется, *mon cher*, да это не моя цѣль; мы съ нимъ не поладимъ въ нѣкоторыхъ вещахъ, — *ah! c'est une tête forte*, — о, *il a des idées* ... Пусть онъ просто погоститъ да пофилософствуетъ *dans la solitude*, знаешь.

АЛЕКСАНДРЪ СЕРГѢИЧЪ. А Иванъ Петровичъ служить?

ЗУРАТОВЪ (*безъ прежняго увлеченія*). Да ... Жанъ счастливъ, ему везетъ. Серьезный человекъ, и нельзя сказать, чтобы очень практический. Мы его мало видимъ, все занятъ. Не тапцуетъ, очки надѣлъ, читаетъ съ утра до ночи ... Онъ, вѣдь, такимъ и общалъ быть.

АЛЕКСАНДРЪ СЕРГѢИЧЪ. О, нѣтъ, я помню онъ живой былъ, веселый; развѣ петербургская жизнь ...

АННА АЛЕКСѢВНА. Вотъ, я думаю, кому было-бы пріятно пожить въ деревнѣ, въ Сотинѣ, — это вашему Жану; тамъ прошли его лучшіе годы, дѣтство, первая молодость...

ЗУРАТОВЪ. О... *oui*, конечно.

АННА АЛЕКСѢВНА. Какъ онъ тогда прїѣзжалъ, студентъ, поэтъ ... какъ онъ тогда хорошъ былъ.

ЗУРАТОВЪ. И — пѣтъ, онъ, знаете ... не хорошъ, но distingué.

АННА АЛЕКСѢВНА. Ахъ, пѣтъ, очень хорошъ!.. Я такъ это помню... Да вотъ, Вѣра .. Вѣдь это первыя впечатлѣнія ... Еслибы они сошлись... я думаю, много-бы сотинскія аллеи напомнили Жану ...

(По какой-то странной тишинѣ Анна Алексѣвна замлъчаетъ, что увлеклась, впрочемъ, совершенно безъ намъренія. Она осматривается. Мужъ внимательно глядитъ въ ближнюю жардиньерку, Вѣра прилежно рисуетъ, Зуратовъ какъ-то непокоенъ. Всъ, кажется, какъ сплдуетъ заняты другъ другомъ, но всъмъ какъ-будто неловко. Анна Алексѣвна продолжаетъ, чтобы не замолчать).

Эти первые годы, эта поэзія...

ЗУРАТОВЪ *(вертитъ свои брелоки и укръпляется на диванъ).* Да-съ, mais c'est passager!.. Онъ теперь далеко не то. Я ему сказалъ, что хоть и имѣю теперь прекрасное состояніе (двѣ тысячи душъ), но, васъ много, mon cher, а съ твоей стороны какая-нибудь глупость, вѣдь это разрѣшеніе другимъ не глупости: ты старшій! Такъ какъ знаешь ... А я его хорошо знаю ... Притомъ, вѣдь надобно, чтобы и свѣтское положеніе, и все отвѣчало...

(Вѣра взглядываетъ на мать и опять принимается работать. Анна Алексѣвна не замлъчаетъ, потому-что сильно сконфужена).

АЛЕКСАНДРЪ СЕРГѢИЧЪ *(оставя жардиньерку).* Иванъ Петровичъ служить у князя; это одно съ нами министерство.

ЗУРАТОВЪ. Да, mon cher, да!.. Да князь какъ расположенъ къ нему, ты подумай. Жанъ тамъ весь день, работаетъ съ княземъ, обѣдаетъ... Et puis, le ministre вѣдь свой, родня.

АЛЕКСАНДРЪ СЕРГѢИЧЪ. Вамъ?

ЗУРАТОВЪ. Князю ... А князь у меня очень часто, придетъ ... Я панимаю домъ, такъ, въ двухъ шагахъ. Придетъ, сидитъ, старенькій, бѣленькій. Catherine ему поетъ. Иногда, некогда, такъ ужъ ихъ вдвоемъ и оставишь, однихъ; просто сидитъ себѣ, что-нибудь такое на немъ на ватѣ ... Ну, les grands diners, дѣло другое; я ему и говорю наканунѣ: не угодно-ли, ваше сіятельство, завтра ко мнѣ кушать, только ужъ не угодно-ли и ленту надѣтъ ... Право!.. Только, вотъ, навязалъ онъ мнѣ дѣло, старый, не знаю какъ быть ...

АЛЕКСАНДРЪ СЕРГѢИЧЪ. Что такое?

ЗУРАТОВЪ. Да дѣло—то очень пріятное, только хлопоты. Видишь-ли; присылаетъ одинъ день за мной, бѣгомъ... Или, нѣтъ, самъ бѣжить. «Вотъ, говоритъ, пишутъ мнѣ изъ Крыма, продается имѣніе рядомъ съ моимъ.» Ты представь, вотъ имѣніе князя, вотъ Орианда, а это тутъ, между ними—то, въ срединѣ... «Я, говоритъ, не хочу имѣть другаго сосѣда, кромѣ тебя, покупай!» Что будешь дѣлать? L'argent, mon cher, ça ne me gêne pas; у меня не доставало бездѣлицы, въ то же утро нашелъ... Можешь меня поздравить владѣльцемъ, mais, un bien magnifique! Виноградники... двадцать—три тысячи однихъ миндальныхъ деревьевъ!! Un Eden!.. я еще тамъ не былъ, но вотъ, какъ весна, ѣду. Вѣдь ce seroit une bêtise отказаться изъ какихъ—нибудь мелочныхъ расчетовъ. Мы съ княземъ, какъ путь, такъ и ѣдемъ.

АЛЕКСАНДРЪ СЕРГѢИЧЪ. Что-же васъ затрудняетъ?

АННА АЛЕКСѢВНА (которая нѣсколько оправилась). Это должно быть восхитительно!

ЗУРАТОВЪ. Sans doute, на южномъ берегу—то; вы, можетъ быть, на картинкахъ въ Памятной Книжкѣ видѣли? ну вотъ... Да и невозможно не имѣть помѣстья въ Крыму, помиуйте! На дачахъ все при-смотрѣлось, прислушалось; за границей все вздоръ теперь такой. Catherine ѣхать въ деревню, спросятъ: куда? Не сказать-же въ—Сотино, une trivialité comme cela! Да у меня-же свои коммерческіе расчеты; я вѣдь сталъ, mon cher, un commerçant jusqu'à la racine des cheveux. Но хлопоты... Большое имѣніе; я управляющему назначаю шесть тысячъ въ годъ.

АЛЕКСАНДРЪ СЕРГѢИЧЪ. Славно.

ЗУРАТОВЪ. Sans doute, находка pour des petits gens, на готовомъ—то. Вы тутъ, въ провинціи рады, я думаю... Ты что получаешь?

АЛЕКСАНДРЪ СЕРГѢИЧЪ. Три тысячи.

ЗУРАТОВЪ. Ну, voilà!.. Да хочешь ко мнѣ? Я для знакомаго набавлю, дамъ шесть тысячъ пять сотъ, съ радостью... Mlle Verette рисовала—бы виды...

АННА АЛЕКСѢВНА. Виды, конечно, чудесные...

ЗУРАТОВЪ. А ужъ вы, Анна Алексѣвна, такъ сады, розы... Вы тутъ ухаживаете, вотъ, за этимъ (*презрительный жестъ на цветы*),

а тамъ у меня ... ну, лучше чѣмъ у меня на дачѣ въ Павловскѣ... Рѣшайся, mon cher! Полно вамъ коснѣть въ вашей провинціи. Странная у васъ натура; нѣтъ стремленія ни къ чему, къ выходу, вотъ, изъ этого прозябанія...

АЛЕКСАНДРЪ СЕРГѢИЧЪ. Что-жъ дѣлать, будемъ прозябать какъ нибудь; я привыкъ служить, можетъ быть, на своемъ вѣку и сдѣлалъ что-нибудь доброе и отставать не стану.

ЗУРАТОВЪ. Mais, вѣдь, c'est de l'égoïsme!

ВѢРА. Нисколько. (*Отецъ взглядываетъ на нее съ ипжностью*).

ЗУРАТОВЪ. Тебѣ-бы никакого не стоило труда: устроилъ тамъ все, привелъ въ порядокъ, наблюдай, и кончено. Я самъ туда переѣду, какъ покончу нѣкоторыя дѣла, особенно если устроятся одинъ проэктъ князя въ отношеніи Жана... Un projet en l'air: племянница князя, une charmante personne, полторы-тысячи душъ, должна воротиться изъ-за границы. Мы съ княземъ рѣшили, что женимъ нашего философа, устроимъ ихъ, а сами на покой. Иногда, знаешь, mon cher, отзываются эти заботы, устаешь. Вы тутъ сидите въ вашихъ присутствіяхъ, не знаете что такое это утомленіе; а какъ тамъ, сегодня, завтра, министры да генералы, биржа да спекуляціи, опера да то, да другое, и захочешь отдохнуть... Нѣтъ, я ужъ сказалъ — женю Жана, пошлю Грегуара въ деревню, Эспера въ школу, Марьѣ Григорьевнѣ деньги въ руки и за границу съ Catherine и двумя demoiselles de compagnie, а самъ съ княземъ въ Крымъ. Пора на покой.

АННА АЛЕКСѢВНА. Такъ вы всѣ и разлетитесь по разнымъ сторонамъ.

ЗУРАТОВЪ. Такъ всѣ и разлетимся. Да помилуйте, что это за патриархальная жизнь, всѣмъ вмѣстѣ; j'ai vraiment l'air d'un patriarche, еще внучки пойдутъ, parlez m'en! Я еще хочу насладиться жизнью и свободой; что жъ вотъ такъ уебѣться, какъ онъ...

АЛЕКСАНДРЪ СЕРГѢИЧЪ. Что-жъ дѣлать, батюшка, уедемся.

ЗУРАТОВЪ. Il fallait prendre ses mesures, я тебѣ говорилъ: эй, не пускайся въ обороты! Такъ и вышло—оборотилъ свое Сотино...

АЛЕКСАНДРЪ СЕРГѢИЧЪ. Ну, ужъ это старая исторія.

ЗУРАТОВЪ (*смѣется*). De l'histoire ancienne!.. Ахъ, да, прощайте, я засидѣлся у васъ...

АННА АЛЕКСѢВНА (*встаетъ вслѣдъ за нимъ*). Все-таки были у насъ, не забыли своихъ старыхъ ... знакомыхъ.

ЗУРАТОВЪ. Это, вотъ, онъ мнѣ встрѣтился; а то, право не знаю, дѣль такая бездна, я вѣрно-бы и не былъ у васъ.

АННА АЛЕКСѢВНА. Прощайте; на долго-ли теперь?

ЗУРАТОВЪ. Ужъ не знаю! Надѣюсь никогда меня Богъ не занесетъ въ вашу глушь ... *s'est-à у perdre la tête*. Вѣрите-ли, день пробудешь, такъ отъ всего отстанешь... Прощай, mon cher, закоснѣлый мой провинціалъ. Будешь въ Петербургъ, заверни; впрочемъ, не знаю, найдешь-ли меня дома.

АЛЕКСАНДРЪ СЕРГѢИЧЪ. Благодарю васъ. (*Зуратовъ прощается съ Анной Алексѣвной и кланяется Вѣрѣ*).

АННА АЛЕКСѢВНА. Поцѣлуйте за меня Марью Григорьевну, попросите, чтобы не забыла... Catherine, всѣхъ, всѣхъ вашихъ... Скажите, что я желаю имъ всего на свѣтѣ лучшаго... (*Она и мужъ провожаютъ Зуратова*).

IV.

Возвратясь, **АННА АЛЕКСѢВНА**, смотритъ въ окно, **АЛЕКСАНДРЪ СЕРГѢИЧЪ**, подходитъ къ **ВѢРѢ**. Молчаніе.

АЛЕКСАНДРЪ СЕРГѢИЧЪ. Ты что-же не пожелала всего лучшаго?

ВѢРА (*поднимаетъ голову отъ рисунка*). Кому, папа?

АЛЕКСАНДРЪ СЕРГѢИЧЪ. Кому?.. О, дитя мое! Что-жъ дѣлать! (*обнимаетъ ее съ нѣжностью*). Ты что, моя старуха?

АННА АЛЕКСѢВНА. Ничего, душа моя, такъ.

АЛЕКСАНДРЪ СЕРГѢИЧЪ. Вотъ и философія, толкуйте, какъ хотите! Вѣдь кто такой былъ? Зуратовъ, ничего больше, а отчего же это... И на себя оглянешся, и на другихъ, и прошлую жизнь вспомнишь... кажется, безпристрастно даешь цѣну всему; кажется, стоилъ-бы самъ... Досадно! И соврать не смѣешь, когда чувствуешь, что у тебя въ карманѣ пусто...

В. Крестовскій *.

* Долгомъ считаемъ замѣтить, что авторъ этой статьи вовсе не тотъ Крестовскій, который поставлялъ бенефисные фарсы подъ названіемъ Цыганокъ, Татарокъ, Казачекъ и проч. Предлагаемая здѣсь статья принадлежитъ перу очень извѣстнаго и талантливаго автора, скрывшаго свою настоящую фамилію подъ псевдонимомъ В. Крестовскаго. *Ред.*

ЛЕГКОМЫСЛІЕ МОЛОДАГО ЧЕЛОВѢКА.

ДЕРЕВЕНСКІЯ СЦЕНЫ.

В. Р. Зотова.

Мѣсто передъ помѣщичьимъ домомъ, расчищенное для разведенія на немъ сада: нѣсколько кустовъ сирени и акацій, нѣсколько деревьевъ, подпертыхъ кольями, окопанныхъ землею; мѣстами вспаханныя клумбы. Въ сторонѣ фасадъ барскаго дома съ огромною терассою, выходящею впередъ; съ терассы спускается лѣстница, уставленная георгинами и тюльпанами; внизу у терассы зеленая скамейка.

СТЕПАНЪ сидитъ на крыльцѣ терассы и наигрываетъ на гитарѣ, поглядывая на окно нижняго этажа. **МАША** выходитъ на терассу съ лейкой. При входѣ ея **СТЕПАНЪ** отворачивается, будто незамѣчая ея, и поетъ;

СТЕПАНЪ.

Жду тебя я, не дожуся,
Разлюбезная моя,
Сокрушаюсь и мятуся,
Въ сердцѣ скорбь души тая...

МАША Здравствуйте! Степаиъ Григорыичъ, что это такое вы распѣваете?

СТЕПАНЪ (*вставая и раскланиваясь*). Наше почтеніе—съ, Марья Васильевна! А мы васъ и не замѣтили! Какъ вы въ вашемъ здоровьи себя чувствуете?

МАША. Ничего—съ! Благодарствуйте! Что намъ дѣлается?

СТЕПАНЪ. О, вамъ много можетъ дѣлаться—съ, Марья Васильевна! Препровождая ваше время въ разныхъ трудностяхъ и работахъ по-дому, вы утруждаете ваши ручки и личико, хоть—бы теперь: ни свѣтъ, ни заря собрались цвѣты поливать.... Цвѣтъ въ лицѣ можете потратить—съ!...

МАША. Ну ужъ вы, Степанъ Григорьичъ, вѣчно съ вашими питерскими комплиментами. Даже слушать васъ стыдно, хоть и не все въ толкъ возьмешь.

СТЕПАНЪ (*любезничая*). Помилуйте, отъ чегоже—съ?... И у насъ въ Питербургѣ объясненіе такое—же производится, какъ и въ деревнѣ—съ! Оно это вамъ такъ только съ непривычки образованнымъ кажется, а въ самомъ дѣлѣ — слова все такія—же, русскія, только немножко, знаете, по великатнѣе и по субтильнѣе.

МАША. Ну, да; у васъ все тамъ на тонкостяхъ выѣзжаютъ. Со всякимъ человѣкомъ вы ровно манерны. Не узнаешь, къ кому у васъ лежитъ сердце, а къ кому нѣтъ.

СТЕПАНЪ. Какъ не узнаешь, Марья Васильевна, очень узнаешь! Оно такъ сказать само собой показывается. Съ тѣмъ, кто нравится, по другому изъясняешься. Хоть—бы примѣромъ объ насъ рѣчь повести, развѣ мы обнаковеннымъ способомъ съ вами обходимся?...

МАША. Подите пожалуста! васъ слушать такъ ахти-миѣ!... Скажите—ка лучше, что вы тутъ пѣли, какъ я вошла?

СТЕПАНЪ. Одинъ питербургскій романць: Очень хорошая штука.... меня выучилъ ей камердинеръ одного князя. Мы съ бариномъ въ Питербургѣ съ разными князьями были знакомы—съ.

МАША. Ну вотъ, хоть ваши питерскія пѣсни—на что онѣ похожи: ни складу, ни ладу, ахинея просто, какая—то Этою пѣсню, что вы теперь пѣли, вы миѣ даже всѣ уши прожужжали, а смыслъ—то какой въ ней? «Жду, не дождуся, сокрушаюсь, да мятуся». Ужъ коли на этотъ ладъ пѣть хотите, такъ у насъ есть русская пѣсня, не хуже этой и тоже самое говорится въ ней, только яснѣй и проще. (*Поетъ*).

Жду красотку я мою,
И ей пѣсенку пою,
Ахъ душа моя, душа,
Приди къ молодцу скорѣй.

СТЕПАНЪ. Съ вашимъ пѣньемъ всякая пѣсня нѣжной покажется; но романцы, доложу вамъ, больше чувствованія имѣютъ. Они знаете того... какъ-то, все ужъ не то будетъ.

МАША. А ну-ко спойте мнѣ какую-нибудь романцу, пока я цвѣты полью, а то съ вами говоря и дѣла нельзя дѣлать.

СТЕПАНЪ. Съ нашимъ удовольствіемъ. (*Становится въ позу и брянчитъ на гитаръ мотивъ аллегро*).

Стоитъ желтый домъ,
Сидитъ дѣвка въ немъ,
Умомъ разумомъ не дура,
Откровенная натура,
Распрекрасная фигура,
Больно хороша!

МАША. Пѣтъ ужъ эту я слышала, нельзя-ли другую.

СТЕПАНЪ. Есть и другіе, стало-бы охоты слушать. (*Поетъ адажіо*).

Ты погибель мою строя,
Тѣмъ доволенъ-ли тиранъ,
Что лишилъ меня покоя,
Супротивенъ твой обманъ!...

МАША. Ахъ это что-то словно похоронное!... За душу тянетъ! Нѣтъ-ли чего повеселѣе?

СТЕПАНЪ (*обидясь*). Это самые лучшіе романцы. Печальное-то оно и помоднѣй гораздо! Веселія пѣсни у васъ поютъ мужики по деревнѣ; въ Питербургѣ не приводилось мнѣ камаринской слышать.

МАША. Вотъ ужъ вамъ и нелюба моя правда. Какіе-же вы... Что-же мнѣ, развѣ хвалить пѣсню, коли она не по нраву пришла. Сядемте-ка лучше, да поговоримте о дѣлѣ какомъ-нибудь... Вы мнѣ вчера, проходя черезъ дѣвичью, сказали, что вамъ мнѣ еще что-то тамъ сказать нужно.

СТЕПАНЪ (*сидясь подлѣ нея на ступенькѣ*). Да-съ, и очень нужно!... Впрочемъ, вы вѣрно и сами знаете, чего мнѣ нужно! Если бы вы дали мнѣ процѣть романцъ, то узнали-бы какъ тамъ дальше говорится (*декламируя*).

Дайте ручку вашу праву
Приложить къ груди моей;
Сердца чувствовалъ отраву,
Излечуся я отъ ней!...

(*Беретъ ея руку и прикладываетъ къ сердцу*).

МАША (*отдергивая руку*). Полно-те, Степанъ Григорьичъ!... Я право—слово разсержусь!... Что это вы за повадку вляли? Слѣдъ ли вамъ такъ со мной обходиться. Можетъ-быть это у васъ въ Питерѣ ни почемъ, а у насъ въ деревнѣ дѣлать такъ не приходится.

СТЕПАНЪ. Какія вы чудныя, Марья Васильевна! Къ вамъ ужъ и дотронуться нельзя, но развѣ вы не знаете, что чувствамъ своимъ повелѣвать невозможно. Вы давно могли видѣть, какъ я къ вамъ страстенъ. Истинно говорю вамъ, — огнемъ сгараю, и давно ужъ хотѣлъ вамъ во всей подробности изъясниться съ вами.

МАША. Какъ ни хитро вы говорите, но я поняла въ чемъ дѣло, и скажу вамъ просто, безъ вычуръ, по деревенскому: я не прочь пойти за васъ за-мужъ, если матушка моя дастъ на это свое благословеніе; вы знаете, гдѣ она живетъ, и теперь узнавши, что я объ васъ думаю, вы должны ужъ съ ней переговорить, а мнѣ слушать ваши любовныя рѣчи не годится. (*Встаетъ*).

СТЕПАНЪ (*вставая, сконфуженный*). Оно конечно тово въ разсужденіи то-есть свадьбы! матушка ваша обыкновенно и вы тоже ... тамъ все, какъ слѣдуетъ!... Фу, какая жарынь! (*Перебираетъ струны гитары*).

МАША. Вотъ оно что? Суди васъ Богъ, Степанъ Григорьичъ! Не хорошій вы человекъ; сгубилъ васъ этотъ Питеръ, да и меня-то вы чуть не сгубили горемычную! Богъ съ вами! (*Закрываетъ глаза передникомъ и идетъ на терассу*).

СТЕПАНЪ (*вслѣдъ за ней*). Марья Васильевна! не извольте огорчаться. Это я вѣдь только такъ-съ! Я ничего! Вразумительно сказать, вы не такъ велушались!... клянусь вамъ!...

II.

АКСАМИТИНЪ (*въ охотничьихъ сапогахъ и картузѣ, съ ружьемъ, сходитъ съ терассы*).

АКСАМИТИНЪ. Что это? Маша? откуда ты? Что у тебя глаза заплаканы?

МАША. Ничего-съ, батюшка, баринъ! Это оттого, что долго на солнцѣ цвѣты поливала.

АКСАМИТИНЪ. А, вотъ оно что, и Степанъ здѣсь. Цвѣты поливала! Смотри, чтобы отъ этого не вышло чего-нибудь

МАША. То-есть, какъ-съ, Иванъ Петровичъ?

АКСАМИТИНЪ. Какъ? Мнѣ что-ли тебѣ объяснять это? Убрайся по добру по здорову, въ комнаты, да не вставай другой разъ до цѣтукъ цвѣты поливать, понимаешь?

МАША (плача). Понимаю! Иванъ Петровичъ!... Божусь вамъ, что это случилось въ первый и послѣдній разъ.

АКСАМИТИНЪ. Ну, ну, ступай! хорошо что еще въ первый, я тебѣ вѣрю. (*Маша уходитъ*). Ты, олухъ, что тутъ вздумалъ за крестьянскими дѣвками увиваться?... Это, братъ, тебѣ не петербургскія—зайдешь далеко, такъ отпечуютъ такъ, что долго не забудешь.

СТЕПАНЪ. Нѣтъ-съ! это я ничего-съ, Иванъ Петровичъ, это только такъ съ.... Въ разсужденіи образованія разговорами занимались!

АКСАМИТИНЪ. Въ разсужденіи образованія!... Ахъ ты образина!... Туда-же въ просвѣтители лезеть! Чтò ты тамъ еще за спину прячешь?... Гитара!... Скажите, пожалуста, какой виртуозъ?... Да что ты играть на гитарѣ умѣешь что-ли?...

СТЕПАНЪ. Умѣю-съ, Иванъ Петровичъ.

АКСАМИТИНЪ. Умѣешь? да кто-жь тебя училъ?

СТЕПАНЪ. Никто-съ! Въ Питербургѣ изъ знакомаго лакейства многіе отлично играли, такъ глядя на ихъ, и самъ навострился. Дѣло къ тому-жь не мудреное-съ! То по всеъмъ стрункамъ, то по одной пальцами перебираешь! Та-же балалайка, только питербургская.

АКСАМИТИНЪ (хохочетъ). Балалайка!... Ахъ ты, Орфей приходишь. И этимъ-то ты плѣняешь деревенскихъ нимфъ?... Чучело!... игралъ бы ты себѣ на варганѣ!... Это-бы хоть уши не драло. А то, одѣваясь сейчасъ, я все прислушивался и не могъ понять, кто это скребетъ гитару; думалъ, не кошка-ли вздумала играть на ней.

СТЕПАНЪ. Шутить изволите, Иванъ Петровичъ! Моей игрой здѣшнія дѣвушки не нахвалятся, на варганѣ играть не такъ сподручно: изъясняться нельзя словесно.

АКСАМИТИНЪ. А тебѣ еще изъясняться нужно, дворовый Ловеласъ. Смотри, чтобы я тебя не заставлялъ впередъ, во время твоихъ изъясненій. Выбирай для этого другое мѣсто, а не передъ моими окнами. Въ особенности, чтобы я не слыхалъ твоихъ глухихъ пѣсенъ. Ни въ одной

реторикъ не встрѣчалъ я отдѣла лакейскихъ пѣсенъ, а онѣ стоятъ того, чтобы ихъ изслѣдовали. Чоръ знаетъ, кто ихъ сочиняетъ. Ну, что ты слушаешь, пошелъ въ комнаты, и коли Орелинъ встанетъ и позвонитъ, такъ ты подай ему все, что онъ спроситъ, а обо мнѣ скажи, что я вернусь черезъ часъ. Только на болото схожу куликовъ пострѣлять. Теперь для этого самое лучшее время. Да смотри, не будить его, коли самъ не встанетъ; онъ еще не привыкъ къ деревенской жизни, встаетъ и ложится, какъ въ Петербургѣ.

СТЕПАНЪ. Слушаюсь! Впрочемъ, вы сами, Иванъ Петровичъ, раненько поднялись сегодня. Еще мужики къ вамъ на работу не собрались.

АКСАМИТИНЪ. Ну, на работу встаетъ позже, чѣмъ на удовольствіе! Когда придутъ, такъ скажи Адаму Семенычу, чтобы присмотрѣлъ за ними. Пора мнѣ, наконецъ, развести этотъ садъ. Что, въ самомъ-дѣлѣ, никакой тѣни пѣтъ передъ домомъ? Иди! *(уходитъ.)*

III.

ЕРЕМЪЙ, СИДОРЪ, КОНДРАТІЙ, и другіе крестьяне и крестьянки выходятъ съ лопатами и граблями со стороны, противоположной той, куда ушелъ **АКСАМИТИНЪ.**

ЕРЕМЪЙ. Накось! Куда это барина съ позаранку понесло? Что ему, сердечному, не спится, что-ли?

СИДОРЪ. Онъ съ ружьемъ, да въ саженныхъ сапожищахъ. Эвто значить, на охоту пошелъ.

ЕРЕМЪЙ. Нѣвидалъ-же, прости Господи, этимъ барамъ по болотамъ таскаться; застрѣлить всего-на-все какую тамъ ни-на-есть ледящую птаху, что и гроша не стоитъ, а сапоговъ на рубль износить, да еще умается, день деньской ходючи.

СИДОРЪ. И добро-бы не кому было за нихъ стрѣлять, а то созови ребятъ изъ деревни и вели имъ за себя охотиться; наташутъ птицъ видимо не видимо, а ты только сиди дома, да принимай ихъ.

ЕРЕМЪЙ. Эхъ! будь я баринъ, ни зачто-бы не всталъ въ раннюю пору, и еще не за дѣломъ, а за бездѣльемъ.

СИДОРЪ. На то ты и Ерема, чтобъ сидѣть дома; не слыхалъ ты развѣ, что охота пуще неволи?

ЕРЕМЪЙ. Эхъ, братъ, не всякому слову вѣрь! Иная поговорка не

при насъ, вишь ты, была сложена, а мы ее, быть можетъ, и не такъ-бы сложили.

КОНДРАТИЙ. Да полно вамъ растабарывать-то! Когда-жъ работать приметесь?

ЕРЕМЪЙ. Подико-ты! Что, убѣжить она, что-ли, работа эвта? Пospѣетъ!

СИДОРЪ. Да и какая это работа... Середь чистаго мѣста кусты да березы сажать. Диво-бы лѣсу не было, а то за рѣкой боръ глазами не окнишь, любуйся себѣ на пни, да на кочки, коли охота есть! Такъ нѣтъ: что-бы къ лѣсу подвинуться, давай лѣсъ къ себѣ подвигать.

ЕРЕМЪЙ. Скажу вамъ я, что это и не доброе дѣло: гдѣ споконь-вѣка указано полю быть, пусть оно тамъ и будетъ; гдѣ лѣсъ — пусть лѣсъ останется. А Божье творенье, вишь ты, по своему передѣлывать не годится.

КОНДРАТИЙ. Ахъ ты, голова съ мозгомъ! Такъ по твоему, какъ ты дурнемъ уродился, такъ тебя и оставить нужно и не учить уму-разуму?

ЕРЕМЪЙ. И не учить! Вѣстимо не пужно! Коли не тянетъ самого человѣка въ науку, оставь его... Самъ пойдетъ, коли нужно будетъ, а нейдетъ — значить, не нужно.

КОНДРАТИЙ. Ну, а на чтожъ ты самъ хлѣбъ жнешь и молотишь? Гдѣ выросила его земля — тутъ и оставь!... Коли будетъ пужно самъ онъ къ тебѣ въ печь полезетъ; а не лезетъ — значить не нужно!... *(Крестьяне хохочутъ).*

ЕРЕМЪЙ. Что вы, дурни, зубы-то скалите? Ничего не понимаете, а туда-же смѣтесь, о чемъ промежъ умныхъ головъ толкъ идетъ.... Дядя Кондратій вовсе не про васъ и рѣчь велъ... Работайте, слышь!... Вѣдь экой лѣнивый народъ, подумаешь — глазбуютъ себѣ, словно не ихъ дѣло дороги прочищать.

ПЕТРУШКА. Да ты самъ-то чтожъ, дядя Еремѣй, ничего не дѣлаешь?

ЕРЕМЪЙ. Ничего не дѣлаю? Ты что суешься, куда тебя не спрашиваютъ? Я, вишь ты, думаю, какъ бы мнѣ лучше сработать. *(Беретъ лѣниво лопату и, опершись на нее руками, кладетъ на нихъ подбородокъ; крестьяне начинаютъ расчищать мѣсто и сажать деревья.)*

СИДОРЪ. Да что-то и дѣвки наши больно лѣниво траву съ грядокъ полютъ. И видно, что Нади съ ними нѣтъ: не такъ-бы работа спорилась.

ЕРЕМЪЙ. И впрямъ, что ее не видать до-сихъ-поръ?

ПЕТРУШКА. Я, дядюшка, видѣлъ ее, какъ мы сюда шли; она отъ дома отца Ивана повернула къ погосту.

КОНДРАТІЙ. Вѣрно пошла по могилкамъ бродить; это съ ней часто случается. Оттолѣ вѣрно и сюда завернетъ.

СИДОРЪ. Да скажи, пожалуйста, дядя Кондратій, я ужъ давно хотѣлъ поспросить тебя: отколѣ взялась у насъ въ деревнѣ эта Надя? Кажись, ты привелъ ее къ нашему священнику?

КОНДРАТІЙ. Я-то, я; а откуда взялась она — этого я и самъ не знаю. Это было, вишь, лѣтъ десятокъ тому назадъ, коли не больше; чай, съ хвостикомъ будетъ. Въ тотъ самый годъ, какъ въ хлѣву у Антипыча волкъ по-ночи корову зарѣзалъ.

ЕРЕМЪЙ (важно). Ну, этому годовъ двѣнадцать будетъ.

КОНДРАТІЙ. Ну, двѣнадцать, такъ двѣнадцать! Ты, впрочемъ, этотъ годъ лучше меня помнить долженъ. Тогда-же нашли тебя подъ плетнемъ сосѣда Савелья, около Петровокъ, всего изломаннаго. Ты еще увѣришь, что это на тебѣ до разсвѣта вѣдьма ѣздила, а сосѣдъ Савелій послѣ признался, что это онъ тебя отподчивалъ за то, что ты подъ хмѣльную руку вздумалъ за его Маланьей ухаживать.

ЕРЕМЪЙ. Эка память-то у мужика, прости Господи! Вретъ Савелій, ну право вретъ. Большая невидаль, Маланья его!... Да на меня всякая дѣвка зазритя, стоитъ только мнѣ поразвернуться.

СИДОРЪ. Да, ну ты, овсяная каша! Полно тебѣ лясы точить. Такъ какъ-же это было, дядя Кондратій?

КОНДРАТІЙ. А вотъ какъ: въ самый великій пятокъ, подъ вечеръ постучался кто-то ко мнѣ въ волоковое окно и сталъ просить подъ воротами, чтобъ пустили обогрѣться. Мы и впустили въ избу; вошла дѣвка блѣдная, худая, еле живая; на ногахъ не стоитъ, такъ и валится. Мы дали ей вздохнуть, накормили, отогрѣли. Разсказала она намъ, что шла изъ сосѣдней деревни, верстъ за двадцать, въ непогоду и распутицу, умаилась, и кабы не завидѣла нашу деревню, пришлось-бы хоть умирать середь чистаго поля. Спрашиваемъ мы ее, откуда она идетъ? — не знаетъ! Куда? — не знаетъ! Кто она такая? — Надя, да и только! Чудно показалось намъ это! Сколько мы не разспрашивали ее — ничего не добились. Заночевала она у насъ; подъ утро въ дорогу собирается. Куда-же ты пойдешь? — Не знаю! — Зачѣмъ? — Не знаю! — Смекнулъ я, что дѣло не ладно. Попросилъ пообождать дѣвку, да къ отцу Ивану. Не задумывался батъка и пошелъ со мною: самъ хотѣлъ

посмотрѣть, что за притча такая. Говорилъ онъ съ ней долго; мы съ бабой вышли на ту пору по двору прибирать. Слышимъ, зоветь насъ отецъ Иванъ черезъ часъ времени и говоритъ мнѣ тихо, пока дѣвка въ дорогу собиралась: «Она полуумная, сирѣчь юродивая, а находитъ это на нее только, когда ее станешь о прежней жизни разспрашивать. У тебя ей оставаться нельзя, а возьму ее къ себѣ я самъ, и дамъ о томъ знать, куда слѣдуетъ». — Ну, вотъ, съ-тѣхъ-поръ она и живетъ все у отца Ивана. Попадья наша такая добрая, какъ родную дочь ее держитъ, а она зато ей по хозяйству помогаетъ, да дѣтей няньчить.

СИДОРЪ. И съ той поры никто не справлялся объ ней?

КОНДРАТІЙ. Никто; видно она круглая сирота, и во всей нашей губерніи никто не зналъ объ ней ничего; должно быть пришла изъ далече. Посылали узнавать объ ней по начальству, да тоже ничего не узнали. Смотрѣли ее лекаря разные, ничѣмъ не помогли. Пока толкуешь съ ней о томъ, что теперь около нея дѣлается, говоритъ разумно; спросилъ о прошломъ — пошла писать. Иной разъ сама силится припомнить, да что-то ей мѣшаетъ, заплачетъ слезно, а послѣ опять захохочетъ. Одно только узнали мы, когда мальчишки по деревнѣ стали ее дурочкой звать. Первый разъ, какъ она услышала это — сильно разсердилась; плакать стала, жаловаться и сказала, что она не дурочка, а управительская дочка.

СИДОРЪ. Управительская дочка? Что-же это такое?

ЕРЕМЪЙ. Что такое? вѣстимо что! управительская дочка значитъ, что она дочь управителя.

СИДОРЪ. Вотъ голова! Все растолкуешь. Съ нимъ и книгъ не надо. Ума палата.

ПЕТРУШКА. Дядюшка, а дядюшка!.. Вона и сама Надя идетъ; съ ней наши мальчишки и дѣвчонки, никакъ опять ее дразнятъ.

КОНДРАТІЙ. Вишь пострѣлята, сколько разъ запрещалъ я имъ это. Пстой-же, надеру имъ вихры, будутъ помнить.

IV.

НАДЯ, за ней бѣгутъ мальчишки и дѣвчонки.

МАЛЬЧИШКИ. Уу!.. Дурочка!.. уу!.. полуумная! (*дергаютъ ее за платье*).

НАДЯ. Отстаньте отъ меня!.. Злые!.. Не стыдно—ли вамъ? Что я вамъ сдѣлала?.. За что вы браните меня? Какая я дурочка! Я управительская дочка.

ВАНЬКА. Неправда, ты дурочка изъ переулочка! ха! ха! ха! ха! уу! что взяла (*дразнитъ ее*).

НАДЯ. Добрые люди! Заступитесь за меня!.. Уговорите ихъ, чтобъ они меня не бранили! Право я не виновата, а отъ ихъ словъ мнѣ тутъ такъ тяжело дѣлается (*сжимаетъ рукой сердце*), плакать хочется. Отгоните ихъ, добрые люди!.. я устала!.. Отъ самой деревни они все гнались за мной, безжалостные! (*опускается на землю и плачетъ*).

КОНДРАТІЙ (*поймавъ Ваньку за ухо*). А вотъ я тебя, разбойникъ, зажига ты этакой! я тебѣ покажу сироту обижать! Эхъ, жаль березы нѣтъ близко!.. Выпороль—бы я тебя, какъ Сидорову козу!.. Да постой, я тебя кушакомъ ... (*развязываетъ кушакъ отъ рубашки*). Да и всѣмъ этимъ эгозамъ достанется!

ВАНЬКА (*вырываясь*). Дядюшка! голубчикъ! не буду, ей Богу не буду, пусти только! увидишь!..

КОНДРАТІЙ. Пошелъ—же!.. да смотри у меня держи ухо остро! другой разъ не попадайся.

ВАНЬКА (*отбѣгаетъ далеко отъ Кондратія*). А дурочка—же! дура неписанная!.. у! что взялъ, не поймашь (*убѣгаетъ*).

КОНДРАТІЙ (*бросаясь за нимъ*). Ахъ, ты мошенникъ! вотъ я—жь тебя!.. Вонъ отсюда, пострѣлята! (*замахивается кушакомъ, мальчишки съ крикомъ разбѣгаются*).

НАДЯ. Опять!.. ахъ ты Господи Боже мой!.. Да за что—же это все?.. Какое зло я имъ сдѣлала, кого я обидѣла!.. И какъ горько, больно слышать мнѣ это ужасное слово!.. право, можно въ самомъ дѣлѣ съ ума сойти, слушая его. Богъ имъ судья! (*отираетъ слезы*).

КОНДРАТИЙ. Ты не смотри на нихъ, Надя! Ребята глупы, балуютъ! Такая ужъ у нихъ повадка. Изъ насъ тебя вѣдь никогда никто не обижалъ.

НАДЯ. Нѣтъ, нѣтъ! никто! вы люди хорошіе! Вы знаете, что нельзя сироту называть дурочкой за то, что она многого не знаетъ и не на все вопросы отвѣчаетъ. Это оттого, что ее мало учили. За то по хозяйству—ли что сдѣлать, прясть, ткать, стряпать, въ полѣ работать — видѣли—ли вы когда—нибудь, чтобы Надя лѣнилась или худо свое дѣло исполняла?

КОНДРАТИЙ. Нѣтъ, не приводилось! Ты на все руки искусница. Исполать тебѣ!

НАДЯ. Ну да, я люблю сама работать и вотъ только думать не могу! На это Богъ мнѣ не далъ умѣнья. Ничего нейдетъ въ голову. Чуть только начну о чемъ—нибудь думать, все такимъ туманомъ и подернется; да и о чемъ думать, не правда—ли, добрые люди? Богъ за насъ всехъ думаетъ, — а мы должны только дѣлать, что онъ намъ указываетъ.

ЕРЕМЪЙ. Вотъ это сущая правда! Это я имъ тоже всякій разъ твержу, что умникъ да разумникъ не за свое дѣло берутся. И кто такія умныя рѣчи говоритъ, не можетъ быть дурочкой!.. Только вотъ странно тоже, что ты всехъ увѣряешь, будто ты управительская дочка. Какого—же ты такого управителя дочь?

НАДЯ (*мѣшаясь въ словахъ*). Какого?.. да?.. Онъ былъ хорошей управитель!.. Честный, добрый человекъ... Все его любили... И онъ любилъ его!.. Нѣтъ, онъ его обманывалъ!.. погубить хотѣлъ и погубилъ.. И отецъ умеръ и дочь умерла. Господи, Господи!.. Зачѣмъ ты наказалъ его!.. Она виновата, а не онъ... Ее накажи... Мало наказалъ!.. Еще!.. Тамъ легче будетъ!.. Будетъ—ли? Страшно, боюсь! (*закрываетъ лицо руками и опускается на землю*).

КОНДРАТИЙ. Ты, Еремѣй, вѣчно доведешь ее до того, что она станетъ заговариваться. Нѣтъ, чтобы помолчать!.. Такъ съ—дуру и вакнетъ!

ЕРЕМЪЙ. Что, съ—дуру?.. Я ей умное слово сказалъ!.. Вольно—жъ ей было занести окошечку!.. Это ужъ такъ на нее само нашло!.. Часъ такой пришелъ.

КОНДРАТИЙ. А кабы ты молчалъ, такъ часу—то этого не было—бы.

ЕРЕМЪЙ. Молчалъ! вишь ты! съ вами все молчи!.. И впрямъ, что съ олухами толковать! Пойду работать (*уходитъ*).

КОНДРАТИЙ (крестьянкамъ). Ей, вы тамъ! подите къ ней! Развеселите ее, а то она до-завтра въ себя не придетъ.

МАРФА (подходя къ ней). Надя!.. голубушка!.. Полно кручиниться. Встань!.. Посиди на скамеечкѣ!.. Тамъ тебѣ лучше будетъ, чѣмъ на сырой землѣ. (Надя машинально встаетъ и поддерживаемая крестьянками, садится на скамью; онѣ окружаютъ ее).

ВАСИЛИСА. Вотъ Маша идетъ, ты любишь ее! поговори съ ней!..

V.

МАША сходить съ террасы: крестьяне работаютъ въ глубинѣ.

НАДЯ. Маша!.. (осматривается), что это вы, милыя мои, окружили меня? Что со мной было!.. Не помню!.. Какъ я пришла сюда?.. Что вы тутъ дѣлаете?..

МАРФА. Садъ разводимъ, да убираемъ! И ты тоже намъ помогала.

НАДЯ. Ахъ, я было и забыла (увидя Машу). Маша!.. здравствуй Маша!.. давно я не видала тебя! Что ты такая скучная?..

МАША (цѣлуя ее). Такъ, Надя!.. не здоровится что-то!

НАДЯ. Не здоровится!.. Что-же ты мнѣ не сказала? Ты знаешь, я немножко и лечить умѣю. Добрый отецъ Иванъ научилъ меня! Сядь здѣсь, подлѣ меня, и расскажи мнѣ, что у тебя болитъ.

МАША. Отъ моей болѣзни у тебя нѣтъ лекарства.

НАДЯ. Почему ты знаешь. Можетъ и найдется. Только расскажи мнѣ подробно, что ты чувствуешь?..

МАША. Чувствую я то, что не приведи Богъ никому испытать. У меня сердце ноетъ, Надя!..

НАДЯ. Сердце!.. Постой!.. Я кажется тоже когда-то испытала эту болѣзнь! Какъ-же оно болитъ у тебя?

МАША. Да такъ, что и сказать нельзя!

НАДЯ. Но отчего-же?..

МАША. Отчего!.. Видишь-ли, Надя!.. Мнѣ не стыдно признаться въ этомъ!.. Я передъ всеми нашими дѣвушками скажу, чтобы примѣръ

мой и имъ въ пользу послужилъ, чтобы не вѣрили они ласковымъ словамъ молодыхъ парней ...

НАДЯ (*дрожа и съ удвоеннымъ вниманіемъ*). Ласковымъ словамъ, говоришь ты?.. Ты тоже повѣрила имъ?..

МАША. Да! я вѣрила имъ, но впору открыла глаза ... Любилъ меня ... или мнѣ казалось только, что любилъ меня злой обманщикъ!.. Долго онъ увивался за мною, услуживалъ мнѣ, увѣрялъ, что безъ меня ему свѣтъ не миль, называлъ меня своей жизнью и радостью, а потомъ ...

НАДЯ (*вскакивая*). А потомъ ... измѣнилъ, обманулъ ... погубилъ тебя!.. Не правда-ли?.. Ха! ха! ха! Знаю я эту сказку, старая сказка! Хочешь, я доскажу ее тебѣ!.. Видишь-ли ты: она была бѣдная, но честная дѣвушка!.. И онъ могъ жениться на ней, онъ увѣрялъ, что женится!.. Хорошо еще, что она не поддавалась ласковымъ рѣчамъ ... потомъ ... О, бѣдная голова моя!.. Какъ тяжело мнѣ!.. Что-жъ было потомъ?.. Кажется обманъ все-таки убилъ ее. Старый отецъ!.. Темная ночь!.. большой гробъ!.. А слезъ-то, слезъ! Господи! Какъ это можетъ человѣкъ столько слезъ выплакать ... Потомъ слезы изсохли! за то камнемъ легли они на-сердцѣ!.. О! пустите!.. Они душатъ, давятъ меня!.. Нѣтъ! не могу я досказать вамъ этой сказки! (*убѣгаетъ*).

МАРФА. Что съ ней? пойдете за нею, чтобы въ забвеньи ей чего не попритчилось (*крестьянки и Маша уходятъ за Надей*).

СИДОРЪ (*подошедшій съ Кондратьемъ еще въ началъ монолога Нади*). Что ни говори, дядя Кондратій, а Надѣ-то приключается немочь отъ любовной зазнобы!

КОНДРАТІЙ. Да почитай что такъ! Начала она кажись и складно рассказывать, да свернула опять на старое.

VI.

ОРЕЛИНЪ и ЦВЕРЪ выходятъ изъ дому.

ЦВЕРЪ. Степанъ говорилъ, что Иванъ Петровичъ скоро будутъ!

ОРЕЛИНЪ. Хорошо, я посижу здѣсь на скамейкѣ.

ЦВЕРЪ. Прикажете подать вамъ чаю?

ОРЕЛИНЪ. Нѣтъ! я съ большимъ удовольствіемъ выпью стаканъ молока.

ЦВЕРЪ. Какъ угодно (*обращаясь въ комнаты*). Эй! Кто тамъ! молока Петру Васильевичу.

ОРЕЛИНЪ (*сходитъ внизъ, мужики снимаютъ шапки*). Здравствуйте, друзья!.. Чѣмъ вы здѣсь занимаетесь?..

КОНДРАТІЙ. Садъ разводимъ, батюшка-баринъ!

ЦВЕРЪ. Иванъ Петровичъ нашли, что передъ окнами ихъ дома не хорошъ видъ на простое поле и вздумали развести тутъ англійскій садъ.

ОРЕЛИНЪ. Проказникъ этотъ Аксамитинъ!.. Отъ бездѣлья не знаетъ, что выдумать (*садится на скамейку*).

ЦВЕРЪ. Ступайте, любезные. По ту сторону дома вамъ надо еще выкопать глубокой ровъ. Съ этой стороны работу надо оставить, до привоза фруктовыхъ деревьевъ (*крестьяне расходятся; слуга выноситъ изъ дому молоко*). Поддай сюда заодно и маленькій столикъ съ терассы. (*Слуга ставитъ на столикъ кружку и стаканъ съ молокомъ, приноситъ столъ къ скамейкѣ и уходитъ*). Вы, если я не ошибаюсь, еще въ первый разъ въ деревнѣ Ивана Петровича?

ОРЕЛИНЪ. Да, я долго былъ за границей, потомъ все время жилъ въ Петербургѣ. Аксамитинъ, съ которымъ мы старые товарищи по учебному заведенію, года четыре съ-ряду звалъ меня погостить къ себѣ на лѣто въ деревню, и я тешеръ только собрался къ нему.

ЦВЕРЪ. А смѣю доложить вамъ, житье въ деревнѣ лѣтомъ такая поэзія!.. Цвѣты, знаете, травки, птички, ручейки, природа разная, все это чрезвычайно какъ занимательно. Вы не изволили никогда жить въ деревнѣ?

ОРЕЛИНЪ. Нѣтъ, жилъ ... прежде! Давно, лѣтъ десять тому назадъ ... Тоже въ гостяхъ ... У меня нѣтъ деревни.

ЦВЕРЪ. Стало быть, вамъ все-таки знакома деревенская жизнь. Иванъ Петровичъ такъ полюбили ее, что вотъ ужъ три года почти-что не выѣзжаютъ отсюда. Всего, кажется, какихъ-нибудь мѣсяца на два каждый годъ. Право, сударь, поживите-ка у насъ по-дольше, такъ подь конецъ сами не захотите уѣхать отсюда!.. А вотъ и баринъ съ охоты вернулись, и кажется кого-то подстрѣлили. Вотъ-то довольны будутъ.

VII.

ТЪ ЖЕ и **АКСАМИТИНЪ** несетъ кулика.

АКСАМИТИНЪ. А! ты ужъ всталъ, Орелинъ! Я думалъ, ты будешь спать по петербургскому! А я часа три ходилъ по болоту, и видишь—ли, какого славнаго длинноносаго и здороваго кулика подстрѣлилъ.

ОРЕЛИНЪ. Въ три часа одну птицу! удивительное удовольствіе!

АКСАМИТИНЪ. Ты, братъ, въ этомъ ровно ничего не понимаешь, позволь мнѣ сказать тебѣ. Дѣло тутъ не въ количествѣ, а въ качествѣ, въ самой охотѣ, а не въ ея трофеяхъ!.. Три часа!.. да хорошій охотникъ цѣлый день проходитъ съ ружьемъ, ничего не застрѣлитъ; за то, какъ счастливъ, веселъ, доволенъ, не чувствуетъ ни жажды, ни усталости! Подвинься—ка, я подлѣ тебя присяду. Ноги что—то ломить. Солнцемъ такъ припекло, что мочи нѣтъ!.. Что это ты пьешь? молоко! Самый лучшій, прохладительный напитокъ. Адамъ Семеновичъ, велителка, пожалуйста, и мнѣ принести чего—нибудь въ родѣ молока ... хоть гроку ... Мы здѣсь съ пріятелемъ выпьемъ, да потолкуемъ.

ЦВЕРЪ. Очень хорошо, пожалуйста, ужъ за одно я отнесу ружье ваше и кулика; а что, вы его зажарить прикажете?

АКСАМИТИНЪ. Нѣтъ, зачѣмъ—же! Онъ, видите, что—то очень худъ. Боюсь, что еще можетъ быть болѣнъ чѣмъ—нибудь. Признаться вамъ, когда я спугнулъ его съ одного куста, такъ онъ едва имѣлъ силы перелетѣть на другой, въ двухъ шагахъ. Отдайте его лучше кошкѣ.

ЦВЕРЪ. Извольте—съ! Грокъ сейчасъ принесутъ (*уходитъ*).

ОРЕЛИНЪ. Съ—ума ты сошелъ, Аксамитинъ! Выдумалъ съ утра ромъ пить!

АКСАМИТИНЪ. Чтожъ! это для охотниковъ здорово!

ОРЕЛИНЪ. Помилуй, да теперь жаръ невыносимый.

АКСАМИТИНЪ. Ну, въ жаръ пьешь для того, чтобы прохладиться!.. И странно! какъ выпьешь только этого животворнаго напитка, такъ силы и удваиваются и опять на охоту подмываетъ.

ОРЕЛИНЪ. Странные—же вы люди. Хороши—же ваши деревенскія удовольствія, которыя ты мнѣ расхваливалъ въ Петербургѣ.

АКСАМИТИНЪ. Ну, кромѣ этихъ есть еще другія. Вотъ, на примѣръ, послѣ охоты сытно пообѣдать и потомъ ...

ОРЕЛИНЪ. Лечь спать?..

АКСАМИТИНЪ. Ну, конечно! развѣ сонъ не удовольствіе въ жизни!..

Онъ необходимъ кому-же для пищеваренія ... За то, какъ проснешься, знаешь, этакъ въ тихій прекрасный вечеръ, когда природа такъ хороша и роскошна, бросишь эти душныя комнаты и выйдешь на лугъ ... И потомъ, на чистомъ воздухѣ, полною цвѣточными испареніями ... А какія здѣсь ночи, прелесть! тихія, фосфорическія, свѣчи на зеленомъ столѣ горять ровно, пламя не шелохнется. Удивительная природа!..

ОРЕЛИНЪ. Признаюсь! нечего сказать! завидная жизнь. (*Слуга между-тѣмъ приноситъ большую чашку гроку и уходитъ*).

АКСАМИТИНЪ. И конечно, завидная! Изъ чего мы бьемся и хлопочемъ всю жизнь? Чтобы достигнуть спокойствія въ старости? Отчего же не пользоваться этимъ спокойствіемъ раньше старости, если это возможно? А то многіе у насъ очень похожи на бѣлку въ баснѣ Крылова, которая трудилась и голодала весь вѣкъ, въ надеждѣ получить обѣщанный возъ орѣховъ. Орѣхи-то ей дѣйствительно пожаловали, только тогда, какъ у нея выпали все зубы.

ОРЕЛИНЪ. Я вижу, что деревня сдѣлала тебя большимъ философомъ!

АКСАМИТИНЪ. Очень можетъ быть! Я здѣсь ничѣмъ не занятъ! А вѣдь и философія родилась въ головѣ тѣхъ, которымъ нечего было дѣлать. Вотъ и мы съ тобой то-же кажется теперь философствуемъ, то-есть, переливаемъ изъ пустаго въ порожнее. Вышьемъ-ка лучше по стаканчику грока. Это укрѣпитъ нашу мыслящую силу, и мы на досугѣ сочинимъ себѣ то-же какую-нибудь философскую систему.

ОРЕЛИНЪ. Благодарю! Право не хочется.

АКСАМИТИНЪ. Ну, да сдѣлай одолженіе, не упрямясь! Для меня! Въ память нашей школьной дружбы. Ну, чокнемся.

ОРЕЛИНЪ. Если тебѣ этого непременно хочется... (*пьетъ*) какъ крѣпко! почти одинъ ромъ.

АКСАМИТИНЪ. Это тебѣ такъ кажется, потому-что ты не былъ на охотѣ! Этотъ грокъ могутъ институтки пить ... право!.. Женскій напитокъ (*пьетъ*).

ОРЕЛИНЪ. Кстати: въ числѣ деревенскихъ удовольствій ты еще не говорилъ мнѣ ни слова о главномъ: о женщинахъ!.. Есть у васъ за кѣмъ здѣсь поволочиться?

АКСАМИТИНЪ. Не бойся, для тебя найдется и это развлеченіе.

ОРЕЛИНЪ. Вѣрно какія нибудь деревенскія пастушки.

АКСАМИТИНЪ. У насъ и кромѣ пастушекъ есть красавицы изъ сосѣдокъ, дочерей помѣщиковъ!.. Да вотъ кстати, у моего управителя, котораго ты сейчасъ здѣсь видѣлъ, есть дочка, Мальхенъ! Вотъ братъ, нѣмочка, чудо просто! *Hol mich der Teufel.*

ОРЕЛИНЪ. У управителя?.. Ты говоришь, что у твоего управителя есть дочь?

АКСАМИТИНЪ. Да, чтожъ тутъ удивительнаго? Развѣ управитель не можетъ имѣть дѣтей!..

ОРЕЛИНЪ. Но я думалъ ... мнѣ казалось?..

АКСАМИТИНЪ. Ну, вотъ ты уже начинаешь, кажется, философствовать, въ словахъ путаешься!.. Кой чортъ, ужъ не влюбленъ-ли ты въ Мальхенъ. Да ты кажется и не видалъ ее ни разу, только вчера прѣхавши ко мнѣ?..

ОРЕЛИНЪ. Какой вздоръ!.. Съ чего ты взялъ?.. Я такъ спросилъ тебя... Мнѣ показалось страннымъ...

АКСАМИТИНЪ. Послушай, Орелинъ, я давно хотѣлъ замѣтить тебѣ, что твои слова и поступки бывають иногда очень странны... Ты былъ вовсе не такой, когда мы вышли съ тобой изъ училища.

ОРЕЛИНЪ. Нашелъ чему удивляться. Въ двѣнадцать лѣтъ можно, я думаю, измѣниться!

АКСАМИТИНЪ. Въ обращеніи, но не въ характерѣ! А ты изъ веселаго, беззаботнаго ученика, сдѣлался скучнымъ, задумчивымъ, нелюдимымъ; даже пребываніе за границей не разсѣяло тебя! воротился такимъ—же медвѣдемъ. Какъ теперь помню ... эта перемѣна случилась съ тобой черезъ полгода послѣ нашего выпуска. Ты уѣхалъ въ деревню къ твоему дядѣ прежнимъ милымъ, добрымъ товарищемъ, а вернулся оттуда въ Петербургъ просто звѣремъ. Неужто тебя могла такъ измѣнить деревенская жизнь? Не оттого-ли только на пятый годъ послѣ прѣзда изъ-за границы, рѣшился ты наконецъ погостить у меня, хоть я просилъ тебя объ этомъ каждый годъ.

ОРЕЛИНЪ. Я не понимаю, что ты хочешь этимъ сказать; я не люблю деревенской жизни, это правда, но это еще не доказываетъ ничего! Въ деревнѣ у моего дяди мнѣ было, напротивъ, весело, очень весело. Чтожъ ты не пьешь больше? Налей и мнѣ, да продолжай рассказывать объ удовольствіяхъ деревенской жизни. Я очень люблю деревенскую жизнь (*выпиваетъ еще стаканъ*).

АКСАМИТИНЪ. Послушай, Орелинъ! Если ужъ зашелъ разговоръ о твоёмъ характерѣ, то я выскажу тебѣ все, что у меня на душѣ. Въ училищѣ и въ свѣтѣ ты называлъ меня своимъ другомъ! Я не стану говорить тебѣ о училищныхъ клятвахъ — не имѣть другъ отъ друга тайнъ, это были юношескія клятвы, и ты, измѣнившись, могъ позабыть ихъ; не буду требовать отъ тебя ни признаній, ни откровенности. Но, для

тебя самого, для твоихъ родныхъ и знакомыхъ, прошу тебя, будь внимательнѣе къ самому себѣ. Всѣ, кто любятъ и знаютъ тебя, не могутъ не замѣтить, что ты дѣлаешься иногда на себя не похожъ. Есть у тебя мысль на душѣ, которая тебя томить и тревожить,—этого ты ни отъ кого не скроешь, потому—что ты благородень и чистъ въ душѣ, потому—что ты можешь впасть въ проступокъ, но не будешь имѣть столько цинизма, чтобы извинять его. На это способны одни глубоко испорченныя натуры. Старайся—же если можно, поправить свой проступокъ. Не я одинъ замѣчаю, что иногда лицо твое, вотъ какъ теперь, носить на себѣ такой отпечатокъ страха и отчаянія, какъ—будто ты и въ-самомъ-дѣлѣ сдѣлалъ какое—нибудь преступленіе.

ОРЕЛИНЪ. Преступленіе?.. Ты говоришь—преступленіе? Да, ты не ошибаешься, я точно совершилъ преступленіе!

АКСАМИТИНЪ. Орелинъ!.. Другъ мой!.. Ты забываешься!

ОРЕЛИНЪ. Нѣтъ! нѣтъ! я помню!.. я все очень хорошо помню!.. Я точно преступникъ! Ты правъ: на душѣ у меня есть тяжелый грѣхъ!.. Онъ душитъ, давить меня!.. Добрый мой другъ и товарищъ! Я виноватъ передъ тобою, передъ всѣми, кто любятъ меня!.. Я не достоинъ вашей дружбы! Я скрывалъ отъ васъ постыдный проступокъ!.. Больше десяти лѣтъ лежитъ онъ у меня камнемъ на сердцѣ!.. Самолюбіе не позволяло мнѣ сознаться въ немъ. Ты открылъ мнѣ глаза!.. Случай, или скорѣе, самъ Богъ, принуждаетъ меня все открыть тебѣ. Выслушай меня! Это признаніе, можетъ быть, облегчить, успокоить меня. Проступокъ мой непростителенъ. Ты давеча называлъ меня честнымъ и благороднымъ человѣкомъ, знай—же, что ты ошибся, что уже болѣе двѣнадцати лѣтъ каждый изъ моихъ товарищей имѣетъ право назвать меня низкимъ и безчестнымъ.

АКСАМИТИНЪ. Орелинъ, ты слишкомъ строгъ къ самому себѣ. Къ чему преувеличивать какое—нибудь заблужденіе, шалость молодости.

ОРЕЛИНЪ. Ты слишкомъ снисходителенъ ко мнѣ. Неужели ты назовешь шалостью, заблужденіемъ то, что я, во время моего пребыванія въ деревнѣ дяди, обманулъ молодую дѣвушку, умную, милую, образованную; обѣщался жениться на ней и потомъ не возвращался къ ней

АКСАМИТИНЪ. Конечно, поступокъ твой дурень, необдуманъ, но можетъ быть вы оба увлеклись молодостью. Къ тому—же она сберегла

свою честь. Ты вѣрно хотѣлъ жениться на ней, но тебѣ помѣшали обстоятельства, семейство.

ОРЕЛИНЪ. Мнѣ никто не мѣшалъ. Я могъ располагать моею судьбою и изъ одного пустаго самолюбія не хотѣлъ исполнить своего обѣщанія. Мнѣ казалось низкимъ жениться на дочери управителя!..

АКСАМИТИНЪ. Дочери управителя? Такъ она была... А какъ звали ее?..

ОРЕЛИНЪ. Надеждой!..

АКСАМИТИНЪ. Надя! Боже мой! И что-же съ ней сдѣлалось послѣ твоего отъѣзда?

ОРЕЛИНЪ. Не знаю! Я оставилъ ее послѣ пяти мѣсяцевъ знакомства. Я уѣхалъ за границу, чтобы заглушить новыми впечатлѣніями голосъ совѣсти, испытать, дѣйствительно-ли я не могу жить безъ нее, безъ этой любви. Когда-же совѣсть побѣдила самолюбіе и я возвратился, прошло пять лѣтъ, отца ея уже не было въ деревнѣ, дочь вмѣстѣ съ нимъ пропала безъ вѣсти. Никто не зналъ, куда она дѣвалась! Я напрасно отыскивалъ ее. Послѣ уже узналъ я, что старшій управитель умеръ въ другомъ городѣ.

АКСАМИТИНЪ. О! какое подозрѣніе! Орелинъ! я долженъ сейчасъ-же убѣдиться въ этомъ! Подожди меня здѣсь немного! Я скоро ворочусь. Мнѣ нужно видѣть моего управителя. (*Уходитъ*) Сейчасъ спрошу его обо всемъ, что касается до бѣдной Нади и велю отыскать ее (*уходитъ*).

ОРЕЛИНЪ. Нѣтъ, самое признаніе не облегчаетъ меня. Голова моя горитъ!.. Сердце ноетъ! О, неужели нѣтъ средства избавиться отъ этого мучительнаго положенія!..

VIII.

НАДЯ (*выходитъ изъ-за дому*). Какъ я устала! Легко-ли, съ которыхъ поръ работала!.. Теперь, слава Богу, кончено!.. Наши мужики только ровъ докопаютъ. Я подожду ихъ, и пойду вмѣстѣ съ ними въ деревню. А пока отдохну (*идетъ къ скамейкѣ, гдѣ сидитъ Орелинъ*).

ОРЕЛИНЪ (*вскакиваетъ, увидя ее*). А!.. Что это! Или совѣсть моя вызвала изъ могилы этотъ образъ, чтобы сильнѣе мучить меня?..

НАДЯ (*медленно приподымаясь со скамейки, на которую было съѣла*). Что этотъ господинъ такъ на меня смотритъ?.. Мнѣ кажется, я когда-то видѣла его; гдѣ только, не помню.

ОРЕЛИНЪ. Нѣтъ!.. не можетъ быть!.. Скажи мнѣ, кто ты... Кто вы такія?

НАДЯ (*кланяясь ему*). Управительская дочка, сударь!..

ОРЕЛИНЪ. Управительская дочка! А ... такъ и есть, Аксамитинъ говорилъ мнѣ, что у его управителя есть дочь... Это вѣрно она ... а я думалъ...

НАДЯ. Что онъ про себя бормочетъ!.. Глаза такіе страшные... Ужъ не сумасшедшій-ли онъ? Я уйду отсюда!.. Я боюсь сумасшедшихъ (*хочетъ уйти*).

ОРЕЛИНЪ. Вы ... вы ... ужъ уходите?

НАДЯ. Да-съ, пора домой, скоро всѣ наши пойдутъ въ деревню; работа кончена.

ОРЕЛИНЪ. А развѣ вы живете не здѣсь?

НАДЯ. Нѣтъ-съ, я живу у нашего деревенскаго священника, отца Ивана.

ОРЕЛИНЪ. По вашъ отецъ? развѣ онъ не здѣсь живетъ.

НАДЯ. Мой отецъ ... не знаю ... не помню!

ОРЕЛИНЪ. Что это значитъ? Но вѣдь вы... Васъ зовутъ Мальхенъ?

НАДЯ. Нѣтъ, меня зовутъ Надеждой.

ОРЕЛИНЪ. Надеждой! Господи! Такъ вы не дочь здѣшняго управителя Цвера?

НАДЯ (*забываясь*). Нѣтъ ... я ... я управительская дочка, я не дурочка, вы не вѣрьте имъ! Они злые люди, они все обижаютъ меня! Я ни въ чемъ не виновата (*хочетъ убѣжать*).

ОРЕЛИНЪ (*схватывая ее за руку*). Пойдите! ради Бога! Скажите мнѣ: умоляю васъ, кто вы?

НАДЯ. Я, я Нада! я васъ не знаю! Пустите меня. Что вы отъ меня хотите! Я боюсь васъ, вы такой страшный!..

ОРЕЛИНЪ. Одно слово, только одно, кто вашъ отецъ?

НАДЯ. Мой отецъ? развѣ у меня былъ отецъ? Да, былъ! Онъ лежалъ такой блѣдный въ томъ черномъ гробу... (*съ воплемъ*) О! не

хорошите его! погодите! Можетъ быть, онъ еще не умеръ! Съ кѣмъ-же я-то останусь? Одинъ уѣхалъ! другіе умерли! И мнѣ также надо умереть! Чтожъ я безъ нихъ буду дѣлать?..

ОРЕЛИНЪ. О, нѣтъ сомнѣнія! твоего отца звали Яковъ Петровичъ?

НАДЯ (*въ ужасѣ*). Молчи! молчи! ради Бога, молчи! Не говори никому! никому! меня узнають... всё узнають! И мое горе, и смерть... Я бѣжала, далеко бѣжала... мнѣ было стыдно смотрѣть на нихъ, тамъ всё знали, что я... что онъ бросилъ меня. Отецъ все молчалъ, только все плакалъ; не бранилъ меня, не корилъ меня, только всё плакалъ, да молчалъ... Ахъ, какъ онъ любилъ меня! а я забыла, какъ зовутъ его! Хорошо, что ты мнѣ напомнилъ! Я теперь буду все за Якова молиться.

ОРЕЛИНЪ. Господи, какое страшное наказаніе, несчастная сошла съ ума!

НАДЯ. И ты тоже повѣрилъ имъ! Я не сумасшедшая! Я управительская дочка! за что ты бранишь меня. Что я тебѣ сдѣлала?

ОРЕЛИНЪ. Надя! Надя! моя бѣдная! милая моя! Узнай меня, опомнись! Вглядишься въ меня. Это я, я, кто любилъ тебя, кто покинулъ тебя! но кто теперь на колѣнахъ ждетъ твоего прощенія, одного твоего взгляда, оди го слова. Я твой Петръ! твой Орелинъ!

НАДЯ (*съ воплемъ*). О! это онъ! спасите меня! (*Падаетъ безъ чувствъ*).

ОРЕЛИНЪ (*кладетъ ее на скамейку*). Она безъ чувствъ!.. кто тамъ?.. Помогите!

IX.

АКСАМИТИНЪ, ЦВЕРЬ изъ дому; **КРЕСТЬЯНКИ.**

АКСАМИТИНЪ. Чтò такое сдѣлалось! Орелинъ!.. Надя!..

ОРЕЛИНЪ. Другъ мой! Это она!... Помоги мнѣ привести ее въ чувства.

АКСАМИТИНЪ (*Цверу*). Адамъ Семенычъ! Воды, спирту, солей, скорѣй! (*Цверъ убѣгаетъ и потомъ вскорѣ возвращается; крестьян-*

янки окружаютъ Надю). Я почти былъ въ этомъ увѣренъ, и только что отдавалъ приказаніе сыскать ее. Ты случайно встрѣтился съ нею, но узнала-ли она тебя?

ОРЕЛИНЪ. Нѣтъ! я долго говорилъ съ нею! И только-что назвалъ себя, какъ она упала въ обморокъ. Какъ ужасно наказалъ меня Богъ! Она помѣшана.

АКСАМИТИНЪ. Къ-несчастію! Но сумасшествіе ея было тихое, не полное. Она не помнила только прошлаго. Неожиданная встрѣча съ тобою можетъ произвести переворотъ въ ея организмѣ, имѣть счастливыя послѣдствія. Она приходитъ въ себя ...

ОРЕЛИНЪ. О, если Богъ возвратитъ ей разсудокъ!

НАДЯ (*открываетъ глаза*). Что со мной? Кто вокругъ меня? ахъ, это вы, добрые люди! Но гдѣ я? Какъ я очутилась здѣсь? Память моя стала какъ-то свѣтлѣе. Я теперь все могу припомнить; все, даже... о, лучше-бы мнѣ не вспоминать объ этомъ, (*увидя Орелина*). А вотъ онъ! ужасный человѣкъ! зачѣмъ я опять увидѣла его? (*закрываетъ лице*).

ОРЕЛИНЪ (*бросаясь къ ней*). Надя, Надя! простишь-ли ты меня?

НАДЯ (*отталкивая его*). Пойдите, дайте мнѣ сказать нѣсколько словъ этимъ добрымъ людямъ, которые пріютили меня, больше двѣнадцати лѣтъ ухаживали за мной, какъ за родной сестрой. А знаете-ли вы, кого ласкали, добрые люди? Сегодня поутру я начала разсказывать сказку и теперь доскажу ее: посмотрите на этого человѣка. Онъ обманулъ меня, обѣщалъ жениться на мнѣ и уѣхалъ за границу, чтобы я не могла найти его. Погодите, это еще начало сказки.

ОРЕЛИНЪ. Надя, Надя еслибы ты видѣла въ эту минуту мое сердце, ты-бы простила меня!

НАДЯ (*не слушая его*). Отецъ мой былъ равенъ ему по званію и далъ мнѣ прекрасное воспитаніе; у него было только больше денегъ, и онъ уѣхалъ, сказавши, что отправляется все готовить къ нашей свадьбѣ. Я писала къ нему нѣсколько разъ, онъ не отвѣчалъ ни слова, Скоро я узнала, что онъ совсѣмъ уѣхалъ изъ Россіи. Видно ему стыдно было смотрѣть на русскихъ людей. Между ними нашлось-бы немного похожихъ на него! Я все поняла тогда, но я такъ любила его, что готова была простить ему все, если-бы онъ вернулся.

ОРЕЛИНЪ. Надя! клянусь тебѣ, что я самъ мучился не меньше тебя, въ борьбѣ съ моимъ самолюбіемъ! О! это ужасно! ужасно!

НАДЯ. Отецъ не упрекалъ. меня, Только въ одну ночь онъ по-старѣлъ десятию годами. Не хотѣлъ онъ также, чтобъ деревня, въ которой тридцать лѣтъ всѣ знали его за человека честнаго и благороднаго, стала толковать о томъ, что отъ его дочери бѣжалъ женихъ. Онъ уѣхалъ со мной въ другой отдаленный городъ, гдѣ никто не зналъ насъ. Тамъ схоронили и моего отца, давно уже большаго отъ стыда и печали. Тогда Богъ сжаился надо мною: онъ отнял у меня память о прошедшемъ.

ОРЕЛИНЪ (*бросаясь на колѣна и схватывая ее за руку*). Надя! Еще разъ умоляю тебя: прости меня! Велико мое преступленіе, но я могу еще загладить его; согласишься принять мою руку, быть моею женою; мое имя, состояніе, все принадлежитъ тебѣ.

АКСАМИТИНЪ. Хорошо!.. Это благородный поступокъ.

НАДЯ. Поздно, Петръ Васильевичъ! Прошедшаго ничѣмъ не воротить: я-бы обманула себя и васъ, еслибъ приняла ваше предложеніе. Одинъ поступокъ молодости рѣшаетъ безвозвратно судьбу всей жизни. Двѣнадцать лѣтъ тоски, горя, нужды, несчастій, сумашествія,—нельзя позабыть. Кромѣ любви есть въ сердцѣ женщины и другія чувства. Я теперь уже не прежняя Надя; во мнѣ нѣтъ ни молодости, ни красоты, ни любви къ вамъ. Все вы убили; сердцу не жить дважды. Могу-ли я любить, какъ прежде, человека, который былъ причиною — смерти моего отца. Всѣ, что я могу сдѣлать, это только простить васъ, какъ христіанка, и не вспоминать объ васъ. Кто такъ много страдалъ, тотъ не можетъ чувствовать, какъ прежде. Если я и переживу этотъ тяжелый переворотъ, воскресну снова умомъ и тѣломъ, то чувства мои не воскреснутъ, всѣ они погасли въ душѣ моей, кромѣ одного: любви къ Богу. На землѣ нѣтъ для меня болѣе никакой радости. Я найду себѣ пріютъ въ тихой обители, гдѣ буду готовиться къ лучшей жизни.

ОРЕЛИНЪ. Неужели никакія просьбы и моленія не могутъ перемѣнить твоего рѣшенія? Неужели ты никогда не сжаишься надо мною?

НАДЯ. Время не всѣ раны залечиваетъ! Есть такія, которыя оно только растравляетъ. Можетъ быть, черезъ нѣсколько лѣтъ, я пріучусь смотрѣть на васъ, какъ на человека посторонняго, — вотъ все, что я могу обѣщать вамъ. Проститесь лучше навсегда, Петръ Васильичъ.

ОРЕЛИНЪ. Но если я не переживу твоего отказа, если я убью себя?

НАДЯ. Я не пожалѣю о васъ. Въ жизни вашей, сдѣлавши мое несчастіе, вы можете еще загладить его, составляя счастье другихъ. Смерть ваша ничего не искупить; она докажетъ только ваше малодушіе!

Жить иногда тяжелѣе, чѣмъ умереть! Прощайте-же! Простите и вы, друзья мои.

КРЕСТЬЯНЕ И КРЕСТЬЯНКИ (*подходя поближе*). Надя, голубушка! ты оставляешь насъ?

НАДЯ. Я хочу вполне исполнить наше земное назначеніе: я любила, страдала и трудилась. Миѣ остается только одно — молиться.
(*Крестьяне схватываютъ ея руки и цѣлуютъ ихъ; она стоитъ посреди ихъ, поднявъ глаза къ небу. Орелинъ падаетъ на грудь Аксамитина.*)

II.

Ф А У С Т И Я

НОВВСТЬ

ШАРЛЯ РЕБО.

I.

На югъ Франціи есть маленькій городокъ, дурно расположенный, дурно выстроенный и открытый ужасному сѣверозападному вѣтру. Промышленность и торговля въ этомъ мѣстечкѣ никогда не были въ цвѣтущемъ состояніи: въ городѣ нѣтъ ни театра, ни музея, ни библіотеки; въ немъ не встрѣтишь ни малѣйшей исторической достопримѣчательности, даже ни одной развалины; тяжелый фасадъ приходской церкви напоминаетъ истекшій вѣкъ, городское-же правленіе помѣщено въ низенькомъ зданіи. Въ городкѣ даже нѣтъ почтовой станціи, несмотря на то, что онъ пересѣкается большой дорогой, называемой нынѣ общественной. Эта дорога, чрезвычайно грязная зимой, и не менѣе того пыльная лѣтомъ, составляетъ главную улицу города. Домá, случайно вытянутые

въ одну линію по обѣимъ сторонамъ шоссе, имѣютъ видъ безжизненный и спокойный: ни одной служанки, болтающей у дверей, ни одной сплетницы съ чулкомъ въ рукѣ, ходящей изъ дома въ домъ и разносящей городскія новости; можно-бы подумать, что всѣ жители оставили свои дома, еслибъ изрѣдка не встрѣчались кое-гдѣ открытыя окна, чрезъ которыя можно видѣть закопѣлые потолки, обветшалые обои и занавѣски изъ бѣлаго каленкора, украшенные бѣлой бахромой и узорами.

Въ концѣ главной улицы, нѣсколько домовъ отдѣляются отъ прямыхъ линій и составляютъ неправильную часть города. Бассейнъ, съ отдыхающею Наядою, выглядывающей изъ тростника и опирающеюся локтемъ на урну, украшаетъ это мѣсто. Это милологическое изображеніе много пострадало отъ переменъ погоды, и болѣе еще отъ жестокихъ оскорбленій, наносимыхъ ему ежедневно школьниками приходскаго училища. Съ незапамятныхъ временъ, эта шумная молодежь употребляетъ Наяду вмѣсто мишени, бросая ей въ носъ, съ необыкновенною ловкостью, каштаны и голыши. На углу этого мѣста есть кофейня, съ вывѣской, на которой нарисованы два бильярдные кія, а надъ ними три шара; передъ этимъ-то заведеніемъ собираются городскіе чины читать газеты и толковать о политикѣ. Рядомъ съ кофейной есть нѣчто въ родѣ трактира, который можно узнать по огромной вывѣскѣ на главной двери. Съ перваго взгляда живопись этой вывѣски, кажется, представляетъ корку пирога на синемъ фаянсовомъ блюдѣ; но взглядываясь пристальнѣе, замѣтно, что живописецъ хотѣлъ нарисовать городъ, котораго валъ, цвѣта желтой охры, поднимается изъ середины широкой полосы индиго, представляющей море. Впрочемъ, надпись, намалеванная огромными буквами надъ этой картиной — «Городъ Алжиръ. Катевенъ, трактирщикъ» — уничтожаетъ всякое сомнѣніе.

Напротивъ этихъ двухъ заведеній стоитъ домъ, самый красивый въ цѣломъ городѣ. Дверь его украшена мѣднымъ молоткомъ, окна завѣшаны зелеными шторами, и во всю длину перваго этажа устроенъ желѣзный балконъ. Фронтонъ этого зданія, называемаго домомъ полковника, въ память владѣльца, который его такъ украсилъ, имѣетъ, также въ видѣ украшенія, солнечные часы, по которымъ повѣряются всѣ окрестные часы.

Путешественникъ, высунувъ голову изъ кареты при проѣздѣ главной улицы, можетъ обозрѣть всю эту перспективу однимъ взглядомъ: и каштановыя деревья, опаленныя солнцемъ, и фонтанъ Наяды съ разбитымъ носомъ, и домъ полковника съ солнечными часами, и трактиръ, хвастающій своею вывѣскою, и красивую кофейню, передъ которой жители

города собираются каждое утро смотреть на проезжающіе дилижансы.

Однажды, въ январѣ мѣсяцѣ, нѣсколько лѣтъ тому, было очень холодно. Привычные посѣтители кофейни не являлись въ урочный часъ, что не мало озадачивало содержателя.

— Что-бы это значило? гдѣ всѣ эти господа? сказала онъ, разговаривая самъ съ собою: они приходили, бывало, и въ гораздо худшее время!

Увидя курящаго молодого человѣка, который сидѣлъ передъ кофейнею, на солнцѣ, онъ подошелъ къ нему.

— Мое почтеніе, г. Жироне! Не хотите-ли прочесть газеты?

— Парижскія новости? Благодарю! отвѣчалъ молодой человѣкъ: я только-что пріѣхалъ оттуда и всѣ эти новости у меня въ карманѣ. Спасибо, любезный Жеромъ Фротъ-эн-леръ, спасибо.

— Вы узнали меня! Вы еще помните мое имя и мое прозвище! вскричалъ содержатель съ самодовольствіемъ. Я дѣйствительно Фротъ-эн-леръ и помню васъ вотъ какимъ. (При этомъ онъ приподнялъ руку на поларшина отъ земли.) Помню даже, какъ вы родились. А это было давненько.

— Да, почти тридцать лѣтъ, отвѣчалъ молодой человѣкъ смѣясь: это было въ 1815 году.

— Да, послѣ битвы при Ватерло. Впрочемъ, сколько лѣтъ мы уже потеряли васъ изъ виду!

— Со времени моего вступленія въ школу. Однако-же я былъ здѣсь во время каникулъ.

— Одинъ разъ, всего одинъ разъ. Всякій полдень вы приходили играть со мною въ кегли, въ саду полковника, а я училъ васъ насвистывать наполеоновскій маршъ. Да, я этого никогда не забывалъ; всегда у вашей матушки справлялся о васъ, и когда носилъ ей ваши письма, то любовался вашимъ почеркомъ. Знаете-ли? черты ваши нисколько не измѣнились! Увидя васъ, я тотчасъ вспомнилъ слова полковника. Однажды, когда вы были еще не выше моего драгунскаго сапога, полковникъ, глядя на васъ, сказалъ: «у этого мальчишки ужъ теперь такой воицскій видъ, изъ него выйдетъ лихой гренадеръ».... Полковникъ васъ очень любилъ.... Но довольно! — Когда я начну объ этомъ, то забуду все дѣло. Добраго утра, г-нъ Жироне, до свиданія.

— Прощай, любезный Жеромъ, прощай! отвѣчалъ молодой человѣкъ, дѣлая дружескіе знаки содержателю кофейни, который пошелъ отъ него въ припрыжку, походкой живой и легкой.

Въ эту минуту путешественникъ, остановившійся въ трактирѣ, показался на порогѣ и, слегка поклонясь молодому человѣку, котораго

принялъ за обычнаго посѣтителя кофейни; подошелъ къ нему ближе, сѣлъ рядомъ и взялъ со стола журналы, но только взглянулъ на нихъ разсѣянно и опять бросилъ на столъ. Потомъ, облокотясь на спинку стула, онъ сталъ качаться на немъ, засунувъ руки въ карманы, поднявъ голову и блуждая глазами по площади, которая въ эту минуту была совершенно пуста.

Г-нъ Жироне взглянулъ на путешественника, стряхнулъ пепель съ сигары и продолжалъ курить молча. Человѣкъ этотъ дѣйствительно былъ одинъ изъ тѣхъ субъектовъ, на которыхъ не обращаютъ вниманія. Онъ былъ среднихъ лѣтъ, роста небольшого; волосы у него были каштановые, лицо чистое, овальное, носъ прямой, однимъ словомъ, это былъ одинъ изъ тѣхъ людей, у которыхъ въ паспортахъ обыкновенно пишутъ: *особыхъ примѣтъ не имѣется*. Одежда его совершенно соотвѣтствовала наружности; на немъ было широкое, длинное, покойное пальто; низъ его клѣтчатыхъ панталонъ лежалъ на опойковыхъ ботинкахъ, а его накрахмаленный воротъ выказывалъ бумажную цвѣтную рубашку. И наружность и костюмъ его составляли яркій контрастъ съ щеголеватымъ молодымъ парижаниномъ.

Путешественникъ, съ своей стороны, взглянулъ на Жироне; потомъ, приложивъ руку къ своей новой, лоснящейся шелковой шляпѣ, сказалъ вѣжливо:

— Смѣю спросить: вы здѣшній?

— Да! отвѣчалъ лаконически молодой человѣкъ.

— Должно быть, здѣсь окрестности прекрасныя? прибавилъ путешественникъ.

— Не очень! отвѣчалъ сквозь зубы Жироне.

— Впрочемъ, я такъ сказалъ, наобумъ, продолжалъ путешественникъ: я здѣсь никогда не бывалъ; третьяго дня, дѣла заставили меня здѣсь остановиться; черезъ два часа они были кончены и остальная часть дня мнѣ показалась безконечною. Убхать не было никакой возможности. Сначала я былъ въ отчаяніи, но потомъ...

— Потомъ, сказалъ Жироне: вы покорились необходимости и продолжали скучать.

— Напротивъ, я былъ очень доволенъ, что остался, отвѣчалъ путешественникъ.

— Значитъ, вы нашли себѣ развлеченіе! Здѣсь? вскричалъ, смѣясь, Жироне: о! такъ вы сдѣлали большое открытіе, и я вамъ буду чрезвычайно обязанъ, если вы мнѣ его сообщите.

— Третьяго дня погода была скверная, продолжалъ иностранецъ все тѣмъ-же тономъ: вѣтеръ дулъ съ такой силой, что крутилъ песокъ,

какъ сухіе листья; выйти изъ дому не было никакой возможности; я не зналъ, что дѣлать. Въ гостинницѣ-же этой, какъ кажется, никто не бываетъ. Даже за общимъ столомъ я сидѣлъ—одинъ. Около восьми часовъ я пошелъ въ мою комнату, съ намѣреніемъ лечь спать. Въ это время, я кажется, заплатилъ-бы пятьсотъ франковъ за какое-нибудь мѣсто въ дилижансѣ. Наконецъ, располагаясь ложиться, я увидѣлъ нечаянно книгу на углу камина. Забавляясь чтеніемъ я вовсе не привыкъ и такъ только иногда пробѣгаю журналы. Однако я началъ читать, и представьте, всю ночь напролетъ прочиталъ книгу отъ первой страницы до послѣдней.

При этихъ словахъ онъ вынулъ изъ кармана книгу, въ родѣ тѣхъ, на которыхъ бываетъ ярлыкъ какой-нибудь публичной библіотеки, и которыя всегда находишь рядомъ съ трубкой странствующаго прикащика, на трактирныхъ столахъ или въ карманахъ дилижансовъ. Эта книга, по-видимому, прошла черезъ много рукъ неопытныхъ и необразованныхъ, судя по пятнамъ на ея переплетѣ и безчисленнымъ отмѣткамъ, болѣе или менѣе незамысловатымъ, на ея пробѣлахъ.

— Романъ Фредерика Сулье, сказалъ Жироне, взглянувъ на заглавіе: я понимаю, что чтеніе это могло занять васъ въ продолженіе ночи; за то на другой день... вамъ оставалось только начать съизнова.

— На другой день—это было вчера—отвѣчалъ иностранецъ: вѣтеръ утихъ и я отправился гулять за городъ, вдоль большой дороги.

— Я бы предпочелъ начать снова чтеніе романа, пробормоталъ Жироне съ легкой улыбкой.

Путешественникъ продолжалъ рассказывать свою прогулку:

— Я все шелъ, шелъ и, дошедъ до развалившейся мельницы, а оттуда повернулъ назадъ проселкомъ, черезъ луга: погода была прекрасная, воздухъ благоухалъ чуднымъ запахомъ фіалокъ. Эта мельница съ ея окрестностями показала мнѣ очаровательной.

— Мельница Жана Сира! вскричалъ Жироне: мнѣ знакомо это мѣсто; но воображеніе ваше ужъ слишкомъ его украсило. Проселокъ, о которомъ вы говорите, простая тропинка, по сторонамъ которой растутъ крапива; во все ея протяженіе одни засѣянные хлѣбомъ поля, на которыхъ фіалокъ не бываетъ; что-же касается до луговъ, то кромѣ грядъ съ картофелемъ я ничего не видалъ въ окрестностяхъ мельницы.

— Что за дѣло! все-таки это очень красивое мѣсто, повторилъ путешественникъ, полузакрывая глаза, какъ-бы вспоминая мысленно эту чудную картину и возвращаясь воображеніемъ къ мельницѣ Жана Сира.

Потомъ, вдругъ перемѣнивъ разговоръ и показывая на домъ полковника, онъ прибавилъ:

— Вотъ прелестное зданіе; оно конечно не похоже на наши

огромные парижскіе дома, но выстроено прочно и очень хорошо отдѣлано.

— А вы изъ Парижа? спросилъ небрежно Жироне.

— Да, отвѣчалъ путешественникъ съ новымъ поклономъ: я живу въ улицѣ Монмартръ, и въ настоящее время ѣзжу закупать товары; я занимаюсь торговлей.

Затѣмъ, онъ снова сталъ разглядывать домъ полковника и, послѣ долгаго молчанія, прибавилъ:

— Можно подумать, что комнаты, съ этой стороны, съ давнихъ поръ необитаемы.

Дѣйствительно, домъ казался не жилымъ; билетъ, измоченный дождемъ, почти со стертой надписью «*Первый этажъ отдается въ наймы*», качался въ срединѣ балкона; сторы у уконъ были спущены; ступени главнаго входа заросли травой, а подъ солнечными часами фестономъ тянулись гнѣзда ласточекъ.

— Вѣрно семейство полковника здѣсь не живетъ? сказалъ про себя Жироне, разглядывая фасадъ дома: полковникъ уже давно умеръ, вдова его, какъ говорятъ, также векорѣ послѣдовала за нимъ. У нихъ былъ тогда ребенокъ, дѣвочка, которая теперь уже, вѣроятно, выросла; была также у полковника сестра, Викторія, прелестное существо—которая, не смотря на то, что была старая дѣва, сохранила чрезвычайно живой и веселый нравъ. Сколько разъ я взлѣзалъ къ ней на колѣна, чтобы вблизи разглядѣть портретъ императора, который она носила на груди, въ медальонѣ! Жаль мнѣ теперь смотрѣть на этотъ домъ, забытый и пустой! Въ немъ я провелъ много веселыхъ минутъ моего дѣтства.

Въ эту минуту окно нижняго этажа вдругъ отворилось.

— Однако, нѣтъ! видите-ли въ домѣ полковника живутъ! вскричалъ Жироне съ видомъ удовольствія и любопытства.

Едва онъ произнесъ эти слова, какъ маленькая, бѣлая ручка просунулась сквозь полуоткрытое окно и поставила на наружный карнизъ горшокъ съ резедой; потомъ эта—же ручка приподняла кисейныя занавѣски; тогда взору открылась молодая дѣвушка, которая сидѣла у окна и вышивала, наклонивъ голову къ пальцамъ. Она была очень скромно одѣта, но одежда эта чрезвычайно шла къ пріятному очерку ея лица и свѣжему румянцу щекъ.

— Это Фаустина; это дочь полковника! вскричалъ Жироне, вглядываясь въ дѣвушку. Какъ она хороша!

— А, такъ ее зовутъ Фаустиной? пробормоталъ путешественникъ,

котораго лицо, ничего не выражающее, сначала побагровѣло, но потомъ вдругъ поблѣднѣло, какъ полотно.

Но Жироне не замѣтилъ этихъ видимыхъ признаковъ сильнаго волненія и продолжалъ, какъ-бы говоря самъ съ собою:

— Да, это Фаустина, это сна... Какъ скоро прошло время!... Давно-ли, кажется, я качалъ эту малютку на колѣняхъ, а теперь ей ужъ болѣе двадцати лѣтъ... но она вовсе не общала быть такой красавицей...

— Однако, прервалъ его путешественникъ, открывъ сколько могъ свои огромные глаза: это, можетъ быть, совсѣмъ не та, о которой вы говорите...

— Пѣтъ, нѣтъ! я очень хорошо помню ея черты и узналъ ее съ перваго взгляда, отвѣчалъ Жироне, и увидѣвъ содержателя кафейни, который показался въ дверяхъ, онъ прибавилъ;

— Вотъ человекъ, который вѣрнѣе всѣхъ скажетъ, ошибся я, или нѣтъ... На одно слово, Жеромъ.

— Все, что вамъ угодно, г-нъ Жироне! отвѣчалъ содержатель кафейни, подбѣгая.

— Скажите, кажется, это Фаустина, дочь полковника де-Гондовилля, сидитъ тамъ подъ окномъ?

— Она, сударь, она, а подлѣ нея и тетушка, сестра полковника, мадмуазель Викторія.

Дѣйствительно, добрая физіономія толстой женщины, съ вязаньемъ въ рукахъ и съ очками на носу, слегка обозначилась въ полутѣни.

— Я и ее узнаю, сказалъ Жироне: она не очень постарѣла.

— Когда я гляжу на мадмуазель Фаустину, мнѣ все кажется, что я вижу полковника, сказалъ содержатель со вздохомъ: это живой его портретъ.

— Ну, нѣтъ, я не согласенъ, проговорилъ Жироне: полковникъ былъ совершенная мумія.

— Фамилія дѣвицы этой де-Гондовиль? Стало быть, она дворянскаго происхожденія? спросилъ путешественникъ.

— Нѣтъ, дѣло это не совсѣмъ ясное, отвѣчалъ Жеромъ: полковникъ родомъ былъ не дворянинъ и до женитьбы просто назывался Бернарромъ. Но какъ Бернарровъ было очень много въ арміи, то выходили постоянныя недоразумѣнія. Это заставило полковника, женившись, прибавить къ своему имени фамилію жены, которая была изъ знатнаго дома. Сначала его называли Бернарромъ де-Гондовилемъ; но потомъ, мало-помалу, стали называть просто де-Гондовилемъ. Вотъ такимъ-то образомъ полковникъ мой сдѣлался дворяниномъ, нисколько о томъ не думая. Ну,

а дочь его и до-сихъ-поръ никто иначе не называетъ, какъ дѣвицею де-Гондовиль.

— Однако, она сама вѣрно подписывается настоящимъ своимъ именемъ, возразилъ путешественникъ. вѣдь въ-самомъ-то-дѣлѣ она только дѣвица Бернаръ!

— Да не все-ли равно? сказалъ Жироне, пожавъ плечами: и кому до этого дѣло?

— Никому, ежели она богата, сказалъ путешественникъ: но можетъ быть она бѣдна?

— Не умѣю назвать вамъ количество ея приданого, сухо отвѣчалъ Жеромъ: однако знаю, какъ и все, что домъ ея—полная чаша, хотя это, можетъ быть, и незамѣтно.

Затѣмъ содержатель кофейни разшаркнулся и исчезъ съ быстротою молніи. Иностранецъ, опрокинувшись на спинку стула, перелистывалъ, не читая, романъ, который держалъ въ рукахъ, взоръ его блуждалъ отъ статуи фонтана, попеременно, до солнечныхъ часовъ. Г-нъ Жироне докуривалъ послѣднюю сигару, то какъ-бы засыная, подобно человѣку, проведенному двѣ ночи сряду въ почтовой каретѣ, то бросая взглядъ на домъ полковника и стараясь еще разъ разглядѣть очаровательный профиль, который исчезалъ по мѣрѣ того, какъ солнце освѣщало окно. Послѣ долгаго молчанія, путешествующій купчикъ всталъ, и облокотившись на спинку стула, приложилъ руку къ шляпѣ, какъ-бы желая проститься. Жироне повернулся при этомъ движеніи и отвѣчалъ тѣмъ-же.

— Вы здѣсь постоянный житель? сказалъ тогда путешественникъ.

— Пока нѣтъ, отвѣчалъ Жироне.

— Но на будущее время вы, можетъ быть, полагаете здѣсь поселиться?

Молодой человѣкъ готовъ былъ отвѣтить грубостью неотвязчивому собесѣднику, но удовольствовался тѣмъ, что повернулся къ нему спиною, съ сухимъ отвѣтомъ:

— Да, и вѣроятно здѣсь поселюсь.

— Въ такомъ случаѣ, я васъ отъ души поздравляю, быстро отвѣчалъ купецъ и отправился въ гостинницу.

— Порядочный чудакъ, подумалъ Жироне, слѣдя за нимъ глазами.

Купецъ, поднявшись наверхъ, въ свою комнату, гдѣ было холодно, чѣмъ на дворѣ, подошелъ къ окну не открывая его, и напрягалъ зрѣніе, чтобы разглядѣть, что происходило въ нижнемъ этажѣ дома полковника. Онъ легко могъ различить лица, находившіяся на первомъ планѣ. Мадмуазель де-Гондовиль все еще сидѣла у окна и прилежно работала, не поднимая глазъ; она вырѣзывала фестоны на

длинной полосѣ кисей, развернутой у нея на колѣнахъ; тетка Викторія ходила около нея, съ вязаньемъ въ рукахъ, то выставляя свое полное лицо въ окно, то останавливаясь противъ молодой дѣвушки, которая, казалось, говорила съ ней о чемъ-то, не переставая работать. Картина эта восхищала прїѣзжаго и онъ не видѣлъ, какъ пролетало время. Наконецъ, когда на солнечныхъ часахъ стрѣлка бросила тѣнь на три четверти перваго, мадмуазель де-Гондовиль встала, положила работу на стулъ и скрылась за дверью, въ глубинѣ комнаты. Купецъ, полагая, что она пошла обѣдать, также сѣлъ, стараясь въ воображеніи своемъ представить внутреннее устройство дома и расположеніе обѣденной залы; потомъ, какъ-бы вдругъ что-то вспомнивъ, онъ вскочилъ, взялъ шляпу, надѣлъ свои черныя перчатки и вышелъ, какъ и наканунѣ, прямо къ мельницѣ Жана Сира.

Въ продолженіе всей прогулки путешественникъ не встрѣтилъ ни души; но подходя обратно къ городу, онъ увидѣлъ выходящаго изъ школы мальчика, съ сумкой за сниную.

— Здравствуй, любезный, сказалъ ему путешественникъ съ видомъ знакомаго человѣка: ты что-то торонишься; вчера, когда я тебя встрѣтилъ, ты не спѣшилъ такъ домой.

— Потому-что не такъ поздно было, отвѣчалъ лаконически мальчикъ.

— И потому-что ты былъ въ хорошемъ обществѣ, отвѣчалъ путешественникъ съ фамилярностію: ты знаешь дамъ, которыя гуляли здѣсь вчера?

— Еще-бы! Школа наша возлѣ самаго ихъ дома, отвѣчалъ мальчикъ, повертывая книгу надъ головой.

— А сегодня, ты не знаешь, огѣ гуляли? спросилъ торговецъ.

Мальчикъ, пожавъ плечами, началъ дуть себѣ въ пальцы.

— Развѣ вы не замѣчаете, что сегодня холодно, и мадмуазель Фаустина, вѣроятно, грѣется у камина?

При этихъ словахъ онъ отправился далѣе, посвистывая и разбивая замерзлыя комки грязи.

— Она сегодня не гуляла, пробормоталъ путешественникъ: лучше еслибъ и я остался дома: я-бы еще разъ увидѣлъ ее въ окошкѣ.

Черезъ четверть часа, онъ возвратился въ городъ; но прїйдя на площадь, вмѣсто того, чтобы войти въ трактиръ, онъ пошелъ прямо къ дверямъ дома полковника.

II.

— Слышишь, Фаустина? сказала Викторія, повернувъ голову.

— Мнѣ показалось, что кто-то постучалъ въ главную дверь, отвѣчала молодая дѣвушка, прислушиваясь.

— Странно! Г-жа Бертранъ, мамзель Симонѣ и всѣ наши знакомыя очень хорошо знаютъ, что эта дверь у насъ постоянно заперта. Къ тому-же, еще пять часовъ. Онѣ такъ рано не придутъ.

— Вѣрно кто-нибудь изъ проходящихъ ударилъ молоткомъ, изъ шалости; не стоитъ отпирать, онѣ вѣрно ужъ далеко.

Второй ударъ, болѣе ясный, прервалъ Фаустину.

— Рѣшительно, тамъ есть кто-то и желаетъ войти! сказала Викторія, вставая: не безпокойся, я посмотрю.

Черезъ двѣ минуты она вновь показалась въ дверяхъ съ незнакомцемъ, который остановился, чтобы пропустить ее впередъ.

— Войдите сударь, милости просимъ, войдите.

Онѣ робко вошелъ и, поклонясь направо и налево, сѣлъ на стулъ, предложенный ему Викторію.

— Позвольте спросить, началъ онѣ задыхающимся голосомъ: у васъ первый этажъ отдается въ наемъ?

— Какъ-же, и очень давно, наивно отвѣчала добрая дѣвушка.

— Могу-ли я осмотрѣть квартиру, продолжалъ незнакомецъ тѣмъ-же тономъ, съ трудомъ переводя духъ, подобно человѣку, у котораго сердце такъ сильно бьется, что онѣ готовъ задохнуться.

— Почему-же нѣтъ, отвѣчала Викторія съ удивленіемъ, смѣшаннымъ съ безпокойствомъ: но отдохните сперва, вы кажется, сильно устали и взволнованы.

Незнакомцу показалось, что она готова принять его за злоумышленника; почему онѣ старался успокоиться и продолжалъ болѣе твердымъ голосомъ:

— Я дѣйствительно очень усталъ и, скажу вамъ болѣе, со вчерашняго дня чувствую себя не совсѣмъ здоровымъ; гуляя, вѣроятно, я простудился. Кажется, вы не узнаете меня? Я имѣлъ счастье вчера васъ встрѣтить за городомъ, на проселкѣ. Вы разговаривали съ очень миленькимъ мальчикомъ.

— Не далеко отъ мельницы Жана Сира? сказала Фаустина, не поднимая глазъ.

— Именно, отвѣчалъ незнакомецъ, вздрогнувъ при звукѣ нѣжнаго ея голоса, который слышалъ еще въ первый разъ.

— Пожалуйста, сказала старуха: сядьте поближе къ огню, вы дрожите, вѣрно озябли.

— Не обращайтесь на это вниманія. Это пустяки — пройдетъ, отвѣчалъ онъ, глубоко вздохнувъ: ужъ мнѣ теперь гораздо лучше.

— У насъ не слишкомъ тепло, прибавила Викторія, поворачивая двѣ головни, тлѣвшія на кучѣ золы: къ тому-же въ окна дуетъ. Жаль, что вы пришли немножко поздно; я боюсь, что при свѣчахъ наша квартира вамъ не понравится.

— Я только-что объ этомъ думалъ, отвѣчалъ незнакомецъ: и вмѣсто того, чтобы ее смотрѣть, я васъ попрошу сказать мнѣ, сколько въ ней комнатъ и какія удобства; и я тотчасъ увижу, годится-ли она мнѣ.

Викторія начала довольно нескладно объяснять планъ квартиры, стараясь начертить его, вода вязальной иглой по столу. Незнакомецъ, какъ-бы слѣдя за ея жестами, остановился противъ мадмуазель де-Гондовиль, продолжавшей свою работу. Бѣдная дѣвушка и не подозрѣвала, что происходило въ сердцѣ этого человѣка; разъ или два украдкой взглянувъ на него, она нашла, что фizioномія его ничего не выражаетъ. Дѣйствительно, внутреннее волненіе и пылъ кость души не проникали сквозь толстую оболочку его лица: оно было неподвижно, какъ маска, которая постоянно сохраняла свой безстрастный видъ.

Когда Викторія окончила свое описаніе, она обратилась къ нему съ вопросомъ:

— Не знаю, поняли-ли вы меня?

— Какъ нельзя лучше, отвѣчалъ незнакомецъ, не слышавшій ничего: вы объяснили мнѣ все отлично; я подумаю, посмотрю, и дамъ вамъ отвѣтъ, только не завтра, потому-что завтра я уѣзжаю, но я возвращусь очень скоро. Во всякомъ случаѣ, вы чрезвычайно меня обяжете, сказавъ цѣну...

— Квартира эта цюгда не была занята, и я право затрудняюсь, отвѣчала Викторія: впрочемъ, многіе говорили намъ, что квартира эта стоитъ трехъ сотъ франковъ.

— Триста франковъ! повторилъ незнакомецъ: весь первый этажъ съ балкономъ на улицу за триста франковъ! Въ Парижѣ эту цѣну берутъ за двѣ комнаты подъ самой кровлей.

— А вы изъ Парижа? спросила Викторія, бросивъ недовѣрчивый взглядъ на грубую обувь и странное пальто незнакомца.

По ея понятіямъ, парижанинъ не могъ такъ одѣваться. Однакожъ онъ отвѣчалъ:

— Да, сударыня, я живу въ улицѣ Монмартръ, близъ бульвара.

— Не въ этой-ли улицѣ живетъ Элиза Монфоръ? спросила Викторія, обратившись къ своей племянницѣ.

Фаустина утвердительно кивнула головою и прибавила съ легкою улыбкой:

— Вы это помните, тетушка?

— Что тутъ удивительнаго? Элиза намъ столько рассказывала о Парижѣ и о бульварахъ; она такъ часто и такъ живо описывала мѣста, что мнѣ кажется, будто я сама ихъ видѣла.

— И чтобы убѣдиться, дѣйствительно-ли вы ихъ узнаете, вамъ надо самимъ съѣздить въ Парижъ, сказалъ незнакомецъ.

— О! я довольна и однимъ воображеніемъ, отвѣчала старая дѣва, засмѣявшись.

Разговоръ прекратился. Незнакомецъ, вертя шляпу въ рукахъ, не рѣшался раскланяться, вѣроятно, въ надеждѣ, не обратится-ли къ нему Викторія еще съ какимъ-нибудь вопросомъ. Но вопроса не послѣдовало и онъ съ глубокимъ вздохомъ наконецъ вымолвилъ:

— Имѣю честь пожелать вамъ пріятнаго вечера. Завтра я уѣзжаю въ Марсель; ежели у васъ есть туда какія-нибудь порученія, я предлагаю мои услуги.

— Какъ кетати, отвѣтила живо Викторія: племянница моя думала съ дилижансомъ отправить туда маленькій пакетъ.

— Я за честь почту доставить его по адресу, сказалъ незнакомецъ: а на счетъ моей акуратности прошу быть совершенно спокойной.

— Вы очень добры, сказала Фаустина, съ выраженіемъ благодарности: моя маленькая посылка черезъ часъ будетъ готова. Куда вы позволите ее приелать?

— Я подожду, сударыня, я подожду! отвѣчалъ, садясь, незнакомецъ.

— Слишкомъ любезно съ вашей стороны, но, пожалуйста, не беспокойтесь, успѣшила прибавить Викторія: посылку эту вамъ принесутъ на квартиру, въ которомъ часу вы прикажете. Вы вѣрно живете въ гостинницѣ, подъ фирмою городъ *Алжиръ*?

— О повѣрьте, я съ удовольствіемъ готовъ дожидаться, возразилъ незнакомецъ: въ нашей гостинницѣ такъ скучно, что я радъ возвратиться туда, какъ можно позже.

При этихъ словахъ онъ нѣсколько отодвинулся назадъ и продолжалъ молчаливо сидѣть поодаль. Женщины переглянулись съ недовольнымъ видомъ; но не могли болѣе настаивать.

Минуту спустя, Фаустина свернула свою длинную связку шитья, потомъ со всемъ рабочимъ приборомъ уложила въ корзинку и ушла, казавъ съ легкимъ наклоненіемъ головы:

— Извините, что я ухожу: я тороплюсь приготовить вамъ посылку.

— Не беспокойтесь, мнѣ торопиться не куда; я могу ждать, сколько вамъ угодно. У васъ такъ хорошо! прибавилъ онъ, обращаясь къ Викторіи.

— Ну, нѣтъ: я нахожу, что у насъ довольно холодно, отвѣчала она, посмотрѣвъ на окна.

Дѣйствительно, холодный вѣтеръ дулъ въ щели рамъ и по временамъ колебалъ пламя лампы, которая горѣла, подобно звѣздѣ въ полумракѣ этой огромной комнаты. Незнакомецъ машинально застегнулъ пальто и бросилъ взглядъ на гостиную, украшенія которой ему чрезвычайно понравились. Омеблировка была временъ Имперіи и могла служить образчикомъ роскоши этой эпохи, отличавшейся отсутствіемъ всякаго комфорта. Угловатыя кресла, покрытыя сѣрыми чохлами, разставлены были въ самой строгой симметріи, а въ простенкѣ двухъ оконъ стоялъ тяжелый подзеркальникъ, поддерживаемый колоннами краснаго дерева, и на немъ красовались бронзовые часы съ маятникомъ, представлявшимъ орла, который качался между двумя лаврами, свившимися вокругъ огромнаго циферблата. Напротивъ камина висѣлъ портретъ, во весь ростъ, вдѣланный въ золоченую раму съ военными атрибутами.

Викторія замѣтила, что картина эта обратила на себя вниманіе незнакомца.

— Не правда-ли, какая безподобная живопись? сказала она, положивъ вязанье на столъ. Неудобно-ли поближе взглянуть на нее?

Она взяла лампу и, остановившись въ удобномъ положеніи для освѣщенія картины, прибавила тономъ печальнымъ, но съ гордостію:

— Это портретъ моего брата, полковника Бернара де-Гондовиля.

— Онъ былъ красавецъ, сказалъ незнакомецъ.

Полковникъ былъ изображенъ въ полномъ мундирѣ; одна рука его покоилась на эфесѣ сабли. Это былъ человекъ высокаго роста, сухой, смуглый, съ большимъ шрамомъ на щекѣ, который терялся въ сѣдоватыхъ усахъ. Это былъ одинъ изъ тѣхъ людей, которыхъ судьба провела черезъ всю Европу, одинъ изъ пожалованныхъ на поляхъ битвы.

— Братъ вашъ былъ красавецъ, повторилъ незнакомецъ, разглядывая картину: я не знатокъ въ живописи, но мнѣ кажется, что портретъ этотъ отлично сдѣланъ.

— Все говорятъ, что это превосходная работа, подхватила Викторія: у насъ есть также портретъ моей свояченицы, его жены; та живопись, по сужденію знаковъ, еще лучше этой.

Незнакомецъ обернулся, какъ-будто искалъ глазами другую картину.

— Его здѣсь нѣтъ, прибавила Викторія, я принуждена была его

вынести. Въ первый разъ, какъ Фаустина вошла въ эту гостиную, послѣ смерти матери, этотъ портретъ произвелъ на нее ужасное впечатлѣніе; она поблѣднѣла и чуть не лишилась чувствъ. Дѣйствительно, ея мать изображена на портретѣ какъ живая. Фаустина сѣла на своемъ обыкновенномъ мѣстѣ, подлѣ окна, и плакала до вечера; на другой день была та-же исторія и повторялась цѣлую недѣлю. Нечего дѣлать! Я приказала убрать портретъ, подъ предлогомъ, что сырость стѣны портила краски.

Въ эту минуту раздался звонокъ.

— А! вотъ и дамы наши! такъ рано! сказала сквозь зубы Викторія. Извините, прибавила она, зажигая свѣчку: я только взгляну, кто тамъ.

Она вышла. Незнакомецъ, оставшись одинъ, началъ ходить по комнатѣ и увидѣлъ въ углу гостиной маленькую дверь, которая такъ дурно была пригнана, что лучъ свѣта проходилъ въ щель. Незнакомецъ инстинктивно приложилъ глазъ къ этой щелкѣ, и увидѣлъ большую комнату, почти совершенно пустую. Фаустина сидѣла въ глубинѣ этой комнаты, температура которой была по-видимому ниже нуля; молодая дѣвушка была блѣдна, но руки ея были красны отъ холода; впрочемъ, среди своихъ занятій, она, казалось, не замѣчала этой стужи. Уложивъ маленькій свертокъ, лежавшій у нея на колѣнахъ, она успѣшила надписать адресъ, потомъ быстро встала и подошла прямо къ двери, у которой стоялъ незнакомецъ. Купецъ быстро отскочилъ до самой середины гостиной. Фаустина вошла и, отдавая ему пакетъ, сказала:

— Вотъ моя посылочка; я вамъ буду чрезвычайно благодарна, если, по приѣздѣ въ Марсель, вы не забудете моей комиссіи.

— Она будетъ исполнена прежде моихъ собственныхъ дѣлъ, отвѣчалъ онъ съ жаромъ, укладывая пакетъ въ карманъ своего пальто.

Фаустина еще разъ поблагодарила его поклономъ и, садясь, прибавила: — А, вотъ, кажется и наши гости.

Въ то-же время дверь въ гостиную отворилась.

— Неправда-ли, mesdames, сегодня такой холодъ, хотъ волковъ морозить? сказала Викторія, приглашая своихъ гостей. Входите поскорѣе сюда: здѣсь можно отогрѣться.

Полдюжины старыхъ барынь, закутанныхъ въ допотопные салоны въ самыхъ курьозныхъ шляпкахъ, вошли въ одно время, раскланиваясь и смотря искоса на незнакомца. Последній, понимая, что дольше ему оставаться нельзя, раскланялся и вышелъ, сопровождаемый Викторіей.

— Кто этотъ господинъ? спросила пятидесяти-лѣтняя дѣвица Симоне, когда-то хорошенькая.

— Это прїѣзжій, онъ у насъ хочетъ нанять первый этажъ, отвѣчала Фаустина.

— Онъ молодъ, локонически замѣтила дѣвица Симоне.

— Онъ не красивъ, прибавила другая дама.

— Должно быть, порядочный человѣкъ, сказала третья: видѣли вы, какая у него толстая золотая цѣпочка? Онъ носить ее на шеѣ, сверхъ жилета.

— Это вовсе не по модѣ, замѣтила г-жа Бертранъ: я нахожу, что онъ одѣтъ совсѣмъ не по журналу; однакожъ, по всему видно, что онъ человѣкъ аккуратный и должно быть богатъ.

— Я то-же думаю, подхватила дѣвица Симоне: такимъ постояльцемъ надо дорожить. А когда онъ переѣзжаетъ?

— Мы еще не условились, отвѣчала Викторія, возвращаясь: вы понимаете, mesdames, что я не позволю человѣку, мнѣ неизвѣстному, прямо поселиться у меня въ домѣ. Прежде чѣмъ рѣшить дѣло, я соберу справки. Мы его вовсе не знаемъ, намъ даже имя его не извѣстно.

— Его зовутъ мосьё Александръ, сказала г-жа Бертранъ.

— Такъ вы его знаете? вскричала удивленная Викторія.

— О, нѣтъ! Но Катевень, трактирщикъ, говорилъ мнѣ о немъ: онъ остановился въ его трактирѣ. Еще сегодня утромъ я встрѣтила его на площади; онъ шелъ, поднявъ голову и запрятавъ руки въ карманы.

— Я еще ранѣ васъ его видѣла, сказала дѣвица Симоне: онъ былъ передъ кофейной и разговаривалъ съ Гастономъ Жироне.

— Маленькій Гастонъ здѣсь! вскричала Викторія съ радостію.

— Какъ-же! онъ возвратился къ своимъ родителямъ, отвѣчала дѣвица Симоне, кусая губы: по всѣмъ вѣроятіямъ, онъ теперь здѣсь долго пробудетъ.

— Полно, такъ-ли? мнѣ что-то не вѣрится! перебила г-жа Бертранъ.— А дядя миллионеръ, который воспиталъ его и у котораго онъ жилъ до-сихъ-поръ? А наследство, котораго онъ ждетъ? Нѣтъ! милая, вамъ не такъ рассказали! Будьте увѣрены, г-жа Жироне слишкомъ дальновидна, чтобы позволить сыну удалиться болѣе, чѣмъ на пятнадцать дней, отъ этого стараго родственника, который можетъ умереть съ минуты на минуту.

— Напротивъ, вамъ это дѣло вовсе неизвѣстно, моя милая; прервала дѣвица Симоне со злостью: не о наследствѣ идетъ рѣчь; этотъ старый дядя вовсе не хочетъ умереть съ минуты на минуту, а напротивъ — женился уже около года...

— Что ни говорите! сказала г-жа Бертранъ, опуская свой чулокъ: это для меня совершенная новость! Однакожь, знаете-ли, мнѣ все что-то не вѣрится; объ этомъ ничего не говорили въ городѣ.

— Что-жъ мудренаго! перебила дѣвица Симоне: г-жа Жироне не говорила объ этой евадьбѣ, потому-что ей это неприятно, а другимъ почему-е было узнать о ней?

— Впрочемъ, у насъ здѣсь всякій день разсказываютъ новости, въ которыхъ нѣтъ и тѣни смысла, сказала г-жа Бертранъ, тономъ нравоученія: вѣрно и это пустая выдумка.

— Извините! перебила дѣвица Симоне: съ восторгомъ: я узнала эту новость отъ Жерома, содержателя кофейни, которому самъ Гастонъ Жироне объявилъ сегодня утромъ, что онъ пріѣхалъ затѣмъ, чтобъ здѣсь поселиться навсегда.

— Бѣдный молодой человѣкъ! прошептала Фаустина, разсѣянно слушавшая весь этотъ разговоръ.

Г-жа Бертранъ понюхала табаку и, послѣ нѣкотораго размышленія, сказала:

— Въ такомъ случаѣ, дѣла Жироне не въ блестящемъ положеніи. Но что-жъ? они все-таки не въ крайности; а тамъ, глядишь, красавецъ Гастонъ отыщетъ себѣ жену съ хорошимъ состояніемъ.

— Положеніе ихъ гораздо хуже, чѣмъ вы думаете, сказала Симоне, моргая глазами: вы слегка на нихъ смотрѣли, но я внимательно слѣдила за ними и вижу совершенное ихъ разстройство. Во-первыхъ, г-нъ Жироне продалъ этотъ домъ...

— Братъ мой заплатилъ ему чистоганомъ сто тысячъ франковъ, перебила Викторія, скользя большимъ пальцемъ по указательному, какъ-бы еще считая деньги: уплата была частію ассигнаціями и, частію золотомъ, какъ-теперь помню, самыми новенькими наполеондорами.

— Я позволю себѣ замѣтить, что г-жа Жироне смотрѣла на эту продажу скрѣпя сердце, подхватила дѣвица Симоне: дѣло въ томъ, что домъ этотъ гораздо удобнѣе и спокойнѣе, чѣмъ ея теперешній.

— Благодаря значительнымъ поправкамъ, сдѣланнымъ моимъ братомъ! сказала Викторія. Да, теперь этотъ домъ стѣитъ вдвое дороже.

— Съ этимъ я согласна, отвѣчала дѣвица Симоне. Но возвратимся къ нашему разговору. И такъ, эти сто тысячъ франковъ, да еще другія суммы, вырученныя отъ продажи различной мебели, составили порядочный капиталъ. Но съ-тѣхъ-поръ прошло тридцать лѣтъ. Теперь я васъ спрашиваю, мадамъ Бертранъ, вы женщина опытная въ такихъ дѣлахъ... Какъ вы думаете, много-ли у нихъ изо всего этого осталось на лицо?

— Раземотримъ вещи, какъ онѣ есть, отвѣчала г-жа Бертранъ съ самымъ важнымъ видомъ: Жироне имѣла одного ребенка и четыре тысячи ливровъ дохода. Г-жа Жироне женщина чрезвычайно экономная, объ ней говорятъ, какъ объ отличной хозяйкѣ...

— Да, это правда, перебила дѣвица Симоне: но не забудьте одного: пока она здѣсь не бросала полушки на вѣтеръ, мужъ ея путешествовалъ, наслаждался жизнью, участвовалъ на всѣхъ возможныхъ празднествахъ. Его встрѣчали вездѣ, только не дома. Извѣстно, что онѣ вель сильную игру и любилъ выпить и покушать. Теперь разчитайте: что же у нихъ можетъ оставаться, черезъ тридцать лѣтъ подобной жизни?

— Да! сто тысячъ франковъ! на-удачу отвѣчала г-жа Бертранъ.

III.

Мы присутствовали въ гостиной дома де-Гондовиль при самомъ разгарѣ спора дѣвицы Симоне и г-жи Бертранъ; первая увѣряла, что Жироне совершенно разорился, вторая, что у него еще должно быть состояніе въ сто тысячъ франковъ.

Симоне пожала плечами и расхохоталась.

— Вотъ какъ! сказала она съ прониіей: капиталы съѣдены, имѣніе заложено, а между-тѣмъ состояніе все-таки увеличилось. Вотъ, что называется, вѣрный расчетъ, самый математическій!.. Позвольте вамъ замѣтить, г-жа Бертранъ, что вы вовсе не знакомы съ этимъ дѣломъ; у старика Жироне ничего не осталось, кромѣ приданого его жены: тридцать тысячъ франковъ, которыя никто не имѣетъ права тронуть.

— Все это можетъ быть, сухо отвѣчала г-жа Бертранъ: но я знаю навѣрное, что г-нъ Жироне теперь совершенно остепенился.

— Я даже прибавлю, что онѣ не выходитъ ни на шагъ изъ дома и не оставляетъ своего кресла у камина, проговорила дѣвица Симоне: но только все это, благодаря параличу, который отнялъ у него ноги. Многіе прибавляютъ, что онѣ даже немножко помѣшанъ.

— На счетъ этого я ничего не знаю, перебила г-жа Бертранъ со злостію: но и вы, моя милая, не можете знать больше моего, потому-что не видѣли г-на Жироне съ знаменитаго бала, на которомъ онѣ танцевалъ съ вами всю ночь. Это было, если не ошибаюсь, за пятнадцать дней до его сватъбы. Безъ сомнѣнія, онѣ тогда не былъ помѣшанъ, по-

тому—что находилъ васъ красавицей. А сколько времени прошло съ-тѣхъ—поръ! Какъ мы старѣемся!

— Однако вы старше меня, г-жа Бертранъ, отвѣчала, не потерявши дѣвица Симоне.

Споры продолжались такимъ—образомъ въ продолженіе всего вечера. Съ первымъ ударомъ десяти часовъ, г-жа Бертранъ свернула свой чулокъ и встала, что послужило сигналомъ для общихъ сборовъ. Викторія проводила гостей своихъ до двери и сказала имъ вслѣдъ:

— Покойной ночи, до свиданья, до завтрашняго вечера.

Спустя полчаса, все было уже спокойно въ домѣ полковника. Викторія спала, а Фаустина медленно раздѣвалась въ своей маленькой комнатѣ. Эта комната, смежная съ тетушкиной, имѣла видъ чрезвычайно строгій; въ ней не было ни одной вещицы, которыми такъ любятъ себя окружать молодыя дѣвушки; не было даже ничего такого, чѣмъ украшаются самыя бѣдныя жилища—ни одной картины, ни цвѣтовъ, ни статуетокъ на каминѣ. Простая кровать, безъ занавѣсокъ, два соломенные стула и орѣховога дерева комодъ составляли всю ея обмѣблировку; за исключеніемъ полдюжины книгъ, поставленныхъ на угловой полкѣ, въ комнатѣ ничего не было, не считая крайне необходимаго.

Фаустина, стоя близъ кровати и прислушиваясь къ шуму непогоды, погрузилась въ печальныя размышленія. Вѣтеръ вылъ подъ окномъ, и рѣзкій свистъ раздавался въ широкой трубѣ камина. Деревья трещали со всѣхъ сторонъ, стекла дребезжали въ старыхъ рамахъ.

Фаустина прислушивалась, не переводя дыханія, какъ—будто эта ужасная погода навела ее на какое—то тягостное и непріятное воспоминаніе. Вдругъ она залилась слезами и, спрятавъ лицо въ подушку, чтобы задуть рыданія, проговорила шопотомъ:

— О матушка!.. бѣдная моя матушка!.. За три года передъ тѣмъ, въ такую—же точно ночь скончалась г-жа Гондовиль. Эта невозвратная потеря нанесла Фаустинѣ неизлѣчимую рану; безъ слезъ она не въ состояніи была слышать нѣкоторыя слова и видъ нѣкоторыхъ вещей повергалъ ее въ сильное душевное безпокойство. Эта минута напомнила ей, одинъ изъ самыхъ тяжелыхъ часовъ ея жизни: она видѣла передъ собою печальную кровать, на которой умирала мать, и слышала послѣднія слова ея. Такъ провела она часть ночи, прислушиваясь съ нѣмымъ рыданіемъ, къ грустному шуму непогоды и углубясь въ печальныя, но милыя сердцу воспоминанія. Незадолго передъ восходомъ солнца она заснула наконецъ, почти застывъ отъ холода и поникнувъ головою на подушку, смоченную слезами.

Въ тотъ-же вечеръ, семейство Жироне собралось близъ огонька въ гостиной, гдѣ постоянно любила сидѣть г-жа Жироне. Эта гостиная своей обмѣблировкой напоминала прошлое столѣтіе и, несмотря на то, она казалась модною. Кресла, обитыя матеріею съ большими цвѣтами, каминъ, украшенный лѣпною работою и позолотой, шелковыя обои съ золоченымъ карнизомъ, почти соотвѣтствовали современному вкусу; тамъ было теплѣе, чѣмъ въ гостиной полковника, во-первыхъ, потому, что старинный коверъ покрывалъ полъ, а во-вторыхъ, окна были завѣшаны драпировкой, хотя подержанной, но тяжелой и прочной. Но здѣсь также, какъ и тамъ, видна была одна и та-же бережливая экономія; каминъ, наполненный золою, едва теплился; единственная лампа освѣщала комнату или, лучше сказать, маленькій столикъ, за которымъ сидѣла г-жа Жироне съ сыномъ. Уже давно въ кухнѣ не было огня подъ плитой, а единственная служанка сидѣла въ передней за прялкою при блескѣ нагорѣвшаго огарка, походившаго на свѣтляка среди темной роши.

Пожилая женщина и молодой человѣкъ сидѣли одни, потому-что старикъ Жироне спалъ въ другомъ углу у камина. На этотъ разъ дѣвица Симоне случайно не ошиблась; старикъ до того былъ измученъ подагрой, что не выходилъ изъ дома, а такъ-какъ и умственные способности его приходили въ разстройство, то онъ проводилъ жизнь въ полномъ бездѣйствіи; цѣлый день онъ оставался въ старинныхъ креслахъ, набитыхъ гагачьимъ пухомъ, въ которыхъ можно было спать, какъ на кровати; когда-же онъ не спалъ, то забавлялся, раскладывая гранпасьянсъ.

Г-жа Жироне казалась многимъ моложе своего мужа, хотя ей также было за пятьдесятъ. Она была женщина небольшого роста, осанки не замѣчательной, но выраженіе лица у нея было умное, хитрое и добродушное. Можно было замѣтить, что она никогда не была хороша собою и того менѣе кокетлива, даже въ молодые годы. На ней былъ тюлевый чепецъ и мериносовое платье амарантоваго цвѣта. Волоса на вискахъ были завиты и рюшъ, сильно накрахмаленный, заступалъ мѣсто воротничка. Впрочемъ, старинная ея одежда была опрятна и тщательно накрахмалена и выглажена; въ ней тотчасъ можно было замѣтить женщину аккуратную, порядочную, всегда готовую выдти по дѣламъ или принять у себя гостей.

Гастонъ писалъ на дорожномъ шюпитрѣ, поставленномъ на столъ; г-жа Жироне была запята шитьемъ; иногда они мѣнялись словами, не прерывая своей работы.

— Безполезно будетъ много писать дядюшкѣ, сказалъ Гастонъ: я только увѣдомляю его, что благополучно доѣхалъ и нашелъ батюшку въ лучшемъ состояніи, чѣмъ надѣялся, судя по вашему послѣднему письму.

— Припиши еще поклонъ отъ меня и пожелай ему здоровья и долгой жизни, сказала г-жа Жироне: я думаю, не мѣшало-бы также, изъ вѣжливости, сказать что-нибудь этой женщинѣ ... женѣ его...

— Моей молодой тетущкѣ! сказалъ Гастонъ съ улыбкой пренебреженія: пожалуй...

Г-жа Жироне немного подумала, потомъ, остановивъ свой проникательный взглядъ на молодомъ человекѣ, сказала:

— Я-бы хотѣла знать всю правду, Гастонъ!

— Вамъ она извѣстна, матушка, отвѣчалъ онъ.

— Нѣтъ, Гастонъ, ты скрылъ отъ меня настоящую причину твоего возвращенія. Не возражай! Есть вещи, которыя ты отъ меня скрываешь.

Гастонъ сдѣлалъ легкое отрицательное движеніе и, отвернувъ голову, вздохнулъ.

— Послушай, сказала г-жа Жироне спокойнымъ голосомъ: постараемся объяснить и обсудимъ дѣло, какъ слѣдуетъ. Есть семейное обстоятельство, интересующее меня до-нельзя, которое я до-сихъ-поръ понимала, но въ которомъ теперь я теряюсь совершенно; дѣло это само по себѣ довольно простое. Дядя твой былъ холостъ и тебя, такъ сказать, усыновилъ; онъ воспитывалъ тебя при себѣ и назначилъ тебя единственнымъ своимъ наследникомъ. Все это онъ сто разъ обѣщалъ и даже писалъ мнѣ объ этомъ. Но вотъ, въ одинъ прекрасный день, этотъ шестидесяти-лѣтній старикъ вздумалъ сдѣлать глупость: женился на дочери Богъ знаетъ кого, въ которую будто-бы влюбился. Мы не могли противиться, онъ былъ въ правѣ дѣлать, что хочетъ; къ тому-же онъ съ нами и не совѣтовался; прекрасно. Я не сдѣлала ему ни малѣйшаго упрека за эту свадьбу. Напротивъ, я написала ему даже поздравительное письмо, какъ того требовало приличіе; дядя твой доказалъ тогда, что чувства его къ тебѣ нисколько не перемѣнились; дружба его къ тебѣ по-видимому удвоилась; онъ написалъ мнѣ, что смотреть на тебя, какъ на сына и никогда тебя не оставить.

— Это правда, онъ сдержалъ слово, прошепталъ Гастонъ.

— Отчего-же ты уѣхалъ отъ него? вскричала г-жа Жироне: отчего-же ты искалъ случая оставить его домъ и, пріѣхавъ сюда, сказалъ мнѣ, что никогда больше туда не возвратишься? Если ты такъ дѣйствовалъ безъ уважительной причины, значитъ ты потерялъ рассудокъ, милый другъ.

Молодой человекъ покачалъ головою и отвѣчалъ, понизивъ голосъ:

— Да, нужны были очень важныя причины, чтобы рѣшиться на подобный шагъ и повѣрьте, матушка, я хорошо обдумалъ ... Дядюшка

былъ все такъ-же добръ со мною; онъ осыпалъ меня благодареніями ... Однакожь я долженъ былъ уѣхать отъ него ... я не могъ, я не долженъ былъ оставаться долѣе въ его домѣ ... при его женѣ.

— Почему-же? перебила г-жа Жироне: зачѣмъ ты уступилъ ей совершенно свое мѣсто? Зачѣмъ было обращать вниманіе на непріятности, которыя она могла тебѣ причинить, тѣмъ болѣе, что ты не терялъ расположенія дяди? ...

— Матушка, повѣрьте, что положеніе мое было нестерпимо, перебилъ Гастонъ.

— Ты боялся этой женщины! сказала г-жа Жироне съ легкимъ движеніемъ плечъ: значитъ, она ненавидѣла тебя?

Оба замолчали на нѣкоторое время ...

— Увѣряю васъ, матушка, сказалъ Гастонъ, что я не смотрю на будущность съ неудовольствіемъ; я довольно пожилъ на свѣтѣ, и повѣрьте, очень пріятно проведу время въ нашемъ маленькомъ городкѣ.

— Тѣмъ лучше, отвѣчала г-жа Жироне: но если такъ, то мнѣ теперь одно досадно: зачѣмъ я такъ долго лишала себя твоего присутствія?

Голосъ ея перемѣнился при этихъ словахъ и глаза наполнились слезами, но она тотчасъ оправилась отъ минутнаго волненія и сказала голосомъ, болѣе твердымъ:

— Домъ нашъ покажется сначала немного скучнымъ, милый другъ мой; съ-тѣхъ-поръ, какъ отецъ твой боленъ, у насъ никто не бываетъ.

— Въ такомъ случаѣ, мы постараемся привлечь поболѣе знакомыхъ, отвѣчалъ Гастонъ: это насъ развлечетъ. Завтра я поѣду съ визитами. Я немного забылъ имена и лица, которыя мнѣ были такъ знакомы прежде, но вы дадите мнѣ списокъ вашихъ друзей.

— Списокъ этотъ не длиненъ, сказала г-жа Жироне со вздохомъ: старики постепенно остаются одни. Лучшіе друзья наши померли, и вотъ уже два года мы не можемъ составить партію виста за немѣніемъ четвертаго ...

— Мы это устроимъ, у васъ будетъ партія виста. Въ хорошемъ обществѣ здѣсь нѣтъ недостатка; надо только собрать его. Сегодня я встрѣтилъ у кофейни человѣкъ шесть здѣшнихъ жителей, все люди очень почтенные, они вѣрно будутъ рады провести у васъ вечеръ, если вы ихъ пригласите.

Г-жа Жироне покачала головою, какъ-бы предвидя препятствія. Гастонъ продолжалъ:

— А дамъ мы также пригласимъ; есть многія, о которыхъ я вспоминаю съ удовольствіемъ, потому-что онѣ любили меня ребенкомъ.

Сестра полковника Гондовилля, дѣвица Викторія, на-примѣръ развѣ она не играетъ въ вистъ?

— Не знаю, отвѣчала г-жа Жироне: но во всякомъ случаѣ, ей будетъ довольно трудно составить нашу партію.

— Отчего-же? Неужели оттого, что вы ее никогда не приглашали прежде, несмотря на то, что тридцать лѣтъ живете бокъ-о-бокъ? Это ничего не значитъ; знакомство ваше начнется хотя поздненько, но не менѣе того, оно можетъ быть очень пріятно ...

— Все это тебѣ кажется очень удобнымъ, отвѣчала г-жа Жироне, покачавъ головой: а я такъ думаю, что не надо и пробовать; потому-что тебѣ это не удастся, а если-бы и удалось, то изъ этого возникнетъ куча неудобствъ и непріятностей. Ты не знаешь, что значитъ маленькій городокъ и тоска посѣщать людей, не сходнаго съ нами класса и образованія. Не возражай! я хорошо знаю, что это предразсудокъ, глупость, но по опыту убѣждена, что ему надо подчиняться. Когда полковникъ поселился здѣсь съ своимъ семействомъ, я только-что возвратилась изъ Парижа, куда отецъ твой возилъ меня послѣ нашей свадьбы. Я видѣла свѣтъ, хорошее общество и ужасно скучала ... Никогда я не посоветую молодой женщинѣ съѣздить на нѣсколько мѣсяцевъ въ Парижъ для того, чтобы потомъ навсегда похоронить себя въ провинціи! Разумѣется, у меня родилось желаніе сблизиться съ женой полковника, я сдѣлала ей первый визитъ и мы чрезвычайно сошлись. Эта женщина была самага высокаго воспитанія и манеры ея были совершенно просты, но исполнены благородства и доброты. Полковникъ былъ челоуѣкъ скучный, говорилъ только о своихъ походахъ, а толстая Викторія была точь-въ-точь такая-же, какъ и теперь — добрая, но совершенно пустая женщина. Г-жа Гондовиль умѣла заставить забыть все это. Общество г-жи Гондовиль мнѣ чрезвычайно нравилось и я только къ ней одной ходила съ удовольствіемъ. Что-же вышло? я должна была отказаться отъ знакомства съ нею; всѣ тѣ, которые не хотѣли съ ней сблизиться, вооружились противъ насъ. Знали очень хорошо, что она была изъ прекраснаго дома; что отецъ ея эмигрировалъ, потому не хотѣли простить ей неравнаго замужества. Дамы эти нарочно ссорили ее г-жею Бернаръ, утверждая, что это было ея настоящее имя, дѣлали ей тысячу обидныхъ намековъ. Около года я не обращала вниманія на эти преслѣдованія, но наконецъ поняла, что должна уступить имъ. Злословіе этихъ дамъ меня не беспокоило, но у нихъ были братья и мужья, и я боялась какой-нибудь исторіи съ полковникомъ ... Я объяснилась съ г-жею Гондовиль, мы порядочно поплакали, но прекратили наше знакомство, обѣщая другъ другу вѣчную дружбу. На другой день я уѣхала

въ деревню, гдѣ и оставалась нѣсколько мѣсяцевъ. Съ той поры я видала г-жу Гондовиль только въ церкви и два раза была у ней; въ первый разъ, по случаю рожденія ея дочери, во-второй, по случаю смерти мужа. Я никогда не переставала ее любить и много разъ ее оплакивала. Бѣдная женщина! Она не была счастлива! Теперь, любезный Гастонъ, я не боюсь подобныхъ исторій, но есть случаи еще болѣе щекотливые. Знаешь-ли ты, чтѣ-бы случилось, еслибъ я пригласила мадмуазель Викторію и сошлась съ нею? Разгласили-бы во всемъ уѣздѣ, что ты женишься на ея племянницѣ!

— На Фаустинѣ! сказалъ Гастонъ съ улыбкою: она была когда-то очень миленькая дѣвочка, и я любилъ ее всѣмъ сердцемъ, когда мнѣ было двѣнадцать лѣтъ. Если она все такъ-же мила, то мысль о возможности этого брака меня нисколько не пугаетъ.

Г-жа Жироне посмотрѣла на сына изъ подлѣбья, не переставая работать. Гастонъ, тономъ болѣе серьезнымъ, прибавилъ:

— Матушка, а чтѣ-бы вы сказали на счетъ этого?

— Отецъ ея былъ изъ простыхъ, но мать изъ такого-же прекраснаго дома, какъ мы сами, отвѣчала Жироне. Въ настоящее время этого слишкомъ достаточно; я думаю однакожъ ...

Въ эту минуту кто-то постучался у подъѣзда и служанка, сидѣвшая въ передней, побѣжала отворять.

— Это г-жа Фюстерье, моя самая старинная пріятельница ... прекрасная женщина, сказала Жироне, вставая ... Обрати вниманіе на то, что будешь говорить при ней! Она охотница посплетничать.

Въ эту минуту вошла гостья.

Барыни поцѣловались и начали спрашивать другъ друга о здоровьѣ; потомъ г-жа Жироне представила, Гастона, которому г-жа Фюстерье подала руку; старикъ Жироне, проснувшійся при этомъ, приподнялся на своемъ креслѣ, и сказалъ дрожащимъ голосомъ:

— Имѣю честь свидѣтельствовать вамъ мое глубочайшее почтеніе.

— А, баронъ, очень рада, что вижу васъ не совѣмъ страдающимъ, сказала г-жа Фюстерье, садясь подлѣ камина: сынъ вашъ, мнѣ кажется, совершенно сформировался. Ужъ давно мы его не видали. Сколько я помню, онъ былъ здѣсь, кажется, въ 1830 году, и уѣхалъ отсюда на другой день праздника всѣхъ святыхъ, не такъ-ли?

— У васъ удивительная память, сказала г-жа Жироне.

Потомъ, обратясь къ сыну, она прибавила, показывая на г-жу Фюстерье:

— Любезный Гастонъ, добрая моя пріятельница не взыщетъ, поди

въ свою комнату; ты должно быть очень усталъ отъ дороги. Постарайся хорошенько выспаться и не вставай завтра слишкомъ рано.

Когда молодой человекъ оставилъ гостиную, дамы съели рядомъ и продолжали разговаривать. По обыкновенію, разговоръ вертѣлся на погодѣ, на послѣднихъ произшествіяхъ напечатанныхъ въ Gazette de France, получаемой г-жею Фюстерье изъ вторыхъ рукъ. Г-жа Жироне предоставила право говорить своей собесѣдницѣ, сама-же углубилась въ размышленіе и старалась скрыть свое разсѣяніе, рискуя время-отъ-времени пускать въ ходъ пустыя фразы. Наконецъ, стараясь завести рѣчь о предметѣ, ее интересующемъ, она сказала съ тономъ равнодушія и какъ-бы для того, чтобы перемѣнить разговоръ:

— Скажите, замѣтили вы, въ послѣднее воскресенье, въ церкви дѣвица Гондовиль сидѣла на задней лавкѣ?

— Гондевилъ! да! чтожъ дѣлать, если это доставляетъ ей удовольствіе, отвѣчала съ насмѣшкой г-жа Фюстерье.

— Но вы слишкомъ справедливы, подхватила г-жа Жироне: чтобъ не признавать дворянства Гондовилей.

— Развѣ я сказала что-нибудь на этотъ счетъ? возразила скороговоркой пожилая женщина: я очень хорошо знаю, что въ Нормандіи была старинная фамилія этого имени.

— Однакожъ, мнѣ помнится, у васъ была по этому случаю какая-то непріятная сцена съ Викторіей Бернаръ?

— А, это маленькій урокъ, который я ей дала! вскричала г-жа Фюстерье, выпрямившись. Двадцать три года назадъ, въ концѣ сентября, мы разъ столкнулись съ ней у маленькой Симоне, у которой въ это время умерла мать. Мадмуазель Бернаръ ни съ того, ни съ другаго стала мнѣ доказывать, что въ Провансѣ старинныхъ дворянскихъ фамиліи вовсе нѣтъ, хотя она знала, что я изъ Прованса, а что настоящее дворянство только и осталось въ Нормандіи, откуда ея свояченица. На это я отвѣчала довольно спокойно: «ваша правда, но революція до того разорила это дворянство, что бѣдность заставила даже Гондовилей выходить замужъ за Бернаровъ». Она сконфузилась и покраснѣла съ досады и отвѣчала мнѣ вѣ себя: «знайте, что свояченица моя могла выбирать: у нея было сто тысячъ франковъ приданого.» Съ-тѣхъ-поръ мы больше не говоримъ съ ней.

— Сто тысячъ франковъ! повторила г-жа Жироне: но гдѣ-же хранились эти деньги?

— Вѣроятно, въ государственной касѣ, отвѣчала г-жа Фюстерье: и теперь они послужатъ приданымъ Фаустинѣ.... Экономическій способъ выдавать дочерей за-мужъ.

— Но развѣ у нихъ въ домѣ такъ мало тратятъ?

— То-есть, ровно ничего; эта толстуха Бернаръ отличается баснословной скупостью, одѣваетъ свою племянницу въ обноски полковницы, въ платья, которыя мы видѣли въ 1815 году. О! у меня память хороша! Въ последнее воскресенье я узнала на плечахъ Фаустины старую шаль — перекрашенную.

— Фаустинѣ слишкомъ двадцать лѣтъ; тетушка должна-бы подумать объ ея замужствѣ...

— Къ чему? Развѣ старыя дѣвы думаютъ о комъ-нибудь кромѣ себя. Нѣтъ, дѣвица Викторія Бернаръ вовсе не спѣшитъ выдать за-мужъ свою племянницу. Такъ-какъ извѣстно, что Фаустина богата, то являлись многіе женихи, но имъ всемъ было отказано.

— Это безсовѣстно! Я никогда не думала, что Викторія способна на подобныя продѣлки! сказала г-жа Жироне. Какъ! она не хочетъ выдать замужъ свою племянницу!... Посмотримъ!

IV.

Г-жа Жироне не соглашалась, чтобы Гастонъ сдѣлалъ визитъ Викторіи и Фаустинѣ; но въ замѣнъ того она постаралась доставить ему случай свиданія съ ними и возможность быть у нихъ въ домѣ. Однажды, послѣ обѣда, она сошла въ гостиную съ пачкой гербовыхъ бумагъ и сказала ему:

— Любезный другъ, у меня есть порученіе, которое ты долженъ исполнить.

— Съ большимъ удовольствіемъ, матушка! отвѣчалъ молодой человекъ.

— Вотъ бумаги, которыя я только-что нашла; твой отецъ вѣроятно, заперъ ихъ въ шкафъ да и забылъ. Это кучая крѣпость на владѣніе домомъ, который мы продали полковнику; теперь она принадлежитъ его наследникамъ, это ясно. Сдѣлай одолженіе, сходи къ этимъ дамамъ и отдай имъ этотъ актъ. Теперь ты, вѣроятно, найдешь ихъ одиѣхъ. Не забудь извинить меня передъ ними въ задержкѣ этихъ бумагъ; скажи, что я сама-бы ихъ отнесла, если-бъ не была принуждена оставаться съ моимъ больнымъ мужемъ, и что я посылаю имъ мой поклонъ.

Гастонъ, получивъ это порученіе, не могъ скрыть нѣкотораго волненія и вскричалъ съ живостью :

— Ахъ, матушка! это у васъ славная мысль! Вотъ для меня прекрасный случай опять явиться къ мадамъ Викторіи, которая меня такъ баловала. Я только немного переодѣнусь.

— Къ чему? ты и такъ очень хорошо одѣтъ! перебила г-жа Жироне, удерживая его. Если ты нарядишься, такъ твой визитъ будетъ походить на перемонный; явись къ нимъ такъ, какъ ты есть: въ сюртукъ и въ клѣтчатыхъ панталонахъ.

— Очень хорошо, сказалъ Гастонъ съ тайной радостью, не укрывшейся однако отъ пронизательности матеріи.

— О! о! подумала она, слѣдя за нимъ глазами: въ какомъ онъ восхищеніи! Не видѣлъ-ли онъ уже красавицу Фаустину? Не начинаетъ-ли онъ влюбляться?

Она возвратилась въ задумчивости къ своему мужу и, сѣвъ противъ него, кликнула служанку, чтобы поправить огонь въ каминѣ. Служанка эта была у нихъ въ домѣ съ перваго года замужства г-жи Жироне; онѣ состарѣлись вмѣстѣ; барыня любила ее и много ей потакала. Помѣшавъ золу и раздувъ огонь на сырыхъ головняхъ, дымившихся съ утра въ каминѣ, служанка начала шарить у себя въ карманѣ.

— Что ты ищешь, Нанета? спросила г-жа Жироне.

— Да вотъ: не хотите-ли купить нитокъ у Жерома? вотъ образчикъ.

— А! хороши, годятся на чулки для моего сына, сказала г-жа Жироне, разглядывая мотокъ: нитка крѣпкая, бѣлая! Я хотѣла-бы знать, откуда достаетъ Жеромъ такія вещи?

— Онъ не сказываетъ, но я полагаю, сказала Нанета: что онъ продаетъ это въ пользу мамзель Викторіи Бернаръ.

— Неужели она изъ всего извлекаетъ деньги!

— Изъ всего рѣшительно, это вещь извѣстная. Да что-жь прикажете дѣлать? Скупость овладѣла ею до того, что она, жалѣя нѣсколькихъ лишнихъ франковъ, не держитъ ни горничной, ни ключницы, и цѣлый день работаетъ сама, какъ простая служанка. Это еще не все: подъ предлогомъ, что это ее забавляетъ, она разводитъ шелковичныхъ червей, и въ такомъ количествѣ, что ими можно наполнить большую комнату третьяго этажа. Въ продолженіе шести недѣль, она и племянница ея не знаютъ отдыха, а въ послѣдніе дни даже вовсе не спятъ. Вы не знаете, какъ трудно кормить этихъ червей, особенно подъ конецъ. Одинъ Жеромъ, изъ дружбы, какъ онъ говоритъ, помогаетъ имъ. Старухъ это конечно ничего, но каково-то бѣдненькой Фаустинѣ? Мадмуа-

зель Викторія красить сырець, потомъ Жеромъ продаетъ его мотками, потомъ вырученныя деньги запираются въ потайной ящикъ, и ужъ оттуда ихъ ничѣмъ не выманишь.

— Странная манера копить деньги! сказала г-жа Жироне.

И взглянувъ на мужа, прибавила:

— А есть люди, которые вмѣсто того, чтобы собирать деньги, только швыряютъ ихъ за окно; по-моему, этотъ порокъ еще хуже!

— Когда умретъ мамзель Викторія, то вѣроятно у ней и въ тюфякѣ и въ подушкахъ найдутся деньги, продолжала Нанета. Жеромъ говоритъ, что всего много въ этомъ домѣ, но что все драгоцѣнности, уборы, серебро, бѣлье, все лежитъ подъ спудомъ. Фаустина носитъ ситцевыя платья и перекрашенныя шляпки. Многіе увѣряютъ, что она также скупа, какъ и тетушка, но я этому не вѣрю: я видѣла, какъ она подавала милостыню.

— Дай Богъ ей найти достойнаго мужа; тогда ея мученія кончатся, сказала г-жа Жироне: вѣдь и домъ и все богатство принадлежитъ ей, и Викторія принуждена будетъ передать ей все это въ день замужества.

— Сударыня, у меня родилась мысль! вскричала Нанета, ударивъ себя рукой по лбу.

— Молчи, молчи, перебила госпожа съ улыбкой: мы еще и не думаемъ объ этомъ.

— Напротивъ, сударыня! напротивъ! возразила Нанета: все эти дни г. Гастонъ ходилъ къ кофейнѣ, и садился противъ ихъ оконъ, не смотря на дурную погоду. Я видѣла, какъ онъ сегодня утромъ еще ходилъ гулять около церкви, во время обѣдни, и когда мамзель Фаустина вышла, онъ раскланивался съ ней! Просто, по всему видно, что онъ влюбленъ!

— Можетъ быть, только не говори объ этомъ никому, отвѣчала г-жа Жироне.

— О! не безпокойтесь, сказала Нанета, вставая: вы знаете, я не изъ болтливыхъ.

Спустя минуту позвонили; это была г-жа де-Фюстерье.

— Вы не у вечерни? вскричала удивленная г-жа Жироне: что это значитъ?

— Ничего, дружески отвѣчала г-жа де-Фюстерье: я хотѣла поговорить съ вами и выбрала этотъ часъ, зная, что мы будемъ однѣ.

— Къ вашимъ услугамъ, сказала г-жа Жироне, предчувствуя или совѣтъ, или какое-нибудь непріятное предложеніе.

— Я пришла подѣлиться съ вами мыслию, отвѣчала пожилая дама.

У меня есть для вашего сына прекрасная партія: дѣвушка, мнѣ дальняя родственница. Угадываете, о комъ я говорю?

Г-жа Жироне отрицательно покачала головой.

— Развѣ вы не помните хорошенькую дѣвушку, которая въ прошломъ году гостила у меня недѣлю?

— Дѣвицу Бертешъ?

— Да, прелестную Полину, какъ вы ее называли. Мнѣ нечего говорить о ея родныхъ; всякій знаетъ, кто она. Что же касается до приданого, то, говорятъ, она получитъ восемьдесятъ тысячъ франковъ; что вы скажете на это?

— Мы не ищемъ такихъ блестящихъ партій, отвѣчала уклончиво г-жа Жироне: это будетъ слишкомъ много чести и счастія для Гастона.

— Я имѣю нѣкоторое вліяніе на отца, продолжала г-жа де-Фюстерье: когда я бывала въ Марсели, то всегда у ней останавливалась, и наши дружескія отношенія даютъ мнѣ голосъ въ семейномъ совѣтѣ. Если нужно, я поддержу просьбу Гастона и пожалуй съѣзжу нарочно въ Марсель.

— Вы добрейшая душа! проговорила г-жа Жироне, внутренно обезпокоенная этимъ предложеніемъ.

— У меня планъ готовъ, продолжала г-жа Фюстерье: сначала мы поговоримъ объ этомъ Гастону...

— Я беру это на себя, скоро отвѣчала г-жа Жироне.

— Потомъ, вы пошлете его съ рекомендательнымъ письмомъ къ г. Бертешъ. Его примутъ съ радостью и легко догадаться, что изъ этого выйдетъ: скоро, любезная баронесса, у васъ будетъ премиленъкая невѣстка, которая развеселитъ вашъ домъ и прибавитъ къ вашему состоянію восемьдесятъ тысячъ франковъ.

— Хорошо, еслибъ такъ! отвѣчала г-жа Жироне съ сухимъ кашлемъ, что было въ ней признакомъ внутренняго неудовольствія.

Потомъ, замѣтивъ, что старикъ Жироне началъ двигаться на своихъ креслахъ, она скоро прибавила, пожимая руку своей пріятельницы:

— Кажется, мужъ мой просыпается: не будемъ болѣе говорить объ этомъ... Онъ все перетолковываетъ вкривь и вкось.

Г-нъ Жироне проснулся совершенно отъ говора жены и, снявъ колпакъ, чтобы поклониться г-жѣ Фюстерье, сказалъ ей плачевнымъ голосомъ:

— Сударыня, вы видите передъ собою несчастнаго больнаго, у котораго только и осталось одно дыханіе; но не смотря на то, онъ къ вашимъ услугамъ, ежели вамъ угодно будетъ сыграть партію въ вистъ.

— Очень рада, баронъ; сейчасъ, отвѣчала она.

— Я сію минуту соберу карты, сказалъ онъ, отыскивая ихъ около себя. Вотъ и часы бьютъ! Только три часа!

— Онъ скучаетъ! сказала г-жа Жироне, смотря на мужа съ сожалѣніемъ, смѣшаннымъ съ горестью: дни ему кажутся очень длинными, съ-тѣхъ-поръ, какъ онъ не можетъ выходить изъ дома.

— Положеніе его очень тяжело, надо сознаться, отвѣчала г-жа де-Фюстерье: да и видъ отсюда у васъ не слишкомъ пріятенъ.

Дѣйствительно, гостиная г-на Жироне выходила окнами въ грязный переулокъ, въ который солнце никогда не проникало; кромѣ того, противъ самыхъ оконъ была огромная закоптѣлая стѣна, заслонявшая и воздухъ и свѣтъ.

— Къ этому еще можно привыкнуть, сказала г-жа Жироне со вздохомъ: впрочемъ, я была-бы счастлива, если-бъ могла кончить жизнь мою въ домѣ, построенномъ на лучшемъ мѣстѣ, гдѣ было-бы свѣтло отъ чердака до погреба, и гдѣ, сядя къ окну, я могла-бы видѣть проходящихъ.

— Въ родѣ дома полковника? сказала г-жа де-Фюстерье.

Госпожа Жироне покачала головой съ незамѣтной улыбкой и поспѣшила прекратить разговоръ. Подъ предлогомъ развлечь мужа, она предложила сыграть партію въ пикетъ и взяла карты за мужа, который тотчасъ-же заснулъ.

Г-жа де-Фюстерье нѣсколько разъ пыталась возобновить разговоръ на счетъ своего предложенія, но довольно неудачно: пріятельница всегда умѣла кстати прервать ее. Однако, какъ женщина хитрая и недоверчивая, она подозрѣвала, что уклончивость эта имѣетъ какую-нибудь скрытую цѣль, и въ минуту ухода, пожимая руку г-жи Жироне, она сказала ей съ особенной улыбкою:

— Теперь, любезная баронесса, я буду ждать, чтобы вы сами возобновили нашъ разговоръ; потому-что я рада всѣмъ служить, но не люблю никому навязывать свои услуги.

— Что вы говорите? перебила г-жа Жироне, притворяясь будто не поняла ее. Вамъ извѣстно, сколько присутствіе ваше утѣшаетъ меня въ моихъ горестяхъ. Я вамъ такъ благодарна за участіе ваше къ моему бѣдному больному.

— О! вы знаете мою дружбу! Ну, прощайте! завтра утромъ мы увидимся, если только я не уѣду въ деревню.

— Вы уѣзжаете въ деревню, въ это время года! вскричала г-жа Жироне: вы шутите; да, я думаю, теперь туда нѣтъ и проѣзда по дорогамъ.

— Да, почти такъ, отвѣчала г-жа де-Фюстерье: но хоть шагомъ, а все-таки доѣхать можно.

— Значить мы на цѣлую недѣлю будемъ лишены удовольствія васъ видѣть? сказала г-жа Жироне, въ глубинѣ души желая ей не возвращаться изъ имѣнія хоть цѣлый вѣкъ.

Гастонъ явился только къ ужину. Мать, ждавшая его съ нетерпѣніемъ, вышла къ нему на встрѣчу, полагая, что онъ тотчасъ-же дастъ ей подробный отчетъ. Но онъ сказалъ ей только:

— Матушка, я исполнилъ ваше порученіе; мадмуазель Викторія приказала поблагодарить васъ.

— Хорошо, мой другъ, отвѣчала она, немного удивленная и не стараясь узнавать подробностей.

Потомъ, взглянувъ на обувь молодого человѣка, она прибавила:

— Что это? ты, кажется, ходилъ за городъ?

— Мнѣ хотѣлось немного прогуляться, и я незамѣтно зашелъ довольно далеко. Вотъ почему я такъ и запоздалъ.

— Бѣда не велика; ты не заставилъ себя ждать, отвѣчала г-жа Жироне, снисходительно улыбаясь. Ну, теперь отдохни, ты усталъ, кажется. Ходить такъ долго одному, утомительно и скучно.

— О, нѣтъ! отвѣчалъ онъ живо; я не скучаю одинъ.

Далѣе никакихъ объясненій между ними не было; однако Жироне поняла, что сынъ ея былъ подъ вліяніемъ новаго чувства. Видъ его, счастливый и задумчивый, ясно говорилъ о состояніи его души, и не смотря на его скрытность, на лицѣ его отражалось неопредѣленное счастье первой страсти.

На другой день, г-жа Жироне съ несказаннымъ удовольствіемъ узнала, что ея старая подруга уѣхала въ имѣніе. Она ни слова не сказала сыну о предложеніи на его счетъ г-жи де-Фюстерье, даже не сказала, что существуетъ въ мірѣ хорошенькая дѣвушка, называемая Полиною де-Бертешъ, на которой его хотятъ женить.

Такъ прошло нѣсколько дней. Однажды, подъ конецъ вечера, Гастонъ придвинулся къ стулу матери и, закрывъ лицо руками, сказалъ почти шопотомъ:

— Я человѣкъ самый несчастный, если ошибаюсь въ вашемъ намѣреніи.

— Какъ это? я не понимаю тебя, сказала она съ улыбкой.

— Я влюбленъ, продолжалъ онъ: влюбленъ безумно!

— Что ты говоришь, мой другъ? отвѣчала г-жа Жироне самымъ спокойнымъ голосомъ: я никакъ не ожидала подобнаго объясненія.

— О! вы очень хорошо знаете, матушка, продолжалъ молодой человекъ: что я люблю ее всею душею. Вы сами послали меня къ ней, съ намѣреніемъ усилить любовь эту въ моемъ сердцѣ. Развѣ я могъ устоять? Она такъ хороша, такъ скромна, такъ мила!

— Это правда! сказала г-жа Жироне, какъ-бы говоря сама съ собою: я была при ея рожденіи, она выросла у меня на глазахъ, я могу отвѣчать за нее; мы не встрѣтимъ въ цѣломъ мірѣ дочери болѣе покорной, болѣе разсудительной, болѣе любящей. Конечно, я почла-бы себя счастливой, еслибъ имѣла такую невѣстку. Посмотримъ, однако-же, какъ далеко ты зашелъ.

— Я говорилъ съ Фаустиной всего одинъ разъ, и то въ присутствіи ея тетки, и не знаю, на что могу надѣяться.

Госпожа Жироне посмотрѣла на сына съ чувствомъ нѣжности и гордости, и потомъ, смѣясь, прибавила:

— Есть одно только средство узнать, нравишься-ли ты ей: попроси ея руки...

— О! матушка... Но если она откажетъ мнѣ?... Но нѣтъ, нѣтъ, я надѣюсь... Я вамъ предоставляю мою будущность и счастіе; управляйте мной или, лучше сказать, дѣйствуйте за меня...

— Вотъ это дѣльно! весело сказала г-жа Жироне. А то вы, влюбленные, тотчасъ напраказите... Будь покоенъ, я все устрою.

Госпожа Жироне не долго думала, какъ привести къ концу порученіе сына; умъ ея былъ одинъ изъ тѣхъ, которые не уклоняются отъ косвенныхъ дорогъ, но которыхъ природная прямизна ведетъ всегда по прямой линіи, и вмѣсто того, чтобы узнавать черезъ посредника о расположеніи тетки и племянницы, она рѣшилась дѣйствовать сама, открыто и безъ отлагательства.

На другой-же день она одѣлась съ особеннымъ тщаніемъ, какъ-бы для церемоннаго визита и вышла, не сказавъ никому ни слова. Тогда, избравъ дальнѣйшую дорогу, чтобы не переходить черезъ площадь, она прошла по переулку, упирающемуся къ заднему крыльцу полковничьяго дома, и, убѣдившись, что ни одинъ изъ сосѣдей не видалъ ее, она позвонила. Фаустина вышла къ ней на встрѣчу. Видя передъ собой г-жу Жироне, она сконфузилась и сказала:

— Простите, если я заставила васъ ждать...

— Напротивъ, мнѣ слѣдуетъ у васъ просить прощенія, отвѣчала старуха: что я васъ такъ рано обезпокоила; но я полагала, чѣмъ ранѣе приду, тѣмъ вѣрнѣе застаю дѣвицу Бернаръ.

— Она дома, въ саду, сказала Фаустина, вводя посѣтительницу въ гостиную: я сейчасъ скажу ей; потрудитесь обождать минуту.

Она подвинула кресло, стоявшее противъ портрета полковника, открыла ставни, чтобы г-жа Жироне могла погрѣться на солнцѣ, потому что каминъ не топился; потомъ съ легкимъ поклономъ, она выпорхнула изъ комнаты!

Г-жа Жироне была проникнута какимъ-то тягостнымъ чувствомъ, входя въ этотъ опустѣлый домъ, гдѣ она такъ пріятно проводила время въ продолженіе своей печальной молодости. Фаустина напомнила ей собою прелестныя черты г-жи де-Гондовиль и она чувствовала, что уже любить этотъ милый двойникъ особы, которой память всегда была ей дорога. Когда показалась Викторія, она поспѣшила встать и, протянувъ ей руку, вскричала:

— Здравствуйте, милая Викторія! Я просто въ восхищеніи отъ вашей племянницы. Она уже совершенно сформировалась и очень напоминаетъ мнѣ свою бѣдную мать.

— Вы очень добры, холодно отвѣчала Викторія.

Старая дѣва никогда не любила г-жу Жироне, и съ неудовольствіемъ вспомнила давнопрошедшее.

Г-жа Жироне частію догадывалась о непріязненныхъ чувствахъ Викторіи и тотчасъ-же старалась незамѣтнымъ образомъ растолковать и оправдать, до извѣстной степени, свое поведеніе.

— Давно уже я собиралась къ вамъ, сказала она вкрадчиво: но, къ несчастію, не могу оставлять домъ... Всю жизнь мою я находилась подъ какимъ-то игомъ: прежде я должна была подчиняться обязанностямъ, налагаемымъ свѣтомъ на молодую дѣвушку; я не смѣла сдѣлать шагу безъ того, чтобы моя теща и ея подруга не находили чего-нибудь предосудительнаго; а теперь, когда вокругъ меня нѣтъ никого, имѣющаго право дѣлать мнѣ замѣчанія, я обязана проводить время возлѣ больного мужа.

— Это съ вашей стороны чрезвычайно похвально, разсѣянно сказала Викторія.

На этотъ комплиментъ г-жа Жироне улыбнулась и продолжала тѣмъ-же дружескимъ тономъ:

— Извините меня, что я не могла сама возвратить вамъ бумаги, нечаянно удержанныя г-номъ Жироне. Эти старинныя акты могутъ пригодиться вамъ въ случаѣ споровъ съ сосѣдями.

— Ежели Богу угодно, то надѣюсь, мы никогда ни съ кѣмъ враждовать не будемъ, въ полголоса сказала старая дѣвушка.

— Не мѣшаетъ, однако, сберечь эти бумаги: кто знаетъ, что случится! возразила г-жа Жироне.

Затѣмъ она углубилась въ кресла, вынула коробочку съ лепешками

предложила Викторіи и завела разговоръ о разныхъ стороннихъ предметахъ. Она говорила о хорошей и дурной погодѣ, о цѣнѣ съѣстныхъ припасовъ, о возможности хорошаго урожая хлѣбовъ, о коклюшѣ, причиняющемъ часто смерть между дѣтьми, и о бѣшеннѣй собакѣ, которую замѣтила на большой дорогѣ. Около получаса длился этотъ интересный разговоръ. Викторія очень развеселилась; она тоже пускалась говорить, а исторія о бѣшеннѣй собакѣ дала ей случай къ сильнымъ восклицаніямъ.

Когда весь разговоръ истощился, г-жа Жироне легко кашлянула, открыла вновь коробочку съ лепешками, и предлагая ихъ Викторіи, сказала:

— Съ нѣкотораго времени я въ недоумѣніи; позвольте мнѣ вамъ довѣриться и вмѣстѣ съ тѣмъ спросить: не сердитесь-ли вы на меня, что я послала вамъ бумаги съ моимъ сыномъ?

— О! нѣтъ, напротивъ, возразила Викторія.

— Съ самаго дня своего пріѣзда, онъ все спрашивалъ меня объ васъ, продолжала г-жа Жироне: и наемни онъ былъ въ восхищеніи, когда ему представился случай засвидѣтельствовать вамъ лично свое почтеніе. Узнали-ли вы его, милая Бернаръ, этого большаго молодого человѣка, котораго прежде называли маленькимъ Гастономъ?

— Не съ перваго взгляда, отвѣчала она: однако прежде, чѣмъ онъ назвалъ свое имя, я сказала племянницѣ: «это онъ!» Онъ хотѣлъ поцѣловать мою руку... я не дала, а просто разцѣловала его... Я заплакала... онъ былъ такой милый ребенокъ... Мы такъ все любили его!..

— Онъ платилъ вамъ тѣмъ-же! вскричала г-жа Жироне: ежедневно онъ убѣгалъ изъ дому къ вамъ, а когда мнѣ случалось бранить его, то онъ отвѣчалъ, что не хотѣлъ оставаться со мной и что отправится жить къ тетускѣ Викторіи. Впрочемъ, чувства его остались все тѣ-же, и я увѣрена, что онъ будетъ очень радъ, ежели вы ему позволите бывать здѣсь, какъ и прежде.

— Къ сожалѣнію, это невозможно, сказала Викторія со вздохомъ.

— Да, я согласна, сказала г-жа Жироне: и если сынъ мой побываетъ у васъ два или три раза, то городскія кумушки поднимутъ страшный гвалтъ. Симоне васъ-бы громко бранила, г-жа Бертранъ начала-бы васъ предостерегать, и все вмѣстѣ составили-бы концертъ изъ дерзкихъ разсужденій и злыхъ разсказовъ про васъ, про меня, про сына моего, котораго обвинили-бы открыто за частыя посѣщенія.

— О! это непременно, сказала Викторія, подымая глаза къ небу: мнѣ слишкомъ знакомы эти язычки!..

— Есть впрочемъ средство заставить ихъ молчать, сказала г-жа Жироне съ легкой улыбкой.

— Какое? быстро спросила Викторія.

— Самое обыкновенное, продолжала г-жа Жироне.

И какъ старая дѣва смотрѣла на нее съ удивленіемъ, выпучивъ глаза, она прибавила тономъ полу-серьознымъ, полу-шуточнымъ:

— Женить сына моего на вашей племянницѣ, и пригласить всѣхъ этихъ госпожъ на свадьбу.

Викторія пожала плечами и молчаніемъ своимъ показала, сколько эта шутка казалась ей неумѣстной и обидною. Тогда г-жа Жироне продолжала серьезно:

— Я не шучу; и подумайте, могу-ли я шутить такимъ предметомъ? Повѣрьте, я очень была-бы счастлива, еслибъ Фаустина согласилась на этотъ бракъ.

При этомъ объявленіи, ясномъ и вразумительномъ, толстая Викторія опрокинулась назадъ отъ удивленія, и воскликнула:

— О! я никакъ этого не ожидала!...

— Однакожъ, тутъ нѣтъ ничего необыкновеннаго, спокойно замѣтила госпожа Жироне: вы всякій день можете ожидать подобныя предложенія.

И послѣ нѣкотораго молчанія она прибавила:

— Отдайте намъ Фаустину, и я ручаюсь вамъ, что она будетъ счастлива.

Старая дѣва движеніемъ головы сдѣлала рѣшительный отказъ и продолжала молчать.

Тогда г-жа Жироне начала подробно объяснять всѣ выгоды этого союза, обрисовала счастье молодыхъ людей, откровенно изложила степень своего состоянія и, слегка намекая на приданое Фаустины, сдѣлала расчетъ свадебныхъ расходовъ и тратъ на первое обзаведеніе молодыхъ.

Но тетюшка Викторія все слушала, качая головою, какъ-будто противилась всему этому. Въ это время въ ея кругломъ, простодушномъ лицѣ было что-то напоминающее суровую фізіономію полковника: то-же выраженіе непоколебимой твердости, энергіи упрямой и неумолимой. Г-жа Жироне увидѣла ясно, что она ни въ чемъ не успѣетъ при подобномъ упорствѣ, и потому встала, не дожидаясь дальнѣйшаго отвѣта Викторія.

— Конечно, ваше предложеніе для насъ очень лестно, проговорила послѣдняя, провожая ее: но если племянница послушается моего совѣта, то никогда не выйдетъ за-мужъ... До-сихъ-поръ она постоянно показывала сильное отвращеніе къ замужству.

— Мы постараемся заставить ее переменить мнѣніе, перебила, улыбаясь, г-жа Жироне: послушайте, мадмуазель Бернаръ, предупреждаю васъ, что противодѣйствія ваши не помогутъ. Гастонъ влюбленъ безъ памяти въ вашу племянницу, и найдетъ случай сказать ей объ этомъ. Мы все ему поможемъ. Жеромъ будетъ говорить за него.

Г-жа Жироне отправилась тѣмъ-же путемъ, которымъ пришла, дѣлая большой обходъ, чтобы ни съ кѣмъ не встрѣтиться, и возвратясь домой, объявила, что была у обѣдни. Планъ дѣйствій былъ ею уже начертанъ; она нашла излишнимъ говорить сыну объ отказѣ на его предложеніе. Этотъ бракъ по расчету надо было устроить какъ бракъ по любви. Гастонъ долженъ былъ на все пуститься, чтобы завоевать сердце и руку красавицы Фаустины. Мысль эта очень нравилась г-жѣ Жироне: она радовалась возможности присутствовать при сценахъ маленькаго романа. Викторія представлялась ей нестерпимымъ Бартоломъ въ юбкѣ, котораго было очень похвально провести, и она предвидѣла съ безконечнымъ удовольствіемъ минуту, въ которую старая дѣва должна будетъ подписать свадебный контрактъ своей племянницы.

Въ полдень того-же дня, Нанета вошла въ гостиную съ видомъ таинственнымъ и озабоченнымъ.

— Сударыня, сказала она въ полголоса: дѣло подвигается; они видѣлись на гуляньѣ.

— Что ты говоришь? спросила г-жа Жироне, подымая голову.

— Я рассказываю, что видѣла своими глазами. Я полоскала бѣлье въ ручейкѣ, близъ дороги — вы знаете, въ томъ мѣстѣ, гдѣ мостикъ. Мамзель Фаустина и ея тетушка сидѣли неподалеку. Онѣ отдыхали и грѣлись на солнцѣ. Вдругъ, я издали увидѣла г-на Гастона. Онъ шелъ съ прогулки. Барыни не могли его видѣть, потому-что сидѣли у самаго поворота дороги. Поровнявшись, онъ съ ними раскланялся и подошелъ засвидѣтельствовать свое почтеніе. Старуха тотчасъ встала и сконфузилась.

— А Фаустина?

— Всыхнула, какъ огонь, при видѣ Гастона, и легко можно было замѣтить, что эта встрѣча ее взволновала. Старуха поминутно кланялась, не зная, что сказать. И все это очень не долго продолжалось. Г-нъ Гастонъ пожелалъ имъ пріятнаго утра и ушелъ, а дамы опять сѣли. Тогда дѣвица Бернаръ возобновила разговоръ; я не могла слышать, о чемъ онѣ говорили, но увѣрена, что рѣчь шла о г-нѣ Гастонѣ; она трясла головой, поминутно двигаясь и, по обыкновенію, нюхала табакъ....

— А Фаустина?

— Она была скучна; видно слова тетушки не доставляли ей удовольствія. Но все равно, это ей не помѣшаетъ любить моего молодого барина. Мы увидимъ ихъ свадьбу ранѣе будущаго года и старая Бернаръ принуждена будетъ развязать кису, чтобы заплатить за музыку.

— И онѣ долго тамъ оставались? спросила г-жа Жироне.

— До того времени, когда Викторія ходитъ къ г-жѣ Бертранъ играть въ вистъ. Онѣ составляютъ свою партію.

— А Фаустина тоже ходитъ съ нею? спросила быстро г-жа Жироне, какъ-бы внезапно пораженная радостною мыслью.

— Нѣтъ, сударыня, отвѣчала Нанета: она остается дома одна, и я думаю....

— Молчи, Нанета! сказала г-жа Жироне, приложивъ палецъ къ губамъ: мнѣ надо тотчасъ сходить туда!

V.

На другой день г-жа Жироне вторично постучалась въ маленькую дверь дома полковника и опять ее встрѣтила Фаустина. Узнавъ старушку, она измѣнилась въ лицѣ и сказала растроганнымъ голосомъ:

— Ахъ, сударыня! я желала васъ видѣть, но не ожидала вашего прихода.

— Вы однѣ и мы можемъ свободно поговорить; неправда-ли, моя милая? сказала послѣдняя, взявъ ее за руку.

Онѣ вошли въ гостиную. Дѣвица Гондовиль была такъ разстроена, что принуждена была сѣсть. Не приступая къ разговору, она закрыла лицо платкомъ и глубоко вздохнула, какъ-бы сильно страдая внутренно и стараясь превозмочь себя.

— Оправтесь-же, моя милая Фаустина! вскричала г-жа Жироне, сильно тронутая ея положеніемъ.

Потомъ, глядя на столовые часы, она прибавила:

— Мы имѣемъ цѣлый часъ впереди для нашего объясненія и можемъ говорить спокойно. Успокойтесь: печаль ваша скоро пройдетъ.

Фаустина сдѣлала легкое движеніе головой и сказала прерывающимъ я голосомъ:

— Я глубоко чувствую ваше участие. Мнѣ извѣстно ваше намѣреніе, ваше расположеніе ко мнѣ, и я желала васъ видѣть, чтобы выразить вамъ мою благодарность.

— Милое дитя! прошептала со слезами г-жа Жироне: если-бы вы знали, какъ мнѣ пріятно слышать это отъ васъ. Но развѣ тетушка говорила вамъ о моемъ предложеніи?

— Да, говорила.

— И сказала вамъ также объ отказѣ?

— Сказала.

— Въ такомъ случаѣ, если вы не раздѣляете ея мнѣнія, я не вижу причины отчаяваться. Тетушка ваша вбила себѣ въ голову, что вы должны, подобно ей, жить и умереть дѣвушкой; не представляя никакой уважительной причины, она отвергла мое предложеніе. Но мы можемъ обойтись и безъ ея согласія. Вы сирота, но совершеннолѣтняя, и чтобъ выдти за-мужъ, не имѣете нужды ни въ чьемъ согласіи.

— Я это знаю, отвѣчала Фаустина со вздохомъ.

— Въ такомъ случаѣ, о чемъ-же тревожиться! сказала г-жа Жироне, улыбаясь: мы заставимъ тетушку Викторію сдѣлать по нашему; это вовсе не такъ трудно, какъ вы думаете! Но вы опять качаете головой, какъ-будто не вѣрите.... Послушайте, моя милая, откройте мнѣ ваше сердце: скажите, на что вы надѣетесь, чего вы боитесь, чего желаете?

Фаустина, помолчавъ немного, начала дрожащимъ голосомъ, который однако мало-по-малу становился спокойнѣе и твердѣе:

— Я хочу сказать вамъ правду... но правду очень печальную. Досихъ-поръ тетушка отказывала всѣмъ моимъ женихамъ; она отказывала имъ отъ моего имени, не объясняя никакой причины. Я не противилась этому, потому-что ко всѣмъ этимъ людямъ была равнодушна. Но теперь дѣло другое. Хотя я съ вами не сближалась, но знала васъ коротко; всю мою жизнь я слышала разговоры объ васъ, о семействѣ вашемъ... Матушка моя васъ любила.... Вотъ почему, когда вы полагаете, что я достойна войти въ семейство ваше, я не хочу оставить у васъ мысли, что я не понимаю этой чести, что я неблагодарна и дѣйствую по глупому капризу. Настоящая, единственная причина моего отказа та, что я — слишкомъ бѣдна, чтобы выдти за-мужъ.

— Что за пустяки вы вбили себѣ въ голову, милая Фаустина? вскричала г-жа Жироне: а приданое вашей матушки?

— Приданое это существуетъ только въ воображеніи моей тетушки, печально отвѣчала Фаустина: ребяческое тщеславіе заставило ее однажды солгать и съ-тѣхъ-поръ она поддерживаетъ эту ложь. Всю жизнь свою она старалась увѣрить всѣхъ, что у насъ хорошее состояніе и

успѣла въ этомъ, несмотря на то, что наружность явно противорѣчить ей словамъ.

— Странно, проговорила протяжно пораженная старушка.

— Моя тетушка хвастлива на свой ладъ, продолжала Фаустина: какое ей дѣло, что скупость ея вошла въ поговорку! Она лучше желаетъ, чтобъ ее обвиняли въ этомъ пороѣ, нежели подозрѣвали въ бѣдности. Она была-бы въ отчаянн, если-бъ узнала, что я вамъ открыла истину, и никогда-бы мнѣ этого не простила... Умоляю васъ сохранить этого въ тайнѣ....

Г-жа Жироне, въ знакъ обѣщанія, пожала ей руку: она была смущена.

— Вы видите, тетушка справедлива: бракъ этотъ невозможенъ, кратко прибавила Фаустина. Теперь, какъ я объяснила вамъ причину нашего отказа, могу-ли я надѣяться, что вы не откажете мнѣ въ вашемъ расположенн, въ вашей дружбѣ?

— Милое дитя мое! вскричала г-жа Жироне, обнимая нѣжно Фаустину: вы доброе, благородное созданіе! О! если-бы сынъ мой былъ богатъ! если-бы у насъ было порядочное состояніе!...

Онѣ поцѣловались со слезами на глазахъ. Когда-же нѣсколько успокоились, г-жа Жироне сказала, удерживая руку Фаустины въ своей:

— Мнѣ очень больно отказаться отъ того, на что я надѣялась, и сердце мое жестоко страдаетъ въ эту минуту.... Но видите-ли: мы, женщины, на то созданы, чтобы исполнять наши обязанности и скрывать наши печали.... Будемъ тверды и постараемся перенести это испытаніе. По счастью, мы объяснились во-время: сынъ мой еще не сильно надѣется, по-крайней-мѣрѣ, я такъ думаю... Къ-счастью, также вы его едва знаете, и онъ не имѣлъ еще времени вамъ понравиться.

— Да, къ-счастью; сердце мое еще спокойно, сказала Фаустина съ легкой улыбкой.

— О, я очень страдала-бы, еслибъ знала, что вы его любите! вскричала г-жа Жироне: но въ настоящемъ положенн дѣль, вреда большаго быть не можетъ.

— Пожалуйста, перебила ее Фаустина: скройте отъ него настоящую причину моего отказа; это тайна, о которой я прошу васъ никому не говорить, пока жива моя тетушка. Я вамъ повторяю, она будетъ въ отчаянн, если узнаетъ, что существуетъ въ мнрѣ кто-нибудь, кому извѣстно наше настоящее положеніе.

— О, на счетъ этого будьте покойны, отвѣчала г-жа Жироне. Потомъ, взглянувъ на часы, она продолжала:

— Однако, мнѣ пора. Прощайте, милая Фаустина! Несмотря на

то, что мечты мои не сбылись, я не могу отказаться бывать у васъ иногда по утрамъ.

— О! этимъ вы-бы очень меня утѣшили! вскричала Фаустина.

— Я буду приходить къ вамъ, какъ сегодня, когда вы будете однѣ. Теперь прощайте, милая Фаустина, до свиданія!

— О! вы дѣлаете меня почти счастливой! сказала Фаустина, прижимая ея руку къ сердцу.

Нанета ожидала свою госпожу у дверей, и какъ только послѣдняя дотронулась до молотка, она отворила ее и воскликнула съ торжествующимъ любопытствомъ:

— Ну что, сударыня?

— Молчи! молчи! мнѣ не до тебя! торопливо отвѣчала г-жа Жироне. Сынъ мой дома?

— Нѣтъ еще; но г-жа де-Фюстерье приѣхала въ городъ.

— Г-жа Фюстерье возвратилась! проговорила Жироне, пораженная внезапною мыслью: можетъ быть, она у себя. Пойду къ ней.

— За совѣтомъ? спросила удивленная Нанета.

— Это мы увидимъ! Когда придетъ сынъ мой, не забудь сказать ему, что я отправилась съ визитомъ къ г-жѣ Фюстерье. Но смотри, ни слова про мой теперешній визитъ.

— Слушаю-съ, отвѣчала Нанета.

Жироне пошла къ своей старинной подругѣ самую дальней дорогой; ей нужно было успокоиться и хорошенько обдумать, какъ дѣйствовать. Женщина эта понимала страсти, хотя сама ихъ никогда не испытала; однимъ взглядомъ она проникла сердце сына; она видѣла, что его любовь была пламенная, глубокая, и ежели было средство его отвлечь, излечить, такъ ужъ конечно не сказавъ ему хладнокровно и разсудительно, что бракъ его съ дѣвицею Гондовиль невозможенъ. Ей казалось, что въ настоящую минуту она должна была воздержаться отъ всякихъ объясненій и, во всякомъ случаѣ, остерегаться подавить или воспламенить надежды Гастона; но что прежде всего слѣдовало удалить его и стараться разсѣять.

Г-жа Фюстерье встрѣтила ее съ распростертыми объятіями.

Старушки поцѣловались, какъ-будто не видались лѣтъ десять. Г-жа Фюстерье рассказала всѣ подробности своей поѣздки въ деревню. Поговоривъ о неудовольствіяхъ настоящаго времени года, объ ужасномъ состояніи проселочныхъ дорогъ, она спросила о городскихъ произшествіяхъ въ ея отсутствіе, а также не забыла прибавить:

— А что дѣлаетъ любезный Гастонъ? Какъ проводить онъ время? Все-ли еще намѣренъ остаться здѣсь?

— Я надѣюсь, что онъ не разстанется болѣе съ нами, отвѣчала Жироне. До-сихъ-поръ, я не замѣтила, чтобы онъ скучалъ; но кто знаетъ, долго-ли это продлится? Когда въ домѣ нѣтъ никого, кромѣ стариковъ, жизнь бываетъ скучненька, какъ вы когда-то выразились. Гастонъ это также замѣтитъ, я въ томъ увѣрена...

— Хотите, я дамъ вамъ рекомендательное письмо къ г. де-Бертешъ?

— Очень рада! не колеблясь отвѣчала Жироне: но сначала условимся: дѣло идетъ вовсе не о сватовствѣ, понимаете? Пусть ни Гастонъ, ни дѣвица Бертешъ не знаютъ нашихъ намѣреній.

— Я такъ и полагала; вы пошлете сына вашего въ Марсель, подь какимъ-нибудь предлогомъ.

— Я нашла предлогъ. Мужъ мой оставилъ тамъ кое-какія дѣла, которыя нужно покончить; я поручу это сыну; и скажу, что дѣло не терпитъ отлагательства.

— Прекрасно. Конечно, онъ возьмется кстати исполнить мои комисіи въ Марсели. Когда вамъ нужно рекомендательное письмо?

— Завтра, если можно.

— Какъ вы скоры, вскричала г-жа де-Фюстерье. А что! ужъ нѣтъ-ли опасности въ домѣ?

— Вы все шутите, моя милая... И такъ, онъ будетъ въ Марсели послѣ завтра, рѣшительно сказала г-жа Жироне.

И на другой день, Гастонъ дѣйствительно уѣхалъ. Бѣдный молодой человекъ уѣхалъ, съ сердцемъ полнымъ беззаботной надежды и не воображая, что любовь его и счастье были поставлены на карту.

VI.

Спустя дней десять, марсельскій дилижансъ остановился въ началѣ главной улицы. Одинъ изъ путешественниковъ вышелъ и, приказавъ нести за собой чемоданъ, пошелъ прямо къ гостинницѣ подь фирмою «Городъ Алжиръ».

— Здравствуйте, г. Александръ, вскричалъ Катевенъ, приподымая свой бѣлый колпакъ: милости просимъ! Ужъ не были-ли вы тамъ больны? Лицо у васъ такое блѣдное.

— Я провелъ нѣсколько дней въ постели, у меня была лихорадка, отвѣчалъ пріѣзжій: оттого и запоздалъ такъ. Теперь, слава Богу, лучше, но я долженъ еще беречься.

Дѣйствительно, кромѣ фуражки, на немъ былъ шелковый черный колпакъ, надвинутый такъ, что почти касался щекъ, и сверхъ опойковыхъ башмаковъ были надѣты шерстяныя туфли. По-видимому, онъ стыдился своего костюма и поспѣшилъ войти въ трактиръ, не повернувъ головы и даже не смѣя взглянуть на площадь. Катевенъ, проводя его въ комнату, имъ прежде занимаемую, старался завести разговоръ; но, не получая отвѣтовъ, потихоньку вышелъ. Какъ скоро Катевенъ затворилъ дверь, пріѣзжій засунулъ задвижку, и подойдя къ окну, котораго ставни были полурастворены, посмотрѣлъ на улицу: площадь была пуста; голыя каштановыя деревья окружали запертый домъ полковника; на окнѣ нижняго этажа все еще стоялъ горшокъ резеды и сквозь тускляя стекла можно было разглядѣть работающую на обычномъ мѣстѣ Фаустину.

— Это она!... сказалъ пріѣзжій и сердце у него забилося. Ахъ, какое счастье!... мнѣ даже дурно... какъ будто умираю....

Онъ упалъ на стулъ и оставался нѣсколько минутъ неподвиженъ, какъ-будто душевное волненіе истощало все его силы; потомъ онъ всталъ, болѣе спокойный, посмотрѣлъ опять въ окно и занялся приведеніемъ въ порядокъ своего туалета. Когда онъ снялъ черный колпакъ и туфли, замѣнилъ фуражку шляпою, и застегнулъ сюртукъ сверху до низу, онъ быстро сошелъ внизъ, перешелъ твердымъ шагомъ черезъ площадь и прямо подошелъ къ дому полковника. Викторія замѣтила его въ ту минуту, какъ онъ выходилъ изъ гостиной, и онъ встрѣтилъ ее у двери.

— А! Здравствуйте! сказала она съ радостью: наконецъ вы возвратились! Мы почти не надѣялись болѣе васъ видѣть; не хотите-ли войти?

— Сударыня, я чрезвычайно радъ васъ видѣть, проговорилъ пріѣзжій, кланаясь и безпрерывно спотыкаясь, какъ-бы не видя дороги. Фаустина торопливо встала, узнавъ его голосъ; первымъ дѣломъ ея было скрыться отъ докучнаго посѣтителя, который нарушилъ ея уединеніе, но прежде, чѣмъ она успѣла уйти, Викторія отворила уже дверь гостиной. Тогда, вооружась терпѣніемъ, Фаустина ласково, но серьезно поклонилась и молча сѣла за свою работу.

Пріѣзжій, подойдя къ кресламъ, на которыя указала ему Викторія, машинально сѣлъ; колѣна его тряслись, онъ былъ блѣденъ, какъ въ первый разъ, когда вошелъ въ домъ полковника. Старая дѣва слѣдила за каждымъ его движеніемъ и уже хотѣла спросить не дурно ли ему, но онъ сдѣлалъ

надъ собою усилю и довольно спокойнымъ голосомъ пробормоталъ наивно:

— Если не ошибаюсь, вы были все это время здоровы.... я въ восхищеніи....

— Благодарю васъ, отвѣчала Викторія: а я и не смѣю спросить васъ о здоровьи: вы такъ блѣдны, утомлены....

— Я былъ боленъ по пріѣздѣ въ Марсель; но, къ счастью, прежде, чѣмъ слегъ въ постель, успѣлъ исполнить вашу комиссію.

— Ахъ! я себя тысячу разъ винила за этотъ необдуманнй поступокъ, сказала Фаустина, поднявъ голову и посмотрѣвъ на него съ участіемъ: дѣйствительно замѣтно, что вы очень страдали; простите мою невольную нескромность!

— О! помилуйте! я долженъ благодарить васъ, сказалъ пріѣзжій: я желалъ-бы имѣть вновь случай оказать вамъ какую-нибудь услугу... это было-бы для меня величайшимъ удовольствіемъ.

— Вы очень любезны, отвѣчала Викторія: мы обѣ хотѣли-бы отплатить вамъ тѣмъ-же.

Послѣ этой взаимной вѣжливости, на нѣкоторое время разговоръ прекратился; Викторія думала, какъ-бы спросить о верхнемъ этажѣ, но не хотѣла сама завести рѣчь объ этомъ предметѣ; равнодушная и разсѣянная Фаустина молчала, а незнакомецъ, все еще смущенный, безъ всякой мысли, но съ сильнымъ біеніемъ сердца сидѣлъ неподвижно на своемъ мѣстѣ. Замѣтивъ наконецъ, что это молчаніе становилось тягостнымъ, онъ встрепенулся, поднялъ голову и сказалъ, бросивъ взглядъ на площадь:

— Какая сегодня прекрасная погода!

— Да, превосходная, сказала Викторія, посмотрѣвъ въ окно, чтобы увѣриться, такъ-ли это въ-самомъ-дѣлѣ.

— Дни замѣтно прибавляются; здѣсь весна должна быть чрезвычайно пріятна?

— Да, очень пріятна, отвѣчала Викторія: съ самаго начала марта у насъ уже морозовъ не бываетъ. Впрочемъ, вы можете удостовѣриться, если не раздумали пожить въ нашемъ городѣ.

По этому намеку незнакомецъ понялъ, что Викторія ожидала отъ него осмотра квартиры, которой планъ она ему начертила въ первое его посѣщеніе. Онъ поспѣшно спросилъ:

— А что, верхній этажъ у васъ еще не занятъ?

— Пока еще нѣтъ, наивно отвѣчала старуха: хотя эта квартира очень пріятна; вездѣ, въ другомъ мѣстѣ, она давно была-бы занята; но въ нашемъ городѣ у всѣхъ страсть имѣть свои дома. Верхній этажъ

нашъ очень обширенъ; цѣлое семейство можетъ въ немъ свободно помѣститься. Вы, можетъ быть, человѣкъ семейный?

Незнакомецъ не отвѣчалъ; онъ, казалось, внутренно на что-то рѣшался. Викторія, не теряя изъ виду своей цѣли, продолжала ласково:

— Намъ было-бы очень пріятно имѣть васъ своимъ постояльцемъ; по всему видно, что вы человѣкъ смирный и аккуратный. Отъ трактирщика Катевена мы узнали, что васъ зовутъ Александромъ.

— Дѣйствительно, отвѣчалъ онъ, кланяясь, это мое имя.

— Александръ.... повторила Викторія, какъ-будто это родовое имя ей казалось не достаточнымъ.

— У меня есть также фамилія, прибавилъ незнакомецъ: но я только на бумагахъ ее подписываю. Александръ — какъ-то проще, легче, удобнѣе.

— Въ такомъ случаѣ, нужно будетъ сдѣлать контрактъ о наймѣ дома, чтобы знать навѣрное, какъ васъ зовутъ, сказала смѣясь Викторія.

Пріѣзжій нѣсколько подумалъ и потомъ отвѣчалъ поспѣшно:

— Не думаю, чтобы мы сошлись на этотъ счетъ: но у меня есть до васъ дѣло болѣе важное.... я объясню его въ нѣсколькихъ словахъ, ежели вамъ будетъ угодно меня выслушать.

При этихъ словахъ онъ, скрестивъ руки, глубоко вздохнулъ, какъ человѣкъ желающій превозмочь свое смущеніе и нерѣшимость.

Обѣ женщины съ удивленіемъ взглянули другъ на друга; онѣ подумали, что дѣло идетъ о какомъ-нибудь важномъ открытіи, и вслѣдствіе того Фаустина, полагая, что она будетъ лишнею при разговорѣ, встала.

— Останьтесь! останьтесь, сударыня! вы-то именно и необходимы въ нашемъ объясненіи! вскричалъ незнакомецъ.

Потомъ, проведя рукой по лбу, онъ прибавилъ:

— Вы подумаете, что я потерялъ голову... и дѣйствительно, я долженъ казаться вамъ полусумасшедшимъ... Но могу увѣрить васъ, я въ полномъ умѣ. Мнѣ часто случалось рѣшать дѣла въ тридцать тысячъ франковъ, нимало не смущаясь.... Но въ настоящую минуту, совѣмъ не то.... Дѣло идетъ о судьбѣ всей моей жизни — и я дрожу...

Дѣйствительно, хотя фізіономія его была неподвижна, но замѣтно было по дрожанію голоса и по блѣдности лица, что онъ былъ глубоко взволнованъ. Послѣ минутнаго молчанія, онъ сдѣлалъ усиліе и, обратясь къ Фаустинѣ, сказалъ ей почтительно, не поднимая глазъ:

— Не оскорбитесь, мадамъ, Фаустина: я пришелъ просить руки вашей.

Фаустина вспыхнула и, казалось, не вѣрила своимъ ушамъ; она

посмотрѣла на тетку вопросительно. Старуха покачала головой и хладнокровно сказала:

— Когда въ послѣдній разъ просили твоей руки, я рѣшилась отказать; теперь-же, милая Фаустина, отвѣчай сама!...

— Нѣтъ, нѣтъ, сударыня! не отвѣчайте еще, быстро сказалъ незнакомецъ: позвольте мнѣ кончить объясненіе и ознакомить васъ съ собою... Я знаю, что, съ перваго взгляда, просьба моя должна вамъ казаться странною; ежели-бы о ней узнали въ городѣ, то всѣ-бы сказали, что я слишкомъ смѣлъ....

— Не мудрено, сказала Викторія, повернувъ глаза къ портрету полковника.

Незнакомецъ отвѣчалъ умоляющимъ взглядомъ и продолжалъ, обращаясь къ Фаустинѣ:

— Сначала я долженъ объяснить вамъ, кто я: родители мои уже давно умерли; они были люди честные, но бѣдные, и не могли мнѣ дать приличнаго воспитанія; немного, что я знаю, я приобрѣлъ въ начальной школѣ, изъ которой вышелъ десяти лѣтъ. Десяти лѣтъ я уже началъ работать для собственнаго существованія. Сначала я работалъ для другихъ, потомъ для себя самого, и мало-по-малу зарабатывалъ деньги. Нынѣшній годъ я не уступлю моего барыша за тридцать пять тысячъ франковъ. А замѣтьте, что одною честностью я успѣлъ основать свою торговлю. Покупателей у меня бездна, потому-что всѣмъ извѣстно, что ни въ качествѣ, ни въ вѣсѣ я никогда никого не обманулъ.... Но возвратимся. Я жилъ такимъ-образомъ до тридцати четырехъ лѣтъ, никогда ни о чемъ болѣе не думая, какъ о моихъ дѣлахъ. Я не имѣлъ мысли о женитьбѣ; я былъ равнодушенъ ко всѣмъ женщинамъ, даже избѣгалъ ихъ общества. Все мое удовольствіе составлялъ успѣхъ въ торговлѣ, и мнѣ казалось, что, кромѣ дѣловыхъ заботъ, въ мірѣ нѣтъ предмета, который могъ-бы интересовать человѣка. Вотъ образъ моихъ мыслей до прїѣзда сюда, назадъ тому два мѣсяца... судьбѣ угодно было, чтобы въ этотъ день одно обстоятельство вдругъ перемѣнило всѣ мои мысли.

Въ первый вечеръ, проведенный мной въ трактирѣ Катевена, я случайно нашелъ въ моей комнатѣ книгу и отъ скуки началъ читать... Я былъ совершенно растроганъ. Въ ней были мѣста, заставившія меня плакать, какъ ребенка... Я понялъ тогда вещи, о которыхъ никогда не думалъ прежде и которыхъ не зналъ; сердце мое было встревожено при одной мысли, что оно также можетъ любить.... На другой день я встрѣтилъ васъ на прогулкѣ; потомъ я пришелъ, какъ вы помните, къ вамъ... Ахъ! я былъ счастливъ, очень счастливъ въ продолженіе двухъ дней. Однако я не имѣлъ никакой надежды На-

противъ, мнѣ пришло въ голову, что другой можетъ васъ полюбить и что вы будете его женою... Когда я вышелъ изъ вашего дома, я далъ себѣ слово никогда сюда не возвращаться. Прежде, нежели возвратиться въ гостинницу, я долго оставался на улицѣ, стараясь еще разъ увидѣть васъ сквозь щели ставней и, уходя, сорвалъ вѣтку отъ резеды, которая еще и теперь на окнѣ. Этотъ маленькій цвѣтокъ я хранилъ, какъ воспоминаніе о васъ; онъ спрятанъ въ моемъ бумажникѣ, вмѣстѣ съ банковыми билетами... Я уѣхалъ печальный, грустный и до того несчастный, что, по пріѣздѣ въ Марсель, заболѣлъ. Потомъ рассчиталъ, подумалъ, и опять поддался надеждѣ... Однако я не рѣшился бы еще разъ представиться вамъ, если-бы одно обстоятельство не измѣнило мыслей, которыя меня тревожили....

— Какое обстоятельство? съ жаромъ спросила Викторія, слушавшая эти объясненія съ явнымъ нетерпѣніемъ.

— Къ несчастію, я уже сказалъ вамъ, продолжалъ пріѣзжій: я подозрѣвалъ, боялся.... я вбилъ себѣ въ голову, что мадмуазель Фаустина выйдетъ за-мужъ за молодаго человѣка, который, судя по словамъ его, долженъ былъ здѣсь поселиться... Но я вдругъ отрезвился отъ этой мысли, встрѣтя его намеренно въ Марсели. Онъ сопровождалъ молодую, хорошенькую дѣвушку, которая шла подъ руку съ старикомъ, украшеннымъ орденами. По всему видно было, что онъ влюбленъ, и что любовь его ободряютъ.... Я былъ въ восхищеніи отъ его счастья.

При этихъ словахъ Фаустина почувствовала, что грудь ея стѣснилась, дыханіе замерло; это было страданіе столь быстрое, что ей показалось, будто сердце ея разобьется на части. Однако она не сказала ни слова, не измѣнилась въ лицѣ; только щеки ея замѣтно поблѣднѣли.

— Тогда я почувствовалъ смѣлость, продолжалъ пріѣзжій: и рѣшился откровенно объясниться съ вами, какъ слѣдуетъ честному человѣку. Мнѣ извѣстно, какъ мало я значу и чего стою; но полагаю, что нѣкоторыя обстоятельства сами скажутъ въ мою пользу, и что вы, можете быть, рѣшитесь....

— Моя племянница, перебила Викторія: рѣшилась не выходить за-мужъ.

Услыша слова эти, Фаустина сдѣлала отрицательный знакъ головою и холодно сказала:

— Кончайте, сударь.

— О! повѣрьте, предложеніе мое — не сумашествіе! вскричалъ незнакомецъ съ одушевленіемъ: напротивъ, цѣлый свѣтъ скажетъ вамъ, что этотъ бракъ разсудителенъ. Состояніе мое довольно значительно, че-

резь пять или шесть лѣтъ я могу оставить торговлю, приобрѣтя миліонъ. Вы будете полной повелительницей въ моемъ домѣ; у васъ будетъ ключъ отъ моей казны. У меня одиннадцать прикащиковъ, вы поможете мнѣ управлять ими и, при вашемъ участіи, торговля моя процвѣтетъ.... Вы не будете имѣть времени скучать....

— Милостивый государь, въ свою очередь перебила Фаустина: вы, можете быть, думаете, женившись на мнѣ, найти значительное приданое?...

— Я знаю, что вы небогаты и принуждены работать для своего содержанія...

— Кто вамъ это сказалъ? вскричала Викторія, покраснѣвъ отъ удивленія и стыда.

— Я это знаю, потому—что относилъ посылку съ ихъ работою къ купцу, торгующему вышивками, спокойно отвѣчалъ незнакомецъ: этотъ человѣкъ сказалъ мнѣ, что онѣ зарабатываютъ до сорока франковъ въ мѣсяць, и что это весь ихъ доходъ.

— А! онѣ вамъ это сказали! повторила Викторія, въ изнеможеніи упавъ въ кресла. О! въ этомъ я сама виновата! Я должна была не смотрѣть на тридцать су экономіи, и отправить посылку, по обыкновенію, съ дилижансомъ.

И послѣ минутнаго молчанія она прибавила съ чувствомъ достоинства:

— Мы бѣдны, это правда; но это не можетъ заставить племянницу мою согласиться на неравный бракъ...

— Тетушка! сказала Фаустина, взявъ ее за руку и стараясь успокоить взглядомъ.

Потомъ, обратясь къ незнакомцу, она сказала:

— Наша бѣдность—секретъ для всѣхъ; вы должны были понять это.

— О! вы можете быть спокойны! отвѣчалъ онѣ, приложивъ палецъ къ губамъ, какъ-бы увѣряя ее тѣмъ въ своей скромности.

— Хорошо, сударь, я подумаю о вашемъ предложеніи, перебила Фаустина: я подумаю, и мы увидимся.

Послѣ этихъ словъ она встала. Незнакомецъ понялъ, что ему нельзя оставаться долѣе, и также всталъ. Но передъ уходомъ, онѣ подошелъ къ Фаустинѣ и сказалъ ей дрожащимъ голосомъ:

— Объ одномъ васъ умоляю: не заставляйте меня долго ждать рѣшенія моей судьбы... не заставляйте меня мучиться... я, кажется, потеряю рассудокъ.

Когда незнакомецъ вышелъ, дѣвица де-Гондовиль подошла къ теткѣ, которая оставалась на одномъ мѣстѣ.

— Зачѣмъ такъ тревожиться? сказала она ей ласково.

— Какъ! вскричала старая дѣва въ бѣшенствѣ: этотъ мосье Александръ въ глаза сказалъ намъ, что мы бѣдны!..

— Однако онъ сказалъ правду, перебила Фаустина, съ горькой улыбкой.

— Онъ смѣетъ просить твоей руки! продолжала Викторія: онъ! купчишка, обязанный прислуживаться всякому, бросающему на его конторку какую-нибудь мелкую монету! Онъ, продавецъ сыра, кожъ и всякой дряни! Онъ смѣетъ просить руки дочери полковника Бернара де-Гондовиля! Онъ смѣетъ сказать ей, что она можетъ ему быть полезна въ его лавчныхъ дѣлахъ! Онъ видитъ только барыши въ твоёмъ воспитаніи; онъ хочетъ, чтобъ ты за него работала!

— А теперь развѣ я не работаю для другихъ? отвѣчала со вздохомъ Фаустина. О! тетушка, вовсе не это волнуетъ меня... меня печалитъ совсѣмъ другое...

И бѣдная дѣвушка горько заплакала.

VII.

Того-же дня, въ часъ, когда Викторія, по обыкновенію, отправилась къ г-жѣ Бертранъ, составить обычную партію виста, г-жа Жироне тихонько постучалась въ маленькую дверь. Вѣроятно, Фаустина предчувствовала этотъ приходъ, потому-что тотчасъ-же отворила.

— Господи, Боже мой! что съ вами случилось, дитя мое? вскричала старушка. Вы разстроены; вы, кажется, плакали?

— Это ничего, отвѣчала Фаустина, пожимая ей дружески руки. Ахъ! какъ мнѣ хотѣлось васъ видѣть! Какъ хорошо вы сдѣлали, что пришли!

— Въ чемъ-же дѣло, моя милая? спросила съ удивленіемъ и безпокойствомъ г-жа Жироне: что случилось съ вами?

— Я расскажу вамъ; но прежде расскажите мнѣ все, что до васъ касается: какъ здоровье г-на Жироне?

— Понемножку; я оставила его спящимъ, по обыкновенію, подлѣ камина.

— А Гастонъ? спросила Фаустина самымъ обыкновеннымъ голосомъ.

— Онъ все еще въ Марсели, по дѣламъ; я полагаю, что онъ не скучаетъ, и жду его не ранѣе, какъ черезъ мѣсяць или шесть недѣль.

Фаустина пожала руку старушкѣ; потомъ прибавила тихимъ голосомъ:

— Ахъ, мнѣ надо многое рассказать вамъ... Ваши совѣты мнѣ необходимы: сегодня опять явился человѣкъ, который... просилъ моей руки...

— Къ несчастію это не послѣдній, которому вы откажете, отвѣчала г-жа Жироне.

— Я не отказала еще, сказала Фаустина, горько улыбаясь.

— Право? сказала съ удивленіемъ старушка. Расскажите мнѣ скорѣй, милая Фаустина, какъ все было, чтобы имѣть время хорошенько объ этомъ подумать... Тогда Фаустина рассказала о посѣщеніяхъ незнакомца, о его состояніи и о предложеніи. Она не забыла ни малѣйшей подробности и рассказала все, кромѣ касающагося до Гастона Жироне.

— Вотъ кто этотъ Александръ, сказала она въ заключеніе: я совершенно увѣрена въ его откровенности, въ его благородствѣ; онъ очень честный человѣкъ, хотя не блестящаго ума и не красавецъ; но сердце у него прекрасное, много здраваго ума и характеръ самый простой, спокойный. Конечно, онъ не въ состояніи вселить къ себѣ страсть; но мнѣ кажется, что женщина, которая пойметъ свои обязанности и предастся вполнѣ своимъ занятіямъ, можетъ жить съ нимъ спокойно, если не вполнѣ счастливо.

Г-жа Жироне покачала головой; потомъ, пристально посмотрѣвъ на Фаустину, сказала:

— Развѣ вы здѣсь очень несчастливы, моя милая?

Фаустина покраснѣла и съ глубокимъ вздохомъ отвѣчала:

— Здѣсь я не живу... а прозябаю... Тоска страшная меня съѣдаетъ... въ началѣ дня я уже изнурена; каждый часъ гнететъ меня и кажется мнѣ безконечнымъ... Мнѣ противно все, что меня окружаетъ... глаза мои устали видѣть одни и тѣ-же предметы. Мнѣ невыносима эта жизнь безъ движеній, эти скучныя монотонныя повторенія.

— И я когда-то испытала тоже! сказала г-жа Жироне; и я знала смертную тоску, когда мужъ мой привезъ меня сюда; но вы никогда не выходили изъ привычекъ вашихъ; вы не знаете свѣта и никогда не были въ Парижѣ. Откуда-же явились у васъ эти мысли?

— Онѣ явились сами собою, отъ моего тяжкаго положенія, отвѣчала дѣвушка жалобнымъ голосомъ. Когда мать моя была жива, я не скучала; но уединеніе, въ которомъ, она оставила меня, ужасно... Ахъ! если-бы она еще была со мною, она замѣнила-бы мнѣ все на

свѣтъ ... я не была-бы такъ несчастна ... мнѣ и въ мысль не пришло-бы выйдти за совершенно неизвѣстнаго мнѣ человѣка ...

При этихъ словахъ она закрыла лицо руками и заплакала.

Старушка угадала, что сердце Фаустины не было такъ спокойно, какъ она говорила, и что его терзали тайныя сожалѣнія. Но она старалась не обнаружить этого подозрѣнія, и думала только о томъ, какъ-бы выйти изъ губительнаго для всѣхъ положенія, которому она сама была причиною. Она рѣшилась тутъ-же уговорить Фаустину не отклонять предложенія человѣка честнаго и достаточнаго.

Давъ время ослабнуть первому порыву горести, старуха взяла Фаустину за руки, какъ-бы желая потихоньку принудить ее открыть прекрасное лицо, еще орошенное слезами.

— Послушайте, милая Фаустина, подумаемъ вмѣстѣ, какъ-бы намъ помочь вашему горю. Я понимаю, что вы устали отъ этой скучной и монотонной жизни ... Участъ женщинъ, кажется, повсюду не веселая, но въ маленькихъ городахъ она рѣшительно невыносима; цѣпь ихъ обязанностей въ тысячу разъ тяжелѣе и онѣ не имѣютъ даже утѣшенія въ надеждѣ на какую-нибудь перемѣну. Въ этомъ отношеніи, по моему, вы очень хорошо сдѣлаете, принявъ предложеніе вашего новаго жениха, тѣмъ болѣе, что это единственный случай, который дастъ вамъ средство уѣхать отсюда.

— Да, отвѣчала она съ твердостью, смѣшанною съ отчаяніемъ: я думаю, что соглашусь выйдти за мужа за господина Александра, потому что онъ увезетъ меня отсюда навсегда ...

Потомъ, боясь, чтобъ старуха не замѣтила, что происходило въ глубинѣ ея души, она поспѣшила прибавить голосомъ болѣе спокойнымъ и даже съ улыбкою:

— Боже! часто въ рѣшеніяхъ нашихъ, самыхъ важныхъ, мы увлекаемся самыми пустыми предлогами! Можетъ быть, я-бы не такъ скучала въ нашемъ маленькомъ городѣ, еслибъ одна молодая подруга, бывши здѣсь, не говорила мнѣ безпрестанно о Парижѣ и его наслажденіяхъ. Часто говорила она мнѣ, что тысячу разъ пріятнѣе было-бы занимать въ Парижѣ чердакъ, нежели жить въ самомъ лучшемъ домѣ этого противнаго городишка! Въ Парижѣ можно безъ труда и безъ денегъ, въ одинъ день, доставить себѣ болѣе удовольствія, чѣмъ здѣсь въ продолженіе всей жизни, истрачивая милліоны ... Все это произвело на меня сильное впечатлѣніе, и я даже чувствую, что эти разговоры имѣютъ нѣкоторое вліяніе на теперешнюю мою рѣшимость ...

— Въ такомъ случаѣ, о чемъ-же думать? сказала г-жа Жироне, стараясь подавить вздохъ. Рѣшайтесь, это ваша судьба ... Э,

милая Фаустина!.. Какой вы ребенок!.. Перестанемъ плакать; лучше постараемся спокойно разобрать ваше положеніе. Прежде всего, мнѣ-бы хотѣлось видѣть г-на Александра, чтобы нѣсколько знать его физиономію.

— Онъ вѣрно здѣсь прогуливается, сказала Фаустина, повернувъ глаза къ площади.

— Я никого не вижу! Вѣрно онъ въ трактирѣ; можетъ быть, скоро выйдетъ. Я подожду.

Стѣнные часы въ гостиной пробили въ это время пять часовъ.

— Что если ваша тетушка вдругъ меня застанетъ? Это ее встревожитъ. Кто знаетъ, что она подумаетъ? Лучше, милая Фаустина, чтобы она не застала насъ въ расплохъ, пойдемте наверхъ.

Она взяла Фаустину за руку и потихоньку потащила за собою. Онѣ поднялись по широкой, каменной лѣстницѣ и вошли въ комнату, служившую передней. Госпожа Жироне подошла къ окну и, взглянувъ на площадь, увидѣла въ дверяхъ трактира Александра. Онъ стоялъ въ шляпѣ, опущенной на глаза, и въ своемъ сѣромъ пальто. Старушка тотчасъ-же отвернулась со вздохомъ, и въ ту минуту, какъ она возвращалась къ Фаустинѣ, ея глаза устремились въ другую комнату, дверь которой была полуотворена. Она вдругъ остановилась, чуть не вскрикнувъ: въ глубинѣ этой комнаты она увидѣла портретъ г-жи Гондовиль. Въ эту минуту лучъ заходящаго солнца освѣщалъ верхнюю часть головы портрета и придавалъ взгляду что-то живое; казалось, что молодая женщина шевелилась, улыбалась, откинувъ назадъ длинные локоны, и что она прислушивалась къ отдаленному разговору. Госпожа Жироне остановилась, пораженная необъяснимымъ умилениемъ; ей показалось, что она вновь увидѣла свою подругу живую и что это милое и кроткое изображеніе должно было подойти къ ней. Чувствуя тогда сильное желаніе плакать, она молча повернулась къ окну и продолжала разглядывать незнакомца.

— Узнаете-ли вы его? спросила Фаустина съ горькой улыбкой.

— Да! дитя мое, я не могу ошибиться, судя по вашему описанію, отвѣчала госпожа Жироне.

Сѣвъ противъ двери, она углубилась въ свои мысли и впечатлѣнія. Неловкость незнакомца и красота Фаустины составляли двѣ крайности, ее внутренно волновавшія: противоположность эта въ-самомъ-дѣлѣ была разительна; съ одной стороны, этотъ чело-вѣкъ, довольно толстый, съ волосами гладкопричесанными, руками фіоле товыми и лицомъ надутымъ; съ другой, прелестная Фаустина, съ величественной осанкой, съ длинными косами и въ тем-

номъ шерстяномъ платьѣ съ высокой талією. Тогда въ первый разъ въ жизни г-жа Жироне хотѣла поступить противъ разсудка; увлеченная чувствомъ, въ глубинѣ души своей она спросила себя, не должна-ли она тотчасъ-же воротить сына, женить влюбленныхъ и положить на волю Провидѣнія. Но это была только молнія, блеснувшая въ ея сердцѣ и мысляхъ, и, призвавъ неумолимый разсудокъ, она встала, еще разъ взглянула на портретъ своей подруги, какъ-будто мысленно съ нею прощаясь, и взявъ за руку Фаустину, сказала:

— Сойдемте внизъ, въ гостиную, милая Фаустина. Я видѣла, что хотѣла видѣть, и мнѣніе мое рѣшено; теперь мнѣ все равно, встрѣтятся ли меня здѣсь ваша тетушка, потому-что всякій день она будетъ меня здѣсь видѣть, до вашей свадьбы.

— Такъ вы мнѣ совѣтуете? сказала Фаустина едва внятно.

— Непремѣнно.

Съ этой минуты, участь Фаустины была рѣшена положительно; г-жа Жироне помогла ей подчиниться закону необходимости; она приняла даже на себя тяжелый трудъ вразумленія Викторіи. Она-же увѣрила Александра, что онъ скромно долженъ пользоваться своимъ положеніемъ и, до свадьбы, не слишкомъ часто посѣщать домъ невѣсты. Присутствіе ея укрѣпляло и утѣшало дѣвицу Гондовиль до послѣдней минуты; каждый день онѣ долго и откровенно разговаривали. Однако, ни та, ни другая ни разу не произнесли имени Гастона.

Наканунѣ свадьбы, г-жа Жироне, войдя въ комнату Фаустины, положила на комодъ маленькую коробочку, перевязанную лентой.

— Милая Фаустина, сказала она, со слезами на глазахъ: вотъ мой блонды; я предназначала ихъ постоянно женѣ моего сына, но я даю ихъ вамъ, потому-что вы та невѣстка, которую я избрала и которую я дѣйствительно любила-бы, какъ мать...

Фаустина бросилась обнимать старушку и голосомъ, прерываемымъ рыданіями, сказала:

— Ахъ! я никогда не забуду вашего ко мнѣ расположенія... Думать о васъ будетъ моей постоянной отрадой...

Въ тотъ-же вечеръ контрактъ былъ подписанъ, а свадьба сыграна на другой день утромъ. Никто не присутствовалъ при церемоніи, кромѣ необходимыхъ свидѣтелей, тетушки Викторіи и г-жи Жироне. По выходѣ изъ церкви, молодые сѣли въ карету, которая отвезла ихъ на ближайшую почтовую станцію. Туда уѣхали они дожидаться малюпость, чтобы жители цѣлаго города не присутствовали при ихъ отъѣздѣ, выстроившись по обѣимъ сторонамъ главной улицы.

VIII

Черезъ недѣлю послѣ этого происшествія Гастонъ возвратился изъ Марсели. Начинало только—что разсвѣтать, однако Жеромъ былъ уже на улицѣ, убирая свой подвѣздъ.

— Честь имѣю кланяться г-ну Гастону, сказалъ онъ, снимая фуражку: кажется, васъ не ждали такъ рано, потому—что Нанета не показывалась. Прикажете отнести ваши вещи?

— Спасибо, любезный, отвѣчалъ весело молодой человѣкъ. Ну, что у васъ новенькаго? Вотъ ужъ три недѣли, какъ матушка мнѣ ничего не писала.

— У васъ всѣ, слава Богу, здоровы, отвѣчалъ Жеромъ: въ городѣ также все по старому. У насъ были безъ васъ похороны: умеръ столяръ Маке; ему было девяносто пять лѣтъ; долго пожилъ. Была также свадьба.

— А! разкажи—ко объ этомъ, сказалъ равнодушно Гастонъ.

— Вотъ завтра будетъ восемь дней, какъ дочь моего полковника вышла за—мужъ, продолжалъ Жеромъ со вздохомъ.

Гастонъ повернулъ голову, какъ—бы не понимая, и пробормоталъ сквозь зубы:

— Что ты сказалъ?

— Я говорю, вскричалъ Жеромъ: что дочь полковника Бернара Гондовиля, дѣвушка милая, молоденькая и богатая, вышла за—мужъ за человѣка, вовсе не красиваго, за какого—то Александра Помпона.

Гастонъ поблѣднѣлъ; потомъ, схвативъ за руку Жерома, сказалъ удушливымъ голосомъ:

— Послушай, да ты не сошелъ-ли съ ума?... Повтори, что ты сказалъ ...

Они отправились къ дому Жироне и дордогой Жеромъ разсказалъ ему подробно все, что видѣлъ и что зналъ.

— Я не понимаю еще, какъ могла состояться эта свадьба, сказалъ онъ: первое объявленіе объ ней въ церкви произвело всеобщее удивленіе; никто ничего не предполагалъ. Въ тотъ—же день я отправился къ мамзель Фаустинѣ. По обыкновенію, она приняла меня ласково. Но я нашелъ, что она была не въ духѣ. Когда я хотѣлъ ее поздравить, она остановила меня, сказавъ: «поздравлять меня не надо . . . еще не

время, любезный Жеромъ ...» Ну, я и замолчалъ. Последнее объявленіе въ церкви было въ воскресенье. Г-нъ Александръ ушелъ со двора, предупредивъ трактирщика, что пойдетъ прогуляться въ окрестностяхъ. Слѣдующіе дни все шло своимъ порядкомъ въ домѣ полковника; вечеромъ сидѣли до десяти часовъ; но тетюшка Викторія, охотница потараторить, не говорила ни слова. Вдругъ, въ среду вечеромъ, г-жа Бертранъ, дѣвица Симоне и другія отправляются рассказывать по всему городу подъ секретомъ, что Викторія не приняла ихъ по обыкновенію, потому-что была съ племянницей у нотариуса, по случаю бракосочетанія мамзель Фаустины... Нѣкоторые бросились туда-же; но все уже было кончено... Оставалось еще вѣнчаніе: разнесся слухъ, что оно будетъ на другой день, въ восемь часовъ, послѣ обѣдни. На другой день въ восемь часовъ, весь городъ былъ на площади; въ церкви давка была ужасная. Последній призывный колоколь ударилъ, священникъ уже вошелъ, а молодыхъ все нѣтъ... Я былъ тамъ, какъ и другіе, и видѣлъ въ первомъ ряду всѣхъ знакомыхъ Викторіи, а немного подалѣе г-жу Жироне.

— Моя мать была тамъ? сказалъ Гастонъ въ изнеможеніи.

— Какъ-же; отъ нея ничего не скрыли; когда обѣдня кончилась, она подошла къ г-жѣ Бертранъ, потомъ къ дѣвицѣ Бернаръ и дѣвицѣ Симоне и вѣжливо сказала имъ:

— Здравствуйте, mesdames; вы вѣрно также, какъ и я, пришли помолиться за молодую?...

— Какъ, развѣ уже все кончено? вскричала съ удивленіемъ дѣвица Симоне.

— Какъ-же, отвѣчала ваша матушка: ихъ обвѣнчали за ранней обѣдней, и по окончаніи обряда, молодые уѣхали въ Парижъ.

— Вотъ что называется ни свѣтъ ни заря! воскликнула дѣвица Симоне.

Но г-жа Жироне не изъ тѣхъ женщинъ, которыя пропустятъ даромъ подобныя восклицанія. Она тотчасъ-же зажала ротъ кликушѣ, сказавъ:

— Молодая не хотѣла ни съ кѣмъ проститься, но не забыла бѣдныхъ: сто франковъ оставлено ею на усмотрѣніе священника.

Затѣмъ всѣ разошлись. Викторія осталась здѣсь и, кажется, очень печальна. Впрочемъ, на ней видѣли новую шаль и она веюду рассказываетъ, что племянница ея вышла за-мужъ за миллионера ... Ахъ! г-нъ Гастонъ, по моему мнѣнію, онъ вовсе не пара Фаустинѣ!

Такимъ образомъ они дошли до дома, и Жеромъ позвонилъ. Г-жа Жироне ожидала сына; она вышла къ нему навстрѣчу и приняла его въ свои объятія.

— Я все знаю, матушка, сказалъ онъ задыхающихся голосомъ. Ахъ! Для чего вы не написали мнѣ объ этомъ!

— Гастонъ, отвѣчала она заплакавъ: повѣрь мнѣ, я все сдѣлала, что могла, все, что должна была сдѣлать!

IX.

Два года спустя, красивая наемная карета ѣхала шагомъ въ окрестностяхъ Элисейскихъ-полей; въ глубинѣ ея сидѣла молодая дама, хорошенькая, въ розовой креповой шляпкѣ, но ее съ трудомъ можно было разглядѣть сквозь почти совершенно опущенныя сторы. Напротивъ ея сидѣлъ довольно толстый мужчина, въ черномъ фракѣ и желтыхъ перчаткахъ, безпрестанно просовывавшій голову въ окно дверцы и раскланивавшійся со всѣми знакомыми. Это было въ первое воскресенье послѣ Пасхи и народу было множество на Элисейскихъ-поляхъ. Толстый господинъ, казалось, съ особеннымъ удовольствіемъ смотрѣлъ на эту пестроту туалетовъ, гдѣ богатые шелковыя матеріи смѣшивались съ простенькими шерстяными тканями и даже смиренными ситцами; гдѣ шляпка съ перьями встрѣчалась съ маленькимъ чепчикомъ изъ жаконета и гдѣ бархатные полусапожки шли рядомъ съ башмакомъ изъ сѣраго тика.

— Посмотри въ эту сторону, мой другъ, сказалъ онъ вдругъ: вотъ еще одна изъ нашихъ покупательницъ; это г-жа Тибе. Съ перваго раза я не узналъ ее подъ этой огромной желтой шляпкой... Посмотри! посмотри! вотъ еще эта молодая дама, бывшая съ нами послѣднее воскресенье въ одной ложѣ. Какая на ней славная шаль! Я хочу, чтобы у тебя была такая-же шаль. Какъ ты думаешь, душечка?

— Благодарю, вы слишкомъ добры, отвѣчала молодая женщина съ движеніемъ отказа: шаль эта слишкомъ хороша, слишкомъ дорога...

— Развѣ для тебя можетъ быть что-нибудь слишкомъ хорошо, моя добрая Фаустина? возразилъ толстый господинъ, глядя на нее съ восторгомъ: что-же касается до цѣны, это ужъ мое дѣло.

При этихъ словахъ онъ ударилъ по карману, въ которомъ отозвался металлическій звукъ, и просунулся вновь въ окно, съ видомъ

гордымъ и довольнымъ, выражающимъ: «пусть здѣсь всякій мнѣ завидуетъ! Я мужъ этой хорошенькой женщины, такъ хорошо одѣтой. . мы живемъ дружно; мы богаты; я счастливый человѣкъ!» Потомъ онъ вновь обернулся и, скрестивъ на груди руки, облокотясь на шелковую подушку, сказалъ съ чванствомъ:

— Каковъ денекъ для апрѣля мѣсяца! Неправда-ли, что сегодня очень пріятно прокатиться, душечка?

— Да, очень пріятно, отвѣчала она съ меланхолическою кротостію.

— Воздухъ придалъ мнѣ аппетиту, продолжалъ толстый господинъ: гдѣ ты хочешь обѣдать сегодня?

— Я не знаю; гдѣ вы хотите, гдѣ вамъ лучше нравится.

— Нѣтъ; выбери сама.

— Ну, хоть въ Англійской кофейнѣ.

— Оттуда мы поѣдемъ въ Комическую-оперу, нетакъ-ли?

— Съ удовольствіемъ, мой другъ.

— Это отлично; теперь шесть часовъ, мы поѣдемъ обѣдать, а въ восемь будемъ въ театрѣ, къ самому началу и, проведя пріятный день, также кончимъ и вечеръ. Что до меня касается, я очень люблю Комическую-оперу; пьесы всегда интересны; одно мнѣ не нравится—музыки слишкомъ много; мнѣ кажется, лучше, еслибъ ее совсѣмъ не было! Вотъ на-примѣръ, Большую-оперу я терпѣть не могу, и если бы не танцы, которые мнѣ чрезвычайно нравятся, и не прекрасный видъ ложъ, я никогда-бы не поѣхалъ слушать этотъ ужасный шумъ. Да что я за вздоръ говорю! Я всегда туда поѣду, потому-что ты любишь музыку, Фаустиночка.

— О, нѣтъ! я отказалась отъ Оперы, потому-что вы не находите въ ней удовольствіи, отвѣчала она, незамѣтно улыбаясь. Какъ благодарная жена, я очень охотно приношу вамъ это пожертвованіе...

— О! я знаю, вскричалъ онъ въ восторгѣ: я знаю, что ты несравненная жена. Послушай; сегодня утромъ, одѣваясь, я думалъ обо всемъ этомъ, припоминалъ многое и говорилъ себѣ: «вотъ два года, какъ я женатъ и мнѣ не случилось ни одного раза, чтобы жена моя въ чемъ-нибудь мнѣ противорѣчила, что-бы она сказала когда нибудь «нѣтъ»... Конечно, я буду чудовищемъ, если не сдѣлаю ее счастливой!..»

— О! повѣрьте, есть женщины гораздо лучше меня, проговорила она, сконфуженная этою неожиданною откровенностію.

— Я не согласенъ, прервалъ ее Александръ. Теперь еще, къ несчастію, я могу возить тебя въ театры и на гулянья только по воскресеньямъ; но когда я оставляю торговлю, когда буду имѣть время тебя забавлять, то всякій день для тебя будетъ праздникъ. У

насъ будетъ своя карета, мы поѣдемъ на дачу; съѣздимъ въ Италію; мы будемъ вести пріятную жизнь: неправда-ли?

— Да, мой другъ, отвѣчала она со вздохомъ благодарности и покорности.

— Но въ ожиданіи будущаго, проси у меня всего, что можетъ доставить тебѣ удовольствіе, продолжалъ Александръ. Подумай, куда-бы ты хотѣла ѣхать нынѣшнее лѣто?

— Я хотѣла-бы цѣлое воскресенье провести за городомъ, отвѣчала она: но не въ окрестностяхъ Парижа: тутъ нѣтъ ни безлюдныхъ дорогъ, ни полевыхъ цвѣтовъ, ни стада, пасущагося въ чистомъ полѣ ...

— Въ такомъ случаѣ, въ одно прекрасное воскресенье я свезу тебя по желѣзной дорогѣ Руанъ, въ центръ Нормандіи; я уже былъ въ этихъ мѣстахъ за покупками; какъ тамъ хорошо, сколько зелени!

— Лѣса скоро одѣнутся, сказала Фаустина, бросивъ утомленный взглядъ на вѣковые деревья Элисейскихъ-полей: на каштанникахъ распустились почки и въ воздухѣ чувствителенъ запахъ листьевъ. Она нагнулась къ дверцѣ, чтобы вдохнуть въ себя этотъ первый весенній ароматъ и повернула голову къ аллеѣ, въ глубинѣ которой солнце готово было исчезнуть въ розовыхъ облакахъ.

Въ эту самую минуту молодой человекъ ѣхалъ верхомъ мимо кареты; Фаустина подняла на него глаза; взоры ихъ встрѣтились и они оба вздрогнули: они узнали другъ друга.

Молодая женщина кинулась назадъ, въ глубину кареты, прижавъ къ губамъ батистовый платокъ, какъ-бы желая задушить горькую и сильную радость, которая вдругъ наполнила ея душу; на минуту она вся предалась этому первому впечатлѣнію, потомъ ею овладѣлъ какой-то страхъ, какая-то томительная печаль: она поняла, что все еще любила того, котораго старалась забыть.

Когда Александръ дѣлалъ программу воскресныхъ удовольствій, то необходимо нужно было подчиниться его желанію и веселиться до конца; онъ хорошо замѣтилъ, что жена его почти не дотрогивалась до вкусныхъ блюдъ, которыя онъ выбралъ, и что театръ не доставлялъ ей удовольствія; однако, не смотря на того, онъ привезъ ее домой только въ двѣнадцать часовъ ночи, и не забылъ, по обыкновенію, сказать ей:

— Ну что, Фаустина, довольна-ли ты нынѣшнимъ днемъ? Я предупредилъ кучера, чтобы онъ былъ готовъ къ будущему воскресенью; въ воскресенье мы опять кутнемъ.

Пока Александръ остановился справиться, всѣ-ли прикащики возвратились по мѣстамъ, Фаустина взшла во второй этажъ, въ свою малень-

кую, но хорошенькую и щегольскую квартиру. Мальчикъ, оставленный въ этотъ день для присмотра за домомъ, отворилъ ей двери и тихо сказалъ:

— Сударыня, сюда приходили и желали васъ видѣть.

— Ахъ!.. проговорила Фаустина, остановившись вся взволнованная.

Въ одну минуту у ней явилось множество различныхъ мыслей; сначала она думала о Гастонѣ; но ей показалось невозможнымъ, чтобы онъ явился даже съ письмомъ отъ тетушки Викторіи. Не смѣя произнести ни одного вопроса, ни одного слова, она продолжала стоять, молча, противъ мальчика, который, полагая, что она не слышала его, прибавилъ:

— Сегодня приходила къ вамъ пожилая женщина, въ букляхъ и съ рабочимъ мѣшкомъ на рукѣ.

— Г-жа Жироне? вскричала Фаустина въ волненіи.

— Она не сказала мнѣ своего имени; но я очень хорошо понялъ, что она провинціалка. Она два раза повторила мнѣ, что опять зайдетъ.

— Хорошо, Артюрь; спасибо, сказала Фаустина, проходя въ свою комнату.

Х.

На другой день, около полудня, старушка шла по тротуару Мон-мартрской улицы, поднимая по временамъ голову, чтобы прочесть вывѣски. Когда она дошла до большой лавки, номеръ которой ей былъ извѣстенъ, она остановилась и посмотрѣла сквозь стекла на ея внутренность. Это была самая богатая москательная лавка во всемъ кварталѣ. Прикащики суетились, удовлетворяя покупателей; хозяинъ, сидя за конторкой, наблюдалъ за продажею и записывалъ въ большую книгу, передъ нимъ открытую. Въ эту минуту, онъ одинъ сидѣлъ на триповой малиновой скамейкѣ; но забытый вензельный платокъ и переплетенная книжка, возлѣ которой стояла ваза съ левкоями, ясно показывали, что свободное мѣсто на той-же скамейкѣ было постоянно кѣмъ-то занято. Старушка, увѣрившись, что не ошиблась, смѣло вошла въ лавку. Хозяинъ тотчасъ-же кинулся къ ней на встрѣчу:

— Ахъ! сударыня, вскричалъ онъ съ радостью, снимая свою греческую ермолку: васъ-ли я вижу?

— Меня! Вотъ и мнѣ удалось зайти къ вамъ въ гости!

— Наконецъ вы въ Парижѣ! продолжалъ онъ: давно-ли пріѣхали? Время теперь прекрасное для путешествія. А что дѣлается у васъ? Здорова-ли г-жа Бернаръ?..

— Слава Богу! отвѣчала г-жа Жироне, торопясь перебить его: я привезла отъ нея поклонъ супругъ вашей.

— Жена моя наверху; если вамъ угодно пройти къ ней, васъ сейчасъ проводятъ. Всего только двѣнадцать ступеней, но лѣстница немного темновата... Артюръ, ступай впередъ и покажи дорогу.

Старушка поспѣшила за Артюромъ, бѣжавшимъ съ легкостію серны на лѣстницу, устроенную въ углу лавки. Фаустина, услышавъ голосъ старухи, выбѣжала къ ней на встрѣчу. Онѣ поцѣловались, почти безъ словъ, съ изліяніемъ обоюдной радости; потомъ усѣлись рядомъ въ спальной, на диванѣ.

— Тетушка по временамъ мнѣ писала о васъ, сказала Фаустина разстроганнымъ голосомъ: я съ радостію узнала, что здоровье господина Жироне поправилось нѣсколько и что у васъ все здорово.

— Да, благодаря Бога, отвѣчала старушка: однако я сильно безпокоилась. Сынъ мой былъ долго боленъ.

— Я знала это отъ тетушки, сказала молодая женщина: но ему лучше, неправда-ли?

— Да, теперь я не опасаясь за его здоровье; но за то у меня явились заботы другаго рода. Во время выздоровленія моего сына, дядя его умеръ.

— Тотъ самый дядя, который воспиталъ его и хотѣлъ сдѣлать своимъ наслѣдникомъ?

— Тотъ самый. При вскрытіи духовной оказалось, что онъ отказалъ Гастону бездѣлицу, а все его милліоны достались его женѣ; и теперь мы ведемъ съ нею тяжбу.

— Какъ! неужели она отняла у Гастона его часть?

— Нѣтъ, но она замедляетъ выдачу; у ней совѣтъ другая мысль. По смерти мужа, она написала моему сыну, чтобъ онъ самъ пріѣхалъ для окончанія дѣла; но онъ послалъ повѣреннаго. Тогда отсрочкамъ и объясненіямъ не было конца. Такъ прошелъ цѣлый годъ, а когда окончился трауръ, вдова захотѣла опять выйти за-мужъ; и даже сама выбрала себѣ жениха, именно — моего сына.

— Ахъ!.. сказала Фаустина: такъ онъ пріѣхалъ въ Парижъ, чтобы жениться?

— На этой женщинѣ? Никогда! отвѣчала г-жа Жироне съ гордымъ выраженіемъ: есть вещи, цѣнимыя нами выше всякаго состоянія;

милліоны въ глазахъ нашихъ самое ничтожное приданое, если при нихъ нѣтъ чести, ума и безпорочной репутаціи. Сынъ мой отказался отъ этого брака.

Фаустина подняла на старушку свои прекрасные глаза, въ которыхъ блеснула радость, и пожала ей руку съ невыразимымъ чувствомъ благодарности и уваженія.

— Мы не видали этой женщины, продолжала г-жа Жироне: повѣренныя окончатъ съ нею споръ, и какъ скоро Гастонъ получитъ свою часть, мы возвратимся въ нашъ городокъ и, на этотъ разъ, безъ сомнѣнія, навсегда. Признаюсь вамъ, милая Фаустина, что жизнь въ Парижѣ, какъ и прежде, мнѣ очень нравится и я съ сожалѣніемъ его оставляю. Къ счастью, Гастонъ не таковъ; онъ не любитъ Парижа и предпочитаетъ нашу монотонную жизнь въ захолустьѣ.

— И онъ правъ! сказала молодая женщина, со вздохомъ.

— Какъ! милая Фаустина, что вы говорите? вскричала г-жа Жироне: неужели вы предпочли—бы бездѣйствіе, уединеніе, глубокою скуку, въ которой вы прежде жили, дѣятельности вашей новой жизни, и развлеченіямъ, васъ окружающимъ?

Фаустина печально покачала головой и отвѣчала почти шопотомъ:

— Увы! я жалѣю теперь о нашемъ маленькомъ городкѣ, о моей прежней жизни.

Г-жа Жироне взяла ее за руки и посмотрѣла на нее съ минуту съ тайнымъ безпокойствомъ:

— Мужъ вашъ однако человѣкъ честный? Въ этомъ отношеніи, по-крайней-мѣрѣ, вы не ошиблись?

— Да, скоро отвѣчала Фаустина; мужъ мой самый честный человѣкъ въ мірѣ; онъ любитъ меня и думаетъ только о моемъ счастіи.

— Такъ что-же, дитя мое? сказала г-жа Жироне, притворяясь веселою, хотя въ глубинѣ души страдала: вамъ стоитъ только постараться быть счастливою...

— Я дѣлала все, что могла, отвѣчала Фаустина: я старалась побѣдить себя, но во мнѣ есть что-то, чего превозмочь я не въ силахъ. Правда, я была тамъ одна; но здѣсь я впала въ другаго рода уединеніе. Въ продолженіе двухъ лѣтъ, вамъ въ первый разъ я могу сказать, что происходитъ въ моемъ умѣ, въ моемъ сердцѣ. Среди этого шума, этой дѣятельности, этого благоденствія, я много разъ жалѣла о своемъ прошломъ трудѣ, о прошлой бѣдности.

— Это оттого, что вы все еще не можете забыть, что вы дочь г-жи де-Гондовиль! сказала со вздохомъ старушка.

Въ эту минуту раздался голосъ Александра въ комнатѣ, передъ спальней:

— Mesdames, можно войти?

Фаустина отворила ему дверь; онъ вошелъ съ письмомъ въ рукѣ и смѣясь онъ всего сердца.

— Вотъ, жена, продолжалъ онъ: вотъ еще на твое имя любовное посланіе; вѣроятно, отъ этого бѣлокураго франта въ голубомъ галстухѣ, покупающаго такъ часто шоколадъ, только за тѣмъ, чтобы получить сдачу изъ твоихъ хорошенькихъ ручекъ. Мы прочитаемъ это вмѣстѣ ..

— Другъ мой, стоитъ-ли! отвѣчала молодая женщина пожимая плечами: бросьте это письмо въ огонь.

— О нѣтъ, нѣтъ! возразилъ онъ, продолжая смѣяться: я собираю эти посланія, они меня забавляютъ. Представьте, сударыня, у меня ихъ куча, всевозможныхъ почерковъ, прибавилъ онъ, обратившись къ г-жѣ Жироне: я не могу подойти къ дверямъ безъ того, чтобы не увидѣть сквозь стекла нѣсколькихъ изъ этихъ волокитъ. Я даже нѣкоторыхъ изъ нихъ видѣлъ въ послѣднее воскресенье въ театрѣ... Этотъ блондинъ насъ всюду преслѣдуетъ; жена моя не обращаетъ на него вниманія, даже не знаетъ его, а я замѣчаю всѣ его маневры, получаю его письма и, честное слово, это меня чрезвычайно забавляетъ.

— Значитъ вы не ревнивы? спросила г-жа Жироне.

— Ревнивъ! А зачѣмъ-бы я былъ ревнивъ? Не потому-ли, что нѣкоторые вертопрахи находятъ мою жену хорошенькой, что они влюблены въ нее и тысячью средствъ стараются ей дать о томъ замѣтить? Но я не вижу въ этомъ ни малѣйшей причины безпокойства. О! я все не изъ тѣхъ мужей, которые, при видѣ какого-нибудь волокиты, забираютъ себѣ въ голову всякій вздоръ. Влюбленные не производятъ во мнѣ ни малѣйшей заботы; я смѣюсь надъ ними, потому-что жена моя не дала мнѣ права иначе думать и поступать, а пока я здѣсь спокойно сижу подлѣ нее, пусть ихъ на улицѣ дрогнуть передъ домомъ съ утра до ночи. Къ тому-же, видите-ли, прибавилъ онъ вдругъ, сдѣлавшись серьезнымъ: у каждаго своя манера: если-бы я вздумалъ ревновать, то не сталъ-бы перехватывать письма, не сталъ-бы наблюдать за моею женой: я просто убилъ-бы подозрѣваемаго соперника — и квивъ.

— Ну! такой поступокъ былъ-бы немножко опрометчивъ для чловѣка вашего характера, сказала г-жа Жироне. Знаете-ли, что если-бы блондинъ, о которомъ вы говорили, зналъ, какъ дорого ему обойдется счастье быть любимымъ, онъ, можетъ быть, не писалъ-бы любовныхъ писемъ Фаустинѣ.

Сказавъ это, она машинально взглянула на письмо, и почувствовала

невольную дрожь. У ней не хватило словъ продолжать разговоръ, такъ сильно было ее безпокойство: она узнала почеркъ Гастона. Мысли ея въ нѣсколько секундъ улетѣли далеко; она вообразила все, что могло заключаться въ этомъ письмѣ. Однако присутствіе духа не оставило ее; она протянула руку, схватила роковое письмо, стала его разглядывать, какъ вещь до крайности интересную; потомъ, обратясь къ Фаустинѣ, сказала:

— Вамъ не нужно это любовное посланіе, моя милая?

— Конечно нѣтъ! отвѣчала молодая женщина.

— Въ такомъ случаѣ, позвольте мнѣ взять его; я общаю вамъ никому его не показывать.

Затѣмъ она положила письмо въ свой рабочій мѣшокъ, и прибавила, обратившись къ Александру:

— Вѣдь вы согласны, неправда-ли?

— Могу-ли я въ чемъ-нибудь отказать вамъ, отвѣчалъ онъ, удивленный фантазіей старушки.

Немного погодя, г-жа Жироне встала.

— Прощайте, другъ мой, сказала она, поцѣловавъ Фаустину: приготовьте порученія ваши къ тетускѣ; я думаю скоро уѣхать.

— Вы еще будете у меня, я еще увижу васъ! Неправда-ли, вы мнѣ общаете это? сказала Фаустина, провожая ее.

Когда Александръ остался одинъ съ женой, онъ сказалъ ей проницательнымъ тономъ:

— Знаешь-ли-жена? Мнѣ кажется, что г-жа Жироне узнала печать.

— Какую печать, мой другъ?

— Печать на письмѣ; хорошенькая печать зеленого сургучу, съ гербомъ, представляющимъ двѣ скрестившіяся шпаги.

Фаустина вздрогнула и поблѣднѣла: она знала, что у Жироне были въ гербѣ двѣ крестообразно лежащія шпаги и поняла, что письмо было отъ Гастона.

XI.

Г-жа Жироне поспѣшила въ свою гостинницу. До-сихъ-поръ она всячески избѣгала откровеннаго разговора съ сыномъ, ни разу не пробовала утѣшать его, потому-что боялась раздражить рану, носимую имъ въ глуби-

нѣ сердца. Въ эту-же минуту она чувствовала необходимость объясниться и рѣшилась сама начать.

Гастонъ былъ въ своей комнатѣ; онъ читалъ, облокотясь на столъ или, лучше сказать, онъ мечталъ въ продолженіе двухъ часовъ, пробѣгая глазами все одну и ту-же страницу.

Въ ту минуту, какъ г-жа Жироне отворила дверь, онъ повернулся и вздрогнулъ; но тотчасъ-же оправился, и сказалъ довольно нѣжно :

— Это вы, матушка!.. Я думалъ, что вы надолго уѣхали со двора. Развѣ вы уже сдѣлали все свои визиты?

— Нѣтъ, другъ мой, но я возвратилась, чтобы отдать тебѣ кое-что.

Она пошарила въ мѣшкѣ и прибавила снисходительнымъ голосомъ :

— Возьми обратно это письмо; оно не дошло по адресу, и я думаю, что это большое счастье...

— Матушка! вскричалъ Гастонъ. Кто отдалъ вамъ это письмо? Какъ оно могло попасть въ ваши руки? Это предательство.

— Гастонъ, отвѣчала она съ выраженіемъ неизъяснимой нѣжности и упрека: должно быть, ты очень несчастливъ, если позволилъ себѣ говорить со мной такимъ образомъ!

— Простите, матушка, простите! сказалъ онъ, упавъ въ неизможени въ свое кресло: я не знаю, что говорю... Вы не можете быть несправедливы... Вы видите, я въ отчаяніи... Матушка, простите меня!...

Она сѣла подлѣ него и потихоньку сказала:

— Успокойся, мой милый Гастонъ и выслушай, что случилось: я испугалась, хотя не за тебя, но за эту молодую женщину, которую я люблю отъ всего сердца.

— Вы ее видѣли! пробормоталъ Гастонъ.

Госпожа Жироне сдѣлала утвердительный знакъ, потомъ рассказала, какимъ образомъ она ходила къ госпожѣ Александрѣ и какъ письмо попало къ ней въ руки.

— Видишь-ли, я должна была опасаться, сказала она: хотя этотъ мужъ и довѣрчивъ, но онъ могъ принять въ худую сторону это письмо, въ особенности, если-бъ догадался, что оно отъ тебя; оно разрушило-бы спокойствіе всей жизни этой совершенно невинной женщины. Но чего-же ты хочешь отъ нея?.. Неужели отвлечь ее отъ обязанностей и наполнить ея душу безпокойствомъ и раскаяніемъ?... Ужели ты съ этой цѣлью писалъ къ ней?.. О! сынъ мой, сожги эту бумагу, которая могла быть причиной столькихъ несчастій, и не старайся отнять у моей бѣдной Фаустины единственное утѣшеніе, которое она имѣетъ въ жизни: безукоризненную совѣсть и сердце, свободное отъ страсти!..

— Вы думаете, что она живетъ спокойно и въ радости? просилъ Гастонъ.

— Надѣюсь, уклончиво отвѣчала старушка: какія-же причины ты имѣешь сомнѣваться?

— Я читалъ письма ея къ Викторіи; нѣтъ, матушка, нѣтъ, она несчастлива, я это понялъ...

— Такъ толстая Викторія съ тобой говорила о ней? сказала госпожа Жироне. Вотъ причина, помѣшавшая твоему больному сердцу излечиться...

Гастонъ молча закрылъ лицо руками.

— Послушай, мой другъ, продолжала госпожа Жироне: мы уѣдемъ изъ Парижа завтра, не для того, чтобы возвратиться къ намъ, это невозможно прежде, чѣмъ дѣла твои будутъ кончены; но ничто намъ не мѣшаетъ уѣхать куда-нибудь подальше отъ соблазна, куда ты вздумаешь... Да, я хочу тебя увезти... Здѣсь ты несчастливъ, и я боюсь, чтобы ты не надѣлалъ какихъ-нибудь безразсудностей...

— Можетъ быть, вы правы, матушка! отвѣчалъ Гастонъ.

Госпожа Жироне притворилась, что приняла этотъ отвѣтъ за согласіе, и сейчасъ-же подхватила:

— Мы поѣдемъ въ Санлисъ, если ты хочешь; поѣдемъ въ Шантили; согласенъ-ли ты?

— Ежели вамъ это угодно, я готовъ, отвѣчалъ онъ съ озабоченнымъ видомъ, и въ то-же время взялъ письмо свое, осмотрѣлъ печать и разорвалъ его потихоньку на мелкія части.

Госпожа Жироне немедленно приняла все мѣры къ завтешнему отъѣзду; она все такъ устроила, что не оставляла сына одного въ продолженіе всего дня. До самаго вечера онъ видѣлъ ее около себя, и только, возвратясь въ свою комнату, чтобы лечь спать, она написала письмо къ госпожѣ Александръ, которое поручила трактирному мальчику отнести на другой день по адресу.

XII.

Трактирный мальчикъ исполнилъ въ точности порученіе; онъ явился въ лавку Александра, отдалъ письмо ему въ руки, и вышелъ, сказавъ только, что это письмо отъ г-жи Жироне.

— Посмотри, посмотри, жена, я говорилъ тебѣ, что оно такъ! вскричалъ Александръ, разсматривая печать. У госпожи Жироне была какая-то тайная мысль, когда она взяла вчера письмо; оно навело ее на какое-то открытіе ... она узнала гербъ; вотъ крестомъ лежащія двѣ шпаги въ ея собственной печати.

— Случай, можетъ быть, отвѣчала Фаустина, съ неопредѣленнымъ безпокойствомъ.

— Посмотримъ, что пишетъ тебѣ эта добрая душа, продолжалъ Александръ, вскрывъ письмо и придвигаясь къ Фаустинѣ, такъ чтобы, она могла слѣдить за нимъ глазами:

«Милая Фаустина!

«Я рѣшилась предпринять маленькую поѣздку, которая продолжится, вѣроятно, дней пятнадцать, именно столько времени, сколько нужно для окончанія дѣлъ моихъ въ Парижѣ. Мы уѣзжаемъ завтра, рано утромъ, и я не буду имѣть время поцѣловать васъ, но надѣюсь, что мы еще увидимся съ вами до совершеннаго моего возвращенія въ провинцію. Мнѣ было-бы очень пріятно имѣть объ васъ извѣстія; ежели вы вздумаете писать мнѣ, то адресуйте письмо въ Санлисъ съ оставленіемъ на почтѣ. Прощайте, моя прекрасная и многолюбимая Фаустина; будьте счастливы и не забывайте вашего стараго друга.

«Баронесса Жироне.

«Мой поклонъ господину Александру; не забудьте передать ему мое полное уваженіе за то, что онъ умѣетъ цѣнить васъ и понимаетъ свое счастье».

— Она очень любезна и я ее покорнѣйшій слуга! вскричалъ Александръ, восхищенный припиской. Какъ она мило пишетъ. Нѣтъ! наша тетушка Викторія не сумѣетъ такъ написать!..

— И она вамъ также отдаетъ справедливость, отвѣчала Фаустина, взявъ письмо г-жи Жироне, чтобы прочесть его вторично.

Александръ, котораго этотъ случай нѣсколько развлекъ, началъ вновь прислуживать посѣтителемъ и бранить прикащиковъ. Въ этотъ день не было болѣе толковъ ни о визитѣ г-жи Жироне, ни объ ея отъѣздѣ, ни о письмѣ. Остальные дни недѣли прошли по обыкновенію; только Фаустина думала много о двухъ письмахъ, а въ особенности о томъ, котораго не читала.

Въ слѣдующее воскресенье, когда Фаустина хотѣла одѣваться, Александръ вошелъ въ ея комнату и сказалъ таинственнымъ голосомъ:

— Жена, одѣнься попроще; я придумалъ поѣздку, которая доставитъ тебѣ удовольствіе...

— Куда хотите вы везти меня? спросила она: можетъ быть, въ Циркъ?

— Нѣтъ, Фаустина; у меня другая мысль. Не говорила-ли ты мнѣ въ послѣдній разъ, что тебѣ будетъ пріятно провести цѣлый день за городомъ? Теперь только десять часовъ и мы поѣдемъ по желѣзной дорогѣ.

— Ахъ! сказала она, посмотрѣвъ на небо, сквозь шитую занавѣску окна: я очень довольна!.. Какъ при этомъ солнцѣ пріятно должно быть на свѣжемъ воздухѣ!.. Мысль ваша чудесна!..

— Поторопись-же! вскричалъ онъ нетерпѣливымъ и радостнымъ голосомъ: поторопись-же, Фаустина, я готовъ, и сейчасъ пошлю Артюра за каретою, которая отвезетъ насъ на станцію.

Онъ сошелъ внизъ, напѣвая, а Фаустина, съ видомъ задумчивымъ и съ легкой улыбкой на губахъ, осталась передъ туалетомъ.

Въ первый разъ она радовалась своей воскресной поѣздкѣ; ей казалось, что она будетъ свободнѣе дышать внѣ Парижа, и что при видѣ полей и улыбающейся помолодѣвшей природы, къ ней возвратятся нѣкоторыя впечатлѣнія ея первой молодости. Она надѣла кисейное свѣтло-голубое платье, легкую сквозную соломенную шляпу, а на плеча накинула большую шаль изъ китайскаго крепа; она была очаровательна въ этомъ простомъ нарядѣ, обнаружившемъ вполне ея роскошную талью и придавшемъ цвѣту лица ея особенную свѣжесть. Когда она сошла внизъ Александръ невольно вскрикнулъ:

— Знаешь-ли, жена, ты сегодня еще прекраснѣе! Какъ я доволенъ, что вижу тебя съ этимъ блестящимъ взглядомъ и свѣжестью въ лицѣ!

Они сѣли въ карету и продавецъ закричалъ кучеру восхищеннымъ голосомъ:

— На сѣверную желѣзную дорогу.

— Но куда-же мы поѣдемъ, другъ мой? улыбаясь, спросила Фаустина.

— Куда мы ѣдемъ? сказалъ онъ, потирая руки: мы ѣдемъ въ Санлисъ, къ нашему другу, къ госпожѣ Жироне.

— Какъ?.. Я не понимаю... сказала Фаустина, блѣднѣя.

— Мы ѣдемъ въ Санлисъ, повторилъ Александръ: я хотѣлъ тебѣ сдѣлать сюрпризъ... Кромѣ удовольствія видѣть госпожу Жироне, ты увидишь прелестныя окрестности. Такого мѣстоположенія, какъ тамъ, ты никогда не видала.

— Но мы, можетъ быть, не найдемъ тамъ госпожу Жироне, сказала Фаустина, стараясь превозмочь внутреннее безпокойство: вы не знаете ея адреса...

— Будь покойна, возразилъ Александръ: я знаю Санлисъ, я былъ тамъ разъ двадцать для моихъ покупокъ; оттуда я получаю цикорію. У меня есть тамъ знакомые: г-нъ Франсуа, прекрасный человекъ, тотъ самый, что былъ у насъ въ послѣдній разъ съ предложеніемъ товаровъ, помнишь?.. Повѣрь, что я не затруднюсь отыскать госпожу Жироне: она должна быть въ гостинницѣ «Парижъ»; тамъ и мы остановимся... Не безпокойся ни о чемъ, все предвидѣно, все устроено: мы проведемъ денекъ на славу!

XIII

— Вотъ мы и на мѣстѣ, сказалъ Александръ останавливаясь: вотъ и гостинница «Парижъ». Не правда-ли, жена, что Санлисъ хорошенькій городъ? Но что съ тобой? У тебя лицо измѣнилось, ты дрожишь, какъ въ лихорадкѣ... Ужъ не дурно-ли тебѣ?

— Это такъ, пройдетъ, отвѣчала она, стараясь скрыть свое смущеніе: я немного устала, вотъ и все...

— Это отъ жара, отъ свѣжести воздуха; отдохни.

— Да я хотѣла-бы... Но мы предупредимъ сначала госпожу Жироне... я хотѣла-бы сейчасъ дать ей знать, что мы здѣсь... Я думаю, что это даже приличнѣе.

Говоря такимъ образомъ, молодая женщина освободилась изъ-подъ руки мужа и остановилась въ дверяхъ. Онъ-же отправился узнать, въ этомъ-ли трактирѣ живетъ госпожа Жироне. Ему отвѣчали утвердительно, но когда онъ сказалъ, что желалъ-бы ее видѣть, то мальчикъ прибавилъ:

— Госпожа эта вышла со двора, но ежели вамъ угодно подождать ее...

— Мы взойдемъ наверхъ, сказалъ Александръ, подходя къ менѣ.

— Только надо увѣдомить госпожу Жироне о нашемъ пріѣздѣ.

— Я это беру на себя; но взойди сначала, ты устала, отдохни. Посмотри, посмотри! прибавилъ онъ, смотря вдоль улицы: я вижу Франсуа; онъ идетъ въ эту сторону. Войди-же, другъ мой, дай мнѣ сказать ему два слова; ужъ онъ не отстанетъ цѣлый день, ежели увидитъ тебя...

Онъ приказалъ мальчику проводить жену въ какую-нибудь комнату и побѣжалъ на встрѣчу своему пріятелю.

Фаустина машинально взшла на лѣстницу.

— Вы увѣрены, что госпожи Жироне теперь нѣтъ дома? сказала она мальчику.

— Какъ же, сударыня, отвѣчалъ онъ: она вышла вмѣстѣ съ сыномъ.

Молодая женщина вздохнула свободнѣе; мысль, что въ эту минуту она должна встрѣтиться съ Гастономъ, приводила ее въ трепеть.

— Не желаете-ли войти? сказалъ мальчикъ, отпирая дверь перваго этажа: это квартира г-жи Жироне.

Сначала она не рѣшалась, потомъ, не отвѣчая, вошла и сѣла на первый стулъ, стоявшій у двери, потому-что дрожавшія колѣна не поддерживали ее болѣе. Мальчикъ обошелъ комнату, взялъ со стола подносъ, на которомъ подавалъ завтракъ, съ двумя пустыми чашками, потомъ вышелъ и заперъ за собою дверь. Фаустина съ взглядомъ неопредѣленнымъ сидѣла облокотясь на столъ. Такимъ образомъ, неподвижная и задумчивая, въ какой-то радости смѣшанной со страхомъ, она ждала нѣсколькоминутъ, какъ вдругъ легкій шумъ заставилъ ее вздрогнуть: кто-то ходилъ въ смежной комнатѣ. Почти въ ту-же минуту отворилась дверь и показался Гастонъ въ полу-фракѣ, запыленныхъ башмакахъ и съ букетомъ полевыхъ цвѣтовъ въ рукѣ. Увидя Фаустину, онъ остановился. Молодая женщина хотѣла встать; но осталась на своемъ мѣстѣ, почти въ изнеможеніи.

Молодой человекъ подошелъ потихоньку къ ней и взглянувъ на нее съ выраженіемъ страданія, страсти и отчаянія, безъ всякаго объясненія, безъ всякихъ переходовъ, какъ-бы отвѣчая на чувства, въ которыхъ онъ увѣренъ, сказалъ глухимъ голосомъ:

— Зная, что я люблю васъ ... к чему вы вышли за этого человека!...

Поднявъ глаза къ небу, она продолжала молчать. Гастонъ подошелъ ближе и продолжалъ:

— Если-бы вы знали, съ какимъ порывомъ ревности и негодованія я узналъ о вашей свадьбѣ! Долго я ненавидѣлъ васъ ... Да, я ненавидѣлъ васъ, продолжая обожать однако ... Мнѣ казалась, что вы предпочли мнѣ корыстный расчетъ ... Но мало-по-малу я увидѣлъ, что ошибся ... Я знаю теперь истину, я отгадалъ ее вполне ... Вы послушались тайнаго голоса, говорившаго вамъ объ обязанностяхъ вашихъ, вы превозмогли всѣ чувства сердца, для того, чтобы устроить спокойствіе вашей будущности и заставить меня забыть васъ... Увы, я никогда не имѣлъ-бы столько мужества и силы!

— Не упрекайте меня, моя рѣшимость мнѣ довольно дорого стоитъ! сказала Фаустина.

— Нѣтъ, вскричалъ онъ, становясь на колѣна, не смотря на ея сопротивленіе: нѣтъ, я не упрекаю васъ болѣе ни въ моей будущности, ни въ потерѣ вашего собственнаго счастія. Въ эту минуту я ничего не помню; я знаю только, что какимъ-то случаемъ, чудомъ, мнѣ непонятнымъ, вы здѣсь ... что мы одни! ... Но время идетъ и эта минута единственная въ жизни нашей скоро пройдетъ... Фаустина! одно слово, одно только, которое будетъ моею жизнью и вѣчнымъ утѣшеніемъ ... слово, которое дастъ мнѣ желаніе жить ... Скажи мнѣ ... любишь-ли ты меня? ...

— Да! проговорила она, оставляя свою холодную руку въ рукѣ Гастона.

— О! повторите еще разъ! ... вскричалъ онъ въ упоеніи.

— Я любила васъ сказала она, но тихо.

Она сдѣлала Гастону знакъ встать, сказавъ умоляющимъ голосомъ:

— Теперь, прощайте ... прощайте!.. Оставьте меня, я прошу васъ.

— Да, отвѣчалъ онъ, да, я исполню желаніе ваше ... Увы! это будетъ величайшій знакъ моей любви къ вамъ...

При этихъ словахъ онъ вскочилъ и поспѣшно вышелъ.

Фаустина осталась неподвижна на своемъ мѣстѣ; она была какъ-бы подъ тяжестью неизъяснимаго чувства счастія и стыда.

Слова Гастона звучали еще въ глубинѣ ея сердца, но уже она вспоминала съ внутреннимъ упрекомъ совѣсти признаніе, которое онъ заставилъ ее сдѣлать; уже она страшилась собственной страсти. Но ей нужна была только одна минута, чтобы оправиться отъ этого безпорядка мыслей и принять спокойный видъ. Вскорѣ она услышала голосъ мужа; онъ возвращался съ г-жею Жироне. Старушка вошла, бросивъ быстрый и безпокойный взглядъ вокругъ себя; Фаустина встала, покраснѣвъ.

— Милая моя, сказала она ей: какая пріятная неожиданность! Но я не вамъ за это благодарна ... это мысль вашего мужа. Онъ мнѣ сейчасъ объ этомъ говорилъ ...

— Я ходилъ къ нимъ на встрѣчу, сказалъ Александръ: и очень хорошо сдѣлалъ, а то онѣ хотѣли еще прогуляться.

— Въ такомъ случаѣ я разстроила ваши намѣренія? проговорила Фаустина.

— Вовсе нѣтъ, другъ мой, съ скоростію перебила г-жа Жироне: если хотите, мы пойдемъ вмѣстѣ гулять ... Позвольте мнѣ только кое-что приказать, и я къ вашимъ услугамъ.

Она прошла въ другую комнату и заперла за собою дверь. Александръ

сѣлъ противъ жены и вынулъ платокъ, чтобы обтерѣть лобъ.

— Ухъ! я весь мокрый, сказалъ онъ: эта добрая г-жа Жироне такъ торопилась тебя видѣть, что чуть не бѣжала. Кстати, говорила она тебѣ, что ея сынъ здѣсь? Когда я вспомню, какихъ хлопотъ мнѣ надѣлалъ этотъ молодой человекъ! ... Знаешь-ли, жена: мы встрѣтились въ первый разъ у кофейной, и я вообразилъ себѣ, что онъ въ тебя влюбится, что онъ уже былъ влюбленъ ... Я возненавидѣлъ его тогда; но теперь, право, я былъ-бы очень радъ возобновить съ нимъ знакомство ... Дорогой, мать его рассказала мнѣ, что онъ слабаго здоровья и что это ее сильно тревожитъ ...

Фаустина во время этого разговора отвернула голову; она, казалось, съ особеннымъ вниманiемъ разсматривала два портрета, висѣвшiе по обѣимъ сторонамъ комнаты. Александръ всталъ, чтобы также посмотрѣть на нихъ, и потомъ обошелъ вокругъ комнаты.

— Кто это бросилъ здѣсь горсть сѣна? сказалъ онъ, подбирая полевые цвѣты, оброненные Гастономъ.

Потомъ онъ разбросалъ ихъ по столу съ громкимъ смѣхомъ.

Фаустина взяла нѣсколько вѣтокъ ландыша и приколола ихъ къ корсажу; потомъ подошла къ окну и стала смотрѣть на улицу. Присутствiе мужа приводило ее въ смущенiе, которое ей трудно было одолѣть. Спустя минуту, возвратилась г-жа Жироне.

— Сынъ мой поручилъ мнѣ извиниться передъ вами, сказала она голосомъ самымъ обыкновеннымъ: я полагала, что и онъ пойдетъ съ нами, но онъ обѣщалъ быть у помѣщика въ окрестности и не можетъ отказаться. Я застала его, когда онъ уже садился на лошадь: онъ уѣхалъ сiю минуту.

— Ахъ! какъ досадно!.. вскричалъ Александръ: я былъ-бы очень радъ припомнить ему нашу встрѣчу! ...

— А, кстати, послушайте: что вы намѣрены дѣлать сегодняшнiй день? перебила г-жа Жироне.

— Мы еще ни на что не рѣшились, отвѣчалъ онъ, спрашивая жену взглядомъ.

— Въ такомъ случаѣ, я предлагаю вамъ прогулку въ Шантильи, весело сказала г-жа Жироне.

И быстро схвативъ за руку Фаустину, она прибавила, уводя ее:

— Ёдемъ сейчасъ, моя душа, карета должна быть уже готова; я приказала ее привести, полагая, что вы не захотите оставаться здѣсь цѣлый день ...

И пока Александръ ходилъ, она продолжала говорить съ сильнымъ безпокойствомъ:

— Дитя мое, вы страдаете ... Вы совершенно разстроены. На лицѣ у васъ видно сильное внутреннее волненіе; мужъ вашъ за вами приглядываетъ ... Будьте осторожны! ...

— Ахъ, какъ-бы я была счастлива, если-бъ могла пробить съ вами съ глазу на глазъ до вечера! ... едва внятно сказала Фаустина, пожимая руку, ее поддерживающую. Ахъ! я-бы открыла вамъ мою душу!

Старушка приложила палецъ къ губамъ и отвѣчала тихимъ голосомъ:

— Дитя мое, есть вещи, о которыхъ не говорить.

XIII.

Послѣ этой поѣздки, Фаустина перемѣнилась болѣе, чѣмъ ежели-бы она объѣхала три части свѣта и вынесла тысячу опасностей; она до того измучилась и ослабла, что мужъ потребовалъ, чтобы она не выходила изъ своей комнаты и отдохнула; это дало ей случай обдумать свое положеніе и поплакать на свободѣ.

Прошла недѣля; о г-жѣ Жироне не было ни слуха, ни духа. Но въ концѣ слѣдующей недѣли, она написала Фаустинѣ, что уѣзжаетъ, и въ Парижъ болѣе не возвратится. Письмо ея было коротко, нѣжно и печально; она прощалась съ Фаустиною, какъ-бы разставаясь съ нею на вѣки.

— Ну, вотъ и уѣхала эта добрая женщина! сказалъ Александръ, прочитавъ вслухъ письмо, по своему обыкновенію. Ежели бы я зналъ, что она уѣдетъ такъ скоро, мы съѣздили-бы еще разъ въ Санлисъ, проститься съ нею; вѣдь тебѣ это доставило-бы удовольствіе, неправда-ли, жена?

— Миѣ пріятнѣе, что мы не ѣздили! проговорила она: тяжело прощаться съ людьми, которыхъ любишь! ...

— Ты всегда очень грустна, когда расстаешься съ г-жею Жироне; я замѣтилъ это; но Фаустина, надо покоряться разсудку и стараться не быть такъ чувствительной. Ты еще увидишь эту добрую женщину, я тебѣ это обещаю; какъ скоро мы окончимъ торговлю, мы поѣдемъ провести нѣсколько времени съ нашей тетусшкой Викторіей, и тогда

всякій день мы будемъ у г-жи Жироне. А въ ожиданіи этого я непремѣнно хочу, чтобы ты была весела; я доставлю тебѣ всевозможныя развлеченія, даже поѣду съ тобою въ Оперу...

Съ этого времени Фаустину тяготило еще сильнѣе иго, подь которымъ она находилась. Спокойствіе первыхъ двухъ лѣтъ ея замужества исчезло навсегда; отчаяніе заступило мѣсто покорности и ея обычная меланхолія обратилась въ грусть тяжкую, глубокую. Присутствіе мужа было для нее невыносимо; доказательства любви и довѣренности, выказываемыя имъ на каждомъ шагу, терзали душу ея упреками; Александръ возбуждалъ въ ней въ одно и то-же время чувства самыя противоположныя — и глубокую благодарность и непреодолимое отвращеніе, уваженіе къ благородному его характеру и презрѣніе къ ограниченности его ума и престонароднымъ привычкамъ. Такъ какъ она имѣла нѣкоторую власть надъ собою и чрезвычайно спокойный характеръ, то мужъ ея не подозрѣвалъ, что происходило въ ея душѣ, не замѣчалъ ни ея безпокойства, ни страданій, ни тайныхъ слезъ.

Такъ прошли два мѣсяца. Разъ утромъ, когда Александръ съ женой былъ, по обыкновенію, въ лавкѣ, почтальонъ принесъ письмо въ большомъ конвертѣ, съ черной печатью. Продавецъ вскрылъ его, пробѣжалъ глазами и сказалъ, обратясь къ Фаустинѣ:

— Представь себѣ, Фаустина: бѣдный Жироне умеръ! Какое несчастіе! Такой милый молодой человекъ! ...

Фаустина повернулась съ глухимъ стономъ и остановила на мужѣ взглядъ, въ которомъ отражалось самое глубокое отчаяніе; потомъ она встала, шатаясь, и ушла въ свою комнату. Въ лавкѣ было много народу; прикащики все были заняты; никто не замѣтилъ этой сцены и никто, кромѣ мужа, не понялъ ужаснаго дѣйствія, произведеннаго на Фаустину этимъ роковымъ извѣстіемъ. Войдя въ свою комнату, Фаустина бросилась на колѣна, съ минуту она оставалась, поднявъ руки къ небу, потомъ со стономъ упала на подушки и зарыдала. Мужъ послѣдовалъ за нею. Когда первый припадокъ горести прошелъ и она нѣсколько одумалась, то увидѣла его, стоящаго возлѣ себя: онъ смотрѣлъ на нее съ спокойнымъ, мрачнымъ видомъ и все еще держалъ въ рукахъ письмо.

— Возьмите! сказалъ онъ, бросая его Фаустинѣ: оно къ вамъ!

Молодая женщина отвернула голову съ легкимъ стономъ, а онъ продолжалъ:

— Довольно; я не ревную мертвеца ... Теперь вы можете сказать мнѣ правду и облегчить вашу совѣсть! ... Вы любили этого молодого человека?

Она молча склонила голову, не желая произнести ни признанія, ни лжи. Потомъ приподнялась и дрожащею рукою вскрыла письмо, котораго еще не читала; но едва взглянула она на первыя строки, какъ легкая краска выступила у нея на лицѣ и она глубоко вздохнула, какъ-будто источникъ жизни, на минуту остановившійся, въ ней вдругъ оживился и заставилъ сердце биться сильнѣе. Затѣмъ глаза ея наполнились слезами, она уронила письмо къ ногамъ и, закрывъ лицо платкомъ, плакала молча и тихо.

Александръ смотрѣлъ на нее съ удивленіемъ; минуту спустя, онъ нагнулся, схватилъ письмо и, пробѣжавъ его два раза дикимъ взглядомъ, пробормоталъ сквозь зубы:

— Ахъ! я ошибся ... Это другой Жироне умеръ ... Это отецъ того, въ котораго вы влюблены ...

— Не укоряйте меня, сказала молодая женщина, умоляющимъ голосомъ, но съ движеніемъ головы, показывающимъ, что она находила силу въ своей совѣсти, и что она не унижится до оправданія.

Долго оба молчали. Наконецъ Александръ повернулъ къ женѣ свое лицо, неподвижное и блѣдное, какъ у мраморной статуи, и сказалъ съ выраженіемъ холоднаго приказанія:

— Сойдите въ лавку.

Послѣ этой сцены, Александръ не произносилъ болѣе имени Гастона; онъ избѣгалъ даже всякаго намека на нечаянное открытіе, мгновенно уничтожившее его спокойствіе и счастье. Можно было подумать, что онъ забылъ совершенно объ этомъ случаѣ, еслибъ не замѣтна была странная перемѣна въ его характерѣ и образѣ дѣйствій. Дѣлами своими онъ занимался съ какой-то лихорадочной поспѣшностію, какъ-будто находилъ спокойствіе въ сильной усталости; часто онъ бывалъ вспыльчивъ безъ причины и, когда гнѣвъ его проходилъ, онъ становился угрюмъ и молчаливъ. Съ женою онъ обращался съ холодной почтительностію, и не оставлялъ ее ни на одну минуту. Чтобы не терять ее изъ вида, онъ отказался отъ всѣхъ внѣшнихъ дѣлъ своихъ, и не выходилъ болѣе изъ лавки, кромѣ воскресенья. Въ этотъ день онъ по обыкновенію, сажалъ несчастную въ карету и возилъ по всему Парижу; вечеромъ-же, отправлялся съ нею въ Оперу. Но, по истеченіи нѣкотораго времени, несчастный случай пресѣкъ эти скучныя поѣздки. Тетушка, Викторія внезапно умерла отъ удара.

Фаустина долго оплакивала свою тетку и надѣла глубокой трауръ, какъ-бы по матери: это была ея единственная родственница; потерявъ ее, она осталась совершенно одна въ цѣломъ свѣтѣ. Мужъ проводилъ съ нею цѣлыя воскресенья и пока она, задумавшись, сидѣла

у окна, онъ усаживался на цѣлый день на другомъ концѣ дивана, поджавъ ноги подъ себя и обративъ глаза на улицу. Фаустина подчинялась своей участи; въ сущности она боялась ни гнѣва, ни мученій мужа, но любви его, его вниманія и доказательствъ довѣренности. Однако когда она вспоминала все, что онъ сдѣлалъ для нея; когда она разбирала какъ полно и съ какою беззаботностію онъ былъ счастливъ, видя ее передъ собою молчаливую, съ морщинами на лбу, съ видомъ угрюмымъ и несчастливымъ, упрекъ рождался въ душѣ ея, она укоряла себя въ неблагодарности и въ уничтоженіи этого семейнаго благополучія.

Г-жа Жироне не писала болѣе. Смерть Викторіи окончательно прекратила сношенія, которыя Фаустина имѣла съ мѣстомъ, гдѣ жилъ Гастонъ, и съ этого времени она не имѣла ни какихъ о немъ извѣстій.

Нѣсколько мѣсяцевъ прошли и не принесли ни малѣйшей переменны въ ее положеніи; только Александръ поговаривалъ о продажѣ своего заведенія и объ отъѣздѣ въ деревню. Иногда, въ полдень, въ воскресенье, онъ предлагалъ женѣ маленькую прогулку. Она тотчасъ надѣвала шляпку и слѣдовала за нимъ, безъ всякаго возраженія, но безъ особеннаго удовольствія. Онъ водилъ ее тогда безъ цѣли, собственно только затѣмъ, чтобъ заставить ее освѣжиться чистымъ воздухомъ, и часто случалось, что они возвращались домой, не сказавъ другъ другу ни слова во все время прогулки.

Однажды, зимой, когда они шли по Монмартрскому бульвару, Фаустинѣ показалось, что въ одномъ окнѣ она узнала черты лица Гастона и что онъ провожалъ ее глазами. Александръ почувствовалъ, что она вздрогнула; тотчасъ посмотрѣлъ вокругъ себя, но увидѣлъ только незнакомыя лица.

Это было въ 1848 году; спустя двое сутокъ весь Парижъ пылалъ неусобицей. Переворотъ этотъ заставилъ задуматься Александра; онъ разбогатѣлъ подъ мудрымъ правленіемъ короля. Политическія событія растерзали его сердце и погрузили въ глубокое раздумье. Всѣ мирные граждане находились въ постоянномъ страхѣ. Александръ не оставлялъ болѣе жены въ конторѣ; едва барабанъ начиналъ бить тревогу, онъ запиралъ свою лавку, уходилъ къ себѣ наверхъ и слѣдилъ за происходившимъ изъ-за сторы.

Но вдругъ возникло въ душѣ этого человѣка новое впечатлѣніе. Онъ опять сдѣлался мраченъ, нѣмъ и равнодушенъ ко всему. Его безстрастное лицо ничего не выражало, но ужасная блѣдность придавала ему зловѣщій видъ. Въ первый разъ, Фаустина дрожала за него; она боялась, что онъ лишится ума и убьетъ ее въ припадкѣ ревности.

Это происходило незадолго до гибельныхъ іюньскихъ дней. 24 числа

утромъ Александръ не велѣлъ открывать лавку и до десяти часовъ оставался въ комнатѣ Фаустины, смотря на движеніе войскъ, проходящихъ по улицѣ. Вдругъ онъ повернулся къ женѣ и сказалъ ей холодно :

— Тамъ въ предмѣстьѣ дерутся; вотъ батальонъ національной гвардіи идетъ противъ инсургентовъ.... и я иду съ нимъ.

При этихъ словахъ онъ взялъ ружье свое.

— Куда вы хотите идти? вскричала испуганная Фаустина, заслоняя ему дорогу.

— Я хочу идти драться, отвѣчалъ онъ. Прощай жена! Я скоро возвращусь....

Онъ бросился изъ комнаты и побѣжалъ изъ дома. Фаустина хотѣла слѣдить за нимъ, но онъ былъ уже далеко, когда она достигла только послѣдней ступеньки лѣстницы. Тогда она возвратилась въ свою комнату и, не смѣя растолковать себѣ пагубныя слова мужа, ни остановиться на догадкахъ, представлявшихъ ея уму, она упала въ подушки дивана какъ-бы для того, чтобъ не видѣть дневнаго свѣта, и такимъ образомъ ожидала своей участи.

Однако прикащики, которымъ Александръ велѣлъ оставаться въ задней комнатѣ, рискнули выдти; одинъ изъ нихъ взошелъ наверхъ и постучался въ дверь. Фаустина съ трепетомъ вскочила.

— А! проговорила она: Жакъ! это вы!... Ну что тамъ дѣлается?

— Слышны пушечные и ружейные выстрѣлы, въ предмѣстьѣ.... поминутно проходятъ войска.... Я добѣгалъ до бульвара, и видѣлъ, какъ переносили раненныхъ....

— Это ужасно! сказала Фаустина, съ видомъ отчаянія, прикладывая руку ко лбу. А мужъ мой, гдѣ онъ теперь?

— Мы все думали, что онъ здѣсь съ вами, съ удивленіемъ сказалъ прикащикъ.

Въ это время было около десяти часовъ вечера; Фаустина посмотрѣла на столовые часы:

— О, скоро-ли ночь наступитъ!... Боже милосердый! освободи меня отъ этихъ мукъ, отъ этой тревоги!... О! Александръ, Александръ! ты страшно терзаешь мою душу!

Почти въ то-же время послышалось передъ домомъ смятеніе; прикащикъ выскочилъ на лѣстницу и почти въ ту-же минуту возвратился, крича :

— Сударыня ахъ! сударыня! приготовьтесь услышать неприятную новость несутъ человѣка на носилкахъ мнѣ кажется, что это нашъ хозяинъ.

То былъ дѣйствительно Александръ; онъ былъ раненъ, покрытъ

кровью и лежалъ безъ малѣйшихъ признаковъ жизни... Толпа, его провожавшая, бормотала въ удивленіи :

— Это г. Александръ, москательщикъ онъ былъ найденъ за баррикадами.... Кто-бы сказалъ, что этотъ человекъ пристанетъ къ сторонѣ низкихъ инсургентовъ?... Первые выстрѣлы его сбили Кто-то видѣлъ, какъ онъ упалъ.

Умиращаго положили на постель; жена въ слезахъ сѣла подлѣ него въ ожиданіи докторскаго приговора. Всѣхъ пришедшихъ попросили выдти; Фаустина одна съ двумя прикащиками осталась у изголовья раненнаго. Докторъ началъ ощупывать несчастнаго; но тотчасъ-же остановился и сѣлъ подлѣ него. Онъ взялъ его руку: пульсъ еще слабо бился. Фаустина поняла, что надежды болѣе нѣтъ, и начала молиться.

Докторъ смотрѣлъ на нее молча и печально качалъ головою; однако-жь, къ полночи больной началъ двигаться, потомъ, медленно пришелъ въ чувство.

— Жена! сказалъ онъ слабымъ голосомъ.

— Я здѣсь, мой другъ, отвѣчала она, наклонившись къ нему: я здѣсь, подлѣ васъ ...

— А! тѣмъ лучше; можетъ быть, я еще успѣю поговорить съ тобой ...

Докторъ хотѣлъ запретить ему говорить, но онъ прибавилъ :

— Кчему беречь мнѣ этотъ послѣдній остатокъ жизни?..

Потомъ, обратясь къ Фаустинѣ, онъ продолжалъ съ трудомъ, оставливаясь почти за каждымъ словомъ.

— Не печалься, моя бѣдная Фаустина ... не твоя вина, что я такъ умираю ... Прости, меня!.. Я сдѣлалъ тебя несчастною ... тогда какъ ты въ продолженіе двухъ лѣтъ составляла все мое благополучіе ... Я умираю безъ сожалѣнія: я думаю, что ты будешь еще счастлива ... Ты выдешь замужъ за того, кого любишь ... Ты можешь сдѣлать это безъ упрековъ совѣсти ... Я умираю ... прости! прости!..

Она наклонила къ нему свое заплаканное лицо и сжала его въ своихъ объятіяхъ съ неизъяснимымъ чувствомъ состраданія и нѣжности.

— Ахъ! прощенталъ онъ, это въ первый разъ!..

Языкъ его начиналъ коснѣть; онъ вдругъ ослабѣлъ; однако успѣлъ еще сказать :

— Жена ... я умираю спокойно ... къ счастію я не разорвалъ моей духовной ... она у нотариуса ... я оставляю тебѣ все, что имѣлъ ... этого очень мало ... потому-что ты единственная женщина, которую я любилъ ...

Онъ прибавилъ нѣсколько словъ безъ послѣдовательности; дыханіе его становилось тяжелѣе; вскорѣ онъ забылся, а къ утру его не стало.

Два года спустя, г-жа Жироне ходила по террасѣ маленькаго домика, въ окрестностяхъ Шантильи. При всякомъ поворотѣ, старушка останавливалась, чтобы взглянуть на другой, подобный-же домикъ, построенный на опушкѣ лѣса; она, казалось, ждала съ нетерпѣніемъ кого-то, и стучала концемъ своего зонтика въ дверь, какъ-бы давая знать, что она ждетъ.

Наконецъ явился Гастонъ.

— Вы не ушли, матушка? сказалъ онъ съ удивленіемъ.

— Нѣтъ, мой другъ, отвѣчала она, взявъ его за руку: уже довольно давно я все хожу туда одна... Время траура молодой вдовы кончилось, и ты проводишь меня сегодня къ ней.

— Развѣ она мнѣ позволить явиться къ ней? вскричалъ молодой человѣкъ съ выраженіемъ сильной радости. Ахъ! матушка, ужъ я ни на что не надѣялся... Ваше молчаніе, настойчивость ея жить въ совершенномъ уединеніи, все заставляло меня считать дѣло мое потеряннымъ... Увы, кто знаетъ, не приведетъ-ли она меня и теперь въ отчаяніе своимъ отказомъ?..

— Я говорю тебѣ, пойдемъ! отвѣчала г-жа Жироне улыбаясь: она не хотѣла тебя видѣть, со дня смерти мужа; но развѣ я не была съ ней ежедневно?.. Развѣ Фаустина даромъ зоветъ меня своею матерью?

ИСТОРИЯ И ТЕОРИЯ ИСКУССТВА.

ФРАНЦУЗСКАЯ ЖИВОПИСЬ ВО ВРЕМЕНА ЛЮДОВИКА XVI, РЕСПУБЛИКИ И ИМПЕРИИ.

СТАТЬЯ

АРСЕНА ГУССЕ.

Живописецъ Давидъ, любимецъ Наполеона, возвысившій его подвиги еще болѣе своими славными картинами, почитается основателемъ новой школы французской живописи.

Если изучить со вниманіемъ произведенія послѣднихъ живописцевъ XVIII вѣка, нельзя не убѣдиться, что французское искусство дошло до стилия Давида не безъ постепенности. Такъ, нѣкогда, комедія Мольера была отчасти общезною комедіей всѣхъ поэтовъ и комиковъ его времени. Самое рѣзкое, самое независимое дарованіе всегда оплодотворяется лучшемъ геніемъ своего времени. Величайшіе поэты имѣли учителей; одинъ Гомеръ былъ питомецъ боговъ. Отнимите у французской живописи личность Давида — и вы увидите въ ней огромную долю вліянія греческаго и римскаго искусства. Только, вмѣсто художника черезъ-чуръ ученаго

и абсолютнаго, котораго звали Давидомъ, вы, пожалуй, получите художника-вдохновителя, котораго имя было—Прюдонъ.

Для Пуссеня, идея составляла геній, идеаль, или какъ самъ онъ сказалъ, золотую вѣтвь *Виргилія*, которую не можетъ сорвать никто, кого не наведетъ на нее судьба.

Давидъ по прямой линіи ученикъ Пуссеня, но если онъ вознесся до него своею мыслью, онъ далеко отсталъ по исполненію. Природа у Пуссеня мыслить и живетъ; люди у Давида мыслятъ, но не живутъ. Пуссенъ смотрѣлъ на природу сквозь древнюю поэзію, но онъ видѣлъ природу тѣмъ простымъ глазомъ, о которомъ говоритъ *Лафатеръ*. Давидъ видѣлъ міръ въ статуяхъ и барельефахъ. Онъ ни разу не остановился посмотреть на живаго человѣка: онъ вооружился фонаремъ *Диогена* и искалъ статуи.

Хотя Давидъ представитель радикальнаго переворота въ живописи, но онъ самъ почти ни при чемъ въ этомъ переворотѣ. Въ-самомъ дѣлѣ, когда Давидъ развилъ свои силы, переворотъ во французскомъ искусствѣ повсемѣстно уже обнаружился; переворотъ этотъ произошелъ отъ Французской Академіи, гдѣ всегда жило преданіе о Пуссенѣ; — отъ *Бернара Монфоконскаго*, который, въ своей «*Antiquité dévoilée*» съ 1619 года сдѣлался предтечею *Винкельмана*; — отъ открытій, сдѣланныхъ въ *Геркуланумѣ* и *Помпеѣ*, гдѣ нѣкоторыя уцѣлѣвшія фрески оживили вкусъ къ древности; — отъ *Винкельмана* и *Рафаэля Менгса*, этихъ энтузіастовъ, проливавшихъ слезы удивленія передъ краснорѣчіемъ линіи и не понимавшихъ ничего въ краснорѣчій краски; — отъ *Робера*, живописца развалинъ, который перенесъ въ Парижъ все величіе греческой и римской архитектуры; — наконецъ отъ *Віэня (Vien)* и *Дойена (Doyen)*, которые, хотя были плохіе подражатели древности, но своею величавою живописью безъ стила и безъ жизни, безъ идеи и безъ страсти, громко протестовали противъ вольностей, капризовъ и волшебствъ *Бушэ* и *Ваттò*. Не назовемъ-ли еще нѣкоторыя картины *Карла Ванлò*, иногда, въ часы серьезнаго труда, возвышавшагося до строгости уважаемыхъ стилей? Кромѣ того, *Бушэ*, первый учитель Давида, не менѣе его былъ одаренъ чувствомъ древности. Давидъ былъ только учене: вотъ и все.

Разсмотримъ французскую живопись той эпохи, когда явился Давидъ. *Бушэ* умираетъ. Неизбѣжное послѣдствіе каждой крайности въ искусствѣ заключается въ томъ, что реакція, за нею наступающая, приводитъ съ-разу къ противоположной крайности. Это приливъ и отливъ людскаго мѣннія, которое никогда не останавливается въ пору. По этому, для серьезной критики, умирающей *Бушэ* объясняетъ собою рождающагося Давида: второй доведетъ величіе до самой странной принужденности, потому что

первый *изманерилъ* грацію. Бушэ жилъ въ земной юдоли; поэтому Давидъ захочетъ витать въ заоблачныхъ предѣлахъ. Бушэ видѣлъ природу въ оперѣ; Давиду нужно будетъ учиться между четырехъ барельефовъ на обломкахъ статуй. Ни тому, ни другому не схватить ни простаго благоуханія лѣса, ни наивной улыбки младенца, ни дикаго плача страданія.

Шарденъ, ихъ современникъ, глядѣлъ на вещи лучше. «Я — говорилъ онъ — ставлю мою картину лицомъ къ лицу съ природой, и нахожу ее дурною до-тѣхъ-поръ, пока природа кажется мнѣ прекраснѣе». — Шарденъ, въ то время, имѣлъ одинъ недостатокъ: что не родился во Фландріи; потому-что тогда во Франціи не вѣрили, чтобъ можно было сравниться съ Остадомъ и Бауверомъ. Однакожь, еслибы самъ Вандейкъ, вошелъ въ мастерскую Шардена, онъ не сказалъ-бы, какъ Гогартъ, со всѣмъ нахальствомъ критика, ничего не видѣвшаго: «нѣтъ во Франціи ни одного колориста»; онъ привѣтствовалъ-бы Шардена, какъ настоящаго живописца, и сказалъ-бы: «господинъ Шарденъ, я охотно-бы подписался подъ нѣкоторыми изъ вашихъ портретовъ; Остадъ и Брауверъ не отказались-бы отъ вашихъ миленькихъ кухарокъ и наивныхъ дѣтей; а что касается до вашихъ плодовъ и розъ, такъ въ нихъ болѣе свѣжести, болѣе жизни и аромата, нежели во всѣхъ предметахъ того-же рода въ произведеніяхъ школъ фламандской и голландской».

Грѣзъ, въ своихъ первыхъ картинахъ, опять отыскалъ розу безъ запаха и бездушную улыбку, которыя до-тѣхъ-поръ были столько злоупотребляемы. Не находя въ душѣ чувства строгой красоты, онъ сказалъ себѣ, не какъ Фидіасъ и Рафаэль, а какъ Миньяръ и Бушэ: «plus joli que nature!» — и все рукоплескало «*Разбитому кувшину*»; но скоро покинулъ онъ міръ фей, и съ любовью сблизился съ природой: онъ сталъ поэтомъ домашняго очага. Драма Дидро и идиллія Гесснера — первыя вдохновили его, кромѣ нѣкоторыхъ особенно счастливыхъ страницъ, какова *Деревенская невеста*, гдѣ встрѣчаешь почти патриархальную наивность. Но болѣею частью отъ чрезмѣрнаго желанія быть простымъ, онъ театраленъ; между Ватто и Гёрзомъ есть не одна родственная черта, или скорѣе не одинъ контрастъ — подлежащіе изученію. Если крестьяне у Ватто крестьяне комедіи, то крестьяне Гёрза — крестьяне мелодрамы? Какъ далеко отъ нихъ до крестьянъ Адольфа Лелё! Праздничное выраженіе, озаряющее всѣ композиціи Ватто, у Грѣза насквозь проникнуто нѣгой. Ватто плѣняетъ глаза и говоритъ воображенію, Грѣзъ плѣняетъ

взглядъ и доходить до сердца. Ватто полонъ чувства только въ оперѣ Грѣзь полонъ чувства вездѣ*.

Грѣзь хотѣлъ рисовать домашній бытъ и нравы мѣщанскіе, но Грѣзь никогда не доходилъ до простоты; у него постоянная склонность къ манерности, къ театральному. Шарденъ, напротивъ, обладалъ даромъ простоты. Я не знаю фламандца, который-бы не поклонился ему съ почтеніемъ. Онъ живописецъ мѣщанства: у него приемы мѣщанства, его страсти, нравы и добродѣтели. Онъ смѣется, какъ оцо, въ своемъ внутреннемъ быту, онъ подробно знакомъ со всеми потрясеніями той драмы, которая ежедневно разыгрывается въ домашнемъ быту. Нѣтъ въ этой сладкой поэмѣ ни одной страницы, которой не зналъ-бы онъ наизусть: мать, качающая ребенка и кормящая его грудью, — бѣлокурого мальчишку, который дразнитъ кошку, спрятавшуюся подъ этажерку, — служанку, проходящую съ кофейникомъ и распространяющую запахъ кухни, — деревянную лошадь, потерявшую въ битвѣ гриву и хвостъ, — старушку-бабку, которая въ пламени каминна отыскиваетъ разлетѣвшіяся мечты своей юности, — солнце, вѣнчающее все живымъ лучемъ — все это онъ знаетъ. Въ искусствѣ то прекрасно, что всегда носитъ въ себѣ поэзію. Шарденъ не былъ поэтомъ, но я ручаюсь, что ни одинъ поэтъ не пройдетъ по скромнымъ мѣстамъ, въ которыя вводитъ живопись Шардена, не испытавъ того-же высокаго впечатлѣнія, какимъ подарила-бы его прогулка по идеальной странѣ Андрѣ Шенье; ибо Шарденъ, хотя и былъ живописецъ мѣщанства, но самъ вовсе не мѣщанскій живописецъ.

Вмѣстѣ съ Шарденомъ представлялъ дѣйствительность Вернѣ. Верне сильно чувствовалъ и писалъ со страстью; въ немъ практикъ стоялъ на ряду съ художникомъ. Онъ имѣлъ къ природѣ глубокое уваженіе, и запечатлѣлъ имъ все свои картины. Глядя на его небо, воду, горизонтъ, чувствуешь, что художникъ прислушивался къ таинственнымъ голосамъ безконечнаго, въ то-же время присматриваясь однимъ глазомъ къ эффектамъ свѣта, движенія и перспективы. Онъ зналъ хорошо деревья, лошадей, коровъ, приливъ и отливъ моря, озера и потоки, скалы

* Все, сказанное здѣсь о Грѣзѣ совершенно соответствуетъ изложенному о немъ въ статьѣ г. Шарля Блана, помѣщенной нами въ «Пантеонѣ». Только г. Гуссе судитъ его строже и не даетъ ему въ исторіи французскаго искусства того важнаго мѣста, которое принадлежитъ ему по мнѣнію г. Блана. Во всякомъ случаѣ, дѣятельность Грѣза есть несомнѣнный фактъ упадка преднамѣренной аффектаціи — общаго характера французской живописи до него и до Шардена.

и руины, свѣтлую лазурь и разъяренные небеса, лунный свѣтъ и свѣтъ солнца, какъ-будто жилъ въ самыхъ короткихъ отношеніяхъ ко всему этому. Онъ былъ человѣкъ съ глубокимъ смысломъ, и не измѣнялъ ему никогда. Онъ говорилъ Дидро : «спросите меня, изображаю-ли я небо, какъ Клодъ Лорренъ? Я отвѣчу вамъ: нѣтъ; — пишу-ли фигуры, какъ Бергемъ? я скажу: нѣтъ; — деревья, какъ Рюисдаль? — нѣтъ; — воду, какъ Ванъ-деръ-Вельде? — нѣтъ; руины, какъ Сальваторъ? — все тотъ-же отвѣтъ. Но если я уступаю имъ въ каждой изъ лучшихъ ихъ частныхъ, я превосхожу ихъ во всемъ остальномъ».

Лутербургъ явился влѣдствіе Верне; какъ Давидъ влѣдствіе Пуссеня. И Дидро говорилъ : «разстояніе отъ Верне до Лутербурга тоже, что отъ Виргилія до Лукана. Картины Лутербурга хорошо сдѣланы; картины Верне хорошо созданы»*. На первый мигъ Лутербургъ поражаетъ и плѣняетъ зрѣніе своею живописью, этой свободою кисти и веселостью; но галерея его не такъ разнообразна. Зная одну картину Лутербурга, знаешь все, что вышло изъ-подъ его кисти; но никогда не узнаешь Верне, который самъ себя не зналъ до основанія. Словомъ, Лутербургъ—фламандецъ, хотъ и рожденный въ Страсбургъ,—фламандецъ твердый въ исполненіи; Верне — французъ, который мыслить, не какъ Пуссенъ, но все-таки мыслить. Лутербургъ находилъ въ своей памяти воловъ, лошадей, коровъ, ословъ, какъ находятся они въ дѣйствительности; но онъ бросалъ все это на полотно безъ знанія и безъ гармоніи, не выражая тѣснаго отношенія, которое связываетъ природу съ тварью, небо съ природой, свѣтъ съ небомъ. Лутербургъ, отъ чрезмернаго употребленія сильныхъ тоновъ, становился сухъ и жестокъ. Онъ никогда не умѣлъ изобразить легкое и свѣтлое небо, какъ Верне. Глаза съ увлеченіемъ углублялись въ его пейзажи, но вы вдругъ останавливались, потому-что въ нихъ трудно дышать. Какъ мало пейзажистовъ, наполнившихъ свои картины осязаемымъ воздухомъ! Лутербургъ не имѣлъ ни задушевности, ни вѣры Верне: онъ любилъ умничанье, затѣи, приправы. Какъ Бергемъ, онъ любилъ природу съ одной ея романической стороны; это было очаровательно, но не прочувствовано, не страстно. Покуда онъ былъ молодъ, онъ былъ смѣлъ и неистощимъ, вдохновляемый Сальваторомъ Розой, Вуверманомъ, Верне и Бергемомъ. Но когда дерево пообнажилось, тогда увидѣли, что отъ этой нѣскольکو дикой весны не осталось вовсе плодовъ.

* Нельзя безусловно согласиться съ вѣрностью этого сравненія: въ настоящее время право Виргилія на художественность не признается никѣмъ.

Лантара оставилъ нѣсколько граціозныхъ пейзажей. Никто лучше его не проникнулъ тѣмъ, что называется странною игрою природы. Онъ выражалъ характеръ каждаго часа дня такъ, что не было возможности ошибиться. Утро его дышетъ свѣжестью, которая переполняетъ вашу душу жаромъ юности; его предвечерья — вливаютъ въ кровь любовное волненіе, которое проникаетъ до сердца; его вечера — поселяютъ свѣтлую грусть, возбуждающую задумчивость; его восходящее солнце, закатъ, лунныя ночи — носятъ печать дарованія, которое тревожится, ищетъ и чувствуетъ. Онъ отличался въ воздушной перспективѣ: тонъ его пейзажей много подходитъ къ Клодъ Лоррену. Онъ предпочитаетъ поэзію живописности; его природа — безъ пустынь, безъ пропастей; едва кое-гдѣ дикая лошинка, небольшая скала, чтобы придать еще болѣе прелести густымъ рощамъ, зеленымъ дорожкамъ, мягкимъ горизонтамъ. Лантара никогда не путешествовалъ, онъ проѣхалъ только отъ Монтаржи до Парижа. Онъ не разсудилъ отправляться дальше искать природу. До него, сколько фламандскихъ пейзажистовъ создали чудеса искусства подъ небомъ болѣе скуднымъ. Онъ невольно улыбался среди самой дикой природы. Вотъ, посмотрите пейзажъ, который у меня передъ глазами: ослы, козы, коровы переходятъ черезъ болото, окаймленное гигантскими скалами, развалившимися памятниками и полуразбитыми деревьями. Вы думаете, эффектъ печалень: нимало. Скалы эти не пусты: малинникъ раскинулъ на нихъ свои пушистыя вѣтки, цвѣтеть терновникъ; нѣсколько кустъ деревъ дрожатъ на вершинѣ; воды эти очаровываютъ, такъ и манятъ: съ удовольствіемъ, кажется, омочилъ бы въ нихъ ногу вельдъ за мечтателемъ-осломъ и удивленною козочкою. Эти развалившіеся памятники почти зовутъ васъ поселиться въ нихъ, хоть вы не отшельникъ и не мизантропъ. Эти полуразбитыя деревья ждуть только обновительной весны: словомъ, этотъ мрачный пейзажъ улыбается, какъ самый цвѣтуцій садъ. Небо въ немъ сіяетъ привѣтно, это пейзажъ Лантары.

Не безъ основанія дивятся тому, что этотъ человекъ нашелъ искусство писать искренно и прекрасно, на-память, одинъ, въ своемъ грустномъ жильѣ, худо освѣщенномъ, безъ книгъ, безъ друзей. Бѣдность, почти нищета, отчаянное уединеніе, шумная таверна — ничто не могло заглушить въ немъ сѣмени генія, брошеннаго въ его душу Творцомъ. Онъ былъ пейзажистъ и пьяница во всю свою жизнь. Еслибъ Лантара посвятилъ на изученіе то время, которое онъ погубилъ въ пьянствѣ, изъ него вышелъ-бы другой Клодъ Лоррень.

Лантара нерѣдко съ перваго взмаха находилъ свѣтъ и тѣнь, — лучъ солнца, проходящій черезъ лѣсъ, — ломанное отраженіе луны въ не-

спокойной волнѣ. Онъ самымъ естественнымъ образомъ достигалъ поразительныхъ эффектовъ. Онъ создалъ рощицы, сквозь которыя воображеніе проходитъ среди аромата земляники и ландышей, подъ щебетанье рѣзвящихся птичекъ. Какъ свѣтлы его воды! Какъ берега его влажны! Какъ его горизонты хорошо теряются въ безбрежной дали! Слабая его сторона — фигуры. Люди у него меньше дышатъ, чѣмъ деревья: нѣтъ выраженія, нѣтъ движенія; онъ не оживляетъ твари, онъ ее изваяваетъ.

Лагрене (Lagrené) имѣлъ нѣкоторую извѣстность и слылъ за французскаго Албано; ему черезъ-чуръ рукоплескали за аллегорію «Мира», вѣрно переводившую латинское двустишіе:

Militis in galea nidum fecere columbae,
Apparet Marti quam sit amica Venus *.

Если мудро было исполнить эту картину, такъ еще мудренѣе было смотрѣть ее; однакожь, около нея сходился весь Парижъ; женщины, одинаково утверждали, что не замѣтили въ ней ничего, кромѣ голубковъ, свивавшихъ гнѣздо въ шлемѣ Марса. Лагрене любилъ писать тѣло и это ему довольно удавалось. Дидро говорилъ Лагрене, который его не понималъ: «учитесь писать наготу, не оскорбляя чувства скромности; вообразите себѣ Венеру Медичискую—вотъ нагота искусства; но обуйте ноги этой Венеры въ шитыя туфли, украсьте голову какимъ-нибудь уборомъ—и вы тотчасъ почувствуете разницу между приличнымъ и неприличнымъ: тамъ видишь женщину, здѣсь—женщина себя показываетъ». Лагрене былъ не болѣе, какъ живописецъ, одаренный довольно вѣрною кистью, но не имѣвшій ни стили, ни вдохновенія, ни правды и осужденный умереть съ поколѣніемъ, которое платило ему за его картины.

Лё-Прэнсъ (Le Prince) писалъ большія и маленькія картины de genre, какъ Валантёнъ и Шардёнъ, но у него не было ни эффекта, ни колорита, ни поэтическаго воспроизведенія природы этихъ двухъ мастеровъ. За сюжетами своими онъ отправлялся въ Россію. Этотъ новый міръ возбудилъ любопытство гораздо больше, чѣмъ его талантъ, а какъ иригомъ онъ не имѣлъ недостатка въ извѣстной пріятности композиціи, въ выраженіи головъ и колоритѣ, то его привѣтствовали безчисленными рукоплесканіями. Сверхъ того, онъ былъ артистъ обильный и не засиживался въ бездѣйствіи; когда любители шли въ его мастерскую посмотреть одну картину—онъ показывалъ имъ пятьдесятъ. Правду сказать, это были скорѣе эскизы, нежели картины. Дойдя до извѣстной точки, онъ былъ уже не въ состояніи окончить картину: знанія-ли не хватало, утомлялся-ли онъ, или удовлетворялся приблизительнымъ выполненіемъ. Тщетно старался

онъ сливать рѣзкіе тоны; манера его такъ холодна и однообразна, что, казалось, онъ совершенно настроилъ свою кисть подъ ладъ сѣверныхъ зимъ. Солнце онъ видалъ только на картинахъ Бергема, Ватто и Буше. Такъ какъ въ то время все было направлено къ украшенію палатъ актрисъ, то Ле-Пренсъ приспособилъ свое дарованіе къ требованіямъ времени. Не мало превозносили его *Путифаръ*, вѣроятно, выставленную имъ въ салонѣ 1777 г.

Рёсту выставялъ Диогеновъ и Анакреоновъ, вдохновенныхъ Болонской школой. Онъ мазалъ и лѣпилъ съ-размаху, по сомнительному рисунку. Но за игру свѣта, прозрачность тѣла, красоту тканей, ему прощали неизящность его фигуръ. Онъ былъ на столько-же живописецъ, на сколько Мармонтель былъ поэтъ: ни вдохновенія, ни величія, ни оригинальности, но за то умѣніе писать фигуры или стихи по *Art de peindre*, Никола Ваттлэ, или по *Art poétique*, Буало.

Віэнь и Дойень эпорили о пальмѣ серьезнаго искусства, первый — молчаливо, второй — шумно. Віэнь протестовалъ противъ вольностей палитры колоритомъ простымъ, блѣднымъ, строгимъ, какъ-будто боясь задушить линію, потому-что онъ любилъ линію, какъ и Давидъ, ученикъ его. Казалось, Віэнь каялся за всю французскую школу. Дойень рѣшительно предался всей необузданности юности. На первый взглядъ — мрачный и лучезарный, нѣжный и могучій, онъ не могъ выдержать пристальную критику. Віэнь славился, вслѣдствіе родственныхъ чертъ съ Доминикиномъ и Лесюэромъ, вслѣдствіе почти мастерской серьезности, громко противорѣчившей вѣтренностямъ французской школы, увлеченной Буше, но все-таки онъ былъ живописецъ безцвѣтности, артистъ безъ эффекта, безъ огня, безъ поэзіи: въ его картинахъ не было жизни. Говорили тогда: «голова Віэня — рука Дойэня». Нѣтъ, изъ этихъ двухъ человѣкъ не вышло-бы ни одного живописца, потому-что ни тотъ, ни другой не сорвалъ золотой вѣтки *Виргилія*. Я съ бѣльшею симпатіею поклонился-бы доброй г-жѣ Віэнь, которая изображала куръ, посмотрѣвъ на куръ. Дидро, восхищаясь курицей г-жи Віэнь, говорилъ: «вашъ мужъ, чего добраго, приукрасилъ ее немножко». Дидро ошибался. Г-жа Віэнь наивно писала своихъ куръ: оттого и выходили настоящія куры. Віэнь написалъ-бы ученыхъ куръ. Вотъ какъ Дидро отзывается объ одной изъ картинъ г-жи Віэнь: «Курица-цесарка, настоящая курица, наблюдающая за цыплятами — прекрасная картина; прекрасная птица, славная птица, прекрасный хохолъ, прекрасная ощетиненная шейка, клювъ полуоткрытый и грозящій, глазъ живой, открытый и выпуклый, характеръ безпокойный, задорный и гордый. Я слышу ея кудахтанье. Крыло свисло, она присѣла; цыплята подъ нею, кромѣ нѣкоторыхъ, кото-

рые вылезли или вотъ-сейчасъ вылезутъ; она изображена съ удивительною правдою, цыплята мягки и нѣжны; это ихъ пухъ, ихъ невинность, ихъ глупая беззаботность: все хорошо до соломенокъ, разбросанныхъ около курицы. Есть натуральные подробности, безусловно обольщающія».

Входившіе въ мастерскую Ла-Тура, при видѣ этихъ дивныхъ фигуръ, какъ-бы взятыхъ изъ какой-нибудь идеальной галлерей, сперва спрашивали себя: «Что это: мастерская художника или чертогъ феи»? Но почти вслѣдъ за тѣмъ, во всѣхъ этихъ очаровательныхъ головахъ узнавали выраженіе человѣческое. Это было волшебство искусства, а не волшебство Востока. Ла-Туръ изображалъ женщинъ, какими онѣ хотѣли быть, не переставая изображать ихъ такими, каковы онѣ были въ-самомъ-дѣлѣ. Пастель давала ему однѣ лиліи, розы и улыбки. То была правда, но взятая въ минуту ея лучезарнаго сіянія, истина, высмотрѣнная сквозь стекло поэзіи или любви. Что за чудо портретъ г-жи де-Помпадуръ, въ Луврѣ, въ галлерей рисунковъ!

Ла-Туръ рисовалъ лучше всѣхъ живописцевъ своего времени. Онъ смѣло боролся съ природою, не заботясь о правилахъ, ибо хорошо зналъ, что правила существуютъ только для людей нерѣшительныхъ, для умовъ робкихъ, которые боятся сказать глупость, когда выпускаютъ дѣльное или острое слово, не бывшее еще въ оборотѣ. Ла-Туръ видѣлъ природу неправильную съ точки зрѣнія правила, а на правильную смотрѣлъ съ точки выраженія движенія, жизни. Онъ, не стѣсняясь, жертвовалъ условною линіею; онъ не довольствовался однимъ типомъ, какъ большинство живописцевъ, которые даютъ и святому лику и Венерѣ одно и то-же выраженія; онъ былъ разнообразенъ, какъ природа. Ни одинъ изъ его портретовъ не былъ похожъ на другой, но каждый походилъ на оригиналь. Онъ ловилъ сходство, какъ великій портретистъ и какъ вѣвѣсочный живописецъ въ одно время. Природа мудра, но въ то-же время и проста до глупости.

Но Ла-Туръ былъ старъ. Уединясь въ Отель, онъ писалъ только своихъ друзей. Онъ принадлежалъ исторіи искусства, но уже не жилъ для поколѣнія, которому предстояло удивляться Давиду.

Что сказать о Пьеррѣ и о Натуарѣ, двухъ живописцахъ, занимавшихъ значительное мѣсто и въ общемъ мнѣніи, и въ галлерейхъ, двухъ учителяхъ, которые учили тому, чего сами не знали? Одинъ управлялъ въ то время Французской Академіей въ Римѣ, другой Римской Академіей въ Парижѣ; Пьерръ кромѣ того, былъ первымъ живописцемъ короля. Много титуловъ, мало таланта. Передъ этими двумя копистами, Карлъ Ванло былъ великій живописецъ. Я предпочитаю даже Вестіеца, неиз-

вѣтнаго, столь достойнаго быть извѣстнымъ, этимъ двумъ извѣстнымъ, столь достойнымъ забвенія!

Настоящимъ «живописцемъ нравовъ» Республики и Имперіи былъ Карль Вернѣ. Онъ не послѣдовалъ Грѣзу ни въ сантиментальномъ романѣ, на манеръ Стерна, ни въ философской драмѣ, на манеръ Дидро. Живописецъ мыслящій, онъ съ умомъ изображалъ очерки нравовъ и событій своего времени. Его живопись отчасти носитъ отпечатокъ его разгульной жизни. Онъ жилъ въ большомъ свѣтѣ, чаще сидѣлъ на лошади, чѣмъ ходилъ пѣшкомъ. И его кавалькады, его «невѣроятныя», его *merveilleuses* чрезвычайно живыя и живописныя картины, на которыхъ видишь и самого Карла Верне. Грѣзь былъ живописецъ наивный, вѣрившій всему; Карль Верне былъ сатирикъ, осмѣивавшій все. Онъ не имѣлъ ни колорита, ни прелести, и величайшія его произведенія—карикатуры. Надо прибавить, что у него даже въ самыхъ серьезныхъ картинахъ (онъ тоже не обошелся безъ римской древности) карикатура не теряетъ веѣхъ своихъ правъ. Онъ былъ ораторъ—буффъ, полный силы и увлеченія, взлѣзавшій на бочку для того, чтобы говорить, какъ Цицеронъ; но тщетно принималъ онъ строгую позу, онъ все качался на бочкѣ. Карль Верне былъ живописцемъ Директоріи: онъ до-сихъ-поръ ея живое выраженіе. Его вліяніе не совсѣмъ чуждо современной школы: его кавалькады, его ученныя собаки, его карикатуры повторяются нынче съ лучшимъ колоритомъ, но не съ большимъ умомъ.

Фрагонаръ нынче отомщенъ за пренебреженіе, въ которомъ находился въ продолженіе полувѣка. Сознались, наконецъ, что онъ былъ истинный французскій живописецъ, воспитанный на поэзіи древности, если не на ея грамматикѣ. Всегда было во Франціи много живописцевъ, но слишкомъ мало живописцевъ французскихъ; за то, когда я узнаю одного изъ такихъ, я снимаю передъ нимъ шляпу и подхожу къ нему съ сердцемъ на ладони. Этотъ Фрагонаръ, столько презираемый въ академіяхъ, въ настоящую минуту пользуется большимъ почетомъ на аукціонахъ. Не будемъ дурно отзываться о деньгахъ; деньги очень умны, деньги знаютъ, что дѣлаютъ и что говорятъ; словомъ, деньги правы. Поставьте рядомъ на аукціонѣ страницу изъ римской исторіи гражданина Давида, и страницу изъ любовной исторіи остроумнаго Фрагонара — и вы увидите, куда пойдутъ деньги. Фрагонаръ обладаетъ прелестью истинныхъ живописцевъ: онъ улыбается глазамъ своими красками, сердцу—своими фигурами, воображенію—своими перспективами. Этотъ дурной живописецъ не разъ показывалъ настоящую точку зрѣнія Приудону. Рейнольдсъ сознавался самъ, что многое занялъ отъ Фрагонара. Этотъ дурной живописецъ похитилъ не одну тайну у Рембрандта

и у Рюпседаля, у Ватто и у Шардена; онъ дерзалъ подписывать смѣлые эскизы, гривы хищныхъ звѣрей, случайности палитры, въ то время, какъ школа Давида до ребячества была занята стихомъ Буало:

«Polissez-le sans cesse et le repolissez.»

Привѣтствуя эту школу, столь живую въ ея послѣдніе дни, я не признаю, чтобы Давидъ спасъ французское искусство отъ глубокаго растлѣнія. Не говоря о живыхъ ваятеляхъ, каковы Каффьери и Гудонъ, Франція могла тогда съ гордостію назвать Верне, Ла-Тура, Шардена, Грѣза, Лутербурга; къ тому-же Давидъ имѣлъ двухъ современниковъ, которые могли занять его мѣсто для славы школы: Приудона и Карла Верне. Приудонъ собирался въ Римъ, не съ тѣмъ, чтобы искать тамъ римлянъ, какъ Давидъ, но чтобы цѣломудренно упиваться вдохновеніемъ Корреджіо и поэзіею древности. Карлъ Верне умѣлъ уже ѣздить верхомъ и отпускать остроты въ живописи. Вольтеръ сказалъ ему: «Каковъ отецъ, таковъ и сынъ,» и воскликнулъ при немъ: «Auch'io son pittore!»

Отнимите на минуту—Давида. Чтѣ останется? Приудонъ, долго непризнаваемый, будетъ привѣтствуемъ съ его перваго произведенія и получитъ пальму первенства. Молодые художники, вмѣсто того, чтобы копировать бронзу или камень статуй и барельефовъ, вмѣсто того, чтобы ходить въ школу Сократа, будутъ копировать людей, какихъ создалъ Богъ, и пойдутъ въ школу Гомера и Теоокрита. И мы получимъ не философовъ, а поэтовъ въ живописи. Приудонъ будетъ не только великій живописецъ, онъ будетъ великій учитель. Карлъ Верне, съ своей стороны, призоветъ къ своей школѣ дѣйствительной жизни всѣхъ, у кого не хватитъ силы для лучезарныхъ высотъ идеальнаго міра. Въ самомъ-дѣлѣ, Карлъ Верне любилъ природу вовсе не съ нѣжностію: онъ одолевалъ ее, какъ непокорную кобылицу. Казанова еще тутъ, сильный и остроумный, солидный и легкій. Слышенъ шумъ въ его сраженіяхъ, лошади его ржатъ и бьются, люди убиваютъ другъ друга, опьянѣвъ отъ пороха. Фрагонаръ, съ своею краскою и воображеніемъ, послѣдній живописецъ французской граціи. Грѣзь, который живетъ до-сихъ-поръ и котораго школа Давида причислила къ живописцамъ превеличенія, сохранить своихъ почитателей и будетъ слыть отличнымъ мастеромъ въ глазахъ молодыхъ живописцевъ, которые останавливаются на полдорогѣ, влюбленные въ умъ и въ краску. Грѣзь скажетъ имъ: «дѣти мои, смотрите на меня такъ, какъ вы слушаете Гретри: это та-же гамма тоновъ, то-же чувство, тотъ-же напѣвъ. Это очаровательно, хотя и не благоразумно. Вѣрьте мнѣ, не дѣлайте въ живописи трагедій: время Рима и Греціи прошло; если вы родились въ Франціи, создавайте фран-

цузскую живопись. Поклонитесь мимоходомъ старику Шардену, старику Верне, старику Ла-Туру: вотъ вамъ французскіе живописцы, какъ были французскими живописцами Лёсюэръ, Ватто, Валантенъ.

Но Давидъ пришелъ; гордымъ презрѣніемъ своимъ вымелъ онъ всѣхъ этихъ живописцевъ прежнихъ временъ. Прюдонъ, Грѣзь, Шарденъ, Фрагонаръ, Ла-туръ—что это такое? Маркизы стараго времени. Искусство живетъ только на вершинахъ Парнасса. Съ глазъ долой этихъ чучель! — какъ говорилъ Лудовикъ-четырнадцатый, глядя на курильщиковъ Теньера.

И за всѣмъ тѣмъ онъ умѣлъ укротить французскую школу, до-тѣхъ-поръ своевольную. Давидъ питалъ глубокую вѣру въ искусство и въ самого себя: вотъ что было причиной его силы, вотъ что возвысило его, на мгновеніе, надъ его современниками. Въ его первую поездку въ Римъ, великія тѣни Фидіаса и Микель Анджело одушевили его умъ. «Фидіасъ — говорилъ онъ — это золотой вѣкъ грековъ: Микель Анджело—золотой вѣкъ италіянцевъ. Почему не буду я золотымъ вѣкомъ французовъ?» — Почему? Нынче можно отвѣчать ему: Фидіасъ и Микель Анджело создали свой міръ, между-тѣмъ, какъ Давидъ вырылъ изъ земли фигуры, лежавшія въ могилахъ. Тѣ были поэты; онъ—только переводчикъ.

II.

О Луи Давидѣ можно сказать, что онъ въ своей мастерской былъ парижскій спартанецъ или римлянинъ. Въ 1780 г., онъ изъ путешествія за Альпы принесъ съ собою Грецію и Римъ на подошвѣ башмаковъ своихъ. Онъ никогда не понималъ ни искусства народнаго, ни чувства народнаго. Онъ былъ спартанецъ и римлянинъ; онъ никогда не былъ французомъ, кромѣ какъ въ изгнаніи; онъ почти выразилъ рельефно мысль аббата Запіани, что новая исторія повтореніе древней только подъ другими именами.

Буанаротти, этотъ потомокъ Микель Анджело, говорилъ Давиду: «Не я внукъ Микель Анджело, а ты.» Дѣйствительно, у нихъ отчасти одинаковая страсть къ идеѣ, одинаковая безпокойная жизнь, брошенная въ водоворотъ политическихъ событій; но въ блѣдности своей краски Микель Анджело все-таки горячѣ, въ его исполненіи видно вдох-

новительное пламя. — Давида руководить разсудокъ, вооруженный циркулемъ.

Давидъ почиталъ себя главою школы, какъ-будто онъ изобрѣлъ древнее искусство! Онъ глава школы потому развѣ, что протестовалъ противъ французской живописи XVIII вѣка, противъ соблазнительныхъ праздниковъ Ватто, венеціанскихъ воспоминаній Рау, нимфъ въ коротенькихъ юбкахъ Буше и семейныхъ драмъ Грѣза? Но неужели Давидъ ни разу не замѣтилъ, что онъ не болѣе, какъ ученый ученикъ Пуссеня и продолжатель Лѣбрѣна? Винкельманъ имѣлъ безчисленныхъ предшественниковъ. Развѣ ждали рожденія Давида для того, чтобы признать, что греки — учителя по преимуществу; что они написали грамматику искусства; что ихъ произведенія одни непогрѣшимы, потому-что они созданы мыслію и стилемъ, потому-что идеальная красота была такою-же вѣрою художниковъ Аѳинъ и Сикіона, какъ и вѣра въ боговъ у людей образованныхъ и поклоненіе солнцу у дикихъ?

• Да и сверхъ того, въ самомъ семнадцатомъ вѣкѣ существовалъ уже Віень, учитель Давида. Онъ-то указалъ ему на живые источники искусства. Послѣ шумныхъ ужиновъ и роскошныхъ пировъ Буше, нужно же было освѣжить полу-пьяную живопись, въ какомъ-нибудь потоцѣ съ идеальными берегами, гдѣ-бы купалась одна Діана-охотница.

Плохой учитель былъ этотъ Віень, Буало въ живописи, который, завидѣвъ въ лѣсу избытокъ растительности, уродовалъ лучшія деревья, не исключая и гордаго дуба. Дидро говорилъ о немъ: «Онъ хорошо рисуетъ, но не чувствуетъ; онъ всю свою жизнь будетъ холоденъ.» Этотъ судъ надъ учителемъ удобно прилагается и къ питомцу.

Давидъ казался преобразователемъ только за предѣломъ XVIII вѣка. По ту сторону этой грани, все художники привѣтствовали Віеня, какъ новаго учителя. Въ послѣдніе дни свои, Віень говорилъ: «я первый открылъ дверь, Давидъ растворилъ ее.» Старая исторія Христофора Колумба и Америка Веспучія. Только въ этомъ случаѣ новооткрытый свѣтъ былъ богаче гробницами, нежели дѣвственными лѣсами.

Въ XVIII вѣкѣ говорили: Віень; во времени Имперіи говорили: Давидъ; мы нынче говоримъ: Прудонъ — вотъ настоящій сынъ грековъ. Онъ тѣмъ болѣе похожъ на нихъ, чѣмъ менѣе хотѣлъ имъ подражать. Аксиома извѣстная: подражать Илиадѣ не значитъ походить на Гомера.

Давида назначали къ архитектурѣ. Для организациі страстной, архитектура ледяное искусство, которому нуженъ цѣлый вѣкъ на осуществленіе одного сна. Живопись, напротивъ, искусство огневое, создающее свой міръ въ нѣсколько дней. Давидъ не разъ видался съ своимъ

двоюроднымъ братомъ, Буше, онъ пришелъ въ его мастерскую и засталъ его за работою, утонувшимъ въ голубой горизонтъ волшебнаго пейзажа, обрамливавшего какую-то дочь Цитеры со вздернутымъ носомъ; онъ, какъ Придонъ передъ гравюрою Корреджіо, воскликнулъ: «и я живописецъ!»

Буше былъ его первымъ наставникомъ; онъ разсказалъ ему, какъ страствовалъ по вѣчному городу безъ энтузіазма къ Рафаэлю и Микель Анджело.

— Рафаэль — женщина, Микель Анджело — чудовище. Это живописцы другаго міра, это — мертвый языкъ, на которомъ нынче не говорятъ. Мы вотъ живописцы нашего вѣка, мы ни на что не похожи, но мы очаровательны.

— Однакожь ... промолвилъ задумчиво Давидъ, разсматривая гравюры съ образцевъ древности и возрожденія.

— Есть, перебилъ Буше: и возлѣ насъ человекъ съ дарованіемъ, который обратился къ мертвымъ, предполагая, что оттуда восходитъ солнце. Впрочемъ, онъ, быть можетъ, и правъ.

И Буше повелъ Давида въ мастерскую Віеня; потому-что Буше былъ художникъ благородный, вѣрившій въ другихъ, какъ и въ самого себя. Близорукая зависть никогда не навѣщала его дома.

Такъ двоюродный братъ Буше отправился къ Віеню, учиться презирать палиттуру живописца госпожи Помпадуръ. Вскорѣ сталъ онъ работать на большую римскую премію, эту знаменитую премію, которая не создала ни одного живописца, а привела въ отчаяніе тысячу. Онъ оборвался. Въ первый разъ усомнился онъ въ своихъ силахъ; бѣдный и одинокій, онъ упалъ духомъ; быть можетъ, онъ даже оставилъ-бы живопись, еслибъ не явилась къ нему на помощь судьба. Болѣе или менѣе извѣстно всѣмъ, какъ Фрагонаръ, расписывая гостиную мамзель Гамаръ, «этотъ храмъ Терпсихоры, построенный на развалинахъ имѣнія принца Субиза», поссорился съ нею Давиду было поручено продолжать дѣло Фрагонара. Буше и Фрагонаръ! Странная школа для Давида; странная точка исхода для того, чтобы дойти до величественной картины—*Клятва Гораціевъ!*

Италія, вновь увидавшая солнце въ Чимабуэ и художникахъ флорентинскихъ, догорала своимъ послѣднимъ лучемъ. Ночь уже покрывала священный путь; національный гений сходилъ въ могилу въ другой разъ. Оставался одинъ скульпторъ Канова—для того, чтобы изваять мавзолей италіянскому искусству. Не рассчитывая болѣе на будущее, всѣ обратились къ прошедшему, какъ-будто знаніе могло замѣнить вдохновеніе. Монфоконъ разоблачилъ древность, Винкельманъ почтительно сталъ передъ

нею на колѣна, а Менгесъ воскликнулъ: «вотъ гдѣ олимпическіе боги!»

Цѣлый годъ провелъ Давидъ въ Римѣ, не взявши въ руки кисти, исполненный однимъ краснорѣчіемъ линіи, въ которой заключается цѣлый языкъ, какъ говорилъ нѣкогда Евфаноръ. Онъ рисовалъ все и вездѣ: изуродованныя статуи, обломки барельефовъ, стершіяся фрески. Все рисовалъ онъ, кромѣ живой природы. За то, когда онъ опять принялся за живопись, онъ только въ древней исторіи находилъ сюжеты достойные его генія. По возвращеніи въ Парижъ, онъ выставилъ *Велисарія* и *Погребеніе Патрокла*, оправдывая ими слова Бушэ: «у древнихъ фигуръ недостаетъ движенія и жизни; онѣ мертвыя изваянія». Но весь Парижъ съ уваженіемъ преклонился передъ славными мертвецами, вставшими изъ могилъ, по манію Давида. Переворотъ былъ сдѣланъ въ искусствѣ! И что мудренаго? Парижане того времени были склонны корчить изъ себя римлянъ.

Давидъ, который хотѣлъ умирить себя голодомъ, удостоился торжества, вовсе неожиданнаго. Прежняя французская живопись стала допускаться только на дверяхъ и на ширмахъ. Давидъ открылъ школу, всю вымощенную мраморомъ, медалями и обломками этрусскихъ вазъ. Жиродэ, Друэ, Фабръ и дѣвица Лёру—Лавилль были первыми его учениками. Онъ не мучилъ ихъ своей наукой: онъ созналъ, что одно время — великій учитель; онъ только говорилъ имъ: «учитесь изображать грека такъ, чтобы онъ не былъ похожъ на римлянина, а римлянина чтобы онъ не былъ грекомъ.» О Франціи никогда не было и рѣчи. Его ученики могли-бы подчасъ сказать ему: «учитель, ты самъ дѣлаешь грековъ, которые — римляне.» Въ-самомъ-дѣлѣ, если Давидъ жилъ съ Лукреціемъ и Цицерономъ, онъ едва вскользь видѣлъ Аспазію и Платона. Онъ зналъ форумъ, но не соціумъ.

Жизнь Давида была — одинъ безконечный трудъ. Онъ любилъ запахъ лампы; полночь часто заставала его шевелившимъ останки древняго міра. Онъ вставалъ почти постоянно съ солнцемъ и запирался въ своей мастерской, не допуская къ себѣ праздныхъ посѣтителей. Есть люди, которые любятъ жизнь вдвоемъ: онъ любилъ жизнь въ-одиночку.

Я забылъ: у него былъ другъ.

Леонардо-да-Винчи, мастеръ изъ мастеровъ, любилъ свою скрипку не менѣе палитры. Аполлонъ не сумѣлъ-бы владѣть смычкомъ съ большою граціей и большимъ вдохновеніемъ. Эта скрипка была *chef-d'oeuvre* Гаспара Дуиффонругара, славнаго инструментальнаго мастера съ варварскимъ именемъ. Бенвенуто Челлини прибавилъ къ ней серебряный грифъ, вычеканенный въ лучшіе дни его, а Рафаэль, на парнасѣ Ватикана, единственномъ парнасѣ, гдѣ было житіе богамъ и поэтамъ, написалъ

Аполлона играющимъ на скрипкѣ, — на скрипкѣ Леонарда да-Винчи. Гофманъ постигъ душу скрипки также, какъ старый маэстро флорентинской школы, когда онъ писалъ болѣзненные радости Креспеля. Давидъ ее тоже понималъ, и его другъ — была его скрипка, другъ серьезный, надъ которымъ онъ никогда не позволялъ трунить, другъ во всякое время, повѣренный всѣхъ его радостей и всѣхъ печалей.*

Поэзія Давида была-бы совсѣмъ не такая, еслибъ онъ чувствовалъ древность душою, какъ понималъ ее глазомъ, въ противоположность Прюдону. Личность Сафо искусила его дарованіе, но онъ видѣлъ эту десятую музу только въ стихѣ Буало:

«Блаженъ, кто близъ тебя, лишь о тебѣ вздыхаетъ.»

Онъ изобразилъ ее сидящею и вдохновенною. Фаонъ, осыняемый Венерой, держитъ Сафо на вѣсу и закрываетъ ей глаза рукою. Она роняетъ серебряную лиру. Амуръ ее хватаетъ и поетъ гимнъ Венерѣ.

Картина эта задумана съ чрезвычайнымъ знаніемъ дѣла. Въ особенности превозносили лицо Сафо, полуоткрытое подъ пальцами Фаона. Это — совершенство рисунка. Вся эта картина богаче жизнію и выраженіемъ, чѣмъ другая, его-же, находящаяся въ музеѣ, гдѣ представлена любовь Елены и Париса. Но при всемъ томъ гимнъ Сафо долженъ-бы былъ совершенно иначе одушевить Давида, который, вѣроятно, никогда не пѣвалъ гимновъ Венерѣ и того менѣе читалъ Сафо...

Есть въ Луврѣ, во французской галереѣ, портретъ госпожи Рекамье, никогда не останавливавшей критика**, но вполне символизирующій одну изъ сторонъ Давидова дарованія. Это фигура временъ Имперіи, и все въ ней принесено въ жертву линіи; ни одного украшенія, ни одного луча, ни одного біенія сердца. И все-таки эта фигура, какъ-бы убитая блѣдностію ледянаго исполненія, полна несказанной прелести и строгой поэзіи. Глаза, отуманенные яркостію другихъ колористовъ, останавливаются передъ этимъ горизонтомъ, насквозь пропитаннымъ снѣгомъ, съ улыбкою удивленія. Давидъ въ этомъ портретѣ простеръ строгость кисти до неимовѣрнаго, до нѣги, до страсти, подобной любви Сафо, которая, дрожа отъ любви, бросалась въ Іонійское-море, чтобъ найти въ немъ смерть.

* Скрипка, которая есть линія въ музыкѣ, также прирастила живописца Ингра (Ingres); онъ прощаетъ всѣ ошибки колористамъ, лишь-бы они признавали его талантъ, когда у него въ рукахъ смычекъ.

** Кромѣ Теофила Готье и Поля Сен-Виктора, которые признали, что здѣсь-то именно поэзія Давида.

III.

Людовикъ XVI заказалъ Давиду картину строгаго содержанія, взятую изъ римской исторіи, для того, чтобы нѣсколько освѣжить праздныхъ маркизовъ, которые вышивали у ногъ какой-нибудь соскучившейся Ариадны и были не въ состояннн взять въ руку шпагу иначе, какъ развѣ за бантикъ своей возлюбленной: «всѣ эти стебельки ландыша — какъ говорилъ герцогъ Куанъ—которые, съ битвы при Росбахѣ, отреклись отъ всякаго національнаго чувства.» Давидъ опять отправился въ Римъ и написалъ тамъ *Клятву Гораціевъ*. Римскіе итальянцы, надо думать, узнали себя въ своихъ предкахъ, ибо картинѣ французскаго живописца громко рукоплескали. Давидъ писалъ маркизу Біеврскому: «Римляне сдались добровольно и охотно, и къ моей картинѣ стекается множества народа. Что за удовольствіе было-бы для васъ, меня любящихъ, быть свидѣтелемъ этого зрѣлища! По-крайней-мѣрѣ, я обязанъ описать вамъ, какъ все происходило. Начали хвалить иностранные художники, потомъ принялись за то-же итальянскіе, и, вслѣдствіе ихъ преувеличенныхъ похвалъ, слухъ дошелъ и до аристократіи. Она сбѣгалась толпою; теперь только и рѣчей, что о французскомъ живописцѣ и о *Гораціяхъ*. Сегодня утромъ венеціанское посольство, кардиналы хотятъ видѣть этого рѣдкаго звѣря. Всего болѣе я доволенъ успѣхомъ въ Римѣ! Но для счастья моего недостаетъ увѣренности, что моя картина будетъ выгодно поставлена въ Парижѣ; до-сихъ-поръ я не удостоивался этой чести, вѣроятно, потому-что молодъ; по крайней-мѣрѣ мнѣ остается надежда, что, когда буду писать дрянъ, меня помѣстятъ въ Парижѣ лучше... Что касается до величины картины, о которой вы спрашиваете, я не держался мѣрки, которую мнѣ дали изъ королевской галлерей. Переворочавъ мою композицію со всѣхъ сторонъ и видя, что она потеряетъ въ энергіи, я рѣшился написать картину для себя. Ничто не заставитъ меня предѣлать ее къ ущербу моей славы.»

Когда картина была привезена въ Парижъ и г. д'Анжевиллье, интендантъ дворца, изъявилъ ужасъ, что художникъ преступилъ данные размѣры, Давидъ сказалъ ему: «Что-жъ! Бѣда не велика! Пусть возьмутъ ножницы и обрѣжутъ, что имъ кажется лишнимъ.»

Успѣхъ въ Парижѣ былъ смѣшанъ съ удивленіемъ и съ энтузіазмомъ. Давно не видали этихъ мужественныхъ фигуръ исторіи. «Опять трагедія!» сказали скептики. «Да, отвѣчали энциклопедисты:

но это трагедія Кребиллона ; только ее играютъ уже не въ прежнихъ костюмахъ.» Давидъ былъ привѣтствованъ величайшимъ живописцемъ, но въ особенности великимъ археологомъ. «Современный вкусъ, говоритъ Шарль-Бланъ * : не замедлилъ занять отъ него все подробности домашней обстановки, мебели и наряда. Древніе орнаменты вошли въ моду съ выставки Клятвы Гораціевъ. Захотѣли имѣть мебель Тарквинія-Гордаго, пить изъ сосудовъ геркуланскихъ, освѣщаться лампами виллы Альбани. Женскія платья стали кроиться хламидами ; башмаки превратились въ котурны ; статуи, медали, этрусскія урны вытѣснили прагѣдовскую утварь. Это было забавное время ! не взирая на все замѣчанія Дидро, въ прологѣ Мольерова «Амфитріона», *Ночь и Меркурій* являлись на сценѣ, одѣтые въ домино. Ахиллесъ и Цинна оба носили одинъ костюмъ, да и тотъ принадлежалъ маркизу изъ «*Précieuses ridicules*». Лукреціи и Герміоны были одѣты въ шелковыя платья съ шлейфами, съ гирляндами розъ или приподнятыми корсажами. Онѣ были причесаны и наудрены, какъ въ Версали, расхаживали въ букляхъ, перьяхъ и въ наколкахъ».

Давидъ, когда актеры пришли къ нему за указаніями, ограничился тѣмъ, что далъ имъ этрусскія вазы. Актеры закричали караулъ. Трагедія подверглась сильному потрясенію. Ни одна женщина не хотѣла играть въ трагедіи. Я постоянно былъ того мнѣнія, что XVIII вѣкъ былъ слишкомъ склоненъ къ насмѣшкѣ и слишкомъ мало имѣлъ чувства древности, чтобъ могъ взглянуть на трагедію серьезно. Она была допущена только въ платьяхъ и юбкахъ французскаго покроя, какъ-бы ученый курьозъ карнавала. Французы всегда любили анохронизмъ въ литературѣ. За то, съ тѣхъ поръ какъ возвращенъ трагедіи ея величественный пепелъ, мы уже не видимъ ни одного безсмертнаго произведенія.

Между питомцами Давида, не должно забывать Лекэна и Тальму. Въ его мастерской научились они классическимъ позамъ и вѣрности костюма.

Для Давида челоѣчество не сдѣлало ни одного шага со смерти Сократа. Для него солнце закатилось въ могилу этой многознаменательной смерти. Христіанства, его зримыхъ и незримыхъ богатствъ и блеска, онъ не понималъ.

* Авторъ статьи «Грѣзь».

Давидъ былъ философъ портика, вѣрившій только въ Сократа. Зато, когда онъ писалъ «Смерть Сократа», ему нужно было только вспоминать, потому что ему казалось, что онъ, вмѣстѣ съ Платономъ, присутствовалъ при этой языческой трагедіи, трагедіи безъ шума и безъ зримыхъ слезъ, трагедіи съ греческими линіями, гдѣ античная грація проявляется въ самой смерти. Сперва Давидъ изобразилъ—было Сократа держащимъ сосудъ, который подаетъ ему растроганный рабъ. «Нѣтъ, нѣтъ, сказалъ ему Андре Шенье, который былъ грекъ, какъ Давидъ — римлянинъ. Сократъ возметъ въ руки сосудъ только тогда, когда кончитъ говорить!» Въ отчетѣ о выставкѣ 1822 г., Тьеръ упоминаетъ объ этомъ произведеніи съ тѣмъ уваженіемъ, какое внушаетъ чудо искусства. «Сократъ въ темницѣ; сидя на ложѣ, онъ указываетъ на небо, что выражаетъ цѣль его ученія; принимаетъ сосудъ, что напоминаетъ его осужденіе; ищетъ его оцупью, что свидѣтельствуетъ о его философической думѣ и равнодушіи къ смерти.» Въ дѣлѣ композиціи, эта картина есть верхъ искусства, какого, изъ всѣхъ новыхъ живописцевъ, могъ-бы достигнуть одинъ Пуссенъ; но Давидъ, чувствуя, что у него подъ рукою *chef-d'oeuvre*, черезъ-чуръ отдался ему, забывъ объ истинѣ, которую-бы слѣдовало написать надъ всѣми мастерскими: «что окончено, того не оканчиваютъ.»

Въ первый разъ Давидъ началъ показывать свои силы съ выставки 1781 года. Онъ выставилъ «Велисарія, узнаннаго воиномъ, служившимъ подъ его предводительствомъ, въ ту минуту, какъ женщина какая-то подаетъ ему милостыню.» На выставкѣ 1783 г. онъ опять явился съ картиною, писанною для приѣма въ Академію, «Горе Андромахи надъ тѣломъ Гектора», и съ рисункомъ фриза въ античномъ вкусѣ. На выставку 1785 г. онъ далъ «Клятву Гораціевъ» и небольшое повтореніе «Велисарія». Въ 1787 г., «Сократа, принимающаго цикуту» и «Гораціевъ», въ небольшомъ видѣ, которыхъ могъ-бы подписать Жиродэ, еслибъ ученикъ могъ подписывать картины учителя. Въ 1789 г., «Брута, перваго консула, возвратившагося домой послѣ осужденія имъ сыновей; ликторы приносятъ ихъ тѣла для погребенія», «Любовь Париса и Елены», «Весталку», «Покинутую Психею», «Людовика XVI», и «Присягу», рисунокъ перомъ, произведеніе капитальное.

Знаменитая картина Брута, сдѣлавшаяся извѣстною съ 1789 года, была заказана Давиду королемъ, также, какъ и *Гораціи*... Она произведеніе второстепенное, не достаточно трогательное, стало быть, безъ истиннаго величія. Однакожъ, Брута еще можно узнать по его сдерживаемымъ страданіямъ; но гдѣ дочери Брута, сестры, повергнутыя въ отчаяніе? Я не узнаю ихъ въ этихъ античныхъ мраморахъ, падающихъ

въ обморокъ съ такимъ сценическимъ навыкомъ и такою граціею. Это страданіе театральное, а не домашнее. А, между-тѣмъ, Давидъ для изображенія сестры, лежащей въ обморокъ, имѣлъ образецъ не похожій на обыкновенныхъ натурщицъ: дѣвушка знатнаго происхожденія, полная любви къ искусству (таково было время!), сама явилась къ Давиду съ своей гувернанткой, чтобъ служить ему моделью для одной изъ дочерей Брута, и говорятъ, будто, утомившись стоять неподвижно въ напряженномъ положеніи, она въ-самомъ-дѣлѣ упала въ обморокъ, на руки гувернантки. «Дурно, дурно! Ей дѣйствительно дурно!» вскрикнула гувернантка. «Молчите! шопотомъ прерваль Давидъ: развѣ вы не видите, что она безподобна въ этомъ положеніи»? И онъ хладнокровно продолжалъ ловить выраженіе ея лица. Всякій другой, болѣе вдохновенный, бросился-бы къ ногамъ дѣвушки, и потомъ въ своемъ воспоминаніи нашелъ-бы идеальное выраженіе. Но мы уже знаемъ, что Давиду не доставало душевнаго жара.

Только идея могла возбудить въ немъ безусловную страсть. Его *Присяга*, принадлежащая къ тому-же времени, цѣлая поэма. Тутъ есть что-то Микель-Анджеловское.

Та-же страсть вдохновила его chef-d'oeuvre: *Смерть Марата*.

Давидъ преобразовалъ нарядъ женщинъ, но не удалось ему создать новый костюмъ мужчинамъ: это было скорѣе дѣломъ Карла Верне, и Карлъ Верне не довольствовался тѣмъ, что писалъ «невѣроятныхъ», а дѣйствовалъ и примѣромъ, самъ одѣваясь «невѣроятнымъ». Давидъ не дерзнулъ проповѣдывать примѣромъ, когда преобразовалъ шляпу и французскій костюмъ; но Тальма, принявшій его античныя убѣжденія, рѣшился среди бѣлаго дня сдѣлать въ Пале-Ройялѣ репетицію костюма, изобрѣтеннаго Давидомъ. Въ первый разъ въ жизни Тальма былъ освистанъ, и даже болѣе: онъ былъ встрѣченъ смѣхомъ и глумленіями; французамъ не такъ легко навязать костюмъ, какъ уложеніе. Изобрѣтеніе Давида не пропало, однакожъ: его костюмъ пригодился *Роберту, атаману разбойниковъ*. И не смотря на случившееся съ Тальмою, настоящему французскому костюму пришелъ конецъ; пришелъ конецъ и пудрѣ, и длиннымъ волосамъ, и даже парикамъ того времени. Тальма взялъ таки свое. Играя Тита, онъ вышелъ причесанный не какъ сынъ Веспасіановъ, а въ фантастической куаф-фюрѣ, выдуманной его парикмахеромъ, который не изучалъ ни барельефовъ, ни медалей, ни статуй. И эта прическа была принята не только мужчинами, но и женщинами. Въ первый разъ слѣпое безуміе, которое называется модой, снимало съ женскихъ головъ ихъ простое и въ то-же время роскошное украшеніе, подобно дровосѣку, который-бы

сталъ рубить всё вѣтки на деревѣ, подь предлогомъ, что хочетъ показать силу и красоту ствола.

Послѣ термидора, Давидъ былъ пять мѣсяцевъ заключенъ въ Люк-санбургѣ. Тибодо, Шенъе, Мерленъ де Дуе и Буасси-д'Англа спасли его отъ изгнанія, быть можетъ, отъ смерти. Его невоздержная экзальтація стихла въ темницѣ. Въ продолженіе одинокихъ ночей, онъ вошелъ въ себя и строго себя осудилъ. Увы! зачѣмъ не остался онъ первымъ въ области искусствъ, въ этой мастерской Лувра, населенной чудесами искусства! Зачѣмъ ему было пускаться въ бурное море политическихъ страстей! Ему надлежало жить единственно для искусствъ. Едва освобожденный, онъ принялся за дѣло: онъ написалъ «Сабинянокъ», произведеніе мастерское, но картину театральную, безъ движенія, безъ страсти, хотя мысль, его вдохновившая, вылилась прямо изъ сердца: онъ въ темницѣ узналъ, что его жена истощала всё средства, чтобъ его спасти. Чтобъ изобразить эту преданность, онъ нашель весьма естественнымъ представить свою жену въ числѣ сабинянокъ: онъ былъ все тотъ-же римлянинъ! Странно ошибся Давидъ на счетъ своего таланта, когда писалъ эту картину. Для нея не столько нуженъ былъ стиль, сколько одушевленіе. Гдѣ есть лишняя искусственность, тамъ самое искусство исчезаетъ.

Получивъ свободу, Давидъ думалъ только о томъ, какъ-бы забыться и заставить забыть свои рыцарскія выходки.

IV.

Наполеонъ, который хотѣлъ властвовать и блескомъ своего генія и сіяніемъ генія людей своего времени, обратился къ Давиду, какъ историку, который долженъ былъ говорить въ его пользу видимо и понятно для всѣхъ глазъ. Первый живописецъ Людовика XVI, Давидъ сдѣлался официально первымъ живописцемъ Наполеона. Онъ далъ Давиду 180,000 франковъ за двѣ его большія картины «Раздачу знаменъ» и «Коронацію», которыя находятся въ Версальскомъ Музеѣ. Давидъ повторилъ «Коронацію». Эта картина была выставлена даже въ Америкѣ. Совершивъ такое путешествіе, она, по возвращеніи въ Парижъ, пошла на аукціонѣ въ 1,500 франковъ! О приливъ

и отливъ людскаго мѣнѣя! Въ картинѣ «Коронація», Давидъ, увлеченный общимъ энтузіазмомъ, вознесся до неприступныхъ высотъ идеальнаго. Его Наполеонъ прекрасенъ, полонъ генія; голова Жозефины озарена, будто ореоломъ, любовью и юностію. «Вы изобразили Жозефину прекраснѣе, чѣмъ она въ-самомъ дѣлѣ!» сказалъ Давиду одинъ изъ великихъ людей Имперіи. «Подите, скажите ей это!» рѣзко отвѣчалъ Давидъ.

Давидъ давалъ время считать свои созданія: онъ былъ такъ ученъ, что не могъ быть плодовитъ. Я назвалъ все его картины до Революціи; назову теперь его произведенія съ 1789 года до Имперіи, съ Имперіи до его изгнанія, и съ изгнанія до кончины.

Въ салонѣ 1795 года Давидъ выставилъ портретъ женщины и ея ребенка. Отъ 1795 до 1808 года, гражданинъ Давидъ написалъ: повтореніе «Сафо и Фаона»; вариантъ «Сабинянокъ» съ другимъ фономъ; портретъ, четырежды повторенный, перваго консула, всходящаго на Сен-Бернаръ; портреты гг-жъ: Верниньякъ, де-Пасторе, де-Трюденъ, Рекамье; Пія VII и кардинала Капрары. Въ салонѣ 1808 года Давидъ, первый живописецъ императора, выставилъ: «Коронацію»; портретъ императора во весь ростъ; «Сабинянокъ». Въ салонѣ 1810 года: «Раздачу знаменъ на Марсовомъ-Полѣ»; «Императора, стоящаго въ своемъ кабинетѣ». Въ салонѣ 1814 года: «Өермопилы»; портреты зятьевъ Давида, генераловъ Менье и Жанена, г-жи Дарю, Франсе изъ Нанта. Въ изгнаніи, отъ 1816 до 1824 года, Давидъ написалъ: «Амура, покидающаго Психею на восходѣ зари»; «Телемака и Евхарису»; «Гнѣвъ Ахиллеса на Агамемнона»; «Цыганку, гадающую дѣвушкамъ»; «Марса, обезоруженнаго Венерою и граціями»; «Апеллеса, пишущаго въ присутствіи Александра»; портреты: свой собственный и нѣкоторыхъ изъ товарищей его изгнанія, какъ-то Сіеса.

Изгнанный Давидъ жилъ тѣломъ во Фландріи, но духъ его избралъ Грецію. Онъ остановилъ свой взоръ на безоблачномъ солнцѣ первобытной отчизны искусствъ. Видѣнія его юности: Евхариса, Психея, Аврора, Венера, Ахиллесъ, три граціи, Апеллесъ приходили навѣщать его въ его послѣдніе дни, или, скорѣе, Давидъ, никогда не былъ ни молодъ, ни старъ. Его жизнь въ двадцать лѣтъ не обличаетъ ни дерзости, ни огня; въ семьдесятъ-пять она не показываетъ ни слабости, ни упадка: до-того справедливо, что голова художника, какъ сказалъ поэтъ, есть вѣчная весна. Тиціанъ девяносто-девяти лѣтъ писалъ со всемъ жаромъ своей юности.

Давидъ, въ 1814 года написалъ *Өермопилы*. Они были послѣднею его историческою страницей во Франціи, страницей краснорѣ-

чивою и холодною, какъ рѣчь орденскаго гротмейстера, «геройская идея, изваянная на полотнѣ въ то мгновеніе, когда союзники занимали Францію», говоритъ Теофиль Торе. Съ паденіемъ Имперіи, онъ былъ изгнанъ*. Онъ уѣхалъ не такъ далеко. Онъ поселился въ Брюссель, съ нѣсколькими старыми друзьями.

Давидъ умеръ 29 декабря 1825 г. Онъ жилъ три-четверти вѣка.

V.

Придонъ не рисуетъ, какъ Давидъ, исторію своего времени, онъ рисуетъ его поэзію; Давидъ живописецъ императора, Придонъ живописецъ императрицы; въ то время, какъ Давидъ говоритъ о римлянахъ Наполеону, Придонъ говоритъ о грекахъ Маріи-Люизѣ; у Давида все голова, у Придона все сердце; у Давида страсть къ статуѣ, Придонъ тоже пристрастенъ къ античному мрамору, но разливаетъ по немъ огонь прометеевъ. За то, первый ищетъ на своей палитрѣ одни строгіе тоны, между-тѣмъ какъ второй беретъ съ своей только лучезарныя краски, что не мѣшаетъ Придону, когда онъ живописуетъ Республику, создавать образы безсмертныя, полныя силы, но, въ самой силѣ, полныя граціи. Придонъ не хотѣлъ быть ни историческимъ живописцемъ, ни религіознымъ: это поэтъ, который проходитъ черезъ исторію, не останавливаясь; страна его снова — мифическая Греція, тогда какъ страна Давида классическій Римъ.

Придонъ носилъ въ себѣ удивительную поэзію, которая проникала все его произведенія; его Истина вышла изъ колодца вся облитая жемчужинами, какъ и у всехъ великихъ художниковъ; но вмѣсто того, чтобы сіять въ своей наготѣ, она принимаетъ позу стыдливую и очарователь-

* Не только убѣжденіемъ таланта, краснорѣчіемъ уроковъ, симпатіею хотѣлъ царствовать Давидъ; онъ перѣдко искалъ помочь себѣ всею энергіею для того, чтобы заставить уважать свои картины и обезпечить торжество своей школы. Если вѣрить разсказамъ, онъ предложилъ сжечь, всю галерею Рубенса, того Рубенса, который всегда былъ предметомъ отчаянія сухихъ талантовъ и идоломъ колористовъ... Давидъ не любилъ противорѣчій, ни борьбы, ни соперничества вещей, экзальтирующихъ и убивающихъ художника.

Теофиль Торе.

ную, съ румянцемъ на челѣ, распуская волны волосъ по мраморнымъ плечамъ и бѣлоснѣжнымъ грудямъ. Это Виргиліева дѣвушка, укрывающаяся въ кустахъ.

Давидъ мыслить, Жераръ ваяетъ, Жироде рисуетъ, Геренъ гравируетъ, одинъ Гро живописуетъ, если живопись есть высшее выраженіе палитры. Однакожъ, изъ всѣхъ этихъ художниковъ нѣтъ ни одного живописца: Давиду нужна рука Гро, а Гро нужна голова Давида. Но вмѣстѣ геній одинъ! Въ искусствахъ, два человѣка никогда не будутъ имѣть столько таланта, сколько одинъ человѣкъ.

Школа Давида была убита Прюдономъ и Жироде, если только не убила себя сама. Жизнь человѣческая—не заставляла биться ея сердце, жизнь идеальная—не вѣнчала ея чела. Прюдонъ и Жироде жили жизнью идеальною и жизнью человѣческою.

Давидъ говоритъ о Жироде: «у него гордость Микель Анджео и грація Рафаэля». Давидъ говорилъ это передъ его картиною *Потопъ*, что доказываетъ, что онъ былъ болѣе худой учитель, нежели худой живописецъ, и болѣе худой судья, нежели худой учитель.

Жерару слѣдовало—бы родиться придворнымъ живописцемъ, какъ, позднѣе, г-ну Энгру. Оба принадлежать къ школѣ Давида, г. Энгръ самъ того не зная; оба живописцы, влюбленные въ ваяніе и въ поэзію барельефовъ: ихъ сердце не билось, они не могли сдѣлаться историческими живописцами, потому—что они не знали своего времени, потому—что жили лишь въ идеальныхъ сферахъ искусства.

Гро, напротивъ, былъ истый сынъ своего времени: оттого онъ побѣдоносно написалъ эпопею Наполеона.

Отъ всей этой знаменитой школы, что осталось? «Мои ученики, говорилъ Давидъ: всѣ имѣютъ букву генія*»: Жироде, Геренъ, Жераръ, Гро. Пережилъ другихъ одинъ Гро, потому—что его сильная натура вознесла его надъ уроками Давида. Тѣ трое не послѣдовали своему призванію, или, вѣрнѣе, видѣли живую природу лишь изъ окна академіи.

Когда изучаешь совокупность художественной дѣятельности Давида, Жироде и Жерара, невольно сожалѣешь, что они не ввѣряли мыслей своихъ мрамору. Они были рождены ваятелями, съ любовью къ линіи и страстію къ идеѣ; они никогда ничего не понимали въ праздникахъ солнца, глаза ихъ никогда не упивались свѣтомъ. Краску они опредѣ-

* По-французски выходитъ двухсмысленность. Слова: génie, Girodet, Guérin, Gérard Gros начинаются съ одной и той-же буквы.

ляли, какъ Буало рече: «рабыней, которая должна только повиноваться». Если Тьеръ съ знаніемъ дѣла объяснялъ идею Давида въ его салонѣ 1822 г., такъ г. Гизо, въ своемъ салонѣ 1840 г., неотразимою правдою протестовалъ противъ школы, которая утверждаетъ, что линія есть цѣлый языкъ, и которая изъ равнодушія, если не изъ пренебреженія, изгоняетъ краску. Г. Гизо прекрасно опредѣлилъ *мрачное* вліяніе скульптуры на школу живописи, образовавшуюся единственно по статуямъ. «Уча молодыхъ людей живописи, учителя даютъ имъ въ образцы сперва гипсовые слѣпки. Какъ-же имъ не быть сѣрыми и холодными колористами? Страніе, которое современная школа обращаетъ на формы, въ ущербъ краскѣ, ясно доказываетъ, что она не признаетъ въ живописи особенной области и черезъ-чуръ исключительно идетъ по слѣдамъ статуаріевъ». Видно, что, въ 1840 г., Гизо былъ колористомъ въ живописи, но тѣмъ-же-ли былъ онъ въ своемъ стилѣ? Не принадлежалъ-ли онъ самъ къ той школѣ, которая способна пристраститься только къ идеѣ?

Дидро гдѣ-то говоритъ: «Гомеръ пишетъ, Virgilii сочиняетъ; Горацийъ пишетъ, Буало сочиняетъ». Также можно сказать: «Рубенсъ — живописецъ, Давидъ сочинитель». Природа производитъ безъ усилія; кто не носитъ природы въ себѣ, тотъ съ болѣзненнымъ трудомъ подражаетъ только чужой природѣ.

Давидъ никогда не пристращался къ идеальному такъ, какъ греки. Онъ отчасти зналъ ихъ людей, но никогда и мелькомъ не видалъ ихъ боговъ. Діонисій Колофонскій былъ, по Плутарху, единственный греческій живописецъ, заботившійся въ своихъ картинахъ только объ очевидной истинѣ, какъ позднѣе нѣкоторые голландскіе живописцы.

Афоризмы Давидовы сохранились все. Ни одинъ изъ нихъ не рисуетъ живописца; вотъ хоть-бы слѣдующій: «Есть живописцы, которые ничего не открываютъ въ природѣ: они видятъ въ ней только то, что знаютъ наизусть». Таковы почти все живописцы ученые, подобные Давиду. Видимая природа не поражаетъ ихъ даже своей пышностію, потому-что они всегда на колѣнахъ передъ мертвою природою ... Далѣе, Давидъ говоритъ: «я знаю живописцевъ, которые не умѣютъ копировать людей и имѣютъ притязаніе взойти на небо и изображать боговъ». Давидъ, по большей части, не умѣлъ копировать людей, потому-что онъ никогда не любилъ природы въ ея могучей и таинственной простотѣ. Онъ не восходилъ на небо, чтобы изображать тамъ боговъ, потому-что его боги были статуи и барельефы древнихъ.

«Не только должно часто смотрѣть на образецъ, но надо умѣть читать въ немъ, какъ въ книгѣ!» Мысль великаго портретиста. Но сколь

немногіе умѣютъ раскрыть книгу! Сколь немногіе умѣютъ сквозь черты проникнуть въ сердце образца! Правда, что, какъ говоритъ Гораций, природа вызываетъ наружу движенія сердца. Однакожь, если живописецъ не тронуть внутренними страстями образца, онъ изобразитъ только одну печальную или улыбающуюся маску печали или улыбки, которыя не истекаютъ изъ индивидуальнаго отпечатка. Давидъ былъ взволнованъ передъ мыслию о Бонапартѣ, переходящемъ черезъ Сен-Бернаръ, и передъ этою мыслию онъ былъ великимъ живописцемъ; также и передъ Сократомъ.

Сознаемся, при всемъ томъ, что Давидъ оживилъ философское преданіе французской школы; размышленіе не обитало въ мастерскихъ XVIII вѣка. Со временъ Пуссеня и Лесюера мысль и чувство были задушены подъ невоздержностями палитры. Умничаніе и легкомысленная необузданность кисти овладѣли въ живописи всеми предметами безъ различія. Давидъ, преклонившись предъ античнымъ жертвенникомъ, поднялъ французское искусство, заснувшее съ похмѣлья на остаткахъ оргіи. Какъ Платонъ, онъ пренебрегъ виѣшнимъ великолѣпіемъ, пышною красотою прелестницъ Аттики, красотою видимою, которая соблазняетъ только зрѣніе. Онъ сказалъ себѣ, что живопись есть строгая книга, а не шумный театръ. Идея пристрастила его до-того, что не осталось у него ни силы, ни огня для образа. Если онъ одѣвалъ свою мысль въ платья, заимствованныя у древнихъ, мысль все-таки была его собственная. Только венеціанской руки недоставало этой мыслящей головѣ.

Ученикъ Буше былъ рожденъ великимъ живописцемъ, потому-что призналъ настоящихъ своихъ учителей въ Фидіасѣ и Микель Анджелѣ; потому-что онъ понялъ, что, живя въ тѣсной связи съ ихъ произведеніями, онъ дойдетъ до вѣчныхъ законовъ изящнаго.

Ни одинъ живописецъ въ мірѣ не рисовалъ болѣе его по Фидіасу и Микель Анджело. Давидъ до смерти сохранилъ свои этюды, сдѣланные въ Римѣ; они были его грамматикой, которую онъ носилъ съ собою повсюду и раскрывалъ во всякое время. Фидіасу и Микель Анджело не нужно было грамматики для того, чтобы говорить со всемъ краснорѣчіемъ языка искусства. Съ грамматиками не боишься ошибокъ стиля, но боишься пускаться въ область безконечнаго. При нихъ у художника всегда одна нога на землѣ; онъ никогда не улетитъ за облака, онъ создастъ произведеніе, но не создастъ чуда искусства.

Въ пышное царствованіе Людовика XIV, два славные живописца съ жаромъ борются за первенство въ живописи; у одного только его талантъ, онъ смѣлъ духомъ, всегда на проломѣ, готовый завоевать первенство силой: это Лёбрёнъ. У другаго есть геній для борьбы, но

онъ робокъ и скромнѣе, съ любовью ищетъ вдохновляющаго уединенія и возвышающаго безмолвія; онъ человекъ простой и наивный, который любилъ живопись, а не славу, который проситъ у Бога скрытныхъ радостей художника, а не криковъ молвы. Послѣдній — великій живописецъ, но соперникъ побѣждаетъ его; онъ побѣжденъ въ жизни, побѣжденъ до тѣхъ-поръ, пока время не поставитъ каждаго на свое мѣсто: это Лёсюеръ.

Въ концѣ XVIII вѣка повторяется подобная борьба: послѣ голубыхъ и розовыхъ пейзажей Буше, когда живопись, предводимая Давидомъ, опять подкрѣпилась на римской почвѣ, развѣ не замѣчаемъ мы, что видимость генія поражаетъ и убиваетъ всѣхъ подъ строгою кистию заблуждающагося художника, между-тѣмъ, какъ истинный геній остается непризнаннымъ въ скромной мастерской Приюдона? Давидъ, какъ Лёбрёнъ сдѣлалъ изъ себя живописца своего времени: ему мрачныя фигуры 1793 г. и пышности Имперіи 1812 г.; ему все напоминающее римлянъ, которыхъ онъ хочетъ воззвать къ жизни; Жозефъ Шенье — его поэтъ, Наполеонъ — его герой, энтузіазмъ—его кумиръ. Приюдонъ, какъ Лёсюеръ, вдохновенный благодатиѣе, былъ живописцемъ всѣхъ временъ. Для истиннаго генія нѣтъ времени, нѣтъ вѣка; его отечество—міръ. Какое дѣло было ему, робкому и наивному Приюдону, до всего того шума, который происходилъ вокругъ него? Конечно, какъ всякое благородное сердце, и онъ радовался успѣхамъ и подвигамъ Франціи; но рядомъ съ Приюдономъ—человѣкомъ существовалъ Приюдонъ—художникъ, и для художника было подъ солнцемъ многое, кромѣ бурь политическихъ и войны: была любовь, красота, грація;— были дѣти, игравшія на колѣнахъ у матери, влюбленные, вздыхавшіе у ногъ любимыхъ. Поле, которое любилъ онъ наиболѣе, было не поле сраженія, а нива, благословенная небомъ, гдѣ снопы льетъ свое золото на косу, гдѣ румяная лоза, которую клонитъ кисть и прославляетъ пѣнь виноградарей, гдѣ темный лѣсъ, сквозь который какъ видѣнія, проходятъ бѣлыя жницы. Онъ любилъ природу въ ея силѣ, въ ея улыбкѣ, въ ея страданіи, — и смотрѣлъ на нее сквозь призму искусства, которая есть вторая природа. Можно продолжать параллель: Лёбрёнъ и Давидъ учились громогласно; доверчивою рукою черпали они изъ всѣхъ источниковъ великихъ мастеровъ; они сдѣлались живописцами вслѣдствіе того, что насмотрѣлись какъ сдѣлались великими живописцами и великими скульпторами другіе; взгляните же на Лёсюера и Приюдона: они учатся одни, не слѣдуютъ никакому принятому пути и достигаютъ вершины искусства, сами того не подозревая. Лебрёнъ былъ живописецъ Людовика XIV, Давидъ былъ живо-

писецъ Наполеона; Лёсюеръ и Прюдонъ были живописцы всемірные, вдохновенные только безконечнымъ.

Нравоученіе сказаннаго то, что Лёбренъ и Давидъ царствовали при жизни, а Лёсюеръ и Прюдонъ царствуютъ по смерти, или вѣрнѣе: послѣдніе живутъ, между-тѣмъ какъ, въ 1842 г, самая большая картина Давида нашла только одного охотника, который далъ за нее 1,500 фр.; эскизъ Прюдоновъ, былъ купленъ энтрзіастомъ слишкомъ за 15,000 фр.

Во французской галлерей Лувра и въ залахъ рисунковъ Версальскаго-Дворца и Трианона, въ нѣкоторыхъ провинціальныхъ музеяхъ и болѣе, нежели въ одномъ кабинетѣ любителя, можно убѣдиться, что Давидъ, вмѣсто того, чтобы переродить французское искусство, подвергъ его гибельной выправкѣ. Оно, можно сказать, было сыномъ богатаго семейства, слишкомъ много жившимъ безумною жизнію двадцатилѣтняго возраста. Давидъ заперъ его въ монастырь, вдали отъ солнца, вдали отъ страстей. Надо было предоставить его самому-себѣ. Каждый день люди исправляются отъ молодости, и вовсе не нужно налагать на нихъ власяницу. Давидъ, покуда вѣрили въ него, однимъ почеркомъ пера помаралъ изъ числа художниковъ Прюдона, Грѣза, Фрагонара, всѣхъ тѣхъ, которые только и хотѣли жить жизнію откровенною. И такова была сила Давида, что онъ приучилъ всѣ глаза ненавидѣть краску. Рубенсъ или Ватто, Веронезъ или Буше сдѣлались не болѣе, какъ декораторы съ театральнымъ стилемъ; онъ отвергъ солнце или, по-крайней-мѣрѣ, поставилъ искусство въ тѣнь. Давидъ произвелъ затмѣніе. Но лишь только вновь появилось солнце, Давидъ затмился самъ—и засіялъ Прюдонъ.

Все, что можетъ дать изученіе, наука, Давидъ имѣлъ. Самъ Пуссенъ не читалъ дальше его въ краснорѣчивой книгѣ прошедшаго. Но у Пуссеня, какъ у Прюдона, при одномъ имени Греціи, зарождалась въ душѣ античная поэзія. Греки были поэты міра; римляне — только его прозаики. Прюдонъ былъ грекъ, Давидъ былъ только римлянинъ, даже когда изображалъ Психею, Сафо и Евхарису. Греки почерпали изъ чаши боговъ свою страсть къ идеальному; римляне наследовали чудную чашу, но для того, чтобы пить изъ нея блага земныя.

ПИСЬМА О МУЗЫКѢ.

КЪ А. Д. УЛЫБЫШЕВУ, ПО СЛУЧАЮ ТОЛКОВЪ О МОЦАРТѢ И БЕТХОВЕНѢ.

II.

Вмѣсто того, чтобы прямо продолжать начатыя мною возраженія противъ вашихъ сужденій о Бетховенѣ, позвольте мнѣ, Александръ Дмитриевичъ, это письмо начать маленькимъ отступленіемъ отъ нашего предмета. Позвольте мнѣ, въ видѣ *intermezzo*, представить самый новый образчикъ незрѣлости нѣкоторыхъ нашихъ журнальныхъ сужденій по части музыкальной критики. Вы изъ этого примѣра, прямо до меня касающагося, увидите, какъ много надо любить правду и искусство, чтобы рѣшиться вступить въ этомъ дѣлѣ на публичную арену, когда у насъ самымъ чистымъ, глубокимъ убѣжденіямъ придается неизмѣнно какая-то мелочная *aggrèe-pensée*, какой-то *parti pris*, чего и въ головѣ не было при высказываніи убѣжденій.

Въ одной изъ книжекъ «Пантеона» за этотъ годъ, я написалъ нѣсколько страничекъ по случаю ораторіи Гайдна «Сотвореніе міра» которой первую часть Филантропическое Общество давало въ своемъ юбилейномъ концертѣ. Чарующая прелесть гайдновой музыки, проникнутой какимъ-то особеннымъ, одному Гайдну свойственнымъ простодушіемъ, восхитила меня въ этотъ разъ еще больше, чѣмъ я ожидалъ — зная ораторію довольно твердо. Мнѣ хотѣлось указать другимъ эту сторону музыкальной поэзіи, какъ-будто вовсе исчезнувшую изъ современнаго намъ искусства. Контрастъ между Гайдномъ и нѣкоторыми новѣйшими композиторами такъ силенъ, что я и не думалъ ихъ съ нимъ сравнивать, а тѣмъ менѣе унижать ихъ передъ Гайдномъ: я только хотѣлъ выразить свою грусть: отчего въ современномъ искусствѣ какъ-будто забыли о прелести простоты и наивности въ музыкѣ, и объ этой благоустроенности каждаго музыкальнаго созданія въ его цѣломъ и въ его подробностяхъ, благоустроенности сіяющей въ твореніяхъ Гайдна, Моцарта и Бетховена — и съ ними исчезнувшей изъ области музыки? Какъ вы полагаете, отъ такого рода невинной, нисколько не полемической статейки могъ-ли я ожидать подобнаго эффекта на журнальныхъ аристарховъ, какой сейчасъ вамъ приведу! «Что касается до письма «г. Сѣрова о Гайднѣ, то мы считаемъ себя въ правѣ не вѣрить этой «статьѣ» (кто-жъ васъ принуждаетъ вѣрить?) «Что Гайднъ великъ

«спора нѣтъ, но очевидно (?) также, особенное предпочтеніе оказывае-
«мое г. Сѣровымъ Гайдну, обусловливается страстію музыкальнаго
«критика къ воіюющимъ парадоксамъ» (я очень хотѣлъ-бы знать, какіе
именно парадоксы я высказалъ по случаю Гайдна?), «страстію, которая
«можетъ, какъ извѣстно, бросить человѣка въ двѣ крайности— въ уни-
«женіе всего стараго во имя новаго (?!), и во униженіе всего новаго(?)
«во имя стараго. Тому и другому факты довольно часты. Въ Германіи,
«слыхали мы, издается музыкальная газета, имѣющая спеціальную цѣль
«унижать даже Бетховена, во имя старыхъ мастеровъ до-гайдновой эпохи;
«какъ въ живописи есть школы, которыя видятъ крайній и послѣдній
«предѣлъ красоты и совершенства въ произведеніяхъ до-Рафаэлевской
«эпохи. Можно надѣяться, что и г. С., возставая теперь яростно (?) за
«Гайдна, котораго величіе никто унижать не думалъ (NB), со време-
«немъ раздѣлитъ вполнѣ убѣжденіе упомянутой нами музыкальной газе-
«ты, кажется, издаваемой въ Аугсбургѣ.»

Это напечатано въ одной изъ книжекъ «Москвитянина». Я очень благодаренъ московскому критику за указаніе мнѣ какой-то аугсбургской музыкальной газеты, о существованіи которой я вовсе не зналъ (а тамъ можетъ встрѣтиться много интереснаго о старинныхъ, мало-извѣстныхъ мастерахъ); но согласитесь, Александръ Дмитріевичъ, что, на-примѣръ, замѣчаньеце такого рода: «Гайднова величія никто унижать не думалъ» (значить, теперь какъ-будто нехотятъ говорить объ его красотахъ и величіи его генія!!) это замѣчаньеце, право, не показываетъ большой зрѣлости музыкальной критики на почвѣ нашей литературы. Что-же касается до особеннаго предпочтенія моего Гайдну, то я ни сколько не боюсь упрековъ въ фанатической исключительности, со-образивъ, что меня въ одно и то-же время одни музыкальные критики успѣли осудить въ парадоксальной приверженности къ старому въ ущербъ новаго (по случаю Гайдна), а другіе — въ отчаянномъ ультра-романтизмѣ (?) и Бетховенианизмѣ, въ ущербъ классической музыки Гайдна и Моцарта и ихъ предшественниковъ, по случаю моего разбора книги г. Ленца. Припомнивъ также, что и о Моцартѣ (по случаю «Фигаро») я не менѣе фанатически говорилъ, чѣмъ о Гайднѣ, и о Глукѣ (также въ статьѣ о музыкѣ Спонтини) — я совершенно спокоенъ; тѣ изъ здравомыслящихъ читателей, которые имѣли терпѣніе прочесть больше, чѣмъ одну изъ моихъ статей, никогда не упрекнутъ меня въ исключительномъ, слѣпомъ фанатизмѣ къ одному изъ музыкальныхъ свѣтилъ въ ущербъ славы всѣхъ прочихъ. Такого рода фанатизмъ — діаметрально противоположенъ моихъ музыкальнымъ убѣжденіямъ (à ma profession de foi musicale), что я и буду постоянно доказывать во всемъ, что

мнѣ еще случится писать о музыкѣ. Вотъ и конецъ моей «интермедіи», которая поставила меня въ очень непріятную необходимость такъ долго разглагольствовать о моей собственной особѣ.

Когда первое мое письмо къ вамъ (въ іюльской книжкѣ «Пантеона») было уже въ печати, появились въ фельетонѣ Сѣверной Пчелы «Замѣчаніи» ваши на книгу г. Ленца. Это меня очень обрадовало, потому что мои письма къ вамъ о Моцартѣ и Бетховенѣ теперь еще больше «кстати». Изъ одного стремленія къ серіозной музыкальной критикѣ я счелъ долгомъ не оставить вашихъ замѣчаній безъ возраженія съ моей стороны, (помимо всѣхъ личныхъ отношеній и вовсе не изъ желанія принять сторону г. Ленца противъ васъ). Но возраженія мои помѣщены въ «pendant» къ вашимъ замѣчаніямъ — также въ фельетонѣ С. п. б. Вѣдомостей. Здѣсь-же, то-есть въ этомъ письмѣ и дальнѣйшихъ, я буду продолжать начатыя мною опроверженія вашихъ мнѣній — по прежнему плану, какъ-будто еще вовсе и не зналъ о вашихъ «замѣчаніяхъ», въ которыхъ въ сущности ваши убѣжденія, только еще разъ подтверждены вами передъ публикою.

Мы остановились на сужденіи вашемъ о бетховенской квартетной музыкѣ на страницѣ 18 III тома. Вы говорите: «Эстетическая необходимость въ связи музыкальныхъ мыслей между собою и въ отношеніи къ цѣлой пьесѣ не такъ очевидна въ Бетховенѣ, какъ въ Моцартѣ, даже въ его произведеніяхъ наиболѣе чистыхъ (*ses chefs-d'oeuvre les plus purs*), принадлежащихъ къ той эпохѣ, когда болѣзнь физическая, нравственная (*une double infirmité morale et physique*) еще не начинала его незамѣтно отклонять отъ пути къ истинно-изящному, которому онъ слѣдовалъ по стопамъ Моцарта.» Затѣмъ вы приводите примѣръ квинтета бетховенскаго (C-dur, op. 29), чтобъ показать, что вы не видите достаточной связи между двумя музыкальными мыслями, составляющими основу 1-го Аллегро этого квинтета; также и въ финальномъ presto того-же квинтета, вы не знаете, чему приписать эпизодическое *andante* (A dur $\frac{3}{4}$). На счетъ кажущейся безсвязности я привелъ вамъ чрезвычайно-замѣчательныя слова Гоффмана. Съ нимъ теперь согласны всѣ, всѣ, кому хорошо знакомы произведенія Бетховена, въ наше время пользующіяся болѣе и болѣе всеобщою симпатіею людей съ музыкальнымъ вкусомъ, и въ отношеніи оригинальности или, какъ вы называете, «эстетической необходимости» (*nécessité esthétique*) никто уже не поставитъ произведенія бетховенскаго 1-го и 2-го стиля хоть на волосокъ ниже произведеній Моцарта и Гайдна. Что-же касается до произведеній 3-го стиля бетховенскаго, которымъ, на стр. 236 III тома, вы придаете названіе «грустныхъ развалинъ великаго человѣка» (*tristé*

et mélancoliques ruines du grand homme), то, чтобы не говорить еще разъ всего, что я сказалъ по случаю книги г. Ленца, замѣчу только: исторія мнѣнія публики и знатоковъ въ отношеніи истинно-геніальныхъ произведеній всегда одна и та-же; на произведеніяхъ 3-го стиля бетховенскаго въ наше время повторяется то-же самое, что было на-примѣръ въ отношеніи Донъ-Жуана и квартетовъ Моцарта при ихъ появленіи; что, десятка за два лѣтъ назадъ, въ отношеніи произведеній 2-го бетховенскаго стиля. Тогда первые его шесть квартетовъ, его квинтетъ (ор. 29), Сентуоръ (ор. 20), первыя двѣ симфоніи пользовались чрезвычайно блестящей славой, почти наравнѣ съ Гайдномъ и Моцартомъ, какъ продолженіе ихъ музыки; но отъ героической симфоніи, отъ C-moll-ной знатоки отступились въ ужасѣ; называли эти симфоніи и дальнѣйшіе квартеты (ор. 59) «чудовищнымъ наборомъ всѣхъ возможныхъ капризовъ и дикостей музыкальныхъ» (слово въ слово то, что въ наше время иные довольно диктаторски провозглашаютъ о 9-й симфоніи и послѣднихъ квартетахъ! *). Но и тогда и еще прежде (на-примѣръ въ 1813 году) были люди (на-примѣръ Гоффманъ), которые не могли не видѣть въ этомъ «наборѣ странностей и дикостей» — чудесъ музыки—столько-же восхитительныхъ въ «своемъ, новомъ родѣ», сколько первыя произведенія Бетховена восхитительны въ стилѣ гайдно-моцартовскомъ. Мало-по-малу на сторону Гоффмана перешло большинство критиковъ и диллетантовъ, пока наконецъ пришло время, когда публика (даже парижская) всего больше знаетъ и любитъ въ Бетховенѣ маршъ героической симфоніи, всю C-moll-ную симфонію, всю пасторальную (все произведеніе уже 2-го стиля бетховенскаго); даже къ кое-какимъ частицамъ произведеній 3-го стиля публика «начинаетъ» симпатизировать (andante A-moll изъ VII-й симфоніи, Allegretto B-dur изъ VIII-й); но 9-я симфонія и все ей современное въ творчествѣ Бетховена для большинства имѣетъ еще точно тотъ-же характеръ «дикости, безсвязности, (des incongruités, des énormités harmoniques) тѣхъ-же странныхъ страшныхъ, чудовищныхъ (!) формъ искусства, какими въ двадца-

*) Въ книгѣ г. Ленца выписано изъ Лейпцигской Газеты очень много самыхъ «курьозныхъ» сужденій о бетховенскихъ произведеніяхъ 2-го стиля, сужденій, которыя въ наше время кажутся невѣроятными, несбыточными, какъ-будто нарочно, «смѣха ради» придуманными. Къ той-же категоріи невѣроятной близорукости взгляда даже записныхъ музыкантовъ относится анекдотецъ о Бернадѣ Ромбергѣ (изъ нынѣшнихъ виолончелистовъ), который, принявшись играть только-что изданныя тогда квартеты Бетховена, посвященные Разумовскому (ор. 59), свою виолончельную партію изъ перваго квартета (F-dur) бросилъ на полъ въ негодованіи на нелѣпость композитора. — Анекдотъ этотъ также приведенъ г. Ленцомъ.

тыхъ годахъ казались симфоніи героическая и пятая (C-moll) и квартеты посвященные Разумовскому (ор. 59). Почему-же не предположить съ нѣкоторою основательностью, что люди, которые въ наше время осмѣливаются прямо высказывать свою симпатію къ 9-й симфоніи и къ послѣднимъ сонатамъ и квартетамъ Бетховена, осмѣливаются видѣть вообще въ третьемъ стилѣ Бетховена его прогрессъ, значитъ — прогрессъ и всей музыки; что эти люди могутъ быть столько-же правы, какъ, по общему нынѣшнему мнѣнію, уже оказался правымъ Гоффманъ? Почему не предположить, что именно «со временемъ» будетъ и на ихъ улицѣ праздникъ, а теперь, въ ожиданіи этого «со временемъ», имъ дѣйствительно ничего больше не остается, какъ надоѣдать своимъ противникамъ словечками, приведенными вами на стр. 269 III т. (въ примѣчаніи), рискуя прослыть ультра-романтиками и полу-помѣшанными бетховенианцами! Это, такъ сказать, историческое наведеніе (inductus), по моему мнѣнію, можетъ служить уже достаточнымъ опроверженіемъ упреку, который вы дѣлаете Бетховену за недостатокъ «вкуса» въ разсортировкѣ, въ связи мыслей въ его камерной музыкѣ (стр. 18, III тома). Не знаю, какую сторону художническаго таланта вы разумѣете подъ словомъ «вкусъ» (goût ou la faculté critique), если отказываете въ этомъ качествѣ — Бетховену! И по случаю чего? Вовсе не тѣхъ произведеній, которыя до-сихъ-поръ «многимъ» кажутся непонятными, загадочными, сумасшедшими, а по случаю самыхъ ясныхъ, простыхъ, давно признанныхъ образцами этого рода музыки произведеній перваго періода дѣятельности Бетховена, и втораго, въ самомъ его началѣ! Органическая связь частей между собою, и идей частныхъ съ идеею общею — непремѣнное условіе каждаго изящнаго произведенія и никогда ни однимъ гениальнымъ художникомъ этотъ основной законъ поэтическаго творчества не былъ нарушенъ. Связь эта непремѣнно есть во всемъ, что вышло изъ-подъ пера Бетховена, иначе-бы онъ не былъ гениемъ. Надобно только умѣть видѣть эту связь, иногда въ Бетховенѣ не столько ясную, болѣе затаенную внутри самого произведенія, чѣмъ въ гайдновой и моцартовой музыкѣ. И чѣмъ болѣе развивался гений Бетховена (параллельно — и въ камерной и въ симфонической музыкѣ), тѣмъ глубже и глубже становится органическая связь идей въ его твореніяхъ, иногда проникаетъ въ тайники недоступные для поверхностнаго взгляда. Вотъ почему въ произведеніяхъ втораго бетховенскаго стиля, на общій взглядъ, еще меньше замѣтна эта связь, чѣмъ въ нѣкоторыхъ (приведенныхъ вами) произведеніяхъ перваго стиля, а въ третьемъ стилѣ еще меньше замѣтна, чѣмъ во второмъ, и дѣлаетъ произведенія послѣдняго стиля для непосвященныхъ рѣшительно безсвязными. Но опять

надобно спросить съ Гоффманомъ: «Бетховенъ—ли виноватъ или наше критическое око»?

Съ упрекомъ въ недостаточной связи мыслей въ квартетахъ и квинтетахъ Бетховена, вы соединяете другой, не менѣе важный упрекъ, но нѣсколько болѣе справедливый, съ фактической стороны, увѣряя, что самые фактическіе бетховеніанцы должны будутъ согласиться, что въ контрапунктѣ Бетховенъ уступаетъ Моцарту. Но за то, скажутъ бетховеніанцы: въ квартетахъ Бетховена есть что-то болѣе увлекающее (*quelque chose de plus émouvant*), чѣмъ въ моцартовыхъ; если они меньше доказываютъ, за то больше трогаютъ (*s'ils prouvent moins, ils touchent davantage*), а это въ музыкѣ — до статочное вознагражденіе. Вы говорите это не отъ своего лица, а отъ лица гг. бетховеніанцевъ. А то-бы можно было очень и очень прицѣпиться къ выраженію «меньше доказываютъ». Никакая въ свѣтѣ музыка, какъ ни одно въ свѣтѣ искусство, ничего доказать не можетъ. Музыка лишена всякаго средства къ доказыванію, потому-что не можетъ говорить разсудку, «имѣетъ дѣло только съ чувствами души.» Назначеніе музыки исключительное — трогать душу. Если контрапунктъ и можно назвать «логикой» музыки, все-же и онъ ничего не доказываетъ. Далѣе, соглашаясь, что нѣкоторые квартеты Бетховена (особенно C-moll и F-moll) характера больше страстнаго, чѣмъ который нибудь изъ моцартовыхъ, вы видите въ этомъ только новую категорию первенства Моцарта передъ Бетховеномъ и въ квартетномъ стилѣ. Вы поясняете: «Моцартъ, когда хотѣлъ, умѣлъ достаточно, больше всѣхъ «другихъ (?) увлекаться и увлекать, доказательство: на примѣръ Allegro, «менуетъ и финалъ его G-moll-ной симфоніи, но въ квартетѣ онъ этого «не хотѣлъ. Non erat hic locus. Онъ не хотѣлъ, чтобы его квартеты, «образцовыя произведенія квартетнаго стиля, сдѣлались «симфоніями» для двухъ скрипокъ, альты и віолончеля, инструментовка, конечно, крайне бѣдная для симфоніи. Бетховенъ далеко не такъ «ясно понялъ (!) этотъ основной законъ квартетнаго стиля. Ро-«дившись великимъ симфонистомъ прежде всего (*grand symphoniste*, «*avant tout*), онъ очень часто въ свою камерную музыку переноситъ размахъ оркестральной музыки, которая была высшимъ и настоящимъ его призваніемъ. Очень часто встрѣчаются мысли, которыя такъ и просятся въ оркестръ, на-примѣръ, финалъ квартета «C-dur (третій квартетъ изъ посвященныхъ Разумовскому, ор. 59). «Это оркестрпая пьеса, которой именно оркестра-то и недостаетъ. Это «симфонія отъ начала до конца», (стр. 17, III т.). Нельзя въ этомъ частномъ случаѣ не согласиться съ вами вполне. Финалъ C-dur-наго

квартета до такой степени просится въ оркестръ, что было уже не одно покушеніе сдѣлать изъ этого финала нѣчто симфоническое. Но замѣтите, что при покушеніяхъ все и оставались. Этотъ финаль можетъ быть восхитителенъ для оркестра, совершенная правда, но одинъ финаль не довольно великъ, чтобъ составить что-нибудь цѣлое: это, во всякомъ случаѣ, будетъ только часть симфоніи. Предшествующія—же части этого самого квартета, ни первое Аллегро, ни Анданте, ни Менуэтъ нисколько не просятся въ оркестръ, нисколько не годятся для оркестра, ничѣмъ рѣшительно не выступаютъ изъ границъ чисто-камерной музыки, и во многомъ довольно похожи на формы гайдно-моцартовскія. Вотъ въ чемъ и отвѣтъ вашему упреку. Еслибы рѣшительно все, что писалъ Бетховенъ въ квартетномъ стилѣ, отъ перваго до послѣдняго такта, напоминало симфонію, требовало оркестра, тогда вы были-бы совершенно правы въ своемъ убѣжденіи, что Бетховенъ не довольно ясно различалъ границы стилей камернаго и симфоническаго. Теперь—же, такъ какъ въ очень многихъ его квартетахъ, квинтетахъ, сонатахъ и тріо (фортепьянныхъ) встрѣчаются только части и частицы, сильно вызывающія размахъ полнаго оркестра, можно сказать одно: Бетховенъ, въ своемъ идеалѣ камерной музыки (идеалѣ, который въ наше время долженъ быть столько-же образцовымъ, какъ и гайдно-моцартовскій) допускалъ, *par exception*, набѣги въ область чисто-симфоническую; допускалъ, потому—что въ иныхъ случаяхъ не считалъ нужнымъ, идеей, музыкальной поэзіей, уже родившейся въ его творческой головѣ, жертвовать какимъ-то рамкамъ, произвольно на себя надѣтымъ оковамъ. Вообще характеръ творчества Бетховена, бѣльшее и бѣльшее освобожденіе (*l'émancipation*) отъ школьныхъ правилъ, прецептовъ и рецептовъ. Требованіе, не осуществленное даже въ моцартовскихъ квартетахъ, чтобы квартетный стиль ни одной фразой, ни одной строчкой не сближался съ драматическою или симфоническою музыкою, требованіе чисто-теоретическое, умозрительное, для Бетховена, какъ поэта, казалось слишкомъ стѣснительнымъ. И въ органической одушевленной природѣ нигдѣ нѣтъ строго математическихъ формъ, существующихъ въ «абстрактѣ». Такъ и въ искусствѣ. Идеаль квартетной музыки, безъ сомнѣнія, очень не похожъ ни на оперную музыку, ни на симфонію; это, безъ сомнѣнія, какъ вы показали въ своей книгѣ, особая вѣтвь искусства. Но повторяю: мы, теперь, послѣ Бетховена должны выводить законы для камерной музыки и изъ его восхитительныхъ квартетовъ, по-крайней-мѣрѣ наравнѣ съ гайдно-моцартовскими. Въ нормальномъ творествѣ гений не можетъ ничего произвести, что-бы ни было изящно, органично, законно со всехъ возможныхъ сторонъ искусства.

Значить органичность, законность проявится и въ самомъ планѣ произведенія, и въ его фактурѣ и въ стилѣ: все это въ прямой зависимости отъ идеала художника относительно той или другой вѣтви искусства. А кто-же намъ дастъ право осуждать идеаль квартета, какъ его понималъ Бетховенъ, только на томъ основаніи, что этотъ идеаль не совершенно совпадаетъ съ моцартовымъ? Степень красоты опять другое дѣло; она въ непосредственной связи съ бѣльшимъ или меньшимъ вдохновеніемъ, которое въ каждомъ художникѣ различно. Что Бетховенъ сознавалъ ясно всѣ условія изящества квартетнаго стиля и по гайдно моцартовскому идеалу, доказательствъ этому довольно во всей его камерной музыкѣ (въ томъ числѣ и во второмъ, и въ третьемъ стилѣ, уже чисто-бетховенскихъ); квартетъ никогда не переставалъ быть для Бетховена особенною областью музыкальной поэзіи, чѣмъ-то въ родѣ *conversation intime*, тѣмъ-же самымъ въ существѣ, чѣмъ былъ квартетъ и для Гайдна и для Моцарта, только въ другой сферѣ, въ сферѣ бетховенскихъ мыслей. И вѣрно въ наше время не рѣшатся сказать, что эта, отчасти «новая» сфера менѣ очаровательна, заключаетъ въ себѣ меньше красоты, меньше поэзіи, чѣмъ моцартова! А на оборотъ, очень многіе выкажутъ болѣе симпатіи къ поэзіи бетховенской. Сама музыка конечно ничего не теряетъ, а скорѣе выигрываетъ, если иныя части сонаты или квартета напоминаютъ стиль симфоническій, потому—что высшимъ выраженіемъ, полнымъ идеаломъ инструментальной музыки все-таки остается — симфонія, а не квартетъ (*une branche latérale*). Вообще о границахъ инструментальной музыки и о допущеніи программы въ ея область (чего вы касаетесь уже на стр. 19), мнѣ придется еще много говорить нѣсколько дальше, по случаю симфоній Бетховена, а потому оставя, пока, этотъ предметъ въ сторонѣ, я остановлю ваше вниманіе на другомъ.

Я привелъ слова ваши (на стр. 18, III тома), гдѣ вы прямо признаете, что въ дѣятельности Бетховена была эпоха, когда онъ, влѣдствіе физической и нравственной болѣзни мало-по-малу отклонился отъ пути къ истинно изящному, которому слѣдовалъ по стопамъ Моцарта.

То-же самое вы высказываете и послѣ (III т. стр. 235). На страницѣ 20-й (III тома), вы дѣлаете оговорку: «отыскивая, такъ «сказать, съ микроскопомъ рѣдкія и незначительныя пятна, которыя «встрѣчаются въ лучшихъ квартетахъ Гайдна и въ тѣхъ изъ бетховенскихъ, которые сочинены имъ прежде упадка его генія, мы нисколько не «желали превознести Моцарта въ ущербъ его соперниковъ въ квартетномъ «стилѣ. Геній каждаго, характеристическія красоты его произведеній должны оставаться не затронутыми въ этой параллели». Но и изъ

этой оговорки также, какъ изъ приговора Бетховену на 18 и 235 стр. можно вывести довольно логически, что во-первыхъ вы допускаете упадокъ генія въ дальнѣйшей дѣятельности Бетховена (*une décadance*); во-вторыхъ, по вашему мнѣнію, только тѣ квартеты, которые сочинены имъ до эпохи упадка — могутъ идти въ сравненіе съ моцартовскими. Вы, конечно, нигдѣ не означили съ какого именно времени начало этого упадка геніальности въ Бетховенѣ; но видно, что, по вашему мнѣнію, оно совпадаетъ съ отступленіемъ отъ гайдно-моцартовскихъ формъ. А есть мнѣнія, что въ истинно-геніальныхъ натурахъ (не талантливыхъ, а геніальныхъ) никакого упадка (*décadance*) быть не можетъ, потому-что художникъ геніальный есть олицетвореніе самого искусства (съ той его стороны, которая отвѣчаетъ индивидуальному стремленію художника), а искусство, какъ цвѣтъ духовной жизни человѣчества, всегда вѣрно законамъ органическаго развитія. Вся жизнь геніальнаго художника (а только такія и даютъ направленіе искусству) есть постоянное развитіе его геніальности. Старость, физическое ослабленіе силъ, дряхлѣніе — врядъ-ли могутъ имѣть на геніальность такое-же вліяніе, какое все это имѣетъ на практическую жизнь. Истинный поэтъ, истинный художникъ вѣчно юнъ душою; это довольно даже опошлилось отъ частаго повторенія, но тѣмъ не менѣе очень справедливо и доказывается фактически примѣромъ всѣхъ геніальныхъ натуръ, дожившихъ до глубокой старости (Леонардъ да-Винчи, Тиціанъ, Гёте, Бахъ, Гендель, Гайднъ, Глукъ, Керубини и др.). А Бетховенъ и не былъ дряхлымъ старцемъ, даже по годамъ (онъ умеръ 57 лѣтъ). То, что вы называете двойнымъ недугомъ (*une double infirmité*), т. е. его глухота (начавшаяся съ тридцатилѣтняго возраста и все усиливавшаяся до конца жизни) и связанная съ нею «нелюдимость», отчужденіе отъ общества — этотъ недугъ, особенно тяжкій для Бетховена, конечно, былъ причиною глубочайшихъ его страданій; но, по собственнымъ его словамъ, нисколько не былъ ему помѣхою въ музыкальныхъ трудахъ, тѣмъ менѣе могъ испортить прирожденную Бетховену, какъ всякому генію, способность къ нормальному развитію его творческихъ силъ.

Не забудьте притомъ (что обыкновенно забываютъ все, когда толкуютъ о глухотѣ его, будто-бы имѣвшей вліяніе на его послѣднія произведенія) не забудьте, что глухота его началась гораздо раньше послѣднихъ его годовъ, началась съ его тридцатилѣтняго возраста (около 1800) и, значить, многія произведенія самыя знаменитыя, самыя «любимыя» (пасторальная симфонія, С-*moll*-ная, — опера «Фиделіо» и др.) писаны имъ, когда онъ былъ уже глухимъ!

Закаленная въ тяжкомъ, глубокомъ страданіи душа его, конечно,

принимала по временамъ настроеніе такой мрачной, безвыходной, пронзающей печали, которая не могла быть знакома и вполне понятна другимъ людямъ; но быть можетъ, именно этому настроенію духа Бетховена искусство обязано совершенно новыми формами лиризма, въ которыхъ великій художникъ стремился перелить всю силу своихъ страданій. Въ послѣднихъ его квартетахъ, 2-й мессъ и 9-й симфоніи есть дѣйствительно много мѣстъ, ужасающихъ силою печали и страданія; дѣйствительно есть страницы такой музыки, которую больно слушать (какъ вы сказали на 236 стр. III тома «il n'y a pas de musique qui fasse plus mal à entendre»); но развѣ это не выигрышь для искусства, вполне психологическаго и еще нуждавшагося въ этихъ мрачныхъ краскахъ? И въ природѣ есть лазурное небо — есть и черныя, страшныя тучи; — есть роскошныя, цвѣтуція долины съ садами и ручьями, есть и громады суровыхъ скалъ, омываемыя бурнымъ моремъ; и въ человѣкѣ есть улыбка младенца — есть и жгучія слезы ревности и отчаянія. Почему-жъ въ искусствѣ, почему-жъ въ музыкѣ, этомъ языкѣ души безконечной, какъ сама природа, которая въ ней отражается, послѣ Гайдна и Моцарта не могъ явиться Бетховенъ, съ другою, но не менѣе геніальною натурою, съ другою, но не менѣе поражающею поэзію? Тутъ было я и не замѣтилъ, что по вашему мнѣнію, уже вся музыкальная поэзія цѣликомъ выразилось въ Моцартѣ; я чуть было не забылъ, что въ Донъ-Жуанѣ вы видите высшее поэтическое созданіе изъ всего, въ чемъ когда-либо разумъ человѣческій выражалъ свою поэзію (la plus haute merveille poétique de tous les siècles. T. III стр. 87 и 203).

До какой степени вы правы въ такомъ до крайности фанатическомъ взглядѣ на моцартова Донъ-Жуана, объ этомъ рѣчь впереди. Теперь же обратимся снова къ Бетховену и къ «упадку» его геніальности. Очень-бы я хотѣлъ, чтобъ вы, въ исторіи какого угодно искусства, указали мнѣ хоть одинъ случай такого рода: художникъ съ первыхъ шаговъ своихъ въ искусствѣ выказываетъ громадную геніальность; съ первыхъ отданныхъ имъ на судъ публики произведеній — становится безпрекословно рядомъ съ величайшими изъ своихъ предшественниковъ, является соперникомъ такихъ геніевъ, которыхъ, по справедливости, считали чудесами человѣческаго разумѣнія.

Но вдругъ, вмѣсто ожидаемаго продолженія своихъ стремленій по стопамъ великихъ предшественниковъ, стремленій съ разу увѣнчавшихся полнѣйшимъ успѣхомъ; вмѣсто ожидаемыхъ изящныхъ, геніальныхъ созданій, онъ начинаетъ придумывать какія-то странности, болѣе и болѣе граничація съ безобразіемъ, и наконецъ производитъ только жалкія, груст-

ныя попытки какихъ-то новыхъ формъ, подтвержденія какихъ-то новыхъ теорій, подтверждающія только одно: что бѣдный художникъ, что называется, «спятилъ съ ума» вслѣдствіе какихъ-нибудь виѣшнихъ причинъ — болѣзни физической и нравственной и т. п.» — Я думаю нѣтъ надобности пояснять, что это слово въ слово — исторія Бетховена, какою она представляется для слишкомъ небольшого числа его «антагонистовъ», называющихъ 9-ю симфонію, 2-ю мессу и квартеты 3-го стиля «музыкою умалишенныхъ». Ясно, что тутъ прежде всего надобно предположить дѣйствительное уклоненіе отъ нормальнаго состоянія интеллекта въ художникѣ — попросту помѣшательство.

Но ясно также, что исторія искусства не представитъ вамъ ни одного подобнаго примѣра. Было что-то похожее въ судѣ одного итальянскаго живописца XVI вѣка, очень талантливаго, кажется, но и то совсемъ иначе: онъ былъ отравленъ завистливыми соперниками; вслѣдствіе отравы утратилъ свою художническую способность, и хотя жилъ еще долго, но мало-по-малу пересталъ писать вовсе, его дѣятельность для искусства прекратилась съ отравою.

Напротивъ того давно сдѣлалось аксіомою, что истинныхъ избранниковъ своихъ Провидѣніе хранитъ во славу человѣчества. Чтобы перво-степенный, громадный геній посреди своего поприща утратилъ хоть что-нибудь изъ силы своей геніальности, этому нѣтъ примѣровъ, потому что это невозможно; точно такъ-же, какъ рѣка не можетъ вдругъ обернуть теченія къ своему истоку. Нормальность развитія до конца жизни такое-же условіе для геніальной натуры, какъ органическая законность, внѣтренняя необходимость, послѣдовательность во всемъ изящномъ, въ природѣ и въ искусствѣ. Принявши эту нормальность развитія за основной пунктъ при сужденіи о дѣятельности Бетховена, нельзя придти ни къ какому другому заключенію, кромѣ слѣдующаго: тѣ, кто по чему-нибудь не въ состояніи понимать и любить произведенія 3-го стиля бетховенскаго, пусть остаются при симпатіи въ произведеніямъ его 1-го и 2-го стиля, съ очень натуральною обязанностью молчать о произведеніяхъ 3-го стиля, остающихся для нихъ (въ томъ- числѣ и для г. Ленца) загадочными, и слѣдовательно никакъ не пускаться въ сужденія о дѣятельности Бетховена; кто не въ состояніи видѣть вполне изящныя произведенія въ лучшихъ твореніяхъ бетховенскаго 2-го стиля, пусть остается при первыхъ его произведеніяхъ до Септуора включительно и 2-й симфоніи исключительно; но эти люди никакъ не уполномочены «обвинять» Бетховена въ бѣльшемъ и бѣльшемъ уклоненіи отъ законовъ изящнаго и т. д., на основаніи теорій, выведенныхъ изъ произведеній «предшественниковъ» Бетховена.

Между-тѣмъ, вы не одинъ разъ сказали, что и въ симфонической и квартетной музыкѣ истинная красота и поэзія только на сторонѣ Моцарта; Гайднъ до нея еще не дошелъ, а Бетховенъ перешелъ границу изящнаго, потому-что по любви своей къ новому, оригинальному—что не всегда бываетъ въ сосѣдствѣ съ красотой (*en compagnie du beau*) — болѣе и болѣе углублялся въ странное и дикое (*le bizarre*), и наконецъ въ нихъ потерялся (*et finit par s'y perdre*), какъ это видно изъ его послѣднихъ квартетовъ (стр. 271 II тома). Ясно, что, по вашему мнѣнію, Бетховенъ, которому вы даете названіе генія только «относительно» его времени (*le plus grand génie musical de notre siècle* стр. 235 III тома), только до-тѣхъ-поръ и былъ хорошъ въ своемъ дѣлѣ, пока слѣдовалъ «рабски» по стопамъ Моцарта, то-есть въ первое время своей дѣятельности, въ эпоху первыхъ шести квартетовъ (ор. 18), Септуора (ор. 20) и первой симфоніи, (стр. 235 III т.); какъ только онъ пересталъ во всемъ слѣдовать принятымъ образцамъ, сталъ дѣлать чаще и чаще отступленія отъ гайдно-моцартовской выкройки, начался періодъ упадка его геніальности (*décandance*); когда онъ сталъ сочинять такія дикія мелодіи и еще болѣе дикія гармоніи, какъ на-примѣръ переходъ изъ Скерцо къ финалу — въ 5-й симфоніи; когда онъ сталъ вводить въ музыку *des incongruités, des énormités harmoniques*, сочетанія звуковъ «ничего общаго съ музыкою не имѣющія» (такъ вы выражаетесь на 269 стр. III тома); сталъ сочинять какую-то загадочную музыку, которую только больно слушать (стр. 235 и 236 III тома), и наконецъ заблудился въ дремучемъ лѣсу своихъ послѣднихъ квартетовъ и 9-й симфоніи! (стр. 271 II тома).

Въ діаметральную противоположность такому приговору о Бетховенѣ, теперь въ нѣкоторомъ ходу вотъ какое мнѣніе: на музыкальной палитрѣ были еще не все краски; многія стороны искусства были едва затронуты (на-примѣръ инструментовка, свободный контра-пунктически-мелодическій стиль въ камерной музыкѣ, форма симфоніи и т. д.). Гайднъ и Моцартъ (какъ вы это очень вѣрно изложили во II томѣ своей книги) уравнили все стороны искусства (Гайднъ, въ квартетахъ, симфоніяхъ и ораторіяхъ, Моцартъ—во всемъ, что писалъ, по преимуществу въ операхъ); палитра, доставшаяся въ наслѣдство Бетховену, была совсѣмъ полная, и образцовъ во всехъ до того времени выработавшихся родахъ музыки было довольно.

Бетховенъ въ началѣ своего поприща близко слѣдовалъ образцамъ гайдно-моцартовской музыки, и съ самаго начала своей дѣятельности сравнился съ своими образцами (и въ сонатахъ и въ тріо фортепьянныхъ, и въ квартетахъ скрипичныхъ и въ симфоніяхъ 1-й и 2-й).

Но скоро онъ почувствовалъ, что въ немъ силъ творческихъ больше, чѣмъ сколько нужно, чтобъ быть только продолжителемъ другихъ гениевъ; почувствовалъ, что есть много сторонъ психической жизни, которыя не находили еще отголоска въ звукахъ Гайдна и Моцарта, тѣмъ менѣе въ звукахъ до-гайдновской музыки; почувствовалъ, что ему предназначено повести искусство по новымъ, еще не проложеннымъ стезямъ — и только влѣдствіе внутренняго своего влеченія (то-есть безъ всякой *aggrège-pensée* «перещеголянья» другихъ или «капризнаго оригинальничанья», и то и другое несовмѣстно съ истинною гениальностью), началъ мало-по-малу расширять рамки, установленныя Гайдномъ и поддержанныя Моцартомъ въ сонатахъ, квартетахъ и квинтетахъ и симфоніяхъ, такъ, что съ-этихъ-поръ, а именно около того времени, какъ Бетховенъ сталъ писать III-ю (героическую) симфонію, музыка его перестаетъ быть продолженіемъ гайдно-моцартовской, а становится новою, бетховенскою музыкою, музыкою XIX вѣка, не переставая вмѣщать въ себѣ всѣ тѣ-же элементы музыкальнаго языка, всѣ тѣ-же матеріалы, которые дошли до высочайшей степени разработки уже въ произведеніяхъ Гайдна и Моцарта.

И вы и мы совершенно согласны въ томъ, что законы изящества для той или другой вѣтви искусства извлекаются изъ лучшихъ произведеній (*chefs-d'oeuvre*) гениальныхъ художниковъ. Но въ дальнѣйшихъ результатахъ мы сильно разнорѣчимъ. Для большей ясности можно выразить это разнорѣчіе такъ:

Одно мнѣніе. Гайднъ и Моцартъ, творцы квартета и симфоніи, величайшіе музыкальные гении; слѣдовательно, законы изящества для квартета и симфоніи, всѣ эстетическія условія этого рода музыки должны быть извлекаемы исключительно изъ произведеній Гайдна и особенно Моцарта, верхъ совершенства въ этомъ родѣ музыки. Бетховенъ во многомъ отклонился отъ этихъ законовъ (гайдно-моцартовскихъ), понемногу принялъ другое, новое направленіе; ergo: только въ нѣкоторыхъ (первыхъ) своихъ произведеніяхъ можетъ быть признанъ гениальнымъ соперникомъ Гайдна и Моцарта въ квартетахъ и симфоніяхъ, а въ дальнѣйшихъ произведеніяхъ выказывалъ больше и больше только свои капризы, и за эти произведенія не можетъ быть признаваемъ образцовымъ гениальнымъ художникомъ.

Другое мнѣніе. Эстетическіе законы для квартетовъ и симфоній извлекались изъ квартетовъ и симфоній Гайдна и Моцарта, пока не было третьяго гения на этомъ поприщѣ. Но какъ Бетховенъ долженъ быть признанъ (и уже признанъ теперь цѣлымъ свѣтомъ) также за величайшаго музыкальнаго гения, въ силѣ гениальности нисколько не усту-

пающаго ни Гайдну, ни Моцарту; то и его квартеты и его симфоніи съ ихъ новыми, бетховенскими формами, должны быть признаны вполне геніальными и образцовыми, по-крайней-мѣрѣ на ряду съ гайдно-моцартовскими формами, и законы изящества для квартетовъ и симфоній должны быть въ наше время расширены согласно нововведеніямъ Бетховена.

Или еще короче. Вы осуждаете Бетховена за то, что онъ не подходитъ подъ прежнія правила (*principes du genre*); а мы находимъ сами правила слишкомъ произвольными, тѣсными и неудовлетворительными, потому—что подъ нихъ не совсѣмъ подходятъ произведенія одного изъ трехъ величайшихъ геніевъ въ этой области музыки.

Вѣдь вы сами, на-примѣръ, считаете-же, что Моцартъ сталъ тогда только Моцартомъ въ оперѣ, когда создалъ своего «Идоменея», то-есть разъ навсегда во многомъ ушелъ дальше современнаго ему опернаго стиля (итальянской «*opera seria*» XVIII вѣка), и по вашему мнѣнію, какъ и по всеобщему, первыя оперы Моцарта (до Идоменея) и въ счетъ не идутъ. Отчего-же въ Бетховенѣ та эпоха, когда онъ сталъ Бетховеномъ, для васъ не только не имѣетъ никакой важности, никакого благодѣтельнаго вліянія на судьбу музыки, но, напротивъ, кажется упадкомъ искусства? Бетховенъ самъ, вѣроятно, считалъ первую эпоху своей дѣятельности (періодъ продолженія музыки гайдно-моцартовской) періодомъ только приготовительнымъ. При концѣ своей дѣятельности, считая даже септуоръ (ор. 20) въ числѣ *gruxovъ юности*, пятою своею симфоніею (C-moll) онъ былъ недоволенъ — относилъ и ее еще къ переходной эпохѣ. Новыя его идеи, постоянно расширяющійся для него горизонтъ искусства, заставляли его (также какъ и Моцарта при концѣ жизни) только сожалѣть, что онъ успѣлъ сдѣлать въ искусствѣ еще такъ мало вполне согласнаго съ его просвѣтленнымъ взглядомъ. «*Mir scheint's, als hätte ich nur einige Noten geschrieben!*» говоритъ онъ въ одномъ изъ послѣднихъ своихъ писемъ.

По всему этому, критеріумъ для вѣрнаго сужденія о геніальности Бетховена въ наше время надобно искать почти исключительно въ произведеніяхъ послѣдняго его стиля, непонятныхъ, загадочныхъ только для тѣхъ, кто не освоился съ этими новыми формами музыки. Разнорѣчіе двухъ мнѣній весьма рѣзко, но мнѣ кажется, что главная бѣда въ неопредѣлительности взгляда на истинную геніальность въ искусствѣ, или на художественную дѣятельность по призванію.

Вы (какъ я сейчасъ докажу вашими собственными словами) еще смотрите на дѣятельность призваннаго художника, какъ на что-то зависящее отъ его произвола, отъ его личнаго характера, отъ его капризовъ и такъ далѣе. Въ наше время философія искусства въ сферѣ

поэтического творчества допускаетъ произволь, личную волю художника, такъ-же мало (то-есть совсѣмъ не допускаетъ), какъ общая философія не допускаетъ волю отдѣльныхъ недѣлимыхъ при воспроизведеніи ими организмовъ въ природѣ (по просту, въ актѣ рожденія). Произведенія призванныхъ художниковъ, дѣти ихъ духовной силы («Die Kinder meines Geistes» такъ въ одномъ письмѣ Бетховенъ называетъ свои созданія), въ полнѣйшей, непосредственной зависимости отъ геніальности, таланта, знанія, отъ внутреннихъ силъ автора, ему прирожденныхъ; но въ весьма косвенной, въ едва примѣтной зависимости отъ личной, внѣшней его воли. Истинный художникъ не можетъ не хотѣть создать то или другое, не можетъ хотѣть сдѣлать что-нибудь противъ законовъ искусства; въ его талантѣ сидитъ сила, которая побуждаетъ его къ художественной дѣятельности и обуславливаетъ ее, почти безсознательно для него самого, такъ, какъ того требуетъ современное состояніе искусства. Въ талантѣ, геніи художника (истиннаго, призваннаго) непременно заключается родственная, историческая связь (filiation) со всѣмъ, что сдѣлано въ искусствѣ до него — и способность разработать искусство дальше, въ тѣхъ формахъ, тѣхъ границахъ, которыя по высшимъ, органическимъ законамъ искусства должны въ немъ явиться, какъ слѣдствіе, какъ дальнѣйшее развитіе прежнихъ формъ. Вы сами прѣкрасно показали всю силу этого великаго, какъ-будто фаталическаго вліянія на Моцарта (sa mission dans l'art). Но въ частностяхъ вашего взгляда на художественную дѣятельность у васъ встрѣчаются многія противорѣчія серьезному пониманію искусства, какъ внутренней, прирожденной художнику органической необходимости, со всѣми послѣдствіями такой необходимости. Когда мнѣ придется говорить о «Донъ-Жуанѣ» и «Волшебной флейтѣ», придется разбирать подробно вашъ взглядъ на эти оперы, я вамъ укажу (о чемъ уже упоминалъ въ прошедшемъ письмѣ), что вы и моцартову геніальность частенько ставите въ слишкомъ большую зависимость отъ его личнаго характера, отъ его воли, отъ его личности вообще; что вы придаете и Моцарту слишкомъ много постороннихъ для искусства, внѣшнихъ побужденій, des arrière-pensées, которыя не могли обуславливать творчество въ такомъ геніальномъ, и въ добавокъ — такомъ объективномъ художникѣ, какимъ былъ Моцартъ. Но объ этомъ впослѣдствіи; теперь рѣчь о вашемъ взглядѣ на Бетховена. Вы заставляете его дѣйствовать въ творествѣ, вслѣдствіе побужденій, съ истинной геніальностью несомѣстныхъ (по-крайней-мѣрѣ по мнѣнію нѣкоторыхъ). На-примѣръ, говоря о симфоніяхъ Бетховена, вы такимъ образомъ выражаетесь (стр. 267 III тома): » талантливые и знающіе люди, которые явились въ музыкѣ послѣ Моцарта, должны

были безъ сомнѣнія сознаться, какъ трудно превзойти Моцарта, въ отношеніи мелодіи, и гармоніи, и контрапункта, и декламации музыкальной. Между-тѣмъ надо-же было двигать искусство, идти, чтобъ не стоять на мѣстѣ: движеніе (впередъ или назадъ) законъ искусства, условіе его жизни.» Затѣмъ вы обвиняете Бетховена въ преувеличеніяхъ (*exagération*) оркестровки. Не касаясь пока самаго обвиненія (такъ же весьма важнаго и весьма несправедливаго), я остановлюсь только на мысли: «какъ трудно превзойти Моцарта». Тутъ заключается *aggrègement*, «перещеголянье всѣхъ другихъ на томъ-же поприщѣ» — мысль, по моему убѣжденію, несовмѣтная съ геніальностью. Истинный художникъ принимается за свое дѣло безъ всякаго замысла сдѣлать въ искусствѣ то-то и то-то, наперекоръ прежнему, въ доказательство своей теоріи, во славу себя и въ униженіе всего, что было въ искусствѣ до него; единственная цѣль художника: согласно своимъ силамъ — дарить людямъ красоту мысли и формы; высказывать другимъ людямъ ту поэзію, которая родилась въ его художнической головѣ; передавать ту красоту, которая живетъ въ немъ, создавать, однимъ словомъ, поэтическія творенія, и тѣмъ давать работу всѣмъ силамъ творческимъ, которыя кипятъ въ немъ и требуютъ дѣятельности. Желаніе перещеголять другихъ есть уже своекорыстіе, унижающее художника и не имѣющее ничего общаго съ искусствомъ. Вы возразите мнѣ, что состязаніе и рождающееся отъ него соревнованіе (*émulation*) всегда были однимъ изъ сильнѣйшихъ рычаговъ искусства. Но я допускаю всю важность соревнованія, соперничества и такъ далѣе къ большому и большому развитію, преуспѣванію на своемъ поприщѣ; не допускаю только, чтобъ соперничество, соревнованіе и тому подобные внѣшніе двигатели могли вторгаться въ самую лабораторію творческихъ силъ художника, въ тайники разумѣнія, на которые Гёте намекнулъ во 2-й части своего Фауста. Я полагаю, что художникъ только тогда можетъ достигать правды и красоты въ своемъ дѣлѣ, когда онъ слѣдуетъ внушеніямъ одной своей артистической природы, не наслауя ее никакими внѣшними, разсудочными убѣжденіями, въ этомъ числѣ «оригинальничаньемъ», «перещеголяньемъ другихъ», «подкрѣпленіемъ какой-нибудь новой теоріи» и такъ далѣе. Съ этимъ и вы совершенно согласны, (*quand au fond*), когда (на стр. 238 III тома) говорите объ одномъ художникѣ: «его геній далеко превосходилъ его разсудочныя убѣжденія (*son jugement*) и его поэтическое вдохновеніе стоитъ несравненно выше его взгляда на искусство (*ses aperçus sur l'art*)». Вы, въ своемъ очеркѣ исторіи музыки, прекрасно показали, что художники въ своей дѣятельности не всегда служатъ подкрѣпленіемъ своихъ теорій: вражденный имъ геній

несравненно лучше этихъ разсудочныхъ теорій постигаетъ, что имъ надобно сдѣлать въ искусствѣ, и они на дѣлѣ могутъ иногда противорѣчить своимъ эстетическимъ убѣжденіямъ, именно въ самыхъ вдохновенныхъ своихъ произведеніяхъ. Очень извѣстные примѣры такого *раздвоенія* между теоріею и практикою художника: Глукъ и Гретри, которыхъ *музыка*, къ нашему счастью, довольно часто противорѣчитъ ихъ *теоретическому* взгляду на искусство, взгляду — особенно для насъ, въ послѣ-моцартовское время — не совѣмъ вѣрному. Но Бетховенъ, къ которому именно вы относите выписанныя мною слова (на стр. 238 III тома) врядъ-ли причастенъ этому грѣху. Его нельзя обвинить въ разнорѣчии съ собственно теоріею, уже потому, что онъ нигдѣ ни устно, ни письменно, *не высказывалъ своего взгляда на искусство, въ видѣ теоріи*. То, что его біографы сохранили изъ его устныхъ и письменныхъ замѣтокъ объ искусствѣ, относится бѣльшей частью только къ тому, какъ онъ смотрѣлъ на того или другаго композитора, на ту или другую изъ знаменитѣйшихъ партитуръ (на-примѣръ его отзывы о Генделѣ, о Моцартѣ, о Керубини, о Россини). Мѣткость и вѣрность *всѣхъ* этихъ сужденій, выраженныхъ иногда чрезвычайно «наивно», неудивительны въ такомъ гениальномъ человѣкѣ. Но изъ этихъ и другихъ разбросанныхъ замѣтокъ, весьма важныхъ для музыкальной критики, невозможно составить хоть что-нибудь похожее на какую-нибудь теорію, теоретическій взглядъ на искусство. *Взглядъ* Бетховена на музыку *камерную* выразился въ его болѣе или менѣе зрѣлыхъ, болѣе или менѣе очаровательныхъ, болѣе или менѣе вдохновенныхъ, но *всегда* органичныхъ, всегда гениальныхъ сонатахъ, квартетахъ и такъ далѣе; на музыку ораторную въ его ораторіи (Christus am Oelberge) и двухъ изумительной красоты мессахъ, — на музыку театральную въ его оперѣ школы керубиніевской, его неподражаемомъ «Фиделіо» съ ея увертюрою; на музыку симфоническую въ его *деяти симфоніяхъ*, въ наше время *безпрекословно* признаваемыхъ за *высшія* проявленія симфонической музыки, за такіе образцы этого рода, къ которымъ симфоніи Гайдна и Моцарта состоятъ въ томъ-же отношеніи, какъ, на-примѣръ, *до-моцартовскія оперы* къ Фигаро, донъ-Жуану, *Così fan tutte* и Волшебной Флейтѣ. Если и въ тѣхъ мѣстахъ вашей книги, гдѣ вы касались Бетховена почти только мимоходомъ, на-примѣръ, по случаю квартетовъ Моцарта и сравненія ихъ съ *первыми* шестью бетховенскими, я выписалъ вамъ довольно много вашихъ мнѣній, съ которыми современная музыкальная критика не можетъ быть согласна; то вы уже заранѣе видите, что я сдѣлался самымъ горячимъ антагонистомъ вашимъ за эту главу III тома вашей

книги, гдѣ вы, по случаю симфоній Моцарта, довольно много говорите о симфоніяхъ вообще и о Бетховенѣ, какъ симфонистѣ (стр. 232—270 III тома). Въ-самомъ-дѣлѣ трудно отыскать два мнѣнія *болѣе несходныя* между собою, какъ ваше и мое мнѣніе по предмету бетховенскихъ симфоній. То, въ чемъ вы видите рѣшительный *апогей* этого рода музыки «*pure et in saecula*» (симфонія Моцарта), я вмѣстѣ съ другими современными критиками не могу не признать иначе, какъ одной изъ ступенекъ, по которымъ искусство должно было подняться до высоты *бетховенскихъ* симфоній, — точно такъ-же какъ, на-примѣръ, клавицинные *сонаты* Моцарта и Гайдна, вами признанныя за устарѣвшія, были *ступеньками* въ искусствѣ для фортепянныхъ сонатъ Бетховена, еще не превзойденныхъ; ту симфонію Бетховена, которую вы (на стр. 238) величаете самою изящною, красивою (*la plus élégante*) и самою *чистою* (*la plus pure*) изъ *всѣхъ* бетховенскихъ, то-есть, первую (C-dur), музыкальная критика нашего времени относитъ къ періоду пребыванія Бетховена въ формахъ чисто гайдно-моцартовскихъ, къ періоду приготовительному въ дѣятельности бетховенской (потому что онъ тогда еще не былъ *вполнѣ* Бетховеномъ), и ставя эту, конечно, восхитительную симфонію (*admirable*) на ея настоящее весьма почетное мѣсто въ искусствѣ, какъ превосходное продолженіе гайдно-моцартовскихъ симфоній, современная критика никогда и не думаетъ ставить ее *на ряду*, на-примѣръ съ четвертой или дальнѣйшими, вполнѣ бетховенскими симфоніями, въ которыхъ высказался первѣйшій симфонистъ *не одного нашего вѣка*, а вообще первѣйшій геній въ этомъ родѣ музыки, *далеко* за собой оставившій и Гайдна и Моцарта (какъ симфонистовъ) и до-сихъ-поръ не допускающій мысли о какомъ-нибудь будущемъ соперникѣ въ этомъ родѣ музыки. То, въ чемъ вы видите уклоненія отъ законовъ истинно-изящнаго (гармоническія смѣлости Бетховена, на-примѣръ, въ приводимыхъ вами на стр. 269 III т. тактахъ изъ пятой симфоніи), гдѣ вы находите смѣсь изящнаго съ «дикимъ и безобразнымъ» (*mélange du beau avec le baroque et le déplaisant* стр. 270 III т.), мы видимъ серьезный успѣхъ искусства, новыя его неисчерпаемыя богатства, открытыя колоссальнымъ геніемъ Бетховена; то наконецъ, что вы признаете за рѣшительный *упадокъ* искусства, за безобразное смѣшеніе разныхъ его сферъ (инструментальной и вокальной, лирической и драматической), смѣшеніе ничѣмъ не оправдываемое, кромѣ «капризнаго оригинальничанья», въ чемъ вы видите только наборъ всякаго рода странностей и преувеличеній въ чудовищныхъ размѣрахъ (*une oeuvre démesurée*) — и въ добавокъ еще съ *искаженіемъ* чудесной оды Шиллера — то, для иныхъ музыкаль-

ныхъ критиковъ (разумѣется, «полупомѣшанныхъ» бетховеніанцевъ!) представляется однимъ изъ величайшихъ чудесъ бетховенской музыки, быть можетъ, лучшимъ, *полнѣйшимъ* выраженіемъ его гениальныхъ стремлений — *вънцомъ всей симфонической музыки, до-сихъ-поръ* явившейся на землѣ, что, разумѣется, не исключаетъ возможности появленія еще высшихъ формъ музыки: эти формы уже явились-бы, еслибъ Бетховенъ написалъ *еще* нѣсколько симфоній — и появятся, если будетъ на свѣтѣ *еще* разъ гений, равный Бетховену. Принявшись возражать вамъ, высказавъ взглядъ на бетховенову музыку, діаметрально противоположный вашему взгляду, я, конечно, *обязанъ доказать* справедливость своего убѣжденія. Но тутъ, на первыхъ шагахъ, я не могу не сознаться вамъ вотъ въ чемъ: въ наше время какъ — то странно, дико *доказывать* первенство Бетховена въ области симфонической музыки! Это дѣло уже давно *рѣшеное*, только еще не сданное въ архивъ, потому-что и симфоніи Гайдна и Моцарта изрѣдка появляются на программахъ концертовъ для музыкально-просвѣщенной публики и бетховенскія симфоніи требуютъ *такой-же* аудиторіи. Вѣроятно, впрочемъ, что въ наше время не отыщется и двухъ, трехъ человекъ изъ истинныхъ музыкантовъ, которые-бы *предпочли* симфоніи Моцарта (двѣ самыя лучшія изъ нихъ — Gmoll и Cdur съ фугой) не только четвертой, пятой, пасторальной и тремъ послѣднимъ изъ бетховенскихъ, но даже первой и второй. Въ бетховенскихъ вѣдетъ совсѣмъ иной духъ, иное направленіе, иная поэзія, послѣ которой моцартова симфоническая музыка утрачиваетъ много своей прелести, какъ-то тускѣетъ, выщѣтаетъ, становится чѣмъ-то слишкомъ ровнымъ, мѣрнымъ, спокойнымъ, холодноватымъ, разсчитаннымъ, мало-увлекающимъ, несмотря на неподражаемое слияніе въ моцартовскихъ симфоніяхъ схоластики музыкальной съ красотой мысли и формы и на постоянное рафаэльское изящество. На симфоніяхъ Моцарта повторяется то-же, что бываетъ и съ прочею его музыкою, не оперною. На-примѣръ между «Adagio» разныхъ сонатъ и фантазій Моцарта есть много истинно-чудесныхъ по этой рафаэльской красотѣ мысли и ея развитія; но въ наше время не отыщется *ни одного* просвѣщеннаго дилеттанта, ни одного настоящаго любителя музыки, который-бы не предпочелъ *всѣмъ* клавициннымъ «Adagio» Моцарта трехъ страничекъ Adagio — которымъ начинается Бетховенова «Sonata quasi fantasia (Cis-moll, op. 27) — я выбираю *не лучшую*, но болѣе извѣстную, болѣе «любимую» изъ сонатъ Бетховена. И замѣтьте, что тутъ перевѣсъ вовсе ни отъ бравурности стили, ни отъ эффектныхъ пассажей и всей внѣшней мишуры (cliquant), столько любимой всеми на свѣтѣ публиками; всего этого рѣшительно нѣтъ и въ бетховенскомъ

Adagio, и въ моцартовскихъ, и весьма большой технической *прогрессъ фортепьянной* музыки въ сочиненіяхъ Бетховена (противъ моцартовскихъ клавицинныхъ вещей) едва замѣтенъ въ этомъ, до крайности *простомъ* Adagio. Но *перевѣсъ* есть — и тайна его въ самомъ свойствѣ бетховеновой музыки. Точно такъ и въ симфоніяхъ. Но вы, конечно, не потребуете отъ меня *доказательствъ* всему этому! Вы, вѣроятно, гораздо лучше меня знаете, что такого рода эстетическія убѣжденія, особенно касательно музыки, не доказываются.

Еслибъ вы, нисколько не вооружаясь противъ Бетховена, противъ его нововведеній, его направленія, формъ его музыки, сказали-бы просто, что вы, не смотря на все, больше сочувствуете симфоніямъ моцартовскимъ, это касалось-бы вашего личнаго вкуса; тогда по этому самому, чисто индивидуальному, личному характеру вашего убѣжденія—никто никогда не отважился-бы его опровергать. Но вы въ серьезно-критическомъ сочиненіи, считая Моцарта *первымъ вездѣ, первымъ* и въ симфонической музыкѣ, неоднократно высказали мысль, которую можно выразить именно такимъ образомъ, какъ я выразилъ ее въ разборѣ книги г. Ленца: «Бетховенъ капризами своими, оригинальничаньемъ, и приложеніемъ заранѣе принятой ложной теоріи о допущеніи драматизма въ симфоническую музыку (стр. 243, III т.) повелъ искусство къ упадку, «уклонившись въ сторону отъ направленія, даннаго музыкѣ Гайдномъ и «доведеннаго до крайняго совершенства Моцартомъ». Вотъ ваша мысль, которая своею воіюющею въ наше время несправедливостью, по моему мнѣнію, заслуживала подобнаго опроверженія, какъ искажающая нѣсколько направленіе вашей книги, столько замѣчательной и важной для исторіи искусства. Вотъ почему я не могъ удержаться, чтобъ, разбирая сочиненіе г. Ленца, не упомянуть о тѣхъ сторонахъ вашего сочиненія, который «несовременностью» взгляда на Бетховена рѣзко выдаются изъ остальнаго, изобилующаго правдивыми, дѣльными выводами, и сужденіями. Съ вашей точки зрѣнія, von ihrem Standpunkte, какъ сказалъ-бы нѣмецъ, нельзя даже обвинить васъ въ особенной несправедливости къ Бетховену. Вы очень логичны въ своемъ выводѣ: «Моцартъ затмилъ «всѣхъ своихъ предшественниковъ во всѣхъ возможныхъ родахъ музыки; «его произведенія—верхъ совершенства во всемъ, крайній предѣлъ искусства; послѣ Моцарта оставалось или рабски идти за нимъ, не отступая ни на шагъ ни вправо, ни влѣво, или свести искусство въ сторону отъ истиннаго, моцартовскаго, единственно-изящнаго пути. Бетховенъ такъ и сдѣлалъ, отступилъ съ моцартовой дороги, да еще и «не на шагъ, да и не въ одну сторону, а чуть не во всѣ возможные, и

«былъ за это наказанъ тѣмъ, что больше и больше сбивался съ пути «къ изящному, пока наконецъ и совсѣмъ заблудился»!

Оно-бы и такъ; но въ силлогизмѣ вашемъ есть грѣшокъ, называемый *petitio principii*. Въ моемъ прошедшемъ письмѣ, я уже старался доказать, почему убѣжденіе признающее Моцарта выше рѣшительно всѣхъ композиторовъ и его произведенія апогеемъ искусства «*piscis et in saecula*» — убѣжденіе до крайности фанатическое.

Я говорилъ уже, сколько есть соперниковъ Моцарту въ разныхъ областяхъ музыки, и почему никакъ не возможно считать, что онъ всѣхъ ихъ во всемъ побѣдилъ. Даже въ оперной музыкѣ, истинномъ призваніи Моцарта, и до-сихъ-поръ на музыкальномъ горизонтѣ есть имена, которыя сіяютъ по-крайней-мѣрѣ наравнѣ съ Моцартомъ въ области серьезной, патетической оперы, имена Глука и геніальнаго продолжателя его и Моцарта, Керубини (на-примѣръ, въ его слишкомъ мало извѣстной и не по достоинству оцѣненной «Медѣ»). Но теперь пока у насъ рѣчь идетъ о музыкѣ симфонической. Для того, чтобъ логически убѣдить кого-нибудь въ томъ, что Моцартъ въ этомъ родѣ музыки весьма и весьма уступаетъ Бетховену, что надобно сдѣлать? Разобрать подробно всѣ симфоніи Бетховена (гораздо подробнѣе, чѣмъ вы анализировали двѣ лучшія симфоніи Моцарта). Такая анатомія бетховеновой музыки показала-бы вамъ, что въ его симфоніяхъ всѣ тѣ-же высшія совершенства формы (мелодической, гармонической и контрапунктической), какія блестятъ въ симфоніяхъ Гайдна и Моцарта. Рѣшительно та-же глубокая законность, органичность развитія избранныхъ чисто музыкальныхъ идей, мотивовъ симфоній; но у Бетховена къ этой органичности созданія, общей ему съ Моцартомъ и Гайдномъ, присоединяется фантазія, на столько-же превышающая своимъ богатствомъ Моцартову (въ симфоніяхъ), на сколько на-примѣръ въ «Донъ-Жуанѣ» больше фантазіи, чѣмъ въ операхъ до-моцартовскихъ. Въ Бетховенѣ та-же красота музыки, то-же сліяніе науки и вдохновенія, какъ въ гайдновскихъ и моцартовскихъ симфоніяхъ, но поэзіи еще несравненно больше, потому-что больше мысли.

Тѣ-же чудеса мелодіи, гармоніи и оркестровки, какъ у Гайдна и Моцарта, но съ прибавкою новыхъ, бетховенскихъ чудесъ, неразлучныхъ съ новою, бетховенскою мыслью, можно было-бы вамъ указать тысячу примѣровъ новыхъ, восхитительныхъ, гармоническихъ и оркестрныхъ сочетаній, неизвѣстныхъ еще ни Гайдну, ни Моцарту (по-крайней-мѣрѣ еще не употребленныхъ имъ нигдѣ, ни въ Реквиемѣ, ни въ Волшебной Флейтѣ, а тѣмъ менѣе, въ симфоніяхъ). Можно было-бы довольно ясно

опредѣлить, въ чемъ именно состоитъ истинный успѣхъ симфонической музыки въ Бетховенѣ, съ чисто технической стороны.

Но еслибъ и отважиться на подобный, болѣе техническій, чѣмъ эстетическій разборъ всѣхъ симфоній Бетховена, изъ чего составила-бы довольно увѣсистая книга, все-же главная сторона превосходства Бетховена, какъ симфониста, осталась-бы вовсе незатронутою въ этомъ техническомъ разборѣ.

Главная сторона гениальности Бетховена, исполнина симфонической музыки (*le géant de la symphonie*, какъ вы сами его называете на страницѣ 206 II тома) рѣшительно ускользаетъ отъ словеснаго разбора; она вся въ новомъ поворотѣ, который онъ далъ смыслу симфоніи (начиная съ своей третьей, героической), вся въ глубокомъ значеніи его музыкальныхъ идей. Эта философски-поэтическая глубина мысли бетховенской, элементъ поэзіи рѣшительно не существовавшей въ симфоніяхъ до-бетховенскихъ, нѣсколько оправдываетъ фанатическое выраженіе г. Ленца, что симфоніи Бетховена не просто музыкальныя произведенія, а «міровыя событія». Хотя это, конечно, преувеличено въ такомъ-же родѣ, какъ и выраженіе ваше, что Донъ-Жуанъ «первѣйшее поэтическое созданіе всѣхъ вѣковъ», тѣмъ не менѣе правда, что нельзя достаточно выразить всю бездну, которая отдѣляетъ сферу поэзіи симфоній гайдно-моцартовскихъ отъ сферы бетховенскихъ симфоній. Еслибъ я не до крайности боялся нѣмецкихъ, хитро сплетенныхъ философскихъ терминовъ, я сказалъ-бы, что только симфоническую музыку Бетховена можно по справедливости назвать *трансцендентальною*; но и такой эпитетъ еще не очень много говоритъ душѣ и воображенію, не очень ясно представляетъ характеръ бетховенской музыки и ея направленія. То, что я говорилъ по случаю квартетовъ Бетховена о постепенномъ развитіи его гениальности, еще гораздо больше и ближе относится къ его симфоніямъ, потому-что онъ родился симфонистомъ. Гайдну и Моцарту еще много дѣла было съ формами искусства, не совсемъ выработанными въ до-гайдовойской музыкѣ.

Бетховенъ засталъ искусство въ самый счастливый періодъ подготовки всѣхъ формъ музыки на пользу высшаго симфоническаго гениа: такъ всегда бываетъ съ призванными гениями, что они какъ-разъ въ то время явятся, когда искусство или наука ждетъ ихъ дѣятельности. Вы прекрасно развили эту мысль, говоря о призваніи Моцарта.

Повторяю за вами: «Искусство не можетъ стоять на мѣстѣ; надо было двигаться» (стр. 267 III тома), но только не прибавлю, какъ вы прибавляете: «надо было двигаться, хоть назадъ или всторону, если нельзя было идти впередъ, по прямому пути къ изящному». Истинно ге-

ніальный художникъ не можетъ двигать искусство ни назадъ, ни восторону, не можетъ придать искусству никакого другаго движенія, кромѣ *прогрессивнаго*, иначе онъ не геній. Вотъ опять мы съ вами пришли къ нѣкоторому силлогизму, который долженъ уже крѣпко вамъ наскучить! Но что-же дѣлать? Силлогизмъ этотъ — ось, около которой, по возможности, вертятся все возраженія противъ вашей несправедливости къ Бетховену. Я говорилъ уже: не Бетховенъ виноватъ, что его симфоніи не всегда похожи на «оды» и не очень ловко подходятъ подъ теорію Сульцера (т. III вашей книги, стр. 234) и подъ выкройку Гайдна и Моцарта, а виноваты тѣ, кто подводитъ бетховенскія симфоніи подъ теоріи, *не по нимъ* составленныя. Это все равно, что сводить счеты безъ хозяина (*avoir compté sans son hôte*), или — на взрослога человѣка всеми силами натягивать платье, сшитое для него, когда онъ былъ *ребенкомъ*! И искусство растетъ — какъ все въ природѣ, и вотъ прежнія теоріи уже не подходятъ и должны быть отставлены, какъ отжившія свой вѣкъ. Вѣдь искусство растетъ и развивается не въ критикахъ и теоріяхъ (какъ-бы эти критики и теоріи ни были умны и рациональны), а въ *произведеніяхъ* такихъ художниковъ, какимъ былъ Бетховенъ, какими прежде него были Моцартъ, Гайднъ, и такъ далѣе. Все это слишкомъ хорошо вамъ извѣстно.

Всею виною только вашъ исключительный фанатизмъ къ вашему достохвальному герою. Вы *захотѣли* (*comme parti pris*) видѣть въ его произведеніяхъ геркулесовы столбы искусства. Это опять рѣшительно — счетъ безъ хозяина! О будущности искусства критика можетъ судить только «гадательно», едва, едва подозревать кое-что, вникая очень глубоко въ духъ времени, направленіе вкусовъ и внутреннія *потребности* самаго искусства; да и то, появленія *одной* гениальной личности вполне достаточно, чтобъ сразу опередить чуть не все, что успѣла соорудить критика въ своихъ умозрительныхъ предположеніяхъ. Гдѣ-же тутъ мѣсто какимъ-нибудь диктаторскимъ приговорамъ: это — *pes plus ultra* въ искусствѣ — дальше оно идти не можетъ; кто вздумаетъ идти дальше — погибнетъ безвозвратно самъ и погубитъ искусство, придавъ ему ложное направленіе — и такъ далѣе. Не забудьте притомъ, что *главныя* данныя для своихъ умозаключеній эстетическая критика должна выводить изъ потребностей искусства, на основаніи его *философій* — философіи искусства: наука — и очень серьезная, не только не приведена въ систему, въ форму науки, но едва начинаетъ заражаться въ идеѣ. Гдѣ-же требовать отъ нея какихъ-нибудь положительныхъ результатовъ? Обыкновенно эстетическая критика, особенно музыкальная, судитъ о томъ, что *есть*, на основаніи того, что *было*,

рѣшительно и не заглядывая въ будущее. Для повѣрки недалковидности критики музыкальной вообще стоило-бы только вернуться назадъ. Напримеръ, за какія-нибудь пятьдесятъ лѣтъ прежде Гайдна, могъ-ли кто изъ тогдашнихъ критиковъ и знатоковъ ожидать *гайдновской* камерной музыки, гайдновскаго *оркестра*?

И очень натурально, что всякій истинный прогрессъ въ искусствѣ встрѣчается очень враждебно, именно со стороны гг. цѣнителей и судей, уже привыкшихъ къ *statu quo*, къ образцамъ, которые у нихъ передъ глазами, и дальше которыхъ они рѣшительно и не могутъ видѣть.

Вы сами прекрасно изложили все это, рассказывая, какой приѣмъ въ музыкальномъ свѣтѣ сдѣланъ былъ нововведеніемъ Моцарта. На Бетховенѣ повторилось и, къ сожалѣнію, еще повторяется то-же самое. Оно и въ порядкѣ вещей, потому-что Бетховенъ, касательно геніальныхъ нововведеній былъ гораздо смѣлѣе Моцарта.

Однако я замѣчаю, что письмо мое получило уже размѣры самые исполинскіе, — но какъ удержать себя, когда рѣчь пойдетъ о Бетховенѣ и симфонической музыкѣ? Предметъ бесѣды нечувствительно разрастается подъ перомъ. Я долженъ еще очень многое вамъ высказать, касательно симфоническаго стиля вообще. Но оставляю это до слѣдующаго письма.

А. Словъ.

ПРОВИНЦІАЛЬНЫЕ ТЕАТРЫ ВЪ РОССІИ.

ТЕАТРЪ ВЪ ВОРОНЕЖЪ.

Его исторія и современное состояніе.

Еще недавно провинція и провинціальныя театры были предметомъ постоянныхъ насмѣшекъ водевилистовъ и самыхъ забавныхъ выходокъ остроумія, появлявшихся въ разное время для назиданія читающей публики. Люди, никогда не жившіе въ провинціи и знакомые съ нею только по наслышкѣ, не могли представить себѣ ничего смѣшнѣе провинціальныхъ нравовъ, которые представляли для нихъ какой-то особый міръ, полный самыхъ забавныхъ положеній и характеровъ, поразительный своею оригинальностію. Удовольствія маленькаго кружка, изъ котораго состоитъ общество губернскихъ городовъ, должны были, по мнѣнію ихъ, представлять все для насмѣшки, и ничего для серьезной, внимательной оцѣнки. Большая часть столичной публики смотрѣла на провинціальныя театры какъ на балаганы, въ которыхъ искусство проходило всѣ роды униженія; въ провинціальныхъ актерахъ видѣла газровъ и скомороховъ, созданныхъ для улажденія неразборчиваго вкуса простодушныхъ цѣнителей, и статьи, помѣщаемыя иногда въ «Пантеонѣ» и передававшія истинныя извѣстія о положеніи провинціальныхъ театровъ, прочитывала съ явною недовѣрчивостію.

Неизвѣстно, когда окончилась-бы всеобщія нападки на провинцію, начавшіяся съ самаго появленія «Льва Гурыча Синичкина», еслибы самый характеръ, который, въ послѣднее время, стала принимать насмѣшка, не сдѣлался подозрительнымъ для публики, утратившей без-

условное довѣріе къ печатному; съ этого времени точныя, хотя и мимолетныя, извѣстія о провинціальныхъ театрахъ стали находить мѣсто въ журналахъ, и провинція, преслѣдуемая долго и незаслуженно, начала подвергаться внимательному и точному анализу. Гораздо, впрочемъ, ранѣе нѣкоторыя изъ провинціальныхъ театровъ были слишкомъ уже далеки отъ того, чтобы служить орудіемъ для наемѣшки; лучшее общество губернскихъ городовъ рано стало трудиться въ пользу драматическаго искусства, и театры, поддерживаемые безкорыстнымъ участіемъ любителей, давно сдѣлались главнымъ развлеченіемъ для публики.

Въ числѣ такихъ театровъ долженъ занять одно изъ первыхъ мѣстъ театръ Воронежа, какъ одинъ изъ старинныхъ по времени учрежденія, и одинъ изъ лучшихъ въ провинціи, по настоящему своему составу. Но прежде, нежели перейду къ современному положенію этого театра, я считаю нелишнимъ сообщить нѣкоторыя историческія извѣстія изъ разныхъ періодовъ его существованія.

Учрежденіе театра въ Воронежѣ относится ко времени управленія воронежскимъ намѣстничествомъ генераль-поручика Черткова, исправлявшаго должность воронежскаго, и саратовскаго генераль-губернатора съ 1782 по 1793 годъ. Его просвѣщенной заботливости, оставившей во многомъ, касающемся до управленія губерніею, слѣды своей полезной и неутомимой дѣятельности, городъ обязанъ первоначальнымъ устройствомъ театра, возникшаго еще въ 1787 году.

Первый этотъ театръ помѣщался въ двухъ-этажной залѣ дома, занимаемаго генераль-губернаторомъ; домъ былъ деревянный, въ два этажа, обложенъ кирпичемъ и расположенъ противъ главнаго корпуса заведеній Приказа Общественнаго Призрѣнія, занимая все пространство отъ Капитанскихъ казармъ до Жандармскихъ конюшенъ. При расположеніи театра выполнены были все необходимыя условія: богатая декорация, отдѣльныя и спокойныя помѣщенія для публики, состоявшія изъ двухъ ярусовъ ложъ, партера и парадиза, приличное освѣщеніе. Пьесы были исполняемы диллетантами изъ высшаго круга тогдашняго воронежскаго общества, и между ними лѣтопись того времени сохранила извѣстіе о князѣ Ухтомскомъ, какъ объ отличномъ знатокѣ въ дѣлѣ искусства и талантливомъ исполнителѣ первыхъ драматическихъ ролей; участіе въ спектакляхъ принимали также дѣти намѣстника. Входъ въ театръ былъ, разумѣется, безплатный; лучшая публика приглашаема была на каждое представленіе по билетамъ, а парадизъ наполнялся людьми низшихъ сословій съ цѣлю познакомить ихъ съ драматическимъ искусствомъ. Театральныя представленія продолжались до самой кончины намѣстника, послѣдовавшей въ 1793 году, и потомъ прекратились на три года, до

принятія намѣстничества генераль-губернаторомъ Леванидовымъ, прибывшимъ въ Воронежъ въ 1796 году.

Замѣтивъ въ воронежскомъ обществѣ привязанность къ театральнымъ зрѣлищамъ, новый намѣстникъ захотѣлъ поддержать эту потребность въ жителяхъ, и его стараніями произведены были внутреннія передѣлки въ театрѣ, улучшена сцена и составленъ гардеробъ, стоившій, по тогдашнему, болѣе десяти тысячъ рублей ассигнаціями. Къ сожалѣнію, однако-же, для Воронежа, г. Леванидовъ скоро оставилъ городъ, потому-что генераль-губернаторская должность была упразднена, а съ нимъ кончились и предначертанія его, клонившіяся къ возрожденію театра. Съ упраздненіемъ намѣстничества, домъ намѣстника и театръ остались пусты; домъ впоследствии, какъ неспособный, по ветхости своей, для жилья, былъ проданъ съ торговъ, со всеѣмъ надворнымъ строеніемъ, но театръ оставленъ былъ новымъ владѣльцемъ нетронутымъ.

Черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ г. Леванидова, въ началѣ восьмисотыхъ годовъ, въ Воронежъ прибылъ актеръ Московской сцены Петровъ, обладавшій замѣчательнымъ комическимъ талантомъ. Принявъ на себя обязанность антрепренера странствующей труппы, состоявшей изъ ограниченнаго числа актеровъ, онъ открылъ наконецъ въ Воронежѣ театральныя представленія, которыя такъ давно желала видѣть публика и которыя никакъ не устраивались по стеченію различныхъ обстоятельствъ. Одинъ изъ театраловъ того времени, сообщившій мнѣ свои интересныя воспоминанія о воронежскомъ театрѣ, съ восторгомъ отзывается объ этомъ первомъ представленіи, состоявшемъ изъ оперы Аблесимова «Мельникъ, колдунъ, обманщикъ и свать» и, между прочимъ, объ освѣщеніи, заслуживающемъ особеннаго вниманія по своей оригинальности: сцена была установлена площадками; всеѣ ложи освѣщены сальными свѣчами; театральнй оркестръ неистово гремѣлъ мотивы оперы, и передній занавѣсъ съ аллегорическою надписью былъ предметомъ неистощимыхъ догадокъ для публики, нетерпѣливо дожидавшейся начала представленія.

Само-собою разумѣется, что первый этотъ спектакль былъ принятъ публикою съ восторгомъ, тѣмъ болѣе необыкновеннымъ, что для болѣе части посѣтителей самое удовольствіе имѣло всю прелесть новости, потому-что прежнія театральныя представленія въ намѣстническомъ домѣ были доступны ограниченному числу членовъ воронежскаго общества.

Съ этого времени спектакли продолжались постоянно, но ограниченный составъ труппы допускалъ только возможность постановки коме-

дій и легонькихъ драмахъ; невзыскательная публика полюбила свой маленькій театръ и благосклонно принимала своихъ актеровъ.

Въ послѣдствіи однако-же, скудость репертуара заставила истинныхъ цѣнителей искусства желать его распространенія; превосходный талантъ князя Ухтомскаго сталъ чаще приходиться на память посѣтителемъ прежнихъ спектаклей, и образовавшаяся дирекція рѣшилась выписать актера на первыя драматическія роли. Естественно, что желаніе этого рода необходимо должно было встрѣтить многія трудности при недостаткѣ въ то время драматическихъ талантовъ, которые могли бы удовлетворить требованіямъ образованной публики; но, наконецъ, и это препятствіе, при усиленныхъ стараніяхъ и пожертвованіяхъ дирекціи, было устранено, и въ Воронежъ прибылъ знаменитый въ то время актеръ Бобровскій, имѣвшій дипломъ на званіе содержателя театра.

Въ это время дирекція, вмѣстѣ съ содержателемъ Петровымъ, заботилась о передѣлкѣ театра, пришедшаго отъ времени въ совершенную ветхость, и спектакли давались въ такъ-называемомъ маломъ театрѣ, помѣщавшемся въ оранжереѣ губернаторскаго дома, къ которой пристроена была зала для зрителей; здѣсь Бобровскій въ первый разъ представлялся публикѣ, и принятъ ею со всемъ радушіемъ, котораго заслуживалъ его талантъ. Между-тѣмъ театръ приведенъ былъ, по возможности, въ исправный видъ; сцена отдѣлана съ большимъ стараніемъ и вкусомъ, и въ день, назначенный для открытія спектаклей, любимая публикою комедія «Побѣгъ отъ долговъ» привлекла въ театръ многочисленныхъ посѣтителей, но подшутила въ этотъ вечеръ надъ воронежскою публикою и не сооблаговолила доставить ей удовольствіе видѣть содержателя Петрова въ лучшей его роли. Чтобы объяснить это, считаю нужнымъ обратиться къ воспоминаніямъ старожила, о которомъ сказалъ выше, и который подробно описываетъ этотъ интересный историческій фактъ.

Комедія, которая была объявлена въ этотъ вечеръ, была выполняема тогда съ отличнымъ успѣхомъ, и Петровъ былъ здѣсь рѣшительно неподражаемъ, въ роли слуги. Публика съ ранняго утра спѣшила разобратъ билеты, въ надеждѣ провести въ театрѣ одинъ изъ пріятныхъ вечеровъ, и едва началось только освѣщеніе залы, заняла всѣ помѣщенія, такъ, что тѣ, которые на успѣли заранѣе заставить билетами, должны были помѣститься при входѣ. Между-тѣмъ, проходитъ часъ, проходятъ два и даже болѣе, а занавѣсъ все не поднимается. Веселый говоръ, раздававшійся до того въ публикѣ, началъ смѣняться нетерпѣливымъ ропотомъ недовольныхъ; полицейскіе чиновники суетливо

подходили къ губернатору и, по полученіи отъ него приказаній, быстро удалялись; самъ губернаторъ оставилъ на нѣкоторое время залу и долго не являлся. Ропотъ недовольной публики становился все слышнѣе, и только вторичное появленіе губернатора и вскорѣ за тѣмъ послѣдовавшее понятіе занавѣса водворили всеобщее молчаніе. Медленное движеніе передняго занавѣса въ настоящее время возбудило-бы непремѣнно досаду въ зрителяхъ, но тогда публика была снисходительнѣе къ доморощенному механизму и терпѣливѣе: минуты черезъ три занавѣсъ остановился на половинѣ пути, и на сцену выступилъ актеръ, незнакомый публикѣ. Нѣкоторые изъ посѣтителей, знакомые прежде съ ходомъ пьесы, съ холоднымъ удивленіемъ осматривали неизвѣстное лицо; но другіе, не знавшіе пьесы, при первомъ появленіи актера, забывши скуку трехчасоваго ожиданія и начали аплодировать. Актеръ, ласково принятый скучавшею публикою, смиренно приблизился къ зрителямъ и, послѣ робкаго и почтительнаго поклона во все стороны, обратился къ нимъ съ слѣдующею рѣчью: «Почтеннѣйшая публика! объявленная нынѣ комедія «Побѣгъ отъ долговыхъ», по случаю внезапной и безвѣстной отлучки главнаго персонажа г. Петрова, представлена быть не можетъ». Нужно было видѣть публику послѣ этихъ неожиданныхъ словъ: шумный говоръ мигомъ смѣнилъ напряженное вниманіе, съ которымъ прослушана была декларация незнакомаго актера. Молчаніе снова водворилось въ залѣ, и несчастный ораторъ, стремительно сбѣжавшій со сцены, при первыхъ крикахъ неудовольствія слушателей, снова выступилъ изъ-за кулисъ, смиренный и сконфуженный неудачею перваго спича, и дрожащимъ отъ внутренняго волненія голосомъ, почти сквозь слезы, произнесъ: «О, высокопочтеннѣйшіе посѣтители! тому, что объявленная пьеса не можетъ быть представлена, виноваты не мы, а содержатель Петровъ; въ замѣнъ ея мы представимъ комедію «Алхимистъ» и мелодраму «Скульпторъ», въ которыхъ будетъ участвовать новый актеръ Бобровскій». Послѣ этихъ словъ занавѣсъ снова опустился; зрители остались на нѣкоторое время въ недоумѣніи о томъ — остаться-ли въ театрѣ, или возвратиться по домамъ; но едва только послѣдовавшій вскорѣ затѣмъ знакомый публикѣ аплодисманъ, который возвѣщалъ начало спектакля, раздался изъ-за кулисъ, и занавѣсъ немедленно началъ подниматься кверху, какъ все произнесли безмолвный приговоръ: прослушать новыя пьесы. Публика осталась вполнѣ довольна спектаклемъ и игрою Бобровскаго, въ роли Здравомысла, и осыпала его похвалами.

Причины, бывшей въ театрѣ суматохи и несостоявшейся по назначенію пьесы, никто не понималъ, до слѣдующаго утра, когда полиція доне-

сла губернатору, что содержателя Петрова не могли отыскать ни въ его квартирѣ, ни въ цѣломъ городѣ, и что на него поступило до десяти тысячъ рублей разнаго рода взысканій. Тогда только объяснилась причина такъ оригинально и мастерски выполненной пьесы «Побѣгъ отъ долговъ».

Поступокъ Петрова оскорбилъ воронежскую публику и оставилъ совершенно безъ всякихъ средствъ маленькую его труппу, постоянно обижаемую имъ въ жалованьи и доведенную до крайности послѣднимъ его плутовствомъ. Любители сценическаго искусства и, въ главѣ ихъ А. М. Эллинъ, какъ знатокъ и драматическій писатель, желая поддержать существованіе бѣдствующей труппы, составили новую дирекцію, принявъ на собственный счетъ все необходимыя издержки; но все желанія ихъ примирить публику съ театромъ долгое время не имѣли желаемаго успѣха. Публика совсемъ не хотѣла видѣть афишъ, разносимыхъ по домамъ оборванною и пахальной прислугою, появленіе которой въ порядочномъ домѣ считалось истиннымъ наказаніемъ, и домохозяева предпочитали лучше оставаться въ невѣдѣніи того, что дѣлалось на театрѣ, нежели подвергать себя нахальству этихъ разнощиковъ новостей. Такимъ образомъ, объявленія о спектакляхъ проникали только до значительныхъ особъ въ городѣ, многочисленная прислуга которыхъ не страшилась этихъ оборванныхъ хожалыхъ; для остальной-же публики приготавливалось особое объявленіе, написанное огромными литерами на листѣ, который обыкновенно приклеивался къ дверямъ театра. Впрочемъ, все эти попытки возобновить театральныя представленія, какъ я замѣтилъ выше, не удавались; покровители были въ большомъ накладѣ, а бѣдные актеры едва въ состояніи были удовлетворять самымъ необходимымъ своимъ потребностямъ. Такое хладнокровіе воронежской публики къ любимому своему удовольствію продолжалось довольно долго, пока, наконецъ, вопль голодныхъ, праздношатающихся актеровъ, вопіявшихъ къ общественному состраданію, не достигъ до слуха нѣкоторыхъ благотворителей и не подвинулъ ихъ къ участию. Совершенный застой, чувствуемый въ общественной жизни Воронежа, внушилъ губернатору мысль отдать театръ въ арендное содержаніе купцу А. Кривошеину, который, самъ питая истинную страсть къ театру, достаточнымъ своимъ капиталомъ могъ удовлетворять потребностямъ труппы, состоявшей, по большей части, изъ лицъ, неимѣющихъ постоянныхъ занятій и посвятившихъ себя неблагоприятному служенію искусства, встрѣчавшаго слабое сочувствіе въ массѣ. Для предотвращенія дальнѣйшихъ попытокъ на плутовство, въ родѣ оказаннаго содержателемъ Петровымъ, а болѣе для удержанія въ границахъ порядка самой труппы, сформировавшейся изъ разныхъ сосло-

вій, учреждена была постоянная дирекція, подъ главнымъ надзоромъ бывшаго тогда вице-губернатора, Л. С. Кологривова.

Съ учрежденіемъ новой, дѣятельной дирекціи, упадающій и разстроенный театръ нашъ зажилъ обновленною жизнію; благоразумная распорядительность главнаго директора скоро начала обнаруживаться во всемъ, касающемся до театра и въ самомъ даже положеніи актеровъ, которыхъ быть съ этого времени долженъ былъ совершенно измѣниться. Избалованные съ самаго начала потворствомъ бывшаго содержателя театра, соглашавшагося на все уступки, чтобы избѣгнуть жалобъ за удержаніе должнаго имъ жалованья, доведенные до крайности праздною жизнію, постоянными лишеніями, актеры, по распоряженію новаго директора, подчинились строгому управленію дирекціи и самаго содержателя, а средства ихъ обезпечены были достаточнымъ содержаніемъ. Отличнѣйшимъ изъ нихъ назначались бенефисы, и это послѣднее обстоятельство имѣло благотѣльное вліяніе на развитіе талантовъ, щедро поощряемыхъ просвѣщенною дирекціею, вводившею повсюду правильную организацію и возбуждавшюю истинное соревнованіе между актерами. Современники этой эпохи нашего театра до-сихъ-поръ съ восторгомъ вспоминаютъ Василія Бобровскаго, который, занимая обязанность режиссера этой разнохарактерной труппы, успѣвалъ всегда самъ выполнять самыя трудныя роли репертуара, который, по тогдашнему, былъ очень обширенъ; его составляли: трагедіи — «Дмитрій Самозванецъ», «Синавъ и Труворъ», «Магометъ», «Беверлэй»; драмы — «Лаперузъ», «Ненависть къ людямъ и раскаяніе», «Честное слово», «Генераль Шлезгеймъ», «Честный преступникъ», «Попугай», «Бѣдность и благородство души»; оперы, волшебныя — «Земира и Азоръ», «Яга-Баба», комическія — «Добрые солдаты», «Любимъ и Розанна», «Мельникъ», «Калифъ на часъ», «Тигу», «Сбитенщикъ», «Говорящая картина», «Бочаръ», «Новое семейство», «Несчастіе отъ кареты», «Два охотника»; — «Мѣщанинъ во дворянствѣ», «Вертопрахъ», «Бобыль», «Школа злословія», «Укеусникъ», «Суматоха въ трактирѣ», «Новый вѣкъ», «Три брата», «Близнецы», «Сганарель», «Святочные шутки», «Хвастунъ» — «Взятіе острова Св. Луки».

Въ наше время репертуаръ подобнаго рода показался-бы слишкомъ тѣсенъ и ограниченъ, но существованіе его въ эти первыя времена нашего театра доказываетъ уже извѣстную степень развитія талантовъ и нѣкоторую самостоятельность. Бобровскій былъ душою этой маленькой труппы; будучи принужденъ, по ограниченному числу сюжетовъ, занимать роли въ комедіи и драмѣ, онъ былъ каждый разъ съ восторгомъ встрѣчаемъ публикою, которую изумляло въ немъ и разнообразіе талан-

та и добросовѣстное служеніе искусству, которому онъ предался безгранично, со всею горячностью своей страстной натуры. Печальная кончина его, послѣдовавшая нѣсколько лѣтъ спустя, была истинною потерей для сцены, которая лишилась въ немъ главнаго своего дѣятеля; потеря эта оплакиваема была всеми истинными дѣятелями искусства и возбуждала непритворное сожалѣніе въ жителяхъ.

Заботливый и предусмотрительный директоръ, съ самаго начала вступленія своего въ распоряженіе театромъ, рѣшился пополнить новыми сюжетами составъ маленькой труппы. Усиливъ его нѣсколькими новыми талантами, въ число которыхъ приглашены были братъ Бобровскаго и пѣвица Родольфъ, онъ невольно привязалъ публику къ театру и сдѣлалъ сценическія представленія потребностію для жителей. Постановленная въ первое представленіе на возобновленномъ театрѣ трагедія Сумарокова «Дмитрій Самозванецъ» доставила публикѣ возможность оцѣнить съ перваго раза всю важность участія, принятаго новымъ директоромъ въ распоряженіи театромъ. Это уже не была та грязная, неблаговидная сцена, съ полутрезвыми, неопытными исполнителями, которые неистово и параспѣвъ прочивывали свои роли: это былъ храмъ искусства, въ которомъ публика обрѣла истинные таланты, гдѣ занимала ее и восхищала прекрасная, правильная обстановка пьесъ и сознательное выполненіе главныхъ характеровъ. Въ первый вечеръ возрожденія нашего театра, Бобровскіе — Василій, въ роли Самозванца, и братъ его въ роли Георгія, превзошли всякое ожиданіе публики и, съ перваго спектакля, стали въ главѣ всей труппы.

Спектакли, продолжавшіеся съ этого времени постоянно, имѣли необыкновенный успѣхъ и окончательно пріохотили публику къ театру; дирекція присутствовала на репетиціяхъ и сообщала направленіе всему сложному театральному организму; но главнымъ присутствующимъ членомъ былъ А. М. Эллинъ, о которомъ сказано уже выше. А. М. Эллинъ былъ человекъ съ прямою, горячею любовью къ искусству. Старааясь развить вкусъ и понятіе въ каждомъ, въ комъ только замѣчалъ хотя малѣйшую способность къ театру, онъ былъ непомѣрно добръ и дѣлился познаніями со всеми; каждое недоумѣніе, встрѣчаемое артистами при изученіи характеровъ заданныхъ ролей, онъ предупреждалъ своими совѣтами и своимъ участіемъ; съ отеческою заботливостію, онъ исправлялъ все недостатки актеровъ. Терпѣніе этого трудолюбиваго человека превосходитъ всякое вѣроятіе: все современники этой эпохи нашего театра утверждаютъ, что онъ даже не смучалъ репетировать съ неграмотными актерами, къ числу которыхъ принадлежала пѣвица Родольфъ, примадонна тогдашнихъ оперъ: подвигъ труженической, баснословный въ

наше время! Изъ этого можно судить, съ какими трудностями долженъ былъ бороться Эллинъ, какія препятствія долженъ былъ предупреждать, чтобы постановить какую-нибудь пьесу, въ особенности оперу, гдѣ слѣдовало объяснить неграмотной пѣвицѣ характеръ ея роли, заставить ее заучить на память, протверживать съ нею ея партію и, во время самаго представленія, слѣдить за своевременнымъ выходомъ ея на сцену. Но всѣ эти трудности уничтожались рѣдкимъ терпѣніемъ А. М. Эллина, соединявшаго съ опытною распорядителемъ талантъ драматическаго писателя. Для Воронежскаго театра написано имъ нѣсколько новыхъ пьесъ, изъ которыхъ большая часть была отпечатана въ губернской типографіи, тогда еще бѣдной средствами и обладавшей однимъ только станкомъ. Изъ числа этихъ пьесъ мы упомянемъ здѣсь только о четырехъ, изданныхъ въ самомъ Воронежѣ, — это «Прологъ на 1804 годъ», «Ошибка отъ сходства лицъ», «Ошибка кстати» и «Необитаемый Островъ»; всѣ онѣ постановлены были въ Воронежѣ, и представленіе ихъ было истиннымъ удовольствіемъ для публики и торжествомъ для автора.

Со смертію Бобровскаго, театръ понесъ невознаградимую утрату, лишившись лучшаго своего исполнителя; но заслуга, оказанная имъ и А. М. Еллинымъ, принесла благодѣтельные плоды. Публика полюбила театръ, въ которомъ проводила лучшіе свои вечера; потребность въ немъ начала съ каждымъ годомъ обобщаться въ жителяхъ, а это послужило къ развитію общественной жизни Воронежа, къ очищенію нравовъ самаго общества и къ сближенію его, во имя искусства, въ понятіяхъ и вкусахъ. Съ этого времени театръ почти постоянно существуетъ въ Воронежѣ, изрѣдка только были небольшіе промежутки, послѣ которыхъ являлись новые антрепренеры, новые артисты и новые покровители; съ этого времени исторія его представляетъ мало занимательнаго и лишена особенностей, отличавшихъ первый періодъ его существованія. Самое зданіе театра, съ теченіемъ времени, потерпѣло многія измѣненія. Впослѣдствіи, театръ переведенъ былъ съ прежняго мѣста на площадь, занимаемую нынѣ главною гауштвахтою и окаймленную городскимъ бульваромъ, и уже съ 1821 года помѣщается въ особомъ зданіи, посѣщаемомъ теперь три раза въ недѣлю многочисленною публикою. Изъ числа антрепренеровъ, появившихся въ разное время и съ различными труппами въ Воронежѣ, въ воспоминаніяхъ театраловъ сохранились имена гг. Соколова, Каменовскаго, Турчанинова, Вышеславцева, Млотковскаго, Микульскаго и Грабовскаго; объ антрепренерствѣ послѣдняго я намѣренъ разсказать нѣсколько подробнѣе.

Конецъ тридцатыхъ годовъ былъ эпохою самою бѣдственною для на-

шого театра. Антрепренеры неохотно стали посѣщать Воронежъ, гдѣ бродячія труппы ихъ должны были отказаться отъ всякой надежды на успѣхъ въ публикѣ, хранившей воспоминанія о лучшихъ временахъ процвѣтанія искусства, и гдѣ спектакли давали самыя скудныя, почти нищенскіе, въ сравненіи съ нынѣшними, сборы. Въ это время принялъ управленіе театромъ г. Грабовскій и сформировалъ вновь приглашенную труппу; объ этомъ—то времени въ памяти многихъ сохранились самыя грустныя воспоминанія.

Грабовскій принялъ театръ безъ всякихъ средствъ къ его улучшенію и безъ всякаго къ тому желанія, въ надеждѣ скорыхъ и богатыхъ пособій отъ публики. Не будучи нисколько знатокомъ своего дѣла, онъ смотрѣлъ на свое предпріятіе съ чисто-коммерческой, спекулятивной стороны и не заботился о дѣйствительномъ благообразіи театра. Внутренность залы представляла грязный и неопрятный видъ ободранныхъ ложъ, покачивающихся скамей, неумытаго капельдинера, принимавшаго билеты при входѣ; публика, собиравшаяся въ числѣ двухъ—трехъ десятковъ лицъ, герметически закупоривалась въ шубы; освѣщеніе состояло изъ нѣсколькихъ десятковъ тонкихъ сальныхъ свѣчъ, прикрѣпленныхъ къ деревяннымъ блюдечкамъ вокругъ ложъ и на авансценѣ и отряхиваемыхъ въ антрактахъ досужимъ дворникомъ. Въ зимнее время царь отъ дыханія разстилался густою струею по залѣ, наводящей какое-то уныніе своею пустотою и безотрадностію. Однимъ словомъ, если злой куплетъ Ленскаго, осмѣивавшій провинціальныя театры, могъ имѣть примѣненіе, то для этого служилъ вѣрнымъ пособіемъ бѣдный нашъ театръ этой эпохи, къ которому относились, какъ нельзя болѣе, слова князя Вѣтринскаго:

«Нашъ театръ провинціальныи —
«Смѣхъ и горе, стыдъ и срамъ!»

Впрочемъ, и здѣсь, несмотря на жалкую обстановку театра, появлялись иногда талантливыя исполнители, но безпорядки, существовавшіе при управленіи, скоро заставляли ихъ убѣгать Воронежа. Антрепренеръ не стѣснялся въ выборѣ пьесъ; драмы и трагедіи стояли на первомъ планѣ, и бѣдный «Гамлетъ» нерѣдко выставлялся на позорище, осуществляемый въ лицѣ водевильнаго любовника, произносившаго съ таинственнымъ полушепотомъ роковое «быть или не быть».

Въ воспоминаніяхъ моихъ объ этой эпохѣ нашего театра, сохранилось нѣсколько забавныхъ анекдотовъ, и нѣкоторые изъ нихъ, какъ болѣе характеризующіе это время, я считаю нелишнимъ передать здѣсь.

Въ началѣ, если не ошибаюсь, тридцатыхъ годовъ, при театрѣ со-

держалъ кофейню и вмѣстѣ кондитерскую какой — то разорившійся итальянецъ, бывшій въ то время едва-ли не единственнымъ представителемъ кондитерскаго производства въ Воронежѣ. Маленькое заведеніе его извѣстно было подъ названіемъ кондитерской Мабило, потому-что вывѣска, скромно покачивавшаяся надъ дверьми маленькаго магазина итальянца, — носила это названіе. Умеръ-ли этотъ итальянецъ или разорился я не знаю, но помню только, что все заведеніе его перешло къ подмастерью, объ имени котораго я умолчу, и который, продолжая кондитерское производство подъ фирмою прежняго владѣльца, удержалъ, не смотря на свое славянское происхожденіе, въ публикѣ фамилію хозяина. Новый этотъ Мабило, нисколько не похожій на прежняго и нисколько не раздѣлявшій его привязанности къ своему искусству, будучи однимъ изъ постоянныхъ посѣтителей спектаклей этой эпохи, внезапно почувствовалъ въ себѣ призваніе къ театру и принялъ рѣшительное намѣреніе, оставивъ свой сладкій промыселъ, поступить на сцену. Не покидая, однакоже, совсѣмъ профессіи, которая случайно познакомила его съ театромъ, онъ началъ выходить на сцену въ числѣ статистовъ, рететируя, между-тѣмъ, тихомолкомъ первыя драматическія роли.

Впослѣдствіи, этотъ-то самый Мабило поступилъ уже въ составъ труппы г. Грабовскаго, и занималъ однажды роль Варнера, въ знаменитой того времени драмѣ «Жизнь игрока». Въ одномъ мѣстѣ этой драмы, Варнеръ прокрадывается ночью въ комнату Амаліи и прячется въ шкафъ, который долженъ былъ скрыть его на-время отъ глазъ невинной жертвы его злодѣйства. Мабило, исполнявшій эту сцену и испытывавшій въ продолженіе всей пьесы невыразимое волненіе, при входѣ въ шкафъ, забылъ погасить свѣчу, стоящую на столѣ; одинъ изъ молодыхъ людей, занимавшій кресло въ первомъ ряду, замѣтилъ этотъ промахъ и безцеремонно, громкимъ голосомъ приказалъ неловкому актеру, называя его по имени, погасить свѣчу. Покорный Мабило вышелъ изъ засады, исполнилъ требованіе посѣтителя, и снова занялъ свое мѣсто. Обстоятельство это возбудило всеобщую веселость, и драма, начинавшая усыплять публику, имѣла успѣхъ самой веселой комедіи.

Этотъ простой случай, выбранный мною изъ множества другихъ, которые могли-бы дать настоящее понятіе о труппѣ г. Грабовскаго, можетъ служить доказательствомъ того жалкаго состоянія, въ которомъ находился Воронежскій театръ, сдѣлавшійся посмѣшищемъ для публики, униженный въ актерахъ и приблизившійся къ совершенному паденію. Нужны были сильныя средства, чтобы возбудить его къ лучшей дѣятельности; нужно было возвратить ему уваженіе, котораго онъ лишился во мнѣніи

публики; нужны были таланты, которые явились-бы истинными представителями искусства и заставили-бы полюбить спектакли, необходимые для пополненія пустоты однообразной жизни губернскаго города. Все это пришло со-временемъ, и къ этому-то времени я намѣренъ обратить свой разсказъ, отъ котораго отвлекся историческими воспоминаніями.

Не стану говорить объ антрепренерствѣ г. Азбучкина, смѣнившаго содержателя Грабовскаго; не стану воскрешать въ памяти своей грустныя тѣни прошлаго и перейду къ 1843 году, эпохѣ возрожденія нашего театра.

Въ 1843 году, нѣсколько любителей изъ высшаго круга, и въ главѣ ихъ Н. И. Тулиновъ, рѣшились выдвинуть нашъ театръ изъ того безотраднaго положенія, въ которое поставили его жадность и корыстолюбіе антрепренеровъ и учредили постоянную дирекцію. Съ этого времени начинается обновленное существованіе театра, настаетъ новая эпоха въ исторіи его развитія; театръ перестаетъ быть ареною для спекулянтовъ, любителей скорой наживы, и учреждается общество образованныхъ любителей, которые соединяются во имя искусства и не щадятъ ни трудовъ, ни издержекъ къ осуществленію общаго дѣла. Увеличеніе числа помѣщеній, и внутреннія передѣлки, произведенныя въ самомъ зданіи театра, изгладили въ публикѣ и самое воспоминаніе о прежнемъ, а вновь сформированная труппа, въ составѣ которой появились лучшіе таланты, собранные съ разныхъ провинціальныхъ сценъ, познакомили городъ съ истинными понятіями о драматическомъ искусствѣ. Подробное описаніе состава этой труппы и первыхъ успѣховъ нашего театра завлекло-бы слишкомъ далеко и заставило-бы меня прибѣгнуть къ повторенію сказаннаго, потому-что въ одной изъ книжекъ «Репертуара» за 1844 годъ, описанъ уже этотъ театръ, однимъ изъ тогдашнихъ посѣтителей: здѣсь я замѣчу только, что дирекція продолжалась недолго; что уже въ 1846 году театръ нашъ былъ оставленъ на произволъ случая и поступилъ въ распоряженіе содержателя Каратѣева, который, разумѣется, не могъ поддержать его въ томъ блестящемъ видѣ, въ которомъ находился онъ подъ управленіемъ дирекціи.

Въ 1847 году прибылъ въ Воронежъ г. военный губернаторъ, генералъ-лейтенантъ Николай Андрѣевичъ Лангель. Осенью того-же года театръ лишился послѣдняго руководителя, потому-что содержатель Каратѣевъ умеръ отъ холеры, которая въ то время начала свои опустошенія въ городѣ.

Каждому еще до-сихъ-поръ памятны потери, которыя были слѣдствіемъ появленія эпидеміи въ различныхъ мѣстностяхъ Россіи, и ка-

ждый помнить, въ какомъ уныніи повсемѣстно находилось общество въ эту тяжкую годину испытанія. Воронежъ, пострадавшій не менѣе другихъ городовъ отъ этого несчастія, въ 1847 году представлялъ мрачный и унылый видъ, и общество, предоставленное самому себѣ, безъ всякихъ средствъ къ разсѣянію, походило на движущихся автоматовъ, сдѣлавшихся равнодушными ко всему другому, кромѣ смерти, устилавшей трупами городскія кладбища. Послѣ дѣятельныхъ и необходимыхъ распоряженій, клонившихся къ предотвращенію несчастія, первую заботою г. военнаго губернатора было ободрить и оживить общество, которое вело мрачную и однообразную жизнь, и доставить ему развлеченія, въ которыхъ оно видимо нуждалось; съ этою цѣлію онъ рѣшился возстановить театръ въ приличномъ видѣ.

Естественно, что доброе желаніе просвѣщеннаго начальника должно было встрѣтить сочувствіе въ обществѣ, и дѣйствительно, нѣкоторые члены дирекціи 1843 года изъявили полную готовность, вмѣстѣ съ его превосходительствомъ, учредить новую дирекцію. Это обстоятельство послужило поводомъ къ дѣятельнымъ и благоразумнымъ мѣрамъ, которыя привели театръ нашъ въ то самое положеніе, въ которомъ онъ находится нынѣ, будучи, по всей справедливости, однимъ изъ лучшихъ провинціальныхъ театровъ въ Россіи. Въ томъ-же году, новая дирекція приступила къ необходимымъ передѣлкамъ въ театрѣ, ангажировала хорошихъ актеровъ, усилила оркестръ, украсила сцену новыми декораціями и пополнила гардеробъ приличными костюмами, такъ, что въ первое представленіе публика едва могла узнать въ этой прекрасно освѣщенной залѣ, блестящей позолотою ложъ и изящною простотою отдѣлки, и въ этой сценѣ украсившейся присутствіемъ талантливыхъ актеровъ, прежнія, которыя были уже слишкомъ далеки, чтобы удовлетворять ея вкусу и требованіямъ.

Съ этого времени улучшенія въ театрѣ продолжаются постоянно, и каждый новый годъ отмѣчаетъ что-нибудь новое, какія-нибудь усовершенствованія въ лѣтнее время, зданіе ежегодно обновляется; во внутреннихъ залахъ происходятъ какія-нибудь передѣлки и поправки и, прошедшимъ лѣтомъ, устроены были, по образцу столичныхъ театровъ, два занавѣса, увеличено помѣщеніе для оркестра; капельдинеры одѣты въ ливрей, и ложи выкрашены вновь съ возобновленною позолотою; театральное фойе снабжено удобною мебелью, и стѣны его оклеены нарядно и со вкусомъ. Публика пристрастилась къ театру, въ которомъ проводитъ лучшіе свои вечера; извѣстнѣйшіе изъ провинціальныхъ актеровъ стали стекаться въ Воронежъ, гдѣ благоразумное управленіе дирекціи и прекрасное содержаніе, назначаемое артистамъ, доставляютъ прочное существованіе, которое подвержено многимъ случайностямъ

при частномъ антрепренерствѣ, и театрѣ, еще недавно разстроенный и не слышанный, занимаетъ теперь почетное мѣсто между первоклассными провинціальными театрами въ Россіи.

Въ прошедшій сезонъ 1851 — 1852 года, сцена наша особенно была оживлена присутствіемъ даровитыхъ актеровъ; драма, водевиль, комедія, и даже опера и балетъ, составляли разнообразныя спектакли, и публика усердно посѣщала театрѣ, который сдѣлался для нея главнымъ развлеченіемъ. Бенефисы лучшихъ изъ актеровъ отличались такимъ многолюдствомъ, которое доказываетъ прямо, что театрѣ въ Воронежѣ сдѣлался необходимостію для общества. Труппу, находящуюся подъ распоряженіемъ дирекціи, въ теченіи прошедшаго сезона, составляли слѣдующіе персонажи:

Г-жа Мочалова, первая драматическая актриса нашей сцены и бывшая любимица кievской, севастопольской и одесской публики. Прекрасныя средства этой артистки, сознательное исполненіе ею своихъ ролей и талантъ, образованный тщательнымъ изученіемъ лучшихъ образцовъ, съ самаго начала привлекли къ ней любовь и вниманіе публики. Талантливая артистка начала сценическое поприще подъ именемъ Даниловой на Московскомъ театрѣ, и уже впоследствии приняла настоящую фамилію своего мужа, роднаго племянника знаменитаго П. С. Мочалова; подъ тѣмъ и другимъ именемъ, она служила украшеніемъ многихъ провинціальныя сценъ, а послѣднія пять лѣтъ безвыѣздно провела въ Воронежѣ. Репертуаръ г-жи Мочаловой очень обширенъ и разнообразенъ, хотя слабое здоровье артистки не позволяетъ ей слишкомъ часто появляться передъ публикою; каждая роль, исполняемая ею, становится такъ рельефна, что отнимаетъ у другихъ всякую возможность соперничества. Сценическая опытность, умѣнье одѣться къ лицу, искусство усвоивать себѣ вполне характеры ролей и естественная, благородная игра, выводятъ ее изъ ряда обыкновенныхъ талантовъ и дѣлаютъ незамѣнимою для здѣшней сцены. Въ драмѣ, гдѣ требуются энергія и сила страсти, нельзя желать лучшей исполнительницы, а въ высокой комедіи и водевилѣ, роли опытныхъ кокетокъ и дамъ хорошаго общества невольно увлекаютъ зрителя умнымъ исполненіемъ. Къ числу несомнѣнныхъ достоинствъ г-жи Мочаловой нельзя также не отнести необыкновеннаго умѣнья держаться на сценѣ, непринужденной граціи движеній и правильности дикціи, которую не всегда приходится встрѣчать въ провинціальныя актерахъ, не рѣдко терзающихъ непривычное ухо посторонняго зрителя самымъ отчаяннымъ jargon. Множество ролей, самыхъ разнообразныхъ, сдѣлались исключительнымъ достояніемъ опытной артистки на здѣшней сценѣ; но, не входя въ подробное ихъ исчисленіе, назову только тѣ изъ нихъ, которыя осо-

бенно въ блестящемъ свѣтѣ выказываютъ талантъ г-жи Мочаловой; къ такимъ ролямъ, въ драмахъ, принадлежатъ: *Марины Мишекъ* (Смерть Лапунова), *Тизбы* (Венеціанская актриса), *Антонины* (Велизарій), *Маріи Роганъ* (Поединокъ при кардиналѣ Ришльё), *Екатерины* (Князь Скопинъ—Шуйскій), *Елены Глинской*, въ пьесѣ того-же имени и другія; въ водевиляхъ и комедіи: *Наденьки*, (Въ людяхъ ангелъ, не жена), *Анеты* (Андрей Степанычъ Бука), *Делевой* (Плащъ), *Озерской* (Житейская школа), *Александрины* (Заговорило ретивое), и многія другія.

Г-жа *Ленская* (бывшая *Протасова*), прекрасная водевильная актриса, издавна пользующаяся благосклонностію воронежской публики. Отличительныя достоинства ея игры — неподдѣльная веселость, простота и задушевность, которыми бываетъ проникнута большая часть ея ролей, и которыми прекрасная артистка приобрѣла всеобщую любовь. Назначеніе ея таланта собственно для водевилей: роли деревенскихъ кокетокъ, молодыхъ женщинъ средняго круга, сварливыхъ женъ и мальчиковъ выходятъ у нея необыкновенно удачны; въ драмахъ ея игра не лишена бываетъ чувства и искренности. Нельзя, однакоже, не замѣтить здѣсь, что послѣдній родъ репертуара не составляетъ призванія г-жи *Ленской*: къ веселой, смѣющейся фізіономіи ея совсѣмъ не пристали слезы, которыя иногда необходимы по самому ходу драмы, и въ роляхъ энергическихъ и требующихъ строгой обдуманности исполненія, игра ея оставляетъ еще многого желать. Репертуаръ г-жи *Ленской* самый разнообразный и почти ни одна пьеса не обходится безъ ея участія, потому что публика охотнѣе посѣщаетъ спектакли, въ которыхъ встрѣчаетъ любимую артистку. Какъ на особенно удачныя роли ея репертуара, слѣдуетъ указать, въ драмахъ, на роли — *Гризельды*, въ пьесѣ того-же имени, *Ольги* (Владиміръ Заревскій) *Микаэли*, (Дочь Карла Смѣлаго); въ водевилѣ: *Наденьки* (Мужъ подъ башмакомъ), *Екатерины Біанконелли* (Дебютантка), и другія. Особенно отчетлива и симпатична выходитъ у нея роль *Маши*, въ прекрасной комедіи Тургенева «Холостякъ». Большая часть публики, при первомъ представленіи этой пьесы, поставленной на бенефисъ М. С. Щепкина, бывшаго лѣтомъ 1850 года въ Воронежѣ, плакала вмѣстѣ съ Мошкинымъ и его воспитанницею и, послѣ каждаго вызова, самъ почтенный ветеранъ русской сцены выводилъ съ собою нашу артистку. Еще не такъ давно, г-жа *Ленская* съ успѣхомъ занимала первыя роли въ легонькихъ операхъ, которыя появляются иногда на нашей сценѣ; но въ настоящее время средства ея къ пѣнію до того ослабѣли, что даже водевильныя куплеты исполняются ею съ видимымъ усиліемъ.

Г-жа Шванъ (бывшая *Данилова*) съ успѣхомъ появляется въ роляхъ сварливыхъ женъ; въ оперѣ, гдѣ занимаетъ всегда лучшія роли и на вторыхъ амплуа въ драмахъ; но истинное призваніе ея—роли старухъ и свахъ, которыя, какъ-бы мимоходомъ, попадаютъ въ ея репертуаръ и бывають обработаны весьма отчетливо. Главный недостатокъ ея игры, замѣчаемый публикою, составляетъ часто незнаніе ролей, которое становится особенно замѣтнымъ въ пьесахъ, написанныхъ стихами; по какому-то особенному искусству, г-жа Шванъ умѣетъ превращать ихъ въ рубленную прозу и, скрадывая цѣлыя слова, иногда составляетъ зрителя въ недоумѣніе, относительно смысла произносимой ею фразы. Недостатокъ этотъ лишаетъ ее самостоятельнаго положенія на сценѣ; всѣ движенія ея тогда бывають связаны, а глаза, въ продолженіе этого, бывають устремлены на суфлера.

Г-жа Нѣмова (бывшая *Коломбъ*) еще не такъ давно съ успѣхомъ занимала первыя роли на Кіевскомъ театрѣ, но у насъ холодно принята публикою, которая остается постоянно въ своей привязанности къ первымъ артисткамъ драмы и водевиля. Талантъ ея не изъ тѣхъ дюжинныхъ, ничего не значащихъ талантовъ, которыми, болшею частію, пополняются провинціальныя сцены за недостаткомъ даровитыхъ актеровъ; г-жа Нѣмова полезная актриса, которая можетъ быть терпима на всякомъ театрѣ и во всякой роли, хотя-бы изъ первыхъ; такими актрисами дорожатъ въ провинціи. Къ числу недостатковъ ея, съ которыми не можетъ примириться публика, должно отнести холодность, постоянно замѣчаемую въ ея игрѣ, и слишкомъ замѣтное однообразіе дикціи; недостатки эти были главною причиною равнодушія къ ней нашихъ театраловъ.

Г-жа Мочалова-Франціева, родная сестра покойнаго Павла Степановича Мочалова, когда-то замѣчательная драматическая актриса, пользовавшаяся постоянно любовью публики разныхъ театровъ, а въ настоящее время съ успѣхомъ исполняющая у насъ роли старухъ и перерзѣлыхъ дѣвъ въ комедіяхъ. Давно уже память начинаетъ измѣнять почтенной артисткѣ, постоянно въ теченіи многихъ десятковъ лѣтъ трудящейся для сцены; но страсть ея къ театру не ослабѣваетъ съ годами; въ три года постоянного пребыванія своего въ Воронежѣ, она успѣла привыкнуть къ здѣшней публикѣ и сумѣла пріучить ее къ себѣ. Надобно однакожь отдать справедливость, нѣкоторыя роли заслуженной артистки напоминають талантъ, когда-то блестящій и проникнутый истиннымъ пониманіемъ искусства.

Г-жа Васильева, актриса не безъ таланта, но съ ограниченными средствами для сцены, показывающаяся въ роляхъ бѣдныхъ вдовъ и

матерей семейства; однообразная и малоодушевленная игра служить главною причиною равнодушія къ ней здѣшной публики. Роли ключницъ и нянюшекъ въ водевиляхъ лучшія изъ ея репертуара.

Г-жи Шебекъ и Иванова, обѣ артистки Московской сцены, обѣ приглашены въ одно время на вторыя амплуа въ водевилѣ и обѣ одинаково обманули ожиданія публики. Заѣзжія артистки приглашены дирекціею съ тою цѣлію, чтобы пополнить недостатокъ, ощутительный при настоящемъ составѣ труппы — недостатокъ въ молоденькой актрисѣ, на вторыя водевильныя амплуа. *Г-жи Шебекъ и Иванова*, не довольствуясь скромнымъ назначеніемъ, вздумали дебютировать въ первыхъ роляхъ, въ которыхъ публика постоянно имѣла передъ собою лучшіе образцы, и слѣдствіемъ такой самонадѣянности былъ рѣшительный неуспѣхъ. Постояннымъ посѣтителямъ театра невольно пришли на память тѣ-же самыя роли, исполняемыя у насъ *г-жами Мочаловою и Ленскою*; это обстоятельство повело къ сличенію, которое оказалось далеко не въ пользу московскихъ артистокъ и здѣсь уже съ самаго начала родилось къ нимъ нерасположеніе публики, которое усиливалось съ каждымъ новымъ появленіемъ ихъ на нашей сценѣ и съ каждою повою неудачей. Въ настоящее время, публика почти совсѣмъ забыла о существованіи заѣзжихъ знаменитостей и на бенефисахъ ихъ, данныхъ съ самое лучшее время, не трудно было сосчитать посѣтителей. Къ отличительнымъ свойствамъ, характеризующимъ *г-жъ Иванову и Шебекъ*, должно отнести, что первая очень весела на сценѣ, — кстати или не кстати, но зрителю представляется полная свобода любоваться ея зубами; вторая, напротивъ, отличается излишнею солидностію, и игра ея вѣдетъ страшнымъ холодомъ. Назначеніе таланта той и другой опредѣлить довольно трудно, потому-что главнымъ препятствіемъ здѣсь служитъ совершенное отсутствіе его проявленія, не допускающее возможности анализа.

Г-жа Шумилина не безъ успѣха появляется во второстепенныхъ роляхъ водевилей, и въ особенности бываетъ недурна въ роляхъ суретокъ.

Г-жа Кутузова, молоденькая актриса, поступившая въ составъ труппы въ концѣ прошедшаго сезона. Принимая въ расчетъ богатые средства ея къ сценѣ, можно предсказать ей хорошую будущность, и если голосъ ея, звучный и нѣжный, достигнетъ извѣстной степени обработки, то публика наша найдетъ въ ней прекрасную исполнительницу для оперы.

Г-жа Глазова, одна изъ главныхъ сюжетовъ нашей маленькой малороссійской труппы, приглашенной къ намъ въ 1850 году изъ Харь-

кова. Для малороссійскихъ ролей нельзя желать лучшей исполнительницы, и въ этомъ отдалъ полную справедливость М. С. Щепкинъ, участвовавшій у насъ, вмѣстѣ съ нею, въ «Москаль Чаривникъ». Впрочемъ, пьесы малороссійскія даются у насъ очень рѣдко, и потому г-жа Глазова часто бываетъ вынуждена появляться въ русскихъ спектакляхъ, гдѣ малороссійскій акцентъ предательски обличаетъ ея происхожденіе.

Изъ актеровъ, извѣстныхъ публикѣ, назову слѣдующихъ:

Г. Максимовъ, прекрасный артистъ на роли *Jeunes-premiers*. Объ немъ, какъ о талантливомъ актерѣ по преимуществу, я считаю излишнимъ сообщить нѣкоторыя подробности.

Г. Максимовъ образовалъ свой талантъ въ Московской Театральной Школѣ, подъ руководствомъ опытныхъ артистовъ столицы. Рано почувствовавъ въ себѣ призваніе къ театру, онъ, послѣ смерти отца, отказался отъ торговли, которая издавна была исключительнымъ занятіемъ его семейства и поступилъ въ число вольноприходящихъ воспитанниковъ школы. Образование его шло быстро и окончилось въ то время, когда артистъ былъ еще слишкомъ молодъ, чтобы выступить на сцену, и слишкомъ малъ, чтобы принять на себя исполненіе какой-нибудь роли. Оставленный при театрѣ до совершеннаго возраста, онъ скоро соскучился своимъ бездѣйствіемъ и обязанностью суфлера, которую принялъ—было на себя, и года черезъ два по выходѣ изъ школы, отправился искать опытности и счастія въ провинцію, которая съ-тѣхъ-поръ дѣлается исключительнымъ его поприщемъ. Первые успѣхи привѣтствовали талантливаго юношу въ Ярославлѣ: прибывши туда въ половинѣ сезона, онъ былъ принятъ и оцѣненъ тамошнею публикою, и оттуда переѣхалъ въ Кіевъ, гдѣ одинъ изъ товарищей его, молодой Мочаловъ, покойный мужъ нашей драматической актрисы, принялъ на себя обязанность антрепренера. Здѣсь талантъ молодаго артиста развился окончательно, и съ этого времени онъ дѣлается постояннымъ любимцемъ публики; побывавъ потомъ въ Харьковѣ, Таганрогѣ и Одессѣ и видѣвши вездѣ отличный приемъ, онъ, при началѣ прошедшаго сезона, пріѣхалъ въ Воронежъ.

Въ настоящее время, **г. Максимовъ** освоился съ нашею сценою и сдѣлался любимымъ артистомъ посѣтителей театра. Истинное назначеніе его — роли повѣсь, фатовъ, и Поль-де-Коковскихъ героевъ; онъ веселъ и разнообразенъ на сценѣ, манеры его свободны и нелишены благородства, роли всегда разучены превосходно, и суфлерская будка, необходимый ключъ спасенія для его товарищей, оказывается при немъ совершенно бесполезною. За неимѣніемъ у насъ въ настоящее время драматическихъ талантовъ, **г. Максимовъ**, по необходимости, долженъ иногда появляться въ драмѣ, но здѣсь талантъ его

оказывается только посредственнымъ, между-тѣмъ какъ въ большей части водевилей, г. Максимовъ бываетъ превосходенъ. Въ легонькихъ французскихъ драмахъ талантъ его можетъ иногда обратить на себя вниманіе; но и здѣсь истинно хорошихъ ролей у него немного, и справедливость требуетъ замѣтить, что, не смотря на все желаніе молодаго артиста оставить за собою громкое имя перваго драматическаго актера, самыя средства его къ драмѣ будутъ главнымъ и неодолимымъ къ тому препятствіемъ. Приятно было-бы, если-бы онъ не старался измѣнять направленію, которое кажется очевиднымъ для его таланта; быть въ одно и тоже время первымъ водевильнымъ любовникомъ и первымъ драматическимъ героемъ—мечта слишкомъ смѣлая, которой никакъ не долженъ считать въ себѣ актеръ, понимающій всѣ особенности этихъ двухъ противоположныхъ направленій въ искусствѣ.

Г. Максимовъ довольно разнообразенъ въ водевилѣ, не смотря на безцвѣтную и всегда одинаковую личность *jeunes-premiers*, выкраиваемыхъ по одной и той-же мѣркѣ, между-тѣмъ, какъ въ драмѣ онъ утомляетъ зрителя безпрестаннымъ и тяжелымъ вздыманіемъ груди, вздохами и странною игрою фizioноміи. Лучшія роли его въ водевиляхъ: *Губкина*, «Студентъ, артистъ, хористъ и аферистъ», *Робена*, «Записки демона», *Гусакова*, «Нѣтъ денегъ, дайте сдачи», *Дюрана* «Воспитанникъ любви», *Шестаковскаго* «Водевиль съ переодѣваніемъ», «Коломенскаго нахлѣбника», и другихъ. Въ водевилѣ «Артистъ», талантъ его выказывается особенно наглядно и до конца увлекаетъ зрителя: маэстро итальянецъ, балетный танцовщикъ, профессоръ декламации выходятъ у него одинаково отчетливы и въ равной степени занимаютъ публику; въ каждой изъ этихъ личностей, молодой артистъ, разнообразный въ самыхъ мелочныхъ отгѣнкахъ исполненія, является лицомъ вполне самостоятельнымъ. Въ комедіи особенно хороши выходятъ у него роли *Глинскаго* «Житейская школа», и *Мезецкаго* «Заговорило ретивое». Замѣчу вообще, что г. Максимовъ, въ короткое время, сумѣлъ снискать себѣ любовь и уваженіе публики, встрѣчающей аплодисманами каждое появленіе его на сценѣ и, къ чести молодаго артиста должно отнести, что постоянныя похвалы не заставляютъ его пренебрегать своими обязанностями; онъ платитъ всѣми своими средствами за вниманіе публики и пользуется имъ добросовѣстно, какъ актеръ даровитый и уважающій свое дѣло.

Г. *Ленскій*, умный, трудолюбивый и даровитый актеръ, который въ теченіи многихъ лѣтъ съ успѣхомъ трудится для провинціальной сцены; игра его обличаетъ много опытности и усердія къ своему дѣлу. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, г. Ленскій занималъ съ большимъ успѣхомъ роли первыхъ любовниковъ на Харьковскомъ театрѣ, но, впо-

слѣдствіи, подчинившись вліянію страсти къ кочевой жизни, которая бываетъ неразлучна съ званіемъ провинціального актера, онъ объѣздилъ значительнѣйшіе изъ провинціальныхъ театровъ и въ послѣдніе три года оставался въ Воронежѣ. Настоящее назначеніе его для ролей пожилыхъ людей и благородныхъ отцовъ; нерѣдко также удаются ему роли драматическихъ злодѣевъ. Вообще, трудно опредѣлить направленіе его таланта, потому—что онъ появляется во всѣхъ роляхъ репертуара и, какъ актеръ умный и понимающій дѣло, нигдѣ не бываетъ лишнимъ; его можно упрекнуть только въ одномъ недостаткѣ — однообразіи жестовъ. Но онъ такъ опытенъ, что не испортитъ никакой роли. Игра его, при случаѣ, не лишена бываетъ благородства и достоинства, а иногда отличается самую безыскусственною простотою; все зависитъ отъ назначенія роли.

Г. Шванъ, первый комическій актеръ здѣшной труппы, унижающій иногда свой талантъ самымъ неразборчивымъ фарсомъ. Прекрасный, даровитый актеръ, онъ пренебрегаетъ своими средствами и, увѣренный въ постоянной къ нему благосклонности публики, часто, не читавши роли, рѣшается выходить на сцену, съ одною только надеждою на суфлера и съ увѣренностію въ свою находчивость. Публика такъ привыкла къ его припинаніямъ, что уже снисходительно выслушиваетъ его роли, и талантъ, который при старательной разработкѣ, могъ—бы пріобрѣсти почетную извѣстность, переходитъ часто въ самое непростительное буффонство. Военитанный въ Московской Театральной Школѣ, г. Шванъ видѣлъ передъ собою лучшіе образцы, и съ талантомъ живымъ и разнообразнымъ могъ—бы стать на ряду съ первыми комическими актерами каждой труппы; но между—тѣмъ, самонадѣянность и пренебреженіе къ своему долгу губятъ богатые средства и ставятъ его далеко ниже того положенія, которое могло—бы быть настоящимъ его удѣломъ. Есть нѣсколько ролей изъ его репертуара, которыя носятъ на себѣ печать несомнѣннаго дарованія, но такихъ ролей немного; къ числу ихъ принадлежатъ: *Дюверже* «Бездѣтная вдова», *Синичкина* «Левъ Гурычъ Синичкинъ», *Пьера* «Горцы на чердакѣ», *Землемѣра*, *Точки* «Новый Хлестаковъ», *Лакея* «Поѣздка за границу», *Буки* «Андрей Степанычъ Бука», *Александра* «Бѣда отъ нѣжнаго сердца»; сверхъ того ему нерѣдко удаются роли молюеровскихъ скрягъ, отставныхъ офицеровъ и старыхъ волокитъ. Во всѣхъ этихъ роляхъ г. Шванъ не уронилъ—бы себя ни на какой сценѣ.

Г. Людвигъ, молодой актеръ, занимающій роли вторыхъ любовниковъ въ водевилѣ. Главный недостатокъ его игры однообразіе въ интонаціи и жестахъ, которое служитъ препятствіемъ къ его успѣху въ публикѣ.

Г. Васильевъ, второй комическій актеръ, любимый здѣшнею публикою и обладающій замѣчательнымъ дарованіемъ. Игра его не поразитъ своимъ блескомъ зрителя, но всегда оставитъ въ немъ пріятное впечатлѣніе; скудными средствами для сцены надѣлила его природа, но зато она дала ему огромный запасъ трудолюбія и рѣдкую добросовѣстность къ исполненію своего дѣла. Есть нѣсколько ролей въ комедіяхъ, въ которыхъ г. Васильевъ говоритъ только два—три слова, но, при его исполненіи, роли эти невольно обращаютъ на него вниманіе зрителя, потому—что истинный комизмъ, который замѣтенъ бываетъ въ оттѣнкахъ интонаціи голоса и въ самой фізіономіи, отличаетъ ихъ отъ другихъ, гораздо болѣе замѣтныхъ. Къ числу такихъ ролей принадлежитъ, на—примѣръ, роль *Таратайкина* въ двухъ—актной комедіи «Богатая старушка». Нерѣдко г. Васильевъ занимаетъ первыя комическія амплуа, и здѣсь игра его, лишенная фарса, заслуживаетъ всякой похвалы.

Г. Борисовъ, актеръ старой школы, посвятившій скудные остатки своего таланта ролямъ благородныхъ отцовъ и стариковъ въ комедіи и драмѣ. Игра его отличается рѣзкими особенностями, которыя все рѣже и рѣже приходится встрѣчать на сценѣ: эффектная картинность позъ, какая—то особенная торжественность и пѣвучесть дикціи, натянутость движеній ставятъ его на ходули передъ публикою и часто возбуждаютъ нескромную веселость въ зрителяхъ. Впрочемъ, и у него есть одна роль, въ которой онъ является артистомъ, — это роль *Панкраса*, въ мольеровой комедіи «*Le mariage forcé*», передѣланной на русскіе нравы подъ названіемъ: «Хоть тресни, а женись».

Г. Бабанинъ, режиссеръ здѣшней труппы, изрѣдка появляющійся во вторыхъ роляхъ драмы и въ роляхъ пожилыхъ людей въ комедіи и водевилѣ. Игра его лишена естественности, которая особенно нравится въ актерѣ и, по временамъ, напоминаетъ г. Борисова.

Г. Кварталовъ, молодой актеръ, занимающій роли слугъ и молодыхъ простаковъ въ водевилѣ. Неожиданное обстоятельство обратило на него вниманіе публики, а именно постановка у насъ «Аскольдовой могилы»; здѣсь г. Кварталовъ, занимавшій роль *Торопки*, выказалъ довольно изрядныя средства къ оперѣ.

Гг. Яковлевъ и Безматный появляются въ роляхъ слугъ, но главное ихъ назначеніе для малороссійскаго репертуара.

Въ 1850 году, здѣшняя труппа усилена была маленькимъ балетомъ, приглашеннымъ изъ Харькова, и хористами. Въ числѣ танцовщицъ первое мѣсто занимаетъ г—жа *Скрипичына*, за нею г—жи *Шебекъ*, *Кучерявникова* и *Глазова*; танцовщики: гг. *Шванъ* и *Безматный*. До—сихъ—поръ сцена наша поставила два балета: «*Дѣва Дуная*» и «*Пи*»

ратъ»; танцы для обоихъ арранжированы были г. Шваномъ, декорациа написаны г. Шумиловымъ, талантливымъ декораторомъ здѣшней труппы; костюмы всѣ составлены были по московскимъ рисункамъ, съ замѣчательнымъ богатствомъ и вкусомъ. Жителю столицы, избалованному роскошною обстановкою балета и воздушными пируэтами Карлотты Гризи и Фанни Эльслеръ, показался-бы, можетъ быть, страннымъ нашъ балетъ, въ которомъ, за малочисленностію сюжетовъ, нѣкоторыя роли и почти весь кордебалетъ, исполняются актрисами, мало знакомыми съ правилами хореографіи; но для насъ, нетребовательныхъ и невзыскательныхъ провинціаловъ, и этотъ балетъ имѣетъ всю прелесть новости, потому-что до-сихъ-поръ большая часть публики знакома была съ балетомъ только по наслышкѣ и по описаніямъ.

При началѣ прошедшаго сезона, сцена наша оживлена была присутствіемъ г. *Рыбакова*, одного изъ талантливыхъ драматическихъ актеровъ, которыхъ рѣдко приходится встрѣчать въ провинціи; но, съ наступленіемъ осени, первый трагикъ здѣшняго театра оставилъ Воронежъ и, какъ слышно, съ успѣхомъ дебютировалъ въ Москвѣ, которая, въ 1850 г., лишила насъ еще г. Полтавцева, пользующагося въ настоящее время благосклонностію москвичей. Съ отъѣздомъ г. Рыбакова изъ Воронежа, театръ нашъ сдѣлался, по преимуществу, театромъ водевильнымъ; драма принимается уже какъ исключеніе, которое не всегда удается, за неимѣніемъ главнаго персонажа; но, въ замѣнъ ея, отчетливая обстановка водевилей, умное и талантливое ихъ исполненіе заслуживаютъ всякой похвалы. Нѣтъ худа безъ добра, и если теперь мы не возвращаемся изъ театра съ тревожными мыслями, навѣянными грустнымъ и часто кровавымъ содержаніемъ драмы, за то часы, которые приходится проводить въ театрѣ, самые веселые часы для публики, которые проходятъ незамѣтно, оставляя за собою легкое, но пріятное впечатлѣніе.

Для полнаго очерка театра, слѣдуетъ упомянуть объ оркестрѣ, сформированномъ изъ сорока прекрасно дирижируемыхъ музыкантовъ. Трудно встрѣтить въ провинціи такую стройную, согласную гармонию, и первая скрипка оркестра, молодой *Скрипичинъ*, сынъ капельмейстера, безъ всякихъ преувеличеній, можетъ назваться талантомъ, который не уронилъ-бы себя ни въ одномъ оркестрѣ.

Вотъ каково настоящее положеніе театра въ Воронежѣ, прекрасный плодъ просвѣщенной заботливости г. военнаго губернатора, и вотъ какими путями пробивалось искусство, развившееся вмѣстѣ съ самымъ обществомъ и съ его эстетическими требованіями. Отрадно видѣть, что и въ самыя трудныя эпохи для искусства, сочувствіе къ нему не остав-

ляло общества; что истинные любители не допускали театра до окончательнаго паденія и являлись на помощь его тотчасъ, какъ только частныя средства оказывались недѣйствительными для его содержанія. Такое сочувствіе всегда оказывало благотѣльное вліяніе на искусство, и теперь, при управленіи дирекціи, театръ нашъ имѣетъ въ своемъ распоряженіи такія прекрасныя сценическія средства и такъ обставленъ всеѣмъ необходимымъ, что достигъ блестящей эпохи своего существованія и можетъ считаться находкою для города. Въ самомъ-дѣлѣ, теперь уже не страшны для воронежцевъ долгіе осенніе вечера, которые не рѣдко предають общество губернскихъ городовъ въ добычу картамъ и скукѣ; теперь для нихъ есть развлеченіе, которое сократитъ время займетъ ихъ вниманіе въ свободныя минуты. Честь и хвала заботливой дирекціи!

Валентинъ Срединъ.

ТЕАТРЪ ВЪ ХЕРСОНѢ.

Въ прошломъ году, зимой, въ Херсонъ прибыла труппа г. Бурмицкаго; она дала 12 спектаклей. Вниманіе, которымъ публика наша постоянно дарила ихъ, дало г. Бурмицкому мысль — утвердиться съ своей труппой навсегда въ этомъ городѣ. Мысль благая: здѣсь не было театра до-сихъ-поръ. Правда, существовалъ у насъ когда-то театръ, построенный для спектаклей на время пребыванія у насъ Императрицы Екатерины II, а нынче едва-едва держится старое ветхое зданіе... Какъ-бы то ни было, г. Бурмицкій заключаетъ съ иностранцемъ Гарутой * контрактъ о наймѣ у него зданія для представленій; послѣдній принимаетъ всѣ мѣры, чтобы дать театру приличный видъ; наконецъ, пріѣзжаетъ труппа, начинаются спектакли; число постоянныхъ зрителей ручается, что антрепренеръ не раскается, пріѣхавъ къ намъ. Открытіе театра—эпоха въ жизни города: онъ необходимо будетъ имѣть вліяніе на эстетическое развитіе вкуса публики, особенно средняго класса, да, въ извѣстной степени, и на самые успѣхи общественнаго образованія; вотъ почему особенно пріятно привѣтствовать это благородное предпріятіе г. Бурмицкаго. Намъ, херсонцамъ, остается только дарить вниманіемъ его спектакли, какъ можно постояннѣе и чаще, чтобы дать этимъ возможность труппѣ существовать, увеличиваться въ составѣ, совершенствоваться, а самого антрепренера — избавить отъ вознаграждаемыхъ издержекъ, для общей пользы. На возрожденной сценѣ идутъ водевили, комедіи, оперы, оперетки, драмы; многія изъ пьесъ принадлежатъ къ самымъ замѣчательнымъ произведеніямъ литературы; другія къ старенькимъ передѣлкамъ съ французскаго на русскіе нравы; есть также нѣсколько и малороссійскихъ пьесъ. На первыхъ порахъ, не смотря даже, что лѣтомъ такъ плохи бываютъ сборы, репертуаръ обширенъ и разнообразенъ. Чего-же мы можемъ ожидать дальше, на-примѣръ осенью, зимой, когда каждый порядочный человѣкъ ищетъ развлечения въ театрѣ! Сборы будутъ, безъ всякаго сомнѣнія, сравнительно больше; обстановка пьесъ будетъ, по этому, лучше.

Считаю нужнымъ сказать нѣсколько словъ о каждомъ персонажѣ отдѣльно: дать понятіе о составѣ труппы, внести имена первыхъ нашихъ постоянныхъ актеровъ въ Хронику Провинціальныхъ Театровъ: вотъ моя цѣль...

* Ему Херсонъ обязанъ также прекрасной гостинницей «Херсонъ», въ которой бываютъ благородныя собранія.

Горевъ-Тарасенковъ. Ему принадлежит первое мѣсто въ труппѣ Бурмицкаго, по таланту, образованію, амплу, и по времени служенія Мельпоменѣ. Образование необходимѣе актеру, нежели многіе думаютъ обыкновенно. Чтобы усвоить себѣ все стихіи созданія, особенно когда идетъ дѣло о высокихъ драматическихъ произведеніяхъ, чтобы вполне проникнуться ими, надо имѣть образованный умъ, эстетически развитое чувство, а между-тѣмъ, образование и провинціальный актеръ до-сихъ-поръ составляютъ странное сближеніе. Горевъ-Тарасенковъ получилъ блестящее образование въ одномъ изъ столичныхъ университетовъ, и отдался совершенно страсти своей къ театру... Прекрасно образованный актеръ пока рѣдкое явленіе въ губерніи... Но я не распространяюсь слишкомъ о немъ: объ игрѣ его и степени таланта было напечатано нѣсколько статей — въ Репертуарѣ, Одесскомъ Вѣстникѣ, Харьковскихъ, Кіевскихъ, Херсонскихъ и другихъ губернскихъ вѣдомостяхъ.

Одно уже первое его появленіе на сцену обратило на него общее вниманіе. Амагеръ Горевъ дебютируетъ, въ 1841 году на харьковской сценѣ, въ роли Гамлета: это или злая насмѣшка на все благородно-прекрасное въ искусствѣ или дерзкая, но неотразимая увѣренность въ своихъ силахъ... Это былъ роковой вопросъ дебютанта самому себѣ: «быть или не быть»... Общій приговоръ рѣшилъ *быть*... По отзывамъ газетъ, Горевъ прекрасно выполнялъ роли въ произведеніяхъ Шекспира преимущественно; въ роляхъ чисто русскихъ (Ляпуновыхъ, Иголкиныхъ, и другихъ) у него бездна благороднаго сознанія народнаго достоинства, патріотическаго жара... Сѣтуемъ, что не видѣли его до-сихъ-поръ въ этихъ пьесахъ: онъ игралъ пока переводныя драмы въ родѣ «Отецъ и Дочь», «Материнское Благословеніе», «Отцовское Проклятіе», «Жизнь игрока» и другія. Совѣтуемъ г. Бурмицкому поручать Гореву роли, болѣе достойныя его прекраснаго таланта: этого требуютъ собственныя выгоды, не говоря уже о публикѣ...

Г-жа Охотникова — собственно драматическая актриса, но играетъ иногда и въ водевиляхъ, большею частью тонныхъ дамъ. Она получила сценическое образованіе въ Петербургѣ; имѣетъ талантъ; играла прежде на нѣсколькихъ сценахъ, на-примѣръ, на Нижегородской, Ярославской, Рязанской, Астраханской и другихъ; наконецъ, по волѣ обстоятельствъ, она — въ нашей губерніи, играетъ на Николаевской сценѣ, потомъ на Херсонской, и постоянно восхищаетъ нашу публику игрой, всегда одушевленной, доходящею нерѣдко до неподдѣльнаго лирическаго движенія... Дикція ея нѣжна, мягка, чрезвычайно пріятна; грація движеній пріятно манитъ взоръ зрителя, ищуща-

го въ театрѣ не только наслажденій, но и просто развлеченія ... Чистота, правильность выговора — достойны особеннаго вниманія; объ одномъ жалѣемъ: она почти не въ состояннн пѣть. До-сихъ-поръ мы видѣли ее только въ «Отцовскомъ Проклятнн», въ «Жизни игрока» и другихъ пьесахъ; но намъ особенно прнятно было-бы видѣть ее въ ея любимыхъ роляхъ — *Екатерины* (Скопинъ Шуйскій), *Тизбы* (Венеціанская актриса), *Марины* (Смерть Ляпунова), *Гризельды*, и другихъ. Въ этихъ роляхъ, говорятъ, она особенно хороша, хотя она, во всякомъ случаѣ, выше посредственности и въ показанныхъ уже нами роляхъ.

Она ѣдетъ въ Москву, при первой возможности; жаль будетъ разставаться, но талантъ, какимъ она обладаетъ — достоинъ лучшей участи ...

Г-жа Бурмицкая, жена антрепренера, играетъ больше въ комическихъ роляхъ; при каждомъ почти выходѣ, она заслуживаетъ громкія рукоплесканія; игра ея наивна, рѣзва, легка, свободна; она прекрасна въ мужескихъ роляхъ, на-примѣръ въ *Степань Прыткомъ* (Ямщики); не дурна и въ малороссійскихъ пьесахъ; по-крайней-мѣрѣ, трудно, весьма трудно овладѣть такъ передаваемымъ характеромъ, его языкомъ, etc. Поетъ очаровательно: у нея сильный, звонкій, чистый голосъ; управляетъ имъ, какъ нельзя лучше. Богатый костюмъ, въ который она облакаетъ всегда свою крошечную, миловидную фигуру, увеличиваетъ прелесть ея игры. Ампула ея — комическое; репертуаръ — обширенъ и разнообразенъ. Лучшія ея роли ... трудно, право, указать, въ какой роли она лучше.

Волковъ, драматическій актеръ. Онъ недавно у насъ, но обратилъ уже общее вниманіе пониманіемъ ролей и всегда удачнымъ выполненіемъ ихъ; онъ играетъ большею частью молодыхъ людей: любовниковъ, воюющихъ, вертопраховъ; видѣли его мы также и въ мелодрамахъ, въ болѣе серьезныхъ роляхъ; и въ нихъ онъ также понравился публикѣ; особенно расположилъ ее къ себѣ въ роли *Родена* (Записки Демона). Голосъ его слабъ, но прекрасно обработанъ; онъ поетъ всегда съ такимъ одушевленіемъ, что нельзя не слушать его съ особеннымъ удовольствіемъ.

Бушоно — любимецъ публики. Страдаете сплиномъ, припадками гипохондрии — отправляйтесь посмотрѣть на Бушоно: увѣряю, онъ заставитъ васъ хохотать самымъ сердечнымъ, самымъ цѣлебнымъ хохотомъ, если-бы васъ жгли даже вопросы о *regretium mobile*, философскомъ камнѣ; даже если вы находитесь подъ живымъ вліяніемъ недавнихъ житейскихъ бурь и невзгодъ, — куда дѣнутся и силнн, и припадки гипохондрии, и расстройство желудка отъ плохаго пищеваренія! Пріемъ

Бушоно — и вы здоровы; это вѣрный, испытанный рецептъ: исполненіе его гораздо дешевле всевозможныхъ пилюль, микстуръ и разныхъ иныхъ хитростей латинской кухни, которыми, порой, вы должны бываете безжалостно набивать вашу внутренность. Характерическая черта г. Бушоно — естественность: вы забываете актера, забываете, что онъ передаетъ заученную роль: онъ не читаетъ, а говоритъ; чувство опредѣляетъ у него и самыя движенія ... Амплуа его разнообразно, по характеру; репертуаръ обширенъ. Въ каждой роли, Бушоно является уже другимъ: столько оттѣнковъ, гибкости въ его талантѣ!.. Бушоно подаетъ большія надежды; желательно, чтобъ онъ сбылся: вдумываться, вдумываться побольше въ роли — вотъ истинный путь развитія ...

Г. *Охотниковъ*, водевильный актеръ, играетъ молодыхъ людей; иногда участвуетъ и въ драмахъ, во второстепенныхъ амплуа. Онъ обращаетъ на себя вниманіе по способностямъ, но не вникаетъ въ характеръ ролей, — отчего страдаетъ однообразіемъ въ высшей степени. Не смотря на то, въ игрѣ его, всегда свободной, замѣтно чувство, даже и энергія; въ его репертуарѣ, довольно обширномъ, можно насчитать нѣсколько пьесъ, въ которыхъ онъ безукоризненно хорошъ, при самыхъ строгихъ требованіяхъ; вотъ нѣкоторыя изъ этихъ ролей: *Мотылькова* (Анютинны глазки), полковника *Загорскаго* (Чего на свѣтѣ не бываетъ) и прочіе. Въ роляхъ молодыхъ людей мы привыкли видѣть г. Волкова; въ нѣкоторыхъ изъ нихъ Охотниковъ былъ-бы не хуже; разнообразіе — важное условіе, когда идетъ дѣло объ удовольствіяхъ публики.

Петровъ, это — *aurea mediocritas*, которая всегда такъ необходима въ труппѣ; что ни дай — полная готовность исполнить; какъ исполнить — это другое дѣло ... Въ роляхъ русскихъ солдатъ онъ хорошъ; въ Ямщикахъ, въ Старостѣ онъ прекрасенъ; это его лучшая роль въ цѣломъ репертуарѣ ... Сдѣлаемъ ему еще замѣчаніе: у него тѣ-же жесты, тѣлодвиженія, тѣ-же покачиванія головою, постуць, и прочее, играетъ-ли онъ богатаго, растолстѣвшаго помѣщика, чадолюбиваго отца, закадычнаго друга, волокиту или фельдфебеля (на-примѣръ въ «Дочери втораго полка») ...

Полянскія — мать и дочь; первая — уже не молода, играетъ задорныхъ старухъ, нянюшекъ, горничныхъ, иногда весьма удачно, иногда просто удачно, а иногда «такъ-себѣ», какъ говорятъ; дочь — молода еще; имѣетъ способности — не развитыя; имѣетъ голосъ — не обработанный; ей нужны руководители, образцы, иначе она, необходимо, остановится въ своемъ развитіи ... а это очень жаль: изъ нея можетъ выйти катриса ...

Г-жа Мамонова, водевильная актриса, больше играетъ старухъ, «трешотокъ», какъ выражаются здѣсь; иногда ей поручаются и другія роли, на-примѣръ, она явилась на сцену въ качествѣ баронессы (Записки Демона) — это не ея амплоа. Да, и забылъ: **Павловъ**, **Чернявскій** — оба изрядные актеры, по-крайней-мѣрѣ, необходимые въ труппѣ; послѣдній еще очень молодъ, недавно явился на сценѣ; но, судя по нѣкоторымъ ролямъ, изъ него выйдетъ хорошій комическій актеръ: онъ вдоволь насмѣшилъ публику въ роли **Рутли** (Кетли); это было первое появленіе его на нашей сценѣ ...

Херсонъ.

Іюль 1852 года.

В. Нежевицкій.

ОБОЗРѢНІЕ ИНОСТРАННОЕ.

ПИСЬМО ИЗЪ ПАРИЖА.

Тропическія жары. — Собаки и водобоязнь. — Смерть скульптора Прадье. — Ориентальность Бюруфъ. — Вступленіе Альфреда Мюссэ во Французскую Академію. — Замужство Фанни Эльслеръ. — Госпожа Рашель. — Г-жа Дешанъ, актриса для московской сцены. — Замужство г-жи Саки. — Пантера Ипподрома. — Г. Понсаръ и его новая классическая трагедія. — Договоръ съ Англіей о литературной собственности.

Я жаловался вамъ въ прошедшемъ письмѣ на дожди и накликалъ бѣду; у насъ теперь такія жары, которымъ могъ-бы позавидовать Рио-Жанейро. Тридцать два градуса въ тѣни, да еще утромъ, а не въ полдень! Слыхали-ли вы когда-нибудь, чтобы въ Европѣ, не исключая и южныхъ странъ ея, было тридцать два градуса въ тѣни, чуть-ли не въ шесть часовъ утра? Парижъ буквально высунулъ языкъ, какъ собаки (извините за неизящное, но совершенно вѣрное сравненіе), а собаки бѣсятся, опять таки буквально бѣсятся. Полиція, то-есть, префектъ принужденъ былъ официально объявить, что будутъ безжалостно убивать всѣхъ собакъ, которыхъ встрѣтятъ на улицѣ безъ намордника, даже *кингъ-чарльзовъ, англійскихъ левретокъ* и другихъ хорошенькихъ собачекъ, водимыхъ дамами на шнуркахъ. Шолковый шнурокъ и дамская ручка потеряли свою покровительственную силу, и будь собачка хороша, какъ ... какъ ... ну хоть какъ ручка, ее ведущая, будь владѣтельница этой собачки и ручки Венера Медическая, безжалостный полицейскій непременно убьетъ собачку, если на ней нѣтъ намордника. И прекрасно, потому-что отъ этихъ маленькихъ собачекъ было въ послѣднее время много бѣдъ. Журналы здѣшніе наполнены рассказами объ укушеніяхъ бѣшенными собаками и о смертныхъ случаяхъ отъ водобоязни, необходимаго, какъ вы сами знаете, послѣдствія такого укушенія. Вотъ что надѣлали жары! Подумаешь право, что Парижъ перемѣнилъ мѣсто и стоитъ теперь подъ экваторомъ.

Случаи смерти отъ солнечныхъ лучей (coup de soleil) также многочисленны; многіе умерли также отъ апоплексическихъ ударовъ. Къ числу послѣднихъ принадлежитъ французскій знаменитый скульпторъ Прадье.

Прадье поѣхалъ съ нѣкоторыми изъ учениковъ и пріятелей погулять за городъ, въ Буживаль; онъ былъ совершенно здоровъ и очень веселъ. Пріѣхавъ въ Буживаль, онъ дошелъ пѣшкомъ до дачи г. Форкада, довольно отдаленной отъ станціи желѣзной дороги, отдохнул тамъ нѣсколько минутъ въ саду, а потомъ собрался идти далѣе. Вышедши изъ сада, онъ вдругъ почувствовалъ, что языкъ его начинаетъ съ трудомъ выговаривать слова и поспѣшилъ сказать о томъ шедшему съ нимъ ученику, прося бѣжать скорѣе въ домъ и потребовать помощи. Когда ученикъ возвратился съ людьми, то Прадье лежалъ уже безъ чувствъ на землѣ, и, не смотря на всѣ старанія призванныхъ медиковъ, скоро послѣ того умеръ.

Франція лишилась въ Прадье одного изъ величайшихъ своихъ художниковъ, одного изъ тѣхъ, которые съ наибольшою честію поддерживали невыгодное для девятнадцатаго вѣка соперничество съ прошедшимъ. Важность, количество и совершенство его произведеній, число отличныхъ скульпторовъ, имъ образованныхъ, вліяніе его на искусство упрочиваютъ за нимъ незыблемую знаменитость въ потомствѣ. Вступивъ въ жизнь въ ту эпоху искусства, когда рабски подражали древнимъ, онъ умѣлъ придать греческимъ типамъ совершенно новое, современное выраженіе. Онъ пользовался басней, какъ предлогомъ, не болѣе; цѣлю его была природа; оттого-то произведенія его такъ прекрасно-античны и вмѣстѣ съ тѣмъ такъ истинны, такъ вѣрны природѣ, такъ понятны всѣмъ и каждому.

Прадье (James) родился въ Женевѣ, 23 мая 1792 года. Онъ переехалъ во Францію въ ранней молодости. Его хотѣли сдѣлать граверомъ, но истинное призваніе его скоро обнаружилось, и потому его отдали къ скульптору Лемо. Въ 1812 году онъ работалъ на получение римской преміи, то-есть, на право получить пособіе на поѣздку въ Римъ; но судьи, признавъ его произведеніе прекраснымъ и присудивъ ему золотую медаль, отказали въ преміи, потому-что его произведеніе не имѣло условныхъ размѣровъ.

Въ слѣдующемъ году, въ Монитерѣ (отъ 2 октября) было напечатано слѣдующее:

«Классъ скульптуры задалъ въ нынѣшнемъ году для конкурса сдѣлать барельефъ: *Филоктетъ на островѣ Лемнось*. Первая большая премія присуждена Джемсу Прадье изъ Женевы, ученику г. Лемо. Ему двадцать одинъ годъ отъ роду.»

Прадье пробылъ въ Римѣ пять лѣтъ, прислалъ во Францію нѣсколько превосходныхъ произведеній, которыя обратили на него особенное вниманіе; на выставкѣ 1819 года получилъ золотую медаль, а въ 1822 году возвратился въ Парижъ, получилъ множество важныхъ заказовъ и былъ сдѣланъ кавалеромъ *Почетнаго легіона*.

Мы не беремся перечислять все произведенія Прадье, потому что онъ работалъ съ необыкновенною легкостію и произвелъ чрезвычайно много. Последнимъ его произведеніемъ была статуя Сафо, которою мы любовались на выставкѣ нынѣшняго года. Она покрыта теперь, по приказанію министра внутреннихъ дѣлъ, чернымъ флеромъ.

Умеръ еще одинъ знаменитый человѣкъ, оріенталистъ Э. Бюрнуфъ, одинъ изъ величайшихъ ученыхъ нашего вѣка; но біографія его выходитъ изъ специальности моихъ писемъ, и потому я долженъ умолчать о немъ. Впрочемъ, довольно о мертвыхъ, поговоримъ о живыхъ: поговоримъ объ Альфредѣ Мюссе, авторѣ столькихъ милыхъ драматическихъ пословицъ.

Альфредъ Мюссе принятъ въ число членовъ Французской Академіи. Васъ это удивляетъ? Да и какъ не удивиться въ-самомъ-дѣлѣ, что Альфредъ Мюссе, романтикъ по преимуществу, страстный новаторъ, поэтъ легкій и игривый, попалъ въ это сословіе. Знать, нашъ поэтъ устарѣлъ духомъ, сталъ подумывать о смерти, и вздумалъ заблаговременно зацѣпиться безсмертіемъ. Вѣдь вы знаете, что членовъ Французской Академіи называютъ безсмертными, *les quarantés immortels*. Во вступительной рѣчи своей, г. Альфредъ Мюссе почти отказался отъ прежняго своего направленія, почти изъявилъ готовность сдѣлаться рѣшительно классикомъ. Это возстановило противъ него всю молодую школу и послужило поводомъ ко многимъ очень колкимъ и рѣзкимъ противу него статьямъ. Впрочемъ онъ, вѣроятно, не очень ими огорчается, утѣшая себя своимъ безсмертіемъ.

Слышали-ли вы, что Фанни Эльслеръ вышла за-мужъ? Да, неуловимая сильфида, бойкая андалузянка, воздушная психея попалась въ сѣти Гименея. Фанна Эльслеръ вышла за-мужъ за нѣмецкаго доктора Гана. Какъ согласить эти два понятія: нѣмецкій докторъ и танцовщица! Такія-ли бываютъ чудеса на свѣтѣ! Впрочемъ Фанни Эльслеръ не имѣла, по-видимому, силъ совсемъ отрѣшиться себя отъ своего блистательнаго прошедшаго и объявила мужу своему, что не приметъ его фамиліи, а останется по-прежнему Фанни Эльслеръ.

Госпожѣ Рашель страхъ какъ хочется къ намъ въ Петербургъ; она на яву бредитъ нашимъ Петербургомъ. Скажите, пожалуйста, что у васъ тамъ такого привлекательнаго? Все наши театральныя знамени-

тости уважають^ъ нашъ холодный сѣверъ. Здѣсь думали сперва, что мы щедрѣе, но вѣдь госпожѣ Рашель и здѣсь платятъ дорого.

Мейерберъ совсѣмъ передѣлалъ свою «Африканку» и написалъ къ этой партитурѣ много новыхъ нумеровъ, а г. Скрибъ пишетъ новое либретто, въ которомъ, какъ говорятъ, не будетъ ничего африканскаго. Сверхъ того, Скрибъ пишетъ новое либретто къ другой новой комической оперѣ того-же композитора.

Госпожа Вольнисъ, объ успѣхѣ которой я рассказывалъ вамъ въ прошедшемъ письмѣ, и которая теперь у васъ въ Петербургѣ, увезла съ собою очень хорошенькую актрису для московской французской сцены, госпожу Дешанъ, кажется, родственницу, чуть-ли не сестру вашего петербургскаго актера.

Семидесяти-пяти-лѣтняя акробатка, г-жа Саки, о дебютѣ которой я также уже рассказывалъ вамъ, выходитъ, какъ говоритъ, за-мужъ. Вы догадываетесь, что будущій мужъ ея англичанинъ, потому что одни только эксцентрическія дѣти туманнаго Альбіона способны на подобныя выходки. Жениться на семидесяти-пяти-лѣтней женщинѣ! Для этого надобно сойти съ ума или быть англичаниномъ.

Вотъ что рассказываютъ объ этомъ небываломъ бракѣ:

Двое англичанъ присутствовали недавно при одномъ изъ послѣднихъ представленій г-жи Саки, въ Ипподромѣ. Оба они принадлежатъ къ богатымъ, даже знатымъ семействамъ и имѣютъ родственниковъ въ числѣ членовъ обѣихъ англійскихъ палатъ.

Одинъ изъ молодыхъ людей (я забылъ сказать вамъ, что они молодцы) очарованный, вѣроятно, легкостью семидесяти-пяти-лѣтней акробатки сказалъ своему товарищу, что очень жалѣеть, что испанскіе разбойники, ограбивъ ее на возвратномъ пути изъ Испаніи, заставили ее снова приняться за такое утомительное ремесло. Я-бы готовъ, прибавилъ онъ, предложить ей мое состояніе, чтобы вознаградить понесенныя ею потери.

— Но врядъ-ли г-жа Саки приметъ ваше предложеніе, возразилъ другой англичанинъ: оно немного обидно. Предложите ей кстати и руку, тогда она, можетъ быть, и согласится.

— Хорошо. Я держу сорокъ тысячъ фунтовъ стерлинговъ, что женюсь на г-жѣ Саки.

— Идетъ, но я держу пари не иначе, какъ съ условіемъ, что вы будете жить съ вашей супругой не по-французски, а по-англійски, то-есть душа въ душу, неразлучно, патриархально.

Молодой лордъ согласился на все, тотчасъ-же отправился къ г-жѣ

Саки и предложил на ней жениться. Говорить, что знаменитая акробатка несколько не удивилась этому предложению и обещается доказать своему будущему супругу, что сердце ее не утратило своих сил и сохранилось не хуже ногъ.

Молодой лордъ (ему тридцать лѣтъ отъ роду) немедленно распорядился на счетъ требуемаго закономъ оглашенія брака, нашелъ квартиру и заказалъ великолѣпную мебель.

Не выдаю вамъ этого анекдота за официальную истину, но согласитесь, что онъ очень забавенъ, и что я не имѣлъ права умолчать о немъ.

Прежде, нежели я перейду къ новымъ пьесамъ, даннымъ на парижскихъ театрахъ, со времени моего послѣдняго письма, расскажу вамъ объ одномъ, не совсѣмъ обыкновенномъ человѣкѣ, о г. Герберѣ (Herbert), укротителѣ звѣрей. Въ Ипподромѣ даютъ пьесу, гдѣ выведенъ на сцену древній римскій циркъ времени Нерона, гладиаторы и дикіе звѣри. Г. Герберъ играетъ въ пьесѣ главную роль и борется, при громкихъ рукоплесканіяхъ публики, съ тиграми, гіенами и другими болѣе или менѣе дикими звѣрями. Онъ, разумѣется, предварительно укротилъ ихъ, приучилъ къ разыгрываемой ими пьесѣ, но въ этомъ—то и состоитъ его искусство. Нѣкоторые утверждали, что покорность животныхъ происходитъ оттого, что они ослаблены, лишены силъ, но недавній случай доказалъ несправедливость этихъ предположеній.

Директоръ Ипподрома, г. Арно, желая увеличить число звѣрей, дѣйствующихъ въ драмѣ, приобрѣлъ двухъ огромныхъ волковъ, пойманныхъ въ Фонтенеблосскомъ-лѣсу. Укротить ихъ было для Гербера бездѣлицей; но ихъ надо было привести въ соприкосновеніе съ другими звѣрями, что было уже гораздо труднѣе. Въ числѣ этихъ звѣрей есть пантера, повинующаяся, правда, своему хозяину, но такая свирѣпая, что не боится даже льва; къ ней—то въ клѣтку и впустили одного изъ волковъ, въ томъ предположеніи, что если удастся ее приучить къ волку, то остальныхъ звѣрей и подавно.

Когда вошелъ волкъ въ клѣтку, то первымъ движеніемъ его было приютиться въ уголь, какъ—бы понимая, что его величина и сила не защитятъ его отъ страшнаго противника. Страхъ его былъ вполне основателенъ, потому—что, едва пантера его замѣтила, какъ съ яростью на него бросилась, задавила его, разтерзала на части, и все это произошло такъ быстро, что черезъ нѣсколько минутъ одни только окровавленные кости свидѣтельствовали о недавнемъ существованіи волка.

Два или три часа спустя, пантера явилась на сценѣ и всякій разъ, какъ мимо нея проходилъ одинъ изъ прочихъ звѣрей, она издавала глу-

хое рычаніе, какъ-бы давая знать, что еслибъ она не боялась Гербера, то поступила-бы съ ними точно такъ-же, какъ и съ бѣднымъ волкомъ.

Укротитель до такой степени увѣренъ въ своей власти надъ пантерю, что кладетъ ее къ себѣ на плеча, подымаетъ за хвостъ и отбрасываетъ на другой конецъ клѣтки. Она рычитъ, но это рычаніе очень мирное; впрочемъ, и за него ей достается обыкновенно нѣсколько ударовъ хлыстомъ.

Г. Герберъ не новичекъ на своемъ опасномъ поприщѣ: онъ уже укротилъ и приучилъ восемьдесятъ три льва, множество тигровъ, пантеръ, ягуаровъ, гіенъ и проч.

Изъ Ипподрома я попрошу васъ послѣдовать за мною въ первый Французскій Театръ; скачекъ смѣлый, но, къ сожалѣнію необходимый, потому-что я не нахожу средствъ совершить этотъ переходъ болѣе послѣдовательнымъ образомъ.

Въ первомъ Французскомъ Театрѣ даютъ новую трагедію Понсара: «Улиссъ».

Знаете-ли вы г. Понсара, то-есть, я хочу сказать, знаете-ли вы его коротко? потому-что не еомнѣваюсь, что вы знакомы съ авторомъ «Лукреціи». Во всякомъ случаѣ я беру на себя смѣлость сказать вамъ нѣсколько словъ о немъ, въ томъ предположеніи, что въ числѣ моихъ читателей найдутся и такіе, которымъ неизвѣстна его исторія.

Понсаръ жилъ въ одномъ изъ провинціальныхъ городковъ Франціи, писалъ довольно хорошіе стихи, но былъ совершенно неизвѣстенъ. Въ одно прекрасное утро пріѣхалъ въ тотъ городокъ одинъ господинъ, выдающій себя за великаго знатока въ литературномъ дѣлѣ, познакомился съ Понсаромъ, открылъ въ немъ дарованіе, увѣрилъ его въ геніальности и увезъ съ собою въ Парижъ. Романтическая школа, въ главѣ которой стоялъ Викторъ Гюго, начинала надѣвать французамъ; литературный знатокъ зналъ это, и потому убѣдилъ Понсара написать классическую трагедію. Понсаръ написалъ «Лукрецію», которая имѣла огромный успѣхъ и поставила своего автора въ главѣ нео-классической школы, возникшей для противодѣйствія романтикамъ. Но классицизмъ умеръ безвозвратно, слѣдовательно оживленіе его могло быть только временнымъ; это понялъ, кажется, и самъ г. Понсаръ, потому-что написалъ, послѣ «Лукреціи», «Агнесу де Мерани» и «Шарлоту Корде». Теперь онъ снова попыталъ воскресить классическую трагедію, написалъ «Улисса», но Улиссъ, о которомъ я расскажу сейчасъ подробнѣе, имѣлъ весьма незначительный успѣхъ. Въ немъ есть прекрасные стихи, эффектные сцены, есть много хорошаго, но цѣлое неудовлетворительно.

Феакійцы высадили Улисса, во время сна его, въ одномъ изъ пор-

товъ Итаки; проснувшись на берегу моря, Улиссъ не узнаетъ своего отечества. Является Минерва, въ образѣ молодаго пастуха, и открываетъ Улиссу, что онъ на Итакѣ. Улиссъ ... впрочемъ кто-жъ изъ моихъ читателей не знаетъ исторіи сына Лаэрта, его добродѣтельной супруги Пенелопы и сына ихъ Телемака? Авторъ взялъ основу своей драмы цѣликомъ изъ Гомера и потому мнѣ остается прибавить къ сказанному только нѣсколько словъ о музыкѣ хоровъ, написанной господиномъ Гундъ.

Г-нъ Гундъ композиторъ чрезвычайно талантливый, написавшій уже, вмѣстѣ съ извѣстнымъ Эмилемъ Ожье, очень хорошую оперу «Сафо», имѣвшую вполне заслуженный успѣхъ. Новая музыка молодаго композитора заслужила упрекъ нѣкоторыхъ критиковъ въ томъ, что ей недостаетъ важности и торжественности, которыхъ требуетъ греческая трагедія и образцомъ которыхъ можетъ служить музыка Мендельсона-Бартольди къ «Антигонѣ». Этотъ упрекъ справедливъ, но не совсѣмъ, потому—что пьеса г. Понсара не можетъ назваться греческой трагедіей, въ полномъ литературномъ смыслѣ этого слова. Здѣсь хоръ выходитъ на сцену и постоянно принимаетъ участіе въ дѣйствіи. У г. Понсара хоръ не есть собирательное лицо, какъ въ греческой драмѣ; напротивъ, онъ многосложенъ, составленъ изъ различныхъ лицъ, дѣйствующихъ, въ теченіе драмы, въ различномъ смыслѣ. Хоры г. Гундъ болѣе похожи на хоры новыхъ оперъ и мы не видимъ его за это, тѣмъ болѣе, что они очень хороши. Можетъ быть, мы представимъ, въ будущемъ письмѣ, болѣе подробную имъ оцѣнку, а на этотъ разъ просимъ у нашихъ читателей позволенія кончить это письмо. До будущаго-же письма откладываемъ мы и отчетъ о прочихъ парижскихъ театрахъ, потому—что въ нихъ, въ продолженіе прошедшаго мѣсяца, было очень немного достойнаго вниманія.

Удивительно, что во Франціи стало гораздо менѣе появляться хорошихъ пьесъ. Чрезвычайно выгодныя права драматическихъ писателей во Франціи должны-бы, кажется, имѣть совсѣмъ иныя послѣдствія.

Кстати объ авторскихъ правахъ.

Французское правительство старается, въ настоящее время, оградить за-границей права французскихъ писателей вообще, а слѣдовательно и драматическихъ; оно заключило уже съ нѣкоторыми сосѣдними государствами договоры, на основаніи которыхъ запрещается въ тѣхъ государствахъ безвозмездная перепечатка французскихъ сочиненій, и Франція обязывается соблюдать то-же въ отношеніи къ авторамъ договорившихся съ нимъ государствъ. Понятно, что первымъ поводомъ къ этому послужила Бельгія, въ которой перепечатывается все, что ни появляется во Франціи. Въ прошедшемъ мѣсяцѣ заключенъ новый литера-

турный договоръ съ Англіей, который не утвержденъ еще, впрочемъ, англійскимъ парламентомъ. Французскіе драматурги будутъ, на основаніи этого договора, пользоваться въ Англіи точно такими-же правами, какъ и во Франціи, то-есть, пьесы французскихъ драматурговъ будутъ игратья въ Англіи только съ дозволенія ихъ авторовъ и притомъ съ извѣстною за то платою.

Въ Англіи, впрочемъ, одна только постоянная французская труппа; она играетъ въ Лондонѣ, на Сентъ-Джемскомъ театрѣ, находящемся подъ управленіемъ г. Митчеля.

Ап. Бонавентура.

ПИСЬМО ИЗЪ ЛОНДОНА 23/11 июня.

Юанна Вагнеръ. — Нѣсколько словъ о лондонскихъ театрахъ. — Театръ Королевы, Балетъ, Гей-Маркетскій театръ, Театръ Принцессы, Лусемп. — Концерты. — Русскій те-
норъ Фодоръ. — Вѣсти изъ Америки. — Женни Ливдъ. — Гольдсмить.

Не смотря на знаменитыя Аскотскія скачки, на которыхъ присутствовали королева и принцъ Альбертъ со всеѣмъ дворомъ, и которыя привлекаютъ ежегодно цвѣтъ лондонской аристократіи и купечества, «Театръ Ея Величества» (Her Majesty's) бывалъ постоянно полонъ, благодаря дарованіямъ г-жъ Ангри, Лагранжъ и Софіи Крувелли. Что касается госпожи Вагнеръ, то она всеѣмъ забыта и имени ея не видать ни на одной афишѣ. Диллетанты утѣшились въ ея отсутствіе, зная, что лордъ — канцлеръ, запретившій ей, вслѣдствіе извѣстнаго вамъ процесса, играть на Конветъ-гарденскомъ театрѣ, не имѣетъ права заставить ее играть на Театрѣ Королевы.

Такъ какъ госпожа Вагнеръ не всеѣмъ еще отказалась отъ сцены, и явится еще, по всей вѣроятности, на многихъ европейскихъ театрахъ, то я нелишнимъ считаю рассказать вамъ, хотя вкратцѣ, исторію ея сценическаго поприща.

Юанна Вагнеръ, дочь Альберта Вагнера, довольно извѣстнаго въ Германіи пѣвца, и племянница извѣстнаго композитора Рихарда Вагнера, бывшаго капельмейстеромъ въ Дрезденѣ, прибыла въ Парижъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ и была ученицей Мануэля Гарціи.

Когда ея контральтовый голосъ не имѣлъ еще своего теперешняго развитія, ея родители хотѣли сдѣлать изъ нея актрису трагическую; поводомъ къ этому служили ея величественный видъ и классически-прекрасное лицо.

Возвратившись въ Германію, она дебютировала въ Дрезденѣ, но безъ особеннаго успѣха; слава-же ея началась въ Гамбургѣ, а укрѣ-

пилась въ Берлинѣ. Особенно обязана она своей теперешней извѣстности прекрасному исполненію роли «Фидесъ» въ Мейерберовомъ «Пророкъ». Она взяла эту роль на себя послѣ отъѣзда госпожи Віардо, для которой роль была написана, и исполняла ее такъ, что заставила позабыть о своей знаменитой соперницѣ. Въ Берлинѣ до-сихъ-поръ, еще вспоминаютъ о представленіяхъ на Большомъ Королевскомъ театрѣ, въ которыхъ Іоанна Вагнеръ участвовала вмѣстѣ съ извѣстнымъ французскимъ теноромъ Рожэ.

Съ этого времени извѣстность молодой пѣвицы была упрочена; самъ Мейерберъ обратилъ на нее вниманіе и писалъ для нея свою новую оперу «Африканка». Слухъ о ея дарованіи и успѣхахъ достигъ Лондона и побудилъ директоровъ двухъ нашихъ Итальянскихъ Оперъ сдѣлать ей предложенія, которыя, какъ вамъ вѣроятно извѣстно, послужили поводомъ къ упомянутой мною выше тяжбѣ.

Іоанна Вагнеръ высока ростомъ, даже, можетъ быть, слишкомъ высока, потому-что прочіе артисты кажутся въ сравненіи съ нею карликами; грудной голосъ ея необыкновенно силенъ, даже въ самыхъ высокихъ нотахъ. Она одарена священнымъ огнемъ вдохновенія и поетъ свои партіи съ мастерствомъ опытной артистки. Въ роляхъ Ромео, Арзачи, Фидесъ, Валентины, Дездемоны она можетъ поспорить съ первыми знаменитостями музыкальнаго міра.

Но возвратимся къ нашей Итальянской Оперѣ.

Нѣкоторые изъ знатнѣйшихъ и богатѣйшихъ нашихъ меломановъ, видя, что дѣла г. Ломлея начинаютъ идти плохо, собрали въ его пользу, по подпискѣ, 350,000 франковъ. Эта-то сумма и дала знаменитому импрессарию возможность поправить дѣла Театра Королевы и устоять противъ страшнаго соперничества театра Ковентъ-гарденскаго.

Лондонскій балетъ не давалъ, въ послѣднее время, ничего новаго, хотя въ труппѣ его есть отличныя танцовщицы: г-жи Розати, Гюи-Стефанъ, Форли, Розъ Ламурё, Матильда Эсперъ и Аллегрени. Наша публика очень недовольна такою недѣятельностію балетной труппы.

Извѣстный французскій водевиль «Grassot embété par Ravel»* пе-

* Эта пьеса дается на нашемъ Михайловскомъ театрѣ, подъ названіемъ «Vernet embété par Lemenil».

реведенъ недавно на англійскій языкъ и дается на Гей-маркетскомъ театрѣ. Киле и Букстонъ, прекрасные артисты, замѣняющіе у насъ пале-рояльскихъ актеровъ Грассо и Равеля, очень смѣшны въ этомъ водевилѣ.

На Театрѣ Принцесы (Princess) даютъ новую пьесу «The Trial of Love», поставленную великолѣпно и имѣющую большой успѣхъ.

На театрѣ Lyceum играютъ «Застигнутый бурей», довольно слабую пьеску, которая нравится однакоже публикѣ, благодаря господину Метьюзу, который прекрасно играетъ роль молодого комически-самолюбиваго художника. Г. Метьюзъ артистъ съ большимъ дарованіемъ, отличающійся тонкою наблюдательностію и превосходнымъ знаніемъ сцены.

У насъ въ большой модѣ концерты. Въ залѣ Ковентъ-гарденскаго театра былъ недавно концертъ Андерсена, привлекшій избранную и многочисленную публику. Оркестромъ управлялъ г. Коста; въ вокальной части принимали участіе г-жи Гризи, Кастелланъ, Пайнъ, Клара Новелло, гг. Маріо, Тамберликъ и Ронкони. Маріо, прекрасно исполнившій одну арію Бетховена, заслужилъ единодушныя рукоплесканія.

Піанистъ Прюданъ далъ два блистательные концерта, въ Гановерь-Скуэрѣ и въ аристократической залѣ Уиллисъ-Румъ; въ послѣднемъ былъ, между прочимъ, превосходно исполненъ кватуоръ Бетховена въ C-minor. Въ этомъ же концертѣ участвовалъ теноръ Федоръ, очень любимый у насъ публикой. Говорятъ, что онъ вашъ соотечественникъ, Русскій, что доказываетъ отчасти и русское его имя, но за справедливость этого я поручиться не могу.

Послѣднія театральныя вѣсти изъ Сѣверной Америки заключаютъ мало интереснаго. 11 мая сгорѣлъ театръ Буфалло; убытокъ, причиненный этимъ пожаромъ простирается до 200,000 франковъ. Знаменитая Лола Монтезъ танцевала наканунѣ несчастія, но была очень худо принята публикою. Она объявила дирекціи, тотчасъ послѣ спектакля, что больше танцевать не будетъ, и увезла все свои костюмы; этимъ она спасла ихъ отъ пожара. Прочіе артисты лишились почти всего своего гардероба.

Анна Тильонъ имѣла большой успѣхъ въ Нибло, равно какъ Катерина Гейссъ и Джулія Беннетъ; эти три артистки были очень любимы въ Англіи и потому въ Лондонѣ очень радуются ихъ успѣхамъ.

Возвращеніе изъ Америки Дженни Линдъ, вышедшей за-мужъ за піаниста Гольдсмита, возбудило-было надежду, что она опять будетъ играть въ Лондонѣ, но госпожа Гольдсмитъ объявила, что навсегда отказалась отъ сцены и будетъ впредь пѣть только въ концертахъ.

СМѢСЬ.

ВѢТЬ СОВРЕМЕННАГО ВОСТОКА.

Е. С. Македонскаго.

СТАТЬЯ ЧЕТВЕРТАЯ.

КИТАЙСКАЯ ГРАЖДАНСТВЕННОСТЬ.

«О китайцахъ должно судить по тому, замѣчаетъ Добель, какъ они есть, а не по обработаннымъ правиламъ нравственности, коими украшены книги ихъ и кои никогда въ исполненіе не приводятся.» Въ Китаѣ продажная совѣсть и взятки, со всеми сопутствующими пороками, подкапываютъ нравственность народа; поощряя плутовства, останавливаютъ мечъ правосудія *. Замѣчаніе это примѣнимо, болѣе или менѣе, ко всемъ восточнымъ народамъ, съ тою разницею, что иногда народъ лучше книгъ, а иногда книги лучше народа. Брамысты и буддисты, на-примѣръ, если-бы слѣдовали строго своимъ понятіямъ (ведамъ и буддизму), то уже давно должны-бы были погибнуть въ пустыняхъ и лѣсахъ, въ раз-

* Путешествія и новѣйшія наблюденія въ Китаѣ, Манилѣ и индокитайскомъ архипелагѣ, Петра Добеля. 2 ч. составилъ А. Дж. Спб. 1833. ч. I. стр. 64.

ныхъ душевныхъ и тѣлесныхъ истязаніяхъ, въ которыхъ, по ихъ понятіямъ, состоитъ истинное, высочайшее совершенство человѣка. Но человѣческая натура отталкиваетъ отъ себя подобныя понятія, сколько можетъ, и потому и брамисты и буддисты, на дѣлѣ, по неволѣ остаются болѣе естественными, болѣе разумными, и слѣдовательно лучшими, нежели какъ слѣдовало-бы по ихъ абстрактнымъ убѣжденіямъ. Между ними, слѣдовательно, люди лучше книгъ. Въ Китаѣ, напротивъ, книги лучше людей, то-есть, абстракція, мысль, идеаль выше дѣйствительности, хотя отсюда, конечно, не слѣдуетъ еще, что китайская гражданственность хуже восточно-кавказской. Китаецъ на дѣлѣ ниже своего идеала, также точно, какъ и всѣ европейскіе народы ниже своихъ идеаловъ; и какъ европейцы, при всѣхъ отступленіяхъ отъ своего гражданственнаго идеала, всегда выше Востока, такъ точно и китайцы, при всѣхъ отступленіяхъ отъ своего идеала, относительно гражданственности стоятъ выше прочихъ восточныхъ народовъ. Основа этого превосходства заключается въ самой сущности идеала, присущаго европейцамъ и китайцамъ: при всѣхъ уклоненіяхъ отъ своихъ убѣжденій, ни европейцы, ни китайцы, не могутъ отойти отъ нихъ на такое разстояніе, чтобы явленія ихъ жизни противорѣчили ихъ убѣжденіямъ во всѣхъ пунктахъ. Но въ чемъ состоитъ идеаль китайскаго человѣка? Чтобъ познакомиться съ этимъ идеаломъ въ его главнѣйшихъ чертахъ, для этого, по нашему мнѣнію, достаточно будетъ представить здѣсь извлеченіе изъ біографіи Конфуція и нѣсколько замѣчаній изъ приписываемыхъ ему книгъ. Біографія Конфуція, о которой говоримъ, написана по китайскимъ источникамъ, отцемъ Амю, и помѣщена въ извѣстныхъ *Mémoires concernant les Chinois etc.* (Т. XII); до-сихъ-поръ это лучшая въ Европѣ біографія китайскаго мудреца. На русскій языкъ она переведена въ 1789 году. Біографія эта скучна: въ ней нѣтъ ни поэтическаго, ни политическаго интереса; она состоитъ изъ моральныхъ изрѣченій, разсужденій и наставленій; но для нашей цѣли это и важно. Изъ изложенныхъ въ ней взглядовъ мы постараемся передать наиболѣе характеристическіе, и притомъ, нерѣдко, словами нашего переводчика 1790 года. Должно замѣтить, что Конфуціи былъ потомокъ знаменитаго царскаго рода, занималъ иногда очень высокія должности и потому имѣлъ дѣло съ людьми высшихъ фамилій—первыхъ государственныхъ сановниковъ, намѣстниковъ провинцій и тому подобныхъ лицъ; совѣты, съ какими онъ обращался къ нимъ, равно какъ и къ другимъ своимъ ученикамъ или друзьямъ, составляютъ весь интересъ этой біографіи. Мы послѣдуемъ за ними не въ хронологическомъ порядкѣ, какъ они изложены у Амю, а только съ соблюденіемъ нѣкоторой связи по предметамъ, къ которымъ они относятся.

Однажды, бесѣдуя съ Конфуціемъ, царь государства Лу (Китай тогда состоялъ изъ нѣсколькихъ феодальныхъ государствъ), спросилъ его: Откуда возникъ обычай приобщать жертвы праотцамъ къ жертвамъ неба (Шанг-ти). Конфуціи отвѣчалъ: «Шанг-ти есть неизчерпаемый источникъ, изъ коего происходитъ все. Праотцы, происшедши отъ того-

же источника, служатъ сами источникомъ потомства, изъ рода въ родъ. А потому, поклоняться небесамъ, свидѣтельствовать имъ благодарность, есть первая обязанность человѣка; оказывать благодарность праотцамъ есть вторая его обязанность. Фу-ги учредилъ по этому молитво-приношенія — небесамъ и праотцамъ. Но какъ *Шанг-ти* и праотцы невидимы, то онъ установилъ особые таинственные знаки». При этомъ Амю замѣчаетъ, что изъ словъ Конфуція (или Хунг-дзы) видно, что подъ словомъ *Шанг-ти* должно разумѣть Всевѣшняго; что жертвы небу, луиъ, солнцу и другимъ предметамъ суть только благодарственные жертвы самому-же *Шанг-ти*; и что такъ-называемое жертвоприношеніе предкамъ есть только выраженіе благодарности и почтенія къ виновникамъ человѣческой жизни. Эти замѣчанія Амю излишни, потому-что Конфуцій, на слѣдующей-же страницѣ, самъ говоритъ, что *Шанг-ти* пріемлется подъ всеобщимъ знакомъ видимаго неба, а иногда солнца, луны и земли, потому-что солнце, луна и земля доставляютъ людямъ нужное и пріятное въ жизни... По засвидѣтельствованіи должнаго *Шанг-тію*, какъ источнику всего существующаго, люди обязаны засвидѣтельствовать то-же и тѣмъ, отъ коихъ произошли.» Конфуцій говоритъ при этомъ, что первый обычай жертвоприношенія *Шанг-тію*, именно въ день зимняго поворота солнечнаго, установленъ предками; а второй, а именно весенняя жертва, учрежденъ уже впоследствии, императорами изъ дому *Тшеу* *.

Однажды приходитъ къ нему кто-то изъ друзей. «А! очень кстати замѣчаетъ Конфуцій: — я только-что хотѣлъ идти на восточную башню, посмотреть, какъ веселятся простодушные поселяне наши. Нынче они празднуютъ *Та-тша*: Ты знаешь, что теперь они укрощаютъ злыхъ духовъ...»

Та-тша называются въ Китаѣ воображаемые духи, полезные и вредные земледѣлю. По словамъ Амю, ихъ считается семь: одинъ управляетъ вѣтрами, другой громомъ, третій дождями, четвертый градомъ, и такъ далѣе.

Взойдя на башню, вельможи увидѣли передъ собою народный праздникъ во всемъ разгулѣ: народъ веселился, пѣлъ, плясалъ и проч.

— Нельзя не раздѣлять удовольствія этого народа, замѣчаетъ Конфуцій.

— Но еще лучше было-бы, еслибъ онъ не вдавался въ излишества, возразилъ его спутникъ: еслибъ, вмѣсто пѣсенъ, плясокъ и пресыщенія, онъ молился небесамъ, благодарилъ ихъ за милости и просила о продолженіи оныхъ...

— Но эти простые сердца не умѣютъ иначе благодарить и просить: возразилъ Конфуцій: не завидуй мгновенной ихъ мечтѣ о счастьѣ. Отъ

* Житіе Кунгсеса или Конфуціуса, какъ именуютъ его европейцы, наславнѣйшаго философа китайскаго и проч. На російскіи языкъ переложенное въ 1789 году, губерніи Московскои, Клинской округи, въ селѣ Михалеѣ. Въ Санктпетербургѣ 1790 году, Стр. 292 и слѣд.

трудова безъ отдыха душа и тѣло человека становятся ни къ чему не способными. Ихъ скорѣе должно извинить, чѣмъ укорять **.

Тотъ-же другъ китайскаго моралиста, получивъ должность градоначальника, и прощаясь съ Конфуціемъ, предложилъ ему такой вопросъ: «Я всегда приносилъ жертвы моимъ предкамъ, какъ-бы извѣщая ихъ прахъ о подлежащемъ мнѣ... Но видѣли-ли они меня? слышали-ли? извѣстны-ли имъ мои дѣянія? вѣдаютъ-ли мертвые о происходящемъ между живыми? Вотъ о чемъ мнѣ всегда хотѣлось знать твои мысли, а теперь еще болѣе...»

Конфуцій отвѣчалъ: «Скажу-ли тебѣ, что родители наши все знаютъ, все внемлютъ? Но боюсь, чтобъ имѣющіе къ нимъ дѣтскую приверженность не пренебрегли жизнью, не ускорили-бы преждевременно смерти, пылая желаніемъ соединиться съ ними въ вѣчности... Скажу-ли напротивъ, то страшусь, чтобъ люди не потеряли дѣтской приверженности... А потому продолжай до конца дней твоихъ воздавать должныя почести родителямъ и прародителямъ твоимъ; думай, что они тебя видятъ и слышатъ, что извѣстны имъ всѣ твои дѣла... Не спрашивай меня больше. Наступитъ время, узнаешь все.

Что Конфуцій желалъ поддерживать обычай жертвоприношеній предкамъ, именно на столько, на сколько, полагалъ онъ, это поддерживаетъ родственныя узы изъ рода въ родъ, это видно изъ распоряженія его относительно кладбищъ. По должности верховнаго блюстителя благочинія во всемъ государствѣ (Лу), онъ объявилъ, что кладбищамъ неприлично уподобляться садамъ и мѣстамъ забавъ, и что для нихъ приличнѣе всего мѣста *наибольше неудобныя къ земледѣлію.*»

Изъ приведенныхъ мѣстъ, читатель видитъ, что Конфуцій былъ очень далекъ не только шаманства, но и вообще мифологіи: онъ вѣрилъ только опыту и основаннымъ на немъ выводамъ и предположеніямъ. Чего не зналъ, о томъ не высказывалъ ничего положительнаго. Предметомъ ученія его былъ весь видимый міръ, особенно со стороны человека въ отношеніи его обязанностей личныхъ и относительныхъ.

Какъ во всей вселенной онъ призналъ двѣ силы — Инъ и Янгъ, которыя онъ называетъ двигателями вселенной, существующими вездѣ и во всемъ, взаимно помогающими другъ другу, такъ и «въ составѣ человека онъ признавалъ эти-же двѣ силы; но образуемый ими организмъ не есть еще человекъ: нужно чтобъ съ этимъ, хотя и живымъ, организмомъ соединено было начало мыслящее, способное понимать, сличать, судить...» Въ какомъ отношеніи это начало къ первымъ, трудно понять, потому-что вслѣдъ за тѣмъ читаемъ: «доколѣ это животное пребываетъ въ этомъ состояніи, оно живетъ; а когда союзъ разрушится, то перестаетъ жить.» Значитъ, первыя двѣ силы еще не даютъ жизни. Какъ-бы то ни было, человекъ, по ученію Конфуція, одаренъ разумомъ, въ силу котораго онъ обладаетъ свободою воли и духомъ общежитія **. Обратимся теперь къ его морали.

* Стр. 548, и слѣд.

** Стр. 406-7 и слѣд.

Ничего нѣтъ естественнѣе и проще тѣхъ правилъ, какія я старался внушить вамъ, говариваль онъ ученикамъ своимъ. Они состоятъ въ трехъ непреложныхъ законахъ, взаимно относящихся родителямъ и дѣтямъ, мужьямъ и супругамъ, и состоятъ въ пяти верховныхъ добродѣтеляхъ; первая изъ нихъ есть человѣколюбіе, то-есть, любовь и благотворительность ко всѣмъ подобнымъ намъ человѣкамъ, безъ различія. Вторая, правосудіе, которое воздаетъ каждому, ему принадлежащее. Третья, соблюденіе существующихъ узаконеній. Четвертая, правота, или безпристрастіе и любовь къ истинѣ вообще, ни въ чемъ не обманывающая ни себя, ни другихъ. Пятая, искренность, чуждая притворства въ поступкахъ и словахъ*.

Правила эти, по ученію Конфуція и всѣхъ китайскихъ моралистовъ, начертаны въ человѣческой природѣ самимъ небомъ. Исполненіе ихъ составляетъ истинную человѣчность: «болѣе человѣколюбивый, болѣе и человѣкъ есть», говоритъ Конфуцій у нашего переводчика; «и превосходить въ человѣколюбіи себѣ подобныхъ, есть то-же самое, что и заслуживать превосходство надъ ними. Любить человѣка значитъ имѣть чело-вѣчество въ душѣ. Надо любить себя, но надо любить и другихъ; но эта любовь должна имѣть свою мѣру, свое правило! Эта-то мѣра, это правило опредѣляется правосудіемъ»**. Эти врожденные правила Конфуцій называетъ Великимъ *Ли*. Великій *Ли* связуетъ всѣхъ людей союзомъ братства; безъ него, на земной поверхности, только смуты и неустойчивость***. Въ канонической книгѣ (Тшунгъ-Юнгъ, неизмѣняемая середина) эти врожденные правила или законы называются завѣтомъ неба (*Les Livres sacrés de l'Ori. etc. Chap. 1. v. 1. p. 163*) или разумною природою. Правила, несообразныя съ природою человѣческою, не должны быть считаемы правилами поведенія (тамъ-же, стр. XIII. v. 1. pag. 166 и pag. 169. Chap. XX. vv. 5. 6. 7 etc.) Пяти главнымъ добродѣтелямъ Конфуцій противопоставлялъ слѣдующія пять главныхъ вѣтвей пороковъ: 1) Корыстолюбіе, потому-что корыстолюбивый человѣкъ не упускаетъ ни одного случая къ своей корысти во вредъ ближнему; 2) неуваженіе къ старшимъ въ семействѣ; 3) неуваженіе къ людямъ просвѣщеннымъ; 4) омраченіе закона, правовъ, обычаевъ; отнимаетъ у юности охоту учиться, у старости охоту учить... Вѣтвь сія есть вѣтвь развращенія рода человѣческаго. По видимому, Конфуцій разумѣетъ здѣсь презрѣніе къ просвѣщенію вообще; въ біографіи это мѣсто не пояснено; 5) рѣшительное преобладаніе разврата во всемъ****. Но незави-

* Житіе и проч. стр. 197. Стр. 198. Стр. также *Les Livres Sacrés de l'Orient etc. par Pauthier, p. 162.*

** Если мысль дѣйствительно направлена къ добродѣтели человѣколюбія, то порочныя дѣянія невозможны. (*Les Livres sacrés de l'Orient, par Pauthier, pag. 182. Chap. IV. v. 4.*)—Человѣкъ высшей правдивости равно доброжелателенъ ко всѣмъ, безъ эгоизма и лицепріятія (тамъ-же, стр. 179, Chap. 11).

**** Стр. 320.

***** 401—403, тамъ-же.

симо отъ главныхъ добродѣтелей, для счастья народовъ, по мнѣнію Конфуція, необходимо :

1. «Совершенное разлученіе половъ, *кромя состоянія супружескаго*». Подъ этимъ Конфуціи отнюдь не разумѣеть затворничества...

2. Тѣснѣйшій союзъ между супругами.

4. Взаимное уваженіе между согражданами *.

Вообще бракъ Конфуціи считаетъ, если не главною цѣлію, то главнымъ средствомъ исполнить челоѣку своеназначеніе. Нашъ переводчикъ объ этомъ выражаетъ слова Конфуція такъ: «Состояніе супружеское есть самое приличествующее челоѣку: ибо онаго токмо съ помощью исполняетъ онъ въ здѣшнемъ свѣтѣ, на что созданъ; слѣдовательно, нѣтъ ничего почтеннѣе, ничего достойнѣе къ удержанію въ пенарушимости должности его въ жизни. Нѣтъ ничего священнѣе должностей брака, дѣлящихся на общія и особенныя, мужа съ женою. Мужъ есть повелитель женѣ, жена ему подвластна: обязана послушаніемъ.... Взаимная любовь, взаимная довѣренность, праводушіе, услужливость, да бывають основаніемъ поведенія ихъ... Въ состояніи общественномъ, жена въ полной состоитъ власти мужа». — «Бывъ дѣвкою, властителями имѣла отца и мать; а за недостаткомъ оныхъ, старѣйшихъ братій. Ставъ женою, начальствуема мужемъ; овдовѣвъ, подпадаетъ назиданію сына старѣйшаго.... Обычай возбраняетъ ей брачиться во второй разъ.... Всякія упражненія, какого-бы ни были рода, внѣ дома запрещены ей... Днемъ да не ходитъ изъ храмины въ храмину, безъ крайней нужды».

«Между пятнадцати и двадцати лѣтъ отъ рожденія есть срокъ дѣвѣ къ премѣненію состоянія».... И такъ какъ отъ перемѣны этой зависить счастье, то Конфуціи совѣтуетъ родителямъ невѣсты быть разборчивыми въ выборѣ ей жениха и, между прочимъ, не выдавать ее за такого челоѣка, кокорый имѣеть нѣкоторый недостатокъ въ разумѣ или тѣлѣ, *за отератительнаго видомъ, тлѣстнаго въ обхожденіи* и тому подобное**. Кстати замѣтимъ, что этотъ взглядъ Конфуція тѣмъ великодушнѣе, что самъ онъ, подобно Сократу, былъ чрезвычайно безобразенъ (стр. 444). Но, замѣчательно, что мужъ, по его ученію, ни подъ какимъ предлогомъ не можетъ развестись съ женою при слѣдующихъ условіяхъ:

1) Когда жена не имѣеть мѣста, прибѣжищемъ для нея.

2) Если мужъ женится на ней бѣднякомъ и потомъ разбогатѣеть.

3) По прошествіи трехъ лѣтъ послѣ сѣтованія по свекрѣ или свекрови.

Остальныя шесть причинъ развода суть слѣдующія:

1) Когда жена неуживается съ свекромъ или свекровью.

2) Если не имѣеть надежды на полученіе дѣтей.

* Стр. 239.

** 113 и слѣд.

- 3) Если нарушила супружескую вѣрность.
- 4) Изобличена въ нескромности.
- 5) Въ болтливости.
- 6) Въ домашнемъ воровствѣ.

При всемъ уваженіи къ брачной жизни, Конфуцій, кажется, очень боялся женскихъ чаръ; это онъ выразилъ въ слѣдующихъ стихахъ, (мы приведемъ ихъ словами нашего переводчика :

1. Жены старающіяся прельщати, суть обаяницы, коихъ убѣгати должно.

2. Словеса ихъ суть стрѣлы ядовитыя.

3. Затворяйте слухи отъ оныхъ.

4. Услажденія, обѣщаваемые ими, есть смерть, подъ цвѣтами благовоными.

5. Взоры ихъ, тѣлодвиженія, приманчивости виѣшнія, засыпляютъ здравый разумъ, разтѣвуютъ сердце.

6. Бѣгите отъ нихъ; въ бѣгствѣ токмо ваше спасеніе.»

Стихи эти онъ написалъ въ видѣ совѣтовъ правителю одной области. Судя по другимъ мѣстамъ, мы должны предполагать, что и здѣсь онъ имѣетъ въ виду женщинъ, отступавшихъ отъ его понятій о бракѣ....

Что касается до общественнаго порядка, то Конфуцій, не допускалъ другаго порядка, кромѣ основаннаго на власти монарха. Самъ Конфуцій повторялъ безпрестанно, что государи суть посланники небесъ управлять людьми на землѣ; что они отцы и матери своихъ подданныхъ; что подданные должны быть ихъ дѣтьми почтительными, благодарными и послушными во всемъ *. И въ-самомъ-дѣлѣ предъ царемъ онъ являлся съ видомъ особеннаго благоговѣнія.

« У двора: продолжаетъ нашъ біографъ: не иначе являлся, какъ въ одеждахъ праздничныхъ. Предъ царемъ имѣлъ видъ степенный и кроткій. Говорилъ съ царемъ гласомъ тихимъ, да и говорилъ токмо о дѣлѣ, или подавая должныя мнѣнія, по званію своему или отвѣтствуя на вопросы. Предъ входомъ во дворецъ остававливался на нѣсколько, устанавливалъ, какимъ должно быть его взорамъ и поступкамъ; подбиралъ полы одежды своей, нагибался не много веѣмъ тѣломъ, опускалъ глаза внизъ, обѣ руки возлагалъ на грудь; и тако шелъ степенно, шагами медленными, до мѣста, гдѣ ему стоять надлежало.»

Въ *Лунъ-Ю* или философскихъ бесѣдахъ сказано, что передъ престоломъ поступъ его была медленна и мѣрна, его языкъ также былъ несвободенъ, какъ и ноги; что, входя въ дворцовую залу, приподнявъ обѣими руками одежду, и нѣсколько наклонившись, онъ удерживалъ даже дыханіе, какъ-бы не смѣя дышать; а по выходѣ изъ залы, мало-по-малу оставлялъ свою почтительную важность и принималъ видъ веселый; дошедши-же до послѣдней ступеньки лѣстницы, онъ снова распростиралъ свои руки, какъ птица крылья **.

* Стр. 216.

** Les Livres sacrés de l'Orient etc. par Pauthier. Page 193, v. 4, Chap. X.

Этого мало: въ другой главѣ (IX) тѣхъ-же бесѣдъ, онъ говоритъ: «когда-то государей привѣтствовали на нижней ступени лѣстницы, а теперь на верхней: это гордость. Въ этомъ случаѣ я отступлю отъ толпы и послѣдую старому обычаю».

Такое поведеніе, на нѣкоторыя замѣчанія учениковъ, онъ оправдывалъ занимаемымъ имъ мѣстомъ, на которомъ, по его словамъ, на него устремлены взоры всѣхъ, такъ, что и самыя мелочи подвергаются строгой критикѣ. Но какъ-бы то ни было, а власть монарха онъ считалъ единственнымъ основаніемъ общественнаго порядка.

Управляя народомъ, по ученію Конфуція, должно неуклонно слѣдовать правиламъ, изъ которыхъ первыя состоятъ въ уваженіи къ наукамъ и искусствамъ, и, что особенно замѣчательно, въ *благоклонномъ приѣмѣ иностранцевъ* — правило, совершенно противоположное вѣковой политической изолированности Китая. (Les Livres Sacrés etc. p. 169, v. II). Подобными взглядами и замѣчаніями наполнены всѣ каноническія книги, на которыхъ основана китайская гражданственность: болѣе счастливыхъ начатковъ, болѣе разумной основы, во многихъ отношеніяхъ не представляетъ намъ ни одна цивилизація, не исключая и классической. Но общіе взгляды, какъ-бы ни были они вѣрны, еще не доказываютъ вѣрности и совершенства подробностей: это ясное всего доказываетъ самъ-же Китай, — хотя и сами по себѣ они производятъ весьма важныя въ народной жизни явленія.

Китаизмъ состоитъ не въ этихъ общихъ взглядахъ на жизнь, а въ самихъ подробностяхъ ихъ осуществленія — въ мелочности ихъ пониманія и фактическаго приложенія въ жизни. Китай доказываетъ собою *en grand*, что можно нѣсколько вѣковъ питаться сентенціями о челоуѣколюбіи, о разныхъ главныхъ, второстепенныхъ, третьестепенныхъ и такъ даѣе добродѣтеляхъ, и все-таки дурно понимать подробности этихъ добродѣтелей, средства къ ихъ осуществленію, и потому остаться мелочнымъ и смѣшнымъ по духу, на самомъ дѣлѣ. Ни одинъ народъ не знаетъ наизусть столько благородныхъ изрѣченій, какъ китайцы (изъ кинговъ); никто столько не толкуетъ о *точной серединѣ*, какъ они; и въ то-же время ни одинъ народъ не удаляется отъ этой середины на такое разстояніе и такъ систематически, какъ китайцы. Китаизмъ — это возвышенное и истинное въ общемъ, доведенное до каррикатуры въ частностяхъ, а эти-то частности и составляютъ или сущность дѣла или болѣе или менѣе важную сторону его, хотя истинныя начала, конечно, и сами по себѣ необходимо производятъ въ жизни народа и разумныя явленія, какъ это мы видимъ и въ китайской гражданственности. Не забудемъ впрочемъ и того закона, что истинныя начала у всѣхъ народовъ являются сначала только въ сознаніи, какъ абстракція, и потомъ мало-по-малу проникаютъ во всѣ подробности дѣйствительности; это общій законъ въ развитіи всѣхъ народовъ; слѣдственно, и къ Китаю мы должны быть снисходительнѣе.

Отличительная черта въ духѣ китайской гражданственности — это уваженіе къ просвѣщенію. Китайцевъ никто не описывалъ такими

черными красками, какъ Добель, однакожь и онъ замѣчаетъ, что любознательностью отличаются все китаецы; качество это въ нихъ развивается и постоянно поддерживается самимъ правительствомъ. «Начало *обычая* обнародованія отъ времени до времени наставленій, относящихся до нравственности, земледѣлія и промышленности, коему *всегда* слѣдовали китайскіе государи, восходитъ до временъ учрежденія монархіи. Императоръ китайскій есть не только начальникъ государства, верховный жрецъ и главный законодатель, но сверхъ того, онъ есть глава ученыхъ и первый литераторъ; онъ не только управляетъ, но и наставляетъ народъ свой, или лучше сказать—управлять и наставлять, въ Китаѣ, значить одно и то-же. Безпорядки и преступленія всякаго рода рождаются отъ невѣжества, и лучшее средство содѣлать людей добрыми, по мнѣнію китаецевъ, состоитъ въ томъ, чтобъ ихъ просвѣтить. Все декреты или указы суть наставленія; приказанія даются въ видѣ уроковъ и даже извѣстны подъ симъ именемъ; наказанія и казни суть прибавленія къ онымъ» *.

Самое производство кандидатовъ на степень дзинши (магистровъ, по отцу Іакинеу, или философовъ, по Леонтьеву), въ которомъ столько пустыхъ и смѣшныхъ церемоній, выражаетъ тотъ-же духъ. Церемоніи эти у насъ подробно описаны въ сочиненіи отца Іакинеа **, съ нѣкоторымъ въ подробностяхъ различіемъ отъ описанія, какое читаемъ въ сочиненіи «Тайцинъ Гурунь и Ухери Коли», то-есть, все законы и установленія китайскаго (а нынѣ манжурскаго) правительства, переведенномъ Леонтьевымъ ***. По законамъ этимъ, обрядъ испытанія на степень джинши долженъ состоять въ слѣдующемъ.

За день до испытанія, хунлу (церемоніймейстеры) ставятъ во дворцѣ четыре стола желтаго цвѣта, изъ которыхъ одинъ, назначенный для *темы*, ставится въ залѣ *великаго соглашенія*, на восточной сторонѣ, другой на красномъ крыльцѣ, какъ разъ посрединѣ, и два стола для испытанія, на двухъ крыльцахъ двухъ высокихъ теремовъ, какъ выражается Леонтьевъ, — восточнаго и западнаго. У отца Іакинеа, два стола: одинъ въ тронной тхай-ходань, а другой предъ тронною на красномъ крыльцѣ. Крыльцо это обведено перилами изъ бѣлаго мрамора и раздѣлено на пять сходовъ, каждый съ тремя площадками; между площадками по десяти ступеней ****. По замѣчанію г. Леонтьева, весь дворъ устланъ тесанымъ камнемъ, а срединный путь, называемый краснымъ, устланъ мраморомъ ***** (красный помостъ у отца Іакинеа). Здѣсь-то, на этомъ помостѣ, при большихъ выходахъ чиновники со-

* Путешествія и нов. наблюд. въ Китаѣ и проч. Петра Добеля, ч. 1, стр. 98 и слѣд.

** Китай въ гражд. и нравст. состояніи, ч. III, стр. 44 — 49.

*** Тайцинъ Гурунь и Ухери Коли, то-есть все законы и установленія китайскаго (а нынѣ манжурскаго) правительства. По Высочайшему повелѣнію перевелъ съ манжурскаго на Россійскій, и проч. Алексій Леонтьевъ. Спб. Въ 3 ч.

**** У отца Іакинеа, ч. I, стр. 25.

***** Тайцинъ Гурунь и проч. ч. 2, стр. 203 — 208.

вершаютъ обрядъ троекратнаго поклоненія съ девятью поклонами въ землю, то-есть, дѣлаютъ три колѣнопреклоненія, и при каждомъ по три раза бьютъ челомъ въ землю. Для этого, съ обѣихъ сторонъ мраморной мостовой, поставлены бронзовые столбики, на которыхъ вырѣзаны классы для всѣхъ девяти чиновъ, такъ, что каждый классъ имѣетъ свою линію; и притомъ восточная сторона назначена для гражданскихъ чиновниковъ, а западная для военныхъ, по словамъ отца Іакинѣа. Въ Тайцинѣ далѣе говорится, что въ день испытанія кандидатовъ на степень дзинши, всѣ чины выстраиваются по сторонамъ краснаго пути; а на красномъ крыльцѣ становятся князья и вельможи; всѣ въ форменныхъ одеждахъ (у отца Іакинѣа, всѣ они позади церемоніальнаго кортежа восточнаго крыльца). Противъ тронной располагается великій строй и музыка (у отца Іакинѣа, церемоніальный кортежъ). Этотъ великій строй, по Тайцину, состоитъ изъ сорока тимпановъ, на которыхъ изображены золотомъ драконы въ облакахъ, на зеленомъ полѣ; восьми большихъ и восьми малыхъ трубъ мѣдныхъ, какихъ-то восьми тазовъ и другихъ инструментовъ, которыхъ не перевелъ г. Леонтьевъ, семидесяти девяти разнаго рода разноцвѣтныхъ знаменъ, съ названіемъ и съ изображеніемъ звѣздъ; большихъ вѣсовъ въ пальцахъ, украшенныхъ цвѣтами и золотомъ, съ тридцатью шестью колокольчиками и шелковыми зелеными кистями; изъ разныхъ знаменъ, оружій, булавъ, зонтиковъ, щитовъ, пары фонарей краснаго цвѣта, пары жаровень золотыхъ съ украшеніями, одной пары золотыхъ кувшиновъ, пары золотыхъ скрынокъ съ духами, рукомойника золотаго, украшеннаго жемчугомъ, изумрудами, въ цвѣткахъ и травахъ; кресель золотыхъ съ балдахиномъ, золотаго табурета и подножника, и разнаго вида и названій колесницъ *. По Іакинѣу, кандидаты ставятся отъ кортежа на югъ, по обѣимъ сторонамъ; по Тайцину, на сторонахъ и притомъ по старшинству, такъ, что нечетныя числа приходятся съ лѣвой, а четныя съ правой стороны.

Когда наступитъ назначенный часъ, то президентъ обрядовой палаты проситъ государя въ залу. Вошедши въ залу, государь восходитъ на тронъ, причемъ начинаются удары въ колокола, тимпаны и музыка, попеременно (по Тайцину), а чиновники (по Іакинѣу) совершаютъ обрядъ поклоненія **. Въ это время, по Тайцину, членъ верховнаго совѣта, со стола, поставленнаго въ залѣ, беретъ тему и отдаетъ ее члену Джургани обрядовъ, который, принявъ тему съ колѣнопреклоненіемъ, выноситъ ее на крыльцо, и, также съ колѣнопреклоненіемъ, положивъ ее на столъ, совершаетъ троекратное колѣнопреклоненіе; потомъ беретъ столъ съ темою и сноситъ съ крыльца по лѣвому сходу на красный помостъ и тутъ ставитъ его на срединѣ.

* Тайцинъ и пр. т. II стр. 92-98. На слѣд. затѣмъ страницахъ читатель найдетъ описаніе строя малаго.

** Замѣтимъ, что отецъ Іакинѣвъ описываетъ самое объявленіе кандидатовъ, между-тѣмъ какъ все сказанное нами происходитъ, какъ въ день объявленія, такъ и въ день испытанія.

Тутъ слѣдуютъ возгласенія какъ экзаменаторамъ, такъ и кандидатамъ; всѣ они обращаются при этомъ лицомъ къ сѣверу (т. е. къ трону) и совершаютъ троекратное колѣнопреклоненіе съ девятью поклонами въ землю, государь уходитъ, а кандидатамъ (Гюй-жинь, какъ называется г. Леонтьевъ, по объясненію котораго слова эти значатъ «превосходный человѣкъ», а Джинши «познатель премудрости»), раздають тему * Получивъ тему, кандидаты расходятся на назначенныя имъ мѣста, и каждый сочиняетъ и пишетъ за особеннымъ столикомъ. Кончивъ сочиненіе, каждый отдаетъ его чиновникамъ, которые, запечатавъ ихъ, кладутъ въ шкафъ, а потомъ передаютъ вельможамъ, экзаменаторамъ. На четвертый день послѣ этого, по утру, чиновникъ чтець читаетъ предъ государемъ удостоенныя сочиненія. На трехъ лучшихъ сочиненіяхъ государь дѣлаетъ надпись «первой степени первое; первой степени второе; первой степени третье.» Прочія сочиненія поручаетъ разсмотреть главнѣйшимъ вельможамъ. На другой день послѣ этого, совершается провозглашеніе получившихъ степень, и притомъ съ такимъ-же торжествомъ, какъ и въ день испытанія, съ слѣдующею разницею. Удостоиваемые степени надѣвають въ этотъ день шляпу съ особеннымъ украшеніемъ (дзинзы, шишка, имѣющая фигуру трехъ вѣтвей съ девятью листочками). Глашатай читаетъ: По высочайшему указу, такого-то года, мѣсяца и числа, для удостоенія гюй-жинь въ дзинши, учинено императорское испытаніе, и по испытаніи, получившіе оное достоинство различены на три степени: первую, вторую и третью». По Іакиноу, при словѣ указъ, магистры тотчасъ становятся на колѣни; но по Тайцину, они выступаютъ изъ рядовъ, по вызову чтеца, и уже здѣсь становятся на колѣни трижды, съ троекратнымъ поклоненіемъ каждый разъ. Вызовъ дѣлается такъ: первой степени первый такой-то? тотъ выходитъ изъ рядовъ и становится на колѣни; то-же со вторымъ и третьимъ; затѣмъ вызываютъ и второй степени, первый такой-то и съ нимъ столько-то человѣкъ; третьей степени первый такой-то и съ нимъ сколько-то». Отецъ Іакиноу говоритъ, что только магистрамъ перваго разряда дають титулъ дзинши; вторыхъ называютъ *вышедшими изъ магистровъ*, а третьихъ *вмѣстѣ вышедшими изъ магистровъ*. Въ Тайцинѣ двухъ послѣднихъ титуловъ нѣтъ; нельзя не замѣтить притомъ, что и титулы-то эти слишкомъ несообразны съ дѣломъ: только-что получившіе степень, слѣдовательно *вошедшіе* въ нее, названы *вышедшими*! Не споримъ, но странно... По выходѣ изъ дворца, съ объявленіемъ, послѣднее вывѣшивають на городской стѣнѣ. О слѣдующемъ затѣмъ угощеніи дзиншей въ нарочно устроенномъ балаганѣ и потомъ о совершеніи ими обряда въ храмѣ Кхунь-дцы читатели найдутъ у отца Іакиноу; въ дополненіе-же къ этимъ законамъ о степеняхъ дзинши, о предварительномъ испытаніи кандидатовъ на эту

* Замѣчательно, что *тема* по-китайски *тиму*; *ти* зн. прикоснуться, а *му* видѣ. Тайцинъ и пр. т. I стр. 41.

степень, въ Тайцинѣ, (въ 1 томѣ стр. 10) есть еще нѣсколько интересныхъ узаконеній, обнаруживающихъ тотъ-же духъ *.

Тотъ-же духъ, съ подобными подробностями, представляетъ и слѣдующій обрядъ шествія государя въ главное училище, какъ онъ названъ въ Тайцинѣ (отецъ Иакинѣвъ не упоминаетъ о немъ). Онъ состоитъ въ слѣдующемъ:

Наканунѣ дня, назначеннаго для этого выхода, государь, всѣ князья и вельможи, статскіе и военные чины до 7 класса, должны поститься и никуда не выѣзжать изъ своихъ домовъ. Въ самый день выхода, въ училищѣ дѣлаютъ слѣдующія приготовленія. На дворѣ устраиваются для государя шатры желтаго цвѣта, одинъ на переднемъ дворѣ храма, другой на дворѣ ученаго собранія. У шатровъ ставятся столы, на которые кладутся Книги, а въ храмѣ, воздвигнутомъ въ честь древнихъ мудрецовъ, раскладываются жертвы. Князья и вельможи, съѣхавшись къ дворцу, всѣ въ торжественныхъ одеждахъ, ожидаютъ государя въ воротахъ южныхъ срединныхъ. Шествіе начинается звономъ въ колоколъ на южныхъ воротахъ; изъ дворца выходятъ восточными воротами (воротами всегдашняго покоя), впереди идетъ оркестръ музыки, за нимъ *великій строй* (описанный выше); далѣе, въ носилкахъ, государь, а за нимъ князья и вельможи. Всѣ академики выходятъ навстрѣчу процессіи и становятся на колѣни. Когда потомъ всѣ войдутъ въ храмъ, церемоніймейстеръ возглашаетъ: «приступите» и указываетъ рукою мѣсто поклоненія. Государь приступаетъ и становится, а за нимъ то-же дѣлаютъ и другіе по своимъ мѣстамъ. Церемоніймейстеръ возглашаетъ: «учините благоговѣйное душамъ святымъ стрѣтеніе»; начинается музыка тихая, тонами плавными. Церемоніймейстеръ возглашаетъ: «преклоните колѣна, поклоняйтесь, встаньте». Государь, преклонивши колѣна, совершаетъ троекратное поклоненіе дважды, то-же дѣлаютъ и другіе на своихъ мѣстахъ. Потомъ одинъ изъ вельможъ подаетъ государю кусокъ шелковой матери и чару вина; поднявъ ихъ надъ головой, государь отдаетъ ихъ вельможѣ, а тотъ кладетъ ихъ предъ саринами (лаковые дощечки съ именами великихъ мудрецовъ). Музыка умолкаетъ, а церемоніймейстеръ опять возглашаетъ: «учините благоговѣйное душамъ святымъ препровожденіе». Потомъ, послѣ колѣнопреклоненій, всѣ выходятъ изъ храма во дворъ. Государь, принцы и знатнѣйшіе чины входятъ въ шатеръ, а прочіе располагаются стройно, по чиноположенію, по обѣимъ сторонамъ. Всѣ ученые, учителя и ученики исполняютъ обычное колѣнопреклоненіе съ девятью поклонами. Потомъ, съ дозволенія государя, всѣ садятся по своимъ мѣстамъ. Четыре ученыхъ читаютъ свои сочиненія, на темы изъ Книговъ. По окончаніи чтенія всѣ ученые чины становятся на колѣна, и слушаютъ слѣдующее наставленіе отъ государя:

«Учители, ученики! поучайтесь вы закону святыхъ мужей, съ при-

* Получившіе степень дзинши удостоиваются 5 и 6 клас., а Гюй-жины 7 и 8, по усмотрѣнію властей. Т. I стр. 129.

лежаніемъ искреннимъ; онъ есть свѣтъ дневнаго солнца; собирайте лучи его и храните въ умахъ и сердцахъ вашихъ, да явитесь достойными помощниками государственнаго правленія, и достойными блюстителями святой истины.»

Послѣ рѣчи ученые опять совершаютъ троекратное поклоненіе съ девятью поклонами въ землю. Затѣмъ государь возвращается во дворецъ тѣмъ-же порядкомъ.*

Замѣтимъ впрочемъ, что заботливость государей о просвѣщенныхъ помощникахъ въ Китаѣ не всегда достигаетъ своей цѣли. «Въ прежнія времена, говоритъ Добель (Ч. 1, стр. 99 и слѣд.), богдоханы отправляли въ каждую область нѣсколько высшихъ мандариновъ, для выбора молодыхъ людей въ званіе мандариновъ. Но лихоимство сдѣлало этотъ законъ бесполезнымъ: сыновья богатыхъ лавочниковъ, имѣющіе болѣе денегъ, чѣмъ достоинствъ, избираются преимущественно предъ тѣми, которые употребили много времени на приготовленіе себя къ государственной службѣ», и проч.

Но это только отступленія отъ обыкновеннаго порядка; по обыкновенному-же ходу дѣлъ, и даже при этихъ злоупотребленіяхъ, государственныя должности раздаются людямъ болѣе или менѣе образованнымъ въ томъ духѣ, котораго черты мы представили въ началѣ; хотя впрочемъ обстоятельство это и не устраняетъ взяточничества и разнаго роду злоупотребленій между самими чиновниками: уже одни экзамены, при всякомъ опредѣленіи на мѣсто (см Тайцинъ, т. 1, стр. 126) и потомъ на самыхъ мѣстахъ, которымъ подвергаются всѣ служащіе, производятъ только ряды притѣсненій и униженій.

Воля монарха въ Китаѣ, какъ и вообще на Востокѣ, безусловна, то-есть, неограниченна никакими личностями, кромѣ его собственной. Изъ особенностей, въ которыхъ китайцы выражаютъ свое уваженіе къ монарху и его фамиліи, мы упомянемъ здѣсь только о нѣкоторыхъ, и во-первыхъ, о такъ-называемыхъ выходахъ или поклоненіяхъ государю въ извѣстные дни. Поклоненія эти или выходы раздѣлены у Іакинѳа на большіе и малые. Первые изъ нихъ бывають, по его словамъ, только три раза въ годъ, а именно: 1-го числа новаго года, въ день рожденія государя и въ зимній поворотъ (что совершенно согласно и съ Тайциномъ, стр. 145, Т. 2); но къ великимъ выходамъ можно отнести и производство въ дзинши и шествіе государя въ Академію Наукъ (Главное Училище, по Леонтьеву).

Обрядъ поклоненія государю въ новый годъ, по Тайцину, совершается слѣдующимъ образомъ (Т. 11, стр. 134 и пр.):

Всѣ князья, и знатные сановники, въ торжественныхъ одеждахъ, должны собраться ко двору до зари; при появленіи зари, къ нимъ выходитъ государь, въ церемоніальной одеждѣ, и вмѣстѣ съ ними ѣдетъ въ храмъ, на молитву. По возвращеніи изъ храма, свита становится во дворцѣ предъ воротами прамизны, и потомъ идетъ за государемъ въ чер-

* Тайцинъ. Т. 2, стр. 193—200.

тоги пробабки и бабки его величества, и вмѣстѣ съ нимъ совершаетъ обычное колѣнопреклоненіе. Потомъ, предъ залю Тхай-Ходянь, великаго соглашенія, выстраивается великаторжественный строй; за воротами располагаются разныя колесницы и слоны, а кони ставятся по бокамъ краснаго помоста, одинъ противъ другаго; въ воротахъ (великаго соглашенія и по сторонамъ краснаго крыльца, подъ навѣсами, расположены оркестры (оркестръ *средоточнаго согласія* и оркестръ *принятія гостей*); на восточной сторонѣ крыльца, также подъ навѣсомъ, ставится желтый столъ; въ воротахъ великаго соглашенія стоятъ всѣ принцы и вельможи, а за воротами южными, срединными, всѣ прочіе военные и статскіе чины. Между-тѣмъ въ Джургани обрядовъ (въ палатѣ обрядовъ) отъ всѣхъ пекинскихъ чиновъ и отъ всѣхъ въ государствѣ городовъ (и слободъ гарнизонныхъ, какъ переведено въ Тайцинѣ), равно какъ и изъ царства Кореи, получены такъ-называемыя біоу, то-есть поздравительныя листы, присланные къ государю (у отца Іакинеа говорится о нихъ какъ-будто только *объ одной* поздравительной рѣчи); всѣ эти рѣчи складываются въ особые ларчики (у Леонтьева, ковчегъ), каждый листъ отдѣльно. Ларчики эти или ковчегъ называются *тинзе* и Леонтьевъ замѣчаетъ, что *тинзе* значитъ *башенка*. Ихъ переносятъ изъ Джургани Церемоній, съ музыкой, къ двору; переносящіе держатъ ихъ возвышенно въ обѣихъ рукахъ, музыка впереди; процессія эта входитъ во дворецъ воротами всегдашняго покоя, и останавливается рядами у срединныхъ воротъ. Тутъ члены Палаты Церемоній вынимаютъ листы изъ ящичковъ, переносятъ ихъ возвышенно въ обѣихъ рукахъ предъ залу великаго соглашенія и кладутъ на столъ цвѣта желтаго... И каковъ же долженъ быть столъ, мы можемъ спросить, если переводъ Леонтьева вѣренъ? Послѣ того, члены приказа церемоній предшествуютъ князьямъ и знатнѣйшимъ вельможамъ и устанавливаютъ ихъ на красномъ крыльцѣ; потомъ, установя ихъ, предшествуютъ статскимъ и военнымъ чинамъ и входятъ съ ними въ двое боковыхъ воротъ и устанавливаютъ ихъ по обѣимъ сторонамъ срединнаго (то-есть краснаго или мраморнаго) пути (помоста); установивши ихъ, предшествуютъ корейскимъ и монгольскимъ посланникамъ и ставятъ ихъ на концѣ западнаго строя. Не упоминаемъ, гдѣ становятся церемоніймейстеры, въ какомъ числѣ, гдѣ глашатаи и другіе чиновники церемоній и придворныхъ строевъ. Чиновники Астрономическаго Института, для наблюденія времени стоятъ у воротъ *чистоты небесной*.

Когда всѣ выстроится въ такомъ порядкѣ, церемоніймейстеры доносятъ государю. Когда государь изъ залы срединнаго соглашенія, гдѣ совершаютъ предъ нимъ обычныя поклоненія разныя чины, явится наконецъ въ залъ великаго соглашенія, то въ это время начинается музыка тономъ, называемымъ «*великая тишина*». Когда государь воссядетъ на престолъ, то вельможи становятся передъ престоломъ, другъ передъ другомъ, одни лицами къ Востоку, другіе къ Западу; два другихъ выстраиваются позади государя; прочіе принцы, князья и вельможи подъ навѣсами, съ восточной и западной стороны. «Издай звукъ

бича!» возглашаетъ одинъ изъ церемоніймейстеровъ; послѣ троекратнаго удара плетью (извѣстною изъ описанія отца Іакинѳа), всѣ принцы, князья и всѣ статскіе и военные чины, выступивъ на мѣсто поклоненія, останавливаются. «Преклоните колѣна!» Всѣ преклоняютъ. «Вознеси листъ біоу (поздравительную рѣчь; слѣдственно, и по Тайцину тутъ является *одна* особенная поздравительная рѣчь). Чиновникъ чтець беретъ этотъ листъ, несетъ его возвышенно до середины, преклоняетъ колѣна и на колѣнахъ, лицомъ къ сѣверу (престолу), читаетъ этотъ листъ (по отцу Іакинѳу, рѣчь развертываютъ два министра, ставъ на колѣна, по бокамъ чтеца). По прочтеніи его, начинается музыка, тономъ *радостной тишины*, причемъ всѣ совершаютъ троекратное колѣнопреклоненіе съ девятью земными поклонами, по окончаніи которыхъ музыка умолкаетъ, и всѣ отступаютъ на свои прежнія мѣста. Вслѣд за тѣмъ, совершаютъ также поклоненіе посланники подвластныхъ Китаю народовъ или государствъ, причемъ музыка играетъ увертюру «*тишина подъ правленіемъ*». По совершеніи колѣнопреклоненія, музыка умолкаетъ; затѣмъ посланники отступаютъ на свои мѣста; по троекратному звуку бича, государь встаетъ съ мѣста, играетъ музыка, государь входитъ въ залы дворца, а прочіе расходятся по домамъ».

Такой-же выходъ бываетъ въ день рожденія государя и въ зимній поворотъ солнца, а такъ какъ въ послѣдній день государь совершаетъ обрядъ «земленашества», то самый выходъ происходитъ на другой день.

Между-тѣмъ, въ эти-же три дня, всѣ статскіе и военные чины во всѣхъ областяхъ государства собираются къ своимъ начальникамъ (губернаторамъ и вообще главнымъ властямъ); отправляются вмѣстѣ съ ними къ присутственнымъ мѣстамъ, передъ которыми между-тѣмъ разставлены столы, возжигаютъ здѣсь благоуханныя свѣчи и, обратившись лицомъ ко дворцу государя, совершаютъ обычное колѣнопреклоненіе съ девятью поклонами, и расходятся.

У отца Іакинѳа изложены вмѣстѣ съ тѣмъ подробности обряда поклоненія государю въ новый годъ отъ государыни; въ Тайцинѣ, напротивъ, находимъ только поклоненіе государя своей бабкѣ; подробности этого состоятъ въ слѣдующемъ.

По утру, въ новый годъ, передъ воротами ея величества, бабки государевой, ставится торжественный строй и музыка. Государь, со всѣми принцами, князьями и прочими сановниками, въ торжественныхъ одеждахъ, пріѣхавши въ носилкахъ, останавливается у воротъ, выходитъ изъ экипажа и, вступивъ въ ворота *тишины и милости*, идетъ къ красному крыльцу, и взойдя на него по восточной сторонѣ, останавливается на площадкѣ, также съ восточной стороны. Въ это время ея величеству докладываютъ о выходѣ къ престолу. При ея появленіи играетъ музыка, и только тогда умолкаетъ, когда великая царица великихъ ца-

* Тайцинѣ. Т. II. Стр. 134 и 145. У отца Іакинѳа этотъ обрядъ описанъ съ значительною разницею въ подробностяхъ. Ч. IV, стр. 4 и 6.

рицъ (какъ называютъ ее китайцы) сядетъ на престолъ. Чиновники разстилаютъ коверъ передъ престоломъ на самой срединѣ площадки. Государь, съ членами палаты обрядовъ впереди, подходитъ къ престолу и, по приглашеніямъ церемоніймейстера, совершаетъ обрядъ троекратнаго колѣнопреклоненія съ девятью земными поклонами, между-тѣмъ какъ прочіе совершаютъ то-же во внутренней широтѣ помннутыхъ воротъ. Потомъ всѣ расходятся: ея величество въ свои покои, а государь и прочіе возвращаются обратно. На другой день, по утру, опять ставится торжественный строй и музыка передъ воротами, какъ и прежде: Ко двору съѣзжаются теперь супруги принцевъ, князей и другихъ китайскихъ аристократовъ, также въ торжественныхъ одеждахъ, и становятся у воротъ по *западной* (менѣе почетной) сторонѣ, между-тѣмъ какъ придворныя дамы и вообще супруги придворныхъ сановниковъ собираются въ залъ «*великаго соглашенія*». Между-тѣмъ государыня супруга (Хуанъ-Хеу, царица царицъ), прибывши съ своею свитой въ портшезахъ, останавливается у воротъ и вышедъ изъ портшезы, входитъ въ ворота тишины и милости и шествуетъ къ красному крыльцу, а взойдя на крыльцо по *западной* сторонѣ, останавливается на площадкѣ, также на западной сторонѣ. Въ это время докладываютъ государынѣ бабкѣ о выходѣ къ престолу. Затѣмъ совершается поклоненіе точно такъ-же, какъ указано въ поклоненіи государя, съ тою разницею, что коверъ, впереди государыни, разстилаютъ не чиновники палаты обрядовъ, а восемь барынь, какъ переводитъ Леонтьевъ. «Хановой бабкѣ, замѣчаетъ онъ при этомъ, подобныя поздравленія бывають въ день зимняго поворота солнечнаго и въ день ея рожденія; равнымъ образомъ, въ эти-же дни, такія-же поздравленія бывають какъ матери, такъ и *супруги* хановой, но только супругу ханову барыни и барышни поздравляютъ, когда изволитъ возвратиться отъ бабки и матери, отправив свои поклоненія.»

Кстати замѣтимъ, что изъ уваженія къ бабкѣ государевой, по китайскому чиноположенію, правительство даетъ ей разные почетные титулы. «Въ первомъ году царствованія Канъ-си, говоритъ Тайцинъ, поднесенъ бабкѣ государевой слѣдующій титулъ:

Великая царица великихъ царицъ,
Государыня святой премудрости,
Милосердаго многолѣтія,
Твердая осторожности,
Благолѣпная скромности,
Сіяющаго блаженства,
Великія щедрости.

Матери государевой поднесенъ титулъ: великая царица царицъ, государыня милости и умѣренности.

Само собою разумѣется, что поднесеніе это было совершено съ извѣстными церемоніями (которыя читатель можетъ найти во второмъ томѣ Тайцина, стр. 164 и слѣд.)

Кромѣ этихъ торжественныхъ създовъ, на поклоненіе государю

должны собираться всѣ «ваны» (князья и графы), и всѣ статскіе и военные чины, ежемѣсячно по три раза, а именно 5, 15 и 25 чиселъ: это такъ-называемые малые выходы. «Въ оныя числа распорядженіямъ и обрядамъ бытъ по слѣдующему расписанію», какъ переводитъ Леонтьевъ.

Подъ навѣсомъ кровельнымъ *зала великаго соглашенія*, на сторонахъ восточной и западной — музыка. Въ *воротахъ великаго соглашенія*, лицомъ къ сѣверу, музыка. Передъ заломъ великаго соглашенія торжественный строй. Передъ южными срединными воротами царская колесница *Нань*. Передъ колесницей слоны, которые, по словамъ Леонтьева, «бываютъ въ убранствахъ и носятъ на себѣ фарфоровые кувшины съ благоуханными цвѣтками и зеленою.» По сторонамъ краснаго помоста, строевые кони въ убранствахъ, голова противъ головы. Ваны и аристократы, въ торжественныхъ одеждахъ, собираются въ воротахъ великаго соглашенія, а прочіе статскіе и военные чины, также въ торжественныхъ одеждахъ, собираются вѣвъ востокъ южныхъ срединныхъ. Въ извѣстный часъ, являются церемоніймейстеры и, ставъ по одному, по обѣимъ сторонамъ краснаго помоста, предшествуютъ ванамъ и прочимъ аристократамъ: все это останавливается въ извѣстномъ порядкѣ на крыльцѣ. Четыре же церемоніймейстера предшествуютъ прочимъ статскимъ и военнымъ чинамъ, которые идутъ за ними въ боковыя южныя срединныя ворота, къ залу великаго соглашенія, и сначала входятъ въ ворота *справедливаго правленія*, а потомъ въ ворота *просвѣщеннаго разума*, и уже послѣ этого становятся передъ заломъ, по сторонамъ краснаго помоста, по чиноположенію. Государь является въ залу, въ торжественной одеждѣ и послѣ обычныхъ троекратныхъ поклоненій съ девятью поклонами въ землю, приказываетъ всѣмъ садиться. Ваны садятся въ залу, прочіе вельможи на крыльцѣ, а статскіе и военные чины по красному пути. Когда государь приметъ чашку чаю, всѣ поклоняются однажды; принявши и выпивши чашку чаю, также поклоняются однажды. Потомъ, подъ музыку, государь удаляется, а прочіе, по чиноположенію, также выходятъ изъ дворца. Такая церемонія повторяется ежемѣсячно 5, 15 и 25 чиселъ.»

За милости государя, поклоненія совершаются на слѣдующихъ основаніяхъ.

За милости, сказано въ Тайцинѣ, приносить поклоненія государю должны ваны и всякіе чиновные люди во дни обыкновенныхъ слѣздовъ ко двору, и притомъ по слѣдующему положенію.

Ваны и знатные принцы вшедши внутрь дворца.

Начальники, которые повышены чинами за выслуги, или получили награжденія, также вошедши внутрь дворца.

Получившіе прощенье въ своихъ преступленіяхъ поклоняются у воротъ *Тайцинъ* (чистоты); слѣдовательно въ виду народа; причемъ лишенные чина должны быть въ партикулярномъ платьѣ.

За повышение чиномъ сдѣлать три колѣнопреклоненія и девять поклоновъ.

За награжденіе вещью, два колѣнопреклоненія и шесть поклоновъ.

За часть кушанья, одно колѣнопреклоненіе и три поклона.

«Въ Пекинѣ, замѣчаетъ Леонтьевъ, мнѣ часто случалось видѣть скачущихъ на лошадяхъ тѣлохранителей ханскихъ съ кушаньями со стола ханскаго. Тамо такая милость государская славна бываетъ.»

Но точность эта въ Тайцинѣ еще интереснѣе въ законахъ объ одеждѣ. Въ установленіи объ уборахъ (стр. 220—234) между прочимъ читаемъ: «кромѣ принцевъ 1-й степени, всѣхъ чиновъ и званій людямъ, не носить платья желтаго цвѣта, (какъ принадлежащаго царской фамиліи), и еще не употреблять такихъ шелковыхъ матерій желтаго цвѣта, на которыхъ изображены драконы о пяти когтяхъ; на торжественномъ платьѣ не имѣть даже ни одной желтой нитки (стр. 229); не имѣть на сапогахъ, на сѣдлахъ коймъ и обшивокъ желтаго цвѣта» (тамъ-же). Или: «подкладки у шляпъ имѣть начальникамъ высшимъ до четвертой степени соломёноквыя, а отъ пятой степени нижнимъ красныя шелковыя (230). Или: «всякаго чина и званія людямъ не употреблять и не шить въ домахъ парчей съ кругами (вѣроятно, узорами), и съ драконами о пяти когтяхъ, и ни на чемъ желтаго цвѣта, а особливо на одѣялахъ, постеляхъ, пологгахъ и занавѣсахъ; еще бурыхъ лисицъ, кромѣ жалованныхъ отъ государя». Или: «воинамъ, подъячимъ и всякаго званія людямъ, не имѣющимъ ханскихъ офицерскихъ чиновъ, употреблять на платьѣ китайки, ткани бумажныя и шелковыя матеріи и прочее, а изъ мѣховъ волчьи, лисьи, бараньи и подобныя симъ. Лишеннымъ чиновъ не употреблять соболей, рысей и парчей.»

Или: «поводы на уздахъ имѣть принцамъ первой и второй степени оранжевыя; третьей и четвертой степени мадиновыя; кромѣ ихъ никому такихъ поводовъ не имѣть.»

Или: сектефуни, то есть подушки, на которыхъ садятся, и которыя за чиновниками возятъ слуги, имѣть по слѣдующему росписанію:

«Первой степени, зимою соболя; лѣтомъ парчевая съ драконами о пяти когтяхъ, красная. Второй степени, зимою рысья съ каймою; лѣтомъ парчевая съ драконами о четырехъ когтяхъ синяя, и такъ далѣе для каждаго изъ девяти классовъ особая подушка для зимы и для лѣта! Подушки эти, по Леонтьеву, въ квадратный аршинъ величины, съ двумя полъ-колечками по бокамъ, для слуги, который держитъ ее согнувши вдвое; внутри хлопчатая бумага; на нижней сторонѣ кожа съ наклееннымъ сукномъ. Тѣ-же странности находимъ и въ другихъ узаконеніяхъ, относительно чиновныхъ людей. «Большіе и малые чиновные люди, служащіе подъ начальствами знатныхъ принцевъ крови, говорятъ Тайцинъ, должны къ своимъ начальникамъ принцамъ собираться въ дома ихъ въ день ихъ рожденій и новаго года, и при музыкѣ и приглашеніяхъ отправлять предъ ними совокупныя поклоненія такъ:

Предъ принцемъ первой степени становится на колѣна два раза и за каждымъ разомъ кланяться трижды; — предъ принцемъ второй степени то-же; — предъ принцемъ третьей степени становится одинъ разъ и кланяться трижды. Когда ѣдетъ принцъ первой степени, то при встрѣчѣ съ нимъ принцъ второй степени даетъ ему дорогу, не останавливаясь, а принцъ третьей степени, отстранивъ свою свиту, самъ проѣзжаетъ стороною; другіе приостанавливаются; а прочіе люди слѣзаютъ

съ лошадей и останавливаются пока не пройдетъ мимо». — Дальнѣйшія узаконенія о томъ, сколько кто можетъ, для украшенія выѣздовъ своихъ, имѣть всадниковъ, зонтиковъ, щитовъ, булавъ, знаменъ, бердышей, лошадей, въ Пекинѣ или внѣ Пекина; гдѣ кто долженъ останавливаться у воротъ и такъ далѣе, любопытный читатель найдетъ въ томъ-же томѣ Тайцина.

Довольно подробное описаніе обрядовъ для супружествъ самого государя и членовъ его фамиліи читателямъ извѣстно изъ сочиненія отца Іакинфа; описаніе это также значительно не сходно съ Тайциномъ (см. 2-ой томъ); не входя въ подробности этого обряда и этихъ различій, замѣтимъ только, что свѣдѣнія эти европейскими источниками могутъ быть пополнены только въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, о которыхъ впрочемъ мы не намѣрены распространяться и съ которыми читатель можетъ познакомиться по указаніямъ Клемма (*Allgemeine Kulturgeschichte der Menschheit*, sechster Band. S. 142, v. I.) Замѣтимъ впрочемъ, что самый выборъ супруги и одалисокъ предоставляется, по назначенію палаты обрядовъ, нѣсколькимъ дамамъ, которыя въ этомъ случаѣ руководствуются только собственнымъ чувствомъ красоты и вообще личными качествами и достоинствами избираемыхъ, не обращая вниманія ни на ихъ происхожденіе, ни на состояніе. Иногда впрочемъ государь вступаетъ въ супружество и съ иностранными принцессами. Отдѣленія, въ которыхъ живутъ его жены, также находятся подъ надзоромъ извѣстнаго рода восточныхъ стражей и женщинъ. По смерти императора всѣ его жены, до самой смерти, остаются въ особенномъ дворцѣ. Принцы живутъ во дворцѣ только до женитьбы, а потомъ въ значительнѣйшихъ городахъ имперіи, получая тамъ дворецъ и особенный штатъ, но не имѣя прямого вліянія на управленіе, а потомки ихъ чрезъ нѣсколько поколѣній вступаютъ въ кругъ частныхъ людей. Принцессамъ избираетъ супруговъ самъ императоръ. Замѣчательно, что и въ этомъ случаѣ оказывается къ нимъ особенное уваженіе, а именно супруги эти, до рожденія дѣтей, должны совершать предъ своими женами каждый вечеръ однократное колѣнопреклоненіе съ тремя поклонами въ землю.

Объ остальныхъ отрасляхъ китайской гражданственности, при настоящемъ сближеніи Европы, особенно Англій, съ Китаемъ, мы надѣемся въ скоромъ времени получить болѣе вѣрныя и точныя свѣдѣнія, а потому, до времени, не станемъ и распространяться о нихъ.

ДУЭЛЬ.

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ АНГЛІЙСКАГО ОФИЦЕРА.

Все на королевскомъ флотѣ видимо совершенствуется. Я это всегда говорилъ. Въ этомъ убѣжденіи я воспитанъ и съ нимъ надѣюсь умереть. Что намъ рассказывать о дуэляхъ въ какомъ-нибудь Булонскомъ-лѣсу, въ десяти или двѣнадцати шагахъ! Это вздоръ! Одна утонченная метода убійства. Одною рукою вы держитесь за платокъ, а другою подносите пистолеть ко лбу противника и подставляете свой собственный подъ его дуло. Что это, какъ не два глупца, и если есть секунданты, то два негодяя? Къ несчастію, дурные примѣры такъ заразительны, что и моряки унижаются до подобныхъ дуэлей, а у нихъ есть всегда такое прекрасное средство подъ руками для окончанія всѣхъ распрей. Если какой-нибудь франтъ вызываетъ васъ драться въ поле, отчего-же моряку не предложить ему дуэли съ ноковъ рей?

Дуэль сама по себѣ совершенный вздоръ. Посмотримъ, какъ она разыгрывается въ наше время. Поклонъ, — сигналъ, — два выстрѣла, вдругъ одинъ падаетъ и отправляется въ вѣчность, — другой съ обоими секундантами отправляется домой. Часто случается, что они этимъ даже гордятся, но, если-бы въ обществѣ было болѣе здраваго смысла, то отъ такихъ людей бѣгали-бы, какъ отъ чумы. Вы видите, что въ такой дуэли нѣтъ ничего интереснаго. Я лучше расскажу вамъ случай, въ которомъ одинъ изъ близкихъ моихъ родственниковъ былъ дѣйствующимъ лицомъ.

Лѣтъ сорокъ тому назадъ, въ самый разгаръ войны съ Французами, когда англійскій каналъ покрытъ былъ приватирами изъ Булони, Дюнкирхена и Кале, оказался большой недостатокъ въ военныхъ бригадахъ, для прикрытія купеческихъ судовъ и погони за смѣлыми французскими люгерами. Лѣсъ былъ дорогъ, а время еще дороже. Чтобы пособить дѣлу, правительство купило большой участокъ земли, прилегавшій къ одному изъ адмиралтействъ, и тамъ строило безконечные кузовы бриговъ, такъ-что, когда встрѣчалась надобность въ суднѣ, его вырубали тотчасъ отсюда, и приставляли къ нему готовые носы и кормы, заготовленные во множествѣ въ адмиралтействѣ. Такимъ образомъ выходили четырнадцати, шестнадцати и осмнадцати-пушечные бриги. Знаю, что всѣ кораблестроители станутъ меня оспаривать и будутъ утверждать, что такихъ судовъ никогда не существовало, но пусть невѣрующіе спросятъ у людей, которые на нихъ служили.

* Рей — горизонтальныя бревна у мачтъ къ которымъ привязаны паруса; ноки — концы рей.

Непріятно было попадать на такія суда, тѣмъ болѣе, что они отличались качествами особеннаго рода. Съ ними невозможно было принаровиться къ вѣтру: вмѣсто того, чтобы свободно летѣть по волнамъ, они каждую волну; принимали въ свои объятія, омывая не только свои скулы, но и всѣхъ, стоявшихъ на палубѣ. Въ тихую погоду на нихъ было несносно, въ свѣжій вѣтеръ — еще хуже; эти удовольствія испытывали всѣ, служившіе на военномъ бригѣ Дельфинѣ.

Онъ былъ вооруженъ двѣнадцатью осьмнадцати-фунтовыми корронадами и двумя длинными шести-фунтовыми пушками. Команда была изрядная, но смѣшно было видѣть этотъ бригъ въ погонѣ за французскимъ приватиromъ, который вертѣлся передъ нимъ, какъ цыганенокъ передъ чопорною и нарядною миссъ.

Цыганенокъ напомнилъ мнѣ, что пора продолжать рассказъ. Я не знаю ни одного предсказанія цыганки, которое-бы оказалось совершенно ложнымъ, или совершенно справедливымъ. Достопримѣчательная дуэль на бригѣ была предсказана цыганкою.

Окрестности Портсмута прекрасны; ихъ роскошная зелень и бархатные луга кажутся морякамъ земнымъ раемъ. Нѣсколько офицеровъ съ брига только-что вышли изъ рощи, какъ къ одному изъ нихъ подошла Сивилла. Она была дурна, какъ смертный грѣхъ, но такъ жива, что могла-бы расшевелить мертваго. Отъ такой вѣдьмы нельзя уйти безъ гаданья, или безъ проклятія, которое наводитъ невольный страхъ, и о которомъ думаешь долѣе, чѣмъ-бы слѣдовало. Во всѣхъ насъ она видѣла будущихъ капитановъ и адмираловъ всѣхъ флаговъ, бѣлаго, краснаго и синяго, и объявила, что она никогда еще не видѣла такихъ джентльменовъ, какъ мы.

Общество, превозносимое цыганкою, состояло изъ четырехъ членовъ: комиссара, мистеръ Севенса; констапеля, мистеръ Флинтстона; живаго, красиваго мичмана Дарьера, и штурмана Свимкинса. Коммисаръ былъ фатъ, съ притязаніями на происхожденіе и ловкость джентльмена; не смотря на молодость лѣтъ, онъ отличался уже скупостью.

Мистеръ Флинтстонъ, констапель, былъ крутаго характера; онъ выслужился изъ рядовыхъ, имѣлъ высокое мнѣніе о своемъ значеніи въ свѣтѣ и всѣ свои понятія настраивалъ по печатной артиллерійской инструкціи.

Молодой Дарьеръ, осьмнадцатилѣтній юноша, былъ-бы несноснѣйшимъ изъ смертныхъ, если-бъ не имѣлъ добрѣйшаго сердца. Онъ всегда дѣйствовалъ по первому влеченію, и къ счастью, эти влеченія всегда были истинно благородны.

Но характеръ штурмана нельзя очертить нѣсколькими словами. Онъ былъ тихъ и простъ, какъ молодая дѣвушка, читающая первый романъ; его большіе голубые глаза наполнялись слезами при видѣ несчастія, онъ готовъ былъ отдать послѣднее; слово «нѣтъ» для него не существовало.

Хитрая старуха тотчасъ увидѣла свою добычу. Вся его душа была для нея, какъ на ладони. Онъ стоялъ, смотря на нее съ удивленіемъ, даже со страхомъ, между-тѣмъ, какъ она держала его широкою

руку своими сухими костлявыми пальцами, походившими болѣе на когти ворона, и онъ, послушный ея волѣ, вынималъ изъ кармана шиллингъ за шиллингомъ. Это надоѣло наконецъ его товарищамъ.

Старуха уже предсказала ему, за семь шиллинговъ, долгую жизнь, важный чинъ, неизмѣняемое здоровье, огромное богатство, прекрасную и добродѣтельную жену и большое семейство. Одна надежда на такое благополучіе стоила денегъ. Штурманъ былъ въ восторгѣ.

Во все время гаданья комиссаръ не переставалъ смѣяться, а старуха бросала на него злобные взгляды. Между-тѣмъ, какъ радостный штурманъ осматривался кругомъ съ самодовольствіемъ будущаго счастливица, цыганка искала новыхъ жертвъ для своей ворожбы. На констапеля мало было надежды. Мичманъ также не ободрялъ взглядомъ; комиссара она уже нѣсколько разъ посылала въ адъ; она готовилась уже оставить ихъ, какъ вдругъ комиссаръ удержалъ ее.

— Я лучше тебя предсказываю будущее, старая вѣдьма, сказала онъ. Протяни сюда свои когти, и я отгадаю: въ этомъ году ты будешь повѣшена, или въ будущемъ. Въмѣсто того, чтобы брать съ тебя деньги, я заплачу тебѣ. Что-жь! ты не рѣшаешься. Я дамъ тебѣ болѣе, чѣмъ ты заслуживаешь.

Жадность старухи побѣдила ея отвращеніе, съ недовѣрчивымъ взглядомъ она протянула свою изсохшую руку, откинувъ прикрывавшія ее лохмотья. Миѣ неприятно докончить эту исторію, но она необходима для разсказа. Коммисаръ съжалъ съ такою силою поданную ему руку, что бѣдная цыганка вскрикнула.

Но шутка продолжалась недолго. Старуха отскочила, выпрямилась, потомъ вдругъ упала на колѣна и разразилась проклятіями. Въ этихъ проклятіяхъ было что-то потрясающее душу.

— Послушай, мать моя ... началъ комиссаръ ...

— Мать! Я скорѣе соглашусь быть матерью гадины. Какъ ты смѣешь говорить о матери? Ты мошенникъ, на этой-же недѣлѣ ты будешь висѣть на нокѣ рея. Бѣги скорѣе къ пастору и кайся передъ Богомъ. Онъ можетъ простить тебя, но я никогда. Готовься на нокъ, вспомни нокъ рея.» И долго еще проклятія цыганки слышны были за рощею.

Коммисаръ былъ блѣденъ и нѣсколько встревоженъ. Констапель, какъ шотландецъ, суевѣрный отъ рожденія, началъ серьезно совѣтовать ему переимѣнить образъ жизни, повидаться съ пасторомъ и привести свои дѣла въ порядокъ. Онъ увѣрялъ, что не должно оставлять безъ вниманія предсказанія старухи. Молодой мичманъ, смѣясь, предлагалъ уступить ему тѣ вещи, которыя комиссаръ не возьметъ съ собою на тотъ свѣтъ. Все это было несносно; но, когда простякъ штурманъ сталъ утѣшать его, положеніе бѣднаго комиссара сдѣлалось невыносимымъ.

— И такъ, васъ повѣсятъ, бѣдный Севенсъ.

— Перестань шутить ...

— Ахъ, бѣдный Севенсъ, подумай о своей душѣ. Сколько пріятныхъ часовъ провели мы вмѣстѣ. Дай Богъ, чтобы смерть была тебѣ легка.

— Отвяжись, пожалуйста ...

— Любезный Севенсъ, въ твоёмъ положеніи, я ничѣмъ не могу обижаться. Ударь меня, я и то прощу тебѣ на прощаньи, и положивъ руку на плечо своей жертвы, онъ продолжалъ: добрый Севенсъ, не огорчи меня; не будь повѣшенъ за какой-нибудь безчестный поступокъ, недостойный благороднаго человѣка ...

Раздраженный комиссаръ не далъ ему кончить, и остановилъ его рѣчь сильнымъ боксомъ въ губы. Ударъ тотчасъ-же былъ возвращенъ назадъ. Констанпель, не говоря ни слова, сталъ за секунданта у комиссара; мичманъ занялъ то-же мѣсто у штурмана, и оба хохотали, какъ сумасшедшіе.

На этой сценѣ былъ еще другой свидѣтель — старая цыганка. Стоя вдаль, на возвышеніи, она радостно хлопала руками, и при каждомъ боксѣ, который штурманъ отпускалъ своему слабѣйшему противнику, она смѣялась истерическимъ хохотомъ. «Славно, мой красавецъ, славно, мой лейтенантъ! Еще ударъ, командоръ мой! Сбей съ ногъ обидчика старухи, капитанъ мой! Славно, славно, адмиралъ! Я отмщена; негодяй упалъ, какъ баба!» — И въ-самомъ-дѣлѣ не болѣе, какъ черезъ минуту, комиссаръ лежалъ безъ чувствъ на землѣ.

Гнѣвъ штурмана мгновенно исчезъ съ паденіемъ его противника; онъ поспѣшилъ къ нему на помощь, обвиняя себя во всемъ. Севенсъ не говорилъ ни слова, но въ глазахъ его выражалась досада; онъ отклонилъ всѣ услуги штурмана и, поддерживаемый двумя другими товарищами, окольными путями побрелъ къ городу. Сострадательный штурманъ съ умоляющимъ видомъ снова обратился къ цыганкѣ.

— Нѣтъ, нѣтъ, голубчикъ мой! вскричала она: все счастье тебѣ, а онъ будетъ висѣть! На берегу ужъ спускаютъ веревку, на которой ему быть повѣшеннымъ!

Какъ не обезсиленъ былъ комиссаръ, но послѣднія слова придали ему новую силу. Онъ схватилъ камень и пустилъ его въ голову старухѣ; дряхлая голова и красный плащъ вдругъ исчезли и болѣе не показывались. Штурманъ говорилъ, что она провалилась сквозь землю, и когда впоследствии счастье благоприятствовало ему, и онъ былъ лейтенантомъ, капитаномъ и адмираломъ, при каждомъ повышеніи онъ вспоминалъ цыганку. Можетъ быть, онъ и теперь еще въ живыхъ и слыветъ такимъ-же добрякомъ и простакомъ, какъ и прежде.

Но тогда онъ печально шелъ за товарищами, проклиная судьбу.

Въ сумерки комиссаръ возвратился на бригъ на вольной шлюпкѣ, спустился внизъ и тотчасъ-же сказался больнымъ, чтобы скрыть подбитые глаза и блѣдное лицо.

Черезъ три дня послѣ этого происшествія, бригъ Дельфинъ былъ готовъ къ выходу въ море. Командиръ приглашенъ былъ обѣдать къ адмиралу на корабль, а бригу велѣно было держаться подъ парусами.

Это было въ половинѣ мая. Командиръ брига, снявшись съ якоря, осмотрѣлъ каждый парусъ, каждую снасть, и потомъ отвалилъ, сначала на берегъ къ адмиралу, а потомъ вмѣстѣ съ адмираломъ на корабль Ройаль-Вильямъ.

Между-тѣмъ, какъ бригъ Дельфинъ, подъ малыми парусами, держался у острова Вайта, старшій лейтенантъ, болѣе всего заботившійся о чистотѣ палубы, замѣтилъ въ небольшой бухтѣ прекраснѣйшій песокъ и камень. Въ то время, какъ капитанъ показывалъ свое усердіе за адмиральскимъ столомъ, старшій лейтенантъ также вздумалъ отличиться, хотя и не передъ столь почетными зрителями. Онъ легъ въ дрейфъ, спустилъ шлюпку и послалъ за штурманомъ.

— Видите эту бухту, мистеръ Свимкинсъ; поѣзжайте туда и, если камень, который разбросанъ по берегу, годится для мытья палубы, то привезите его на бригъ. Песку также прикажите набрать нѣсколько ведеръ. Но смотрите, прибавилъ онъ, скоро начнется отливъ, не посадите на мель шлюпку и ни подъ какимъ видомъ не спускайте людей на берегъ.

На всѣ эти приказанія, штурманъ почтительно приложилъ руку къ фуражкѣ, и отвѣчалъ: слушаю-съ.

Въ шлюпку спустили молотъ для разбиванія камня, пару ведеръ для песку, и бригъ наполнилъ паруса. Старшій лейтенантъ, видя, что наверху все обстоитъ благополучно, спокойно спустился внизъ.

Штурманъ и его гребцы были совершенно счастливы; но счастье ихъ, какъ сказалъ какой-то поэтъ, было слишкомъ велико для того, чтобы продолжаться долго. Вода пошла уже на убыль. День былъ жаркій, люди работали усердно, но исправный штурманъ не позволялъ отлучаться ни одному человѣку, пока шлюпка не была нагружена достаточнымъ количествомъ песку и каменьевъ.

Въ ту минуту, какъ онъ приказалъ уже отваливать, просьба матросовъ поразила его слухъ. Винный погребокъ былъ недалеко, всѣ обѣщали возвратиться въ ту-же минуту; они просили такъ усердно добраго штурмана, что отказъ былъ невозможенъ. Онъ отпустилъ ихъ, а самъ задремалъ. Цѣлые три часа длился его сонъ. Все время его убаюкивали самые пріятные сны, и въ ту самую минуту, какъ ему казалось, что онъ входитъ въ иностранную гавань адмираломъ бѣлаго флага, его разбудилъ громъ салютующихъ ему батарей, и онъ съ изумленіемъ вскочилъ на ноги. Слухъ не обманулъ его, но глазамъ его представилась совершенно неожиданная картина. Бригъ, паля изъ пушекъ, держалъ позывныя шлюпки на обѣихъ брамъ-стеньгахъ, на гафелѣ, и вездѣ, гдѣ только можно было поднять флаги. Бѣдный штурманъ проспалъ болѣе трехъ часовъ. Солнце уже садилось. Онъ протиралъ глаза, думая, что все еще видитъ сонъ.

Къ довершенію бѣдствій, барказъ, который такъ недавно весело качался на водѣ, лежалъ теперь на отмели въ четверти мили отъ сбывшаго моря, на боку, нагруженный пескомъ и камнями. Все это было плохо, но худшее предстояло впереди. Всѣ матросы были совершенно пьяны, исключая рулевого, который, впрочемъ также не былъ трезвъ. Съ большимъ трудомъ онъ притащилъ ихъ къ барказу, но тутъ имъ ничего болѣе не оставалось дѣлать, какъ заснуть въ ожиданіи полной воды. Пальба на бригъ продолжалась, и такая-же потѣха началась и на флагманскомъ кораблѣ, въ Спитгедѣ.

Оставя штурмана въ его несчастномъ положеніи, возвратимся къ командиру брига, который въ половинѣ седьмого часа спокойно пилъ лафитъ въ обществѣ адмирала и его гостей. Въ это-же самое время, почтовая карета, въ четыре лошади, съ королевскимъ курьеромъ и ожидаемыми депешами, катилась по портсмутскимъ улицамъ. Нельзя было терять ни минуты; въ три четверти седьмого, депеши были доставлены адмиралу и переданы командиру брига вмѣстѣ съ приказаніемъ—дѣйствовать со всевозможною поспѣшностью. На прощанье выпили по рюмкѣ вина, пожали руки, сдѣлали сигналъ бригу подойти къ кораблю, и капитанъ, соскочивъ въ гичку, въ семь часовъ былъ уже дома.

Но на бригѣ все было въ смятеніи и тревогѣ. Невозможно было идти въ море безъ барказа, семнадцати человекъ и офицера. Никто не догадался слѣдить за дѣйствіями шлюпки, и когда ея хватились, было уже поздно. Пушку за пушкою палитъ адмиралъ бригу и держитъ сигналъ: немедленно отправиться по назначенію. Пушку за пушкою палитъ бригъ, поднявши шлюпочный флагъ. Капитанъ выходилъ изъ себя. Онъ три раза арестовывалъ старшаго лейтенанта и три раза снова вызывалъ его наверхъ. Онъ велѣлъ сигнальную пушку зарядить ядромъ.

Между-тѣмъ адмиралъ, не понимая причины неповиновенія его сигналамъ, прекратилъ пальбу; но мы увидѣли, какъ изготовили его катеръ, и какъ онъ отвалилъ отъ борта. Это образумило капитана. Онъ велѣлъ сдѣлать то, что давно слѣдовадо-бы сдѣлать, то-есть отправилъ всѣ шлюпки за обмелѣвшимъ барказомъ, и поручилъ лейтенанту во что-бы ни стало привести на бригъ барказъ, штурмана и пьяныхъ гребцовъ. Барказъ кое-какъ стащили съ мели, каждый трезвый взвалилъ на плеча пьянаго и дѣло было кончено въ полчаса.

Бѣдный штурманъ, идя къ шлюпкѣ, нѣсколько разъ хотѣлъ спастись бѣгствомъ; но предсказаніе старой цыганки не выходило у него изъ головы, и онъ рѣшился перенести всѣ наказанія, чтобы только умереть адмираломъ.

Наконецъ эта процессія пристала къ бригу; пьяныхъ заковали въ желѣзо, а штурмана посадили подъ арестъ. Тотчасъ-же подняли шлюпки, поставили паруса, и бригъ полетѣлъ по назначенію, когда адмиральскій катеръ былъ отъ него только въ разстояніи кабельтова. * Его какъ-будто не замѣтили. Другому могло-бы придти въ голову, что на немъ прислали смѣнить командира. Когда смерклось, мы были уже далеко въ морѣ.

Мы приближаемся теперь къ той достопамятной дуэли, которая была слѣдствіемъ всѣхъ этихъ происшествій, и которая, избавя штурмана отъ наказанія, оправдала предсказанія цыганки. Не думайте, что я забавляюсь, или стараюсь позабавить читателя, рассказывая небывалыя вещи. Я увѣренъ, что хотя съ-тѣхъ-поръ прошло слишкомъ тридцать лѣтъ, еще многіе помнятъ этотъ случай, и подъ вымышленнымъ именемъ «Дельфинъ», узнаютъ настоящее имя судна.

Штурманъ всю ночь не могъ сомкнуть глазъ. Капитанъ торжественно обѣщалъ отдать его подъ судъ и донести о его поступкѣ лордамъ

* Т. е. сто сажень.

адмиралтейства. Вѣра его въ предсказаніе цыганки начала колебаться.

Между-тѣмъ, какъ штурманъ не спалъ отъ безпокойства и страха, комиссаръ также бодрствовалъ, радуясь горю своего противника. Не смѣя показать свое избитое лицо днемъ, онъ воспользовался майскою ночью, чтобы подышать свѣжимъ воздухомъ. Пробило двѣ склянки, или часъ по полуночи, когда штурманъ высунулъ изъ люка свою безпріютную голову, и видя, что на верху нѣтъ никого, кромѣ его друзей, потихоньку поднялся на палубу. Констанпель, не могшій заснуть послѣ какого-то неприятнаго сна, разгуливалъ по верху, а мичманъ Дарьеръ стоялъ на вахтѣ.

Луна была въ полномъ блескѣ, вѣтеръ едва наполнялъ паруса, и бригъ, подъ бомбрамселями, шелъ изъ англійскаго канала, въ бейдевиндъ, узла по три въ часъ. Ни судовъ, ни берега не было видно. Констанпель и мичманъ сожалѣли объ участи несчастнаго штурмана, старались утѣшать его, какъ могли, когда радостное лицо комиссара показалось изъ люка.

— Ну, господинъ храбрецъ, сказалъ онъ: посмотримъ, какъ-то мы раздѣлаемся съ капитаномъ. Тому сила не поможетъ, кто не привыкъ быть джентльменомъ.

Штурманъ вспыхнулъ.

— Вы это мнѣ говорите? спросилъ онъ.

— Вамъ. Кому-же болѣе? Кто не умѣетъ держать пистолета, тотъ прибѣгаетъ къ силѣ, какъ вы.

— Мистеръ Севенсъ, я сейчасъ докажу вамъ противное. Мы будемъ стрѣляться здѣсь-же, на шканцахъ. Одолжите намъ пистолеты, мистеръ Флинтстонъ, сказалъ онъ, обращаясь къ констапелю.

— Дайте имъ, прибавилъ вахтенный мичманъ.

— Позвольте, замѣтилъ констапель. Нельзя стрѣляться надъ головою капитана. Я не помѣшаю вамъ окончить ссору, какъ прилично джентльменамъ, но стрѣляйтесь, какъ джентльмены, съ ноковъ рей. Жаль, что это выходитъ изъ моды. Пользайтесь-же на реи: я принесу пистолеты.

Все это было дѣломъ одной минуты. Послѣ короткихъ переговоровъ, положили, чтобы комиссаръ, какъ человѣкъ не морской, сталъ на фока-рей, держась лѣвою рукою за фока-тупенантъ или форъ-марса гитовъ, и стрѣлялъ-бы правою, стоя спиною къ форъ-марселю. Позиція штурмана была не такъ удобна. Стоя на гротарей, онъ долженъ былъ идти на самый носъ, чтобы не быть закрытымъ парусомъ, и держась лѣвою рукою за ликъ-тросъ, правою стрѣлять черезъ руку. Но раздраженные противники не обращали вниманія ни на какія неудобства. Когда всѣ условія были кончены, мистеръ Флинтстонъ положилъ на фоковой битенсъ два заряженные пистолета и отошелъ въ сторону. По жребію, первый выстрѣлъ достался комиссару.

Все это сдѣлалось такъ скоро, что матросы, бывшіе на палубѣ, ничего не могли понять. Оба противника, положивъ по пистолету за пазуху, полѣзли на ванты и заняли свои мѣста на реяхъ.

— Держи полнѣе, сказалъ вахтенный мичманъ рулевому.

— Готовы-ли вы? спросилъ комиссаръ, прицѣливаясь въ штурмана, стоявшаго на пюкѣ.

— Готовъ, отвѣчалъ Свимкинсъ, наводя пистолеть на противника.

— Свидѣтельствую вамъ мое почтеніе, сказалъ первый, спуская курокъ.

— Возьмите его назадъ, отвѣчалъ штурманъ, стрѣляя.

Два выстрѣла на реяхъ чуть слышны были на палубѣ. Констанпель и мичманъ съ безпокойствомъ слѣдили за послѣдствіями дуэли. Штурманъ стоялъ неподвижно, какъ статуя, но комиссаръ не такъ счастливо отдѣлался. Выстрѣливъ изъ пистолета, онъ тотчасъ-же уронилъ его въ воду, потерялъ равновѣсіе, схватился обѣими руками за спасъ, и держась за нее, упалъ съ реи и повисъ. Пуля его противника перебила марса-гитовъ, за который онъ держался, и онъ, лишась опоры, не могъ устоять на реѣ.

Штурманъ, увидя его въ этомъ положеніи, не могъ скрыть своей радости. Цыганка сказала правду, я буду адмираломъ! вскричалъ онъ, видя себя. Но чувство сожалѣнія тотчасъ-же взяло верхъ въ его сердцѣ, и въ одну минуту онъ былъ уже на палубѣ.

Что оставалось дѣлать съ комиссаромъ, который качался между небомъ и моремъ, испуская самыя трогательныя жалобы? Вахтенному мичману не хотѣлось ложиться въ дрейфъ, чтобы не разбудить капитана; онъ уговаривалъ комиссара крѣпче держаться за снасть и обѣщалъ спустить его въ воду и потомъ какъ-нибудь вытащить на палубу. Констанпель отвернулъ марса-гитовъ въ кофельнагеля и вытравилъ его до того, что комиссаръ очутился въ водѣ. Къ несчастію Борей вцутался въ это дѣло. Вдругъ налетѣлъ шквалъ, такъ-что на бригѣ убрали бомб-брамсели, и вмѣсто трехъ узловъ, онъ полетѣлъ по семи, таща за собою комиссара. Оглушенный, заливаемый водою, онъ выпустилъ изъ рукъ веревку, и когда бригъ легъ въ дрейфъ, онъ былъ уже у него въ милѣ за кормою.

Никто много не безпокоился о комиссарѣ. Не важная особа нашъ комиссаръ. Констанпель болѣе всего былъ озабоченъ, какъ ему внести въ расходъ пистолеть. Мичманъ, положивъ марсель на стенгу, спустил на воду шлюпку и отправилъ ее за утопавшимъ; капитанъ и многіе офицеры, услыша крикъ: «человѣкъ за бортомъ!» выбѣжали наверхъ.

Но что-же случилось со штурманомъ? Онъ былъ уже въ нѣсколькихъ саженьяхъ отъ своего прежняго противника, и плылъ, какъ рыба. Когда подошла шлюпка, онъ держалъ его за воротъ и передалъ матросамъ.

Капитанъ простилъ его за самоотверженіе. Вмѣстѣ съ офицеромъ простили и матросовъ, и когда, въ послѣдствіи, узнали, какимъ-образомъ комиссаръ попалъ въ воду, всѣ смѣялись до слезъ, и долго рассказывали своимъ портемутскимъ знакомымъ объ этой необыкновенной дуэли.

СВАДЕВНЫЯ ОБРЯДЫ У АСТРАБАДЦЕВЪ ВЪ ПЕРСИИ.

У Астрабадцевъ сватовство тянется до бесконечности. Сначала нѣсколько пожилыхъ женщинъ со стороны жениха приходятъ въ домъ невѣсты, и какъ-будто желая утолить жажду, просятъ у хозяйки приказать подать имъ наниться воды; невѣста подноситъ имъ воды и онѣ осматриваютъ ее въ это время со всѣмъ вниманіемъ: дѣвушка, зная обычай страны, смѣтитъ, что для нея нашлись покупатели. Однако свахи, не говоря ни слова объ цѣли своего посольства, возвращаются домой и на другой день, съ придачей нѣсколькихъ родственницъ жениха, опять являюся къ матери невѣсты, съ предложеніемъ выдать дочь за извѣстное лицо; при чемъ, разумѣется, онѣ употребляютъ все свое краснорѣчіе, чтобы высказать, какъ красивъ и богатъ женихъ. Но мать невѣсты, не выказывая поспѣшности, отвѣчаетъ, что она очень рада вступить въ новое родство, однако поговоритъ объ этомъ важномъ семейномъ дѣлѣ своему мужу. На завтра сваты, избранные изъ лучшихъ сосѣдей и уважаемыхъ стариковъ, отправляются къ отцу невѣсты, которому они стараются внушить, какъ прилично и полезно вступить ему въ родство съ такимъ-то домомъ, выдавъ дочь за выхваляемаго ими жениха. Отецъ, подумавши, даетъ согласіе, что рѣшается словами: мубарекъ-эсть! (поздравляю! съ Богомъ!); тутъ-же назначается день для торжественной помолвки, называемой шербетъ или ширини-хуронъ. Между-тѣмъ, по заключеніи этихъ переговоровъ, женихъ долженъ готовиться къ издержкамъ. Такъ какъ жители здѣшніе бѣдны, а можетъ быть, и потому-что слѣдуютъ древнимъ обычаямъ, то главные расходы при собраніи гостей въ домѣ невѣсты должны нести онѣ. Та и другая сторона даютъ повѣстку родственникамъ и знакомымъ своимъ о сватовствѣ, и въ день ширини-хуронъ они собираются всѣ въ домъ невѣсты, куда женихъ, собравъ своихъ друзей, отправляетъ сахаръ, продающійся здѣсь маленькими головками въ фунтъ, а потомъ и самъ является въ собраніе, куда приходятъ также по приглашенію муллы и сеиды. Когда гости собрались, одинъ изъ родственниковъ жениха проситъ позволенія у хозяина дома приступить къ совершенію обряда. Принесенный отъ жениха сахаръ ставится обыкновенно посреди комнаты на большихъ деревянныхъ подносахъ на ножкахъ; длиной эти подносы бывають аршина въ два и болѣе, а шириной четвертей въ пять, и на нихъ приносятъ сахаръ и ширини въ торжественныхъ случаяхъ; они называются *хонча*. Получивъ позволеніе, гость встаетъ, и, взявъ двѣ головки сахару, ударивъ одну объ другую, разбиваетъ ихъ и раздаетъ присутствующимъ, и если кто изъ нихъ не возьметъ самъ своей доли, то ее отдають его прислугѣ. Женщинамъ, которыя держатъ свой *меджлисъ* (собраніе, бесѣда) во вну-

тренней половинѣ, также посылаются сахаръ и, разумѣется, онъ исчезаетъ въ минуту, потому—что стараются всякому изъ приглашенныхъ дать цѣлую голову. Тутъ начинаются взаимныя поздравленія, а потомъ и музыка; въ этотъ день веселятся безъ памяти и въ домѣ невесты обыкновенно бываетъ завтракъ для гостей. Люти (музыканты и комедьянты) громко бьютъ *даирэ* (тамбуринъ) и *думбеки* (*), визгливая *кемончэ* (скрыпка) соединяетъ свои звуки съ этимъ оглушительнымъ хоромъ.

На другой день, женщины, собравшись въ домъ жениха, наряжаются и потративъ на украшеніе себя достаточное количество хины, сурьмы, бѣлилъ и румянъ, съ музыкой и громкими и веселыми восклицаніями несутъ на головахъ въ домъ невесты хончи, въ которыхъ заключается шаль, золотой перстень, полный женскій нарядъ, самый дорогой, какой только женихъ былъ въ состояніи сдѣлать для невесты, конфеты, хину, мыло и пара наилучшихъ башмаковъ. Подарки представляются на судъ многочисленному собранію женщинъ, которымъ, при пѣсняхъ и музыкѣ, раздаются щедрой рукой конфеты. Потомъ одна изъ матронъ, родственница жениха, встаетъ съ мѣста, беретъ невесту за руку и выводитъ на средину комнаты, гдѣ ей накидываетъ на голову принесенную въ подарокъ шаль и надѣваетъ ей на руку обручальное кольцо, послѣ чего начинаются поздравленія, которымъ нѣтъ конца. На другой день, мать невесты, чтобы не остаться въ долгу, въ тѣ-же самыя хончи, въ которыхъ были принесены свадебные дары для ея дочери, кладетъ арахчинъ, бендисабти, разумѣется работы невесты, присоединяетъ къ этому мужской нарядъ, по возможности полный, и все это посылаетъ въ домъ жениха, который съ своей стороны до самой свадьбы долженъ въ праздники посылать невестѣ что-нибудь изъ платья и нарядовъ, а когда поспѣваютъ какіе-нибудь плоды, первый сборъ ихъ; даже, когда рѣжутъ овцу въ его домѣ, онъ отправляетъ лакомую часть для своей суженой.

О цѣнѣ и качествѣ платья, которое женихъ долженъ окончательно подарить невестѣ, уговариваются съ матерью ея, которая, по взаимномъ соглашеніи, даетъ списокъ требуемому, и въ назначенный день родственницы жениха опять съ конфетами и музыкой приходятъ въ домъ невесты, гдѣ и кроютъ ей платье изъ купленныхъ матерій. Этотъ важный обрядъ называется *рахтэ-бурони*. Затѣмъ двѣ женщины, съ обѣихъ сторонъ назначенныя, отправляются по домамъ родни и знакомыхъ, чтобы дать повѣстку, когда будетъ заключенъ свадебный контрактъ, когда поведутъ невесту въ баню, когда будутъ красить хэной волосы, и когда будетъ свадьба; каждый изъ обрядныхъ дней онъ опредѣляютъ рѣшительно и приглашаютъ хозяевъ на церемоніи.

Невеста готовитъ свои наряды, а женихъ долженъ закупать по усло-

(*) Родъ барабана, обтянутого съ одной стороны сырой оленьей кожей и имѣющаго отверстіе съ другой стороны, которое вдвое меньше въ діаметрѣ; этотъ думбекъ люди обыкновенно носятъ на плечѣ, гдѣ онъ держится посредствомъ ремня, къ нему приврѣпленного.

вию съѣстные припасы, которые въ назначенный день въ домѣ неvěсты готовятся для угощенія родныхъ и знакомыхъ, собравшихся быть зрителями — какъ совершится обрядъ заключенія брачнаго контракта. Помолвленная дѣвушка стоитъ за занавѣсомъ дверей во внутреннихъ комнатахъ, и нѣсколько челоѣкъ, заслужившихъ своимъ поведеніемъ всеобщее уваженіе, спрашиваютъ: дѣйствительно-ли она дочь такого-то и согласна-ли она за такой-то *магръ* * выдти за-мужъ за такого-то? Невѣста только на третій вопросъ ихъ отвѣчаетъ рѣшительно. Въ нѣкоторыхъ семействахъ вотъ какой обрядъ еще совершается въ это время: неvěсту сажаютъ на сѣдло, съ четырехъ сторонъ ея стоятъ четыре женщины и держатъ въ рукахъ по натянутой въ противоположномъ направленіи ниткѣ, у каждой въ рукахъ притомъ по ножницамъ. Въ тоже время предъ неvěстой стоитъ подносъ съ конфетами, водою и зеркаломъ, и тогда, какъ ей дѣлаютъ вышенечисленные вопросы, она высыпаетъ на себя конфеты.

Когда избранные для допроса неvěсты, возвращаясь въ собраніе, докладываютъ муллѣ, что они даютъ свидѣтельство, что дѣвушка согласна идти за-мужъ, тогда назначенные, какъ съ ея, такъ и со стороны жениха *бекили* (повѣренные) читаютъ *ситэ*, потомъ пишется *каболэ*; затѣмъ пьютъ шербетъ, меджлисъ расходится, а женщины ведутъ неvěсту въ баню. Послѣ этой церемоніи, она не возвращается уже въ отцовскій домъ, а до самой свадьбы остается въ домѣ у кого-нибудь изъ родныхъ, а иногда даже въ домѣ своего суженаго, куда ее провожаютъ изъ бани съ музыкой.

Наконецъ наступаетъ торжественный день свадьбы, ночь котораго должна заключить всѣ обряды и церемоніи, о которыхъ мы старались рассказать со всей вѣрностью и подробностью, за что и просимъ извиненія, потому-что сами чувствуемъ, какъ утомительно для читателя видѣть передъ собой безпрерывное повтореніе астрабагскихъ баловъ. Утромъ женихъ даетъ великолѣпный завтракъ, послѣ котораго молодежь ведетъ его съ обычной музыкой въ баню. При наступленіи ночи собирается вся родня жениха, составляется огромный хоръ *лоти*, музыкантовъ и *мутрибовъ*, и вся эта толпа направляется къ тому дому, гдѣ находится неvěста и потомъ съ оглушительными криками ведутъ ее въ домъ жениха. Кто-нибудь изъ старшихъ родственниковъ его даетъ ему въ обѣ руки по свѣчѣ, съ которыми онъ и встрѣчаетъ неvěсту. Ихъ вводятъ прямо въ *хиджле-хоне* (спальню), женихъ ставитъ свѣчи въ чашки, насыпанныя сарачинскимъ пшеномъ, потомъ снимаетъ съ неvěсты *нимъ-согъ*, который онъ накидываетъ себѣ на плеча; принесши воды, онъ долженъ вымыть ноги своей будущей су-

* *Магръ* или *кебингъ*—извѣстная сумма денегъ или садъ, или какія-нибудь вещи, какъ-то ковры и проч., что обозначается въ *каболэ*, то-есть свадебномъ контрактѣ. Мужъ долженъ по шаріату, то-есть по закону религіозному, уплатить магръ женѣ, если онъ хочетъ съ ней развестись безъ всякой со стороны ея вины; она можетъ потребовать его всегда, но это рѣдко дѣлается.

пруги и выплеснуть эту воду во все четыре угла комнаты; женихъ, чтобы уговорить ее показать свое лице и раскрыть свои рубиновыя губки, даетъ ей подарокъ, состоящій въ деньгахъ, или какія-нибудь вещи, какъ-то въ перстень, серьги и проч. Во время этихъ обрядовъ, невеста кладетъ въ ротъ ему — приготовленный ею въ день заключенія свадебнаго контракта кусокъ леденцу и старается наступить ему на ногу, и если ей это удастся сдѣлать, то это служить счастливымъ предзнаменованіемъ, что она приберетъ къ своимъ рукамъ супруга. Потомъ три или четыре женщины, бывшія со стороны невесты, передаютъ ее жениху, сложивъ руки новобрачныхъ и удаляются изъ ихъ спальни.

Отецъ жениха три дня сряду угощаетъ весь городъ: въ первый день зазываетъ онъ духовенство и сеидовъ, на второй кетхудъ, стариковъ и прочую знать, а на третій пріятелей и друзей жениха. На второй день свадьбы все родные и знакомые, всякій по своимъ силамъ, шлютъ подарки жениху. На другой день свадьбы теща посылаетъ зятю жирную личницу, называемую *хогинэ*, посыпанную щедро сахаромъ, а онъ разсылаетъ ее своимъ пріятелямъ. Женихъ съ отцомъ и родней отправляются въ гости къ своему тестю, гдѣ онъ цѣлуетъ руки у новыхъ родителей и при возвращеніи въ домъ получаетъ въ подарокъ отъ тещи какія-нибудь вещицы, на-примѣръ кошелекъ, чулки, куски сахара, леденцу и по-крайней-мѣрѣ двѣ, три головки сахару, безъ котораго въ Персіи нѣтъ ни одного праздника, ни одного торжества. Такъ заключается астрабадская свадьба послѣ безконечныхъ процессій, бань, угощеній и церемоній.

У Дамганцевъ гораздо меньше проволочекъ въ сватаньѣ невесты, чѣмъ у церемонныхъ жителей Астрабада. Сватами засылаютъ говорунъ, у которыхъ всегда наготовѣ и комплименты и умныя рѣчи. Они адресуются прямо къ отцу невесты, который проситъ у нихъ на размышленіе два или три дня и потомъ говоритъ посланцамъ: «иншалла! мубарекъ-эсть!» По полученіи этого благопріятнаго отвѣта, мать жениха повѣщаетъ своихъ пріятельницъ и родственницъ, чтобы онѣ готовились къ извѣстному дню. Тѣ, надѣвъ самые лучшіе наряды и уборы, собираются вмѣстѣ. Тутъ стараются, чтобы побольше завербовать на праздникъ женщинъ, умѣющихъ играть на музыкальныхъ инструментахъ, находящихся на лицо, и тѣхъ, которымъ знакомы газели и стихи и вмѣстѣ съ тѣмъ которыхъ природа надѣлила звучнымъ и пріятнымъ, или покрайней-мѣрѣ, звонкимъ голосомъ. Съ пѣснями и музыкой отправляется это шумное сборище въ домъ невесты, мать которой, заранее предувѣдомленная, приготовляетъ для дорогихъ гостей великолѣпный завтракъ. Такъ-какъ предполагается, что кухней завѣдываетъ невеста, то истощаютъ все искусство, чтобы удивить собраніе многочисленностью плововъ и деликатностью хуришей и кебабовъ. Раскинутая на полу, длинная во всю комнату, скатерть бываетъ установлена сосудами, въ которыхъ подаютъ все кушанья разомъ. Бесѣда персіянокъ гораздо свободнѣе и воольнѣе, чѣмъ междисы ихъ почтенныхъ и степенныхъ повелителей, которые, запуская руки въ гору жирнаго плова, не вымолвятъ ни слова; комплименты, которыми жен-

щины обмѣниваются между собой съ большею щеголеватостью и изяществомъ, чѣмъ мужчины, не мѣшаютъ наговорить тѣмъ тонкихъ шутокъ и намековъ, относящихся къ тѣмъ невозвратнымъ временамъ, когда въ ихъ честь отпразднались подобные праздники; нерѣдко злая насмѣшница бросаетъ въ глаза своей сосѣдкѣ, не столь бойкой на слова, злую насмѣшку надъ ея семейными ссорами съ мужемъ, и горе той, которая не умѣетъ отвѣтить на острое слово — ее закидаютъ словами, и бѣдняжка спасается молчаніемъ. По окончаніи завтрака, когда все собраніе умоетъ руки и выкуритъ обычный кальянъ, музыканты принимаются за дѣло: одна настраиваетъ кемончу, другія нагрѣваютъ надъ угольями свои тамбурины и думбеки, чтобы натянутая на нихъ кожа получила упругость; когда инструменты настроены и хоръ, къ которому присоединяются пѣвицы, готовъ, выступаютъ на сцену тѣ изъ гостей, которые прославились ловкостью въ пляскѣ и, въ особенности, кто умѣетъ кстати извлекать рѣзкіе звуки изъ инструмента *зинжа*. Наплясавшись, напѣвшись и наигравшись досыта, гости садятся по мѣстамъ. Тогда отъ имени хозяйки подають, на деревянныхъ подносахъ, ширини и начинаютъ разносить присутствующимъ шербетъ, откушивая который поздравляютъ хозяйку съ тѣмъ, что ей удалось наконецъ увидать счастливый день, когда она, окончивъ воспитаніе дочери, выдаетъ ее за такого красавца, молодца и умника. Потомъ выводятъ невѣсту на середину комнаты и она, сначала обыкновенно оказываетъ сопротивленіе, наконецъ тихой поступью выходитъ на извѣстное мѣсто, гдѣ надѣваютъ ей на голову шаль, на руку золотой перстень, котораго вставкой непременно долженъ быть хоть невысокой цѣны драгоценный камень, а *кяфши* (башмаки съ высокими каблуками) она не надѣнетъ иначе, какъ работы лучшаго мастера. Всѣ эти вещи, разумѣется, присылаются ей отъ жениха. Тутъ оглушительный хоръ опять принимается за работу, а между-тѣмъ всѣмъ присутствующимъ ханумамъ раздають, если не золотыя, то серебряныя *шоги*, и для предотвращенія несчастія отъ помолвленной четы, каждая изъ женщинъ, со стороны жениха, должна проплясать; на возрастъ не обращаютъ вниманія: молодыя и старухи хоть-бы въ семьдесятъ лѣтъ, по очереди, обязаны выполнить обычный танецъ. Вотъ дамганское ширини-хури или шербетъ-хури.

Черезъ нѣсколько дней отецъ невѣсты приглашаетъ жениха къ себѣ въ гости со всей его родней и друзьями. Это угощеніе дѣлается съ той цѣлью, чтобы жениху, такъ сказать, показать дорогу въ домъ къ новой роднѣ; послѣ этого онъ начинаетъ ходить въ гости къ нареченному тестю, по вечерамъ, безъ всякаго стыда и застѣнчивости, который долженъ выказывать молодой персіянинъ передъ старшими. Когда въ первый разъ онъ является на вечеринку, то при прощаньѣ съ хозяевами кладетъ на поднось, на которомъ были конфеты, плоды и проч., *аджилли*, по-крайней-мѣрѣ одинъ туманъ; за то въ прочіе вечера онъ освобождается отъ этой дани. Бѣдная невѣста не можетъ участвовать въ этихъ бесѣдахъ, и только изъ-за занавѣса дверей видитъ своего суженаго. Впрочемъ, женихъ старается при уходѣ улучшить случай увидаться съ ней наединѣ, и если удастся помолвленнымъ достигнуть та-

кого счастья, то на своихъ невинныхъ свиданіяхъ они выказываютъ другъ другу свою страсть словами, дышущими нѣгой и нетерпѣніемъ соединиться поскорѣе. Но нельзя-же уничтожить препонъ и препятствій, полагаемыхъ обычаемъ и необходимостью сдѣлать нужныя приготовленія къ свадьбѣ. Мало-ли заботъ невѣстѣ? Она прикидывается, льститъ отцу и матери, старается у нихъ вымолить и выпросить, чтобы они дали ей въ приданое лучшіе сундуки и ковры, какіе есть въ домѣ; ей нужно богатое зеркало, постель, надобно самой посидѣть за работой, чтобы сшить свое платье и заготовить красивыя покрывала и вышить шелками съ крупными блестками занавѣсы на кровать. А кромѣ того, если у жениха много друзей и родныхъ, сколько подарковъ надобно запасти для нихъ?

Обрядъ совершается здѣсь просто: послѣ завтрака, въ присутствіи гостей и муллы, векили обѣихъ сторонъ прочитаютъ сигѣ, вслѣдъ за питьемъ шербета и поздравленіями, и потомъ честная компанія расходится по домамъ.

Городскій звѣздочетъ, обыкновенно мулла, назначаетъ часъ для окончательной церемоніи. Наканунѣ свадьбы, женщины съ музыкой и криками водятъ въ баню невѣсту и въ ту ночь красятъ, какъ ея, такъ и свои густыя косы хэной, а въ день свадьбы пріятели жениха по утру отправляются то-же въ баню съ нимъ. При выходѣ жениха и невѣсты изъ бани, банщица и мужъ ея, являющіеся на поклонъ и привѣтствіе съ плодами, окуриваніемъ и побаутками, получаютъ отъ общества своихъ гостей хорошее вознагражденіе, которое они тѣмъ болѣе заслуживаютъ, что до свадьбы ни дѣвушки, ни молодые люди не платятъ за баню и ихъ услуги ни копѣйки.

Къ вечеру невѣсту одѣваютъ въ самыя лучшія ея платья и украшаютъ со всеможной изысканностью серьгами, перстнями, тузюльфи играютъ наивно въ ея локонахъ, кокетничая съ блестящимъ на дѣвственномъ челѣ ея уборомъ, а на богатомъ ожерельѣ навязаны молитвы, которыя предостерегутъ ее навсегда отъ дурнаго глаза и отъ навѣтовъ злыхъ людей; короткая шелковая рубашка, съ длиннымъ разрѣзомъ на груди, обшита дорогимъ позументомъ, на которомъ нанизаны серебряныя или золотыя большія блестки, а на нихъ прикрѣплены мелкіе бирюзовые камешки, и застегнута на бѣленькой шеѣ булавкой изъ дорогихъ камней. Невѣсту ставятъ на *курси* или *тахтъ* такъ, чтобы ее могли видѣть все присутствующія при этомъ женщины, а по правую и по лѣвую ея руку находятся избранныя, любимыя двѣ подружки, которыя, разумѣется, одного съ ней возраста и уже мѣтятъ въ невѣсты, стараются показать и свою красоту и умѣнье наряжаться: ихъ называютъ *согдушъ* и *колдушъ*. Все женщины города сходятся на эту церемонію, но тѣ изъ нихъ, которыя не приглашены на свадьбу, не снимаютъ своихъ чадръ и сидятъ съ закрытымъ лицомъ: зрительницы это дѣлаютъ, или потому, что ихъ семейства не въ ладу съ тѣмъ домомъ, въ которой они приходятъ, или что хозяева ниже ихъ по своему положенію, а главный предлогъ—не приглашены. Налюбовавшись досыта невѣстой, и подмѣтивъ все, что

достойно хвалы и насмѣшекъ, гости расходятся. Это сходбище называется *рупутъ*, то-есть, закрываніе лица, даже передъ женщинами.

Между-тѣмъ таинственная ночь спускаетъ свой покровъ на молчаливыя улицы и тѣнистыя сады Дамгана. Вся родня и пріатели жениха собираются въ его домъ и потомъ отправляются за невестой, которую ведутъ съ фанусами, ружейными выстрѣлами, всеобщими кригами; останавливаются на извѣстныхъ мѣстахъ, гдѣ приготовлены небольшіе фейерверки, состоящіе обыкновенно изъ ракетъ и фонтановъ. Женихъ, близъ воротъ своего дома, обязанъ встрѣтить свою суженую, въ которую онъ бросаетъ слегка лимонъ или апельсинъ и останавливается, также какъ и она, со всей свитой; потомъ жениха стараются къ ней подвести ближе, при чемъ онъ оказываетъ сопротивленіе, наконецъ приблизившись на нѣсколько шаговъ, онъ становится передъ ней на колѣна и когда встаетъ, подходятъ къ дому, отъ воротъ котораго со всѣми ухищреніями и затѣями, ведутъ жениха и невесту прямо въ спальню; здѣсь *эсигэ* осыпаютъ ихъ конфетами и шаями, потомъ эти дамы состороны невесты вручаютъ ее жениху, сложивъ ихъ правыя руки и оставляютъ наединѣ. Разумѣется, женихъ обязанъ умолять свою возлюбленную супругу открыть лицо, а она кокетничать и сопротивляться ему до-тѣхъ-поръ, пока онъ не заплатитъ ей обычнаго гостнца, послѣ чего читаетъ намазъ и такъ заключается цѣль обрядовъ и церемоній, которые совершаются со всей неумолимой точностью до самаго конца, пока, новобрачные, избавившись отъ постороннихъ, останутся наединѣ.

Люди и музыканты возвращаются при самомъ входѣ новобрачныхъ въ *хиджлэ-хонэ*, оставивъ свои инструменты, на которыхъ играютъ сами гости до-тѣхъ-поръ, пока возвѣстятъ собранію, что пора дать покой молодымъ.

На другой день жениху присылаютъ подарки его друзья, которыхъ отдариваетъ невеста. Когда ее на третій день послѣ свадьбы сводятъ въ баню, банщица приходитъ убрать постель, при чемъ приноситъ отъ себя ширины и получаетъ за это деньги и подарокъ, также какъ и мужъ ея.

Мы описали свадьбу богатыхъ людей; бѣдняки и люди средней руки, разумѣется, какъ и вездѣ, стараются подражать имъ. Впрочемъ, не удивляйтесь богатству нарядовъ невесты. Персіяне любятъ украшать своихъ женъ и не жалѣютъ денегъ на ихъ платье и уборы, потому-что волшебная мода никогда не прикасалась своимъ жезломъ фантазіи къ здѣшней женщинѣ и она не знаетъ, сколько-бы цѣны придала ей прелесть быстрая перемѣна нарядовъ: она бережетъ свое платье, не пренебрегаетъ стариной — было-бы лишь у ней въ сундукахъ побольше жемчуговъ, камней да золотыхъ украшеній. Бѣдная персіянка! Мужъ, зная, что все это не теряетъ цѣны и можетъ ему также пригодиться въ нуждѣ, охотно кладетъ свой капиталъ на голову и руки своей жены. Въ черный день онъ можетъ заложить ростовщику ея любимыя золотыя *бозу-бендэ*, браслеты и прочія *зиверы* (украшенія).

Расходы на угощеніе женщинъ и мужчинъ, на платье невѣсты, на фейерверки и въ Дамганѣ дѣлается, по взаимному условію, женихъ.

Малаиръ есть не большой городокъ, находящійся за три манзіля отъ Гамадана, по дорогѣ въ Буруджирдъ. Округъ его богатъ и доставляетъ большіе доходы правительству; холмы, идущіе отъ исполинской горы Эльвенда, бѣгутъ по немъ во всехъ направленіяхъ; на нихъ разведены повсюду виноградные сады, жители обрабатываютъ хлопчатую бумагу, пшено, снимаютъ столько персиковъ, грушъ, вишенъ и прочихъ плодовъ, что не знаютъ, куда ихъ дѣвать; въ долинахъ, повсюду орошенныхъ неистощимыми ключами и ручьями, пасутся тучныя стада; довольство и обиліе царствуютъ вообще въ *махаллахъ* (околодкахъ) древней Экбатаны. Жители говорятъ и по-персидски и по-турецки; примѣшиваютъ даже много словъ изъ дурскихъ нарѣчій. Малаирцы извѣстны своей храбростью и вѣрностью въ службѣ; они илїаты, поселившіеся въ постоянныхъ жилищахъ. Въ ихъ нравахъ еще много осталось слѣдовъ ихъ прежней простоты. Свадебные ихъ обряды также имѣютъ много особенностей и потому-то мы ихъ избрали для описанія, чтобы представить, какъ можно полнѣе, картину церемоній у разнородныхъ племенъ, населяющихъ Иранъ. Здѣсь даже есть обычай, совершенно несогласный съ предписываемыми Кораномъ заповѣдями: молодой человекъ, подмѣтивъ для себя невѣсту, посылаетъ къ ней старуху изъ своей родни, спросить у дѣвушки, прежде сватовства, согласна-ли она будетъ выйти за него. Получивъ благопріятный отвѣтъ, онъ говоритъ отцу о своемъ желаніи и тотъ засылаетъ сватовъ, изъ которыхъ одинъ, когда дѣло сладится съ отцомъ невѣсты, встаетъ съ мѣста и цѣлуетъ руку у отца невѣсты, или у кого-нибудь изъ старшихъ въ ея семействѣ, въ случаѣ, если отца ея нѣтъ въ живыхъ. Въ день, назначенный для свадьбы, вся родня жениха отправляется въ домъ невѣсты съ музыкой и обычными подарками для нея: шалью, перстнемъ, серьгами, башмаками и проч.; ихъ встрѣчаютъ внѣ дома родные невѣсты, которые иногда ведутъ хорошую лошадь жениху, который ее никогда не принимаетъ, и всегда приносятъ при этомъ случаѣ нѣсколько овецъ въ жертву: это называется *курбони*. Съ отцемъ невѣсты, который обыкновенно даетъ гостямъ завтракъ, послѣ того, какъ родственницы жениха и невѣсты надѣнутъ *андэрунъ* на нее, платье и прочіе уборы, принесенные отъ жениха, начинаютъ договариваться о свадебномъ взносѣ. Когда дѣло порѣшится между обѣими сторонами, женихъ подходитъ къ невѣстѣ, привѣтствуетъ ее слегка, прикасается къ ея головѣ палочкой изъ какого-нибудь плодоваго дерева, и возвратившись назадъ, ждетъ когда она будетъ проходить въ ворота дома, обыкновенно низкія и находящіяся подъ крышей; отсюда онъ бросаетъ ей на голову три гранаты или три яблока, между-тѣмъ, какъ ее осыпаютъ сверху шальями и конфетами. Прежде нежели невѣсту введутъ въ спальню, одинъ изъ самыхъ ближайшихъ ея родныхъ обводитъ ее три раза вокругъ низкаго стола, уставленнаго сплошь конфетами, усыпаннаго пучками цвѣтовъ и ярко освѣщеннаго множествомъ свѣчей. За тѣмъ *побэ* съ другой женщиной, со

стороны жениха, отводятъ ихъ въ спальню. Прочія церемоніи не имѣютъ никакихъ особенностей. Скажемъ только кстати, что здѣсь, пока женщина не имѣетъ дѣтей, она не можетъ идти въ домъ своего отца. Когда-же Господь ей даруетъ первый плодъ, она идетъ въ родительскій домъ и остается тамъ до-тѣхъ-поръ, пока мужъ не пришлетъ за ней посольства съ подарками; отецъ также долженъ, отпуская гостью, дать халатъ, какъ ей, такъ и новорожденному внуку или внучкѣ.

В. Сидрюгинъ.

Астерабадъ.

ЭРНСТЪ РАУПАХЪ.

Мы не имѣли до-сихъ-поръ возможности сообщить нашимъ читателямъ подробностей о жизни этого замѣчательнаго драматурга, котораго недавно лишилась Германія; спѣшимъ вознаградить эту невольную съ нашей стороны недоимку.

Эрнстъ Веньяминъ Саломонъ Раупахъ родился 21 мая 1784 года, въ силезской деревнѣ Страуницѣ, недалеко отъ Лигница. Отецъ его, бывшій пасторомъ въ той деревнѣ, былъ первымъ его наставникомъ. Благодаря счастливымъ природнымъ способностямъ и необыкновенному желанію учиться, Раупахъ развился очень быстро. Первая основа его воспитанія вполне соотвѣтствовала тогдашнимъ строгимъ нравамъ и имѣла преимущественно религіозное направленіе. Въ самый тотъ день, когда исполнилось Раупаху десять лѣтъ, онъ лишился отца и поступилъ, вскорѣ послѣ того, въ Лигницкую гимназію, гдѣ оказалъ такіе быстрые успѣхи, что семнадцати лѣтъ отъ роду могъ уже поступить въ университетъ. Весною 1801 года, онъ отправился въ Галле и началъ посѣщать лекціи богословскаго факультета. Философскія науки, которымъ ученая дѣятельность Канта, Фихте, Шеллинга и Гегеля придавали въ то время такое сильное вліяніе, не могли не привлечь къ себѣ любознательнаго юношу и даже нѣсколько отвлекли его отъ главныхъ его занятій. Послѣ трехлѣтняго пребыванія въ университетѣ, Раупахъ получилъ отъ своего старшаго брата, жившаго въ Петербургѣ, приглашеніе также туда пріѣхать; онъ исполнилъ желаніе брата и нѣсколько лѣтъ прожилъ въ Россіи, имѣвшей на него очень сильное вліяніе. Онъ былъ учителемъ во многихъ семействахъ, съ которыми много ѣздилъ по Россіи, и имѣлъ, въ-слѣдствіе этого возможность познакомиться съ ея внутреннею жизнію и изучить русскій языкъ. Раупахъ часто говаривалъ, что

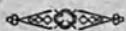
для того, чтобы получить сколько-нибудь полное и точное понятие о Россіи, недостаточно знать Петербургъ и Москву, а необходимо познакомиться съ жизнью внутреннихъ ея провинцій.

Понятно, что Раупахъ могъ основательно изучить въ Россіи русскій языкъ, но нельзя не удивляться, говоритъ его біографъ, что онъ научился въ Россіи языку французскому, которымъ, по сознанию самихъ французовъ, владѣлъ въ совершенствѣ. Въ 1816 году, Раупахъ былъ слѣланъ профессоромъ нѣмецкаго языка и словесности въ Петербургскомъ главномъ Педагогическомъ Институтѣ, а въ 1822 году, возвратился въ Германію.

Еще въ Россіи началъ Раупахъ писать для театра. Изъ первыхъ его пьесъ наибольшій успѣхъ имѣла драма: «Князья Хованскіе» (die Fürsten Chowanski), въ которой играла знаменитая Софія Шредеръ, дарованіе которой было тогда во всемъ блескѣ.

Возвратившись въ Германію, Раупахъ избралъ постояннымъ мѣсто-пребываніемъ Берлинъ и посвятилъ свою драматическую дѣятельность исключительно его театру. Онъ засталъ германскую сцену въ довольно грустномъ положеніи; гениальныя произведенія Гёте, Шиллера, Шекспира появлялись еще на ней изрѣдка, но дѣятельность современныхъ писателей была такъ блѣдна и незначительна, что Коцебу занималъ между ними первое мѣсто. Мюльнера и Грильпарцера не умѣли цѣнить и произведенія ихъ проходили почти незамѣченными. Тогда-то написалъ Раупахъ цѣлый рядъ живыхъ, остроумныхъ комедій и серьезныхъ драмъ, изъ которыхъ многія долго держались и еще до-сихъ-поръ держатся на сценѣ, а нѣкоторыя скоро исчезли съ нея, но только потому, что число его произведеній очень велико и они такъ быстро одно за другимъ слѣдовали, что вытѣсняли другъ-друга изъ репертуара, не давая времени установиться. Его драмы изъ исторіи Гогенштауфеновъ и многія другія произведенія, какъ, на примѣръ, заимствованная у Кальдерона «Дочь Воздуха» и драматическая обработка сказанія о Нибелунгахъ, долго еще будутъ привлекать въ театръ публику и служить достойнымъ предметомъ изученія для даровитыхъ артистовъ. Много имѣлъ Раупахъ враговъ, соперниковъ и порицателей, но для него настало уже потомство, и это потомство отдало справедливость его таланту, познаніямъ, трудолюбію и заслугамъ, которыя онъ оказалъ театру вообще, въ-особенности на германской сценѣ. На похоронахъ его былъ весь городъ и въ безконечномъ ряду экипажей были и экипажи съ гербами королевскаго дома. Всѣ сословія прислали на его похороны своихъ представителей; всѣ литературныя и художественныя знаменитости присутствовали лично; въ числѣ представителей высшаго класса были: нынѣшній директоръ королевскаго театра г. фонъГюльзенъ, бывшій его директоръ графъ фонъ Редернъ, оберъ-шенкъ королевскаго двора графъ фонъ Арнимъ.

За нѣсколько дней до своей смерти, Раупахъ читалъ друзьямъ своимъ новую, только-что оконченную имъ драму.

ОБИДА И МЕСТЬ.

(СЦЕНЫ ИЗЪ ВОЕННОЙ ЖИЗНИ).

МАРКО ДЕ СЕНТЬ-ИЛЕРА.

I.

ФРАСКАТИ.

Въ первыхъ годахъ нынѣшняго столѣтїя, на углу Ришельевской улицы и Монмартрскаго бульвара въ Парижѣ, находилась кофейня. Она была устроена еще въ 1796 году и названа Фраскати, вѣроятно въ честь прекрасной деревеньки того-же имени близъ Рима. Парижская Фраскати нисколько не походила на римскую, ни видомъ, ни мѣстопоженіемъ; но у французовъ могущество вывѣски, особенно съ иностраннымъ названіемъ, такъ велико что она тотчасъ прїобрѣтаетъ дѣстную извѣстность и свискиваетъ покровительство моднаго свѣта. Поэтому и Фраскати было сборнымъ мѣстомъ если не лучшаго, то по-крайней-мѣрѣ прекраснаго общества столицы. Записные франты и львы, богатая и ничего не дѣлающая молодежь, прелестныя дамы и львицы, жены подрядчиковъ, банкировъ и артистовъ — съ утра до вечера толпились во Фраскати, находя, что здѣсь кофе, мороженое и дуншь приготавлиются не хуже, чѣмъ въ Венеціи или во Флоренціи.

Въ эпоху нашего разсказа парижская жизнь измѣнялась: суровость нравовъ уступала мѣсто роскоши. Римское лѣтосчисленіе замѣнилось обыкновеннымъ календаремъ; общество преобразовывалось; прошедшее забывалось для настоящаго и всѣ съ жадностію устремлялись къ наслажденіямъ.

Изъ всѣхъ общественныхъ заведеній, возникшихъ съ появленіемъ роскоши, забавъ и звонкой монеты, лучшими считались Тиволи и Фраскати. Вся разница между ними состояла въ томъ, что старинный садъ Тиволи, лежащій на краю города, удостоивался посѣщенія только въ лучшее время года, а терраса Фраскати, расположенная въ изящнѣйшей части Парижа, круглый годъ усѣяна была почтенными людьми, знатными иностранцами и вообще людьми образованными.

Поэты сравнивали Фраскати съ вавилонскими садами, и дѣйствительно, она представляла собою въ одно время и базаръ, и диванъ, и

кофейню, словомъ соединяла въ себѣ чудеса востока и запада. Мраморные столы яркой бѣлизны, на которыхъ безпрестанно клубился паръ отъ пунша, привлекая къ себѣ женщинъ всѣхъ сортовъ и мужчинъ всѣхъ странъ, походили на жертвенники Весты или Вулкана. Нерѣдко на этихъ столахъ воздвигались изъ мороженаго цѣлья пирамиды: бѣлыя, розовыя или испещренныя тысячами цвѣтовъ, подобно перьямъ райской птицы.

Впрочемъ не одни львы и львицы составляли общество Фраскати; тамъ являлись и дѣятели преобразованія, число которыхъ то увеличивалось, то уменьшалось, смотря по обстоятельствамъ. Мы говоримъ объ офицерахъ, которые въ промежуткахъ побѣдъ, посѣщали знаменитый кофейный домъ, чтобы потомъ, находясь въ Египтѣ, въ Италиі или въ Испаніи, можно было спросить кого-нибудь: были вы во Фраскати? знакомо вамъ извѣстное французское эстампине?

Въ послѣднихъ числахъ апрѣля 1801 года залы и терраса Фраскати по обыкновенію были полны народомъ; число посѣтителей еще умножилось отъ офицеровъ итальянской арміи — побѣдителей при Маренго и офицеровъ нѣмецкой арміи — побѣдителей при Гогенлинденѣ; всѣ они стеклись въ Парижъ — насладиться въ одно время и первыми днями мира и первыми днями весны. *Маренгисты* и *Гогенлиндисты*, какъ ихъ называли въ просторѣчьи, поглядывали другъ на друга не совсѣмъ благосклонно, и можно было догадываться, что соперничество, какое нѣкогда существовало между воинами Цесаря и Помпея, возродилось теперь между воинами Бонапарте и Моро. Однакожь эта неприязнь примѣтна была только для зоркаго взгляда наблюдателя; обѣ партіи старательно скрывали ее отъ взоровъ толпы и нерѣдко даже, въ знакъ согласія, дружески чокались между собою бокалами, но въ обычныхъ разсказахъ о сраженіяхъ, въ которыхъ участвовали побѣдители обѣихъ армій, время отъ времени прорывались уже насмѣшки и язвительныя замѣчанія. Офицеры итальянской арміи, покоряясь гению перваго консула, нечувствительно склонялись къ имперіи, а воины нѣмецкой арміи, гордясь своимъ военачальникомъ, не считали его однакожь своимъ кумиромъ.

Надобно, впрочемъ, согласиться, что офицеры Бонапарте и Моро разнились между собою не одними мнѣніями, но и наружностью, одеждой, привычками. Воины нѣмецкой арміи сохранили суровость языка, и одежда ихъ, не только не отличалась никакими украшеніями, но была еще нѣсколько поистерта, тогда-какъ офицеры итальянской арміи обнаруживали во всемъ роскошь и изящество; даже кошельки у маренгистовъ были набиты гораздо туже, чѣмъ у гогенлиндистовъ. Впрочемъ эта разница нѣсколько не мѣшала тщеславію, которое обнаруживалось въ томъ, что въ публичныхъ мѣстахъ одинъ кто-нибудь платилъ за всѣхъ, хотя въ подобныхъ случаяхъ воины рейнской арміи превращали въ паръ и дымъ то, что они скапливали тяжкими лишеніями, отказывая себѣ въ самомъ необходимомъ. Но въ публикѣ имя Маренго не сходило съ языка, а имя Гогенлинденъ произносилось очень рѣдко. Такимъ образомъ слава и золото принадлежали сподвижникамъ

перваго консула: почти совершенное забвеніе отъ всѣхъ и недостатки на каждомъ шагу — были удѣломъ воиновъ Моро.

Однажды во Фраскати, на углу террасы, собралось вокругъ стола человекъ шесть штабъ-офицеровъ изъ обѣихъ армій—нѣмецкой и итальянской; всѣ въ статскомъ платьѣ. Во время этого импровизированнаго пиршества, каждый съ жаромъ рассказывалъ о тѣхъ сраженіяхъ, которыя происходили прежде, чѣмъ Бопанарте и Моро вышли изъ мрака неизвѣстности и заняли видныя мѣста. Въ разговорахъ своихъ офицеры вообще относились о генералахъ со всею подобающею почтительностію, и ограничивались только взаимными замѣчаніями о позиціяхъ, которыя были заняты войсками; но не простирали своей откровенности далѣе тѣхъ мнѣній о настоящемъ и будущемъ, которыя уже совершенно установились. Послѣ нѣсколькихъ общихъ сужденій о двухъ кампаніяхъ, такъ счастливо конченныхъ на югѣ и на сѣверѣ, каждый изъ собесѣдниковъ заговорилъ про свой полкъ. Извѣстно, что всѣ начальники ни о чемъ не любятъ такъ распространяться, какъ о вѣрен-ной имъ части.

— А вы, Риго, всегда были довольны своимъ полкомъ?

Этотъ вопросъ относился къ одному изъ офицеровъ, котораго фizioномія ясно выражала скрытую досаду. У него были атлетическія формы и прекрасная наружность, немного суровая отъ огромныхъ усовъ, которые покрывали даже нижнюю губу.

— Очень доволенъ, отрывисто отвѣчалъ Риго: и не я одинъ; самъ генералъ Моро, на другой день послѣ сраженія при Гогенлинденѣ, отозвался въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ о моихъ солдатахъ, которые участвовали въ этой побѣдѣ; онъ даже подарилъ мнѣ при этомъ ящикъ прекрасныхъ пистолетовъ.

— Правда-ли, полковникъ, началъ другой офицеръ: что военный министръ назначаетъ всѣмъ намъ славныя квартиры въ окрестностяхъ Парижа? Это было-бы чудесно; мы могли-бы сходитьса гораздо чаще, чѣмъ теперь.

— Намъ квартиры? въ окрестностяхъ Парижа? повторилъ Риго, дѣлая удареніе на каждомъ словѣ. Я вамъ скажу совсѣмъ другое: когда мы расположились въ Страсбургѣ, то полагали, что пробудемъ тамъ по-крайней-мѣрѣ нѣсколько мѣсяцевъ; ко мнѣ пріѣхала жена съ маленькой дочерью и мы обзавелись было нѣкоторымъ хозяйствомъ. Вдругъ насъ послали къ тарбамъ въ Пиренеи. Теперь я получилъ приказъ не оставаться болѣе въ Парижѣ, а присоединиться къ своему полку, который опять выступаетъ въ походъ. Нѣтъ, господа офицеры итальянской арміи, прибавилъ Риго съ гордою улыбкою: это вамъ только отводятъ хорошія квартиры! Намъ дадутъ какое-нибудь ущелье въ Альпахъ или Морбиганѣ, вотъ наша участь! И переноси ее, не правда-ли Буке? Вѣдь вы испытываете ту-же долю съ своими драгунами, какъ я съ пѣхотинцами?

Буке въ свою очередь горько усмѣхнулся.

— Рейнская армія, сказалъ онъ, не то, что армія перваго консула!

Наше положеніе таково, что надобно переносить все, какъ замѣтилъ еще вчера генераль Моро, у котораго я обѣдалъ.

— Господа! возразилъ одинъ штабъ-офицеръ изъ консульской гвардіи, будемъ справедливы. Первый консуль никому не дѣлаетъ предпочтенія: всякій храбрый офицеръ, къ какой-бы арміи ни принадлежалъ, имѣетъ одинаковое право на его вниманіе.

Полковникъ Риго отвернулся, взглянулъ разсѣянно вокругъ себя и принялся насвистывать съвозъ зубы арію, прекрасно выражающую недоувѣрчивость: «*Va-t'en voir s'ils viennent*!» Потомъ, разсѣянно посмотрѣвъ на великолѣпные часы, красовавшіеся въ сосѣднемъ павильонѣ, сказалъ громко, вынимая кошелекъ:

— Господа! уже поздно; мнѣ очень жаль васъ оставить, но...

И не кончивъ фразы, рѣзкимъ голосомъ позвалъ мальчика. Слуга явился. Руки всѣхъ мгновенно потянулись къ кошелькамъ.

— Позвольте мнѣ расплатиться, господа! замѣтилъ Риго. Сколько надобно? спросилъ онъ, обращаясь къ слугѣ, и въ то-же время опустилъ ему въ руку два эю въ шесть ливровъ.

Окинувъ глазами все, что стояло на столѣ, слуга сказалъ:

— Это за ромъ, но еще брали три чаши пуншу съ аракомъ, по шести франковъ чаша, восемнадцать франковъ; слѣдуетъ еще шесть франковъ.

— Только двѣ чаши брали, грубо возразилъ полковникъ; тутъ за все.

— Извините, три. Еще я, когда подавалъ третью чашу, унесъ первую, чтобы не загромоздить стола.

— Такъ я лгу, что-ли? вскричалъ Риго, поблѣднѣвъ отъ гнѣва.

— Я не говорю этого, возразилъ слуга очень вѣжливо, только вы ошибаетесь.

— А я повторяю, что было всего двѣ чаши! запальчиво продолжалъ полковникъ, и глаза его засверкали.

— И я знаю навѣрно, что было три чаши; спросите гг. офицеровъ, которые сидѣли съ вами.

— Бездѣльникъ! прервалъ Риго громовымъ голосомъ, и въ ту-же минуту, вскочивъ со стула, далъ слугѣ сильную пощечину, такъ что тотъ отлетѣлъ отъ него на нѣсколько шаговъ и увлекъ за собою стаканы и графины, стоявшіе на столѣ.

— Какая дерзость! воскликнули находившіеся на террасѣ.

— Право, это нестерпимо! картава произнесъ завитой барашкомъ щеголь, помахивая тросточкой: эти офицеры думаютъ, что вездѣ имѣютъ право обращаться, какъ въ своихъ казармахъ.

Испуганныя дамы повскакали съ своихъ мѣстъ, и въ одно мгновеніе собралась толпа около офицеровъ, которые старались уснокоить Риго.

Между-тѣмъ слуга оправился. Блѣднѣя отъ ярости, онъ какъ будто оцѣпенѣлъ на нѣсколько минутъ, а потомъ зарыдалъ: крупныя капли слезъ немного утишили его гнѣвъ, хотя и не облегчили оскорбленія. Тѣмъ временемъ штабъ-офицеръ изъ консульской гвардіи подошелъ къ слугѣ, и, опустивъ ему въ руку луидоръ, сказалъ вполголоса:

— Послушайте, другъ мой, вы, можетъ-быть, слишкомъ рѣзко отвѣчали полковнику; заплатите требуемые шесть франковъ, остальное возьмите себѣ, успокойтесь и приходите ко мнѣ.

— Позвольте узнать ваше имя, сказалъ слуга съ видомъ признательности.

— Делавиль, батальонный командиръ консульской гвардіи въ Курбвуа.

— Покорно благодарю, командиръ; завтра я буду имѣть честь къ вамъ явиться.

Потомъ, пробившись, на сколько можно было, сквозь толпу, окружавшую Риго, спокойнымъ, но твердымъ голосомъ сказалъ ему:

— Вы дали мнѣ вексель, господинъ полковникъ, и я принимаю его срокомъ на десять, можетъ быть на пятнадцать лѣтъ; но знайте, что рано или поздно, я заплачу вамъ, будьте увѣрены!

Риго, какъ человекъ, презирающій угрозы, пожалъ только плечами и оставилъ террасу при безмолвномъ негодованіи зрителей. Товарищи его послѣдовали за нимъ, а слуга, по заведенному порядку, отправился разсчитываться съ хозяиномъ заведенія. Отдавъ отчетъ, какъ слѣдовало, онъ сдернулъ съ себя передникъ, и, кинувъ его на полъ, вскричалъ съ рѣшимостью:

— Нѣтъ, полно переносить оскорбленія, бросаю навсегда это платье. Я готовъ служить одному господину, но повиноваться десятерымъ — не хочу!

И слуга вышелъ изъ дома, несмотря ни на какія возраженія хозяина, который уважалъ его за честность, усердіе и вѣжливость, — качества, дѣйствительно драгоцѣнные при извѣстныхъ занятіяхъ, хотя излишняя взыскательность и доводитъ ихъ иногда до нелѣпости.

Спѣшимъ прибавить, что Риго не принадлежалъ къ числу задорныхъ хватовъ: одно недовольство своею судьбою и гордость въ борьбѣ съ бѣдностью довели его до такого недостойнаго поступка. Можетъ быть онъ дѣйствительно невѣрно сосчиталъ издержки, а можетъ быть не имѣя для платежа болѣе двѣнадцати франковъ, которые отдалъ слугѣ, боялся высказать передъ товарищами свою бѣдность и прибѣгнувъ къ дерзости, какъ послѣдному средству неправыхъ людей.

II.

ДОБРЫЙ СЫНЪ И НѢЖНАЯ МАТЬ.

Трактирный слуга скоро дошелъ до Аржантильской улицы, гдѣ жила его мать. Онъ былъ крайне встревоженъ, и хотя наступила уже ночь, но ему казалось, что всякій прохожій замѣчалъ у него на лицѣ знаки нанесеннаго безчестія. Крупныя капли пота выступали на лбу, а скорая ходьба еще болѣе приводила Мишеля въ какое-то первическое раздраженіе. Сильно толкнувъ дверь у входа въ жилище, онъ

взбѣжалъ по лѣстницѣ, которая вела въ скромную квартиру его матери, отыскалъ ключъ, всегда остававшійся въ двери до его возвращенія, и бросился на стулъ, какъ человѣкъ, которому надобно утишить сильнѣйшее волненіе. Глаза его были мутны, платье въ безпорядкѣ.

Жизнь г-жи Альберъ, матери Мишеля, протекла въ несчастіяхъ. Получивъ образованіе въ Урсулинскомъ монастырѣ, она вышла за-мужъ съ приличнымъ приданымъ, и была прекрасна, имѣла хорошее состояніе; время унесло съ собою и богатство и красоту. Мужъ ея, старинный торговецъ сукнами, пользовался отъ всѣхъ уваженіемъ за свою честность; но революція 1789 года разрушила источникъ его благосостоянія; къ довершенію несчастія, покупщики, покидая Францію, забыли уплатить свои счета. Слишкомъ доврчивый суконщикъ, который имѣлъ въ долгахъ огромныя суммы, вдругъ разорился; но вѣрный стариннымъ понятіямъ о честности въ торговлѣ, не хотѣлъ воспользоваться разстройствомъ своихъ дѣлъ и рѣшился продать все, что было, для удовлетворенія кредиторовъ. Эта жертва нанесла ему тяжкій ударъ. Нѣсколько лѣтъ мучился онъ въ борьбѣ съ нищетою, которой не могъ отвратить, и наконецъ умеръ, поручивъ женѣ попеченіе о сынѣ Мишелѣ, отданномъ въ одинъ изъ скромныхъ пансіоновъ въ окрестностяхъ Парижа. Г-жа Альберъ принуждена была прекратить образованіе сына и рѣшилась отдать его въ ученіе къ ювелиру. Но во время республики ювелиры сидѣли безъ работы, и ученика не приняли. Тогда Мишель, которому исполнилось уже восемнадцать лѣтъ, поступилъ слугою въ кофейный домъ, а мать его, пятидесятилѣтняя женщина, принуждена была, для дневнаго пропитанія, брать кое-какія вышивныя работы изъ магазиновъ au рège de famille, хозяинъ которыхъ былъ нѣкогда другомъ ея мужу. Такимъ образомъ мать и сынъ, общими силами, одинъ скудною платою за служеніе въ кофейнѣ, другая мелочными выручками за свои работы, равнявшимся, впрочемъ, доходу трактирнаго слуги, кое-какъ обезпечивали свое содержаніе.

Конскрипція, обязывавшая всѣхъ молодыхъ людей поступать въ военную службу, пощадила, однакожъ, Мишеля, какъ единственнаго сына вдовы и г-жа Альберъ обожала его, считая единственнымъ благомъ, оставшимся ей въ жизни. Съ какимъ нетерпѣніемъ, бывало, дожидалась она всякій вечеръ, или, лучше сказать, всякую ночь, своего Мишеля! Въ описываемую ночь она, по обыкновенію, сидѣла за работою передъ столикомъ, на которомъ тускло горѣла дымная лампа; бѣдная мать то прислушивалась внимательнымъ ухомъ къ каждому шороху, то поглядывала съ безпокойствомъ на старинныя часы съ кушкою и одинъ только мѣрный бой ихъ маятника нарушалъ царствовавшее вокругъ безмолвіе. На церкви Сентъ-Рохъ пробило двѣнадцать. Вдругъ сильный ударъ въ дверь съ улицы, какъ мы сказали, возвѣстилъ г-жѣ Альберъ возвращеніе ея сына.

— Вотъ наконецъ и Мишель! прошептала она. Сегодня, кажется, онъ приходитъ поздно.

Не успѣла она прибрать со стола своей канвы, какъ вошелъ Мишель.

— Что съ тобою, другъ мой? спросила г-жа Альберъ, окинувъ сына безпокойнымъ взглядомъ. Ты совершенно разстроены, какъ-будто плакалъ...

— Ничего матушка; я таковъ-же, какъ и всегда.

— Ты всегда обнимаешь меня, а сегодня забылъ.

— Простите, добрая матушка, проговорилъ молодой человекъ, подходя нетвердымъ шагомъ къ матери и обнявъ ее на этотъ разъ еще крѣпче обыкновеннаго.

— Я вижу ты задумчивъ, сказала г-жа Альберъ, не спуская съ него глазъ: ты дрожишь какъ въ лихорадкѣ! Не напали-ли на тебя до-рогой мошенники? Говорятъ, ихъ теперь много въ Парижѣ. Послѣ минутнаго молчанія, она продолжала: ужъ не боленъ-ли ты?

— Не тревожьтесь, матушка, отвѣчалъ Мишель, стараясь казаться покойнымъ: на меня никто не нападалъ, я не боленъ, и если дрожу, то это такъ.

— Объяснись, я не понимаю тебя.

— Вотъ моя сегодняшняя получка, матушка, сказалъ Мишель, не отвѣчая на вопросъ г-жи Альберъ: тридцать су за должность и восемнадцать франковъ на водку; вечеръ не дуренъ, не правда-ли? прибавилъ онъ съ горькою усмѣшкою.

— Да, сказала г-жа Альберъ, пораженная изумленіемъ; отчего-же ты дрожишь? Честный человекъ дрожитъ только тогда, когда сдѣлаетъ что-нибудь дурное, а ты, надѣюсь, на это не способенъ. Надобно, однако-жъ, воспользоваться этими деньгами: у тебя нѣтъ шляпы, я куплю ее завтра, а изъ остальнаго прибавлю тебѣ бѣлья.

— Не нужно, матушка; берегите эти деньги для себя, они вамъ пригодятся.

— Что ты хочешь сказать? Развѣ я брала себѣ когда-нибудь то, что ты приобретаешь? Въ мои лѣта не много нужно, не то, что въ твои: тебѣ надобно хорошенько одѣваться.

— О, матушка, не заботьтесь объ этомъ; скоро у меня будетъ платье, которое всюду хорошо и притомъ ничего не стоить, прибавилъ онъ вполголоса.

Г-жа Альберъ не поняла этихъ странныхъ словъ и съ печальнымъ видомъ воскликнула:

— Слова твои ужасаютъ меня! Ради Бога, другъ мой, открой мнѣ причину твоей горести!

— Такъ и быть, матушка, расскажу вамъ все, что давитъ мое сердце. Вы единственное существо въ мірѣ, которое я люблю... и вы меня такъ любили!..

— Я и всегда тебя люблю такъ, что не умѣю выразить этого словами. Но продолжай!

— А моя честь также дорога для васъ, не правда-ли? быстро спросилъ Мишель, поднимая голову.

— Можешь-ли въ этомъ сомнѣваться? Твоя честь — мое богатство; я ею горжусь. Бѣдный отецъ твой рѣшился разорить и себя и тебя, лишь-бы передать тебѣ неприкосновеннымъ этотъ залогъ по-крайней-

мѣрь, говорилъ онъ умирая, я оставлю въ наслѣдство сыну доброе имя. Я нѣсколько разъ повторяла тебѣ это.

— Правда, отвѣчалъ Мишель съ душевнымъ движеніемъ. Завѣщаніе отца моего будетъ исполнено. Выслушайте меня и вы согласитесь, что когда я приведу въ дѣйствіе свой планъ, то поступлю сообразно послѣдней волѣ покойнаго батюшки.

Мишель разсказалъ матери все, что произошло на террасѣ Фраскати.

— Вы видите, прибавилъ онъ, что мнѣ необходимо удовлетвореніе, и я получу его.

— Какимъ-же образомъ? Что ты сдѣлаешь? Дуэль съ этимъ человекомъ невозможна и притомъ она во всякомъ случаѣ гибельна для тебя; потому-что ты отъ роду не владелъ оружіемъ.

— Ну, это не совсѣмъ такъ, возразилъ Мишель; всякій сумѣетъ владѣть пинагою или пистолетомъ, когда ему встрѣтится надобность отмстить за себя.

— Да, онъ будетъ владѣть оружіемъ, но дурно, и его убьютъ. Ударить можетъ только пьяный или грубый человекъ, безъ всякаго образованія: ни тотъ, ни другой не понимаютъ, что уничтожаютъ тѣмъ свое человеческое достоинство; поэтому я не вижу здѣсь безчестія для тебя.

— Какъ! вскричалъ молодой человекъ: меня позорно ударили въ лицо, при всѣхъ, въ публичномъ мѣстѣ, и вы не видите здѣсь безчестія для меня!.. Ваша нѣжность ко мнѣ, матушка, ослѣпляетъ васъ.

Г-жа Альберъ не могла ничего отвѣчать, но; чтобы молчаніемъ своимъ не дать сыну поощренія въ его намѣреніи, сказала:

— Есть обиды, которыя надобно забывать. Притомъ ужели ты думаешь, что полковникъ согласится принять вызовъ трактирнаго прислужника?

— О, у меня найдется средство заставить его.

— Какое-же? съ недовѣрчивостью спросила г-жа Альберъ, хотя втайнѣ начинала уже угадывать намѣреніе сына.

— Я пойду въ военную службу, спокойно отвѣчалъ Мишель.

— А потомъ? продолжала мать.

— Потомъ? увидимъ!

— Такъ вотъ, что ты вздумалъ! Тебѣ не жаль бросить бѣдную мать, для которой ты одинъ служишь опорой?

— Я составлю себѣ карьеру, какъ и другіе. Я молодъ, мужественъ, терпѣливъ ... о да, съ терпѣніемъ я достигну всего!

— Боже мой! воскликнула г-жа Альберъ, возводя глаза къ небу.

— Это необходимо, матушка, продолжалъ Мишель съ жаромъ. Я знаю, что всякое честное ремесло, которое доставляетъ хлѣбъ человеку, почтенно; но, признаюсь вамъ, должность трактирнаго слуги давно уже мнѣ опротивѣла; я только не рѣшался оставить ее, потому-что надобно-же чѣмъ-нибудь жить: послѣ нынѣшней сцены я рѣшился.

Потомъ, взявъ обѣ руки матери, онъ съ чувствомъ пожалъ ихъ и сказалъ:

— Поступая въ службу, я нисколько не отрекаюсь отъ священной

обязанности быть вашимъ помощникомъ. Если предчувствіе меня не обманываетъ, то я скоро буду офицеромъ и тогда стану дѣлить свое жалованье на двѣ части: одну отдавать вамъ, другую оставлять себѣ.

Г-жа Альберъ только плакала, потому-что не находила въ обѣщаніяхъ сына достаточнаго вознагражденія за ту потерю, которая ей угрожала; однакожь, отирая слезы, проговорила:

— Для успѣховъ въ службѣ, другъ мой, не довольно быть хорошимъ солдатомъ; нужны покровители.

— Они будутъ у меня, матушка. Одинъ изъ товарищей, полковника Делавиль, пригласилъ меня къ себѣ. Онъ батальонный командиръ въ консульской гвардіи и я увѣренъ, что окажетъ свое содѣйствіе къ зачисленію меня въ рекруты. Завтра я пойду къ нему.

— Боже мой! воскликнула опять г-жа Альберъ, жалься надо мною!

Потерявъ надежду поколебать рѣшимость сына, бѣдная женщина уступила наконецъ его желанію. Мишель, вполне довольный, что получилъ согласіе, котораго добивался, обнялъ въ послѣдній разъ мать и пошелъ немного отдохнуть въ маленькій кабинетъ, смежный съ ея комнатою. Но онъ не могъ заснуть, потому-что слишкомъ взволнованная душа его находилась подъ вліяніемъ мысли, ее тревожившей.

— О, я достигну цѣли! твердилъ самъ себѣ Мишель всю ночь.

На другое утро онъ одѣлся, тихо пробрался чрезъ комнату матери, не разбудивъ ея, и осторожно спустился съ лѣстницы; потомъ, пользуясь раннимъ выходомъ одного жильца, онъ вмѣстѣ съ нимъ вышелъ на улицу и скорыми шагами отправился въ Курбвуа, гдѣ стояли въ казармахъ пѣхотные гренадеры консульской гвардіи.

III

КАЗАРМЫ ВЪ КУРБВУА.

На лѣвомъ берегу Сены, по выше деревни, которой самое названіе показываетъ уже извилистое мѣстоположеніе *, возвышаются великолѣпныя казармы, построенныя Людовикомъ XIV для швейцарскихъ полковъ, составлявшихъ часть его дворцовой стражи. Когда Бонапарте принялъ званіе перваго консула, то сей-часъ-же озаботился изгладить слѣды революціоннаго безначалія на всѣхъ помятникахъ архитектуры, предназначенныхъ для общественной пользы. Казармы въ Курбвуа, пострадавшія, въ числѣ другихъ зданій, отъ присутствія необузданныхъ скопищъ терроризма, также возникли изъ развалинъ. Дворы, поросшіе травою, были вычищены; все приняло новый видъ, и, къ довершенію возстановленія, въ это обширное зданіе переведены были храбрые воины Италіи и Египта, почему на фронтонѣ явилась надпись

* Courbevoie значитъ кривая дорога.

золотыми буквами: казармы пѣхотныхъ гренадерозъ консульской гвардіи.

Войдя на дворъ, Мишель почувствовалъ сильное волненіе. Блестящіе мундиры, ружья, составленныя въ пирамиды, лица, обезображенныя картечью или загорѣлыя отъ жгучихъ лучей восточнаго солнца, все ослѣпило глаза его; это былъ призракъ славы во всей ея прелести. Скоро, однакожь, молодой человѣкъ опомнился и увидѣлъ въ углу двора кучку солдатъ, которые сидѣли на ступеняхъ павильона и болтали между собою. Онъ подошелъ къ нимъ и робкимъ голосомъ спросилъ:

— Скажите, сдѣлайте одолженіе, господа, гдѣ живетъ г. Делаویلъ?

Старые гренадеры оказались не только не гордыми и насмѣшливыми, какъ полагалъ Мишель, но очень учтивыми и снисходительными. Не забавляясь ни мало смущеніемъ Мишеля, старшій солдатъ, повидимому капраль, тотчасъ ободрилъ молодаго человѣка вѣжливымъ отвѣтомъ:

— Г. Делаویلъ нашъ батальонный командиръ; онъ живетъ вотъ въ томъ павильонѣ, что вы видите отсюда: поднимитесь по лѣстницѣ, которая идетъ на-право, во второй этажъ; потомъ поверните на-лѣво и на концѣ коридора прямо упретесь въ дверь командира.

Мишель поблагодарилъ и отправился по указанію; но едва онъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ, какъ тотъ-же капраль закричалъ ему вслѣдъ:

— Послушайте господинъ! Вы можете быть затруднитесь отыскать квартиру командира, такъ вотъ нашъ вагенмейстеръ идетъ къ нему; онъ васъ проводитъ.

Мишель послѣдовалъ за вагенмейстеромъ, который служилъ для него Аріадной въ этомъ лабиринтѣ: всѣ лѣстницы, коридоры и множество офицерскихъ и унтеръ-офицерскихъ квартиръ такъ были перепутаны между собою, что молодой человѣкъ никакъ не добрался бы до двери Делавиля безъ помощи чичероне. Наконецъ они пришли; вагенмейстеръ позвонилъ: вышелъ слуга въ полустатскомъ, въ полувоенномъ платьѣ.

— Вотъ два письма къ командиру, сказалъ вагенмейстеръ: одно изъ Бордо, другое изъ Парижа; а вотъ молодой гражданинъ, который хочетъ говорить съ нимъ. Можно его видѣть?

— Эхъ, произнесъ слуга, съ любопытствомъ взглянувъ на Мишеля: не знаю, приметъ-ли командиръ; онъ вчера поздно вечеромъ возвратился изъ Парижа, а сегодня рано утромъ былъ уже на ученѣ.

— Что-жъ изъ этого? возразилъ вагенмейстеръ.

— А то, что командиръ по возвращеніи легъ въ постель, что онъ спитъ теперь и что не любитъ, когда его разбудятъ изъ-за пустяковъ.

— Вамъ нечего опасаться, я за это отвѣчаю, поспѣшилъ сказать Мишель: доложите только, что его желаетъ видѣть слуга изъ кофейнаго дома Фраскати; этого довольно.

— Въ-такомъ-случаѣ потрудитесь немного подождать, я пойду къ командиру. Потомъ, обратясь къ вагенмейстеру, который спускался

уже съ лѣстницы, закричалъ ему: эй, сержантъ! погодите: я отдамъ вамъ за письма.

— Успѣете, проговорилъ унтеръ-офицеръ; когда я буду отдавать вамъ деньги, которыя долженъ, такъ вы и вычтете. Не забудьте про мои письма.

— Ну, какъ хотите, отвѣчалъ слуга. Пожалуйте сюда, сказалъ онъ, обратясь къ Мишелю.

Мишель вошелъ въ чистую переднюю. Круглый столъ ореховаго дерева, нѣсколько такихъ-же стульевъ, большое кресло, обитое кожею, и небольшой буфетъ съ мраморной доской, который служилъ вмѣстѣ и шкафомъ и столомъ, — вотъ все убранство комнаты. На стѣнѣ висѣли двѣ большія гравюры, обдѣланныя просто, но красиво. Одна изъ нихъ была копія съ картины Шабей и представляла перваго консула, прогуливающимся на лужайкѣ Мальмезона; другая, копія съ картины Вернета, представляла Бонапарте верхомъ, дѣлающимъ смотръ консульской гвардіи на тюильрійскомъ дворѣ.

Мишель не долго дожидался. Слуга ввелъ его въ комнату Делавиля, дѣвственно лежавшаго въ постели. Онъ держалъ въ рукѣ распечатанное письмо. При входѣ молодаго человѣка, командиръ поднялъ глаза, оперся на локоть и благосклонно кивнувъ головою, сказалъ:

— Садитесь, пожалуйста, а мнѣ позвольте остаться такъ, какъ теперь. Извините, что я прочту письмо: оно отъ моей матери; потомъ я буду весь къ вашимъ услугамъ.

Мишель поклонился и сѣлъ, подумавъ про себя: у него есть мать, которую онъ любитъ, это добрый знакъ: онъ мнѣ поможетъ. На досугъ онъ принялся осматривать спальню Делавиля. Эта комната также не представляла никакой роскоши, но въ ней были украшенія другаго рода, чѣмъ въ первой: кромѣ форменной шпаги консульской гвардіи, въ самомъ альковѣ блестялъ длинный арабскій ятаганъ въ массивныхъ серебряныхъ ножнахъ, добытый при взятіи Александріи и подаренный генераломъ Бонапарте, когда Делавилъ былъ еще капитаномъ. Нониже ятагана, на двухъ крюкахъ, висѣлъ венеціанскій мушкетонъ, у котораго ложе съ богатою выкладкою изъ слоновой кости, коралловъ и бѣлыхъ топазовъ свидѣтельствовало, что онъ нѣкогда принадлежалъ какому-нибудь начальнику. Офицерскій знакъ, треугольная шляпа, великолѣпно убранная галунами, какъ у всѣхъ штабъ-офицеровъ, и медвѣжья шапка, нѣсколько вытертая въ разныхъ мѣстахъ, дополняли доспѣхи, привлекшіе вниманіе молодаго человѣка, который былъ уже очарованъ военною славою.

Кончивъ чтеніе, Делавилъ бережно свернулъ письмо и обратясь къ Мишелю, ласково сказалъ:

— Извините, что я зачитался; но матушка увѣдомляетъ меня, что она ѣдетъ въ Парижъ и, слѣдовательно, я скоро увижусь съ нею. Вотъ уже почти шесть лѣтъ, какъ я не прижималъ ея къ своему сердцу; если у васъ есть мать, которая васъ любитъ, то вы поймете мою радость.

— Да, у меня есть мать, командиръ, замѣтилъ Мишель; но между

нами та разница, что вы готовитесь къ свиданію съ вашею матушкою, а я къ разлукѣ съ своею.

— Отчего-же? спросилъ Делавиль.

— Я намѣренъ поступить въ военную службу. Поэтому-то я и взялъ смѣлость васъ беспокоить, пользуясь вчерашнимъ позволеніемъ, если припомните. Конскрипція не взяла меня какъ единственнаго сына вдовы, но я самъ имѣю охоту къ военной службѣ, и чувствую, что не рожденъ быть трактирнымъ слугою. Вчерашній случай, которому вы были свидѣтелемъ, устранилъ мою нерѣшимость: я хочу поступить въ солдаты и пришелъ къ вамъ съ убѣдительною просьбою оказать мнѣ благосклонное прокровительство. Я увѣренъ, что вы составите мое счастье!

— Хорошо-ли вы обдумали это намѣреніе? сказала Делавиль, покачавъ головою. Берегитесь, молодой человѣкъ! Нанесенное вамъ безчестіе, котораго, конечно, вы не заслужили, не есть еще достаточная причина связать себя навсегда. Быть можетъ, вы служите опорой вашей матери: не разрушайте этимъ поступкомъ, по моему мнѣнію безразсуднымъ, надежду той, которая, безъ сомнѣнія, всѣмъ для васъ пожертвовала. Не тревожьтесь этимъ оскорбленіемъ, послушайте меня: продолжайте честно исполнять свою должность, которая нисколько не унижительна, а между-тѣмъ и не слишкомъ тягостна.

— Замѣтивъ отрицательный знакъ молодаго человѣка, Делавиль продолжалъ:

— Послушайте, кажется васъ зовутъ Мишелемъ?

— Мишель Альберъ, полковникъ.

— Любезный Альберъ! Я хочу вознаграждать дурной поступокъ своего сослуживца и намѣренъ сдѣлать вамъ предложеніе.

Мишель въ смущеніи опустилъ глаза, но не смѣлъ прервать Делавиля и тотъ продолжалъ:

— У матери моей порядочное состояніе: она очень щедра ко мнѣ и полагаетъ, будто офицеръ всегда нуждается въ деньгахъ. Въ послѣднемъ письмѣ она увѣдомляетъ, что привезетъ мнѣ нѣсколько тысячъ франковъ, потому-что получила извѣстіе о скоромъ производствѣ меня въ полковники. Положимъ, это правда; что за дѣло, у меня нѣтъ недостатка въ деньгахъ. Первый консулъ даетъ за издержки, которыя необходимы при повышеніи. И такъ, найдите гдѣ-нибудь кандитерскую, которая-бы передавалась въ другія руки, и если цѣна будетъ не слишкомъ велика, то я предоставлю въ ваше распоряженіе потребную сумму, для того, чтобы снять это заведеніе, и буду очень радъ, что могъ содѣйствовать благосостоянію достойнаго молодаго человѣка. Мнѣ не нужно отъ васъ никакихъ письменныхъ обязательствъ. Будете вы имѣть успѣхъ — хорошо; со временемъ вы отдадите эти деньги мнѣ или моимъ наслѣдникамъ, если ядро не пощадитъ меня; въ случаѣ неудачи — вы мнѣ не должны ничего. Согласны вы на такую сдѣлку?

— Ахъ, полковникъ! — воскликнулъ глубоко тронутый Мишель. Я вполне чувствую всю цѣну вашего слишкомъ-благосклоннаго предложенія, но ... позвольте мнѣ отъ него отказаться.

— Отчего-же?

— Я хочу отмстить человѣку, который нанесъ мнѣ оскорбленіе.

— Поступая въ солдаты?— съ улыбкою замѣтилъ Делаویلъ.

— Да, холодно отвѣчалъ Мишель.

— Это забавно! Развѣ вы не знаете, что подчиненность полагаетъ неодолимую преграду между низшимъ и высшимъ? Когда вы простой гражданинъ, то можете потребовать удовлетворенія у полковника Риго, а въ солдатскомъ мундирѣ — этого нельзя.

— Но когда я буду офицеромъ, капитаномъ ... возразилъ Мишель.

— Тогда — другое дѣло, но это еще мечты. Я васъ понимаю, молодой человѣкъ, но еслибъ вы знали...

Полковникъ замолчалъ и устремилъ проницательный взглядъ на Мишеля, у котораго живой румянецъ на щекахъ и пылкіе глаза обнаруживали душевное волненіе; потомъ онъ прервалъ молчаніе и съ чувствомъ сказалъ:

— Прежде, чѣмъ вы достигнете этого чина, пройдетъ много лѣтъ; предположимъ даже, что васъ произведутъ скоро: Риго тѣмъ временемъ будетъ уже генераломъ; вы постоянно будете его подчиненнымъ, какъ и теперь. Притомъ-же, прибавилъ Делаویلъ съ участіемъ: надобно еще найти случаи для производства.

— Я буду искать ихъ, сказалъ Мишель.

— И тутъ препятствіе! воскликнулъ Делаویلъ: вамъ надобно слѣдовать всегда за знаменемъ, а оно не позволяетъ ни пылкому, ни хладнокровному, оставлять по произволу назначенное ему мѣсто.

— Все знаю, полковникъ; но рѣшеніе мое неизмѣнно.

— Въ такомъ случаѣ это призваніе: слѣдуйте ему. Я сдѣлаю въ вашу пользу все, что отъ меня зависитъ. Гдѣ-же вы хотите служить, въ пѣхотѣ или въ конницѣ?

— Я надѣюсь, полковникъ, больше успѣть въ пѣхотѣ.

— Конечно, и я полагаю, что съ образованіемъ, которое, вы повидимому, получили, можете въ короткое время быть унтеръ-офицеромъ. Мои друзья командуютъ седьмымъ и одиннадцатымъ полками: который изъ нихъ вы выберете?

— Я предпочитаю седьмой, сказалъ Мишель, какъ-бы по особенному вдохновенію.

Въ такомъ случаѣ, замѣтилъ Мишель: мы увидимся, можетъ быть, скорѣе, чѣмъ вы думаете. Командиръ 7-го полка, Берлье, скоро будетъ бригаднымъ генераломъ и первый консулъ соблаговолилъ указать на меня для его замѣщенія, но когда? этого никто не знаетъ, кромѣ его самого; впрочемъ, можетъ статься...

— Ну, вотъ видите, полковникъ, вскричалъ Мишель, не замѣтивъ отъ радости, что невѣжливо прервалъ рѣчь Делавиля: не говорилъ-ли я сейчасъ, что вы составите мое счастье!

— Буду-ли я назначенъ командиромъ седьмага полка или нѣтъ, продолжалъ Делаویلъ, который внутренно одобрялъ болѣе откровенность молодаго человѣка, чѣмъ простодушное его восклицаніе: во всякомъ случаѣ вы не могли-бы сдѣлать лучшаго выбора. Я дамъ вамъ

рекомендательное письмо къ Берлье, которое вы сами вручите ему по прибытіи въ полкъ; онъ теперь въ Тулузѣ. Я напишу еще нѣсколько словъ къ капитану рекрутовъ, который состоитъ при главномъ штабѣ въ Парижѣ, и попрошу его сократить для васъ предписанныя закономъ формальности.

Между-тѣмъ Делавиль всталъ и надѣлъ халатъ. Онъ написалъ оба письма, запечаталъ ихъ, и, отдавая Мишелю, ласково сказалъ:

— Вотъ вамъ, любезный другъ; надѣйтесь на меня, но помните, что для хорошаго солдата мало одной неустрашимости на полѣ сраженія; надобно еще безусловное повиновеніе требованіямъ дисциплины.

Мишель поклонился, и выразивъ снова свою признательность, хотѣлъ было откланяться, но Делавиль протянулъ ему по-пріятельски руку и съ чувствомъ примолвилъ:

— Вашу руку, Альберъ! Сегодня я могу еще ее пожать, а завтра уже мнѣ нельзя этого сдѣлать по моему званію.

Мишель бросился къ рукѣ Делавиля, съ жаромъ поцѣловалъ ее, прежде, чѣмъ тотъ могъ угадать его намѣреніе, и дрожащимъ отъ слезъ голосомъ сказалъ:

— Ахъ, полковникъ! Вы по истинѣ мой благодѣтель! То, что вы теперь сдѣлали, возвращаетъ мнѣ уваженіе къ самому себѣ.

Исполненный радости и надеждъ, Мишель удалился изъ Курбуа съ чувствомъ человѣка, который заключилъ договоръ съ судьбою, и явился къ капитану рекрутовъ. По рекомендаціи Делавиля онъ принялъ его очень ласково, и, посмотрѣвъ метрическое свидѣтельство, которое молодой человѣкъ догадался взять съ собою, написалъ бумагу о принятіи Мишеля въ 7 пѣхотный полкъ. Потомъ, отдавая Альберу его пасторъ, спросилъ:

— Вы знаете, что этотъ полкъ стоитъ въ Тулузѣ?

— Знаю, капитанъ.

— Поспѣшите-же туда явиться, потому-что 7 полкъ со дня на день ожидаетъ перемѣщенія на другія квартиры; притомъ-же молодой человѣкъ въ нѣсколько дней похода, пріобрѣтаетъ больше опытности, чѣмъ во время долгаго пребыванія на квартирахъ.

— Я самъ хочу отправиться, капитанъ, какъ можно скорѣе; завтра въ эту пору я буду уже далеко отъ Парижа.

— Отсюда до Тулузы не близко, но дорога прекрасная; всего считается 21 эгапъ, такъ вы нѣкоторые пробѣгите бѣгомъ: это развяжетъ ноги. Прощайте, желаю успѣха!

Мишель поблагодарилъ офицера за скорость отправки и назавтра съ разсвѣтомъ онъ уже шолъ по дорогѣ въ столицу Лангедока съ палкою въ рукѣ и съ туго-набитою котомкою за плечами. Разставаніе съ матерью было тягостное: она истощила всѣ просьбы, всѣ возраженія, какія только могло внушить ей тревожное опасеніе за сына, но уже было поздно, и бѣдная женщина принуждена была удовольствоваться обѣщаніемъ Мишеля часто писать къ ней. Молодой человѣкъ готовъ былъ обѣщать все на свѣтѣ, лишь-бы сократить сцену, раздиравшую его сердце. Наконецъ, при содѣйствіи одной доброй сосѣд-

ки, онъ вырвался изъ объятій г-жи Альберъ и поспѣшно вышелъ изъ Парижа. Пройдя немного отъ заставы, бывшій трактирный слуга остановился на возвышеніи, откуда видна была вся столица, и въ послѣдній разъ окинулъ взглядомъ городъ, который онъ, какъ истинный парижанинъ, любилъ отъ всей души. Тяжелый вздохъ вылетѣлъ изъ стѣсненной груди странника и глаза отуманились слезами; скоро однакожь разнообразіе новыхъ предметовъ на каждомъ шагу, а еще болѣе беззаботность и надежда на будущее, возвратили ему игривую безпечность, которая такъ рѣзко отличаетъ парижанъ. Со втораго этапа Мишель былъ уже настоящимъ солдатомъ.

IV.

ГОВОРЯ ПО-ВОЕННОМУ.

Отъ Парижа до Тулузы считается болѣе 170 лье; поэтому Мишелю можно было выбрать время, чтобы пробѣжать нѣсколько этаповъ, какъ совѣтовалъ капитанъ рекрутовъ. Хотя кошелекъ молодаго челока и позволялъ ему взять дилижансъ, однакожь Мишель не хотѣлъ уклоняться отъ трудностей, съ которыми соединено солдатское званіе, и всю дорогу шель пѣшкомъ.

Пробывъ цѣлый мѣсяцъ въ дорогѣ, Мишель, по прибытіи въ Тулузу, отдохнулъ одинъ день и тотчасъ явился въ казармы 7 полка. Представляясь сержанту, Мишель поспѣшилъ предъявить ему свой паспортъ, сохраненный во всей чистотѣ и исправности.

— А! сказалъ сержантъ, старый служака, который скорѣе согласился-бы построить какое-нибудь каре изъ буквъ, чѣмъ разобрать ихъ на бумагѣ: это вы Мишель Альберъ, парижскій уроженецъ?

— Точно такъ, сержантъ, къ вашимъ услугамъ, весело отвѣчалъ Альберъ.

— Такъ вотъ въ чемъ дѣло, продолжалъ унтеръ-офицеръ: есть приказъ, который, говоря по-военному, немножко до васъ касается, именно: немедленно отправить васъ къ полковому командиру. Вы здѣсь — довольно, исполняйте повелѣніе.

— А гдѣ живетъ полковой командиръ? спросилъ Мишель, которому такой неожиданный приказъ показался немного страннымъ.

— Въ трехъ шагахъ отсюда, на углу большой улицы, которая ведетъ къ Капитолію. Притомъ у двери его квартиры стоятъ, говоря по-военному, часовой и ординарецъ саперъ, вѣроятно Лупіанъ; впрочемъ вы сами узнаете.

— Но гдѣ-же, возразилъ Мишель, эта большая улица, которая ведетъ къ Капитолію?

— Языкъ и до Рима доведетъ, прервалъ сержантъ, покручивая усы. Что касается до меня, такъ я, говоря по-военному, дошелъ до

Милана и забрался къ самимъ миланцамъ — съ помощію только своихъ ногъ.

— Ваша пословица, замѣтилъ Мишель, вообще находчивый на возраженія, не говоритъ, чтобы можно было найти Капитолій, особенно если кто не имѣлъ счастья, подобно вамъ, сержантъ, доходить до Рима или хоть до Милана.

— А! сейчасъ видѣнъ парижанинъ! вскричалъ унтеръ-офицеръ, у котораго лобъ немного наморщился. У васъ на все готовъ отвѣтъ; иные изъ васъ чертовски шутливы, вѣтрены и ужасно болтливы! Я скорѣе согласился-бы вступить въ бой, говоря по-военному, съ цѣлымъ батальономъ вертлявыхъ бѣлокъ, чѣмъ съ одною ротою парижанъ. Правда они не прячутся отъ непріятеля, но за то эти господа и дерутся только тогда, когда имъ вздумается.

По-видимому сержантъ, вы не слишкомъ хорошаго мнѣнія о моихъ соотечественникахъ.

— О парижане, парижане! съ досадою вскричалъ опять старшій служака: не очень-то я ихъ жалею. Насъ было четверо сержантовъ въ ротѣ; на бѣду въ батальонѣ было четверо парижанъ, то-же сержантовъ: что-же вышло? При послѣднемъ производствѣ въ подпоручики выбрали именно этихъ четырехъ молокососовъ, и предпочли ихъ мнѣ, Русле, Маржолье и Ландрену, тогда какъ мы всѣ старѣе ихъ по службѣ, болѣе чѣмъ восемью и девятью годами. Теперь они щеголяютъ въ эполетахъ, а мы носимъ ранецъ за плечами. Не правда-ли, это немножко потяжеле и ужъ нисколько не веселѣе?

— Разумѣется, сказалъ Мишель: для храбраго воина прискорбно, что у него отнимаютъ вознагражденіе за его заслуги.

— О вздоръ! что намъ печалиться! сказалъ унтеръ-офицеръ, догадавшись, что зашелъ слишкомъ далеко въ своихъ изліяніяхъ о несправедливости: я не говорю, чтобы сержанты-парижане удостоены повышенія за ничто; я хотѣлъ только замѣтить, что у насъ иногда скорѣе выслуживаются болтовствомъ, чѣмъ выдержкою, говоря по-военному, исправностію по службѣ.

Поправивъ такимъ образомъ порывъ откровенности, которую сержантъ считалъ опасною передъ человѣкомъ, по-видимому извѣстнымъ полковнику, онъ продолжалъ:

— Ну, довольно поболтали; помните приказъ. Смотрите, прибавилъ онъ, указывая пальцемъ: идите все прямо по этой улицѣ до перваго поворота на лѣво; тутъ увидите будку часоваго при дверяхъ полковника; тамъ-же стоитъ и Лупіанъ, настоящій ангорскій медвѣдь; онъ и доложитъ объ васъ. Теперь все сказано: на-лѣво кругомъ, говоря по-военному, маршъ!

— Очень благодаренъ, сержантъ, сказалъ Мишель. А вы не сочтете нескромностію, если я спрошу ваше имя?

— Мое имя? повторилъ унтеръ-офицеръ, почесавъ ухо, какъ человѣкъ, который расканивается, что сказалъ лишнее. А на что вамъ оно? Ужели вы способны наобедничать на меня полковнику?

— Какъ можно! вскричалъ Мишель, поднявъ голову: за кого вы

меня принимаете? Развѣ я шпионъ какой-нибудь, который готовъ продать всякаго? Я совершенно не знаю, зачѣмъ требуетъ меня полковой командиръ, и если мнѣ хотѣлось знать ваше имя, то единственно для того, чтобы поступить въ вашу роту, а не въ какую-нибудь другую; вотъ и все, увѣряю васъ честью.

— И я-бы не прочь принять васъ къ себѣ, заговорилъ унтер-офицеръ, успокоенный добродушнымъ видомъ и вѣжливостію парижскаго рекрута; но это невозможно: уставы тому препятствуютъ, говоря по-военному. Я состою въ образцовой карабинерной ротѣ 1-го батальона и ужъ туда нельзя втереть никакго рекрута, будь онъ даже родня самому первому консулу или его женѣ. Что-же касается до моего имени, то меня зовутъ Лимузино, къ вашимъ услугамъ, если гоюсь.

— И такъ до свиданія, г. Лимузино; льщу себя надеждою когда-нибудь служить подъ вашимъ начальствомъ.

Мишель ушелъ. Старый унтеръ-офицеръ, провожая его глазами, бормоталъ про себя:

— Вотъ еще парижанинъ, которому не даромъ данъ языкъ! Учи я его ружью, это былъ-бы четырнадцатый, который вышелъ-бы изъ моихъ рукъ съ эполетами на плечахъ. Между-тѣмъ въ разсужденіи его отношеній къ полковнику станемъ на сторожѣ и будемъ наблюдать все до послѣдней крошечки.

Послѣ этого монолога, Лимузино спокойно сѣлъ на каменную скамью, которая замѣняла диванъ на гауптвахтѣ, положилъ одну ногу на другую и преважно закурилъ трубку, потупивъ глаза, какъ паша, разсуждающій о великихъ вопросахъ Востока, которыхъ никто не понимаетъ.

Мишелю не трудно было найти квартиру полковника. Кромѣ часового, который мѣрными шагами прохаживался передъ дверью, при будкѣ находился еще саперъ, у котораго черная борода была такъ густа, что изъ-за нея выглядывалъ только конецъ носа съ горбомъ, какъ у хищной птицы, и сверкали два маленькихъ круглыхъ глаза, какъ у ночной совы. Саперъ стоялъ прислонясь къ будкѣ, съ сложенными на груди руками, и не обнаруживалъ ни малѣйшаго движенія, такъ что издали его можно-бы принять за статую. Мишель небрежно спросилъ его: дома-ли полковникъ?

— И дома, и нѣтъ; это зависитъ отъ обстоятельствъ, отвѣчалъ бородатый солдатъ, не перемѣняя положенія, но измѣривъ взглядомъ того, кто сдѣлалъ ему вопросъ.

— Я прибылъ изъ Парижа, началъ Мишель, и поступилъ въ седьмой полкъ. Сержантъ на гауптвахтѣ въ казармахъ сказалъ мнѣ, что полковнику угодно говорить со мною, а потому я явился по его приказанію.

— Смѣлый взглядъ рекрута и назначеніе сержанта разшевелили въ свою очередь сапера.

— Это другое дѣло, проворчалъ онъ; скажите ваше имя, я доложу полковнику.

Затѣмъ онъ отправился къ полковому командиру; возвратясь черезъ нѣсколько минутъ, онъ поднесъ руку къ своей медвѣжьей шапкѣ въ знакъ уваженія, и сказалъ Мишелю:

— Гражданинъ! полковникъ у себя; вы можете идти къ нему; мнѣ приказано васъ проводить.

Мишель послѣдовалъ за саперомъ: поднявшись въ первый этажъ, они вошли въ большую переднюю, миновали прекрасную комнату, гдѣ въ одномъ углу стояло древно знаменіе, отъ котораго висѣли однѣ безцвѣтныя лохмотья, и подошли наконецъ къ двери кабинета; саперъ осторожно позвонилъ и удалился; ливрейный лакей тотчасъ отворилъ дверь и ввелъ Мишеля въ сосѣдную комнату. Сердце его сильно билось; вдругъ подошелъ къ нему мужчина, въ форменномъ сюртукѣ, на которомъ блестѣли штабъ-офицерскіе эполеты; молодой чловѣкъ поклонился и взглянувъ на него, остолбенѣлъ.

— Какъ! г. Делавиль! вскричалъ онъ.

— Да, отвѣчалъ послѣдній, усмѣхаясь; я васъ ждалъ.

Догадки Делавиля оправдались: онъ былъ назначенъ полковникомъ седьмага пѣхотнаго полка.

— Полковникъ, сказалъ Мишель въ нѣкоторомъ волненіи: если-бы я еще колебался въ своемъ призваніи, то ваше мѣсто въ полку, въ которомъ я изъявилъ желаніе служить, разсѣяло-бы всякое сомнѣніе, потому-что мнѣ теперь уже нечего страшиться за будущее: почтительнѣйшее ожидаю вашихъ приказаній. Я увѣренъ, что вы удостоите сдѣлать для бѣднаго трактирнаго слуги изъ Фраскати то, что по вашему представительству, сдѣлалъ-бы для него достойный вашъ предмѣстникъ.

— Вы не ошиблись. Но прежде всего я долженъ сообщить, что произошло послѣ васъ въ Парижѣ. Садитесь и слушайте, или лучше, читайте это.

Делавиль досталъ изъ своего бюро запечатанное письмо и передалъ Мишелю. Молодой чловѣкъ взглянулъ на подпись письма и вскричалъ.

— Это отъ моей матери! О, благодарю васъ полковникъ, тысячу разъ благодарю!

И слезы умиленія полились изъ глазъ его; но какъ онъ, изъ уваженія къ полковнику, не рѣшался приняться за чтеніе письма, то Делавиль, замѣтивъ совѣстливость молодаго чловѣка, поспѣшилъ повторить ему позволеніе. Тогда Мишель прочелъ слѣдующее:

Парижъ, 30 апрѣля 1801.

«Если что-нибудь могло утѣшить меня послѣ твоего отсутствія, любезный сынъ мой, такъ это извѣстіе, что ты будешь служить подъ начальствомъ достойнаго офицера, который оказалъ уже тебѣ столько сочувствія. Но это еще не все; кажется небо сжалилось надъ твоею бѣдною матерью, и успокоивъ ее о твоей участи, захотѣло улучшить и ея жребій. Это цѣлая исторія, которую надо тебѣ рассказать.

«Представь себѣ, что два дня послѣ тебя, въ мое скромное жилище пришелъ г. Делавиль, котораго я не имѣла чести знать, подъ руку съ дамою, не много старѣе меня: то была его мать. Сударыня, сказалъ онъ привѣтливо: вашъ сынъ отзывался объ васъ въ такихъ выраже-

ніяхъ, что я не могъ отказать себѣ въ удовольствіи съ вами познакомиться прежде, чѣмъ отправлюсь въ Тулузу принять начальство надъ полкомъ, въ который я его помѣстилъ. Я привелъ къ вамъ и свою матушку, г-жу Делавиль; можетъ быть она нѣсколько утѣшитъ васъ въ отсутствіи того, о комъ вы такъ грустите.

«— Какъ! возразила я, это вы тотъ командиръ изъ консульской гвардіи, которому сынъ мой столько обязанъ уже признательностію?»

«— Да, сударыня, обѣщаю вамъ заботиться объ немъ. Въ его голосѣ было столько истиннаго, что я невольно заплакала.

«— Вы сами мать, сказала я обратясь къ г-жѣ Делавиль, и потому поймете мою слабость.

«— Мой сынъ, отвѣчала она, точно также началъ, какъ и вашъ; своею храбростію онъ достигъ званія, которое теперь занимаетъ. Мой сынъ, прибавила она съ нѣкоторою гордостью, блиставшею въ глазахъ ея, названъ самимъ генераломъ Бонапарте, на полѣ сраженія при Маренго, гранитною скалою!..

«— Полноте, матушка, замѣтилъ съ улыбкою г. Делавиль, не истолковывайте по своему этого случая: генераль Бонапарте назвалъ такъ всю консульскую гвардію; я не болѣе какъ песчинка этой скалы.

«Разговаривая такимъ образомъ, г-жа Делавиль разсматривала меня со вниманіемъ, и наконецъ сказала:

«— Миѣ кажется, мы видимся не въ первый разъ; не можете-ли вы припомнить.

«— Въ-самомъ-дѣлѣ, отвѣчала я; но это было такъ давно, что я не могу указать мѣсто.

«— Не воспитывались-ли вы въ Урсулинскомъ монастырѣ въ Версали? съ живостію спросила г-жа Делавиль. Да. Вы Генріетта Дюлакъ? А вы Атенаиса де-Миркуръ! воскликнула я, вспомнивъ совершенно эти кроткія черты лица, которыя отъ времени очень мало измѣнились. Послѣ этихъ вопросовъ и отвѣтовъ, мы, по невольному чувству, бросились другъ къ другу въ объятія. Я узнала въ матери твоего покровителя, любезный сынъ мой, Атенансу де-Миркуръ, друга монастыря, которую ты долженъ помнитъ, хотя былъ еще ребенкомъ, потому-что мы часто говорили о ней съ твоимъ несчастнымъ отцомъ.

«Какъ выразить тебѣ нашу радость! Г. Делавиль былъ тронутъ сердечными изліяніями, которымъ мы предавались. Кажется, матушка, сказалъ онъ: я угадываю ваше желаніе, г-жа Альберъ здѣсь не на своемъ мѣстѣ.

«— Да, мой другъ, ты прочелъ въ моемъ сердцѣ. Милая Генріетта, сказала она потомъ, обратясь ко миѣ: отнынѣ мы не будемъ разлучаться.

«Въ заключеніе всего г. Делавиль и его мать почти насильно увели меня съ собою въ гостиницу, гдѣ она остановилась, пока ей готовятъ приличную квартиру. Сколько я ни возражала, но принуждена была оставить свое скромное жилище, гдѣ по милости твоей забывала всю жестокость судьбы. Я поселилась съ моимъ стариннымъ другомъ, но на такомъ условіи, чтобы у меня была наша простенькая мебель

и чтобы я могла заниматься вышиваньемъ для своихъ издержекъ : я никому не хочу быть въ тягость.

«Г. Делавиль, нынѣшній твой полковой командиръ, завтра отправляется въ свой полкъ и взялся доставить это письмо, которое, надѣюсь, не покажется тебѣ слишкомъ длиннымъ. Не скучай, другъ мой; теперь настала моя очередь утѣшать и ободрять тебя. Прощай, цѣлую тебя отъ всего сердца.»

«Любящая тебя мать вдова Альберъ,
урожденная Дюлакъ».

Р. S. Забыла тебѣ сказать, что въ день нашей разлуки приходилъ какой-то мужчина. По немногимъ словамъ, которыми мы обмѣнялись, я заключила, что онъ посланъ отъ хозяина Фраскати звать тебя опять въ это заведеніе. Я сказала только, что тебя нѣтъ дома и у него на лицѣ выразилась досада. Потомъ онъ ужъ болѣе не приходилъ. Ты вѣроятно его знаешь : красивый собою мужчина, высокаго роста, съ огромными усами, одѣтый очень просто; но его приемы и видъ не расположили меня въ его пользу. Прощай!

Надобно быть добрымъ сыномъ, чтобы понять всю радость, которую доставило Мишелю это письмо : нѣсколько разъ слезы, потемнявшія глаза, заставляли его прерывать чтеніе. На приписку онъ не обратилъ особеннаго вниманія, потому-что у хозяина Фраскати былъ братъ, который служилъ въ обозномъ экипажѣ арміи и походилъ на портретъ, сдѣланный г-жею Альберъ.

— Вы видите, сказалъ Делавиль, что находитесь среди знакомыхъ; исполняйте усердно свои обязанности : отъ васъ самихъ будетъ зависѣть сдѣлаться скоро унтеръ-офицеромъ.

— Ахъ, полковникъ ! вскричалъ Мишель, дрожащимъ голосомъ : сколько я вамъ обязанъ за матушку и за себя ! Моя благодарность . . .

— Не будемъ говорить объ этомъ, прервалъ Делавиль. Когда вы прибыли въ Тулузу ?

— Вчера.

И Мишель рассказалъ Делавиллю свое свиданіе съ сержантомъ Лимузино, но умолчалъ обо всемъ, что могло-бы повредить старому солдату.

Когда онъ кончилъ, Делавиль слегка наморщилъ брови, и сказалъ :

— Я еще не успѣлъ узнать хорошенько своихъ подчиненныхъ, но это скоро сдѣлается. Теперь хотите-ли поступить въ канцелярію къ маіору или квартирмейстеру? Вы будете тамъ очень полезны, потому-что полкъ нуждается въ знающихъ людяхъ. Это не помѣшаетъ вашему обученію : хорошій унтеръ-офицеръ въ короткое время покажетъ вамъ ружейные приемы, потомъ взводное ученье, а наконецъ и батальонное. Такимъ образомъ вы безъ особенныхъ воинскихъ трудностей можете изучить свое званіе, а я, между-тѣмъ, исполню передъ вашей матушкой данное обѣщаніе обращаться съ вами какъ съ сыномъ.

— Меня смущаютъ ваши благодѣянія, полковникъ; но мнѣ стыдно будетъ носить галуны, пріобрѣтенные за печкой, тогда какъ мои то-

варищи будутъ изъ-за меня дрожать отъ холода подъ открытымъ небомъ; поэтому позвольте мнѣ отказаться отъ вашихъ обязательныхъ предложеній и вы конечно сами одобрите мое намѣреніе.

Делавиль отъ природы одаренъ былъ способностію понимать и цѣнить тонкую разборчивость въ поступкахъ.

— Прекрасно, сказалъ онъ Мишелю. Я не только не принуждаю васъ, но радуюсь, что вы вступаете въ новое званіе съ такою щекотливостію. Сегодня отобѣдайте у меня, а вечеромъ отправьтесь въ полкъ. Попользуйтесь нынче хорошимъ столомъ и нѣкоторыми развлеченіями, а съ завтрашняго дня приметесь за солдатскій хлѣбъ, за ученія и всѣ воинскія трудности. Теперь вы свободны, Мишель; погуляйте по городу и будьте здѣсь ровно въ шесть часовъ. Не забудьте военной точности, прибавилъ онъ съ улыбкою.

Молодой солдатъ отобѣдалъ вдвоемъ съ полковникомъ, а потомъ, въ часъ вечерней зари, явился въ казармы въ сопровожденіи Лупіана, который не замедлилъ сообщить сержанту Лимузано, что рекрутъ удостоился чести обѣдать за однимъ столомъ съ полковымъ командиромъ. Оттого, лишь только Мишель вступилъ на дворъ казармъ, къ нему подошелъ старый унтеръ-офицеръ и съ нѣкоторою благосклонностію сказалъ:

— Ну что, господинъ парижанинъ, теперь и вы къ намъ присоединились?

— Да, сержантъ.

— А въ какую роту зачислены?

— Въ вашу.

Этотъ отвѣтъ повидимому озадачилъ Лимузино и онъ сказалъ самому себѣ: еще несправедливость новаго командира. Этого никогда не видано. Вотъ что значитъ быть парижаниномъ! Потомъ продолжалъ вслухъ: вы знаете, что это особенное благоволеніе полковника?

— Что онъ пригласилъ меня обѣдать? спросилъ Мишель съ лукавымъ видомъ.

— Нѣтъ, не то, а что онъ втеръ васъ инкогнито въ карабинеры батальона; а что ему пришла мысль, продолжалъ сержантъ, пригласить васъ къ своему домашнему столу, то это до меня не касается. Однако до завтра. Послѣ утренней зари мы испытаемъ, говоря по военному, ваши способности.

— И дѣло, замѣтилъ Мишель. Однако господа, продолжалъ онъ обращаясь къ окружавшимъ его унтеръ-офицерамъ: нашъ командиръ, съ которымъ я имѣю честь быть немного знакомъ, позволилъ мнѣ отпраздновать сегодня вступленіе мое въ полкъ, а слѣдовательно уволилъ и васъ до десяти часовъ вечера. Пойдемте-же въ шинокъ и выпьемъ по стакану пуншу за здоровье полковника и благоденствіе Франціи.

Не нужно прибавлять, что предложеніе было принято. Въ этомъ небольшомъ кружкѣ, гдѣ Мишель разыгрывалъ роль предсѣдателя, Лимузино отличался забавными философскими замѣчаніями о военныхъ дѣйствіяхъ. Стаканы съ пуншемъ осушались быстро и магическія

слова, произносимыя на ухо собесѣдникамъ: «полковничій любимецъ платить!» не мало содѣйствовали разгульному веселью.

Въ десять часовъ всѣ разбрелись по своимъ артелямъ. Лимузино привелъ Мишеля къ одной постели, на которой храпѣлъ солдатъ, и сказалъ:

— Вотъ вамъ койка! Видите, какъ вашъ товарищъ насвистываетъ безъ акомпанимента свою обычную пѣсню и погруженъ въ сонъ словно беззаботный юноша! Это старый служака, сдѣлавшій одиннадцать кампаній; впрочемъ и его внесли въ списокъ для производства на будущій годъ въ капралы. Дай Богъ вамъ лучшаго противъ него производства.

Сказавши это, сержантъ отправился почевать на свою гауптвахту. Мишель легъ подлѣ будущаго капрала, который даже и не пошевелился. Лимузино видѣлъ во снѣ, что первый консулъ назвалъ его на полѣ сраженія капитаномъ. Мишелю снилось, что онъ, достигнувъ степени полковника, закололъ своего противника Риго. Надо полагать, что тотъ и другой по пробужденіи были довольны видѣннымъ сномъ.

V.

ОДИССЕЯ СОЛДАТА.

Консульство доставило Франціи нѣсколько лѣтъ тишины и спокойствія. Въ продолженіе этого времени 7-й пѣхотный полкъ два раза перемѣнялъ квартиры. Изъ Тулузы перешелъ онъ въ Пуатье, а изъ Пуатье въ Верденъ и здѣсь находился до-тѣхъ-поръ, пока Бонапарте не сформировалъ булонскаго отряда, предполагая сдѣлать ему высадку въ Англіи. Тогда полкъ подъ командою Делавиля присоединился къ арміи и расположился въ землянкахъ на песчаныхъ равнинахъ Мон-трея.

Въ это время Мишель, пройдя уже низшія степени, былъ произведенъ въ фельдфебели образцовой роты, гдѣ Лимузино оставался по-прежнему сержантомъ. Въ этомъ повышеніи не было ничего необыкновеннаго, потому-что молодой человекъ достоинъ былъ его по своему примѣрному поведенію, по успѣхамъ въ ученѣ и наконецъ по воинскимъ способностямъ. Начальники уважали, товарищи любили Мишеля, и суровая жизнь война еще развила въ немъ природныя дарованія. Глядя на его бодрый видъ, мужественное тѣлосложеніе и крѣпость тѣлесныхъ силъ, которыя сохранились отъ умѣренной жизни, нельзя было узнать въ красивомъ унтеръ-офицерѣ прежняго ученика ювелира или смиреннаго слугу изъ кофейни Фраскати.

Между-тѣмъ Англія, опасаясь страшныхъ приготовленій перваго консула, возстановила противъ него Австрію. Узнавъ, что тамъ собирается новый отпоръ, Бонапарте собралъ, какъ-бы по мгновенію волшебнаго жезла, всѣ силы на границахъ Германіи и непріятельскія дѣйствія начались.

Здѣсь не мѣсто исчислять сраженія, ознаменовавшія открытіе войны 1805 года; скажемъ только, что всѣ корпуса арміи, которая заслужила при Наполеонѣ названіе Великой, совершили чудеса храбрости, а седьмой пѣхотный полкъ, прозванный «страшнымъ», показалъ себя достойнымъ этого наименованія. Лишь только открылось попріще для храбрости, Мишель съ жаромъ устремился на него и вскорѣ надѣлъ эполеты подпоручика. Потомъ два раза воздана была похвала Альберу въ приказахъ по арміи, а наконецъ онъ удостоился получить изъ рукъ самого Императора крестъ Почетнаго Легіона. Подобная награда считалась тогда особенною милостію. Въ письмѣ, которымъ Мишель увѣдомлялъ мать о полученномъ знакѣ отличія, между прочимъ было сказано: «и такъ, любезная матушка, будучи двадцати двухъ лѣтъ отъ роду, я имѣю крестъ Почетнаго Легіона и званіе офицера въ одномъ изъ полковъ великой арміи. Крестъ я сберегу для себя, а изъ офицерскаго жалованья теперь-же назначилъ вамъ двѣсти пятьдесятъ франковъ въ пенсію; пусть этотъ небольшой доходъ дастъ вамъ по-крайней-мѣрѣ возможность дожидаться того, что мнѣ хочется для васъ сдѣлать».

Прусская кампанія была не менѣе благопріятна для Мишеля. Сраженіе при Эйлау доставило ему чинъ капитана, а потомъ, въ Испаніи, получилъ званіе батальоннаго командира. Въ 1809 году императоръ вызвалъ изъ Испаніи нѣсколько старыхъ полковъ для открытія второй австрійской кампаніи, которая кончилась трехдневной битвой еще блистательнѣе, чѣмъ первая, и Мишель также участвовалъ въ ней. Онъ получилъ всѣ чины въ одномъ и томъ-же полку, но послѣ сраженія при Эйлау Делавиль сдѣланъ былъ бригаднымъ генераломъ и два друга разстались. Они встрѣтились уже въ сраженіи при Ваграмѣ, и то для того, чтобы сказать одинъ другому послѣднее прости. Этотъ знаменитый для Франціи день стоилъ ей впрочемъ многихъ жертвъ; кромѣ полковниковъ и другихъ офицеровъ, онъ похитилъ одного маршала, двухъ дивизионныхъ генераловъ и пять бригадныхъ: въ числѣ послѣднихъ былъ и Делавиль... Мишель также былъ раненъ при вторженіи Макдональда въ центръ австрійской арміи; но его рана не помѣшала ему командовать батальономъ и это блистательное мужество обратило на себя вниманіе Макдональда, который упомянулъ объ немъ въ донесеніи императору.

На другой день послѣ сраженія при Ваграмѣ, Наполеонъ, дѣлая смотръ своей побѣдоносной арміи на обширной Сесельдорфской равнинѣ, остановился передъ седьмымъ пѣхотнымъ полкомъ и поблагодарилъ Мишеля за его рвеніе и храбрость.

— Назначаю васъ командиромъ седьмого полка, прибавилъ онъ: вы достойны быть начальникомъ этихъ храбрыхъ солдатъ. Теперь укажите мнѣ офицера изъ вашего батальона, который болѣе всѣхъ отличился въ сраженіи.

— Государь! отвѣчалъ Мишель, движимый чувствомъ признательности: благодарю васъ за честь, которою вы меня удостоиваете, но осмѣлюсь доложить вашему величеству, что въ моемъ батальонѣ не одинъ только офицеръ заслуживаетъ...

— Не ваше дѣло, съ живостью возразилъ Наполеонъ: это мнѣ знать.

— Винавать, государь, я полагаю...

— Заполчите! сказалъ онъ съ нетерпѣніемъ. Я требую только, чтобы вы указали мнѣ одного офицера, который всѣхъ больше отличился въ послѣднемъ сраженіи, вотъ и все тутъ.

Эти слова не допускали возраженій, и Мишель, поклонясь императору, обратился къ своему батальону и командовалъ:

— Поручикъ Лимузино! пожалуйте сюда!

Старый сержантъ, благодаря вниманію къ нему Мишеля, былъ уже поручикомъ. Лишенный, какъ извѣстно, образованія, но храбрѣйшій между товарищами, Лимузино такъ отличился, командуя своимъ взводомъ, что Мишель смѣло могъ оказать ему предпочтеніе. Старый солдатъ, вовсе не ожидавшій подобнаго вызова, вышелъ въ крайнемъ замѣшательствѣ: такъ сильно дѣйствуетъ присутствіе монарха даже на самыхъ отважныхъ, которые никогда не дрожали предъ непріателемъ!..

Увидавъ забавную фигуру Лимузино, Наполеонъ не могъ удержаться отъ улыбки, но потомъ, пораженный его лицомъ, которое искрещено было рубцами, и его головою, которую лѣта и воинскіе труды убѣлили сѣдинами, онъ бросилъ на него взглядъ, выразившій вмѣстѣ благоволеніе и признательность.

— Ваше имя, поручикъ? спросилъ Наполеонъ отрывисто.

— Лимузино, ваше величество, отвѣчалъ онъ съ ужасною гримасою, желая казаться ловкимъ.

— Давно-ли служите?

— Съ моего рожденія, говоря по-военному.

— Это не отвѣтъ. Я спрашиваю, сколько вы сдѣлали кампаній!

Въ сердцѣ каждаго человѣка есть струна, которая звучитъ сильнѣе другихъ. Наполеонъ задѣлъ эту струну у Лимузино, и тотъ вдругъ сдѣлавшись болтливымъ, отвѣчалъ скороговоркою:

— Государь! я былъ, говоря по-военному, вездѣ, гдѣ были и вы собственно вашею особою: въ Италіи, въ Германіи, въ Польшѣ, въ Пруссіи и въ Австріи, гдѣ и теперь находимся вмѣстѣ.

— А въ Египтѣ мы не были вмѣстѣ?

— О немъ, говоря по-военному, не знаю ни слухомъ, ни духомъ.

— Вы недалеко въ чинахъ по вашимъ лѣтамъ.

— Истинная правда, ваше величество, сказалъ Лимузино, взглянувъ съ чувствомъ признательности на Мишеля; и безъ личнаго ходатайства моего командира, я можетъ-быть, и до-сихъ-поръ оставался бы сержантомъ, потому-что у меня, правду сказать, недостаетъ того-что, говоря по-военному, требуется нынче отъ офицера ... т. е. ... я не того ...

Лимузино выразилъ жестомъ, что онъ не можетъ свободно писать, и потомъ, для большей ясности, прибавилъ:

— Я лучше владѣю саблею, чѣмъ перомъ.

— Вѣрю. Но по представленію вашего батальоннаго, а теперь полковаго командира, произвожу васъ въ капитаны. Займите свой постъ.

Старый солдатъ не нашелся, что отвѣчать, повернулся на-лѣво кру-

гомъ и отправился мѣрнымъ шагомъ къ своей шеренгѣ въ ротъ. Что снилось ему за девять лѣтъ предъ тѣмъ въ Тулузѣ, то осуществилось въ Шенбруннѣ.

Императоръ, объявивъ Мишелю, что онъ жалуется два креста на его батальонъ, поскакалъ далѣе. Но едва онъ отъѣхалъ на ружейный выстрѣлъ, какъ Лимузино, отъ внутренняго движенія и восторга потерявшій способность говорить, вдругъ разразился оглушительнымъ восклицаніемъ: да здравствуетъ императоръ! и въ одинъ прыжокъ очутился въ объятіяхъ Мишеля.

— Вамъ, полковникъ, обязанъ я, говоря по-военному, своимъ капитанскимъ чиномъ, вскричалъ онъ дрожащимъ голосомъ.

— Нѣтъ, императору и вашей храбрости, отвѣчалъ Мишель. Вы видите, что я правду говорилъ, когда вы жаловались на медленность производства, что императоръ цѣнитъ оказанныя заслуги.

— Такъ, такъ! вскричалъ одинъ изъ офицеровъ, только онъ и цѣнитъ ихъ изъ всей фамиліи.

— Господа! возразилъ въ свою очередь Мишель, нахмуривъ брови: вы конечно согласитесь, что теперь вовсе не время для такихъ разсужденій.

— Я согласенъ, говоря по-военному, съ мнѣніемъ полковника, прервалъ Лимузино. Да здравствуетъ императоръ! крикнулъ онъ снова.

— Да здравствуетъ императоръ! повторили за нимъ всѣ солдаты.

Новая сцена, болѣе печальная, ожидала Мишеля. Делавиль, смертельно раненый, какъ мы сказали, позвалъ его рано утромъ къ себѣ. При видѣ своего покровителя, которому былъ всею обязанъ, Мишель бросился, рыдая, къ постели, гдѣ лежалъ несчастный генералъ и старался ободрить своего друга надеждою на выздоровленіе.

— Я уже приговоренъ къ смерти, сказалъ потухающимъ голосомъ Делавиль, и не жалѣю о жизни, потому-что лишаюсь ея въ слѣдствіе побѣды. Но вы знаете, что у меня остается нѣжно любящая мать, я боюсь, чтобы извѣстіе о моей смерти не убило ее; поручаю ее вамъ, любезный Мишель; пишите къ ней, утѣшайте ее, когда увидите, и главное передайте ей, что послѣднимъ словомъ моимъ въ этой жизни было ея имя.

Мишель обѣщавъ свято исполнить завѣщаніе своего благодѣтеля. Тогда генералъ, который какъ-будто только и ждалъ этого обѣщанія, испустилъ духъ. Такимъ образомъ исполнилось выраженное за два года предъ тѣмъ предчувствіе, что онъ умретъ на полѣ битвы.

Мишель, увѣдомляя свою мать о себѣ, сообщилъ ей также и о горестной потерѣ храбраго генерала. — «И такъ любезная матушка, оканчивалъ онъ письмо свое, — на васъ лежитъ печальная обязанность передать г-жѣ Делавиль о нашей невозвратной утратѣ; вы найдете въ своемъ сердцѣ средства къ утѣшенію несчастной, лишившейся единственнаго сына. Скажите г-жѣ Делавиль, что у меня теперь не одна, а двѣ матери», и проч.

По заключеніи мира въ Вѣнѣ, армія Наполеона мало-по-малу возвратилась во Францію; седьмой полкъ оставался долѣе прочихъ въ

Германія и только въ началѣ 1811 г. получилъ приказаніе переселиться съ береговъ Одера въ Парижъ.

VI.

ЛЮБОВЬ ВЪ ПРИХОДѢ NOTRE DAME DE PARIS.

Есть въ Парижѣ кварталъ Сите, гдѣ все возбуждаетъ историческія воспоминанія. Какъ главное мѣсто подпрефектуры, этотъ кварталъ очень малолюдень, хотя и вмѣщаетъ въ своихъ тѣсныхъ предѣлахъ великолѣпныя зданія. Тамъ возвышается старинный соборъ Notre Dame de Paris; тамъ находится Sainte Chapelle, этотъ красивый образчикъ готической архитектуры; тамъ и Palais de Justice, три раза пострадавшій отъ пожара и три раза возобновленный, и проч. Здѣсь-то поселились г-жа Делавиль и г-жа Альберъ. Въ одномъ изъ домовъ прихода Notre Dame de Paris, нашелъ ихъ и полковникъ Мишель. Свиданіе было, разумѣется, самое радостное. Но когда прошла первая минута изліянія чувствъ, г-жа Альберъ сказала сыну:

Ты, конечно, долго пробудешь въ Парижѣ. Мы приготовимъ тебѣ комнату; ты будешь совершенно свободенъ и если станешь всякій день обѣдать съ нами, то этого и довольно для обѣихъ твоихъ матерей.

— Мнѣ нравится, матушка, милая тишина, въ какой вы проводите свои дни; я также хотѣлъ-бы раздѣлить ее съ вами и вести эту мирную жизнь; но долженъ подчиниться требованіямъ моего званія. Командиръ полка и въ столицѣ, все равно какъ и передъ непріятелемъ, не имѣетъ права удалиться отъ своего знамени; поэтому надо найти квартиру поближе къ военной школѣ, а вѣдь отсюда до Марсова поля почти цѣлый этапъ. Къ тому-же вы, безъ сомнѣнія, обѣдаете въ два часа, а я въ это время только завтракаю. Но исполнивъ свои обязанности, я могу всякій день бывать у васъ отъ трехъ до пяти часовъ. Въ-самомъ-дѣлѣ полковникъ всякій день проводилъ часа два въ приходѣ Notre Dame de Paris; потомъ отправлялся въ Пале-Рояль и обѣдалъ тамъ съ товарищами.

Въ квартирѣ, которую занимали двѣ вдовы, находились: кухарка, горничная и швея. Последняя смотрѣла за бѣльемъ и шила наряды для двухъ старушекъ, замѣняя модистку. Она была прекрасная и скромная дѣвушка лѣтъ шестнадцати; но благородные приемы ея и утонченное изящество языка, которымъ выражалась, представляли странное противорѣчіе съ простотою одежды и довольно низкою ея должностію. По слезамъ, которыя часто струились по нѣжнымъ щекамъ Полины (такъ звали эту дѣвушку), не трудно было догадаться, что счастье не улыбалось ей въ жизни. Обѣ хозяйки умѣли отличить въ ней все, что было истинно достойнаго въ этой чистой душѣ, и обращались съ Полиною какъ съ другомъ. По праздникамъ, исполнивъ вмѣстѣ съ старушками благочестивыя обязанности, она обѣдала съ ними за однимъ

столомъ и проводила въ ихъ сообществѣ цѣлый день. Напрасно г-жа Делавиль пробовала предлагать ей разныя вещицы, возвышающія красоту молодой дѣвушки, или денежные подарки для пособія ея семейству, которое, повидимому, содержала она своими трудами: Полина постоянно отказывалась и ничего не брала, кромѣ опредѣленнаго жалованья.

— Вы совсѣмъ не похожи на другихъ, говаривала ей г-жа Делавиль: не скучаете обществомъ двухъ старухъ, любите уединеніе, отказываетесь отъ нарядовъ; право, кажется, вы рождены для монастыря, а не для свѣта. Впрочемъ это прекрасно въ молоденькой и хорошенькой дѣвушкѣ, если она старается походить на ангела, когда дьяволъ имѣетъ тысячу средствъ искушать слабое твореніе.

— Ахъ сударыня, скромно отвѣчала всегда Полина, я поставляю себѣ главною заботою подражать добродѣтельнымъ особамъ, которыхъ образецъ у меня передъ глазами. Притомъ есть великій учитель, который приказываетъ любить смиреніе: это — несчастіе, и я еще въ дѣтствѣ брала у него первые уроки.

При этихъ отвѣтахъ у бѣдной дѣвушки показывались на глазахъ слезы.

Мишель съ самаго пріѣзда замѣтилъ Полину и спросилъ у матери о семействѣ молодой мастерицы.

Судьба Полины, отвѣчала г-жа Альберъ, составляетъ тайну, которую ни я, ни моя подруга, не старались проникнуть изъ уваженія къ несчастію. Намъ рекомендовалъ Полину каноникъ нашего собора, аббатъ Рабурденъ, нашъ духовникъ и другъ, онъ вмѣстѣ и ея духовный отецъ. Мы знаемъ только, что она дочь одного честнаго человѣка, вдовца, но кто онъ и гдѣ живетъ, намъ неизвѣстно. О самой Полинѣ, такъ прекрасно образованной, было-бы невѣжливо дѣлать какія-нибудь справки; что-же касается до ея семейства, то мы никогда и не говорили объ немъ, потому-что еслибъ вздумали вывѣдывать то, что она, повидимому, старается скрыть, то согласись, что мы заставили-бы бѣдную дѣвушку слишкомъ дорого платить за ничтожное добро, которое ей дѣлаемъ.

Тѣмъ и кончился разговоръ между матерью и сыномъ; но съ того же дня Мишель сдѣлался особенно вѣжливъ съ Полиною. Сначала она приходила въ смущеніе отъ предупредительнаго вниманія полковника, но потомъ, мало-по-малу привыкла къ нему и наконецъ приняла въ обращеніи съ Мишелемъ ту пріятную короткость, которая не вредитъ скромности, но незамѣтно обращается въ любовь. Это сближеніе двухъ душъ, созданныхъ для взаимной любви, скоро пустило такіе глубокіе корни привязанности въ сердцахъ Мишеля и Полины, что когда она, по какой-нибудь надобности, уходила со-двора, то полковникъ, не находя ея дома, хмурился и скучалъ; въ свою очередь и Полина, если Мишель не пріѣзжалъ въ обыкновенное время, хоть это и очень рѣдко случалось, также была печальна. Въ подобныхъ случаяхъ они надувшись расходились по разнымъ угламъ комнаты: онъ молчалъ, а она не отрывала глазъ отъ работы; потомъ начинались объясненія и нѣжныя укреки, наконецъ объявлялось взаимное прощеніе и миръ возстановлялся между обѣими сторонами.

Старушки, не смотря на строгость своей жизни, забавлялись этими невинными уловками, которыхъ нельзя было не замѣтить. Та и другая были вполне увѣрены, что благородный полковникъ никогда не употребитъ во зло доверчивости молодой дѣвушки. Однакожь г-жа Альберъ сочла долгомъ съ своей стороны замѣтить сыну, что такая тѣсная дружба неприлична. Она хотѣла только выбрать удобный случай поговорить съ нимъ объ этомъ обстоятельнѣе.

VI.

ПОСТОЯННАЯ МЫСЛЬ.

Среди развлеченій, которыя доставляло Мишелю пребываніе его въ Парижѣ, а еще болѣе постоянное посѣщеніе обитательницъ прихода Notre Dame de Paris, онъ не забылъ однакожь оскорбленія, нанесеннаго ему нѣкогда въ кофейнѣ Фраскати полковникомъ Риго. Съ-тѣхъ-поръ, какъ Мишель сравнялся въ чинѣ съ Риго и слѣдовательно могъ уже безпрепятственно выйти съ нимъ на дуэль, желаніе отмстить ему сдѣлалось въ немъ крайнею неодолимою потребностью, чѣмъ-то въ родѣ упрека совѣсти. Вступленіе полка въ Парижъ дало Мишелю возможность пуститься на поиски. Съ другой стороны, Лимузино, которому Мишель открылъ свою тайну, поддерживалъ эту мысль, гордясь тѣмъ, что онъ былъ-бы главнымъ секундantomъ.

— Любезный мой сослуживецъ, поручикъ, капитанъ, полковникъ! не переставалъ повторять онъ Мишелю всѣ степени, имъ пройденныя: вамъ надобно, говоря по-военному, проколоть на-сквозь шкуру этого стараго медвѣдя и непременно убить его, чтобъ научить вѣжливости. Если вы сами не успѣете этого сдѣлать, то я, по вашей доверенности ко мнѣ, принимаю на себя эту обязанность.

— Это дѣло только до меня касается, любезный Лимузино, отвѣчалъ всегда Мишель: будемъ терпѣливы; не настало еще время.

До-сихъ-поръ всѣ поиски въ отношеніи Риго были напрасны. Мишель не нашелъ его ни на квартирахъ, гдѣ стоялъ, ни въ сраженіяхъ, въ которыхъ участвовалъ, и никто не могъ сообщить о немъ никакихъ свѣдѣній. Но лишь только полкъ расположился въ Парижѣ, Лимузино отыскалъ въ канцеляріи военнаго министра какого-тостряпчаго и познакомился съ нимъ за стаканомъ пунша въ кондитерской. Не открывая дѣйствительной причины, побуждавшей дѣйствовать, Лимузино прикинулся, будто онъ дорожитъ всякимъ извѣстіемъ о старомъ полковникѣ Риго, говоря, что онъ приходится ему съ-родни и что семейство этого штабъ-офицера болѣе десяти лѣтъ не слыхало объ немъ ни слова.

— Онъ способенъ, прибавилъ Лимузино съ видомъ таинственности: пробраться подъ именемъ императорскаго маршала въ какія-нибудь

дальнія мѣста Рейнскаго союза, потому-что это старшій воробей, говоря по-военному, который всегда любилъ дѣлать втихомолку разныя проказы. Впрочемъ, мы узнаемъ: вы навѣрно отыщете его имя въ полковыхъ спискахъ всѣмъ чинамъ арміи.

Черезъ нѣсколько времени чиновникъ пересмотрѣлъ всѣ бумаги полковника и явился съ отвѣтомъ къ Лимузино.

— Полковникъ Риго, сказалъ онъ: былъ нѣкогда сообщникомъ въ заговорѣ Моро, какъ оказывается изъ дѣла, но, боясь преслѣдованія, бѣжалъ, вѣроятно въ Америку, куда скрылся и самъ генераль его. По бумагамъ положительно извѣстно только то, что какъ скоро началось слѣдствіе объ этомъ штабъ-офицерѣ, то онъ бросилъ свой полкъ, сложилъ съ себя званіе и скрылся. Онъ очень счастливъ въ этомъ отношеніи, потому-что, если-бы успѣли схватить его...

— Я всегда думалъ, прервалъ Лимузино: что этотъ родственничекъ мой былъ не что иное, какъ забіяка, хвастуншка, храбрецъ на рэпиряхъ, а не на открытомъ полѣ, говоря по-военному, словомъ суцая дрянь.

— Ну нѣтъ, возразилъ страпчій: изъ бумагъ видно, что полковникъ Риго былъ храбръ и благороденъ, строгъ къ самому себѣ, какъ древній Римлянинъ, можетъ быть немножко щекотливъ въ дѣлахъ чести, но истинный патриотъ.

— Можетъ быть, замѣтилъ Лимузино, не скрывая своей досады: но вѣрнѣе, что онъ только бунтъ, заговорщикъ, трусъ, который готовъ убѣжать, когда знаетъ, что навѣрно пригласятъ его на пару словъ въ лѣсъ, въ поле или въ какое-нибудь другое мѣсто.

Чиновникъ, не понимая этихъ словъ, смотрѣлъ въ недоумѣніи на Лимузино. Послѣдній не счелъ нужнымъ пускаться въ объясненія и отправился къ Мишелю донести о неудачныхъ розысканіяхъ.

— Не смотря на то, полковникъ, прибавилъ онъ: будьте покойны: мы поймаемъ старую лисицу, только будемъ наблюдать и дружно поведемъ атаку, говоря по-военному.

Спустя нѣсколько времени, сынъ г-жи Альберъ явился къ ней съ нахмуреннымъ лицомъ, такъ что она подумала, не случилось-ли съ нимъ чего-нибудь.

— Что съ тобою, другъ мой, спросила она, обнимая его: ты такъ печаленъ?

— Я озабоченъ возстановленіемъ оскорбленной чести, отвѣчалъ Мишель съ нѣкоторою досадою.

Матери вообще одарены въ отношеніи своихъ дѣтей особеннымъ инстинктомъ, который никогда не ошибается. Г-жа Альберъ была увѣрена, что Мишель тотчасъ развеселится, если она заговоритъ о Полинѣ, и потому успѣшила приступить къ тѣмъ объясненіямъ, которыя она приготовила. Прежде всего она кротко замѣтила сыну, что его черезъ-чуръ ласковое обращеніе съ Полиною можетъ повредить доброму имени бѣдной дѣвушки.

— Пока твоя угодливость, другъ мой, была только выраженіемъ обыкновенной вѣжливости, ни я, ни г-жа Делавиль нѣсколько не без-

покоились за нашу любимицу; но съ нѣкотораго времени обращеніе твое съ нею приняло совсѣмъ другой характеръ, и признаюсь, мы стали бояться, чтобы Полина не сочла твоихъ любезностей за что-нибудь серьезное. Ты конечно не думаешь на ней жениться, не правда-ли? Поэтому надо тебѣ перемѣнить свои отношенія къ ней, иначе ты ее погубишь. Я увѣрена, что ты не захочешь быть виновникомъ ея несчастія.

— Матушка, скромно отвѣчалъ Мишель: я никогда не забывалъ правилъ чести, которыя вы мнѣ внушили и будьте увѣрены, что не способенъ ни къ какой низости.

— То-то и бѣда, замѣтила г-жа Альберъ, покачавъ головою: что часто молодые люди не считаютъ за низость увлечь молодую, неопытную дѣвушку и отравить ея спокойствіе, если еще не больше...

Мишель привелъ множество возраженій на эти замѣчанія матери.

— Въ такомъ случаѣ я тебя не понимаю, сказала г-жа Альберъ. Значитъ, ты имѣешь намѣренія на ней жиниться?

— А почему-бы и не такъ? Она вполне достойна быть женою честнаго и благороднаго человѣка.

— Но у нея ничего нѣтъ, а семейство ея...

— Какое мнѣ дѣло до ея семейства? прервалъ Мишель: мнѣ не съ нимъ жить. Вы говорите, что она бѣдна, тѣмъ скорѣе я женюсь на ней; она почитаетъ васъ, какъ родную мать; я могу вполне оцѣнить ея прекрасныя качества; наконецъ она молода, хорошо образована и я ее люблю. Я охотно соединю свою судьбу съ ея судьбою, но во всякомъ случаѣ не прежде, какъ по окончаніи моего дѣла.

— Опять проклятая мысль о мщеніи! замѣтила г-жа Альберъ, догадавшись, къ чему клонились послѣднія слова ея сына. Неужели время не успѣло изгладить въ тебѣ это чувство?

— У каждаго, матушка, есть свои правила чести. Но какъ вы всегда заводите разговоръ объ этомъ предметѣ, то могу сообщить, что человѣкъ, котораго я столько времени отыскиваю, кажется найденъ. Одинъ штабъ-офицеръ, который нѣкогда служилъ съ этимъ Риго въ одномъ полку и съ которымъ я вчера обѣдалъ, указалъ мнѣ, гдѣ онъ живетъ; дай Богъ только, чтобы не ошибиться. Его квартира какъ мнѣ сказали, недалеко отсюда — въ Урсенской улицѣ.

— Онъ вѣроятно уже и забылъ нанесенную тебѣ обиду?

— Ну что-жь? я ему напомню.

— Неужели ты не сжалишься надъ нимъ?

— А развѣ онъ пожалѣлъ меня? вскричалъ Мишель, у котораго лицо мгновенно вспыхнуло при этихъ словахъ: когда употребилъ во зло свое званіе, свою силу и ударилъ меня совершенно беззащитнаго? Нѣтъ! не надо имѣть сожалѣнія и къ нему!

Мишель разгорячился. Набожная г-жа Альберъ считала бесполезнымъ напоминать сыну въ эту минуту о чувствахъ болѣе кроткихъ. Она только возвела глаза къ небу и смиреннымъ голосомъ проговорила:

— Боже праведный! Прости людскія прегрѣшенія!

— Вспомните только ту страшную ночь, продолжалъ Мишель: когда

я, блѣдный какъ смерть, съ яростью въ сердцѣ, вбѣжалъ въ вашу комнату. Вспомните мое отчаяніе и вмѣстѣ ваше отчаяніе, матушка, когда на другой день я долженъ былъ васъ оставить.

Г-жа Альберъ склонила голову на грудь и тихо рыдала.

— Прощайте, матушка! сказалъ наконецъ Мишель, взявъ ее за руки и цѣлуя ихъ. Завтра я отправлюсь въ Урсенскую улицу и кончу свое дѣло. Не тревожьтесь: предчувствіе говоритъ мнѣ, что мы увидимся. Между-тѣмъ не говорите объ этомъ ни г-жѣ Делавиль, ни Полинѣ: зачѣмъ имъ напрасно беспокоиться? Прощайте.

Г-жа Альберъ видѣла, что ея ничтожное краснорѣчіе не можетъ устоять противъ твердости ея сына, и потому, поцѣловавъ его въ послѣдній разъ, можетъ быть, еще нѣжнѣе, чѣмъ когда-нибудь, разсталась съ нимъ, не говоря уже ни слова.

VIII.

УРСЕНСКАЯ УЛИЦА.

Урсенская улица, на мѣстѣ которой теперь тянется великолѣпная набережная, называемая Наполеоновскою, прежде была одною изъ самыхъ мрачныхъ въ Парижѣ: солнечные лучи никогда не проникали въ это преддверіе гроба. Въ этой-то улицѣ жилъ старинный партизанъ генерала Моро, и Мишелю не трудно было найти домъ, въ которомъ находилось его жилище. Дворъ этого дома былъ тѣсный и топкій, а перестиль служилъ лавкою, въ которой продавалось всякое тряпье. На грязной лѣстницѣ, съ пробитыми отъ давности впадинами на ступеняхъ, Мишель встрѣтилъ какую-то старуху и спросилъ, гдѣ квартира полковника Риго.

Старуха, такая-же дряхлая, какъ и самый домъ, отвѣчала запинаясь:

— Вы хотите сказать г. Риго?

— Ну да, г. Риго.

— Вы съ нимъ самимъ хотите говорить?

И проницательные взгляды старухи, покрытой лохмотьями, старались угадать по наружности Мишеля, который былъ въ партикулярномъ платьѣ, какая-бы могла быть причина его посѣщенія.

— Съ нимъ самимъ, отвѣчалъ Мишель тѣмъ отрывистымъ голосомъ, который устраняетъ всякій нескромный вопросъ. Мнѣ теперь-же надобно его видѣть.

Старуха въ смущеніи неловко поклонилась.

— Извините, отвѣчала она. Но вѣдь бѣдный Риго съ годъ уже очень боленъ и никого не принимаетъ. Вы вѣрно давно ужъ его не видали? спросила она опять съ любопытствомъ.

— Давно; но скажите наконецъ, гдѣ мнѣ найти полковника?

— Въ четвертомъ этажѣ, по лѣвому корридору, вторая дверь; возлѣ нея виситъ оленья нога.

Мишель проворно взбѣжалъ по лѣстницѣ, вошелъ въ корридоръ и

узналъ описанную дверь. Возлѣ оленьей ноги, которая служила ручкой къ звонку, висѣла на стѣнѣ аспидная доска, а возлѣ нея питка съ маленькимъ кусочкомъ мѣлу, для записыванія посѣтителей, когда жилецъ не бывалъ дома.

Мишель позвонилъ. Сердце его сильно билось и онъ не могъ отдать себѣ отчета, какое именно чувство волновало его: видъ бѣдности и нищеты, даже у врага, всегда тягостенъ для благороднаго и великодушнаго человѣка.

Ему отворили. При слабомъ свѣтѣ въ первой комнатѣ, Мишель узналъ — молодую швею изъ знакомаго дома въ приходѣ Notre Dame de Paris.

— Полина! вскричалъ онъ, отступая отъ удивленія.

— Это вы, Мишель? въ свою очередь воскликнула дѣвушка, едва не упавъ въ обморокъ.

— Я, пробормоталъ Мишель: но вѣдь здѣсь живетъ полковникъ Риго?

— Да, это мой отецъ.

— Риго, вашъ отецъ!.. Мой заклятый врагъ, человѣкъ, который такъ позорно оскорбилъ меня!

— Такъ это его вы отыскивали съ такою настойчивостью? проговорила Полина, блѣднѣя.

Она нѣсколько разъ слышала, какъ Мишель неопредѣленно выражался о мщеніи какому-то офицеру, но имени его ей не случилось слышать: теперь объяснилось все.

— Полковникъ Риго вашъ отецъ, говорите вы? продолжалъ Мишель въ какомъ-то раздумьи: но ... что за дѣло ... Мнѣ надо съ нимъ переговорить, съ живостью прибавилъ онъ, намѣреваясь идти далѣе мимо Полины.

— Ахъ, Мишель! вскричала она тогда: изъ состраданія къ нему, если не ко мнѣ, которая не сдѣлала вамъ никакого зла, ради вашей матушки, моей благодѣтельницы, — оставьте свое намѣреніе! Мишель! у меня нѣтъ другой опоры, кромѣ бѣднаго отца ... не убивайте его!.. не отнимайте его у меня!.. умоляю васъ на колѣнахъ!..

Быстрымъ движеніемъ Полина бросилась къ ногамъ полковника, который, видя себя, могъ только проговорить, поднимая ее за руки:

— Полина! другъ мой ... что вы дѣлаете?..

— Испрашиваю прощеніе моему больному отцу, сказала она: котораго ваше присутствіе преждевременно сведетъ въ могилу. Ахъ, Мишель! ужели въ васъ нѣтъ никакого чувства состраданія?

— Не тревожьтесь, Полина! могъ наконецъ выговорить глубоко тронутый полковникъ: мнѣ непременно надобно видѣть вашего батюшку, но, увѣряю васъ честью, что мое посѣщеніе не произведетъ такихъ страшныхъ послѣдствій, какихъ вы ожидаете.

— Хорошо, я вамъ вѣрю, сказала Полина, вставая при помощи Мишеля: вы добрый сынъ, у васъ великодушное сердце, и вы не станете играть судьбою бѣдной дѣвушки, которая ... уважаетъ васъ болѣе всего на свѣтѣ. Войдите!

Полина подошла къ двери и отворила ее съ большою осторожностію; Мишель послѣдовалъ за нею. Въ глубинѣ комнаты, куда они вошли, лежалъ на постели больной Риго. Но что за комната, что за мебель! хотя вездѣ было чрезвычайно опрятно. Кровать безъ занавѣса, четыре разрозненныхъ стула, столъ, источенный червями, тамъ и сямъ нѣсколько поношеннаго платья, на одной изъ стѣнъ, неоклеенныхъ обоями, старая сабля, трубка, почернѣвшая отъ употребленія, каминъ, уставленный стеклянками съ лекарствомъ, и наконецъ прекрасный ящикъ съ пистолетами, который Моро подарилъ полковнику послѣ сраженія при Гогенлинденѣ — вотъ бѣдное убранство комнаты!

Риго страдалъ мучительными припадками подагры; его лицо, исхудавшее больше отъ горя, чѣмъ отъ нужды, какая-то скорбь, омрачавшая его взглядъ, все доказывало, что нравственныя страданія имѣли въ немъ перевѣсъ надъ физическими. Звукъ колокольчика при входѣ Мишеля, исторгли его изъ печальныхъ размышленій, въ которыя онъ былъ погруженъ. Кто-бы могъ быть этотъ несносный посѣтитель? Незнакомый голосъ, смѣшиваясь съ голосомъ дочери, обезпокоилъ его. Хотя онъ и не могъ слышать того, что говорили въ сосѣдней комнатѣ, однако при видѣ Мишеля, котораго не узналъ, бѣдный старикъ подумалъ, что ему грозитъ новое несчастіе. Глаза его немного оживились, онъ хотѣлъ встать, но не могъ, и потому привѣтствовалъ посѣтителя однимъ наклоненіемъ головы. Мишель съ своей стороны тотчасъ узналъ Риго, хотя въ немъ и произошла страшная переменна.

— Чѣмъ могу служить и съ кѣмъ имѣю честь говорить? спросилъ больной довольно твердымъ голосомъ.

— Съ командиромъ седьмаго линейнаго полка, отвѣчалъ Мишель.

— Я васъ не знаю; кажется, вы еще очень молоды и не могли служить подъ моимъ начальствомъ.

— Это правда, полковникъ, но мы видѣлись десять лѣтъ тому назадъ. Я тогда былъ слугою въ кофейнѣ Фраскати, куда вы иногда приходили по вечерамъ съ другими офицерами; помните-ли?

При этихъ словахъ черты лица Мишеля приняли грозное выраженіе. Полина, дрожа отъ страха, смотрѣла на него съ умоляющимъ видомъ и сложенными на груди руками.

— Вы напоминаете мнѣ одинъ несчастный случай, отвѣчалъ Риго, у котораго лицо сдѣлалось еще блѣднѣе прежняго. Я васъ понимаю, Однакожь, прибавилъ онъ, сдѣлавъ усиліе, которое помогло ему сѣсть: покуда мы еще не зашли далско, я долженъ вамъ объявить, въ присутствіи моей дочери, которую видите, за неимѣніемъ въ настоящую минуту другихъ свидѣтелей, что я горько раскаивался въ своемъ дерзкомъ поступкѣ, который можно оправдать или, лучше сказать, объяснить не иначе, какъ потемнѣніемъ разсудка, безуміемъ или отчаяніемъ при видѣ бѣдствій, тяготѣвшихъ тогда надо мною и моими товарищами. Скажу болѣе: я ходилъ къ вамъ въ домъ и потомъ всюду отыскивалъ съ тою цѣлью — порукою вамъ слово стараго солдата — чтобы просить у васъ извиненія, но неуспѣшно. Вы меня предупредили. Быть такъ! Сію минуту явлюсь къ вашимъ услугамъ.

Риго на этотъ разъ хотѣлъ употребить усиліе, чтобы совсѣмъ встать съ постели; но Полина, угадавъ намѣреніе отца, бросилась къ нему и схвативъ за руки, удержала его, говоря голосомъ, въ которомъ отзывались всѣ чувства, ее волновавшія :

— Батюшка ! вы ошибаетесь. Мишель не требуетъ этого.

Тронутый и обезоруженный откровеннымъ и благороднымъ объясненіемъ Риго, Мишель вскричалъ въ свою очередь :

— Полковникъ ! ваша дочь говоритъ правду. Ваши извиненія достаточно успокоиваютъ мою честь, и отнынѣ я считаю себя совершенно удовлетвореннымъ. Въ заключеніе, одно ваше слово еще лучше заглаживаетъ вашу вину.

— Говорите, полковникъ, чего вы хотите ?

— Получить руку Полины, съ живостью произнесъ Мишель, нѣжно смотря на дѣвушку.

— Увы ! вскричалъ Риго, окинувъ комнату печальнымъ взглядомъ : подумали-ли вы объ этомъ ? У Полины ничего нѣтъ ; она и меня содержитъ собственными трудами.

— Все знаю ; но такіе солдаты, какъ мы, не привыкли сводить сче-ты между собою. Приданнымъ Полины служатъ ваши прошедшія заслуги и ея прекрасныя свойства ; она и такъ богата для меня, а если къ этому благородному приданому присоединить немножко любви, то я сочту себя счастливѣйшимъ изъ смертныхъ.

Вмѣсто отвѣта Риго принялъ Мишеля въ свои объятія. Полина нѣжно подала руку полковнику, говоря ему дрожащимъ голосомъ, со слезами счастья на глазахъ :

— Кто-жъ не полюбитъ васъ, Мишель ? Но могутъ-ли когда-нибудь любовь и признательность бѣдной дѣвушки отплатить за то счастье, какое вы составляете для моего отца и меня ?

— Въ такомъ случаѣ, милая Полина, замѣтилъ Мишель съ улыбкою, я очень долго буду вашимъ кредиторомъ.

Сильныя потрясенія души какъ-бы чудомъ исцѣляютъ иногда въ одно мгновеніе самую закоренѣлую болѣзнь. Неожиданная переменъ въ судьбѣ стараго воина излечила его гораздо лучше всѣхъ докторовъ, такъ-что дня черезъ два онъ могъ уже посѣтить обитательницъ прихода Notre Dame de Paris. Что касается до Мишеля, то когда онъ общился Лимузино объ открытіи жилища Риго, тотъ въ восторгѣ вскричалъ :

— Наконецъ-то онъ въ нашихъ рукахъ ! Нападемъ, говоря по-военному, на этого стараго волка ! Какой лихой пиръ будетъ для насъ обоихъ ! Вѣдь вы знаете, полковникъ, что въ случаѣ неудачи я заступлю ваше мѣсто и ужъ тогда раздѣляюсь съ этимъ Риго по своему.

— Это дѣло ужъ кончено, сказалъ Мишель : только пиръ все-таки будетъ, хотя совсѣмъ другаго рода.

— Какъ ! возразилъ обиженный Лимузино : вы меня устраняете ? Стало быть, я ужъ не буду у васъ свидѣтелемъ ?

— Напротивъ, мой другъ, я еще больше прежняго на васъ рассчитываю ; только лучше, еслибъ вы были у меня не свидѣтелемъ, а отцомъ.

— Что это за загадку вы мнѣ тутъ задаете? Клянусь честью стараго служаки, полковникъ, мнѣ не разгадать вашей шарады.

Мишель разсказалъ всѣ подробности свиданія съ Риго.

— Довольно! вскричалъ обрадованный Лимузино. Теперь, когда васъ уже завербовали, говоря по-военному, въ третій батальонъ любви, мнѣ остается только пожелать, чтобы недолго пришлось дожидаться крестника. Я самъ обучилъ-бы его ружейнымъ приемамъ и наблюдалъ-бы, говоря по-военному, за его успѣхами.

Черезъ двѣ недѣли въ соборѣ Notre Dame de Paris совершенно бракосочетаніе Мишеля съ Полиною. При этой церемоніи капитанъ Лимузино, какъ холостякъ, съ величайшею точностію исполнялъ утомительныя обязанности шафера.

Риго, при содѣйствіи своего зятя, снискалъ благоволеніе Наполеона; ему возвратили прежній чинъ и дали хорошее мѣсто въ главномъ штабѣ; но черезъ нѣсколько времени онъ умеръ отъ припадка подагры.

По окончаніи кампаніи, Мишель былъ произведенъ въ генералы, но во время реставраціи удаленъ отъ должности. Въ 1830 году, онъ опять вступилъ въ службу.

Что касается до Лимузино, который уже достигъ званія батальоннаго командира, то онъ кончилъ свою карьеру въ Домѣ Инвалидовъ, потому-что въ послѣдніе годы жизни дряхлость совершенно приковала его къ постели.

— И это называется умереть своею смертію! говаривалъ онъ, прикрашивая рѣчь по обыкновенію разными прибаутками. Умереть надобно въ два темпа, говоря по-военному, живо, не пошевелившись, отъ ядра или картечи. Лучше залпомъ кончить жизнь, какъ сдѣлалъ покойный Делавиль, чѣмъ лишаться ея по капелькѣ, какъ умираю я вотъ уже шесть мѣсяцевъ. Тотъ, по-крайней-мѣрѣ, славно кончилъ дѣло, а я что? Долженъ умирать на подстилкѣ, какъ старая музыкантская лошадь!

Г-жа Делавиль и г-жа Альберъ также отдали послѣдній долгъ природѣ. Спустя нѣсколько времени послѣ ихъ смерти, генералъ Мишель, управлявшій однимъ изъ департаментовъ Франціи, окончательно вышелъ въ отставку. Приѣхавъ съ женою въ Парижъ, онъ занялъ квартиру на углу Ришельевской-улицы и Моимартрскаго-бульвара, въ прекрасномъ домѣ, который возвышается на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ со-рокъ лѣтъ тому, кофейня Фраскати привлекала къ себѣ публику яркими огнями, великолѣпными залами и благовонными рощами. Но вотъ что странно: генералъ Мишель, съ-тѣхъ-поръ, какъ вышелъ изъ кофейни, гдѣ исправлялъ нѣкогда смиренную должность слуги, никогда не посѣщалъ подобныхъ заведеній.

Съ франц. Н. М—нѣ

РАЗНЫЯ РАЗНОСТИ.

ФОТОГРАФІЯ, СТЕРЕОСКОПІЯ И ЖИВОПИСЬ.

Г. Делеклюзъ, извѣстный французскій критикъ, ежегодно печатающій въ Journal de Débats рядъ статей о парижскихъ художественныхъ выставкахъ, еще въ прошедшемъ году высказалъ мнѣніе, что изобрѣтеніе Даггерра и фотографія произведутъ совершенный переворотъ въ живописи, переворотъ близкій, котораго должно ожидать ежеминутно. Новѣйшее изобрѣтеніе «Стереоскопа» подало г. Делеклюзу поводъ еще разъ возвратиться къ высказанному имъ въ прошедшемъ году мнѣнію. Нѣтъ сомнѣнія, говоритъ онъ въ одномъ изъ послѣднихъ своихъ фельетоновъ, что удивительная точность, съ которою списываетъ природу фотографія, въ особенности-же стереоскопія, и теперь уже принуждаетъ живописцевъ изучать мельчайшія подробности предметовъ, для усиленія матеріальной иллюзіи своихъ произведеній. Очень можетъ статья, что скоро, когда стереоскопія достигнетъ той степени совершенства, до которой она достигнуть можетъ, живописцы перестанутъ терять трудъ и время надъ этюдами и картонами съ отдѣльныхъ моделей или фигуръ, а будутъ, составивъ свою картину изъ всѣхъ входящихъ въ нее фигуръ, драпировокъ и другихъ возможныхъ въ этомъ случаѣ принадлежностей, ставить ее передъ снарядомъ, который перенесетъ ихъ на полотно или бумагу; такимъ образомъ они разомъ избавятъ себя отъ всѣхъ трудностей механическаго копированія и будутъ имѣть возможность прямо приступить къ осуществленію своихъ поэтическихъ идей. Если вѣрить слухамъ, то нѣкоторые художники пытались уже осуществить эту мысль съ помощію дагерротипа, но вполне осуществится она только тогда, когда оптическіе инструменты, въ особенности-же стереоскопъ, соединенный съ камеръ-обскурой, до такой степени усовершенствуются, что будутъ отпечатывать предметы всѣхъ размѣровъ, и притомъ такъ, чтобы эти предметы отпечатывались на бумагѣ, полотнѣ, металлѣ или деревѣ, довольно сильно, и позволяли-бы художнику сдѣлать нужныя измѣненія и ретушовку, не вредя первому отпечатку и не уничтожая его. Портреты, снимаемые фотографіей, отличаются необыкновеннымъ сходствомъ, какого не достигалъ до-сихъ-поръ ни одинъ живописецъ; но это еще только начало, а что касается до послѣдствій, къ которымъ можетъ привести соединеніе оптической, химической и художественной обработки предмета, то они неизмѣримы и далеко оставятъ за собой фотографію. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что зданія, статуи и тому подобныя предметы не будутъ уже впредь списываться отъ руки, а посредствомъ стереоскопа.

ВИКТОРЪ ГЮГО.

Англійская Literary-Gazette извѣщаетъ, что Викторъ Гюго намѣревается поселиться въ Англии или на островѣ Джерзеѣ и тамъ исключительно посвятить себя литературнымъ занятіямъ. Замѣчательно, что знаменитый поэтъ владѣетъ кистью почти также искусно, какъ перомъ; онъ послалъ недавно въ Парижъ нѣсколько картинокъ и рисунковъ, которые возбудили восторгъ знатоковъ и были куплены за дорогую цѣну. Последнее обстоятельство пришлось какъ нельзя болѣе кстати, потому-что, по увѣренію Literary-Gazette, Викторъ Гюго терпитъ большую нужду.

МЕХИКАНСКАЯ ХОДЯЧАЯ МОНЕТА.

Извѣстная пѣвица Бишопъ, которая была когда-то и въ Россіи, давала недавно концерты въ Мехикѣ и произвела необыкновенный восторгъ; извѣстно, что съ нѣкотораго времени американцы сдѣлались отчаянными меломанами. Успѣхъ госпожи Бишопъ былъ такъ великъ, что слухъ о немъ разнесся повсюду, разумѣется, съ нѣкоторыми преувеличеніями, и одинъ небольшой городокъ, болѣе другихъ одержимый музыкальною болѣзнію, почувствовалъ такое сильное желаніе послушать прославленную пѣвицу, что послалъ къ ней гонца съ самымъ краснорѣчивымъ и убѣдительнымъ письмомъ. Госпожа Бишопъ согласилась, а секретарь ея, г. Бохса, который также былъ съ нею въ Россіи, тотчасъ написалъ въ тотъ городокъ, чтобъ извѣстить о ея согласіи и освѣдомиться о томъ, есть-ли въ городкѣ удобная для концерта зала, и сколько нужно будетъ заплатить за нее. Г. Бохса скоро получилъ отвѣтъ, что въ городкѣ есть удобное для концерта помѣщеніе, а именно арена, въ которой происходятъ обыкновенно пѣтушьи бои; но владѣлецъ арены объявилъ, что отдастъ ее въ наймы не иначе, какъ за чистыя деньги и никакъ не согласится принять въ уплату сигаръ, желтаго мыла, куръ, или тому подобное. Г. Бохса долго ломалъ голову, чтобы объяснить себѣ эту статью контракта, и никакъ не могъ понять ее, однакожъ подписалъ контрактъ. Непонятная статья объяснилась, когда кассиръ принесъ ему, послѣ перваго концерта, собранную за входъ сумму, и въ томъ числѣ нѣсколько кусковъ желтаго мыла, нѣсколько пачекъ сигаръ и двухъ живыхъ боевыхъ пѣтуховъ. Г. Бохса не хотѣлъ принимать всего этого, но кассиръ объяснилъ ему, что эти вещи замѣняютъ у нихъ мелкую монету, а сдѣлавшись собственностію знаменитой пѣвицы, могутъ быть проданы и за крупную. Г. Бохса принялъ вещи и немедленно испыталъ справедливость словъ кассира, заплативъ ему жалованье мыломъ и сигарами. Что касается до пѣтуховъ, то онъ велѣлъ ихъ приготовить на ужинъ.

ПЕТЕРБУРГСКІЙ ВѢСТНИКЪ.

Вліяніе лѣта на литературу и журналистику. — Отдыхъ Вѣстника и путешествіе. — Фельетоны коммерческіе, литературные, общественные. — Фельетоны провинціальныя. — Г-нъ А. З. и его фельетоны. — Описаніе провинціального бала. — Проза и стихи въ провинціи. — Іюньская и іюльская книги Отечественныхъ Записокъ. — Конецъ Проселочнымъ Дорогамъ! — Справедливо-ли мнѣніе о томъ, что лѣтомъ читаютъ меньше, чѣмъ зимою? — «Поэтъ», г. Михайлова и «Лола Монтезъ» г. Бабушкина. — Исторія испанской литературы, написанная не по-русски. — Разборы книгъ. — Филаретъ Шаль, конецъ Отечественныхъ Записокъ. — Статья господина Кттррр. о Лондонской Выставкѣ, не послѣдняя, хотя и седьмая, и статья о Шхерахъ, пятая, за то послѣдняя. — Разборъ «Куликовской битвы» г. Дамке. — Каролинги въ Итали. — Небрежность и изысканность елога. — Критика. — Описаніе театральнаго увеселенія въ царствованіе Елисаветы Петровны. — Нѣсколько словъ кстати. — Общественная жизнь. — Моды.

Нынѣшній Вѣстникъ будетъ не богатъ замѣчаніями о современныхъ новостяхъ петербургской жизни. Виною лѣто. Какъ ни коротко оно въ нашей сѣверной столицѣ, но все-же это пора отдыха, лѣни, бездѣйствія, пора, въ которой природа беретъ верхъ надъ людьми, когда уму не хочется думать, а чувству хочется чувствовать больше и сильнѣе; пора, въ которой наконецъ тѣло громко предъявляетъ свои права на успокоеніе, комфортъ, на необходимость ровно ничего не дѣлать и немного понѣжиться. И развѣ не извинительно полѣниться въ продолженіе четырехъ недѣль, послѣ болѣе чѣмъ сорока-недѣльнаго, постоянного труда? Поэтому и Вѣстникъ, по примѣру многихъ журнальныхъ собратьевъ, рѣшился отдохнуть гдѣ-нибудь подальше отъ Петербурга въ теченіе прошлаго мѣсяца. Но да успокоятся читатели! Мы не будемъ описывать, какъ нили Нарзанъ и ѣздили на Кавказъ. Хотя мѣста, которыя мы видѣли, очень любопытны и мы вынесли изъ нихъ много занимательныхъ, пріятныхъ и дорогихъ впечатлѣній, но впечатлѣнія эти личныя; и мы не считаемъ нужнымъ дѣлиться ими съ читателями, журнала, какъ дѣлаютъ это разные петербургскіе и иногородные фельетонисты. Мы обязались говорить только о томъ, что печатается и дѣ-

лается въ Петербургѣ, и поэтому считаемъ неумѣстными толки о томъ, что происходитъ внѣ Петербурга, а тѣмъ болѣе объ насъ самихъ. Въ одномъ только надо признаться: мы такъ полно, такъ сладко отдыхали, что цѣлый мѣсяцъ не читали ни одного журнала, ни одной газеты, изъ выходящихъ въ обѣихъ столицахъ. За то мы читали губернскія вѣдомости того города, куда насъ забросила судьба, и за неимѣніемъ другихъ, болѣе свѣжихъ новостей, мы хотимъ выписать нѣсколько строкъ изъ этихъ вѣдомостей для любопытства читателей. Въ эпизодическомъ содержаніи нашего Вѣстника насъ извинить нѣсколько то, что предметомъ нынѣшней бесѣды съ читателями будетъ все-таки литература и сверхъ того такая, о которой знаютъ такъ мало въ столицахъ.

Въ іюльской книгѣ Отечественныхъ Записокъ, прочтенной нами уже по возвращеніи въ Петербургъ, и о которой мы будемъ говорить ниже, — говорится (въ отдѣлѣ журналистики) очень много любопытнаго и дѣльнаго о фельетонѣ, предметъ дѣйствительно весьма интересномъ, современномъ, близкомъ въ особенности лицамъ, пишущимъ фельетоны, редакторамъ, печатающимъ ихъ въ своихъ журналахъ, и наконецъ самимъ читателямъ фельетоновъ. Отечественныя Записки признаютъ три вида фельетоновъ: *первобытный*, не совсѣмъ удачно называемый также гомеровскимъ, и который приличнѣе назвать литературно-комерческимъ и даже комерческо-литературномъ, потому-что комерція играетъ въ немъ главную роль, — на фельетонъ *общественный*, толкующій о гуляньяхъ, зрѣлищахъ, театрахъ, о томъ, что мы видимъ каждый день, и имѣющій по преимуществу веселый характеръ и цѣль — посмѣшить читателя. Наконецъ третій видъ фельетона называется чисто *литературнымъ* и посвященъ «исключительно мыслямъ и чувствамъ, выраженнымъ печатно». Это немножко темное опредѣленіе поясняется далѣе слѣдующими словами: «дѣло литературныхъ фельетоновъ судить и рѣдить міръ книжный, міръ ученый, міръ литературный».

Сдѣлавъ это, совершенно правильное раздѣленіе, Отечественныя Записки говорятъ о томъ, какимъ образомъ пишутся у насъ всѣ три рода фельетоновъ. «Послѣ того, какъ г. Цыловъ издалъ Указатель тринадцати частей города Петербурга, и въ немъ подробно обозначилъ всѣ магазины, лавки, всѣхъ мастеровыхъ, фабрикантовъ и заводчиковъ, съ тѣхъ-поръ гомеровскій (то-есть комерческій) фельетонъ утратилъ половину своей занимательности и важности». Это совершенно справедливо, точно также, какъ и то, что говорится о чрезвычайной скукѣ фельетоновъ общественныхъ, имѣющихъ прямую обязанность быть веселыми. Мы согласны также и съ тѣмъ, что очень трудно составить серьез-

ный, литературный фельетонъ, требующій много познаній, начитанности, размышленія, и что у насъ нѣтъ еще подобнаго фельетона. Не согласны мы только съ тѣмъ, что Отечественныя Записки считаютъ Филарета Шаля (съ-тѣхъ-поръ какъ переводы его фельетонновъ начали помѣщаться въ С. Петербургскихъ Вѣдомостяхъ) альфою и омегою подобныхъ фельетонистовъ. Но извѣстно, что Отечественныя Записки болѣе Филаретомъ Шалемъ, и съ нѣкоторыхъ поръ почти въ каждой книжкѣ упоминаютъ о его превосходныхъ фельетонахъ, а такъ какъ есть пословица: «что у кого болитъ, тотъ о томъ и говоритъ», поэтому мы и оставляемъ въ сторонѣ излишнюю привязанность Отечественныхъ Записокъ къ французскому фельетонисту. Русскому-же фельетонисту этого журнала скажемъ только, что, при исчисленіи видовъ фельетона, онъ не обратилъ вниманія на фельетонъ провинціальный, въ высшей степени оригинальный и самобытный, и этотъ-то недостатокъ мы хотимъ теперь *выполнить*, — выражаясь ученымъ языкомъ того-же журнала, — если ужъ судьба привела насъ читать губернскія вѣдомости, за неимѣніемъ столичныхъ.

Вѣдомости того города, въ которомъ мы забыли о Петербургѣ, — какъ ни странно и обидно можетъ показаться для Петербурга наше признаніе, — выходятъ одинъ разъ въ недѣлю, по субботамъ, въ большую четверку и заключаютъ въ себѣ четыре страницы, по два столбца на каждой страницѣ. Мы говоримъ, конечно, только о неофициальной части этихъ вѣдомостей. Печатается она на сѣрой бумагѣ особенно некрасивымъ шрифтомъ. Помѣщаются въ этой неофициальной части статьи такъ-называемаго серьезнаго и ученаго содержанія, и такъ-называемые фельетоны, послѣдніе рѣже. Лѣтомъ, во время нашего пребыванія въ этомъ городѣ, фельетонновъ этихъ мы вовсе не видали: вѣрно провинціальные фельетонисты также отдыхаютъ лѣтомъ, какъ петербургскіе. Поэтому, чтобы познакомить читателей съ провинціальными фельетонами, мы должны обратиться къ прошлой зимѣ, во время которой воображеніе и краснорѣчіе фельетониста были особенно возбуждены и настроены на самый лучший фельетонный тонъ. Такъ на-примѣръ, основываясь на первомъ балѣ, бывшемъ въ городѣ N., фельетонистъ, вѣроятно по праву *licentia poetica*, поэтической вольности, предлагаетъ считать новый годъ съ этого бала и начинаетъ свою хронику губернскихъ удовольствій слѣдующимъ образомъ.

«Новый Годъ! Честь имѣю поздравить съ Новымъ Годомъ! Какъ новый годъ? Какой? А какъ-же! Конечно не хронологическій новый годъ, въ которомъ новаго обыкновенно одна только цифра. Кромѣ этого общаго новаго года, столь часто вовсе не новаго, — не только у вся-

каго общества, но и у каждаго человѣка — свой собственный новый годъ, истинно новый. Новый годъ академическій начинается новымъ курсомъ съ новыми учениками въ каждомъ классѣ, слѣдовательно истинно новый годъ. Но онъ бываетъ въ разное время. Новый годъ театральнй въ столицахъ начинается весною, у насъ осенью. Новый годъ каждаго изъ насъ — естественно начинается со дня нашего рожденія; у общественной жизни свой новый годъ, который начинается первымъ осеннимъ баломъ или съѣздомъ общества. И вотъ теперь въ N начался новый годъ ея общественной жизни. И какой новый годъ! Сколько новостей самыхъ крупныхъ, самыхъ свѣжихъ, самыхъ истинныхъ!»!

Не правда-ли, какъ все это оригинально и ново? Какъ хорошо въ особенности прилагательное *новый*, повторяющееся девятнадцать разъ въ пятнадцати строкахъ. Далѣе фельетонистъ говоритъ, что къ зимѣ въ городѣ N «открылись зенницы всѣхъ домовъ и засвѣтились огоньками — точно веселыми глазками проснувшейся красавицы. Загремѣли экипажи, засіяли мундиры и лица, замелькали надежды». Не понимаемъ только, почему онъ называетъ этотъ первый зимнй балъ «великимъ букетомъ, который не имѣетъ еще роскоши цвѣтовъ лѣтнихъ, но не менѣе привлекателенъ своею прекрасною простотою». Это должна быть конечно очень хорошая метафора, но смыслъ ея, къ сожалѣнію потерявъ для насъ, живущихъ такъ далеко отъ города, гдѣ такъ прекрасно пишутъ фельетоны. И замѣтите, фельетонистъ вовсе не описываетъ этого вечера, а говоритъ только, что было много истинной и прекрасной надежды въ этомъ неприготовленномъ и нетерпѣливомъ радушіи; что общество города составляло цѣлый, не разомкнутый кругъ; что собраніе это походило на простой вечеръ короткихъ знакомыхъ, безъ малѣйшей претензіи на что-нибудь. Фельетонъ заключается слѣдующими словами:

«Безъ сомнѣнія, все это могло быть только послѣ полученной увѣренности, что это будетъ понято и принято во всемъ добромъ смыслѣ этой поспѣшности... Танцы были живы, туалеты изящно-просты; просто всѣ были довольны», — но довольно!

«Повторяю поздравленіе съ новымъ годомъ и желаю, чтобы эта новость старѣлась, глубоко старѣлась, но не измѣняясь, какъ душа благороднаго человѣка».

Если окончаніе фельетона также нѣсколько темно, въ этомъ конечно виноватъ не провинціальнй фельетонистъ, а скорѣе мы, столичные читатели, еще не постигнувшіе всѣхъ тонкостей провинціальнхъ фельетоновъ. Беремъ, на выдержку, еще два фельетона изъ зимнихъ, какъ

особенно замѣчательныхъ и краснорѣчивыхъ. Вотъ какъ начинается одинъ изъ нихъ:

«Зима! зима! Бѣлая, свѣжая, юная красавица Руси неожиданно прикатила было къ намъ еще 15-го октября. Итальянское прекрасное нынѣшнее лѣто было такъ продолжительно, что самъ сентябрь глядѣлъ такимъ веселенькимъ, добренькимъ, мягкимъ, что глядѣть сентябремъ можно было пожелать всякому. Даже свирѣпый октябрь не вылъ волкомъ и прикидывался сначала дрессированнымъ другомъ человѣчества».

Неправда-ли, что ни въ одномъ изъ петербургскихъ фельетоновъ, такъ часто разсуждающихъ о погодѣ, не встрѣчали вы такихъ великолѣпныхъ, краснорѣчивыхъ фразъ? Далѣе все въ такомъ-же родѣ описывается, какъ для торжественнаго бала N. N. «не могла не желать показаться чистенькой, хорошенькой, не подбѣлиться и не подрумяниться снѣжкомъ и морозцомъ». Но верхъ совершенства этого фельетона описаніе бала, которое мы приводимъ цѣликомъ, не боясь утомить читателей, и смѣло увѣренные, что ни въ одномъ столичномъ фельетонѣ они не встрѣчали ничего подобнаго:

«Баль! Какъ велико значеніе этого маленькаго слова! Гдѣ-бы и когда не произнесли его — все встрѣпенется отъ этого магическаго слова; дѣвушки вспыхнутъ, маминьки поблѣднѣютъ, папиньки тревожно оглянутся за самымъ преферансомъ. Баль — это триумфъ красавиць, турниръ молодцовъ, ажіотажъ маминекъ, гранъ-шлемъ для отцовъ. Баль — это радуга на темномъ небѣ, адманъ на челѣ ночи, цвѣтушій оазисъ, усеянный пальмами и бананами въ пустынь Африки. Баль — это сонъ, сонъ предсказательный для молодыхъ, сонъ воспоминанія для старыхъ. Баль — это Вольтовъ столбъ, съ однимъ и тѣмъ-же гальваническимъ токомъ. Какъ въ Вольтовомъ столбѣ токъ этотъ производятъ парные кружки, металлическіе съ мягкими, такъ и на балѣ пары двухъ половъ, — прекраснаго и черно-фрачнаго... Баль — это такой хорошенькій плутишка, котораго не только никто не откажется признать за амура, но многіе готовы назвать... по-крайней-мѣрѣ, гениемъ. И какъ ни блестящъ, какъ ни обаятеленъ онъ снаружи, еще неодолимѣе его внутренняя прелесть, его жгучее удовольствіе, его свойство, опьяняющее сердце. Ни одна молодость не возьметъ ста лѣтъ жизни за сто баловъ — что-бы ни говорила она о прелести уединенія. Прелесть уединенія есть дочь того-же бала... Мы можемъ иногда не сочувствовать печалямъ ближнихъ, но не сочувствовать ихъ увеселеніямъ — никогда! Въ этомъ у всѣхъ у насъ самыя родственныя чувства. Баль соединяетъ молодыхъ и старыхъ, богатыхъ и бѣдныхъ; баль соединяетъ — самыхъ вра-

говъ, которые въ другомъ мѣстѣ никогда близко не сойдутся. Балъ даетъ право видѣть то, чего нигдѣ не покажутъ, обнять то, чего нигдѣ не обнимешь, дышать тѣмъ, чѣмъ нигдѣ не дышутъ. О балъ, балъ! кто тебя создалъ? какой геній? какой духъ? Но кто-бы тебя ни создалъ, ты очаровательно вѣчно-юное дитя ночи. вѣчно живое и цвѣтущее, хотя и вѣчно кратковременное въ настоящемъ, вѣчно неудержимо — исчезающее! Пейте-же за его здоровье, пейте охмѣляющее удовольствіе, пейте его опиумъ граждане бала, вѣрные сыны его и дщери! Пейте, но и слушайте! Я скажу вамъ, отсутствующіе, объ одномъ новомъ, еще не испарившемся балѣ, балѣ цѣлаго города. Правда, сказать можно, но рассказать трудно. Какъ изобразить бѣгущій каскадъ, со всеми алмазными его огнями? Какъ изобразить этотъ водоворотъ, въ которомъ теряются голова, а иногда и сердце, и всегда что-нибудь теряется? Какъ-же изобразю? Никакъ! Изобразить балъ такъ-же легко, какъ уловить лучъ, или изчерпать море. Нѣтъ, я берусь только сказать вамъ объ этомъ балѣ, кое-что сказать — не болѣе.

«Балъ этотъ отличался, какъ полнотою, — потому-что тутъ была вся благородная и здравствующая N. N.—такъ и особеннымъ убранствомъ комнатъ и публики. Зала, — кромѣ множества сгруппированныхъ свѣчъ, была иллюминирована разноцвѣтными украшеніями и убрана зеленью и цвѣтами. Буфетъ, обитый краснымъ сукномъ и ярко освѣщенный, былъ установленъ прелестями вкуса, въ собственномъ смыслѣ. Другія комнаты, состоящія во владѣніи господина виста съ семействомъ, были также усиленно освѣщены. Но что это все безъ внутренняго достоинства залы!

«Внутренность залы была всего лучше, лучше даже тебя, красавица сицилійская природа! Конечно, и между богинями Олимпа не все были красавицы: ничего не говоритъ мифологія о красотѣ Минервы; даже одна только жена олимпійскаго кузнеца признана совершенной красавицею. Хотя, я думаю, что мнѣ болѣе понравилась-бы Діана, если-бы я ее видѣлъ. Однако я насчиталъ столько прекрасныхъ, что у меня не достало пальцевъ для продолженія счета. Но всехъ этихъ хорошенькихъ и прекрасныхъ сами вы все знаете, а потому, вѣрно, лучше захотите знать о нарядахъ, которые все знать и счесть, уловить и замѣтить, труднѣе чѣмъ снѣгъ, падающій на голову. Тутъ слово снѣгъ пришлось къстати: онъ напомнилъ мнѣ одно чудное платье, — самаго густаго бѣлаго цвѣта и, вмѣстѣ съ тѣмъ, самое легкое, пышное, дѣвственное. Ну точно первый снѣгъ подъ блескомъ полуденнаго солнца. На этомъ чудномъ снѣгу были брошены четыре пунцовыя розы; а головку, чудную головку окрыляли два легкиихъ пунцовыхъ перышка, граціозно положенныхъ надъ каскадомъ черныхъ атласистыхъ волосъ. Кромѣ этого, осо-

бенно отличалось вкусомъ темное шелковое платье съ двумя кружевными тюниками и такую-же бертою. Вообще-же первенствовали платья розовыя, изъ которыхъ нѣкоторыя были великолѣпны. Да много, много столъ хорошаго, что никакъ не перечесть всего. Никто не оставлялъ бала до самаго конца его: это лучшій аттестатъ ему. Ужинъ, съ музыкальными интермедіями и, въ особенности, съ тостами, былъ самымъ блестящимъ концомъ бала; а за *симъ* и я кончаю».

А. З.—*ев.*

Нѣтъ, чѣмъ болѣе перечитываемъ мы это произведеніе, тѣмъ яснѣе убѣждаемся въ томъ, что петербургскіе фельетонисты не производили ничего подобнаго. Очень сожалѣемъ, что господину А. З. не пришлось описывать столичныхъ баловъ. Какими-бы красками описалъ онъ ихъ, на какой тонъ настроилось-бы его воображеніе, приискавшее такія удивительныя метафоры для провинціального бала?

Какъ настоящій фельетонистъ, г-нъ А. З. въ то-же время и поэтъ. Хочетъ-ли онъ воспѣть своего мецената, — вотъ какими стихами онъ говоритъ объ немъ, напоминая, что меценатъ родился въ одинъ большой праздникъ:

Родился въ міръ прекрасный человекъ!
 Такой, что здѣсь и одного такого
 Для счастья многихъ стало-бы на вѣкъ.
 По случаю сошлись дни такіе?
 Ну, чтожъ! а случай право вѣдь хорошъ!
 Скажите-ко философы плохіе:
 Да случай-то родится отъ кого-жъ?
 Нѣтъ, вѣрю я въ гармонию природы;
 Въ однѣхъ идеяхъ слышу диссонансъ;
 Небесныя, Божественныя своды
 Имѣютъ безпредѣльный резонансъ...
 Все доброе созвучіе имѣетъ,
 Гармонія и въ случаяхъ звучитъ.
 И Гайдена не всякій разумѣетъ,
 Но и профанъ смиренно не молчитъ...

Какъ ни хорошо пишутъ стихи нѣкоторые изъ нашихъ фельетонистовъ, но г-нъ А. З. рѣшительно не уступаетъ имъ въ легкости стиха и замысловатости содержанія.

Мы должны однакоже перейти отъ провинціальныхъ фельетононъ къ столичнымъ журналамъ и сказать нѣсколько словъ объ іюньской и іюльской книгѣ Отечественныхъ Записокъ, которыя успѣли прочесть по возвращеніи. Въ нихъ окончился наконецъ безконечный романъ г. Григоровича. Общее неудовольствіе, съ которымъ встрѣтили этотъ романъ даже въ

тѣхъ журналахъ, гдѣ авторъ его печаталъ свои произведенія, можетъ служить г. Григоровичу лучшимъ доказательствомъ, что онъ создалъ очень неудачное произведеніе. Мы надѣемся даже, что послѣ первой попытки испытать свои силы на многотомномъ романѣ, г. Григоровичъ откажется отъ исторій въ родѣ «Проселочныхъ дорогъ» и обратится къ тому роду произведеній, который доставилъ ему заслуженную извѣстность. Отъ всей души желаемъ этого, уважая его дарованіе. Мы имѣли случай убѣдиться, что и въ провинціи нашей, гдѣ литературныя убѣжденія часто діаметрально противоположны столичнымъ, романъ этотъ сильно наскучилъ самымъ снисходительнымъ и долготерпѣливымъ читателямъ.

Кстати о провинціальныхъ читателяхъ. Въ нашей журналистикѣ издавна вкоренилось очень ложное и ошибочное правило: составлять лѣтнія книжки журналовъ *слабѣе* зимнихъ (мы употребляемъ эпитетъ *слабѣе* изъ учтивости) въ томъ убѣжденіи, что лѣтомъ читаютъ меньше, нежели зимою. Можемъ увѣрить почтенныхъ собратьевъ нашихъ, что они ошибаются. Въ провинціи читаютъ лѣтомъ гораздо больше, отъ недостатка развлеченій и увеселеній другаго рода, отъ нечего-дѣлать, отъ скуки. Зимою въ провинціи существуютъ балы, спектакли, вечера, на которые все стремится съ большимъ жаромъ, потому-что подобныя увеселенія не часты; но лѣтомъ, что дѣлать въ деревнѣ или губернскомъ городѣ, какъ не читать? Можно, конечно, спать и обѣдать, но ни того, ни другаго нельзя дѣлать цѣлый день сплошь; невинныя бесѣды о сосѣдяхъ и сосѣдкахъ также истощаются, какъ ни будь изобрѣтательно воображеніе, и къ тому-же для разговора необходимъ собесѣдникъ, котораго также очень часто негдѣ взять. Всѣ эти причины способствуютъ къ тому, что лѣтомъ читаютъ съ большимъ усердіемъ, нежели зимою, и мы посовѣтовали-бы въ особенности нѣкоторымъ издателямъ нашихъ журналовъ не ослаблять, а напротивъ, усиливать интересъ книгъ, выходящихъ въ лѣтнее время. Скорѣе можно оправдать незанимательность лѣтнихъ нумеровъ иныхъ журналовъ желаніемъ самихъ редакторовъ немножко отдохнуть и полѣниться, установившеюся уже въ это время подпискою на журналъ, и разными другими болѣе или менѣе уважительными расчетами, но только не мнѣніемъ о томъ, что провинція лѣтомъ мало читаетъ журналы.

Кромѣ «Проселочныхъ дорогъ», въ двухъ послѣднихъ книгахъ Отечественныхъ Записокъ помѣщены, въ отдѣлѣ Словесности рассказы, «Лола Монтезъ» г. Бабушкина и, въ Смѣси, «Поэтъ» г-на Михайлова. Эти произведенія могли-бы помѣняться отдѣлами, и тогда каждое изъ нихъ явилось-бы на своемъ мѣстѣ. Рассказъ г-на Бабушкина относится къ

1844 году и заключаетъ въ себѣ описаніе нѣсколькихъ походовъ извѣстной авантюристки, впрочемъ весьма исполныхъ. Все достоинство этого разсказа состоитъ только въ томъ, что онъ легко читается и написанъ живымъ языкомъ; но его никакъ нельзя причислить къ разряду повѣстей и настоящее мѣсто его въ Смѣси. Повѣсть г-на Михайлова, не смотря на то, что помѣщена въ послѣднемъ отдѣлѣ журнала, очень замѣчательное произведеніе, повѣствующее о томъ, какъ одну дѣвицу, питающую страсть къ стихотворству, надулъ одинъ симпатизирующій ей поэтъ. Воспользовавшись одинаковымъ настроеніемъ душъ, поэтъ занялъ у поэтиссы семь тысячъ, обѣщавшись въ придачу жениться на ней и, пользуясь, вѣроятно, поэтической вольностью, уѣхалъ изъ города, въ которомъ сантиментальная поэтисса вела одинокую жизнь въ обществѣ своихъ служанокъ и лакея Никандра, также превосходно очерченныхъ. Вообще, если можно упрекнуть г. Михайлова за этотъ небольшой разсказъ, то въ томъ только, что даровитый авторъ далъ слишкомъ тѣсныя рамы своему занимательному произведенію. Сюжетъ этотъ, довольно новый, стоилъ-бы большей и тщательнѣйшей обработки.

Изъ другихъ статей юньской книги Отечественныхъ Записокъ назовемъ въ высшей степени занимательный очеркъ г. Соловьева: «Крестносцы и Литва», составляющій очевидно отрывокъ изъ продолженія его прекрасной исторіи Россіи. Любопытна также третья статья изъ исторіи Испанской Литературы «о Лопе-де-Вега и его сочиненіяхъ». Языкъ этой статьи не такъ тяжелъ, какъ въ первыхъ двухъ, хотя мѣстами и попадаются выраженія въ родѣ слѣдующихъ:

— Фехтованье, танцы и музыка *повершили* его воспитаніе.

— Имъ овладѣло непреодолимое желаніе *повидать* свѣтъ.

— Благочестивый мужъ *небрегъ* о дѣлахъ житейскихъ.

Мы-бы желали также для полнаго понятія о знаменитомъ драматургѣ побольше разборовъ его пьесъ и выписокъ изъ нихъ.

Разборъ втораго тома «Пропилеевъ», написанный г. Шестаковымъ, также весьма замѣчательнъ. Мы нашли въ немъ всего одно иностранное слово: *стемма*, которое едва-ли когда-нибудь появлялось на русскомъ языкѣ. Въ отдѣлѣ Библиографической Хроники хорошъ разборъ «Походовъ Румянцова, Потемкина и Суворова». Странно, что и въ этомъ отдѣлѣ, наблюдающемъ за чистотою языка въ другихъ книгахъ, встрѣчаются фразы въ родѣ слѣдующей:

... «за исключеніемъ нѣкоторыхъ незначительныхъ *проглядокъ, удаленныхъ* теперь».

Разборъ журналовъ начинается, конечно, Филаретомъ Шалемъ и его фельетонами; потомъ слѣдуетъ нѣсколько справедливыхъ замѣчаній

по поводу странной критики Библиотеки для Чтенія на сочиненія г. Кукольника; статья оканчивается разсужденіемъ о Виргиліи, о значеніи Энеиды, для чего выписывается триста тринадцать стиховъ изъ перевода г. Шершеневича, хотя о достоинствѣ самаго перевода обѣщано сообщить впослѣдствіи. Не понимаемъ, для чего было обременять разборъ выпискою такого множества стиховъ; врядъ-ли у кого изъ читателей достанетъ терпѣнія познакомиться съ переводомъ г. Шершеневича, даже въ цитатахъ Отечественныхъ Записокъ.

Статьи въ отдѣлѣ Иностранной Литературы, извлекаемыя изъ иностранныхъ журналовъ, занимательны и переводятся хорошимъ языкомъ. Не можемъ сказать того-же о седьмой и все еще не послѣдней статьѣ о Лондонской Всемирной Выставкѣ, которой давно-бы пора окончиться, разумѣется, статьѣ, потому-что выставка давно закрылась. Не понимаемъ, какой интересъ можетъ имѣть въ журналѣ не коммерческомъ подробное исчисленіе чуть не каждой вещи, бывшей на выставкѣ? Для чего помѣщается опись хлопчато-бумажнымъ произведеніямъ, счетъ всѣмъ фабрикантамъ, выставившимъ эти произведенія, длиннѣйшій списокъ кожевеннымъ произведеніямъ, и тому подобному? Гораздо легче было перевести каталогъ бывшей выставки. Въ статьѣ г-на Кттрррр попадаются также выраженія, которыя тоже годились бы на выставку, на-пр. *дословный* переводъ, вмѣсто буквальный. Если г. Кттрррр хотѣлъ непременно составить отечественное слово, то зачѣмъ-же въ другомъ мѣстѣ онъ пишетъ *джюри* вмѣсто оцѣнщикъ, присяжный, что по-русски очень понятно, а въ офранцузенной формѣ выходитъ больше, чѣмъ смѣшно?

Наконецъ, въ іюньской-же книгѣ окончились и «Шхеры». Въ этой послѣдней (пятой) статьѣ есть мѣста интересныя, но еще больше ненужныхъ и незанимательныхъ подробностей, какъ на примѣръ, хронологическая исторія Фридрихсгама. Не понимаемъ также, къ чему въ концѣ статьи выписаны двѣ страницы стиховъ Гюго? Эти стихи авторъ вспомнилъ на какой-то горѣ. Если они помѣщены по этой важной причинѣ, то мы очень рады, что память у него еще не такъ хороша, а то онъ могъ-бы намъ привести половину стихотвореній Гюго, изданныхъ подъ натянутымъ названіемъ «Les feuilles d'automne». Впрочемъ, во всякомъ случаѣ, гораздо пріятнѣе читать французскіе стихи Гюго, нежели русскіе, приведенные выше въ той-же статьѣ.

Ученныя новости іюньской книги очень хороши и разнообразны, также какъ и Разныя Разности, кромѣ окончанія послѣднихъ, гдѣ опять

таки расхваливаются неизбежный Филаретъ Шаль и его фельетоны въ Петербургскихъ Вѣдомостяхъ. И потомъ, зачѣмъ попалъ въ Разныя Разности разборъ этихъ Вѣдомостей, когда ему прямое мѣсто въ отдѣлѣ Журналистики?

Въ статьѣ г. Дамке о новой оперѣ «Куликовская битва» мы нашли невѣрность: онъ утверждаетъ что сцены въ татарскомъ лагерѣ придуманы самимъ композиторомъ. Можемъ увѣрить, что весь второй и большая часть третьяго акта составлены г. В. Зотовымъ и придуманы имъ—же, для того, чтобы придать хоть сколько-нибудь разнообразія несчастной идеѣ составить оперу изъ трагедіи Озерова, о чемъ мы впрочемъ говорили подробно въ нашей статьѣ о «Куликовской Битвѣ». А кому принадлежитъ эта идея—композитору, или г. С—у, первому составителю либретто и чьи грѣхи потомъ исправлялъ г. Вл. Зотовъ—этого мы не знаемъ. Напрасно также г. Дамке употребляетъ въ своей статьѣ иностранныя выраженія, не принятыя въ нашемъ языкѣ. Такъ мы не говорили никогда: аккордъ *третируется*, ритмъ отчетливо *акцентуированъ*, музыка *компанирована* съ большимъ искусствомъ. Мы не употребляемъ также никогда слова: *кантатриса*, вмѣсто пѣвицы. Послѣ этого, отчего-же не назвать и пѣвца *шантеромъ*?

Въ іюньской-же книжкѣ начался прекрасный романъ мистрисъ Нортонъ «Опекунъ», который былъ уже переведенъ въ извлеченіи въ «Библиотекѣ для Чтенія», изъ «Revue des deux mondes».

Въ іюльской книгѣ первое мѣсто занимаетъ историческій отрывокъ г. Кудрявцева «Каролинги въ Италіи», полный занимательности и глубокаго изученія одной изъ самыхъ темныхъ эпохъ исторіи. Но при всемъ уваженіи къ таланту г. Кудрявцева, мы не можемъ не замѣтить, что онъ выражается, мѣстами, языкомъ тяжелымъ и неправильнымъ. Конечно, это, пожалуй, мелочи, но чѣмъ легче отъ нихъ избавиться, тѣмъ не пріятнѣе встрѣчать ихъ въ такомъ сочиненіи, которое безукоризненно во всѣхъ прочихъ отношеніяхъ. Развѣ нельзя было иначе сказать, на примѣръ, слѣдующія фразы: «Развитію духа партіи и ихъ *живучести* много способствовала еще *постановка* мѣстныхъ *авторитетовъ*». — «Римлянинъ, подышавшій воздухомъ Востока, ничѣмъ ужъ потомъ не могъ *отбить отъ себя* его губительной заразы». — «Неаполитанскій *дукатъ*» (то—есть не червонецъ, а герцогство). — «Но и здѣсь нельзя *обойти одного важнаго различія*». — «Избавляя Римъ и его епископовъ отъ *страха* лонгобардекаго, удовлетворяло—ли франкское завоеваніе и этому *столько постоянному* ихъ стремленію?» — К чему всѣ эти иностранныя слова: право *имунитета*, обширная *патримонія*, *антеценденціи*, послѣднія

поставленные однакоже въ скобку, какъ въ клетку, вѣроятно потому, что онѣ уже черезъ-чуръ дики. Къ чему все эти изысканные эпитеты, въ родѣ *урожденной* гордости, которую такъ легко замѣнить *природною*, всемъ извѣстною и давно существующею на русскомъ языкѣ? — И все эти выраженія мы взяли только изъ первой половины статьи. Намъ стало тяжело продолжать дальнѣйшія выписки подобныхъ словъ и выраженій, такъ неприятно испещряющихъ прекрасный трудъ г. Кудрявцева.

Въ отдѣлѣ Критики замѣчательна статья г. Леонтьева объ «Исслѣдованіи древностей южной Россіи». Въ Библиографической Хроникѣ — разборъ «Очерка исторіи живописи итальянской», написанный, къ сожалѣнію, также тяжелымъ языкомъ. Для примѣра приводимъ только одну фразу: «*Либо краткость отльренного времени, либо какія другія соображенія побудили г. Шевырева взять предметъ съ такой стороны, съ которой немногіе могли ожидать (чего?)*». Хорошъ также разборъ книги г. Никитина «О ядахъ и противоядіяхъ». Въ нѣсколькихъ строкахъ ясно и убѣдительно доказано, что авторъ не знаетъ химіи.

Отдѣлъ Журналистики начинается разсужденіемъ о фельетонахъ, которое мы уже приводили; за этимъ слѣдуетъ нѣсколько справедливыхъ строкъ о пустомъ, невыдержанномъ и растянутомъ романѣ г. Писемскаго, «Богатый женихъ» и страница, выписанная изъ повѣсти г. Авдѣева — «Нынѣшняя любовь».

Отдѣлъ Иностранной Литературы особенно богатъ и разнообразенъ въ этой книгѣ. Хорошъ также разсказъ «Калиостро у герцога Ришелье», къ сожалѣнію неоконченный, но всего любопытнѣе и интереснѣе «Описаніе Театральнаго Увеселенія, чрезъ французскихъ комедіантовъ Ея Императорскаго Величества представленнаго». Въ этой рукописи, къ несчастію неоконченной, заключается описаніе спектакля, игранаго во дворцѣ, въ присутствіи Императрицы Елисаветы Петровны, по случаю обрученія Великаго Князя Петра Ѳеодоровича и Великой Княжны Екатерины Алексѣевны. Вотъ изъ чего состоялъ этотъ спектакль:

«Въ началѣ всего музыка сладкій гимнъ играла; поднялась завѣса: заиграли «Принцессу Элидскую», комедію героическую и любовную. Представлена была сія комедія, какъ и въ Парижѣ, безъ интермедіи. Послѣ сей комедіи воспослѣдовалъ балетъ (во французской землѣ балетомъ такое театральное увеселеніе называютъ, въ коемъ комедіанты чувствованія свои разными пріятными тѣлодвиженіями изображаютъ). А назывался балетъ «Балетомъ Цвѣтковъ», поелику въ немъ актриссы цвѣтками были».

Вотъ содержаніе «Балета цвѣтковъ»:

«Роза представляла своимъ другинямъ сладость, каковую она имѣетъ въ томъ, что живетъ подъ законами вѣтра Зефира, также и нетерпѣливость, чтобы скорѣе увидѣть сего любезнаго своего любовника. Но увеселеніе ея было приведено въ смятеніе чрезъ прибытіе вѣтра Борей, крайняго непріятели. Увидѣвши Борей, всѣ цвѣтки схоронились. Роза также старалась отъ него убѣжать, но онъ за нею гнался такъ жестоко, что она на послѣдокъ увянувши упала. Борей радовался своей мести и, изъявивши свое чувство прелестнымъ танцемъ, ушелъ. Зефиръ, смотря на оплакуемое состояніе своей любезной Розы, сжалился надъ нею, началъ ее къ ожитію возбуждать, и она отъ того мало по малу ожила. Прочіе цвѣтки собрались къ Розѣ и легкимъ своимъ танцемъ объявили радость, какову они имѣютъ, что удалился Борей и что Зефиръ началъ царствовать».

Любопытно, что въ балетѣ, вмѣстѣ съ французскими танцорами, играли роли: Розы — Аксинья, а Анемона — Аграфена, дочь придворнаго источника. Эти-же русскія дѣвушки танцовали потомъ русскую пляску, за что и были награждены Ихъ Высочествами. За балетомъ шла «Зенеида», французская комедія въ одномъ дѣйствіи, въ стихахъ, содержаніе которой состоитъ въ томъ, что одной дѣвушкѣ покровительствуетъ благодѣтельная фея и въ то-же время старается вредить злая. Первая, конечно, торжествуетъ. Послѣ комедіи игранъ былъ аллегорическій дивертисманъ, также написанный французскими стихами и сочиненный нарочно на этотъ случай. Дивертисманъ назывался «Соединеніе Любви и Брака». Статья оканчивается замѣчаніями объ игрѣ и дарованіи русскихъ актеровъ.

Ученныя новости іюльской книги также интересны. Разныхъ Разностей нѣтъ.

Намъ слѣдовало-бы теперь поговорить объ отзывахъ, которыми, во время нашего отсутствія, почтили нашъ «Вѣстникъ» почти всѣ русскіе журналы и газеты, но мы оставляемъ эту пріятную обязанность до будущей книги, въ которой будемъ отвѣчать Современнику, Библіотекѣ для Чтенія и Сыну Отечества. Теперь, оканчивая нашу статью, поблагодаримъ Санктпетербургскія Вѣдомости и Сѣверную Пчелу, за добрыя слова, сказанныя недавно этими газетами о нашемъ Вѣстникѣ. Намъ было тѣмъ пріятнѣе встрѣтить добрые отзывы о Вѣстникѣ, что они не заключаютъ въ себѣ безусловной похвалы. Мы не объявляемъ претензіи на непогрѣшимость и примемъ съ благодарностью всякое дѣльное замѣчаніе, а объ отзывахъ, названныхъ нами журналовъ скажемъ въ слѣдующемъ мѣсяцѣ.

ОБЩЕСТВЕННАЯ ЖИЗНЬ.

Изъ всѣхъ занятій литературою, я не знаю ни одного скучнѣе обязанности фельетониста, который долженъ рассказывать новости, когда нѣтъ ничего новаго; набирать ихъ по страницѣ, по строчкѣ, точь-въ-точь, какъ кровельщикъ складываетъ крышу по черепицѣ. Вотъ уже два мѣсяца, какъ я обѣщаль разсказать вамъ о петербургскихъ удовольствіяхъ, то-есть, о вещахъ, которыя извѣстны вамъ столько-же, какъ и мнѣ, съ тою разницей, что вы предавались имъ для себя, а я долженъ былъ глотать пыль, нюхать дымъ паровозовъ и пароходовъ, чтобы потомъ печатникъ завинтилъ мои впечатлѣнія въ желѣзную рамку и подвергнулъ исполнинскому давленію. Прогулка по обязанности! Лучшій Шато д'Икемъ по предписанію доктора!... Хорошо еще, что фельетонистъ въ правѣ располагать своими шагами, что ему не запрещено проходить, зажмуря глаза, мимо того, что не нравится. Не помню, кто-то предлагалъ основать городъ *Піанополисъ*, и собрать въ немъ всѣхъ пѣнниковъ. Но это только одна сторона музыки, и пока осуществится этотъ фортепьянный городъ, Петербургъ можно справедливо назвать «музыкаполисомъ». Въѣзжайте сюда вечеромъ въ какую-угодно заставу, изъ Выборга или изъ Москвы, и вашъ пріѣздъ будетъ встрѣченъ музыкой — не говорю безъ диссонансовъ, — но все-таки музыкой, будетъ-ли это полька Дютча, Кремера или увертюра Мейербера, оркестръ странствующихъ артистовъ или стройные звуки Гунгля. И у каждаго оркестра свои слушатели, каждый дѣйствуетъ на нихъ по-своему: здѣсь — звучать тарелки и литавры, оглушительныя, какъ взрывы утеса; тамъ — чувства погружаются въ нѣгу, душа летитъ въ сферу свѣта, восторга и наслажденій.

Есть два рода вещей, называемыхъ удовольствіями — удовольствія пріятныя и удовольствія скучныя. Я предпочитаю первыя, и упорно воздерживаюсь отъ вторыхъ. Съ перваго взгляду, это покажется страннымъ; но переберите у себя въ памяти загородныя гулянья, и взгляните, не посвятили-ли вы какого-нибудь вечера на удовольствіе, которое дохнуло на васъ скукой. Эта блѣдная фея, съ опущенными глазами, робкою походкой, съ зѣвотой на губахъ, не разъ встрѣчалась мнѣ въ сумракѣ аллей, прислушиваясь къ шелесту листьевъ, плеску фонтановъ, не выходя изъ полусна и апатіи, не смотря на всѣ усилія оркестра, который гремѣлъ надъ

нею, какъ колесница Зевса-тучегопителя. Однакожъ, есть уголокъ, есть счастливый садъ, куда рѣже является этотъ призракъ... Можетъ быть, Искусственныя Минеральныя Воды дѣйствительно лечатъ отъ хандры; но только за этой любимой оградой, которая собрала все развлеченія, заперла въ себѣ всю фантазію, всю музыку, все, что ослѣпляетъ глаза и чаруетъ слухъ, скука сбрасываетъ темную вуаль, улыбается, даже притопываетъ ножкой, когда играютъ Immortellen-Walzer, и, порой, хохочетъ за бутылкой Редерера...

Искусственныя Минеральныя Воды — любимое гульбище публики, которая ищетъ разнообразія, а въ искусствѣ разнообразить удовольствія — г. Излеръ человекъ чрезвычайно изобрѣтательный и неутомимый. Днемъ, его садъ — театральная декорация; въ аллеяхъ собрались все преданія древней мифологіи: фавны, граціи, дріады; на прудѣ Нептунъ — прелестная декорация г. Вальца — льетъ воду изъ неизсякаемой урны; фонтанъ бьетъ серебряными снопами изъ чаши, около которой обвилась водяныя растенія; эстрады убраны гирляндами и цвѣтами, которыхъ ароматъ сливается, по вечерамъ, съ гармоніей двухъ прекрасныхъ оркестровъ — Гунгля и Юрка. Въ сумерки, на темномъ грунтѣ неба, вспыхиваютъ роскошными кистями пестрые фонари — загораются вдоль карнизовъ, какъ нитки восточныхъ бусъ, подъ руками волшебницъ; легкія, прозрачныя вазы сверкаютъ радугами красокъ... Трудно представить освѣщеніе богаче, живописнѣе, разнообразнѣе!... Въ заключеніе вечера, темныя аллеи сада озаряются бенгальскимъ огнемъ; надъ безмолвными деревьями разсыпаются павлинымъ хвостомъ искры фейерверка, и на мрачномъ зеркалѣ пруда оглушительно кипятъ огненные фонтаны... Словомъ, глазъ не можетъ пожаловаться на однообразіе, и, что также дѣлаетъ честь г. Излеру, во всехъ выдумкахъ его много вкуса, много фантазіи... О музыкѣ нечего и говорить: тутъ играетъ любимецъ публики — Иванъ Гунгль; прекрасный оркестръ духовой музыки уже нашелъ себѣ пламенныхъ почитателей... Но этого казалось мало: если для охотниковъ до дикаго пѣнья есть цыгане, надо было пѣвцовъ и для ушей, требующихъ болѣе-утонченной мелодіи, и въ саду Минеральныхъ Водъ явились *тирольскіе пѣвцы*, которые восхищаютъ оригинальностью своихъ пѣсенъ и напѣвовъ, то дышащихъ пѣжностью, то бойкихъ и смѣлыхъ, какъ природа страны, въ которой выдѣлились эти пѣсни изъ души, родились посреди привольныхъ пастбищъ, на склонѣ горъ, обрывистыхъ и мрачныхъ, обутыхъ въ виноградныя лозы, увѣнчанныхъ громовыми облаками... Я не стану говорить о театрѣ маріонетокъ, около котораго собирается въ саду г. Излера очень

не тѣсный кружокъ зрителей, и мнѣ жаль, что у насъ такъ мало охотниковъ до этихъ веселенькихъ фарсовъ :

Les marionettes, croyez-moi,
Sont les jeux de tout âge.

Не знаю, шьетъ-ли Петербургъ искусственныя минеральныя воды, но вѣрно то, что Искусственныя Минеральныя Воды поглотили и каждый вечеръ поглощаютъ весь Петербургъ, который жаждетъ веселья и ловить день на-лету,

«невозвратимый день, въ даръ посланный судьбою»,
какъ сказалъ Горацій.

Каждый успѣхъ рождаетъ контрафакцію. Г. Излеръ показалъ, чего хочетъ наша публика, показалъ, какъ надо привлекать ее и чѣмъ удерживать ея расположеніе. Колумбъ поставилъ яйцо; кто-то захотѣлъ поставить яичную скорлупу — она рассыпалась въ дребезги. Около Искусственныхъ Минеральныхъ Водъ сгруппировалось нѣсколько другихъ гульбищъ, но — увы! — темныя тѣла не просвѣтлѣли отъ свѣтлой планеты, и запахъ розы не привился къ тунейной травкѣ!... Бѣдныя антрепренеры удовольствій поднимались обѣщаніями выше облака ходячаго, чтобы глубже было ихъ паденіе....

Современный человѣкъ придумалъ средство обогащаться, которое, во многихъ отношеніяхъ, ведетъ къ цѣли даже скорѣе, нежели паръ, самый могучій двигатель. Средство это не было извѣстно ни грекамъ, ни римлянамъ, о немъ не знали даже китайцы, которые, однакожь, открыли и изобрѣли рѣшительно все, не исключая и того, что еще остается открытъ и изобрѣсть.

Это средство къ обогащенію — объявленіе, аффиша, программа. Въ литературномъ смыслѣ, объявленіе есть наборъ строчекъ, въ которыхъ каждый хвалитъ свой товаръ: мелочной лавочникъ — свои огурцы, журналистъ — свою газету, фокусникъ — свои сальто-мортале, прогулки по пенатянутому канату; на типографскомъ языкѣ, объявленіе есть четырехугольникъ печатной бумаги, котораго размѣръ измѣняется отъ обыкновеннаго листа до скатерти. Въ Парижѣ бывали объявленія двухъ-этажныя, съ орточками, окнами и воротами. Объявленіе эластично, какъ резинка, и каждый хвалитъ въ немъ самого себя. Дѣло рѣшеное: всякій считаетъ себя лучше другихъ.... У меня до-сихъ-поръ сохранилось первое объявленіе одного гульбища, написанное въ восточномъ вкусѣ.

Альгамбра! Да въ одномъ этомъ словѣ — цѣлая поэма! Альгамбра!... И воображеніе рисуетъ себѣ образцовое созданіе архитектуры, ослѣпительную смѣсь роскоши искусства и красотъ природы; ему чудится плескъ

водомеровъ въ тѣни померанцовыхъ и лимонныхъ деревъ, миртовъ и жасминовъ; передъ глазами бѣгутъ вдоль стѣнъ золотыя арабески, гирлянды, мудрыя изрѣченія и страстные стихи; отъ одной мысли о дворцѣ халифовъ, вы чувствуете аромать амбры, голова въ чаду, нервы раздражены, рѣсницы сжимаются отъ блеску, который льется потокомъ сквозь хрустальный куполъ; вы грезите на-яву, вы видите гроты, устланные жемчужными раковинами, портики изъ тонкихъ базальтовыхъ колоннъ.... Но вотъ дыханье сѣвернаго вѣтра разгоняетъ сладкій сонъ, и вамъ жаль, что волшебный городъ «Тысяча и Одной Ночи», распался какъ карточный домикъ....

Альгамбра! Городъ фей въ Петербургѣ! Пальма на сугробахъ снѣгу!... Какъ не привлечь толпы любопытныхъ, какъ не заставить ихъ сбѣжаться смотрѣть на это чудо!... Но.... петербургская *Альгамбра*—сонъ, не оставившій даже воспоминанія.... Учредители этого гулянья наслѣдовали отъ г. Излера только то, отъ чего самъ онъ отказался, какъ отъ устарѣлаго, вышедшаго изъ моды.... Оркестръ *Альгамбры*.... Впрочемъ, я не могу сказать, чей именно играетъ здѣсь оркестръ; я избѣгаю скуки, и потому былъ въ *Альгамбрѣ* только два раза. Было повтореніе чьего-то бенефиса; я напрягалъ всѣ усилія, чтобы отыскать здѣсь гуляющихъ—и напрасно.... Вдали, между деревьями, раздавались какіе-то звуки заунывной музыки; эстрада была пуста; зала едва освѣщена блѣдными лампами.... И этотъ оркестръ, и заунывная музыка, и голыя стѣны залы, съ фресками сырости, и пѣнье Мальчугиныхъ,—и могильный плющъ, ползущій по стѣнамъ, нагнали на меня такое уныніе, какъ-будто я провелъ цѣлый день на восточномъ кладбищѣ.... Прощай, Альгамбра!... Я отдалъ дань человѣческой слабости — повѣрилъ твоему объявленію, странствовала сквозь пустыню песковъ, чтобы увидѣть Востокъ, во всемъ блескѣ его пестрой красоты, въ вѣнцѣ поэзіи, и ты жестоко подшутила надъ моими ожиданіями....

Впрочемъ, я не упрекаю тебя...
 Raum für Alle hat die Erde, для всѣхъ есть мѣсто на землѣ. Есть прогулка для веселья, разсѣянія, отчего-же не быть уголку и для мечтательности? Виновата во всемъ моя фантазія, которая при словѣ «Альгамбра!» востепенулась, распустила крылья, и полетѣла за тридевять-земель, въ страну чудесъ, великолѣпія и волшебства.

И зачѣмъ было летать ей такъ далеко, чтобы искать прекрасное? Вокругъ меня — лѣто. Воздухъ напоенъ запахомъ цвѣтовъ. Сегодня утромъ на каждой былинкѣ травы дрожали прозрачныя жемчужины росы, однѣ—бѣлыя, другія—красныя, какъ рубины, зеленыя, какъ изумруды, и въ каждое мгновенье изумрудъ дѣлался рубиномъ, рубинъ то-

пазомъ или сапфиромъ. Этотъ богатый нарядъ падаетъ всякое утро съ неба, которое даритъ его землѣ на полчаса, и который солнце уноситъ къ небу на своихъ лучахъ.

И даже поэзія улыбается мнѣ сегодня; прелестный призракъ, улетѣвшій изъ холодной атмосферы, испуганный дымомъ и клубами паровъ, которые, во славу промышленности, заволокли лазурь неба, отняли у цвѣтовъ солнце, у мысли безпечную радость, снова спорхнулъ на рѣзвыхъ, легкихъ, радужныхъ крыльяхъ... И такъ поэзія еще не умерла; еще вѣрують въ ея гармонию, еще прислушиваются къ ея пѣснямъ. А люди положительные уже давно утверждаютъ, что слово «поэтъ» сдѣлалось мѣомъ.

Неужели всѣ тѣ лжецы, которые говорятъ, въ прозѣ и стихахъ, что васильки для нихъ лучше аметистовъ, капли росы дороже алмазовъ, что локонъ каштановыхъ волосъ любимой дѣвушки для нихъ прекраснѣе діадимы? Неужели лжецы тѣ, которые говорятъ въ прекрасныхъ стихахъ, что они предпочитаютъ небо, усеянное звѣздами, золоченымъ карнизамъ, признаютъ истинное величіе только въ чудесахъ природы; что никакая роскошь не сравнится для нихъ съ заходящимъ солнцемъ, когда оно тонетъ въ великолѣпныхъ облакахъ, пурпурныхъ и лиловыхъ?

Развѣ нѣтъ людей, которые находятъ въ своемъ сердцѣ и талантѣ истинныя сокровища? Неужели всѣ ихъ прекрасныя мысли — одни только слова и фразы, которыя они продаютъ, какъ можно дороже, чтобы на вырученныя деньги покупать то, что, кажется, они такъ презираютъ?

Мы страдаемъ положительностью. Стукъ и визгъ зубчатыхъ колесъ и станковъ заглушили мелодію; мудрено-ли, что поэзія бросила каменный горизонтъ для приволья полей; блуждаетъ въ густой зелени степныхъ травъ, и что она ищетъ впечатлѣній въ преданіяхъ и вымыслахъ, когда дѣйствительность не даетъ ни капли для ея жажды, ни цвѣтка для ея наряда?..

Поэзія рассказываетъ *Степныя Сказки*, и нѣкоторыя между ними такъ хороши, что, даже лѣтомъ, когда и дѣтей не убаюкиваютъ сказками, я не боюсь наскучить вамъ, если выпишу цѣликомъ сказку про *Живую Свирель*.

Въ степи нѣмой, пустынно-необъятной,
Въ глуши полей, осыпанныхъ ковылью,
Широкимъ лопухомъ, янтарной кашкой
И голубымъ петровымъ-батагомъ,
Подъ воздухомъ налитымъ ароматомъ —
Клубники, ландышей и дикихъ яблонь,

Лиловыхъ колокольчиковъ и мака,
 И розъ, и тысячи цѣлебныхъ травъ —
 Жилъ пасѣчникъ, казакъ сѣдой и дряхлый,
 Съ своей женой да съ малыми дѣтьми ...
 Онъ день и ночь лѣнился на привольи —
 Курилъ табакъ — все думалъ, да молчалъ —
 Лежалъ въ тѣни своей землянки,
 А на зарѣ стрѣлялъ гусей да утокъ,
 Когда порой, пугливой вереницей,
 Загнувъ назадъ пурпуровыя ноги
 И шею вытянувъ, и чуть звеня
 Своимъ крыломъ, они надъ нимъ летѣли ...
 Не спорилъ онъ съ хозяйкою сварливой,
 Не выходилъ изъ пасѣки своей —
 И цѣлые часы въ ней проводилъ,
 Въ полудремотѣ — глядя безмятежно
 Въ прозрачный, знойный и душистый воздухъ,
 А въ воздухѣ недвижно и не слышно,
 Какъ сонные, какъ пьяные отъ жара —
 Предъ нимъ висѣли пестрые жуки,
 И комары и огненные мухи,
 И съ трепетными крылышками пчелы.
 Однажды поутру сердитая хозяйка
 Изъ хаты кликнула своихъ дѣтей —
 Двухъ дочерей, да маленькаго сына —
 И такъ сказала имъ: «Ступайте, дочки,
 «Тамъ, за курганомъ, надъ оврагомъ — роща,
 «А въ рощѣ яблоки теперь поспѣли;
 «Нарвите ихъ лукошко до обѣда,
 «Да, кстати, ножъ возьмите, лыкъ нарѣжьте —
 «И будетъ вамъ по лентѣ на сестру.»
 Меньшая дочь обрадовалась, брата
 Взяла къ себѣ на ручки и къ оврагу
 Пошла, играя весело и звонко
 Въ степи задумчиво-безмолвной распѣвая...
 Но старшая, которую считали
 Въ степи колдуньей, знахаркой могучей
 И повелительницей змѣй пустынныхъ,
 Которую особенно любила,
 Лѣлеяла и баловала мать, —

Надулася сердито и лѣнливо
Пошла къ кургану, не дошла до рощи,
Легла подъ камышомъ, на берегу
Ручья изсохшей балки и заснула...
И снится ей, что у сестры — въ косѣ
Красуются двѣ огненные ленты,
А у нея виситъ на шеѣ лыко!..
Вотъ дочь меньшая рветъ-себѣ, да рветъ
Кислицы спѣлыя, цвѣты, да груши,
Кладетъ въ лукошко маленькому брату
И ходитъ отъ куста къ куста, все пѣсни
Свои игриво распѣвая... Возлѣ
Нея и тѣнь ея живая ходитъ
И также будто рветъ кислицы... Тихо
Она вошла въ лѣсную глушь... Незримо
Ее пустыня рощи охватила...
И начала она пугаться! Молча,
Кругомъ ея столпилися ракиты;
Дрожали серебромъ нѣмыя ивы,
Качала груша сонной головой,
И черный дубъ — увитый желтымъ хмѣлемъ,
Въ развалинахъ вороньихъ гнѣздъ, громадный,
До половины высохшій, сѣдыми
И острыми вѣтвями изъ трущобы
Махалъ... Вдали, надъ яворомъ густымъ,
Аукнулася кукушка... Межъ травой
Пугливая скользила мѣдяница,
И въ воздухъ плавно поднялся орелъ —
Надъ синей зеленю снуя кругами
И тихо исчезая въ знойномъ небѣ.
Вдругъ видитъ дѣвушка передъ собой
Сухое деревцо; но на вѣтвяхъ
Его висятъ такія наливныя
И золотыя яблоки, какихъ
Она еще во вѣки не видала!..
Забывши страхъ, она скорѣй съ лукошкомъ
Назадъ послала маленькаго брата,
Сама-жъ сломила палку, сшибла ею
Три яблока съ сухаго деревца,

И, радуясь невиданной находкѣ,
 Едва-лыша отъ счастья, по другой
 Дорогѣ, по кустамъ, черезъ оврагъ,
 По берегу изсохшаго ручья. —
 Она къ отцу пустилась безъ оглядки.
 На перепутьи къ дому, у кургана,
 Увидѣла ее сестра другая,
 Взглянула молча на ея находку —
 И вся отъ зависти затрепетала...
 «Постой, да и постой!» ей говоритъ
 Она, лаская бѣдную малютку:
 «Домой еще успѣешь ты вернуться,
 «Лягъ — я тебѣ головку расчешу!...»
 Малютка согласилась, на колѣна
 Сестрѣ склонила голову свою
 И, утомленная, заснула тутъ-же...
 Ехидно улыбнулась злодѣйка!...
 Въ лицо сестры взглянула, долго-долго
 Въ ея дыханье вслушивалась молча...
 И вдругъ, схвативъ бѣдняжку, обвила
 Ей шейку бѣлую змѣиной кожей,
 Змѣиной ядовитою рубашкой...
 Малютка, какъ спала, такъ и осталась,
 Мгновенно духъ ея покинулъ землю...
 Сестра-жъ ея опомнилась, въ камышъ
 Нѣмое тѣло спрятала, и тихо
 Вернулась домой съ чужой находкой...
 «А гдѣ-жъ твоя сестра, ты съ ней ходила,
 «Скажи, куда дѣвалась дочка наша?»
 Но на вопросъ отца одинъ отвѣтъ,
 Одни слова звучали безпощадно:
 «Почемъ мнѣ знать, я нянькой не была ей,
 «И каждый шагъ ея я не слѣдила!
 «Подите и ищите вашу дочку...»
 Искали всѣ ея — но не сыскали.
 И сталъ грустить казакъ и тщетно дочь
 Любимую изъ лѣса поджидать.
 Жена-жъ молчала, съ жалостью косилась
 На дочку старшую, а дочь худѣла
 И все мрачнѣй, да злѣе становилась.

Прошли года — забыли о малюткѣ,
 Забыли о ея веселыхъ пѣсняхъ...
 И съ-горя сталъ казакъ опять дѣшиться,
 Курить табакъ, стрѣлять по дикимъ уткамъ,
 И цѣлые часы лежать межъ ульевъ,
 Въ полудремотѣ, глядя безмятежно
 Въ прозрачный, знойный и душистый воздухъ,
 А въ воздухѣ, недвижно и неслышно,
 Какъ сонные, какъ пьяные отъ жара,
 Предъ нимъ висѣли пестрые жучки,
 И комары, и огненные мухи,
 И съ трепетными крылышками пчелы...
 Молчала вся таинственная стень.

Вотъ выросъ сынъ сѣдаго казака,
 А тѣло дочери меньшей покрылось
 Землей, пескомъ и пылью бурныхъ вихрей,
 Которые кочуютъ по полямъ, —
 Какъ казаки, спокойно и сѣсиво,
 То припадая надъ травой, какъ-будто
 Завидѣвъ недруга, то по курганамъ
 На стражѣ стоя черными столбами.
 Надъ свѣжею, зеленою могилкой
 Схороненной малютки, выросъ стволъ
 Степного камыша, завялъ подъ осень,
 Зимой изсохъ и пожелтѣлъ, и къ дѣту
 Уже звенѣлъ при шумѣ вѣтерка,
 Звенѣлъ и музыкой печальной — весь
 По жилкѣ каждой — тихо наполнялся...
 Услышалъ эти пѣсни рѣзвый сынъ
 Сѣдаго пасѣчника, срѣзалъ стволъ,
 Очистилъ отъ травы и хрупкихъ листьевъ,
 Надѣлалъ въ немъ отверстій и принесъ
 Домой, а той порою чумаки
 Изъ Крыма съ солью проѣзжали мимо
 И на ночлегъ у хаты казака
 Остановилися гурьбой веселой...
 Усталый таборъ шумно обложилъ
 Степную хату. — Пыльные возы

Кругомъ ея оградою столпились.
 Тяжелые волю, склонивъ рога
 И поводя ушами, тихо жвачку
 Жевали, погружаяся въ дремоту.
 А чумаки столпились у костра,
 Разсѣлись на полянѣ и пока
 Дымился и кипѣлъ ихъ сочный ужинъ,
 Пошли рассказывать другъ другу сказки
 Беседа ихъ за ужиномъ тянулась,
 Тянулася и послѣ. Чумаки,
 Забывшись, всѣ сидѣли, да болтали
 И нехотя свои курили трубки...
 Вдругъ раздался межъ ними странный шумъ,
 И чутко все приподнялось на мѣстѣ:
 Тревожно стали вслушиваться всѣ
 Въ какіе-то таинственные звуки...
 Старикъ-казакъ поникнулъ головой,
 Жена его и дочка поблѣднѣли.
 У сына слезы брызнули изъ глазъ
 И по щекамъ его, какъ дождь по листьямъ,
 Закапали и быстро покатались.
 И смолкло все!.. И только въ темнотѣ
 Одно и слышалось. — Чумакъ съ свирѣлью,
 Обмѣнянной у сына казака,
 Сидѣлъ на опрокинутомъ корытѣ,
 Держалъ у губъ своихъ свирѣль — и та,
 Какъ оживленная, печально, тихо
 И голосомъ младенца напѣвала:
 «Не играй такъ больно, не играй!
 «Не щемь мнѣ сердца, не терзай!..
 «Я жила — сестра меня сгубила,
 «Въ тростникѣ колючемъ схоронила...
 «Я за яблочко пугублена сестрой,
 «И никто не плакалъ надо мной.»
 Переглянулись всѣ — отъ изумленья
 Не смѣя слова молвить!.. Вотъ казакъ
 Береть свирѣль, и та ему поетъ,
 Поетъ напѣвомъ, полнымъ слезъ горячихъ:
 «Не играй, отецъ мой, не играй —
 «Не щемь мнѣ сердца, не терзай!

«Я жила, сестра меня сгубила,
 «Въ тростникѣ колючемъ схоронила!...
 «Я за яблочко погублена сестрой —
 «И никто не плакалъ надо мной!»
 Наконецъ народъ зоветъ злодѣйку!...
 Все молчатъ... Она дрожить, блѣднѣетъ...
 И свирѣль звучитъ въ ея рукахъ:
 «Не играй, сестрица, не играй —
 «Не щемь мнѣ сердца, не терзай!
 «Я жила, меня ты погубила,
 «Въ тростникѣ колючемъ схоронила...
 «Я за яблочко погублена тобой,
 «И никто не плакалъ надо мной!...

Вотъ заблестала ранняя заря...
 Волшебницу выводятъ на поляну,
 А съ ней выводятъ на уздѣ желѣзной
 И дикаго привольнаго коня...
 Онъ чумаками три—дни только пойманъ!
 Его стопы свободны отъ подковъ...
 Онъ дышетъ тяжело и весь трепещетъ;
 Жестка его всклокоченная грива
 И горделива поступь легкихъ ногъ!
 Глаза его повязкою закрыты...
 Вотъ близь коня поставили злодѣйку,
 Веревкой, за спиною бѣлой, руки
 Стянули ей и ко хвосту коня
 Ремнями прикрутили... Самъ отецъ
 Повязку на глаза ея накиннулъ,
 А взоръ коня освободилъ, всей силой —
 Стегнулъ его тяжелою нагайкой —
 И такъ потомъ оставилъ на просторѣ.
 Конь оглянулся дико и — ни съ мѣста!
 Вотъ вздрогнулъ онъ, и тяжело и шумно
 Холодный воздухъ грудью потянулъ!...
 Щетиной поднялась густая грива!
 Закинулъ онъ назадъ косыя уши
 И вдругъ взвился, мотая головой!...
 И вдругъ скачокъ... еще скачокъ... и быстро

Рванулся онъ изъ круга чумаковъ!
 Помчался онъ, бичуемый испугомъ,
 Разсвирѣпѣвъ, и фыркая, и злобно
 Ногами воздухъ сонный разѣкая...
 Помчался онъ въ родимыя пустыни,
 И скрылся въ синевѣ равнинъ туманныхъ,
 За рощей у высокаго кургана,
 Въ глуши полей, бѣлѣющихъ ковылью...
 И гдѣ лихая дочка головою
 Ударилась, тамъ выросъ дикій тернъ;
 Гдѣ русою ударилась косою,
 Тамъ выросла крапива да бурьянъ;
 А гдѣ рукой ударилась преступной,
 Тамъ выросли все черныя могилы!
 Ушелъ народъ, а съ нимъ ушелъ и старый
 Казакъ, неся съ собой на плечахъ сына,
 И на холмѣ покинутой землянки
 Осталася одна старуха мать...
 Она къ глазамъ приставила сухую,
 Морщинистую руку, устремила
 Печальный взоръ въ таинственную даль,
 Во слѣдъ за дочкой, дочкою любимой,
 И такъ стояла дни, стояла ночи,
 Все поджидая дочки ненаглядной,
 И наконецъ отъ грусти обратилась
 Въ зеленую, раскидистую тополь
 Надъ вѣтхою, покинутой землянкой!

Читатели не посѣтуютъ на эту длинную выписку. Простой скелеть поэтического произведенія не даетъ понятія объ его красотахъ. *Степныя сказки* г. Данилевскаго сущая находка, при нынѣшнемъ бездѣйствіи служителей поэзіи, и автору можно охотно извинить нѣкоторые недостатки, особенно растянутость разсказа. Чѣмъ сжатѣе разсказъ, тѣмъ онъ читается легче, тѣмъ сильнѣе дѣйствуетъ на читателя; но эта растянутость въ *Степныхъ сказкахъ* выкупается яркостью и живостью красокъ, въ которыя г. Данилевскій опустилъ свою кисть. Колоритъ его свѣжій и блестящій, хотя послѣ Гоголева описанія малороссійской природы уже трудно сказать о ней что-нибудь новое. *Степныя сказки* подслушаны авторомъ отъ притая въ нѣсколько рядовъ маленькими руло, изъ той-же матеріи, и шелковой бахрамою подъ цвѣтъ.

донецкихъ хуторянъ, между Зміевоиъ и Изюмоиъ; но приведенная здѣсь сказка «Живая свирѣль» имѣетъ свои двойники во многихъ иностранныхъ сказкахъ. У Жуковскаго есть разсказъ «Тюльпанное дерево», гдѣ роль украинской свирѣли играетъ птичка, вылетѣвшая изъ капли крови убитаго ребенка. Даже пѣсня, которую поетъ птичка, очень сходна съ тономъ пѣсни степной сказки. У шведовъ есть разсказъ о любовникѣ, разлученномъ со своею милою: дѣвушка умираетъ съ тоски по другѣ, на ея могилѣ вырастаетъ дерево и изъ этого дерева дѣлаютъ лютню; лютня случайно попадаетъ въ руки юноши, который вернулся на родину, съ цѣлю отыскать свою подругу. Онъ беретъ лютню, подходитъ къ окну возлюбленной и начинаетъ пѣть страстную серенаду... Но неожиданно слова его прерываются, лютня звучитъ голосомъ человѣческимъ, голосомъ переселившейся въ нее его возлюбленной, и съ послѣдними звуками этого вдохновеннаго плача душа пѣвца покидаетъ тѣло: пѣвецъ, сжимая въ объятіяхъ чудный инструментъ, умираетъ съ улыбкою на устахъ! Въ арабскихъ сказкахъ пѣтъ ничего подобнаго «Живой свирѣли», но въ турецкой или скорѣе въ кавказской сказкѣ «Ашикъ—Керибъ», разсказанной Лермонтовымъ въ прозѣ и напечатанной послѣ его смерти въ альманахѣ гр. Соллогуба, семиструнный саазъ Ашикъ—Кериба играетъ подобную-же роль.

Что касается до завязки разсказа, основаннаго на характерахъ двухъ дочекъ казака, *злой* и *доброй*, то подобные мотивы встрѣчаются во многихъ степныхъ сказкахъ. Впрочемъ, тутъ дѣло не въ новизнѣ, а въ занимательности разсказа; притомъ—же, какъ извѣстно, новое есть только повтореніе того, что мы успѣли забыть, — и въ наше время даже образцовыя произведенія готовятся, какъ супъ въ трактирахъ: подливаютъ кипятку въ старый бульонъ.

МОДЫ.

Наше прохладное лѣто не позволяетъ лѣтней модѣ проявиться во всемъ ея блескѣ. Шелковыя и шерстяныя платья, мантильи, бурну и кофты становятся необходимыми. Барежи и кисеи мелькаютъ только изрѣдка и то на самый короткій срокъ. Намъ обѣщаютъ настоящее лѣто въ половинѣ августа, тогда, можетъ быть, и мода развѣетъ свои легкія ткани, а пока она кутается и очень немного приноситъ въ жертву разнообразію. Вотъ новѣйшіе костюмы нынѣшняго мѣсяца.

1. Шляпка изъ тафты, съ маленькой фаншоной, обшитой чернымъ кружевомъ. Пальто-визитка изъ чернаго гласе, обшито бархатной лентой, съ двумя кружевными воланами; грудь открытая. На поясѣ и по бокамъ широкіе банты изъ той-же матеріи. Платье шелковое, напередѣ, въ видѣ широкихъ фестоновъ, украшенное буффами изъ пестрыхъ лентъ. Гладкая шемизетка, съ широкими складками и крахмаленнымъ, отложнымъ воротничкомъ, изъ нансука.

2. Соломенная шляпка, съ самыми короткими полями, выложенными напередѣ узоромъ изъ узкой бархатной ленточки. На бокахъ и подъ полями банты изъ гроденаплевыхъ лентъ. Платье изъ шерстяной матеріи, терно, съ двумя воланами, обшитыми въ два ряда радужной гроденаплевой лентою. Также отдѣланы открытый корсажъ и не слишкомъ широкіе рукава. Мантилья гласе, съ воланами, отдѣланная атласной лентой, изъ подъ которой видна узенькая бахромка.

3. Сборчатая, бѣлая, тюлевая шляпка, отдѣланная блондою. Сверхъ нея накинута легкая тафтяная фаншона съ длинными и широкими завязками. Она вся кругомъ вырѣзана фестонами и вышита въ тамбуръ шелками. Платье изъ бѣлой кисеи съ маленькими мушками; оно обшито одинадцатью узкими воланами, которые оторочены узенькой лентою, подъ цвѣтъ мушкамъ. Кофточка бархатная, рисующая талию, спереди наглухо закрытая, сзади зашнурованная, съ небольшимъ отложнымъ воротничкомъ. Рукава и низъ кофты обшиты чернымъ кружевомъ. Браслетки изъ того-же бархата.

4. Шляпка бастовая, кругомъ отороченная узкой блондою. На левой сторонѣ перья, подъ полями украшеніе изъ узенькихъ лентъ. Платье шелковое, очень широкое, съ широкимъ вырѣзаннымъ фестонами, воланомъ. Корсажъ гладкій, montant, съ небольшою вырѣзкою на груди, сквозь которую выпущена кружевная оборка шемизетки. Рукава немножко ниже локтей, довольно широкіе. Кружевные широкіе подрукавники. Мантилья-Châtelaine, изъ матеріи платья, въ видѣ шали, обши-

Новѣйшія дѣтскія одежды также очень милы и сообразны со временемъ года. Вотъ двѣ, наиболѣе употребительныя:

1. *Нарядъ дѣвочки.* Маленькая, гладкая шляпка изъ бѣлаго гласе, съ узенькимъ вѣнкомъ изъ розъ или изъ васильковъ. Платъеце по колъна изъ шотландской полосатой матеріи; кофточка узенькая, изъ той-же матеріи, съ широкими отворотами и коротенькими рукавами, обшитыми сборчатой лентой подъ цвѣтъ. Шемизетка и подрукавники кисейные, гладкіе. Панталончики широкіе, доходящіе до половины икры, вышиты на англійскій манеръ, гладью.

2. *Нарядъ мальчика* — во вкусъ вѣка Людовика XIII. Шелковая, полосатая куртка, съ вырѣзками по бокамъ и назадъ, обшитыми бѣлой гроденаплевой лентою. Рукава немножко ниже локтей, съ широкими, разрѣзными отворотами. По бокамъ куртки и по швамъ рукавовъ бѣлыя металлическія, круглыя пуговицы. Спереди, сверхъ манишки, куртка скрѣпляется тремя застежками изъ той-же матеріи. Широкіе, короткіе панталоны, обшитые внизу кружевомъ или англійскимъ шитьемъ. Широкая рубашечка въ родѣ конзу.

Эти костюмы можно заказывать въ дѣтской гардеробной Э. Альванга, на Невскомъ Проспектѣ, у Аничкина моста, въ домѣ Лопатина.

РЕПЕРТУАРЪ
РУССКОЙ СЦЕНЫ.

№ 7.

I.

КОМЕДИЯ

ВЪ ОКНѢ И НА БАЛКОНѢ.

ВЪ ОДНОМЪ ДѢЙСТВІИ.

СОЧИНЕНІЕ

АРСЕНА ГУССЕ.

ПЕРЕВОДЪ

В. П. Зотова.

ДѢЙСТВУЮЩІЕ:

ГРАФИНЯ.

АЛЕКСАНДРЪ, молодой человекъ.

ЛИЗА, швед.

АРТИСТЪ.

Дѣйствіе происходитъ на балконѣ и въ двухъ окнахъ одного дома.

Театръ представляетъ два этажа одного дома; въ верхнемъ этажѣ два окна, въ нижнемъ балконъ, на который выходятъ двѣ двери; балконъ раздѣляется на двѣ половины трельяжемъ, оббитымъ плюшемъ; подлѣ горшки съ розами и другіе цвѣты; съ одной стороны балкона мягкое кресло, съ другой стулъ.

I.

Въ правомъ окнѣ показывается артистъ; онъ осматривается около себя, нагибается внизъ, снова исчезаетъ, возвращается съ каминными щипцами и, наклонясь надъ балкономъ, срываетъ щипцами розы.

АРТИСТЪ. Какъ-бы только не застали ... Графиня, впрочемъ, никогда не выходитъ на балконъ прежде своего сосѣда, а у того что-то съ утра возятся въ комнатахъ; вѣрно переѣзжать собирается ... Вотъ и букетъ готовъ моей милой Лизѣ и еще даромъ! Ахъ, еслибы и она любила меня за эту—же цѣну!

ЛИЗА (*отворяя лѣвое окно*). Какой славный день, какъ тепло! Кто скажетъ, что теперь конецъ августа?.. Впрочемъ, конецъ лѣта бываетъ всегда лучше начала... да и не только одного лѣта!...

АРТИСТЪ (*всторону*). Какъ она мила въ этой прическѣ à la барашекъ! Прекрасная сосѣдка! Угодно вамъ будетъ получить этотъ букетъ розъ?

ЛИЗА (*беретъ букетъ*). Дамы берутъ все, что имъ предлагаютъ.

АРТИСТЪ. И предлагаютъ все, чего у нихъ не берутъ.

ЛИЗА. Это еще что за глупость?

АРТИСТЪ. Такъ, маленькое философическое размышленіе, которое, впрочемъ, нейдетъ къ дѣлу. Скажите лучше, какой отвѣтъ дадите вы на мое вчерашнее письмо?

ЛИЗА. Я его не читала.

АРТИСТЪ. Эта отговорка не можетъ помѣшать вамъ отвѣчать на мое страстное посланіе. Неужели васъ не тронули мои стихи?

ЛИЗА. Я и не замѣтила, что тамъ были стихи.

АРТИСТА. Пощадите! Три четверти письма написано стихами—и еще какими: имъ позавидовали—бы все наши поэты!

ЛИЗА. Вы все занимаетесь пустяками. Ваша любовь не серьезна.

АРТИСТЪ. Не серьезна! Моя любовь? Но я люблю васъ, какъ ростовщикъ любить деньги, какъ журналистъ своихъ подписчиковъ, какъ устарѣлая красавица свои притиранья, какъ ...

ЛИЗА. Ну, а я люблю васъ, какъ вѣтеръ любить флюгеръ. Довольны—ли вы этимъ?

АРТИСТЪ. Это какое—то странное сравненіе.

ЛИЗА. Я вычитала его въ одной изъ тѣхъ книгъ, которыми вы такъ щедро меня надѣляете. Впрочемъ, вы сами знаете, что я получила образованіе далеко выше того положенія, въ какое меня поставила печальная судьба. Я воспитывалась въ пансіонѣ у мадамъ Трико. Несчастныя обстоятельства и коварство жестокихъ людей ...

АРТИСТЪ. Знаю, знаю! Вы ужъ не разъ рассказывали мнѣ эту плачевную исторію, или я тоже читалъ ее гдѣ—то, не помню право. Дѣло не въ томъ, однакоже; вы сомнѣваетесь въ моей любви! Не стыдно—ли вамъ? Развѣ вы забыли, что говоритъ Гамлетъ:

Сомнѣвайся въ солнечномъ теченіи,
Сомнѣвайся, что огонь въ звѣздахъ пылаетъ,
Въ томъ, что ... еще что—то, не помню ... на землѣ бываетъ,
Но въ любви моей отбрось сомнѣнье!

ЛИЗА. Я не сомнѣваюсь въ вашей любви, но знаю, что вы влюблены во всехъ женщинъ. Въ каждомъ изъ четырехъ этажей нашего дома у васъ есть какая—нибудь страсть.

АРТИСТЪ. Но это все совершенно разныя страсти, нисколько не похожія одна на другую. Въ нижнемъ этажѣ живетъ страсть печальная, меланхолическая, воспоминающая о прошедшемъ; въ бель—этажѣ страсть знатная, гордая, аристократическая, которая думаетъ только о кокетствѣ, необходимости повелѣвать своими поклонниками; въ третьемъ этажѣ страсть глубокая, истинная, задумчивая, которая ждетъ и ищетъ, какъ наша сосѣдка на правой сторонѣ балкона. Наконецъ въ четвертомъ этажѣ живетъ страсть веселая, беззаботная, которая пользуется

настоящимъ и не думаетъ о будущемъ, какъ птицы небесныя. Неужели я долженъ увѣрять васъ, что эта страсть глубже всего проникла въ мое сердце; что сильнѣе всего я люблю все-таки васъ, мою добрую, неприхотливую-невзыскательную красавицу? Вы до-сихъ-поръ еще не открыли мнѣ вашей двери, и я до-сихъ-поръ вижу васъ только въ окно, знаю васъ только до пояса ... Но вѣдь вы не портретъ, а напротивъ живая, даже очень живая женщина, и между-тѣмъ, такъ холодны ко всѣмъ выраженіямъ самой африканской страсти, и когда я читаю вамъ самые пламенные и длинные монологи, отъ которыхъ даже духъ захватываетъ, вы не слушаете ихъ и смотрите внизъ, совершенно въ другую сторону.

ЛИЗА. Я точно немножко разсѣянно слушала васъ, но оттого, что еще издали увидѣла одного несноснаго господина, который мучитъ меня своими посѣщеніями и предложеніями своего сердца.

АРТИСТЪ. Зачѣмъ вы не прогоните его, если онъ точно надѣдаетъ вамъ?

ЛИЗА. Развѣ я могу сдѣлать это? Я женщина.

АРТИСТЪ.. Конечно, вытолкать въ шею съ чувствомъ и достоинствомъ можетъ только одинъ мужчина. Прикажете, я окажу вамъ эту маленькую услугу?

ЛИЗА. Вы сдѣлаете мнѣ большое одолженіе ... Только пожалуйста безъ шума.

АРТИСТЪ. Зачѣмъ шумѣть. Два, три выразительные жеста (*размахиваетъ руками*) и дѣло кончено! Потрудитесь только впустить меня въ вашу комнату.

ЛИЗА. Вы, однакоже, обѣщаете мнѣ ...

АРТИСТЪ. Все, что вамъ угодно. Но теперь некогда давать клятвы. Отворите поскорѣе вашу дверь. Иначе, если я войду къ вамъ послѣ этого господина, то онъ будетъ въ правѣ выгнать меня.

ЛИЗА. Идите-же! (*Артистъ и Лиза скрываются, Лиза за-творяетъ окно*).

II.

АЛЕКСАНДРЪ (*выходя на правую сторону балкона и садясь на стулъ*).

И такъ, все готово! Черезъ четверть часа я уѣзжаю изъ этого дома, а черезъ часъ—и совсѣмъ изъ нашего скучнаго города. Надолго-ли? Вѣроятно, на нѣсколько лѣтъ. Что мнѣ дѣлать здѣсь? Я одинокъ, ни къ

кому и ни къ чему не привязанъ. О комъ и о чемъ жалѣть мнѣ?... О моей Каролинѣ?... Но я совершенно позабылъ объ ней, и даже о ея послѣднемъ поступкѣ ... Мы любимъ женщину за то, что она любитъ насъ, а не за то, что любитъ другихъ. Прощай-же, моя маленькая и хорошенькая квартира, мой балконъ, съ котораго такой прекрасный видъ, и половину котораго занимаетъ такая прекрасная сосѣдка!... Странно, однакоже, устроена она... не сосѣдка, а моя квартира. Что за мысль была отдать правую половину балкона однимъ жильцамъ, а лѣвую другимъ? Конечно, мы здѣсь почти за городомъ или, по-крайней-мѣрѣ, на самой границѣ города. Это настоящая дача, даже вилла ... И какъ хороша она!... не дача, а сосѣдка. Мнѣ кажется, еслибы она сказала мнѣ одно слово... Что за вздорныя мысли приходятъ мнѣ въ голову!... Какая нужда мнѣ до этой женщины! Я даже не знаю, какъ зовутъ ее. Люди мои говорили, что графиня какая-то, а я не полюбопытствовалъ узнать, что за графиня. И какую смѣшную жизнь ведетъ она: никого не принимаетъ, кромѣ нѣсколькихъ старухъ и двухъ стариковъ; ни съ кѣмъ не знакомится. Ъздитъ то въ коляскѣ, то верхомъ, и все одна, въ сопровожденіи своего грума. И въ три мѣсяца лѣтняго сосѣдства, живя со мною стѣна объ стѣну, на одномъ балконѣ, она говорила со мной только три раза, и то всѣ три раза, я самъ долженъ былъ начинать разговоръ, который всегда ограничивался съ ея стороны односложными отвѣтами. А между-тѣмъ на этомъ балконѣ мы очень удобно можемъ видѣться и разговаривать. Нѣтъ, это женщина пустая, холодная и необразованная. Я рѣшился не говорить съ нею ни слова, и вотъ уже нѣсколько недѣль твердо исполняю свое намѣреніе. Вотъ она; точно также усердно читаетъ книгу, какъ всегда. На моемъ мѣстѣ, другой подумалъ-бы, что она для меня приходитъ сюда всякое утро въ хорошую погоду. Но я не такъ самолюбивъ. Я знаю, что балконъ выходитъ въ садъ; что съ него видъ очень хорошій; что здѣсь свѣжій воздухъ и что у моей сосѣдки вовсе нѣтъ сердца.

ГРАФИНЯ (*выходитъ на лѣвую сторону балкона, съ книгою въ рукахъ, и садится въ кресло, не поднимая глазъ отъ книги.*)
Какая скука! Кто знаетъ начало романа—знаетъ и конецъ! Все одна и та-же исторія! Какъ это не надоѣстъ писать старыя варіаціи на избитую тему!

АЛЕКСАНДРЪ. А вѣдь, однакоже, въ нашихъ сношеніяхъ много заманчиваго, поэтическаго; въ графинѣ есть что-то таинственное, привлекательное. Хоть-бы она изъ учтивости вздумала взглянуть на меня ... Не кашлянуть-ли? Глупое средство. Она, какъ намедни, спроситъ меня пожалуй: не простудился-ли я, посоветуетъ напиться бузины—и

тѣмъ дѣло кончится... Что это?... Она, кажется, смотритъ на меня? Нѣтъ, на свои цвѣты!..

ГРАФИНЯ. Это странно, однакоже: неужто мой сосѣдъ такой охотникъ до розъ, что всякое утро обрываетъ у меня лучшіе цвѣты? На что ему они? Это даже не совсѣмъ деликатно. Спросить его?... Но онъ подумаетъ, что я ищу предлога къ разговору; Богъ съ нимъ и съ этими розами! (*читаетъ*).

АЛЕКСАНДРЪ. Опять начала читать. Это становится невыносимо. Хорошо, что я черезъ четверть часа уѣзжаю отсюда; эта женщина вывела-бы меня изъ терпѣнья... Неловко, однакоже, я думаю не поклониться ей... Къ тому-же я далъ себѣ обѣщаніе не говорить съ нею, а поклониться требуетъ учтивость. (*Съ шумомъ расшаркивается на балконѣ. Графиня опускаетъ книгу, слегка приподнимается съ кресла, кланяется и опять садится читать. Послѣ третьяго поклона, Александръ, поднявши голову, видитъ, что графиня опять закрыла лицо книгой*). Рѣшительно, я выйду изъ себя... Такое обидное обхожденіе! Надо показать этой женщинѣ, что я самъ не обращаю на нее никакого вниманія... Стану тоже читать... Но всѣ мои книги уложены въ чемоданъ... Все равно; начну читать мой заграничный паспортъ (*вынимаетъ бумагу и читаетъ*).

III.

АРТИСТЪ (*показывается въ правомъ окнѣ, перевѣшиваетъ въ него и стучитъ въ окно Лизы*). Сосѣдка, прекрасная сосѣдка, жестокая сосѣдка!

ЛИЗА (*отворяя окно*). Что вамъ угодно?

АРТИСТЪ. Не стыдно-ли вамъ поступать со мною такимъ образомъ! Зачѣмъ вы не впустили меня въ комнату?

ЛИЗА. Я сама нашла средство наказать моего докучнаго посѣтителя. Онъ ужъ не будетъ больше дѣлать мнѣ визитовъ.

АРТИСТЪ. Все это прекрасно. Но вы могли однакоже отворить мнѣ дверь. Вѣдь вы обѣщали!...

ЛИЗА. Развѣ я обѣщала?

АРТИСТЪ. Какъ-же, даже поклялись. Неужели вы боитесь за меня?

ЛИЗА. Нѣтъ, но я боюсь за себя.

АРТИСТЪ. О! эти слова доказываютъ, что вы любите меня. Лиза, милая Лиза! прошу васъ, умоляю! Позвольте мнѣ сдѣлать вамъ визитъ.

Мнѣ нужно сообщить вамъ очень важную тайну.

ЛИЗА. Говорите!

АРТИСТЪ. Какъ можно! Вонъ внизу сидятъ наши сосѣди; они могутъ услышать.

ЛИЗА. Они очень заняты чтеніемъ. Любопытно однакоже: неужели они будутъ сидѣть цѣлое утро другъ противъ друга, не говоря ни слова. Давайте биться объ закладъ, что молодой человѣкъ непременно заговоритъ со своей сосѣдкой.

АРТИСТЪ. Давайте, давайте! Только для этого мы должны ударить по рукамъ, а я не могу отсюда протянуть вамъ руку.

ЛИЗА. Обойдемся и безъ этого. Начнемте слушать и ждать.

АРТИСТЪ. Начнемте. Только, знаете-ли, что отсюда я ничего не услышу; въ вашей комнатѣ гораздо лучше резонансъ.

ЛИЗА. Вы, однакожъ, очень настойчивы.

АРТИСТЪ. Немудрено: я влюбленъ.

ЛИЗА. Ну, такъ и быть, я исполню ваше желаніе — только съ уговоромъ.

АРТИСТЪ. О! я согласенъ на все, въ чемъ-бы ни состоялъ этотъ уговоръ.

ЛИЗА. Я скажу вамъ объ немъ, когда отворю дверь. Черезъ окно неловко говорить объ этомъ.

АРТИСТЪ. Очень, очень неловко. Я бѣгу упасть къ вашимъ ногамъ.

ЛИЗА. Постойте... О чемъ-же мы будемъ держать закладъ?

АРТИСТЪ. Я тоже скажу вамъ объ этомъ у васъ въ комнатѣ. Черезъ окно неловко (*артистъ скрывается; Лиза запираетъ окно*).

IV.

АЛЕКСАНДРЪ (*вскакивая со стула*). Нѣтъ это ни на что не похоже. Это просто малодушіе. Я долженъ непременно заговорить съ нею. Сказать, по-крайней-мѣрѣ, что я переѣзжаю отсюда, навсегда оставляю столицу... Учтивость требуетъ проститься съ нею. (*Опять раскланивается и говоритъ громко*) Графиня!

ГРАФИНЯ (*медленно опускаетъ книгу, и не перемѣняя положенія, смотритъ на молодого человѣка*). Что вамъ угодно?

АЛЕКСАНДРЪ. Извините, что я прерываю ваше чтеніе, но я долженъ сказать вамъ и... долженъ узнать о вашемъ здоровьи...

ГРАФИНЯ. Благодарю, я здорова, хотя для васъ это должно

быть совершенно все равно, и для этого вопроса дѣйствительно не стоило отвлекать меня отъ интересной книги. Къ тому-же вы уже кла- нялись мнѣ нѣсколько минутъ тому назадъ.

АЛЕКСАНДРЪ. Конечно (*разспянно*), но давеча я здоровался съ вами, а теперь прощаюсь.

ГРАФИНЯ. А вы уѣзжаете куда-нибудь?

АЛЕКСАНДРЪ. Переѣзжаю изъ этого дома и ѣду за границу.

ГРАФИНЯ. Надолго?

АЛЕКСАНДРЪ. Думаю, на нѣсколько лѣтъ.

ГРАФИНЯ. Куда-же именно?

АЛЕКСАНДРЪ. Самъ не знаю: въ Италію, въ Испанію, во Фран- цію. Прежде всего, во Францію.

ГРАФИНЯ. И скоро?

АЛЕКСАНДРЪ. Черезъ четверть часа.

ГРАФИНЯ. Развѣ вы... Впрочемъ, извините, пожалуйста, всѣ эти вопросы: они могутъ быть даже нескромны; я не имѣю удовольствія знать васъ, и заговорила съ вами какъ-то машинально. Можетъ быть, меня расположилъ къ откровенной бесѣдѣ этотъ романъ, въ которомъ герой также не совсѣмъ обыкновеннымъ способомъ знакомится съ героиней.

АЛЕКСАНДРЪ. Мы-бы давно могли познакомиться покороче, графиня, еслибы вамъ было угодно. Я нѣсколько разъ начиналъ заговаривать съ вами, но вы едва отвѣчали мнѣ.

ГРАФИНЯ. Въ-самомъ-дѣлѣ? Я вѣрно была занята чѣмъ-нибудь, разспянна. Впрочемъ, вы не много потеряли отъ этого—и для чего намъ было знакомиться, если вы сегодня уѣзжаете?

АЛЕКСАНДРЪ. Отчего-же вы не хотите, чтобы, уѣзжая отсюда, я унесъ пріятное воспоминаніе о послѣднихъ минутахъ, которыя провелъ въ этомъ городѣ?

ГРАФИНЯ. Очень рада, если бесѣда со мною доставитъ вамъ такое воспоминаніе. О чемъ-же вамъ угодно разговаривать со мною?

АЛЕКСАНДРЪ. Обо всемъ, что придетъ въ голову, графиня. Будемъ говорить, какъ путешественники, которые случайно столкнулись въ од- номъ мѣстѣ и потомъ разойдутся въ разныя стороны, и легко можетъ быть, никогда не встрѣтятся больше. Этотъ родъ разговора самый пріятный, потому-что непринужденный, и избавляетъ отъ необходимости говорить объ избитыхъ, общепринятыхъ условныхъ предметахъ, которые такъ надоедаютъ въ свѣтскихъ бесѣдахъ. Вотъ вы и давеча начали такъ просто предлагать мнѣ разные вопросы ...

ГРАФИНЯ. Я могу предложить ихъ, если это васъ занимаетъ. Скажите-же мнѣ, на-примѣръ: много вы путешествовали?

АЛЕКСАНДРЪ. Головою или сердцемъ, графиня?

ГРАФИНЯ. Ни тѣмъ, ни другимъ — а просто ногами.

АЛЕКСАНДРЪ. Я былъ вездѣ—и въ другихъ мѣстахъ. Но позвольте и мнѣ въ свою очередь сдѣлать вамъ вопросъ: какъ вы думаете, отчего я сегодня заговорилъ съ вами?

ГРАФИНЯ. Отъ нечего-дѣлать.

АЛЕКСАНДРЪ. Не угадали.

ГРАФИНЯ. Можетъ быть. Вы знаете, что женщины не всегда говорятъ то, что думаютъ, точно такъ, какъ мужчины не всегда думаютъ о томъ, что говорятъ.

АЛЕКСАНДРЪ. Последній недостатокъ все-таки извинительнѣе. Лучше поступать необдуманно, чѣмъ всю свою жизнь быть какою-то ходячею, неразрѣшимою тайною. Знаете-ли вы, что женщина бываетъ откровенна только въ двухъ случаяхъ: въ минуты любви и въ минуты смерти.

ГРАФИНЯ. Если это и не справедливо, то по-крайней-мѣрѣ остроумно.

АЛЕКСАНДРЪ. Остроуміе нынче не рѣдкость, графиня, хоть остроумныхъ людей и не такъ много, какъ кажется съ перваго взгляда; это происходитъ, впрочемъ, оттого, что они стараются убѣдить другихъ въ своемъ остроуміи, не убѣдивши прежде самихъ себя. Я согласенъ съ тѣмъ, что и у меня есть остроуміе, какъ въ безпорядочной библиотекѣ, гдѣ не найдешь никогда книгу, которую ищешь.

ГРАФИНЯ. Но за то можно найти ту, которой не искалъ.

АЛЕКСАНДРЪ. Это случается и не съ одними книгами. Чаше всего подобные случаи встрѣчаются въ любви.

ГРАФИНЯ. Скажите мнѣ, пожалуйста ... Позвольте, наверху кто-то поетъ. Послушаемъ.

ЛИЗА (поетъ у окна).

Отъ того, кто за мною слѣдитъ
Не бѣжать — я никакъ не могу;
Если-жъ кто отъ меня побѣжитъ.
Такъ за тѣмъ я сама побѣгу.

АЛЕКСАНДРЪ. Вотъ вамъ еще подтвержденіе моей мысли. Вы хотѣли однакоже спросить меня о чемъ-то?

ГРАФИНЯ. Я желала-бы, чтобъ вы объяснили мнѣ: отчего это молодой человѣкъ не можетъ поговорить пяти минутъ съ женщиной безъ того, чтобы не свести на любовь?

АЛЕКСАНДРЪ. Не со всякой женщиной, графиня.

ГРАФИНЯ. И не всякій молодой человѣкъ, прибавьте.

АЛЕКСАНДРЪ. Пожалуй. Но, во всякомъ случаѣ, большая часть. И о чемъ-же говорить здѣсь? Что въ этомъ мѣрѣ лучше, выше и разнообразнѣе любви?

ГРАФИНЯ. Мнѣ кажется, что любовь всегда одинакова.

АЛЕКСАНДРЪ. Да, если она взаимная, и если оба сердца любятъ въ равной степени; а согласитесь, что это рѣдко случается. Большею частью мужчина начинаетъ любить, когда его еще не любятъ, и перестаетъ, когда его полюбятъ. Впрочемъ, и въ этомъ случаѣ бываютъ минуты высокаго счастья — когда оба сердца бьются одинаково. Трудно только уловить эти минуты; онѣ наступаютъ, когда одно сердце уже начинаетъ любить, а другое еще несовсѣмъ перестало. На этомъ пунктѣ легко сойтись и быть нѣсколько времени совершенно счастливымъ.

ГРАФИНЯ. Вы вѣрно поэтъ?

АЛЕКСАНДРЪ. Можетъ быть. Кто не поэтъ въ то время, когда любитъ?..

ГРАФИНЯ. А вы любите когонибудь?

АЛЕКСАНДРЪ. Можете-ли вы спрашивать объ этомъ?

ГРАФИНЯ. Какъ? Ужъ и объясненіе?...

АЛЕКСАНДРЪ. Я забочусь только о томъ, чтобы доказать вамъ справедливость моей мысли, хотъ мысль эта принадлежитъ собственно не мнѣ, а всѣмъ вѣкамъ и народамъ. Ее высказала еще древняя Греція. Вспомните преданіе о Панѣ. Онъ любилъ нимфу Эхо, которая любила пастуха, который вздыхалъ по Дриадѣ, которая обожала Фавна, который въ свою очередь, страдалъ по вакханкѣ. А еслибы Панъ пересталъ любить Эхо, вся эта прогрессія стала бы любить наоборотъ. Если я сказалъ вамъ, что люблю васъ, а вы меня не любите — тутъ нѣтъ ничего оскорбительнаго. Я не прибавлялъ: «но придетъ время — вы полюбите меня — и тогда я не буду любить васъ».

ГРАФИНЯ. Еще бы вы сказали это! Но и первая половина вашей фразы неучтивая.

АЛЕКСАНДРЪ. Вы хотите, стало быть, чтобы я сказалъ вамъ, что не люблю васъ?

ГРАФИНЯ. Если неприлично говорить женщинѣ «люблю васъ», то еще неприличнѣе сказать: «я васъ не люблю». Положимъ даже, что первая фраза ваша справедлива — что-же потомъ?

АЛЕКСАНДРЪ. Какъ, что потомъ? Позвольте, графиня. За кого вы меня принимаете?

ГРАФИНЯ. Да, я спрашиваю васъ: что можете вы сдѣлать, чтобы доказать вашу любовь?

АЛЕКСАНДРЪ. Все на свѣтѣ.

ГРАФИНЯ. Броситесь-ли вы съ этого балкона?

АЛЕКСАНДРЪ (*посмотрѣвъ внизъ*). Нѣтъ, не брошусь, но рѣшусь на подвигъ еще болѣе опасный ...

ГРАФИНЯ (*смѣясь*). Въ-самомъ-дѣлѣ? (*Звонокъ за кулисами*). Кажется, это у васъ звонятъ?

АЛЕКСАНДРЪ. Слышу, но меня нѣтъ дома для гостей.

ГРАФИНЯ. Можетъ быть, къ вамъ просится ваше счастье.

АЛЕКСАНДРЪ. Оно зайдетъ въ другой разъ.

ГРАФИНЯ. Фортуна ...

АЛЕКСАНДРЪ. Мнѣ она не нужна, я не ее ищу.

ГРАФИНЯ. Кого-же?

АЛЕКСАНДРЪ. Я ищу женщину, какъ Діогенъ искалъ челоуѣка — и, вѣроятно, никогда не найду.

ГРАФИНЯ. Покорно васъ благодарю. Что-жъ я, по вашему мнѣнію?

АЛЕКСАНДРЪ. Вы для меня — маска. Я знаю васъ только по наружности, я не спрашивалъ даже о вашемъ имени, и называю васъ графинею потому только, что слышалъ мелькомъ, какъ называли васъ другіе.

ГРАФИНЯ. Кто-же мѣшаетъ вамъ узнать меня короче?

АЛЕКСАНДРЪ. А зачѣмъ буду я васъ узнавать? Чтобы самому уничтожить всю таинственность, всю романическую сторону нашего знакомства? Въ маскарадахъ я никогда не прошу моихъ собесѣдницъ снимать маски, иначе можно дорого поплатиться за свое любопытство.

ГРАФИНЯ. Стало быть, вы боитесь узнать меня поближе?

АЛЕКСАНДРЪ. Боюсь, графиня, во всѣхъ отношеніяхъ. Бульте вы хуже того, что я думаю объ васъ — я приду въ отчаяніе и все-таки не перестану любить васъ; но вы, разумѣется, несравненно лучше и выше того, чѣмъ кажетесь — и это сведетъ меня съ ума окончательно, потому — что я полюблю васъ сильнѣе, если это только возможно.

ГРАФИНЯ. Я уже просила васъ не говорить мнѣ подобныхъ фразъ. Вы принудите меня кончить нашъ разговоръ скорѣе, нежели я-бы желала. Впрочемъ, вамъ самимъ, кажется, пора ѣхать: четверть часа давно уже прошла.

АЛЕКСАНДРЪ. Лишніе четверть часа ничего не значатъ для того, кто уѣзжаетъ на нѣсколько лѣтъ. Меня, конечно, ничто здѣсь не удерживаетъ, но ничто и не привлекаетъ за-границей. Могутъ даже встрѣтиться обстоятельства, которыя принудятъ меня остаться.

ГРАФИНЯ (*улыбаясь*). Въ-самомъ-дѣлѣ? Какія-же это обстоятельства?

АЛЕКСАНДРЪ (*съ досадою*). Разныя ... Да вотъ, на-примѣръ, мой человекъ, который стоитъ у балкона и держитъ письмо, вѣроятно, принесенное тѣмъ, кто сейчасъ звонилъ. Въ этомъ письмѣ могутъ заключаться важныя препятствія къ моему отъѣзду.

ГРАФИНЯ. Вы сообщите мнѣ объ нихъ?

АЛЕКСАНДРЪ. Непремѣнно (*беретъ письмо отъ лакея*). Вы позволите?... (*Графиня дѣлаетъ головою знакъ согласія и беретъ книгу. Александръ читаетъ письмо, бросивъ конвертъ за балконъ*).

V.

Въ окнѣ Лизы показывается **АРТИСТЪ** и **ЛИЗА**.

ЛИЗА. А нашъ закладъ?

АРТИСТЪ. Вы проиграли его: видите — ли, что они не говорятъ другъ съ другомъ, а читаютъ, точно въ такомъ-же положеніи, какъ мы ихъ оставили.

ЛИЗА. Я увѣрена, что они разговаривали все это время, и узнала-бы навѣрное, еслибы вы не мѣшали мнѣ слушать.

АРТИСТЪ. Ну, что-жъ, никто не мѣшаетъ намъ послушать ихъ теперь, когда мы переговорили уже о своихъ дѣлахъ. Но я утверждаю, что они еще не начинали разговаривать.

ЛИЗА. А я — что они ужъ успѣли объясниться другъ другу въ любви.

АРТИСТЪ. Что вы! въ такое короткое время?

ЛИЗА. Развѣ вы не успѣли въ это-же время сказать мнѣ все, что было нужно?

АРТИСТЪ. Но мы съ вами давно уже знаемъ другъ друга, а они люди свѣтскіе, деликатные ...

ЛИЗА. Не спорьте, а скажите: бьетесь-ли объ закладъ?

АРТИСТЪ. Бьюсь! бьюсь!... и все о томъ же?...

ЛИЗА (*смѣясь*). Разумѣется. Такъ молчите — же и слушайте. (*Садится на окно*).

ГРАФИНЯ (*Александру, который задумался, опустивъ письмо на колено*). Вѣрно въ этомъ письмѣ заключаются важныя препятствія къ вашему отъѣзду, если вы такъ задумались?

АЛЕКСАНДРЪ. Нѣтъ, графиня: это письмо, напротивъ, должно ускорить мой отъѣздъ.

ГРАФИНЯ. Неужели? Это очень любопытно. Могу я узнать содержаніе письма?

АЛЕКСАНДРЪ. Вы можете даже прочесть его, если это васъ забавляетъ. Я не горжусь такими посланіями, но и не скрываю ихъ. Вы даже сдѣлаете мнѣ большое одолженіе, прочитавъ это письмо и сказавъ ваше мнѣніе объ немъ.

ГРАФИНЯ. Съ удовольствіемъ. (*Александръ передаетъ ей письмо, графиня читаетъ*) «Я узнала, что вы ѣдете за границу. Не будете ли вы въ Венеціи? Не думаете ли вы досказать то, что начали вы говорить мнѣ въ прошломъ году, во время карнавала, въ казино Феличе, послѣ прогулки въ Лидо. Въ этотъ годъ вы могли испытать себя и убѣдиться, точно ли я такъ необходима для вашего счастья, какъ вы говорили мнѣ это въ Венеціи. Подписано: *Лидія Д.*» Странное письмо!

АЛЕКСАНДРЪ. Неправда ли? Я долженъ, впрочемъ, объяснить вамъ подробности этого происшествія. Въ прошломъ году, въ Венеціи, во время карнавала, я встрѣтился въ Лидо съ одной обворожительной маской, умной, любезной, образованной; мы вмѣстѣ гуляли въ казино, ѣздили въ въ гондолахъ, провели вмѣстѣ почти цѣлый день. На этотъ разъ — я измѣнилъ даже своему правилу и просилъ ее открыть мнѣ свое лицо и сказать свое имя.

ГРАФИНЯ. Что-жъ она?

АЛЕКСАНДРЪ. Разсмѣялась и скрылась. И я потомъ напрасно отыскивалъ ее по всей Венеціи.

ГРАФИНЯ. А потомъ, какъ водится, забыли объ ней?

АЛЕКСАНДРЪ. Не совѣмъ, потому что это письмо напомнило мнѣ все прошедшее... Но какъ она могла узнать, что я собираюсь опять за границу? Неужели она прислала ко мнѣ это письмо изъ Венеціи?

ГРАФИНЯ. Посмотрите на конвертъ.

АЛЕКСАНДРЪ. Въ-самомъ-дѣлѣ... Да вѣдь я бросилъ его въ садъ... Впрочемъ, я могу объ этомъ узнать послѣ, спросить человека, отобрать свѣдѣнія на почтѣ... Изъ письма не видно, чтобы оно было писано въ Венеціи... Дѣло однакоже не въ томъ. Отчего она не отвѣчала мнѣ ничего въ Венеціи, а вздумала писать теперь, спустя годъ послѣ нашей встрѣчи?

ГРАФИНЯ. Вы находите страннымъ, что женщина послѣ перваго свиданія не отвѣчала на ваши страстные объясненія? Скажите, это у

васъ привычка такая — объясняться въ любви каждой женщинѣ, съ которою вы поговорите полчаса?

АЛЕКСАНДРЪ. Вы очень строги ко мнѣ. Это вовсе не привычка, потому-что я не привыкъ встрѣчать такихъ женщинъ, какъ моя венеціанская знакомка и какъ вы, графиня. Я, конечно, въ молодости дѣлалъ много глупостей, но оба эти впечатлѣнія были сильныя, серьезныя. Я давно собирался кончить романъ моей жизни и приняться за исторію. Въ это путешествіе я хочу проститься съ моею молодостью — и потомъ жениться, если только найду настоящую женщину, которая будетъ честью и радостью моего дома и населить его веселыми и рѣзвыми существами, въ которыхъ я буду видѣть мою вторую молодость.

ГРАФИНЯ. Заблуждавшееся дитя возвратится подъ кровъ отеческій и для пріѣзда его убьютъ откормленнаго тельца.

АЛЕКСАНДРЪ. По-крайней-мѣрѣ быка, графиня, потому-что я не люблю телятины. Вы можете смѣяться сколько вамъ угодно, но намѣреніе мое твердо. Легко можетъ быть, что я найду женщину въ той, которая писала мнѣ это письмо.

ГРАФИНЯ. И для этого вы отправляетесь прямо за Альпы?

АЛЕКСАНДРЪ. Отчего-жъ и нѣтъ? Для политики давно не существуютъ Пиринеи, для любви нѣтъ Альповъ. Не найдя счастья у себя подъ рукою, можно поискать его и на краю свѣта. И потомъ: развѣ Альпы такъ далеко отсюда? Вы и ближе ко мнѣ, и хоть насъ разделяетъ только этотъ трельяжъ, но для меня это цѣлый Монбланъ; давеча вы не дали мнѣ досказать вамъ, чѣмъ-бы я думалъ доказать вамъ мою любовь; теперь я оканчиваю мою фразу: я хотѣлъ предложить вамъ мою руку, графиня.

ГРАФИНЯ. И теперь ѣдете въ Венецію дѣлать это-же предложеніе?

АЛЕКСАНДРЪ. Вы сами принуждаете меня къ тому, и я, хоть съ сожалѣніемъ, но долженъ проститься съ вами.

ГРАФИНЯ (*сухо*). Желаю вамъ счастливаго пути. Вамъ точно пора ѣхать.

АЛЕКСАНДРЪ. Благодарю за напоминаніе и еще разъ желаю вамъ всевозможнаго счастья. Прощайте!

ГРАФИНЯ. Прощайте! (*садится въ кресло и беретъ книгу.*
Александръ, посмотрѣвъ на нее съ минутою, уходитъ молча.)

VI.

ЛИЗА (*въ окнѣ*). Давайте биться объ закладъ, что онъ не уѣдетъ.

АРТИСТЪ. Давайте, хоть я и увѣренъ, что проиграю.

ЛИЗА. Разумѣется. Странные они люди, право. Никакъ не хотятъ сказать прямо, что любятъ другъ друга. Все это у нихъ дѣлается

какъ-то хитро, тонко, какъ будто любовь такое трудное дѣло. Влюбиться все равно, что встрѣтиться съ кѣмъ-нибудь: здравствуй, прощай, и все тутъ—не о чемъ долго разговаривать.

АРТИСТЪ. Вы разсуждаете, какъ книга, моя крошка! Конечно, въ книгахъ говорится то-же самое, только другими словами, повычурнѣе. Вотъ еще недавно читалъ я, что любовь — радуга, составленная изъ слезъ и улыбки. Въ этомъ сравненіи вѣрнѣе всего то, что любовь такъ-же продолжительна, какъ радуга.

ЛИЗА. А я читала гдѣ-то еще лучше мысль: «гони любовь въ дверь, она войдетъ въ окно».

АРТИСТЪ. Совершенно справедливо. Но такъ-какъ любовь уже вошла къ намъ, то не лучше-ли мы сдѣлаемъ если, запремъ окно?

ЛИЗА. Слушайте. Она говоритъ что-то.

ГРАФИНЯ (*бросая книгу, съ безпокойствомъ*). Что-жъ онъ не возвращается до-сихъ-поръ? Неужели онъ въ-самомъ-дѣлѣ уѣхалъ?

VII.

АЛЕКСАНДРЪ (*входя поспѣшно*). Боже мой! графиня! что я узналъ!... Простите меня, но оставляя васъ, можетъ быть, навсегда, я захотѣлъ узнать вашу фамилію, и когда мнѣ сказали ее...

ГРАФИНЯ. Вы узнали, что я давно знаю васъ, по-крайней-мѣрѣ по слухамъ, черезъ вашу сестру, мою лучшую и добрую подругу. Еслибы не ваша страсть къ романическимъ приключеніямъ и знакомствамъ черезъ балконъ—вы-бы давно могли узнать меня короче.

АЛЕКСАНДРЪ. Я такъ виноватъ передъ вами; но зачѣмъ-же вы сами не назвали себя—при первой нашей встрѣчѣ?

ГРАФИНЯ. Вотъ это очень мило! Да развѣ вы спрашивали меня объ этомъ?

АЛЕКСАНДРЪ. Конечно, виноватъ во всемъ я одинъ; но съ другой стороны, этотъ случай долженъ доказать вамъ искренность моихъ чувствъ. Я полюбилъ васъ, не зная вашихъ прекрасныхъ качествъ, о которыхъ такъ часто рассказывала мнѣ сестра... Вѣдь вы, кажется, вдова?

ГРАФИНЯ. Три года тому назадъ я овдовѣла; вы это относите также къ числу моихъ прекрасныхъ качествъ? Но предупреждаю васъ, что я цѣлый годъ оплакивала своего мужа.

АЛЕКСАНДРЪ. Возможно-ли! И вамъ не жаль было вашихъ прекрас-

ныхъ глазъ? Я знаю, что онъ былъ вамъ скорѣе отецъ, нежели мужъ; что онъ былъ болѣе чѣмъ вчетверо старше васъ ... О! я долженъ ѣхать отсюда какъ можно скорѣе.

ГРАФИНЯ. Отчего вы такъ торопитесь?

АЛЕКСАНДРЪ. Оттого, что если я не уѣду сегодня, то не уѣду и завтра! Прощайте—же, графиня.

ГРАФИНЯ. Прощайте!

АЛЕКСАНДРЪ (*уходитъ и тотчасъ—же возвращается*). Вы, кажется, сказали мнѣ что-то?

ГРАФИНЯ. Я сказала вамъ «прощайте»!

АЛЕКСАНДРЪ (*дѣлаетъ нѣсколько шаговъ и опять возвращается*). Не забылъ—ли я чего—нибудь?

ГРАФИНЯ. Можетъ быть, вашу голову.

АЛЕКСАНДРЪ. Нѣтъ, скорѣе сердце, графиня. Еслибы вы знали, какъ мнѣ тяжело проститься съ вами!

ГРАФИНЯ. Никто не заставляетъ васъ ѣхать.

АЛЕКСАНДРЪ. Но никто не заставляетъ остаться.

ГРАФИНЯ. И вы рѣшительно собираетесь жениться?

АЛЕКСАНДРЪ. Непремѣнно, и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше. Для этого я такъ тороплюсь уѣхать отъ васъ. Если та, которая написала мнѣ письмо изъ Венеціи, такъ-же хороша, какъ вы... или нѣтъ: что я говорю! хоть немного похожа на васъ... Даю вамъ честное слово, я женюсь на ней.

ГРАФИНЯ. Въ такомъ случаѣ, я ѣду вмѣстѣ съ вами въ Венецію.

АЛЕКСАНДРЪ. Вы, графиня? Зачѣмъ это?

ГРАФИНЯ. Чтобъ быть на вашей свадьбѣ ... Развѣ вы можете сыграть ее безъ меня?

АЛЕКСАНДРЪ. Вы смѣтаетесь надо мною!

ГРАФИНЯ. Нисколько.

АЛЕКСАНДРЪ. Такъ вы ѣдете въ Венецію вмѣстѣ со мною?

ГРАФИНЯ. Пожалуй; только мы напередъ, поѣдемъ въ церковь.

АЛЕКСАНДРЪ. Въ церковь?... Но я не понимаю, графиня.

ГРАФИНЯ. Вы стали очень непонятливы. Неужели вы еще не догадались, что я въ прошломъ году была въ Венеціи?

АЛЕКСАНДРЪ. Боже мой! и васъ зовутъ ...

ГРАФИНЯ. Лидіей.

АЛЕКСАНДРЪ. О! я совершенно поглупѣю! я сойду съ ума!... Графиня! я долженъ упасть передъ вами на колѣна, хоть это дѣлается во всѣхъ водевиляхъ. Какъ угодно, а я не пощажу вашего трельяжа!

ГРАФИНЯ. Наполеонъ перешелъ—же черезъ Альпы.

АЛЕКСАНДРЪ (*перелъзая черезъ трельяжъ*). А я черезъ Монбланъ.
ГРАФИНЯ. И очутились въ Венеціи (*Александръ становится передъ ней на колѣна и цѣлуетъ ея руку*).

АРТИСТЪ (*Лизъ*). Что вы скажете объ этой развязкѣ?

ЛИЗА. То, что комедія на балконѣ была длиннѣе, но неинтереснѣе комедіи въ окнѣ.

АРТИСТЪ. Ну, объ этомъ еще надобно спросить у другихъ.

II.

НИКОГДА НЕ ДОЛЖНО ГОВОРИТЬ:—

«НИКОГДА.»

ПОСЛОВИЦА ВЪ ОДНОМЪ ДѢЙСТВІИ.

А. Николаева.

ДѢЙСТВУЮЩІЕ: АКТЕРЫ :

СЕРГѢЙ ИВАНОВИЧЪ КУЩИНЪ,	<i>Г. Смирновъ 2.</i>
СОФЬЯ МИХАЙЛОВНА ГОРИНСКАЯ,	<i>Г-жа Левкѣва</i>
КЛЕОПАТРА ПЕТРОВНА ЗАЦѢПНА, ея компаньонка.	<i>Г-жа Сандунова.</i>
ЛИЗА, дочь садовницы.	<i>Дѣвица Трескина.</i>

Дѣйствіе на дачѣ, близъ Петербурга.

Большой садъ. Въ глубинѣ заборъ съ калиткой. Направо домикъ съ мезониномъ и балкономъ на столбахъ, которые внизу обдѣланы съ боковъ рѣшеткой и образуютъ родъ террасы. Терраса защищена маркизами и установлена цвѣтами; на ней, между прочимъ, столикъ съ книгами и бумагами и мягкое кресло. Налѣво, зеленая деревянная скамейка. Кругомъ нѣсколько деревьевъ и кустовъ акацій и черемхи.

I.

КУЩИНЪ одинъ, стоя за калиткой, кричитъ кому-то влѣдъ.

Прощай, прощай Сережа! До скорого свиданія! Не забылъ-ли взять букетъ?.. Нѣтъ? Счастливаго пути!.. (*Подходитъ къ авансцену*). Смѣшны и жалки мнѣ эти господа влюбленные... Все-бы имъ только вздыхать, нѣжничать, да повѣрять соловьямъ свои сердечныя муки... Странно вспомнить, что до-сихъ-поръ не вывелись еще изъ употребленія такія чувствительныя души... Но досаднѣе всего, что родной братъ мой сдѣлался также сочувствователемъ красотъ природы, влюбился въ какую-то свѣтлокудрую Филлиду... Влюбился, какъ увѣряетъ, не на шутку и намѣренъ сочетаться супружескими узами... Боже-мой! Что за безхарактерность... Давно-ли, кажется, онъ, на самомъ этомъ мѣстѣ, клялся вѣчно оставаться холостякомъ, совершенно раздѣляя мои мнѣнія, — что мужчинѣ смѣшно и стыдно поддаваться женщинѣ; что симпатія душъ, гармонія сердець и прочее и прочее — совершенный вздоръ... И вдругъ, первая попавшаяся бѣлокурая дѣвочка, съ розовыми щеками, перевернула вверхъ дномъ всю его философію! Видите-ли: онъ рѣшилъ, что дѣвочка эта назначена ему судьбой! Да нѣтъ: какъ онъ тамъ себѣ хо-

четь, а я заставлю его выдержать характеръ, разстрою эту свадьбу... Объясню ему... Да просто... принужу его, если заупрямится.

II.

КУЩИНЪ и ЛИЗА.

ЛИЗА (*выставляетъ голову изъ-за куста*). Ау!

КУЩИНЪ. А! Лиза!

ЛИЗА. Ау!

КУЩИНЪ. Здѣсь я, здѣсь! Поди сюда!

ЛИЗА. Что вы тутъ дѣлаете, дяденька?

КУЩИНЪ. Видишь: гуляю и курю сигару.

ЛИЗА. А зачѣмъ вы курите?

КУЩИНЪ (*пожавъ плечами*). Зачѣмъ? (*Беретъ ее за щеку*). Много будешь знать, скоро состарѣешься... Да какая ты нынче нарядная, Лиза! По какому это случаю, смѣю спросить?

ЛИЗА (*дѣлаетъ книксенъ*). Имянинница.

КУЩИНЪ. Вотъ какъ? Что-же ты раньше не сказала: я-бы тебѣ куклу купилъ... Впрочем... вотъ... (*даетъ ей два золотыхъ*) купи себѣ куклу.

ЛИЗА (*хочетъ поцѣловать у него руку*). Благодарствуйте, дяденька!

КУЩИНЪ. Зачѣмъ, зачѣмъ? Развѣ ты забыла, что я тебѣ говорилъ? А? Дѣвчкѣ негодится цѣловать у мужчинъ руки...

ЛИЗА. Теперь буду помнить, дяденька... Да, вы, кажется, мнѣ много дали...

КУЩИНЪ. Это не бѣда, ты отнеси эти деньги матери, она купитъ тебѣ и куклу, и платье, и башмаки, и для дому что-нибудь...

ЛИЗА. Хорошо-съ; я уже опять приду къ вамъ.

КУЩИНЪ. Смотри-же, не растеряй денегъ.

ЛИЗА. Какъ можно, дяденька! (*убѣгаетъ*).

III.

КУЩИНЪ, одинъ, садится на террасу.

Приходи-же, смотри! Бѣдняжка! Какъ мало нужно для ея счастья теперь... А потомъ, какъ вырастетъ большая, и у ней явятся и жела-

нія, и жажда лучшей жизни, любви сердце запросить. (*Вздыхаетъ; безсознательно беретъ съ окна журналъ и разсматриваетъ*). «Экспедиція во внутренность Африки.» Интересная, должно быть, статья... А не дурно-бы, право, постранствовать по бѣлу свѣту, повѣрить на дѣлѣ то, что читалъ въ книгахъ... Нѣтъ; въ Африку я не ѣздохъ!.. Пески да степи, да разбойничьи племена... Вотъ въ Испаніи хорошо-бы побывать... Альгамбра, Альпухарра, Севилья... нѣжныя серенады, воловьи травы... Это что такое? Дамы какія-то... Идутъ прямо сюда... Странно! Не бѣжать-же, однакожъ. Какъ досадио!.. Впрочемъ, садъ здѣсь общій для всѣхъ жильцовъ... и запретить нельзя.

IV.

КУЩИНЪ, СОФЬЯ МИХАЙЛОВНА и КЛЕОПАТРА ПЕТРОВНА.

СОФЬЯ МИХАЙЛОВНА. Pardon, si je vous dérange.

КУЩИНЪ (*кланяясь*). Софья Михайловна.

СОФЬЯ МИХАЙЛОВНА. Извините, Сергѣй Ивановичъ, что я не церемонюсь...

КУЩИНЪ (*кланяясь*). Помилуйте...

СОФЬЯ МИХАЙЛОВНА. Я была здѣсь, возлѣ, у вашихъ сосѣдей, и узнавъ, что вы живете тутъ, нарочно пришла, надѣясь васъ встрѣтить...

КУЩИНЪ (*всторону*). Это что за извѣстіе?

СОФЬЯ МИХАЙЛОВНА. Васъ это должно очень удивить... Да оно и въ-самомъ-дѣлѣ немножко странно, что прихожу объясняться съ полузнакомымъ мужчиной... Впрочемъ, вотъ, рекомендую: Клеопатра Петровна Зацѣпина, моя пріятельница.

КУЩИНЪ (*кланяется*). Очень пріятно.

КЛЕОПАТРА ПЕТРОВНА (*также кланяется и что-то бормочетъ*).

КУЩИНЪ. Позвольте попросить васъ сѣсть. (*Подвигаетъ къ Софьѣ Михайловнѣ кресла, а Клеопатрѣ Петровнѣ указываетъ на скамейку*).

СОФЬЯ МИХАЙЛОВНА. Благодарю. (*Садится*). Теперь, я думаю, можно приступить къ дѣлу... Вотъ видите: къ намъ пріѣхать почему-то вамъ не угодно, знакомыхъ общихъ у насъ съ вами нѣтъ; такъ я, имѣя много важныхъ причинъ говорить съ вами, рѣшилась явиться сюда.

КЛЕОПАТРА ПЕТРОВНА. Я должна сказать, что еслибъ Софья Михайловна послушалась меня, такъ никогда-бы не была здѣсь.

СОФЬЯ МИХАЙЛОВНА. Нѣтъ, съ вами мы будемъ говорить дома, Клеопатра Петровна; а теперь мнѣ время дорого... И такъ... присутствіе мое здѣсь должно показаться немножко неумѣстнымъ; я это знаю... Но дѣло въ томъ, что я уже давно привыкла не стѣсняться многимъ и многимъ. Притомъ-же меня привело сюда желаніе, или лучше сказать, забота о счастіи и спокойствіи моей сестры. Кажется, уважительная причина?

КУЩИНЪ (всторону). Понимаю: она узнала, что я стараюсь разстроить свадьбу моего брата. (Ей). Мнѣ кажется, Софья Михайловна, я угадываю ваши намѣренія... И какъ ни пріятно мнѣ встрѣтиться съ вами, но я по чистой совѣсти долженъ сказать... что... едва-ли мы съ вами согласимся.

СОФЬЯ МИХАЙЛОВНА (подумавъ немного). Это будетъ очень жаль. Но позвольте, по-крайней-мѣрѣ, предложить вамъ одинъ вопросъ, щекотливый немного, но церемониться намъ не для чего: любите-ли вы вашего брата?

КУЩИНЪ. Вотъ вопросъ! Разумѣется...

СОФЬЯ МИХАЙЛОВНА. Слѣдственно, вамъ пріятно-бы видѣть его счастливымъ?

КУЩИНЪ. Въ этомъ, кажется, нельзя и сомнѣваться?!

СОФЬЯ МИХАЙЛОВНА. Вотъ точно также и я люблю свою сестру... И право многимъ-бы пожертвовала для ея счастія... Теперь отъ васъ одного зависитъ: сдѣлать ей величайшее благо, или неисправимое зло...

КУЩИНЪ. Могу увѣрить васъ, что во всякихъ другихъ обстоятельствахъ я сталъ-бы содѣйствовать вамъ всеми своими силами... Но, теперь... прошу васъ, будьте справедливы, Софья Михайловна, войдите въ мое положеніе... Согласитесь сами, вѣдь право очень естественно, если я предпочту интересы моего роднаго брата интересамъ вашей сестрицы, которую я даже почти не имѣю удовольствія знать.

СОФЬЯ МИХАЙЛОВНА. Но вѣдь вашъ братецъ точно также будетъ несчастливъ.

КУЩИНЪ (съ улыбкой). Ну, этого я не думаю...

СОФЬЯ МИХАЙЛОВНА. Однако это совершенно ясно.

КУЩИНЪ. А мнѣ кажется, такъ совсѣмъ напротивъ.

СОФЬЯ МИХАЙЛОВНА (съ досадой). Скажу откровенно, я никакъ не думала, чтобъ вы, умный человѣкъ, были до такой степени упрямы!

КЛЕОПАТРА ПЕТРОВНА (Кущину). Ахъ! Не противорѣчьте имъ, пожалуйста; Петръ Иванычъ строжайше запретилъ...

СОФЬЯ МИХАЙЛОВНА. Нельзя-ли избавить, Клеопатра Петровна...

КЛЕОПАТРА ПЕТРОВНА. Но согласитесь, однакожь...

СОФЬЯ МИХАЙЛОВНА. Ахъ Боже мой! что я за дитя, чтобъ не могла сама сказать, что мнѣ нужно...

КЛЕОПАТРА ИВАНОВНА. Да вы не сердитесь, вѣдь я только такъ... къ слову пришлось...

СОФЬЯ МИХАЙЛОВНА. Нѣтъ; знаете что: ужъ вы немножко потерпите; дайте намъ только объясниться и тогда... можете дѣлать какія угодно замѣчанія. (*Куцину*) Нѣтъ-ли у васъ какого-нибудь альманаха съ картинками? Вотъ онѣ очень любятъ. (*Куцинь уходитъ въ домъ*).

КЛЕОПАТРА ПЕТРОВНА. Помилуйте, да я...

СОФЬЯ МИХАЙЛОВНА. Ну вотъ, какъ-будто я не знаю...

КУЦИНЪ (*выноситъ книгу*). Вотъ, не угодно-ли вамъ: *Физиологія супружества*; тутъ есть и картинки—сцены изъ семейной жизни...

КЛЕОПАТРА ПЕТРОВНА. Покорно васъ благодарю. Это по моей части. (*Разсматриваетъ книгу*).

СОФЬЯ МИХАЙЛОВНА (*насмѣшливо*). Извините, пожалуйста, но вы, кажется, такой любитель супружества, и странно видѣть, что сами до сихъ-поръ не женаты.

КУЦИНЪ. Не женатъ я именно потому, почему не хотѣль-бы и брата моего видѣть женатымъ...

СОФЬЯ МИХАЙЛОВНА (*съ недоумѣніемъ*). То-есть, какъ-же это?

КУЦИНЪ. Очень просто: я имѣю убѣжденіе, что супружество есть такое состояніе, которое рѣдко приноситъ человѣку счастья...

СОФЬЯ МИХАЙЛОВНА. Какъ, что?

КУЦИНЪ. Да-съ...

СОФЬЯ МИХАЙЛОВНА. Ахъ, Боже мой! Такъ, значитъ, мы одинъ другаго не поняли...

КУЦИНЪ. Неужели? Вотъ прекрасно! Такъ позвольте-же спросить: съ какой цѣлью...

СОФЬЯ МИХАЙЛОВНА. Пришла я сюда? Просить, чтобъ вы помогли мнѣ разстроить свадьбу моей сестры...

КУЦИНЪ. Почему-же вы не объяснили этого раньше? Вѣдь я самъ о томъ-же хлопочу...

СОФЬЯ МИХАЙЛОВНА. О, такъ я вижу, вы самый милый и любезный молодой человѣкъ изъ всѣхъ, кого я до сихъ-поръ видѣла.

КЛЕОПАТРА ПЕТРОВНА. Скажите пожалуйста! Оба противники брака... Вамъ-бы только быть мужемъ и женой... Это мнѣ чрезвычайно напоминаетъ моихъ трехъ покойниковъ...

КУЦИНЪ. Вы изволили быть за тремя мужьями?

КЛЕОПАТРА ПЕТРОВНА. Какъ-же-съ ... и еслибъ представился слу-чай... Надобно вамъ сказать, противусупружескія правила не я внушила Софья Михайловнѣ...

СОФЬЯ МИХАЙЛОВНА (*съ сердцемъ*). Софья Михайловнѣ не внушали вы никакихъ правилъ...

КЛЕОПАТРА ПЕТРОВНА. Нѣтъ; вѣдь я только такъ говорю; къ слову пришлось...

КУЩИНЪ (*съ улыбкой*). Гмъ! Такъ вы изволили быть три раза за-мужемъ?

СОФЬЯ МИХАЙЛОВНА (*ему въ полмолоса*). Послушайте, неужели васъ занимаетъ ея болтовня?

КУЩИНЪ (*ей также*). Ну, нельзя сказать, чтобы очень... Впрочемъ, отчего-жъ-бы и не дать ей поговорить, если она любитъ!..

СОФЬЯ МИХАЙЛОВНА. О, да вы не знаете ее! Дайте ей только волю—она заговоритъ васъ до полусмерти.

КЛЕОПАТРА ПЕТРОВНА. Да-съ, три раза. (*Со вздохомъ*) Последній супругъ мой... вотъ ужъ, можно сказать, отличный былъ человекъ...

КУЩИНЪ. Скончался вѣрно?

КЛЕОПАТРА ПЕТРОВНА. Богъ его знаетъ! Вотъ ужъ десять лѣтъ не имѣю никакого извѣстія. Пропалъ на другой-же день послѣ нашей свадьбы.

КУЩИНЪ. Какъ пропалъ?

КЛЕОПАТРА ПЕТРОВНА. Такъ, просто. Отъ избытка чувствъ пропалъ... Письмо оставилъ: такъ и такъ, говорить, милая, оставляю тебя, потому—что боюсь умереть отъ полноты блаженства ... и буду вѣчно любить тебя ... но издали... Это, говорить, прочнѣе, надежнѣе...

СОФЬЯ МИХАЙЛОВНА. Если вы ужъ ударились въ повѣствованія, такъ не забудьте прибавить, что вашъ мужъ увезъ съ собой ваши бри-ліанты...

КЛЕОПАТРА ПЕТРОВНА. Что-жъ, увезъ? Да вѣдь на память...

СОФЬЯ МИХАЙЛОВНА. И деньги то-же на память?..

КЛЕОПАТРА ПЕТРОВНА. Для чего-же, Софья Михайловна, предпола-гать только дурное?..

СОФЬЯ МИХАЙЛОВНА. Все это прекрасно, но видите-ли, Клеопатра Петровна: если мы будемъ продолжать говорить о вашихъ приключе-ніяхъ, такъ не кончимъ никогда, а вы знаете, что намъ скоро надо отправиться домой... Потрудитесь, пожалуйста, сказать кучеру, чтобъ подавалъ коляску, а я между-тѣмъ, объясню имъ свои планы.

КЛЕОПАТРА ПЕТРОВНА. Сію минуту. (*Уходитъ*).

V.

КУЩИНЪ и СОФЬЯ МИХАЙЛОВНА.

СОФЬЯ МИХАЙЛОВНА. Предобрая женщина! Жаль только, что безтолкова немножко и часто выводитъ меня изъ терпѣнія. А разстаться съ ней не хочется. Куда она, бѣдная, денется?

КУЩИНЪ. Вы сострадательны.

СОФЬЯ МИХАЙЛОВНА. Не знаю хорошенько; впрочемъ, можетъ быть: матушка моя была очень добра...

КУЩИНЪ. А вы рано лишились матушки?

СОФЬЯ МИХАЙЛОВНА. Я была еще по пятому году, когда *papa* и *tata* утонули въ морѣ, отправляясь за границу...

КУЩИНЪ. И съ-тѣхъ-поръ вы постоянно жили у дядюшки?..

СОФЬЯ МИХАЙЛОВНА. Да; но вѣдь онъ мнѣ совсѣмъ не дядя, а крестный отецъ...

КУЩИНЪ. Не дядя?..

СОФЬЯ МИХАЙЛОВНА. Нѣтъ. Вотъ Вагге, невѣстѣ вашего братца, такъ дядя, а я называю ее кузиной, потому-что мы съ ней вмѣстѣ выросли и учились... Насъ многіе принимаютъ за сестеръ, тѣмъ болѣе, что мы и фамилію одинакую носимъ.

КУЩИНЪ. Такъ вотъ что! А я этого и не зналъ...

СОФЬЯ МИХАЙЛОВНА. Какъ-же. А еслибъ вы знали, что за прекрасный человекъ Петръ Ивановичъ! Онъ мой опекунъ и, право, заботится о моихъ выгодахъ, какъ о своихъ собственныхъ; привелъ мое имѣніе въ отличное состояніе... воспиталъ меня... любить и ласкаетъ, какъ-будто я родная его дочь! Я такъ ему благодарна, такъ люблю его, что дала себѣ слово никогда не разлучаться съ нимъ...

КУЩИНЪ. А позвольте спросить: названная кузина ваша, Варвара Александровна, похожа-ли на васъ характеромъ?

СОФЬЯ МИХАЙЛОВНА. Она? О, какое сравненіе! Она столько-же тиха, какъ я вспыльчива; добра, мила; сердце какъ изъ воска, и воли своей совсѣмъ не имѣетъ. Вотъ только съ-тѣхъ-поръ, какъ полюбила вашего брата...

КУЩИНЪ (*съ улыбкой*). Брата! Знаете-ли, Софья Михайловна: мнѣ кажется, изъ васъ двухъ только она одна любитъ его...

СОФЬЯ МИХАЙЛОВНА. Боже мой, да совсѣмъ нѣтъ! Я первая готова

отдать ему справедливость и считаю его очень умнымъ и во всѣхъ отношеніяхъ интереснымъ молодымъ человѣкомъ. Но сколько за нимъ не числится разныхъ достоинствъ, а мнѣ все-таки удивительно, и скажу больше, даже не понятно, что Varbe рѣшается пожертвовать ему своей свободой...

КУЩИНЪ. Вы не можете себѣ представить, какъ я радъ, что все это слышу отъ васъ... Но, скажите, пожалуйста, какимъ образомъ усвоили вы себѣ эти понятія?

СОФЬЯ МИХАЙЛОВНА. Ахъ, Боже мой! Не даромъ-же я живу на свѣтѣ и ужъ сколько времени наблюдаю людей!.. Стоитъ только попристальнѣе поглядѣть вокругъ себя, такъ разомъ убѣдишься, что люди, какъ женятся, такъ и пошли горевать... Мужья, по большей части, или тираны, или эгоисты.

КУЩИНЪ. Тираны! А сколько есть такихъ, которые даютъ ужъ слишкомъ много воли своимъ женамъ.

СОФЬЯ МИХАЙЛОВНА. Ну, это по-моему еще хуже! Съ ними должно быть тоска смертельная! Что до меня... такъ... Право, я скорѣе пошла-бы за человѣка, который бы... колотить меня сталъ, чѣмъ за слишкомъ уступчиваго...

КУЩИНЪ. Ха, ха, ха! Это презабавно! Но... вотъ, вы все нападаете на мужей... А сообразите-ка, сколько на свѣтѣ женщинъ, которыя мужу... просто бремя!.. Изнѣжены, прихотливы... требовательны... (*Софья Михайловна улыбается*); тратять, Богъ знаетъ, какія суммы на всякій вздоръ, на тряпки, побрякушки, и, при всемъ томъ капризничаютъ... выдумываютъ себѣ небывалыя болѣзни, чтобъ только поинтересничать.

СОФЬЯ МИХАЙЛОВНА. Все это такъ, но вы приводите тутъ только недостатки женскіе... А сколько вы найдете кроткихъ, безотвѣтныхъ, слѣпо преданныхъ мужу, женъ собесѣдницъ, женъ ключницъ... женъ затворницъ...

КУЩИНЪ. Ну, извините, а съ подобными женщинами мнѣ просто бываетъ скучно. Нечего сказать: пріятно имѣть жену, которая только и знаетъ, что вязать мужу кошельки, да хозяйничать...

СОФЬЯ МИХАЙЛОВНА. Такъ оно, если хотите... Но... (*Задумывается*). Знаете-ли что: мнѣ кажется, еслибъ я вышла за мужъ, такъ повела-бы дѣла совсѣмъ иначе... Я постаралась-бы образовать свой умъ такъ, чтобъ мужу пріятно было побесѣдовать со мною подчасъ, да и не объ однихъ хозяйственныхъ дѣлахъ...

КУЩИНЪ. А еслибъ я, Софья Михайловна, встрѣтилъ женщину, которая совершенно понимаетъ свое назначеніе, то сталъ-бы вездѣ возить ее съ собою: пусть люди смотрять и учатся, какъ женщина должна исполнять свои обязанности въ отношеніи къ мужу и къ обществу.

СОФЬЯ МИХАЙЛОВНА (*улыбается и пожимаетъ плечами*). Удивительно, право, какъ мы съ вами во всемъ сходимся!..

КУЩИНЪ. Жаль только, что невозможно найти такую идеальную женщину! Впрочемъ, еслибъ я и нашелъ, такъ все-таки осталася-бы холостякомъ...

СОФЬЯ МИХАЙЛОВНА. А я-то? Боже мой! Да я не пошла-бы и за самаго лучшаго, совершеннѣйшаго человѣка!

КУЩИНЪ. Женившись, люди старѣются прежде времени.

СОФЬЯ МИХАЙЛОВНА. А сколько заботъ-то новыхъ является!

КУЩИНЪ. А за ними, сперва неудовольствія, потомъ ссоры...

СОФЬЯ МИХАЙЛОВНА. За ссорами — тоска.

КУЩИНЪ. Смертельная!

СОФЬЯ МИХАЙЛОВНА. А за то, какъ счастливы люди, которые не давали другъ другу никакихъ обѣщаній и клятвъ!..

КУЩИНЪ. Да, ужъ дружба ихъ прочнѣе.

СОФЬЯ МИХАЙЛОВНА. Нѣтъ, что тамъ не говорить, а, по-моему, дружба въ въ миллионъ разъ надежнѣе всякой любви... особенно пламенной...

КУЩИНЪ. Ахъ! Что можетъ быть пріятнѣе дружбы мужчины съ женщиной, чистой дружбы, безкорыстной!..

СОФЬЯ МИХАЙЛОВНА. Да; говорить, что это дѣйствительно очень пріятное состояніе...

КУЩИНЪ. Говорять? (*Послѣ нѣкотораго молчанія*). Да кто-жъ намъ мѣшаетъ, Софья Михайловна, испытать это? У насъ-же, такъ кстати, и вкусы одинакіе, и понятія, и образъ мыслей; будемъ-те друзьями!

СОФЬЯ МИХАЙЛОВНА (*протянувъ руку*). За мною дѣло не станетъ...

КУЩИНЪ (*съ жаромъ пожимаетъ ей руку*). Побольше-бы такихъ дней было у меня въ жизни!

СОФЬЯ МИХАЙЛОВНА. А чтобъ еще больше скрѣпить нашу дружбу... Пойдите: у меня есть примѣта, что нужно для этого помѣняться чѣмъ-нибудь... Вотъ возьмите сердоликовое колечко; оно принесетъ вамъ счастье...

КУЩИНЪ. Мерсі! Ужъ мы съ нимъ не разстанемся! Нѣтъ, право, Софья Михайловна, вы рѣшительно не похожи на другихъ женщинъ; вы не только думаете, да и дѣйствуете совѣмъ иначе... Но, позвольте, что-бы мнѣ такое... (*Задумывается*) предложить вамъ... Да вотъ, чего-же лучше? (*Уходитъ въ домъ и черезъ минуту возвращается съ небольшою книжкой*). «Мысли Паскаля.» Эта книжечка мнѣ очень дорога; она досталась мнѣ отъ матушки, и та въ трудныя минуты жизни всегда брала ее, раскрывала на удачу и, въ смыслѣ первыхъ попавшихся строкъ, всегда находила рѣшеніе вопросовъ, которые ее затрудняли, и благой совѣтъ...

СОФЬЯ МИХАЙЛОВНА. Благодарю васъ; я буду дѣлать то-же самое. Нѣтъ, говорю откровенно (*съ улыбкой*), по-дружески, я очень рада, что покороче познакомилась съ вами.

КУЩИНЪ. Надѣюсь, что теперь мы будемъ видѣться часто?

СОФЬЯ МИХАЙЛОВНА. Ну, едва-ли. Видите-ли: дядушкѣ это не понравится; онъ человѣкъ хоть и добрый, но... немножко съ устарѣвшими, отсталыми понятіями... У него престранная философія: если замѣтитъ, что намъ пріятно быть вмѣстѣ, такъ непременно будетъ настаивать, чтобъ мы обвѣнчались...

КУЩИНЪ. Обвѣнчались?... Легко сказать! Впрочемъ, я надѣюсь, мы и безъ того съумѣемъ быть счастливыми... Станемъ себѣ разнообразить жизнь... Я вотъ все затѣваю отправиться путешествовать... Уговорите Петра Ивановича...

СОФЬЯ МИХАЙЛОВНА. Вотъ этого ужъ никакъ нельзя сдѣлать: онъ, что называется, закоснѣлый домосѣдъ.

КУЩИНЪ. Нельзя? Такъ я буду искать съ вами встрѣчь на балахъ... пустимся вальсировать...

СОФЬЯ МИХАЙЛОВНА. Ни за что на свѣтѣ! Петръ Ивановичъ все намъ твердитъ, что дѣвушкамъ рѣшительно не слѣдуетъ вальсировать.

КУЩИНЪ. Не слѣдуетъ? Онъ это говоритъ? Ну, я стану ѣздить къ вамъ каждый день, будемъ вмѣстѣ читать....

СОФЬЯ МИХАЙЛОВНА. Нѣтъ, каждый день нельзя, потому-что Петръ Ивановичъ....

КУЩИНЪ. Странно однакожь, что вы не соглашаетесь ни на одно мое предложеніе....

СОФЬЯ МИХАЙЛОВНА. Сами виноваты: зачѣмъ предлагаете то, на что я не могу согласиться?

КУЩИНЪ. Скажите лучше, Софья Михайловна: не хочу согласиться.

СОФЬЯ МИХАЙЛОВНА. Ахъ, Боже мой, совѣмъ нѣтъ! Понимаете-ли, Петръ Иванычъ скажетъ, что вы удаляете отъ меня жениховъ. ...

КУЩИНЪ. Такъ у васъ уже есть женихъ?

СОФЬЯ МИХАЙЛОВНА. Есть нѣсколько, но все пренесносные; вздыхаютъ, нѣжничаютъ, рассыпаются въ любезностяхъ.... съ нѣкоторыхъ поръ эти господа рѣшительно начинаютъ мнѣ надоѣдать: вѣрите ли какъ наскучили! Одинъ выпишетъ ноты какія-нибудь новыя.... другой собачку достанетъ....

КУЩИНЪ. А что-же Петръ Иванычъ?...

СОФЬЯ МИХАЙЛОВНА. Ужасно доволенъ.

КУЩИНЪ (*пожавъ плечами*). Станный человѣкъ этотъ Петръ Ивановичъ!

СОФЬЯ МИХАЙЛОВНА. Да вѣдь я-же вамъ говорю, что онъ хочетъ выдать меня за-мужъ.

КУЩИНЪ. Что-жъ за-мужъ? Это однако не предлогъ подвергать васъ скукѣ и тому подобному....

СОФЬЯ МИХАЙЛОВНА. Странно, право. Вотъ у меня столько знакомыхъ дѣвушекъ, которымъ хочется за-мужъ, а между-тѣмъ случая не представляется.... Я-же рѣшилась оставаться въ дѣвушкахъ, а отъ жениховъ не знаю куда дѣваться. Еще третьяго дня сватался за меня одинъ черниговскій помѣщикъ.... заводчикъ и фабрикантъ. Богачъ ужасный.... что-то въ родѣ Монте-Кристо.

КУЩИНЪ. И не поколебалъ вашей рѣшимости?

СОФЬЯ МИХАЙЛОВНА. Полно-те!... Надо сказать правду, однакожъ, что между женихами моими былъ одинъ молодой человѣкъ, который ... да просто: нравился мнѣ.... Сестра увѣряла даже, что я его люблю; но она большая охотница все преувеличивать. Я-же вамъ я могу сказать правду: вѣдь мы съ вами друзья....

КУЩИНЪ. Разумѣется. . . Откровенность и поддерживааетъ дружбу.

СОФЬЯ МИХАЙЛОВНА. Нѣсколько времени тому назадъ.... Впрочемъ, знаете-ли что? Это такая вздорная исторія, что, право, не стоитъ рассказывать. Я даже, признаться, теперь ужъ и не припомню, какъ все это было....

КУЩИНЪ. Жаль! А я съ такимъ вниманіемъ принялся-было васъ слушать, тѣмъ болѣе, что ваше вступленіе напомнило мнѣ.... Была у меня знакомая, Олинъка, прехорошенькая кудрявая дѣвочка, съ голубыми глазами.... Теперь она ужъ стала большая и я....

СОФЬЯ МИХАЙЛОВНА. Позвольте!... Хотите-ли, я вамъ скажу правду?..

Вы безхарактерный человек и — рано или поздно — женитесь непременно.

КУЩИНЪ. Я женюсь?

СОФЬЯ МИХАЙЛОВНА. Да, вы — и на этой самой кудрявой дѣвочкѣ. Вы влюблены въ нее....

КУЩИНЪ. И не угадали. Начать съ того, что я въ нее совсѣмъ не влюбленъ, а во-вторыхъ, еслибъ и былъ влюбленъ, такъ не женюсь по самой простой причинѣ....

СОФЬЯ МИХАЙЛОВНА. Какой-же?

КУЩИНЪ. Она за-мужемъ....

СОФЬЯ МИХАЙЛОВНА. Это опять другое дѣло! (*Встаетъ*). Однако, Клеопатра Петровна должна скоро воротиться, а мы съ вами еще не условились.... Знаете-ли: поговорите съ вашимъ братомъ отъ моего имени; скажите ему, что если онъ разлучить меня съ сестрою, такъ я.... просто умру съ печали....

КУЩИНЪ. Я напередъ знаю, что онъ мнѣ будетъ отвѣчать: «пусть Софья Михайловна поселится съ нами».

СОФЬЯ МИХАЙЛОВНА. Куда какъ весело будетъ жить съ ними! Влюбленные не любятъ общества, и я стала-бы только ихъ стѣснять.

КУЩИНЪ. Да, дѣйствительно, когда случится быть съ человекомъ, къ которому чувствуешь какое-нибудь расположеніе, такъ, право, очень стѣсняешься, если тутъ есть еще третье лице.... Вотъ на-примѣръ.... Впрочемъ мы съ вами вѣдь только друзья, а все-таки безъ этой Клеопатры Петровны, какъ-то дышешь свободнѣе....

СОФЬЯ МИХАЙЛОВНА. Видала я этихъ влюбленныхъ! Нѣтъ ничего забавнѣе въ свѣтѣ! Сидятъ по часу другъ противъ друга, да молчатъ. Только иногда онъ вздохнетъ отъ полноты души съ видомъ совершеннаго упоенія затрясетъ головой, зажмуритъ глаза и страстно возьметъ за руку царицу своего сердца....

КУЩИНЪ. Да, да, вотъ такъ (*беретъ ее за руку*). Но съ той разницею, что царица сердца не вырываетъ своей руки, какъ вы теперь....

СОФЬЯ МИХАЙЛОВНА. Да вѣдь мы съ вами не женихъ съ невестой!

КУЩИНЪ. Мы больше: мы друзья братъ и сестра.... Такъ отчего-жъ брату не взять сестру за руку?...

СОФЬЯ МИХАЙЛОВНА (*встаетъ*). Нѣтъ, рѣшительно съ Клеопатрой Петровной что-нибудь случилось. Ей давно пора воротиться.

КУЩИНЪ. Къ чему-же вы такъ спѣшите?

СОФЬЯ МИХАЙЛОВНА. Нельзя, надо домой; Петръ Иванычъ....

КУЩИНЪ. Вы противорѣчите себѣ, Софья Михайловна; не сами-ли вы говорили, что не привыкли стѣсняться въ своихъ поступкахъ?

СОФЬЯ МИХАЙЛОВНА. Это я на счетъ встрѣчи съ вами говорила, потому-что въ-самомъ-дѣлѣ цѣль моя самая безкорыстная...

КУЩИНЪ. Почему-же вы именно теперь заторопились домой? Неужели сожалѣете, что встрѣтились со мною?

СОФЬЯ МИХАЙЛОВНА. Нѣтъ, но мнѣ кажется, что я дурно дѣлаю...

КУЩИНЪ (съ жаромъ). Нѣтъ! вы сдѣлали мнѣ величайшее одолженіе. Вотъ мы съ вами познакомились, подружались.... Въдѣ мнѣ скучно безъ васъ будетъ.... А вы сами-же говорите, что мнѣ нельзя бывать у васъ каждый день.... Что-же я стану безъ васъ дѣлать? У насъ и интересы завелись общіе.... Куда какъ пріятно мнѣ будетъ, сидя у себя дома, кусать съ досады губы, представляя, какъ вы тамъ съ другими шутите, смѣетесь!... Нѣтъ, какъ хотите, Софья Михайловна, а мнѣ безъ васъ никакъ нельзя....

СОФЬЯ МИХАЙЛОВНА. На счетъ другихъ будьте покойны.... Всѣ они будутъ немедленно удалены....

КУЩИНЪ. Знаете-ли, Софья Михайловна, о чемъ я теперь думаю?

СОФЬЯ МИХАЙЛОВНА. Не знаю, но говорите.... У меня самой въ головѣ столпились мысли, и что-то странное со мной дѣлается.

КУЩИНЪ (вкрадчиво). Вы опять себѣ противорѣчите.... Вы говорили, что привыкли исполнять только свою волю, а вотъ, теперь, кажется, дѣлаете все по-моему....

СОФЬЯ МИХАЙЛОВНА (въ смущеніи). А вамъ что за дѣло? Если мнѣ это нравится.

КУЩИНЪ. Перестаньте, Софья Михайловна, ради Бога перестаньте.... Не смотрите на меня... Ваши глаза... Есть вещи, есть чувства, о которыхъ вы и понятія не имѣете....

СОФЬЯ МИХАЙЛОВНА. Что-же такое?

VI.

ТЪ-ЖЕ и ЛИЗА, за сценой.

ЛИЗА. Можно-ли къ вамъ, дяденька?

КУЩИНЪ. Можно, можно, дитя мое! Самъ Богъ тебя ко мнѣ посылаетъ!

ЛИЗА. Я пришла вамъ куклу свою показать ... Ахъ! у васъ чужая барышня!

СОФЬЯ МИХАЙЛОВНА. Не бойся, милая ...

ЛИЗА (*тихо Кущину*). Это вѣрно ваша жена?

КУЩИНЪ. Да, Лиза.

ЛИЗА. Когда-же она сюда пришла, что я не видала?

КУЩИНЪ. Она съ неба слетѣла, Лиза.

ЛИЗА. Ну, что дяденька, вы безъ меня умницей были?

СОФЬЯ МИХАЙЛОВНА (*беретъ ее за руку*). А развѣ твой дяденька умница?

ЛИЗА. Еще-бы нѣтъ! И я его очень люблю ... и папенька, и маменька то-же очень любятъ; они говорили, что если-бъ не они ...

КУЩИНЪ. Замолчи, Лиза ... Ты болтушка ... я разсержусь ...

ЛИЗА. Развѣ я вамъ надоѣла?.. Посмотрите-ка на мою дочку ... Какая красавица!.. Я буду беречь ее, какъ маменька бережетъ меня.

СОФЬЯ МИХАЙЛОВНА. А маменька очень тебя любить?

ЛИЗА. И папенька то-же очень ... Онъ мнѣ говорилъ, что не отдастъ меня за миллионъ ... А у васъ нѣтъ дочки?..

КУЩИНЪ. Ты очень болтлива, Лиза ... Я прогоню тебя ... Ты не хорошая дѣвочка ...

ЛИЗА. Что-жъ вы сердитесь? Развѣ я что-нибудь сдѣлала?.. Ахъ! (*Софья Павловнѣ*) Попросите у него за меня ...

СОФЬЯ МИХАЙЛОВНА. Вы поблѣднѣли; что съ вами?

КУЩИНЪ. Ничего, ничего, поди сюда Лиза; сядь ко мнѣ на колѣна.

ЛИЗА (*садится къ нему на колѣна*). По вѣчерамъ папенька всегда сажаетъ меня на колѣна ... Вотъ такъ ... Посадить да и говорить ... (*Софья Михайловна*) Послушайте, а вѣдь я больше вашего ихъ люблю ...

КУЩИНЪ. Нѣтъ, Лиза, они и совсѣмъ меня не любятъ ...

ЛИЗА. Ай! Это не хорошо ... Посмотрите какіе они скучные ... Мнѣ поутру также было скучно, когда у меня не было куклы ... Пожалуйста вашу ручку ... (*Кущину*) Пожалуйте и вы.

СОФЬЯ МИХАЙЛОВНА и **КУЩИНЪ** (*оба разомъ цѣлуютъ ее*). Милое дитя!

ЛИЗА. Ну, вотъ точно также цѣлуютъ меня папаша съ маменькой ... Да они плачутъ? Что это, дяденька? Вѣрно вы ихъ обидѣли?.. Послушайте, послушайте ... Да что-же вы молчите?.. перестаньте!..

КУЩИНЪ. Оставь меня, Лиза!

ЛИЗА. Ну, Богъ съ вами, дяденька! (*Сльзаетъ съ колѣнь, беретъ куклу и садится съ ней на полъ*).

КУЩИНЪ. Этотъ поцѣлуй!.. (*Беретъ себя за голову*) Ахъ! Софья Михайловна, простите меня, но въ этой минутѣ было такъ много счастья ... Если-бъ вы знали, сколько я въ это время перечувствовалъ, когда мы вмѣстѣ поцѣловали этого ребенка! Я понялъ, что *есть* наслажденія въ жизни добраго семьянина, когда онъ сядетъ съ милой женой, посадить на колѣна дитя ... А вы, Софья Михайловна, какъ чудно хороши были вы въ эту минуту. На лицѣ вашемъ отразилось какое-то новое чувство ... А эта робкая слезинка ... неужели она вѣстница ...

СОФЬЯ МИХАЙЛОВНА. Замолчите, замолчите... Не мучьте меня... Ахъ зачѣмъ я пришла сюда, зачѣмъ встрѣтилась съ вами?.. Я сдѣлала неисправимую ошибку ...

КУЩИНЪ. Ошибку?

СОФЬЯ МИХАЙЛОВНА. Да, недостаетъ только, чтобъ вы еще о любви мнѣ заговорили.

КУЩИНЪ. О любви! Неужели-же это простая дружба, Софья Михайловна?

СОФЬЯ МИХАЙЛОВНА. Ну, такъ и есть! Ахъ, Боже мой! Я вижу теперь, что намъ съ вами рѣшительно нельзя уже больше видѣться ...

КУЩИНЪ. Да, это невозможно ... Такъ неужели я ошибся? ... Неужели все это была только мечта!.. (*Закрываетъ лицо руками*).

ЛИЗА. Ну, вот теперь и вы заплакали! Зачѣмъ вы обижаете дяденьку? Какъ это можно?.. Вы не добрая... Не плачьте-же, дяденька! Ничего!.. Я найду вамъ другую жену...

КУЩИНЪ. Нѣтъ, Лиза, другой мнѣ не надо...

ЛИЗА. Такъ что-же вы плачете? Плакать негодится... Умереть можно!..

СОФЬЯ МИХАЙЛОВНА. Какое положеніе... Но нужно-же кончить...

КУЩИНЪ. Я жду вашего отвѣта, Софья Михайловна.

СОФЬЯ МИХАЙЛОВНА. Моего отвѣта? Но я...

КУЩИНЪ. Да, чтобъ я зналъ, раскроить-ли себѣ голову, или остаться жить?..

СОФЬЯ МИХАЙЛОВНА. Вы пугаете меня.

КУЩИНЪ. Другой женщины, такой какъ вы, мнѣ не найти...

СОФЬЯ МИХАЙЛОВНА. Вопросъ важный, такихъ не много въ жизни... Вы говорите, что матушка ваша находила всегда въ этой книгѣ рѣшеніе всякихъ недоумѣній и благой совѣтъ... Хочу испытать и я...

КУЩИНЪ. Но, можетъ быть...

СОФЬЯ МИХАЙЛОВНА. Не беспокойтесь, я рѣшилась твердо. (*Лизь*) Умѣешь-ли ты читать?

ЛИЗА. Умѣю-съ... Вотъ и дочка моя то-же...

КУЩИНЪ (*въ сильномъ волненіи Лизь*): Открой на удачу.

ЛИЗА. А что значить удача, дяденька?

СОФЬЯ МИХАЙЛОВНА. Ничего не значить, Лиза... На свѣтѣ нѣтъ удачи, есть только Богъ... Открой-же книгу, гдѣ хочешь, и читай...

ЛИЗА. Ну, здѣсь, гдѣ положена голубая ленточка... Пусть моя кукла прочитаетъ... «жена должна оставить отца своего и мать, чтобъ прилѣпиться всей душою къ мужу». Хорошо-ли она прочитала?

КУЩИНЪ. Софья Михайловна: случай-ли это, или удача?

СОФЬЯ МИХАЙЛОВНА. На свѣтѣ нѣтъ ни удачи, ни случая...

VII.

ТЪЖЕ и ЗАЦЪПИНА.

ЗАЦЪПИНА. Извините, Софья Михайловна, что я заставила васъ дожидаться ... Но еслибъ вы знали ... Какая неожиданность! ... Я не помню себя отъ радости ...

КУЩИНЪ. Не оиять-ли за-мужъ изволите выходить?

ЗАЦЪПИНА. О, нѣтъ! Я мужа нашла!

СОФЬЯ МИХАЙЛОВНА. Какъ такъ?

ЗАЦЪПИНА. Ей-Богу нашла.

КУЩИНЪ. Котораго-же, смѣю спросить?

ЗАЦЪПИНА. Последняго... то-есть... нѣтъ, втораго... нѣтъ, третьяго... Ахъ, Боже мой, я совсѣмъ съ толку сбилась ... Я такъ счастлива, такъ счастлива!.. Представьте, какъ это было: вышла я позвать нашего кучера ... Смотрю, на встрѣчу идетъ какой-то мужчина; что-то знакомое, поровнялся со мной, да какъ толкнетъ меня ... я какъ снопъ и повалилась на траву; онъ остановился ... сталъ меня поднимать ... Извините, говорить, по нечаянности... Я всматриваюсь ... Глядь, а это мой Андрей Ивановичъ ... Ну, ни крошечки не перемѣнился ... Я вскочила, да ему: «Андрей Ивановичъ, другъ ты мой» ... «— Что вы, говорить, я васъ не знаю» ... Ей Богу, такъ и говорить, знать, говорить, не знаю. Я и давай ему рассказывать. Такъ и такъ, говорю. Вдовой считаюсь, живу въ компаньонкахъ ... Пожизненную пенсію получаю ... Ахъ, говорить, Клеопатра Петровна! Другъ вы мой сердечный! ... А я то, говорить, безъ васъ и то и то ...

КУЩИНЪ. Гдѣ-же онъ странствовалъ?

ЗАЦЪПИНА. Въ Калифорніи, говорить, былъ.

КУЩИНЪ. Поздравляю васъ отъ всего сердца... А что до пенсіи вашей, такъ съ нынѣшняго дня вы отъ меня будете получать столько-же...

ЗАЦЪПИНА. Какъ такъ?

КУЩИНЪ. Совѣты ваши подѣйствовали на Софью Михайловну, и она выходитъ за меня за-мужъ...

ЗАЦЪПИНА. Скажите пожалуйста! ... Я всегда говорила, что рано, или поздно, а обращу ихъ на истинный путь ...

СОФЬЯ МИХАЙЛОВНА. И обратили ... А между-тѣмъ истинный путь нашъ лежитъ къ дому. Отправимся, Клеопатра Петровна ...

КУЩИНЪ. Когда-же мы увидимся?

СОФЬЯ МИХАЙЛОВНА (подавъ ему руку). Надѣюсь, нынче-же вечеромъ ...

КУЩИНЪ (цѣлуетъ ея руку). Вы мнѣ жизнь возвращаете!

ЗАЦѢПИНА. Позвольте моему Андрею Ивановичу ѣхать съ нами?.. (Софья Михайловна утвердительно киваетъ головой). Вы увидите что это за красавецъ!

СОФЬЯ МИХАЙЛОВНА. Я до-сихъ-поръ не могу придти въ себя отъ изумленія; голова какъ-будто въ чадѣ ... Неужели все это правда?

КУЩИНЪ. Правда, правда, къ моему счастью!

СОФЬЯ МИХАЙЛОВНА. Думала-ли я, отправляясь сюда, что меня ожидаетъ ... Да я-бы никогда ... Нѣтъ, я вижу теперь, пословица говоритъ правду: «Никогда не надо говорить: *никогда!*..»

СОДЕРЖАНИЕ III. ТОМА.

I. ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

- ТАЛИСМАНЪ.** Драма въ трехъ дѣйствіяхъ, съ эпилогомъ, въ стихахъ и прозѣ. Соч. князя *Г. В. Кугушева.* — (Кн. 5, стр. 3 — 68.)
- БРАКЪ, КАКИХЪ МАЛО.** Романъ въ двухъ частяхъ. Соч. *Евгенія Луискаго.* Часть первая. — (Кн. 5, стр. 1 — 100.)
- СЕМЕЙНАЯ ДРАМА.** Въ пяти дѣйствіяхъ. Переводъ съ французскаго *Е. Серчевскаго.* — (Кн. 6, стр. 1 — 64.)
- БРАКЪ, КАКИХЪ МАЛО.** Часть вторая. — (Кн. 6, стр. 1 — 82.)

II. ИСТОРИЯ И ТЕОРИЯ ИСКУССТВА.

- ГРЕЗЪ.** Статья *Шарля Блана.* — (Кн. 5, стр. 1 — 16.)
- ПИСЬМО О МУЗЫКЪ.** Къ *А. Д. Улыбышеву,* по случаю толковъ о Моцартѣ и Бетховенѣ. *А. Строва.* — (Кн. 6, стр. 1 — 20.)
- ЖУКОВСКИЙ И РОМАНТИЗМЪ.** *М. М. Достоевскаго.* — (Кн. 6, стр. 21 — 43.)
- А. Е. МАРТЫНОВЪ.** *Гр. Данилевскаго.* — (Кн. 6, стр. 44 — 64.)

III. МЕМУАРЫ.

- ЗАПИСКИ АВГУСТА-ВИЛЬГЕЛЬМА ИФЛАНДА.** — (Кн. 5, стр. 1 — 28, и кн. 6, стр. 1 — 18.)

IV. ТЕАТРАЛЬНАЯ ЛѢТОПИСЬ.

I. РУССКІЙ ТЕАТРЪ ВЪ ПЕТЕРБУРГЪ.

1. «Русская свадьба въ исходѣ XVI столѣтія». Драматическое представленіе въ четырехъ дѣйствіяхъ. Соч. *П. П. Сухонина.*
2. «Свадьба Викторины». Комедія въ трехъ дѣйствіяхъ. Соч. *Жоржа Санда,* переводъ *Василько-Петрова.*
3. «№ 470, или три тысячи рублей серебромъ». Водевиль въ одномъ дѣйствіи. *П. С. Оедорова.*
4. «Дивертисманъ». (*Бенефисъ 2-жи Жулевой.*)
5. «Последній день жизни или ожиданіе наводненія». Оригинальный водевиль въ двухъ отдѣленіяхъ.

6. «Трюмо или двѣ сальфиды». Водевиль, переводъ съ французскаго *С. Б—ва*.
 7. «А ларчикъ просто открывался». Ком.—водевиль въ одномъ дѣйствіи.
 8. «Всѣмѣрная выставка». Комедія à propos, соч. *А. Красовскаго*. (*Бенефисъ г-на Краюшкина*.) — (Кн. 5, стр. 1 — 14.)
- Московскій комикъ г. Шумскій. — Появленіе его на Петербургской сценѣ и характеристика его игры.
1. «Двѣ камелии». Комедія въ одномъ дѣйствіи. Сочиненіе кн. *Г. В. Кугушева*.
 2. «Вѣсти или убитый живой». Комедія графа *Ө. В. Растопчина*.
 3. «Двумужница». Водевиль, передѣланный съ французскаго г. *Аничковылъ*.
 4. «Диллетантъ пятаго яруса». Шутка въ одномъ дѣйствіи. (*Бенефисъ вдовы Третьякова*.) — (Кн. 6, стр. 1 — 8.)

II. РУССКАЯ ОПЕРА ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ.

«Куликовская битва». Опера въ трехъ дѣйствіяхъ. Музыка *Антоня Рубинштейна*, слова *С—ба* и *В. З—ва*. — (Кн. 5, стр. 15—44.)

III. ФРАНЦУЗСКІЙ ТЕАТРЪ ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ.

Вліяніе театровъ на нравы и нравовъ на театры. — Преобладаніе пьесъ репертуара одной націи. — Вторженіе французскаго репертуара во все сцены и причины этого. — Разница между читателями и зрителями. — Преимущество литературы сценической передъ книжною. — Необходимы-ли подробные разсказы о содержаніи пьесъ и игрѣ актеровъ? — Открытіе французскихъ спектаклей въ нынѣшнемъ сезонѣ. — *La dame de St.-Tropez*. — Наборные спектакли изъ водевилей. — Меркаде-афферистъ. — Бенефисъ г. Верне. — «Первое Апрѣля». — «Два способа». — Что такое драматическая пословица и какъ онѣ пишутся? — Фокусы и пьеса г. Верне. — *La vie de Volême*. — Генрихъ Мюрже и пьесы, въ которыхъ дѣйствуютъ парижскіе цыгане. — Допускаетъ-ли сцена картины, производящія непріятное впечатлѣніе? — Г-жа Германнъ. — Водевиль. — «Якубъ и Беранжера». — (Кн. 5, стр. 44 — 58.)

V. ПРОВИНЦІАЛЬНЫЕ ТЕАТРЫ ВЪ РОССИИ.

Нѣсколько словъ о провинціальныхъ театрахъ. — *Кіевскій театръ*. — Его помѣщеніе. — Составъ труппы. — Балетъ. — *Костромской театръ*. — Помѣщеніе. — Труппа. — Г. Конти и сестры Погожевы. — Бантышевъ и Дюбикъ. — *Ярославскій театръ*. — Составъ труппы. — *Тульскій театръ*. — Г. Милославскій. — *Кишиневскій театръ*. — (Кн. 5, стр. 1 — 14.)

VI. ОБОЗРѢНІЕ ИНОСТРАННЫХЪ ТЕАТРОВЪ.

Франція. (*Письмо изъ Парижа* 24 марта (5 апрѣля 1852).

I. Кончина Эдмонда Севеста, директора Національной Оперы. — Его преемникъ. — Кончина Мерля, драматурга и драматическаго критика. — Его краткая біографія. — Процессы дѣвицы Скриванекъ и Бокажа. — Новыя правила для объявленій о спектакляхъ и общественныхъ удовольствіяхъ. — Театръ Національной Оперы: «Хуанита», опера Дюпре. — Театръ Одеонъ: «Пять минутъ командора», драма Леона Гозлана. — Театръ Драматической Гимназіи: «Вакансіи Пандольфа», комедія Жоржа Санда. — Театръ Драматическихъ Шутокъ: «Дама съ кобелями», пародія братьевъ Коньяръ и Буржуа. — Театръ Веселости: «Капитанъ Клеръ-де-Люнь», водевиль Альфонса Бро и Эжена Нюса. — Театръ Комическихъ Отдохновеній. «Люсеттины фіалки», водевиль Дютертра и Теодора Неселя. — Театръ Палерояльскій: «Страсть съ ванилью», водевиль Мельвиля и Ксавье. — «Мама Сабуле», водевиль Лабиша и Марка Мишеля. — Театръ Драматической Смѣси: «Креолка Сара», драма Декурсели и Дюма-сына.

Письмо изъ Парижа, отъ 1/13 мая.

II. Жоржъ Сандъ и фельетоны. — Направленіе театральныхъ пьесъ. — Статистика театровъ. — Новая должность Понсара. — Художественная выставка въ Парижѣ. — Лаблашъ уѣзжаетъ. — Театръ Комической Оперы: «Мертвецъ», опера Адольфа Адана. «Маолона», опера Ф. Базена. — Анекдотъ о Мегюль, исправленный и дополненный. — Французскій Театръ: «Три страсти Тибулла», комедія Артюра Тальяна. — Театръ Драматической Гимназіи: «Маркиза де-ла-Бретешъ», комедія-водевиль Мельвиля и Кармуша. — «Пьяно Берты», водевиль Барьера и Жюля Лорена. — Миѣніе нѣмца о французскихъ театрахъ. — Театръ Разнообразія: «Замокъ Катавентъ», водевиль. «Муху съѣлъ», комедія-водевиль Мишеля и Лабиша. — Театръ Веселости: «Парижскія заставы», драма Габріэля и Кармуша. — Палерояльскій театръ: «Жили-были два пѣтуха», водевиль Лефрана. — Театръ Комическихъ Увеселеній: «Деревенскій сосѣдъ», комедія Делиля. — Театръ Сень-Мартенскихъ воротъ: «Бенвенуто-Челлини», драма Поля Мериса. — Два слова о лондонской оперѣ. — Пѣвица Вагнеръ и мистеръ Лумлей. — Кончина столѣтней актрисы. — Испанскій поэтъ и мадритскіе адвокаты. — Пробужденіе гения. — (Кн. 5, стр. 1 — 28.)

Письмо изъ Парижа отъ 1/15 іюня.

Балъ въ Парижѣ. — Балъ у генерала д'Опу. — Спектали въ Тюильрійскомъ дворцѣ. — Исторія Тюильрійскаго театра. — Госпожа

Вольнисть на сценѣ Драматической Гимназіи. — Піанистъ Габербирь. — Эмиграція актеровъ. — Скрибъ. — Яеновидящій актеръ. — Первый Французскій Театръ: «Старикъ Жадисъ», комедія въ одномъ дѣйствіи, соч. Генриха Мюрже. — Театръ Большой Оперы: «Странствующій Жидъ», опера въ пяти дѣйствіяхъ и десяти картинахъ, слова Скриба и Сен-Жоржа, музыка Галеви. — Театръ Комической Оперы: «Галатея», опера въ двухъ дѣйствіяхъ, слова Жюля Барбье и Мишеля Карре, музыка Виктора Массе. Новая опера Мейербера и госпожа Вагнеръ. — Пьесы изъ исторіи Наполеона. — Театръ Водевиля: «До полуночи», водевиль въ одномъ дѣйствіи, г. Ашиля Дортуа, Бессельвера и Ровиго. — Театръ Веселости: «Нищая», драма въ пяти дѣйствіяхъ, гг. Анисе Буржуа и Мишеля Массона. — Палерояльскій театръ: «Подуйте мнѣ въ глаза», водевиль въ одномъ дѣйствіи, гг. Лабиша и Марка Мишеля. «Бѣдовый братъ», водевиль въ одномъ дѣйствіи, гг. Дюпети и П. Вермона. «Семь женъ Синей бороды», траги-комическая легенда съ пѣніемъ, г. Барбаруссы. — Театръ Сенъ-Мартенскихъ Воротъ: «Право осмотра», водевиль въ одномъ дѣйствіи, гг. Альбера Монье и Эдуарда Мартена. — Ипподромъ: дебютъ госпожи Саки. — Некрологъ: Полина Кюзанъ, Евгенія Фoa, Форетти. — (Кн. 6, стр. 1 — 22.)

VII. СМѢСЬ.

«Легкіе эскизы изъ жизни художниковъ». I. Віолетта. Разсказъ Элизы Полько. — 2. Марліани. Разсказъ Иды Дюрингсфельдъ. — «Мавры въ Испаніи и въ Африкѣ», Триплина. — Полетъ надъ Испаніей. — Слѣды друидовъ. — Городъ Хересь. — Андалузскія лошади. — Медина — Сидонія. — Севилья. — Торжественная процессія праздника Тѣла Господня. — Севильскій музеумъ. — Церковь Santa Maria de la sede de Sevilla. — Замокъ Al-cazar. — Церковь de la Caridad. — Гробница Донъ-Хуана. — Племя морогитовъ. — Кордова. — Аззахра. — Философъ Аврорезъ. — Абдъ-Эръ-Гаманъ. — Мечеть, обращенная въ церковь. — «Бытъ современнаго Востока», *Е. С. Македонскаго*. — (Кн. 5, стр. 1 — 50.)

«Индійское притиранье». — «Наслажденіе въ Неаполѣ». Изъ записокъ путешественника. — «Мавры въ Испаніи и въ Африкѣ». — Исторія и описаніе Толедо. — Соборъ Virgen del Sagrario. — Королевскій дворець. — Мостъ на рѣкѣ Таго. — Госпиталь. — Гренада. — Горы. — Сьера-Аренасъ. — Сьера-Навада. — Сьера-Эльвира. — Проводникъ Вашингтона Ирвинга. — Утро въ Гренадѣ. — Исторія дона Ксаверія Бургосъ. — Начало Гренады. — Марокскій султанъ Юсуфъ-Ибнъ-Тешфинъ, изъ рода Альморавидовъ. — Династія Альмо

гадовъ. — Магомедъ-Абу-Альгамаръ. — Начало Альгамбры. — Юсуфъ-Абуль-Хагигъ. — Паденіе владычества мавровъ въ Гренадѣ. — Последній король ея, Боабдилъ. — Карлъ V, преслѣдованія мавровъ. — Донъ-Фердинандъ де-Валоръ. — Изгнаніе мавровъ изъ Испаніи. — Библіотека Гренады. — «Разныя разности». Сельская жизнь въ Англіи. — Томасъ Гейвудъ, англійскій драматургъ. — Скрипачъ Франкенштейнъ во дворцѣ Султана. — Правнучка Корнеля. — Ссора изъ за пустяковъ. — Исторія одной комедіи. — Соперникъ Германа. — Путеводныя звѣзды провинціаловъ. — (Кн. 6, стр. 1 — 77.)

VIII. МОСКОВСКІЙ ВѢСТНИКЪ.

Нѣсколько словъ о погодѣ. — Концерты: Контскаго, сестеръ Дулькенъ, Нелисова, Фрибе и другихъ. — Театры: г. Самойловъ; новости русской и французской сцены: г-жа Шмиттова; г-жа Соболева. — О полугодичной выставкѣ въ Училищѣ Живописи и Ваянія. — Барельефы г. Логуновскаго. — Нѣкоторыя размышленія по поводу «дешевыхъ товаровъ.» — Гулянье подъ Новинскимъ и разные фокусники. Профессора мудреныхъ наукъ. Жанъ Мартини и что такое слава? — Томболы и маскарады. — Два удовольствія, ожидающія Москву. — Литература: «Московскій Сборникъ». — «Записки ружейнаго охотника Оренбургской губерніи», г. А—ва. Изданіе П. Роппольда. — «Дареджана», драма г. Полонскаго, и что, кромѣ того, есть въ «Москвитянинѣ» — (Кн. 5, стр. 1 — 18.)

О выходѣ втораго тома «Исторіи Россіи». г. Соловьева. — «Русская поэзія въ XVII вѣкѣ», г. Буслаева, и другія статьи «Московскихъ Вѣдомостей» — Новыя книги спеціальнаго содержанія и беллетристическаго. — Первая майская книжка «Москвитянина». — Вторая майская книжка того-же журнала. Статьи той и другой книжекъ. — Новости театральныя. — Гулянья городскія и загородныя. Тиволи г. Рапно. — Новый фабрикантъ папирововъ. — Просьба къ читателю. — (Кн. 6, стр. 1 — 14.)

IX. ПЕТЕРБУРГСКІЙ ВѢСТНИКЪ.

Смерть Василя Андренвича Жуковскаго. — Прежняя и современная поэзія. — Антипоэтическое направленіе нашего вѣка. — Сюрпризъ «Библіотеки для Чтенія». — «Самоучки», г. Пожарскаго. — «Приключенія знатной старушки» безъ всякихъ приключеній, но съ разными претензіями. — Критика и фельетонъ «Библіотеки». — «Современникъ». — Новыя сцены г. Меншикова. — Г. Гербель, его стихи и проза. — Ученныя и критическія статьи въ апрѣльской книжкѣ «Современника». —

Новый Поэтъ, подражатель Иногороднаго Подписчика. — Новый фельетонистъ со старыми уловками. — Нѣсколько словъ о двухъ послѣднихъ книгахъ «Отечественныхъ Записокъ». — Извлеченія изъ иностранныхъ журналовъ. — Лучшая статья статья во всей русской литературѣ. — Три музыкальныя утра г. Л. Маурера. — Моцартъ, Бетховень, Мендельсонъ-Бартольди. (Классики и романтики: г. Ленць, Берлиозъ и Фелисьенъ Давидъ). Послѣднее слово симфонической теоріи Бетховена. — Общественная жизнь. — Моды. — (Кн. 5, стр. 1 — 32.)

Послѣдніе номера «Отечественныхъ Записокъ». — Г. Вонлярлярскій и его «Ночь на 28-е сентября» — Романы въ письмахъ. — Чудесное и естественное. — Науки и Библиографія. — Статья о Н. В. Гоголѣ и сказка г. Данилевскаго. — «Библиотека для Чтенія». — Иногородный Подписчикъ уѣзжаетъ. — Пріятное и тяжелое чувство, остающееся послѣ его письма. — Критика въ новомъ родѣ. — Г. Арбузовъ, поэтъ «Сына Отечества» — Г-жа Тальцева и ея повѣсть. — Эпиграфы, посвященія и ошибки противъ русскаго языка. — Цитата Демутье. — Странное сходство двухъ произведеній двухъ разныхъ авторовъ, въ двухъ разныхъ журналахъ. — «Село Михайловское-Прискухино», «Львы въ провинціи» и «Евгеній Онѣгинъ». — Ничто не ново подъ луною. — «Кружевница», г. Михайлова. — «Энеида», Котляревскаго-Шершеневича. — Кто она? любопытный вопросъ, въ которомъ можно раскаяться. — Новый Поэтъ не выдержалъ. — Отчего мы не разбираемъ газетъ? — Отвѣтъ г. Ф. — Нѣсколько словъ о «Музыкальномъ Свѣтѣ». — Моды. — (Кн. 6, стр. 1 — 24.)

Х. РЕПЕРТУАРЪ РУССКОЙ СЦЕНЫ. № № 5 и 6.

№ 470, ИЛИ ТРИ ТЫСЯЧИ РУБЛЕЙ СЕРЕБРОМЪ. Водевиль въ одномъ дѣйствіи. П. С. Федорова. — (Кн. 5, стр. 1 — 26.)

БОГАТЫЙ ХОЛОСТЯКЪ И ДВОЕ ЖЕНАТЫХЪ. Оригинальная комедія въ одномъ дѣйствіи, въ прозѣ. Сочиненіе П. И. Григорьева. — (Кн. 6, стр. 1 — 34.)

